3 1761 08821309 5

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso03grig

47
717
I

Полное собраніе сочиненій

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Изданіе Н. Т. Мартынова.

Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
G 857

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie
sochineny, t. 3.

СОЧИНЕНІЙ

Дм. Вас. Григоровича.

---

t. 3.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

ПРОСЕЛОЧНЫЯ ДОРОГИ.

РОМАНЪ БЕЗЪ ИНТРИГИ.

1852—1853.

Д. В. Григоровича.

Часть первая.

462778
6.6.47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Г. МАРТЫНОВА.
1890.

ИЗДАНІЕ

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).

Оглавленіе

первой части.

		Стр.
I.	Ханскіе пруды	1
II.	Аристархъ Ѳедоровичъ выставляется въ настоящемъ свѣтѣ. — Читатель знакомится съ замѣчательными личностями	17
III.	Фіона Ивановна и Прокисай Захаровичъ	36
IV.	Событія, которыми ознаменовался остатокъ дня .	51
V.	Часть быта, которая тщательно скрывается отъ постороннихъ	70
VI.	Торжество въ Ханскихъ-Прудахъ.	82
VII.	Лица, явившіяся въ предыдущей главѣ, говорятъ и дѣйствуютъ сообразно съ своими цѣлями, взглядомъ на вещи и убѣжденіями.	95
VIII.	Разъѣздъ. — Утро послѣ бала. — Вечеринка въ людской.—Разсказъ карачаевскаго Ивана	117
IX.	Поѣздка въ Горшковъ.—Новыя лица.—Ночное приключеніе съ чувствительнымъ Васильковымъ. . .	139
X.	Читатель знакомится съ будущимъ семействомъ Порфирія Павловича	155
XI.	Николай Степановичъ Окатовъ и Софья Алексѣевна Окатова, урожденная княжна Жирофле-Никитская, — въ своемъ домашнемъ быту	175
XII.	Возвращеніе въ Ханскіе-Пруды и первыя распоряженія Аристарха Ѳедоровича. — Ардаліонъ Попельковскій озаряется болѣе яркимъ свѣтомъ. . . .	192
XIII.	Жолчь начинаетъ кипѣть въ величавой груди Аристарха Ѳедоровича	210
XIV.	Жолчь продолжаетъ кипѣть въ груди Аристарха Ѳедоровича. Порфирій Павловичъ Васильковъ женился.	221
XV.	Правдивая исторія одного медоваго мѣсяца . . .	237
XVI.	Образчикъ того, что Карачаевъ называетъ буржуажантильомъ	250

Стр.
XVII. Преисполненныя событіями всякаго рода 268
XVIII. Въ которой находится подробное донесеніе о томъ, что услышалъ Карачаевъ по возвращеніи своемъ въ Ханскіе-Пруды, какъ принялъ онъ это извѣстіе, и какое затѣмъ послѣдовало съ его стороны распоряженіе 287
XIX. Въ дипломатической головѣ Аристарха Ѳедоровича созрѣлъ, между тѣмъ, новый планъ и частью даже осуществился 302
XX. Трактуетъ въ особенности о томъ, какъ Бобоховъ поѣхалъ въ Москву, что онъ тамъ дѣлалъ, кого встрѣчалъ, и знакомитъ читателя съ великолѣпнымъ Аркадіемъ Тохтамышевымъ. 309
XXI. Аристархъ Ѳедоровичъ, вѣрный своей цѣли, увеселяетъ Порфирія Павловича и вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ собственныхъ дѣлъ своихъ 330
XXII. Въ которой доказывается самымъ положительнымъ образомъ, что сновидѣнія ровно ничего не значатъ и врутъ большею частью страшную чепуху . . . 345
XXIII. Лучъ надежды озаряетъ впервые «Непризнанную Индѣйку». 355

ПРОСЕЛОЧНЫЯ ДОРОГИ.

РОМАНЪ БЕЗЪ ИНТРИГИ.

ЧАСТЬ I.

(1852 г.).

I.

Ханскіе-Пруды.

Въ одно прекрасное майское утро... (Мнѣ, признаться сказать, очень не нравится такое начало; но такъ какъ принято уже нѣкоторымъ образомъ начинать съ этой фразы большую часть романовъ и повѣстей, я не хотѣлъ отступать отъ общаго правила)... Итакъ, въ одно прекрасное майское утро ѣхалъ тарантасъ, запряженный тремя клячами. Нельзя навѣрное опредѣлить, въ какой полосѣ совершалось это достопримѣчательное событіе; проселокъ терялся съ обоихъ концовъ Богъ-вѣсть куда; легко могло статься, что онъ начинался у Оренбурга и, цѣпляясь, какъ водится, съ другими проселками, пропадалъ у прусской границы. Но не въ этомъ дѣло: дѣло въ томъ, что въ тарантасѣ сидѣли три особы женскаго пола, которыхъ, по тучности тѣла и особенно зрѣлымъ лѣтамъ, можно было принять за трехъ матерей семействъ. Ничего, однакожъ, не могло бы быть опрометчивѣе такого предположенія: всѣ три путешественницы были дѣвицы, дѣвицы Кокуркины, или, вѣрнѣе: барышни Кокуркины, потому что такъ преимущественно называли ихъ въ уѣздѣ.

Онѣ сидѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: старшая и младшая расположились на днѣ тарантаса; средняя, но тѣмъ не менѣе самая толстая, похожая какъ двѣ капли воды на откормленнаго дрозда, увеличеннаго въ полторы тысячи разъ, занимала цѣликомъ переднюю сидѣйку; упершись спиною въ спину кучера, колѣнями въ колѣни сестеръ, она придерживалась могучими руками то за одинъ край кузова, то за другой, смотря потому, шла ли дорога гладкая или шероховатая. Такая предосторожность не всегда,

впрочемъ, помогала: часто кочка или камешекъ, подвернувшійся подъ колесо, сообщали такое жесткое движеніе передней сидѣйкѣ, что Вѣра Андреевна (такъ звали среднюю Кокуркину) летѣла стремглавъ на дно кузова, причиняя этимъ каждый разъ сильное разстройство чепцу старшей сестры — сморщенной пятидесятилѣтней дѣвы, покрытой почтенною сѣдиною.

Тарантасъ, съ своимъ опущеннымъ кожанымъ верхомъ, походилъ въ эти минуты, какъ нельзя больше, на сморщенную пасть стараго кита, который употреблялъ всевозможныя, но тщетныя усилія, чтобъ проглотить трехъ барышень; огромная мѣдная скобка, сверкавшая въ многочисленныхъ складкахъ порыжѣвшаго и ветхаго кузова, изображала чрезвычайно вѣрно глазъ разсвирѣпѣвшаго чудовища; дряхлый кучеръ, какъ бы испугавшись страшнаго событія, постигшаго барышень, принимался тогда хлестать безъ милосердія клячъ, озирался со страхомъ назадъ и хотѣлъ, казалось, оторваться съ передними колесами отъ тарантаса, чтобъ умчаться за тридевять земель.

Несмотря на частые толчки, несмотря на жаръ, тѣсноту и неудобство помѣщенія, лица трехъ барышень сіяли совершеннѣйшимъ удовольствіемъ. Онѣ ѣхали въ гости, и ѣхали — нужно сказать — на праздникъ, въ одинъ изъ самыхъ веселыхъ домовъ уѣзда. Разговоръ ихъ, оживленный предстоявшимъ торжествомъ и удовольствіями, тянулся безъ умолку въ продолженіе всей дороги. Барышни говорили всѣ вмѣстѣ и часто; рѣчь ихъ дребезжала такъ звонко, что пристяжныя невольно пріостанавливались и болтали ушами, какъ бы отбиваясь отъ мухъ и оводовъ.

— Что жъ ты, Кузьма? пошелъ, пошелъ!.. восклицали тогда барышни, выглядывая изъ-подъ кузова и нетерпѣливо устремляя глаза на пропадавшую впереди дорогу.—А что? не видать еще рощи?...

— Нѣтъ; за бугромъ будетъ видно, отвѣчалъ обыкновенно кучеръ, мрачный, костлявый драбантъ, заключенный въ сѣромъ армякѣ своемъ, какъ сухая горошина въ сухомъ стручкѣ.

Онъ дергалъ возжами, лѣниво помахивалъ кнутомъ; кони натягивали веревочныя постромки, и тарантасъ снова катился покрякивая и подпрыгивая по проселку.

Такимъ образомъ взъѣхалъ онъ на бугоръ, съ котораго можно было различить вдалекѣ рощу.

Тутъ барышни приказали Кузьмѣ остановиться и начали поочередно вылѣзать изъ тарантаса. Слѣдовало, какъ водится, осмотрѣть заблаговременно туалетъ и оправиться.

— Постой, Вѣра, я обтяну тебѣ платье, сказала старшая сестра, суетясь вокругъ средней.—Ухъ! сколько пыли... э... э!... вѣдь я же говорила, надо было закутать платкомъ голову. Повернись ко мнѣ... еще, еще... такъ. Охъ, Боже мой, Боже мой! перелинка-то какъ измялась! присовокупила она, заботливо качая головой и поправляя исполинскій розовый бантъ на мощной груди Вѣрочки, которая пыхтѣла и отдувалась какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Ну, Надежечка, теперь твоя очередь, ангелъ мой! нѣжно воскликнули обѣ сестры, обращаясь къ младшей, которой только что минуло тридцать-три года, а именно въ Ѳоминъ понедѣльникъ. Одна начала разглаживать ей щедушныя бандо рыжеватыхъ волосъ, прилѣпленныя помадою къ вискамъ и искусно скрывавшія мѣста, гдѣ начинали показываться сухія морщинки; другая усердно сдувала ей пыль съ рѣсницъ и шеи, украшенной черной бархатной ленточкой.

— Ну, теперь хорошо! сказали обѣ сестры, отходя немного въ сторону, чтобъ удобнѣе полюбоваться на свою любимицу, которая стояла сжавъ губы и скромно опустивъ глаза:—прекрасно! садись, душечка, ангелъ нашъ; смотри только, не оступись и не зашиби ножку! заключили онѣ, подсаживая Надеженьку, которая, ступивъ на подножку, чуть было не опрокинула тарантаса на сестеръ.

— Настоящая невѣста! замѣтила старшая, нѣжно взглянувъ на Наденьку.

— Невѣста! невѣста! восторженно повторила Вѣра Андреевна.

— Шьто это вы сестлицы... я еще не хоцу замузь... произнесла Наденька, пришепетывая и стыдливо опуская глаза.

— Ну, хорошо, хорошо! возразили сёстры, лукаво подмигивая другъ другу.

Онѣ сѣли въ тарантасъ, крикнули „пошелъ, Кузьма!“ и поѣхали далѣе. Вскорѣ тарантасъ очутился на перекресткѣ. Несмотря на страшную путаницу дорогъ, сбившихся въ этомъ мѣстѣ какъ паутина, тарантасъ смѣло выбрался изъ лабиринта и свернулъ направо. Не мѣшаетъ замѣтить, что тремъ барышнямъ, ихъ кучеру и даже тремъ клячамъ такъ хорошо была извѣстна дорога, что всѣ они достигли бы цѣли своей поѣздки съ завязанными глазами. Благодаря, впрочемъ, тонкой предусмотрительности владѣльца дороги, одинъ безграмотный, да и то развѣ въ томъ случаѣ, еслибъ онъ принадлежалъ къ другому уѣзду, могъ сбиться съ пути. На перекресткѣ воздвигался бѣлый столбъ съ прибитою наверху вычурною доскою; изображенная на доскѣ рука выразительно указывала на надпись:

„Дорога въ Ханскіе-Пруды“. Немного погодя показался другой столбъ, но уже каменный съ тою же надписью; вся разница заключалась въ томъ, что надпись казалась вылетавшею изъ клюва фантастической птицы, намалеванной на бѣломъ циферблатѣ.

На этомъ мѣстѣ проселокъ начиналъ опускаться въ широкую, безграничную лощину, устланную лугами и пашнями. Коричневые клинья только-что запаханнаго пара, перерѣзанные ярко-зелеными полосами ярового хлѣба, сбѣгали со всѣхъ сторонъ на дорогу. Теплый паръ изъ земли застилалъ легкимъ фіолетовымъ туманомъ глубину лощины и, сглаживая рѣзкости постепенно приближавшихся плановъ, придавалъ какую-то особенную сквозноту и свѣжесть картинѣ. Грохотъ и бряканье тарантаса подымали поминутно цѣлыя тучи весеннихъ птицъ; пѣснь жаворонка, овсянки, пѣночки, трескъ кузнечика и этотъ ничѣмъ неопредѣленный шелестъ, подымающійся въ полѣ около полудня—наполняли воздухъ. Все вокругъ улыбалось и глядѣло какъ-то весело...

Но веселый видъ майскаго утра ровно ничего не значилъ въ сравненіи съ ликовавшими лицами трехъ барышень, ѣхавшихъ въ тарантасѣ. Тутъ нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго: вѣдь часто же случается встрѣчать посреди глухой осени свѣтлые и улыбающіеся дни, которые, право, лучше иныхъ весеннихъ.

— Пошелъ же, Кузьма! что жъ ты стоишь? погоняй!... кричали сёстры поперемѣнно, а иногда всѣ вмѣстѣ; причемъ шеи ихъ вытянулись изъ-подъ кузова, а глаза жадно устремлялись въ глубину живописной лощины.

Минула верста, и новый столбъ, въ видѣ каменнаго обелиска, возвѣстилъ краснорѣчиво, что до Ханскихъ-Прудовъ оставалась всего одна верста.

Дѣйствительно, можно уже было различать садъ, часть деревни, лѣпившейся по косогору, и наконецъ, мало-по-малу, между головастыми ветлами, плотно обсаженными вокругъ зеленаго берега, сверкнули самые пруды. Ханскіе-Пруды, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, принимали какую-то фантастическую физіономію, вовсе несвойственную обыкновеннымъ помѣстьямъ. Можно было подумать, что подъѣзжаешь къ волшебному замку, или по крайней мѣрѣ къ губернскому городу. Такъ, напримѣръ, высокій деревянный заборъ, окружавшій садъ, казался издали рядомъ великолѣпныхъ зданій; выбѣленный мѣломъ и исполосованный узорами, заборъ этотъ былъ увѣнчанъ на всемъ своемъ протяженіи остроконечными и круглыми выступами въ

видѣ кровель; безчисленное множество оконъ, дверей, воротъ, сводовъ всѣхъ возможныхъ архитектуръ и вкусовъ, которые были намалеваны на заборѣ, довершали обманъ. Но всего болѣе былъ бы озадаченъ путешественникъ, еслибъ привелось ему очутиться между двумя пирамидами, которыя украшены были арабесками пестраго, но неопредѣленнаго содержанія, и обозначали въѣздъ въ помѣстье.

Передъ нимъ раскрывалась широкая луговина; слѣва окаймляли ее пруды, перерѣзанные великолѣпною плотиной, обсаженной ветлами; справа тянулся рядъ зданій, которыя какъ-бы служили продолженіемъ извѣстному уже забору; зданія эти были облѣплены снаружи пестрыми вывѣсками на подобіе звѣринца. Конюшни украшались лошадьми и козлами; на фронтонѣ скотнаго двора виднѣлась полосатая корова, которую доила румяная баба; на кровлѣ флигеля, гдѣ помѣщались дворовые, красовался искусно намалеванный кучеръ, въ красной рубашкѣ, съ балалайкой въ рукѣ, и т. д. Дорога къ барскому дому шла черезъ плотину; подлѣ самаго спуска воздвигалась новая пирамида; четкія надписи, смотря по тому, куда смотрѣли онѣ—на востокъ, на югъ, сѣверъ или западъ, возвѣщали, что отъ Ханскихъ-Прудовъ до Кавказа 1,800 верстъ, до Италіи 2,100, до Петербурга 1,200, до Парижа 2,843. Когда барышни въѣхали на плотину, на прудахъ показалось стадо лебедей; но барышни не обнаружили никакого удивленія; какъ частыя гостьи Аристарха Ѳедоровича Балахнова (такъ звали владѣтеля Ханскихъ-Прудовъ), и притомъ почти домашніе люди, невольно посвященные въ нѣкоторыя тайны, онѣ знали въ совершенствѣ, что стадо лебедей, живописно плавающее въ отдаленіи, состояло изъ деревянныхъ чучелъ, пущенныхъ такъ только, для вящшаго эффекта.

Миновавъ плотину, тарантасъ поднялся въ кручу и покатилъ по деревнѣ. Огромный колодезь, съ зеленою крышкой и какою-то сложною шестернею для подъема воды, возвышался на самомъ видномъ мѣстѣ; красивая баба, выпиленная довольно искусно изъ досокъ, стояла у колодца и, улыбаясь проѣзжимъ, черпала воду. Избушки не отличались, впрочемъ, ничѣмъ особенно замѣчательнымъ, кромѣ, развѣ, того, что крыши выкрашены были красною краской.

Самъ помѣщикъ, Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ, жилъ безвыѣздно въ своемъ помѣстьѣ. И если деревянные заборы, выкрашенные подъ яшму и мраморъ, готическія окна, минареты, досчатыя пирамиды и обелиски отзывались легкимъ обманомъ, такъ, стало быть, самъ владѣлецъ находилъ удовольствіе обманывать самого себя,

Пора, однакожъ, обратиться къ тарантасу, который въѣзжаетъ, между тѣмъ, въ березовую аллею, ведущую къ барскому дому.

— Тише, Кузьма! держи лошадей! тише! воскликнула старшая барышня, поправляя чепецъ. —Кто это?... посмотрите, сестрицы... чей это экипажъ ѣдетъ впереди?

— Постойте... кто же это?... проговорили остальныя сёстры, вытягивая шеи и жмуря глаза.

— А! это Кошкины!...

— Что вы, сестрица?... Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ...

Тутъ онѣ принялись суетливо обдергивать платья, поправлять косынки и дуть другъ другу на рѣсницы; секунду спустя, барышни сидѣли чинно, не обнаруживая никакой суетливости. Тарантасъ въѣзжалъ уже на широкій дворъ барскаго дома.

Въ наружности дома не было ничего достойнаго особеннаго вниманія; это было обширное деревянное зданіе въ два этажа, съ мезониномъ на верху и двумя крыльцами по концамъ, между которыми изъ-за рѣшетки выглядывало нѣсколько растеній. Стѣны выкрашены были темно-желтою краской, кровля и куполъ мезонина — ярко-зеленой.

Тарантасъ Кокуркиныхъ не могъ тотчасъ-же подъѣхать къ дому и долженъ былъ выждать, пока экипажъ, опередившій его, высадитъ своихъ владѣльцевъ.

Прежде всего выпрыгнулъ изъ него маленькій, сухопарый господинъ, въ коричневомъ пальто и золотыхъ очкахъ.

— Дома Аристархъ Ѳедорычъ? спросилъ онъ, повертываясь къ лакеямъ, стремглавъ вылетѣвшимъ на крыльцо.

— Дома-съ, почтительно отвѣтили лакеи, бросаясь кто въ домъ для доклада, кто къ экипажу.

— Выходи, душенька: дома! сказалъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, протягивая руку щегольски-одѣтой барынѣ.

Барыня порхнула на подъѣздъ и, сдѣлавъ видъ, какъ-будто не замѣчаетъ сидѣвшихъ въ тарантасѣ, поспѣшила въ домъ, сопровождаемая мужемъ и лакеями.

— Видѣли, сестрицы? Даже не повернулась въ нашу сторону, гордянка этакая! Дормидонъ! Авдѣй! Петръ! крикнули Кокуркины вслѣдъ лакеямъ.

Но такъ-какъ никто не откликнулся, то онѣ поневолѣ должны были сами, безъ посторонней помощи, вылѣзть изъ тарантаса.

Вступивъ въ переднюю, барышни столкнулись съ Кошкиными, которые не успѣли еще раздѣться.

— А, барышни! это вы? воскликнулъ господинъ въ очкахъ, обнаруживая на кисловато-желтомъ лицѣ своемъ пріятное удивленіе.

— Мы никакъ не думали, что вы ѣдете за нами, сказала его супруга, привѣтливо улыбаясь.

— А мы такъ давно васъ замѣтили, Анна Васильевна. Здоровы-ли вы? Какъ здоровье вашихъ милыхъ дѣтокъ?... произнесли наперерывъ сёстры, обступая даму.

— Благодарю васъ...

— Ну, mesdames, пойдемте, пойдемте слушать новости, перебилъ Кошкинъ, ударяя на послѣднее слово и бросая значительный взглядъ женѣ.

Лакей отворилъ двери прихожей, и вся компанія, свернувъ вправо изъ темнаго корридора, раздѣлявшаго домъ на двѣ половины, вступила въ большую залу, оклеенную обоями и обставленную соломенными стульями. Гости были уже посрединѣ залы, когда навстрѣчу имъ вышелъ самъ хозяинъ.

— Вотъ легки на поминѣ! А мы только-что о васъ говорили... Madame, j'ai l'honneur... Здравствуй, душа моя, Семенъ Семенычъ! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, ускоряя шагъ и раскрывая объятія.—Благодарю, другъ, что не забылъ завтрашняго дня, благодарю! (Тутъ Балахновъ радостно обнялъ и облобызалъ Кошкина). Барышни, привѣтъ мой вамъ и поклонъ! заключилъ онъ, закидывая назадъ голову и посылая рукою привѣтливый знакъ тремъ барышнямъ.

— Аристархъ Ѳедорычъ, заговорили восторженно двѣ старшія сестры, отвѣчая подобострастнымъ поклономъ:—поздравляемъ васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденія; желаемъ вамъ всего, всего... желаемъ отъ всего сердца счастія и благъ земныхъ... присовокупили онѣ, подталкивая впередъ Надеженьку.

Надеженька робко выступила впередъ, хотѣла что-то пролепетать, но замялась, зардѣлась, опустила глаза и сдѣлала книксенъ.

— Благодарю, благодарю! самодовольно произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, посылая имъ вторично привѣтливый знакъ рукою.

— Позволь же и намъ поздравить тебя, любезный другъ, сказалъ Кошкинъ:—къ несчастью, барышни сказали тебѣ все, и намъ ничего не оставили...

Балахновъ взялъ протянутую къ нему руку, пожалъ ее крѣпко, крѣпко, и улыбнулся съ выраженіемъ человѣка глубоко тронутаго.

— А, кстати: сколько минетъ тебѣ лѣтъ завтра? спросилъ Кошшинъ, поправляя очки на своемъ крошечномъ сморщенномъ носикѣ.

— Сорокъ, братецъ, отвѣчалъ развязно Балахновъ:—сорокъ лѣтъ! эпоха возмужалаго возраста, эпоха сѣдыхъ волосъ и горестнаго разочарованія на пути жизни! прибавилъ онъ съ любезностью, нелишенною, однакожъ, нѣкоторой торжественности.

Но Балахновъ ошибался, говоря, что ему было сорокъ лѣтъ. Онъ доживалъ ужъ сорокъ девятый годъ, если не пятьдесятъ первый. Несмотря на эпоху сѣдыхъ волосъ и горестнаго разочарованія на пути жизни, какъ краснорѣчиво онъ выразился, физіономія его находилась еще въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Видно было, однакожъ, что горькіе опыты и происшествія жизни посѣщали когда-то Аристарха Ѳедоровича; каждое событіе, казалось, нашло особенное удовольствіе положить на лицѣ его память о себѣ. Разрушенныя мечты и надежды ясно отпечатлѣвались въ его сѣрыхъ, нѣсколько холодныхъ и задумчивыхъ взорахъ; неудачи и внутренняя борьба на выборахъ (въ которыхъ принималъ онъ постоянно самое живое участіе) обозначались выразительною, продольною морщиной на высокомъ лбу, которому позавидовалъ бы любой дипломатъ. Балахновъ былъ высокъ ростомъ, статенъ, не носилъ усовъ и бакенбардъ и чуждался повидимому украшеній, служащихъ только къ обремененію тѣла; онъ былъ безъ галстука, съ длинными откидными воротничками рубашки, а l'enfant, обнажавшими шею, не уступавшую въ бѣлизнѣ и гладкости столь прославленной шеѣ лорда Байрона. Архалукъ изъ терламы, открытый сверху на бѣлоснѣжной манишкѣ и ловко обхватывавшій талію, легкіе лѣтніе панталоны — составляли его одежду. Рѣдкіе, бѣлокурые волосы Аристарха Ѳедоровича были всегда тщательно завиты; выбритъ онъ былъ отлично. Наружность его вообще отличалась какою-то представительностью, чѣмъ-то такимъ, что невольно возбуждало къ нему уваженіе самыхъ мелкихъ сосѣдей. Мы забыли сказать, что, когда Аристархъ Ѳедоровичъ улыбался, изъ-подъ тоненькихъ губъ его сверкалъ ослѣпительный рядъ бѣлыхъ зубовъ отличной работы. Въ бытность свою въ Москвѣ, онъ заплатилъ за нихъ очень дорого; самъ Вагенгеймъ ручался за ихъ доброкачественность... Можно бы еще представить нѣсколько замѣчаній въ этомъ родѣ, касающихся его личности, но ужъ мы пропустимъ ихъ безъ дальнѣйшаго обзора до другаго, болѣе удобнаго случая.

— Mesdames, гостиная раскрываетъ передъ вами свои объятія! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, раскланиваясь любезно дамамъ.

Онъ отступилъ шагъ назадъ, обхватилъ рукою спину Кошкина и послѣдовалъ за дамами, которыя гуськомъ потянулись въ гостиную.

Въ гостиной сидѣли... Но прежде не мѣшаетъ сказать два слова о самой гостиной: большая комната, перегороженная рѣшетчатыми ширмами, обтянутыми позади дерева розовою тафтой; противъ ширмъ два широкія окна, обвитыя плющомъ, и стеклянная дверь на террассу, съ которой, по произволу, можно спуститься въ садъ, или любоваться видомъ дорожекъ и прудомъ съ плавающими на нихъ крашеными лебедями. Мебель, обтянутая шелковой красной матеріей, напоминаетъ гостинодворскаго Гамбса въ Москвѣ. Направо отъ ширмъ виситъ въ золотой рамѣ картина, изображающая роскошную нимфу, которая какъ-бы служитъ продолженіемъ извѣстной руки, намалеванной на извѣстномъ столбѣ, украшающемъ извѣстную ужъ дорогу; хозяинъ, а за нимъ, разумѣется, всѣ уѣздные знатоки утверждаютъ, однакожъ, что это Тиціанъ лучшаго времени. Мудренаго ничего нѣтъ, потому что нимфа досталась Аристарху Ѳедоровичу по прямой линіи отъ дѣда и бабки, а дѣдъ и бабка были люди не дюжинные, что и явствуетъ изъ двухъ портретовъ, изображающихъ господина и госпожу съ немного косыми, но улыбающимися физіономіями, которыя украшались напудренными париками.

Но портреты висятъ въ кабинетѣ Аристарха Ѳедоровича, и намъ покуда нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

На кушеткѣ, прислоненной къ ширмамъ, „полулежала“ хозяйка дома, Лизавета Семеновна... Я никогда не имѣлъ счастія посѣщать аристократическіе салоны, и потому смѣло пускаю въ ходъ выраженіе, употребляемое благополучными моими собратами по литературѣ, которые описываютъ большой свѣтъ, и, слѣдовательно, должны знать лучше меня всѣ его свычаи и обычаи — имъ и книги въ руки... Итакъ хозяйка полулежала на кушеткѣ; въ одной рукѣ ея былъ батистовый платокъ, другою обнимала она двухъ дѣтей; былъ еще третій ребенокъ, но онъ сидѣлъ у ногъ Лизаветы Семеновны, обутыхъ въ торжковскія туфли. Въ наружности Лизаветы Семеновны было дѣйствительно что-то привлекательное. Она была худощава, задумчива и блѣдна, какъ восковая фигура. Плавность и медленность движеній, утомленіе въ чертахъ и во взорахъ — словомъ, все подходило, какъ нельзя лучше, подъ-стать героинямъ, которыхъ такъ любятъ изображать вышеупомянутые мои собраты-писатели.

Она говорила нѣсколько въ носъ и протяжно; обстоятельство это довершило бы окончательно сходство, еслибъ все сказанное нами не

касалось исключительно одного внѣшняго впечатлѣнія, производимаго наружностью Лизаветы Семеновны. Стоило прожить день въ домѣ Балахнова, чтобъ убѣдиться, что она нимало не обнаруживала въ себѣ аристократическихъ качествъ, какими снабжаютъ обыкновенно героинь извѣстныхъ повѣстей и романовъ; оказывалось на повѣрку, что это была женщина самая простая, скромная, добродушная, отличавшаяся полнѣйшимъ отсутствіемъ такъ-называемыхъ свѣтскихъ прелестей и очарованій. Балахнова принадлежала къ числу тѣхъ тихихъ и сердечныхъ женщинъ, для которыхъ вся жизнь, все счастіе — подлѣ родного очага, въ тѣсномъ кругу родныхъ и дѣтей; каждому, мало-мальски наблюдательному человѣку сдѣлалось бы очевиднымъ, что наружные признаки барыни были ей невыносимо тягостны и появлялись, какъ неизбѣжная дань требованіямъ Аристарха Ѳедоровича, полагавшаго, что полулежачее состояніе на кушеткѣ, батистовый платокъ въ правой рукѣ и т. д., составляютъ главную несомнѣнную принадлежность каждой свѣтской дамы. Усилія бѣдной женщины казаться любезною съ многочисленными гостями, наполнявшими безвыѣздно домъ мужа, напряженное вниманіе и участіе, сквозь которыя невольно проглядывала тоска и усталость, показывали, что не было малѣйшаго сродства между нею и обществомъ, которымъ любилъ окружать себя Аристархъ Ѳедоровичъ. Мирная, семейная жизнь была ея назначеніемъ; но что же прикажете дѣлать? Аристархъ Ѳедоровичъ любилъ жить открыто, любилъ принимать гостей и требовалъ, чтобъ жена не только блистала между помѣщицами своего уѣзда, но даже затмѣвала ихъ своимъ аристократизмомъ. Надо было уступать ему и, какъ говорятъ французы, faire bonne mine à mauvais jeu!

Подлѣ нея, поджавъ ножки, сидѣла компаньонка, тридцатилѣтняя дѣвица Розалія Владиміровна Сараманаева. Все въ ней было какъ то коротко, кругло и крупно: лицо, носъ, голова, талія, руки и даже глаза—водянистые, но страстно-томные, поминутно закатывавшіеся къ потолку. Гостиная, въ которой тишина прерывалась отдаленнымъ щелканьемъ бильярдныхъ шаровъ, раздававшихся гдѣто въ другой комнатѣ, наполнилась восклицаніями, какъ только гости переступили порогъ залы.

— Mesdames, какъ я рада... сказала Лизавета Семеновна, протягивая руки г-жѣ Кошкиной и стараясь придать своему лицу самое веселое выраженіе.—Что это, какъ давно васъ не видать!... продолжала она, обращаясь привѣтливо къ тремъ Кокуркинымъ, которыя

цѣловались съ дѣвицей Сараманаевой.—Здравствуйте, Семенъ Семенычъ, заключила Балахнова, принужденно касаясь губами къ желтой, сухощавой щекѣ Кошкина, который цѣловалъ усердно ей руки.

Встрѣтивъ взглядъ мужа, слѣдившій во все это время за всѣми ея движеніями, Лизавета Семеновна поспѣшила усадить подлѣ себя жену Кошкина и еще привѣтливѣе улыбнулась тремъ барышнямъ, которыя принялись хоромъ восхищаться дѣтьми, какъ-будто видятъ ихъ въ первый разъ.

— А гдѣ же Володя? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, когда общество успокоилось и усѣлось.

— Онъ, кажется, въ дѣтской, книжку читаетъ, сказала дѣвица Сараманаева, вращая своими глазами — круглыми, какъ глаза совы.

— Удивительный мальчикъ! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, дергая за колокольчикъ:—день-деньской сидитъ за книгами, оторвать трудно! Позвать сюда Владиміра Аристарховича! прибавилъ онъ, обращаясь къ вошедшему лакею. — Да вотъ какъ, я вамъ скажу, продолжалъ Балахновъ:—разъ была у насъ елка, этому три года; дѣтей было множество; предоставлялось каждому выбирать игрушки: кто за барабанъ, кто за лошадей, кто за солдатиковъ; ухватился мой Володя за азбуку съ картинками, не разлучался съ ней весь вечеръ и даже легъ съ нею спать...

— Ахъ, Боже мой, въ такія лѣта!... что это за прелестный и умный ребенокъ! проговорили въ одинъ голосъ Кокуркины.

— Конечно; но въ его лѣта такая страсть можетъ быть пагубою, замѣтилъ г. Кошкинъ, поправляя локоны черненькаго прилизаннаго парика и обращаясь съ приторною улыбкой къ хозяйкѣ дома:—раннее развитіе истощаетъ силы ребенка; ему надо хорошенько набѣгаться, нарѣзвиться...

— Я самъ того же мнѣнія, братецъ, и не разъ говорилъ женѣ; но что прикажешь дѣлать съ этими дамами! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, перегибая черезъ кушетку женину руку и цѣлуя ее нѣсколько разъ сряду.

— О-охъ, всѣ маменьки таковы! замѣтилъ Семенъ Семеновичъ, посылая нѣжный взглядъ женѣ, которая отвѣтила ему кислою улыбкой.

Вмѣсто возраженія, Лизавета Семеновна отвернулась отъ г. Кошкина и начала разговаривать съ сосѣдкой.

Въ эту минуту въ гостиной появился мальчикъ лѣтъ восьми. Худощавое лицо его, блѣдное и гладкое, какъ слоновая кость, отли-

чалось необыкновенною правильностью и было схоже, какъ двѣ капли воды, съ лицомъ его матери: та же чистота и нѣжность линій, та же доброта въ очертаніи губъ, и только глаза ребенка, черные и глубоко-заключенные въ своихъ впадинахъ, отражали энергію и смѣлость, какихъ не видно было въ тускломъ и тихомъ взорѣ его матери. Мальчикъ былъ жидокъ и прямъ какъ тростинка; черная суконная курточка и бѣлые какъ снѣгъ воротнички рубашки, обозначая еще рѣзче матовую бѣлизну его длинной шеи, придавали всей физіономіи ребенка что-то невыразимо милое и привлекательное.

— А! рекомендую вамъ, mesdames, восьмилѣтняго ученаго и будущаго владѣтеля Ханскихъ-Прудовъ! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, самодовольно указывая на сына.

— А! воскликнулъ Кошкинъ и вслѣдъ за нимъ Кокуркины и госпожа Кошкина.

Услыша такое привѣтствіе, мальчикъ поклонился гостямъ, но не тронулся съ мѣста и обнаружилъ легкое смущеніе.

— Здравствуй, Володя: подойди, душенька, ко мнѣ; развѣ ты не узналъ меня? сказалъ Кошкинъ, улыбаясь.

Мальчикъ не тронулся съ мѣста, взглянулъ на мать, которая кивнула ему головою, и поклонился во второй разъ.

— Нѣтъ, онъ просто не узнаётъ меня. Вотъ какъ скоро забываютъ друзей! произнесъ Кошкинъ съ наивнымъ сожалѣніемъ и шутливо покачалъ при этомъ головою. Володя, безъ дальнихъ объясненій, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы приблизиться къ матери, но взглядъ отца приковалъ его на мѣстѣ. Лицо ребенка покрылось румянцемъ; онъ робко опустилъ глаза и молча принялся цѣловаться съ гостями. Когда очередь дошла до Кошкина, нуженъ былъ второй взглядъ отца, чтобъ заставить Володю подставить свою щеку къ синеватымъ губамъ Семена Семеныча. Исполнивъ это съ очевиднымъ неудовольствіемъ, мальчикъ тотчасъ-же направился къ кушеткѣ, и, обвивъ руки матери, скрылся за ея спиною.

— Ну, что? какъ? откуда? отчего? что новаго?... послышалось вдругъ батальнымъ огнемъ.

Вопросы эти, приправляемые кой-какими взглядами и улыбками, обращались преимущественно къ Кокуркинымъ.

— Въ село Голодаевку пріѣхалъ наконецъ новый помѣщикъ, начала Варвара Андреевна, старшая Кокуркина, вынимая изъ ридикюля вязанье.

— Ба! когда жъ онъ пріѣхалъ? спросили въ одно время Кош-

кинъ и Балахновъ. Взгляды послѣдняго сдѣлались попрежнему чрезвычайно мягки и любезны.

— Во вторникъ, на прошлой недѣлѣ, подхватила Надеженька, подталкиваемая сестрами, которыя очевидно употребляли всѣ средства, чтобъ выставлять ее впередъ.

— Утромъ, въ двѣнадцать часовъ, перебила средняя сестра, которая успѣла ужъ усѣсться за особымъ столомъ съ младшими дѣтьми Балахновой и дѣлала имъ пѣтушковъ изъ губернскихъ вѣдомостей.

— Что это вы, сестрица, слова не дадите сказать? что это у васъ за привычка? произнесла старшая, Варвара Андреевна, поворачиваясь къ столу, гдѣ дѣлались пѣтушки.

— Ну-съ, Варвара Андреевна, что-жъ это за человѣкъ? что говорятъ по крайней мѣрѣ? Во-первыхъ, скажите намъ, кто онъ такой? спросилъ Балахновъ, сдерживая улыбку.

— Фамилія его Бобоховъ... у него десять милліоновъ! подхватила средняя сестра.

— Что это вы, въ самомъ дѣлѣ, сестрица? замѣтила опять съ укоромъ Варвара Андреевна.

— Виновата, сестрица, виновата.

— Во-первыхъ, начала Варвара Андреевна, нужно вамъ сказать, что онъ богачъ страшный, зовутъ его Иванъ Дормидонычъ; служилъ онъ, говорятъ, гдѣ-то въ полку, но служилъ недолго и вышелъ въ отставку...

— Корнетомъ, подхватила Вѣра Андреевна, подымая голову.

Варвара Андреевна строго взглянула на сестру.

— Ба! такъ, стало быть, онъ еще молодой человѣкъ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Молодой человѣкъ и, говорятъ, красавецъ.

— И не женатъ?

Дѣвица Сараманаева притаила дыханіе.

— Какой женатъ! ему всего, сказывали мнѣ, двадцать пять лѣтъ, а ужъ какъ богатъ — восемь милліоновъ!

— Десять, сестрица!

— Нѣтъ, восемь!

— Повѣрьте мнѣ, десять! Мнѣ говорилъ это прикащикъ Фанагоріи Петровны, который очень хорошо знаетъ дѣла Бобохова...

— Ну, это почти все равно, десять ли милліоновъ, восемь ли... состояніе прекраснѣйшее... Кто-жъ былъ его отецъ? Бобоховъ... Бо-

боховъ... я что-то не помню этой фамиліи, пробормоталъ Аристархъ Ѳедоровичъ, значительно подымая брови.

— И не припомните, Аристархъ Ѳедоровичъ; отецъ его былъ просто купецъ.

— Совсѣмъ не купецъ, сестрица... какъ бишь ихъ... ахъ, Боже мой!... Ну, вотъ, что серебро и золото добываютъ?...

— Сами не знаете, а перебиваете! замѣтила Варвара Андреевна, поворачиваясь спиною къ сестрѣ: —просто купецъ, купецъ, который торговалъ желѣзною и мѣдною рудою... первый, говорятъ, былъ богачъ во всей Сибири.

— Все это прекрасно! возразилъ недовѣрчиво Кошкинъ: —но согласитесь сами: восемь милліоновъ... тутъ нѣтъ-ли чего-нибудь такого...

— Помилуйте, Семенъ Семенычъ, продолжала старшая Кокуркина: —могу васъ увѣрить, что это истинная правда; управитель Фанагоріи Петровны знаетъ очень хорошо его семейство; однихъ процентовъ, говорятъ, старуха-мать Бобохова получаетъ изъ Опекунскаго Совѣта триста тысячъ.

— А! такъ вотъ что! Тутъ, стало быть, и мать есть... Ну, въ такомъ случаѣ восемь милліоновъ принадлежатъ, можетъ быть, покуда еще ей, а не сыну.

— Точно, Аристархъ Ѳедоровичъ, отецъ все завѣщалъ ей; но изъ всѣхъ дѣтей (у нея было девять человѣкъ) нашъ новый сосѣдъ ея любимецъ; она, говорятъ, ни въ чемъ ему не отказываетъ. Ужъ какъ, говорятъ, живетъ: помните домъ въ Голодаевкѣ — узнать нельзя; мы проѣзжали мимо: вездѣ подмостки, вездѣ стройка. На уборку одного дома пошло, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ! Сказывали, театръ построилъ; привезъ съ собою цѣлый оркестръ музыкантовъ...

— Ужъ эти parvenus! сказала Анна Васильевна Кошкина, презрительно отворачивая голову: —сынъ какого-нибудь купчишки, а тоже хочетъ разыгрывать роль grand seigneur!

Позвольте поставить здѣсь скобки и сдѣлать крошечное отступленіе. Не страннымъ ли противорѣчіямъ подвержена душа человѣческая? Намъ достовѣрно извѣстно, напримѣръ, что, пять лѣтъ тому назадъ, когда Анна Васильевна Кошкина не была еще замужемъ, ей и въ голову не пришло-бы обнаруживать столько презрѣнія къ новоприѣзжему „parvenu“! Могу ручаться всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, что дѣвственное сердце ея забило бы сильнѣйшую тревогу при одной мысли протанцовать французскую кадриль съ Бобоховымъ. Препят-

ствія со стороны отца и матери (я предполагаю препятствія возможными въ томъ случаѣ, разумѣется, еслибъ papa и maman „не навѣрно“ извѣстно было о существованіи восьми милліоновъ), препятствія ровно ничего бы не сдѣлали: дочка влюбилась бы по уши въ молодого помѣщика; мгновенная страсть ея подавила бы въ ея сердцѣ всѣ предубѣжденія, и она восторженно протянула бы свои хорошенькія ручки Бобохову. Все это такъ справедливо, что даже теперь, когда нельзя было вернуть прошлаго и предстояло довольствоваться незначительнымъ состояніемъ г. Кошкина, вѣсть о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ съ восемью милліонами ущипнула за сердце Анну Васильевну. Да вотъ какъ: будь она дома, господину въ золотыхъ очкахъ не избѣгнуть бы сцены, уснащенной упреками. И въ самомъ дѣлѣ, кто велѣлъ ему свататься пятью годами раньше? Никто не просилъ. Его сто пятьдесятъ душъ не диковинка какая-нибудь!

— Что съ вами? не больны-ли вы? спросила Анна Васильевна Кошкина, неожиданно наклоняясь къ Лизаветѣ Семеновнѣ, которая прищурила глаза и опустилась на спинку кушетки.

— Нѣтъ, ничего; меня безпокоитъ немножко этотъ бильярдъ...

— Позвольте, я тотчасъ-же... кто тамъ играетъ?... произнесъ Кошкинъ, вставая съ мѣста.

— Не безпокойся, братецъ; я сейчасъ позвоню, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, дергая за шитый гарусный бандо, висѣвшій подлѣ нимфы:—это потѣшаются Дрянковъ и Копковъ. Ты бы давно сказала, душенька; охота церемониться! прибавилъ онъ, нѣжно прикладываясь къ жининой рукѣ:—эй! скажи тамъ, чтобъ они перестали играть на бильярдѣ! Ну, а что, Варвара Андреевна, что говорятъ, каковъ этотъ Бобоховъ, то-есть, собственно какой у него характеръ? Милліоны его, разумѣется, недурны; но вы знаете мое мнѣніе: драгоцѣннѣе человѣкъ безъ богатства, чѣмъ богатство безъ человѣка! заключилъ Балахновъ, торжественно опускаясь въ кресло.

— Покуда ничего еще не знаю; впрочемъ, вы сами его скоро узнаете: онъ, слышала я, хочетъ сдѣлать вамъ первый визитъ.

— Очень радъ, милости просимъ, проговорилъ разсѣянно Аристархъ Ѳедоровичъ:—что скажешь, Захарычъ?!...

Съ такими словами обратился онъ къ вошедшему толстенькому господину на коротенькихъ ножкахъ съ стерляжьей физіономіей и плоскими, какъ щепки, волосами, круто зачесанными на вискахъ. Цвѣтной галстукъ, такой же жилетъ и поистертый сюртучокъ травяно-зеленаго цвѣта составляли его одежду. Это былъ Прокисай За-

харычъ Конковъ, бѣдный однодворецъ, проживавшій изъ милости въ домѣ благотворительнаго Аристарха Ѳедоровича. Балахновъ, Кошкинъ и жена его переглянулись и устремили глаза на младшую Кокуркину, которая скромно опустила глаза и зардѣлась, какъ только показался проживальщикъ. Шаркнувъ правымъ сапогомъ и раскланявшись, какъ подобаетъ всякому учтивому кавалеру, Прокисай Захарычъ сдѣлалъ шагъ впередъ и замялся.

— Что скажешь, милѣйшій? повторилъ Балахновъ.

— А что, просто жить нельзя! воскликнулъ съ комическимъ отчаяніемъ проживальщикъ, обнаруживая на старческомъ лицѣ своемъ крайнее неудовольствіе.

Присутствовавшіе, кромѣ трехъ барышенъ, разразились громкимъ смѣхомъ.

— Что-жъ такъ? Вѣрно, опять поссорился съ Дрянковымъ? сказалъ Балахновъ.—Вотъ, Семенъ Семенычъ, не могутъ они, братецъ, жить у меня въ ладу; поселились въ одной комнатѣ, спятъ почти вмѣстѣ, а день-деньской идетъ перепалка; только и дѣлаемъ, я да жена, что миримъ ихъ... Ну, ну, что у васъ тамъ еще?

— Помилуйте, Аристархъ Ѳедорычъ, жить нельзя! продолжалъ Конковъ, дѣлая отчаянные жесты:—этотъ проклятый Дрянковъ проигрываетъ мнѣ двѣ недѣли, проигралъ мнѣ и сегодня, а платить не хочетъ... У него, говоритъ, какая-то шкатулка съ секретомъ; ключъ, говоритъ, потерялъ, а отпереть ее можно только въ Петербургѣ. Сдѣлайте милость... этакъ жить нельзя!...

Раздался новый взрывъ хохота, въ которомъ попрежнему не приняли участія Кокуркины.

— Ну, хорошо, хорошо, я поговорю съ нимъ, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ тономъ человѣка, который очень доволенъ тѣмъ, что ему и гостямъ его доставили случай посмѣяться:—а насчетъ Бобохова, прибавилъ онъ, обращаясь къ Варварѣ Андреевнѣ:—скажите, если приведется случай, что я всегда радъ принять его; домъ мой, какъ вы знаете, открытъ для каждаго благомыслящаго человѣка.

— А знаешь-ли новость? перебилъ Кошкинъ:—Вѣра Андреевна сообщаетъ, будто новый нашъ сосѣдъ, несмотря на свою молодость и богатство, скряга отъявленный!

— Э!...

— Такъ всѣ говорятъ, подтвердила средняя Кокуркина.

— Fi, quelle vilenie! произнесла Кошкина, поворачиваясь къ хозяйкѣ дома.

— Что-жъ тутъ такого? Я, признаться, ожидалъ этого, сказалъ Кошкинъ.— О, происхожденіе и первоначальное воспитаніе много значатъ, что тамъ ни говори!

— Къ-несчастью, въ нашъ серебролюбивый вѣкъ все уступаетъ мѣсто туго-набитому карману, любезный другъ, возразилъ съ достоинствомъ Аристархъ Ѳедоровичъ:—нынѣче, посмотришь, богатый фабрикантъ или мебельщикъ живетъ блистательно! О-о-хо-хо. Да, другъ, кошелекъ замѣнилъ все... присовокупилъ онъ, бросая грустный взглядъ на тиціанову нимфу, напоминавшую ему достославнаго его дѣда; а дѣдъ Аристарха Ѳедоровича, нужно замѣтить, былъ самъ чѣмъ-то въ родѣ разбогатѣвшаго однодворца. Онъ подавилъ новый вздохъ, обвелъ значительнымъ взглядомъ общество, приподнялся съ своего мѣста, обнялъ Семена Семеновича и потрепалъ его по плечу рукою; затѣмъ онъ подошелъ къ кушеткѣ, нѣжно поцѣловалъ жену въ голову и повлекъ своего друга изъ гостиной.

II.

Аристархъ Ѳедоровичъ выставляется въ настоящемъ свѣтѣ. — Читатель знакомится съ замѣчательными личностями.

Въ темномъ корридорѣ, раздѣлявшемъ домъ на двѣ половины, находилось множество дверей, которыя вели въ разныя комнаты. Въ числѣ этихъ комнатъ первое мѣсто занималъ, по всей справедливости, кабинетъ Балахнова. Аристархъ Ѳедоровичъ хорошо даже дѣлалъ, что гордился этой комнатой, потому что въ ней помѣщались рѣдкости въ самомъ дѣлѣ достойныя вниманія. Такъ, напримѣръ, на тумбѣ краснаго дерева, выложенной мѣдными полосками, въ видѣ жолобковъ, величественно возносился сапогъ Карла XII. Читателю, вѣрно, не разъ случалось видѣть тотъ-же сапогъ въ разныхъ собраніяхъ рѣдкостей, но Балахновъ имѣлъ основательныя причины питать въ душѣ своей твердую увѣренность, что сапогъ, у него находившійся, былъ подлинникъ: другіе сапоги Карла XII, разсѣянные по собраніямъ рѣдкостей, называлъ Аристархъ Ѳедоровичъ жалкими поддѣлками, возбужденными презрительною и вмѣстѣ съ тѣмъ гнусной спекуляціей. Двѣ этрурскія вазы, вышедшія изъ искусныхъ рукъ братьевъ Корниловыхъ, страусовое яйцо, окруженное чучелами колибри, зубъ мамонта—достославный образчикъ допотопнаго животнаго, найденный случайно крестьяниномъ Иваномъ Костылевымъ, пахавшимъ ниву,

прилежащую къ землямъ Ханскихъ-Прудовъ, и множество еще другихъ рѣдкостей, приводившихъ въ справедливое изумленіе сосѣдей и сосѣдокъ, окружали стѣны кабинета. Но человѣкъ, которому хотѣлось бы скорѣе ознакомиться съ самимъ хозяиномъ, долженъ былъ прежде всего обратиться къ письменному столу. Посреди стола возвышался въ бархатной оправѣ портретъ Балахнова, писанный акварелью. Аристархъ Ѳедоровичъ, искусно драпированный въ архалукъ, упирался одною рукою въ кипу книгъ съ надписью на корешкѣ „законы“, другая рука его держала свертокъ пергамента. Откидные воротнички рубашки, обнажавшіе шею, открытая грудь и горделивая, полная достоинства осанка придавали всей фигурѣ что-то такое, что невольно напоминало статуи Лѣтняго сада, изображающія доблестныхъ миѳологическихъ героевъ. Внизу портрета бросалась въ глаза надпись: „стою за правду!!“ Столъ былъ заваленъ грудами бумагъ, прижатыхъ множествомъ преспапьé, между которыми особенно бросалась въ глаза бронзовая Ѳемида. Кабинетъ, обставленный пестрою мебелью, отличался просторомъ и выходилъ своими тремя окнами на извѣстный уже дворъ.

— Нѣтъ, любезный другъ, не можетъ быть иначе! воскликнулъ съ горячностью Аристархъ Ѳедоровичъ, продолжая разговоръ, начатый еще въ залѣ: — стоялъ, стою и, пока душа держится въ тѣлѣ, буду стоять за правду. Чувство гнуснаго, чернаго лицемѣрія и шипящей злобы чуждо меня!... Не думаешь-ли ты, что я поступаю такимъ образомъ изъ ненависти къ этому... нѣтъ! Всякому благородному человѣку подобаетъ срывать личину и обнажать истину: такова задача всей моей жизни...

— Что-жъ пишетъ тебѣ этотъ старый чудакъ? спросилъ Кошкинъ, обнаруживая страстное участіе.

— Ха, ха, ха!... разразился Аристархъ Ѳедоровичъ тѣмъ истерическимъ смѣхомъ, какой зрители Александринскаго театра слышатъ каждый разъ въ третьемъ дѣйствіи „Гамлета“:—Ха, ха, ха! представь: предлагаетъ мнѣ снова примириться съ человѣкомъ... съ человѣкомъ, повторилъ Балахновъ, переводя одышку: — съ человѣкомъ, который на-дняхъ еще оклеветалъ меня наигнуснѣйшимъ образомъ...

Кошкинъ закинулъ руки за спину, сжалъ губы и съ озабоченнымъ видомъ принялся расхаживать по кабинету.

— О, люди, люди! страшно мнѣ за нихъ, любезный другъ, Аристархъ Ѳедорычъ! произнесъ онъ, наконецъ, останавливаясь неожиданно передъ Балахновымъ:—страшно! И въ самомъ дѣлѣ, какъ по-

думаешь, что этотъ самый Солонеевъ, что эти самые люди, которые наперерывъ тѣснились въ твоемъ домѣ, ѣли твой хлѣбъ, пили твои прекрасныя вина, спали на твоихъ тюфякахъ — теперь увиваются всячески подлѣ врага твоего, льстятъ ему и поклоняются!... прибавилъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, бросаясь отчаянно въ кресла.

Онъ видимо былъ возмущенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тронутъ чернымъ, неблагодарнымъ поступкомъ общества противъ Аристарха Ѳедоровича. Кисло-горькое выраженіе появилось на желтомъ, болѣзненномъ лицѣ Кошкина: онъ судорожно поправилъ очки и устремилъ на друга долгій, полный умиленія взглядъ. Горькая улыбка тоже бродила на тонкихъ губахъ Балахнова, но то была улыбка человѣка, глубоко сознающаго свое высокое достоинство, глубоко проникнутаго своимъ превосходствомъ и чувствующаго вмѣстѣ съ тѣмъ, что свѣтъ и люди не оцѣнили его.

— Другъ! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, замѣтивъ слезу сквозь очки Кошкина:—другъ, ты мыслишь благородно!...

Онъ простеръ впередъ руки, Кошкинъ рванулся съ креселъ, и оба заключили другъ друга въ объятія.

— Нѣтъ! человѣкъ съ возвышенной душой долженъ считать себя выше оскорбленій слабаго и прощать ихъ! сказалъ мужественно Балахновъ: — а впрочемъ, прибавилъ онъ, судорожно закусывая губы: — дѣло еще не рѣшено. Я не унываю: ты, Окатовъ, наконецъ... этотъ Бобоховъ... можетъ быть, нашего полку еще прибыло, и мы увидимъ!...

Такъ какъ разговоръ начался въ залѣ и притомъ сущность его уже нѣкоторымъ образомъ извѣстна Кошкину, читатель проститъ небольшое отступленіе, необходимое, впрочемъ, для дальнѣйшаго хода предлагаемой повѣсти.

Дѣло вотъ въ чемъ: лѣтъ восемь назадъ, когда еще Ханскіе-Пруды именовались „Косыми-Журавлями“, Аристархъ Ѳедоровичъ дѣйствительно игралъ нѣкоторую роль между помѣщиками своего уѣзда. Домъ его былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ сосѣдей и преимущественно тѣхъ, которые были побогаче. Въ числѣ послѣднихъ являлся, по какому-то особенному случаю, чаще другихъ, нѣкто господинъ Солонеевъ, человѣкъ истинно порядочный и достойный. Дружба не была, однакожъ, продолжительна. Пріятели не сошлись въ какомъ-то незначущемъ пунктѣ, повздорили и разстались. Сказывали, впрочемъ, будто Солонеевъ пересталъ ѣздить въ Ханскіе-Пруды единственно потому, что раскусилъ наконецъ Аристарха

Ѳедоровича; но дѣло вовсе не въ постороннихъ толкахъ и доводахъ. Ссора эта не имѣла бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, никакихъ послѣдствій, еслибъ она произошла, напримѣръ, хоть въ Петербургѣ: тамъ поссорившихся пріятелей предоставили бы на волю судьбы, и это самое могло бы легко способствовать къ ихъ примиренію; но въ провинціи, благодаря живому и вполнѣ радушному участію, какое обнаруживается къ чужимъ дѣламъ, все пошло иначе. Мало-по-малу задушевныя тайны, сообщаемыя когда-то пріятелями другъ другу, переходя изъ устъ въ уста, распространились съ быстротою зажженнаго пороха по всему уѣзду. Загорѣлась война, и война страшная. Отъ личныхъ объясненій, преисполненныхъ желчи, перешли къ письменнымъ объясненіямъ, нелишеннымъ задирающаго краснорѣчія. Но этого только и добивался Балахновъ. Дѣлу стоило принять письменный оборотъ, чтобъ доставить ему полное торжество надъ врагомъ своимъ. Никто не владѣлъ перомъ лучше Аристарха Ѳедоровича, не говорю въ уѣздѣ, но даже въ цѣлой губерніи. Юморъ, тонкіе, двусмысленные намеки, заключающіе въ себѣ часто три и даже четыре смысла разомъ, природный даръ элоквенціи, глубокое изученіе офиціальной формы, какъ скоро касалось дѣловой бумаги—все соединялось въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Владѣя такими средствами, Балахновъ могъ, разумѣется, сокрушить самаго лютаго борзописца. Такъ и случилось: Солонеевъ замолкъ. Къ полному торжеству Балахнова присоединилось еще и то, что многіе сосѣди, не любившіе Солонеева за гордость, очутились на сторонѣ перваго. Около этого времени предстояли выборы. Солонеевъ, нужно замѣтить, былъ единственнымъ гладіаторомъ, который могъ состязаться съ Балахновымъ на аренѣ честолюбія, именуемой выборами. Сокрушивъ соперника, Балахновъ, какъ тонкій дипломатъ, позаботился прежде всего поддержать къ нему непріязненныя чувства остальныхъ сосѣдей и сталъ твердой ногою посреди выгоднаго своего положенія. Въ душѣ его заронились тогда самыя жгучія и честолюбивыя надежды. Имѣя на сторонѣ своей бо́льшую часть сосѣдей, онъ могъ смѣло надѣяться быть выбраннымъ предводителемъ дворянства.

Чтобъ вѣрнѣе достичь своей цѣли, Аристархъ Ѳедоровичъ позаботился измѣнить обыкновенный свой образъ жизни; слѣдовало теперь зажить такъ, чтобъ ослѣпить, закружить, завертѣть и закормить весь уѣздъ. На этомъ основаніи, изъ четырехсотъ душъ онъ поспѣшилъ заложить двѣсти (другія двѣсти принадлежали его

женѣ). Мѣсяцъ послѣ того, по Прудамъ (уже переименованнымъ въ Ханскіе) заплавали лебеди; изъ топкихъ болотъ поднялись фантастическія бесѣдки; на проселкахъ возникли пирамиды и обелиски; комнаты оклеились новыми обоями — все преобразовалось; тонкія вина полились рѣкою и весь уѣздъ, упитанный изысканными яствами, заплясалъ въ большой залѣ подъ звуки нарочно выписаннаго оркестра.

Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшительно торжествовалъ, какъ вдругъ принеслось извѣстіе, что дядя Солонеева вернулся изъ путешествія и поселился въ богатыхъ своихъ помѣстьяхъ подлѣ племянника. Три тысячи душъ и титулъ князя, украшавшій этого дядю, нѣсколько озадачили Балахнова. Мрачное предчувствіе чего-то недобраго стѣснило его душу. Вскорѣ послѣ пріѣзда, князь задалъ балъ, въ которомъ приняли участіе всѣ мало-мальски замѣчательныя личности уѣзда. Глубокое знаніе человѣческаго сердца не обмануло Аристарха Ѳедоровича. За баломъ послѣдовалъ маскарадъ, въ которомъ снова участвовали прежніе его друзья. Блистательный князь объѣхалъ съ визитомъ всѣхъ почти сосѣдей (конечно, кромѣ Балахнова) и этимъ способомъ окончательно высказалъ свое мнѣніе объ Аристархѣ Ѳедоровичѣ.

Прошелъ мѣсяцъ и домъ Балахнова сдѣлался исключительнымъ пристанищемъ незначущихъ помѣщиковъ и помѣщицъ, не удостоившихся чести быть приглашенными княземъ, или не получившихъ отъ него визита.

Поставленный такимъ образомъ въ враждебное отношеніе съ половиною уѣзда, Аристархъ Ѳедоровичъ не упалъ, однакожъ, духомъ. Обѣды и вечера продолжались попрежнему въ Ханскихъ-Прудахъ. Какъ бы тамъ ни было, но общество незначительныхъ помѣщиковъ все-таки, въ общей сложности, должно было превышать числомъ голосовъ враждебное общество. Съ такими-то надеждами Балахновъ поѣхалъ на выборы. Но кто опишетъ его ужасъ? чье перо возьмется передать ударъ, нанесенный его честолюбію, когда его забаллотировали, и на почетное мѣсто, такъ привѣтливо ему улыбавшееся, избранъ былъ Солонеевъ... Рука Аристарха Ѳедоровича, готовая уже протянуться врагу въ случаѣ удачи, вооружилась перомъ, упитаннымъ ядомъ. Письма Балахнова, наполненныя сарказмами и эпиграммами въ стихахъ и въ прозѣ, заходили въ числѣ многихъ экземпляровъ по уѣзду. Кой-какія лица, и особенно одинъ старенькій помѣщикъ, по имени Фуколъ Ивановичъ, движимые благородными порывами души,

покусились помирить враговъ: все было напрасно. Желчь кипѣла ключемъ въ оскорбленномъ сердцѣ Балахнова, и не суждено ей было остывать десятки лѣтъ. Щелчокъ, полученный Аристархомъ Ѳедоровичемъ, казалось, придалъ ему еще болѣе энергіи. Онъ рѣшился прежде всего измѣнить планъ своихъ дѣйствій, и изъ открытой войны повелъ онъ войну тайную, огражденную траншеями и подкопами. Первымъ его дѣломъ было укрѣпить за собою окончательно своихъ приверженцевъ. Достигнуть этого было весьма не трудно: стоило только продолжать давать обѣды, вечера и празднества; слѣдовало, во всякомъ случаѣ, обнаруживать ко всѣмъ въ равной степени радушіе и гостепріимство. Завербовавъ въ свой отрядъ все, что не принадлежало обществу Солонеева, Балахновъ направилъ свои мысли на другой пунктъ. Для достиженія тайной цѣли, ему необходимо было придать себѣ болѣе вѣса въ уѣздѣ, собственно какъ владѣльцу. Для этого оказались нужными наличныя деньги; не раздумывая долго, Аристархъ Ѳедоровичъ заложилъ женины двѣсти душъ и принялся покупать прилежащія къ Ханскимъ-Прудамъ земли, лѣса, рощи и даже избёнки; разсчетъ былъ такого рода: „пускай себѣ все будетъ съ изъянцемъ, плоховато и шатковато, но за то всего будетъ много; мечется въ глаза только то, что видишь, изъянца никто не замѣтитъ!“ Слѣдуя такому хитрому предначертанію, Аристархъ Ѳедоровичъ увѣренъ былъ, что восторжествуетъ со временемъ надъ враждебными сосѣдями. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что, упираясь одной рукою на толпу приверженцевъ, другою на двухъ преданныхъ друзей, онъ легко возвратитъ проигранное сраженіе.

Мы забыли сказать, что въ числѣ помѣщиковъ, не получившихъ княжескаго визита, былъ нѣкто Николай Степановичъ Окатовъ. Окатовъ не жаловалъ князя за то, можетъ-быть, что князь обнаруживалъ къ его особѣ такъ же мало уваженія, какъ къ особѣ Аристарха Ѳедоровича. На него-то особенно, какъ на богатаго и сильнаго человѣка, сравнительно съ настоящими друзьями, разсчитывалъ Балахновъ. Что жъ касается до второго друга, я думаю, и говорить нечего: читатель вѣрно догадался. Семенъ Семеновичъ Кошкинъ, кромѣ глубокаго уваженія и даже нѣкотораго благоговѣнія къ личнымъ достоинствамъ Аристарха Ѳедоровича (такъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ всегда Кошкинъ), былъ, сверхъ того, сильно одолженъ помѣщикомъ: вскорѣ послѣ несчастной забаллотировки, владѣлецъ Ханскихъ-Прудовъ далъ Кошкину взаймы три тысячи, съ тѣмъ, что Кошкинъ могъ отдать ихъ когда захочетъ. Это обстоятельство естественнымъ образомъ

еще сильнѣе скрѣпило узы дружбы между Балахновымъ и Кошкинымъ, къ совершенному отчаянію жены послѣдняго, которой страхъ хотѣлось блеснуть на балахъ князя. Аристархъ Ѳедоровичъ и тутъ не ошибся въ разсчетѣ: онъ далеко видѣлъ! Онъ зналъ, что за три тысячи ему нигдѣ не найти лучшаго и болѣе преданнаго друга. Другъ нуженъ былъ ему — это пойметъ каждый. Дѣйствовать за себя въ настоящихъ обстоятельствахъ было бы крайне неловко и близоруко. Не безопаснѣе ли и вѣрнѣе вести атаку, имѣя въ виду брустверъ, за которымъ, въ случаѣ надобности, можно укрыться? Изъ этого слѣдуетъ, что тонкіе разсчеты хитросплетеннаго свойства занимаютъ такое же точно мѣсто между проселочными дорогами, какъ и между торцевыми мостовыми и гранитными тротуарами.

Въ такомъ-то положеніи застаемъ мы Аристарха Ѳедоровича въ началѣ повѣсти.

— Что же отвѣчалъ ты Фуколу Иванычу? заботливо спросилъ Кошкинъ.

— Да, и отвѣчалъ, что старанія его напрасны. Вѣдь охота же, право, этимъ людямъ лѣзть въ чужія дѣла! Самъ на ладонъ дышетъ, а туда же! Отвѣчалъ, что не въ обычаѣ моемъ измѣнять разъ-принятому правилу; что дѣтямъ своимъ завѣщаю стоять за правду и не щадить порока. Впрочемъ, копія этого письма у меня... я прочту тебѣ. Въ ожиданіи, не мѣшаетъ тебѣ закурить сигару, добавилъ Балахновъ, подводя друга къ бюро и принимаясь отворять ящики, наполненные табакомъ и сигарами: — здѣсь, здѣсь, бери отсюда, продолжалъ онъ, указывая на пачку сигаръ съ надписью „nec plus ultra“ — я знаю, ты ихъ любишь, и потому-то ящикъ этотъ всегда полонъ.

Заключивъ это искреннимъ пожатіемъ руки, Аристархъ Ѳедоровичъ подошелъ къ двери, повернулъ два раза ключъ въ замкѣ и сталъ перебирать бумаги, притиснутыя Ѳемидой.

Произведенія Балахнова, отличавшіяся новизною и животрепещущимъ интересомъ, находились всегда подъ бронзовой Ѳемидой, чтобъ, при случаѣ, прямо накладывать на нихъ руку.

Семенъ Семеновичъ успѣлъ, однакожъ, пустить къ потолку нѣсколько пуфовъ благовоннаго дыма nec plus ultra, пока пріятель его не усѣлся окончательно въ кресла съ бумагой.

Аристархъ Ѳедоровичъ кашлянулъ и взглянулъ на Семена Семеновича.

Семенъ Семеновичъ вынулъ изо рта сигару и обнаружилъ всѣ

признаки крайняго нетерпѣнія, какъ-будто дѣло шло о выслушиваніи духовнаго завѣщанія только-что умершей бабушки. Но чтенію не суждено было начаться въ эту минуту. Лишь только Аристархъ Ѳедоровичъ направилъ глаза на бумагу, въ аллеѣ, тянувшейся къ дому, нежданно послышались звуки бубенчиковъ, сопровождаемые яростнымъ топотомъ коней, и во дворъ влетѣла телѣжка, запряженная тройкой. Тощій, бѣлокурый лакей и рыжій ямщикъ сидѣли на козлахъ. Въ телѣжкѣ стоялъ, вытянувшись молодецки во весь ростъ, дюжій, плечистый господинъ; онъ распѣвалъ какую-то удалую пѣсню и размахивалъ въ воздухѣ клѣтчатымъ платкомъ съ прорѣхою по серединѣ.

— Экой сумасшедшій! произнесъ Балахновъ, провожая глазами телѣжку, которая подкатывала къ крыльцу.

— Очень некстати! замѣтилъ Кошкинъ, прищуривая глаза: — только помѣшаетъ намъ... Ручаюсь, что онъ заѣхалъ по дорогѣ къ какому-нибудь пріятелю и прибылъ къ тебѣ послѣ закуски...

— А жаль, братецъ, очень жаль! возразилъ Балахновъ: — добрый малый, честный малый! не будь у него слабости запускать за галстукъ, изъ него вышелъ бы... Я велю, однакожъ, сказать, что мы ушли въ садъ, и пока онъ будетъ искать, мы успѣемъ прочесть. Я съ нимъ, знаешь, братецъ, безъ церемоній...

Страшный ударъ въ кабинетную дверь прервалъ Аристарха Ѳедоровича.

— Отворяй! крикнулъ хриплый голосъ.

— Кто тамъ? произнесъ въ свою очередь Балахновъ.

— Я!...

— Кто ты?

— Я, Карачаевъ!

— Нельзя, отвѣчалъ Балахновъ полушутливо, полусерьезно.

— Отворяй, говорятъ! повторилъ голосъ, сопровождая слова новымъ ударомъ.

— Нельзя, говорятъ; здѣсь заняты дѣломъ.

— Ну, такъ я выломаю дверь, коротко и рѣшительно сказалъ гость, принимаясь дергать изъ всей мочи за ручку двери.

Не сомнѣваясь ни мало, что Карачаевъ исполнитъ угрозу, Аристархъ Ѳедоровичъ отворилъ дверь кабинета.

— Ломаютъ двери въ конюшняхъ, а не у порядочныхъ людей, любезнѣйшій, сказалъ онъ, повертываясь спиною къ вошедшему.

— Че-е-во? произнесъ Карачаевъ, останавливаясь въ дверяхъ и запальчиво повертывая зрачками, тонувшими въ красныхъ, воспаленныхъ бѣлкахъ.

Карачаеву лѣтъ сорокъ. Лицо его правильно и могло бы быть красиво, еслибъ не безобразили его красные, налитые кровью бѣлки и багровыя жилки, разсыпанныя какъ червячки по всей кожѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, статенъ, лысъ, но это былъ, однакожъ, не жиръ, а скорѣй опухлость, свойственная людямъ, употребляющимъ давно и крайне-неумѣренно сердцекрѣпительные напитки. На немъ былъ сѣрый нанковый сюртукъ, застегнутый подъ ребрами ремнемъ съ металлическими бляхами. Широкіе нанковые шаровары довершали его одежду. Во всей наружности Карачаева, въ его походкѣ, движеніяхъ проглядывала какая-то безалаберная, безпутная удаль, смѣшанная, однакожъ, съ прямотою и добродушіемъ. Карачаевъ былъ дѣйствительно благороднѣйшій и честнѣйшій малый; дурное воспитаніе и вслѣдъ затѣмъ дурное общество придали ему ту грязную и непривлекательную форму, въ которой представляется онъ теперь читателю. Безцеремонное обращеніе Карачаева съ Балахновымъ объяснялось тѣмъ, что послѣдній, согласно задуманному плану придать Ханскимъ-Прудамъ по возможности величественный видъ, купилъ у Карачаева землю; земля была единственнымъ достояніемъ Карачаева, и Аристархъ Ѳедоровичъ, благодаря, вѣроятно, безцеремонному обращенію, былъ ему о-сю-пору долженъ. Карачаевъ довольствовался пятью стами рублями, выдаваемыми ему въ годъ Балахновымъ. Впрочемъ, и безъ этихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ Аристарха Ѳедоровича поневолѣ смотрѣть сквозь пальцы на выходки Карачаева, величавый помѣщикъ не избѣгъ бы фамильярности сосѣда. Карачаеву было совершенно все равно, гдѣ бы онъ ни находился; введите его въ первую гостиную, поставьте лицомъ къ лицу съ кѣмъ угодно, онъ нигдѣ не запнется и останется вѣренъ самому себѣ. Я готовъ биться объ закладъ, что еслибъ вы ввели его на сцену передъ тремя тысячами зрителей, онъ не обнаружилъ бы ни малѣйшаго смущенія, приложилъ бы руку къ щекѣ и затянулъ бы первую попавшуюся ему на память пѣсню.

— Ну, какія у тебя тутъ дѣла? воскликнулъ онъ, подступая рѣшительно къ столу.

Внезапно Карачаевъ остановился, всплеснулъ руками и залился тоненькимъ, дребезжащимъ смѣхомъ:

— Кого я вижу? Кошкинъ! Вотъ, братъ, не чаялъ, не гадалъ! Сколько лѣтъ не встрѣчались... Сейчасъ заѣзжалъ къ тебѣ. А что, Анна Васильевна здѣсь?... Ну, друзья! заключилъ онъ, бросаясь обнимать пріятелей: — поздравьте меня: я нынче именинникъ.

— Это по всему видно, смѣясь сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Че-е-во? произнесъ Карачаевъ, мгновенно измѣняя интонацію.

— Ну, хорошо, хорошо! перебилъ Балахновъ:—если хочешь оставаться въ этой комнатѣ, садись и слушай.

— Изволь; что дѣло, то дѣло; давно бы такъ! произнесъ съ готовностью Карачаевъ: — ну, давай, начинай!... Но прежде, écoute... вели-ка, братъ, дать водки...

— Нѣтъ, водки я тебѣ не дамъ; водку станешь пить передъ обѣдомъ, если хочешь...

— Ну, возразилъ Карачаевъ, махнувъ рукою: — давай хоть трубку или сигару.

— Вотъ это другое дѣло; кури сколько угодно; только пожалуйста, братецъ, сиди смирно! сказалъ хозяинъ, бросая ему сигару, которую тотъ подхватилъ на-лету.

— Главное, не перебивай насъ, замѣтилъ Кошкинъ.

— Че-е-во?... Послушай, Аристархъ Ѳедорычъ, что это за сигара?

— Трабухосъ...

— Гм! не изъ тѣхъ ли, братъ, что продаются въ Петровскомъ паркѣ по пятаку серебромъ?...

— Чудакъ!... Стоитъ давать тебѣ послѣ этого хорошія сигары...

— Нѣтъ; écoute; ужъ какъ ты хочешь, Aristarque, давай другую!...

— Хороша и эта для тебя!

— Ну, такъ къ чорту же васъ съ вашими трабухосами! запальчиво воскликнулъ Карачаевъ, бросая на полъ сигару и кидаясь сломя голову къ двери:—Иванъ! гаркнулъ онъ неистово:—Иванъ, трубку!

Въ кабинетъ явился сухощавый лакей съ вьющимися волосами пепельнаго цвѣта и веселымъ, беззаботнымъ лицомъ, тотъ самый, что̀ пріѣхалъ съ Карачаевымъ.

— Ступай распречь лошадей! сказалъ Карачаевъ, взявъ изъ рукъ его дорожный чубучокъ:—да вели засыпать овса...

Онъ закурилъ трубку, распустилъ ременный поясъ и бросился на диванъ съ самымъ недовольнымъ видомъ.

— Скажи на милость, братецъ, съ чего ты бѣснуешься? Пошелъ бы, право, лучше въ гостиную, если тебѣ здѣсь не нравится...

— Стыдись, братецъ; тебѣ вѣдь безъ малаго сорокъ лѣтъ! прибавилъ вполголоса Кошкинъ.

— Ну, ну... нельзя ли этакъ, мораль, сильвуплѐ, въ сторону?

прохрипѣлъ Карачаевъ, хмурясь и обнаруживая всѣ признаки раздраженнаго состоянія:—читайте себѣ, читайте, я вамъ не помѣха; мнѣ теперь нѣтъ ни до чего дѣла... я и слушать-то не хочу!...

— Давно бы такъ! сказалъ Балахновъ, усаживаясь противъ Кошкина и расправляя складки письма.

— Стой! крикнулъ сердито Карачаевъ:—мнѣ кажется, если ты намѣренъ читать, не мѣшало бы знать прежде сущность, то есть о чемъ именно идетъ рѣчь—вотъ штука-то въ чемъ. Кажется, этого требуетъ даже учтивость...

— Вѣдь ты сказалъ, что не станешь слушать...

— Ну, что, братецъ, подмигивая шепнулъ Кошкинъ:—скажи ему... онъ безъ этого не уймется; ты видишь, въ какомъ онъ положеніи!

Балахновъ, видя невозможность унять Карачаева, объяснилъ ему въ короткихъ словахъ, кому назначается письмо и по какому поводу.

— А! ну, вотъ это другое дѣло, душа моя! Теперь я могу судить, по крайней мѣрѣ. Читай! заключилъ Карачаевъ, опускаясь на локоть и насупивая брови съ видомъ дѣлового человѣка.

Аристархъ Ѳедоровичъ кашлянулъ и началъ:

„Милостивый государь, Фуколъ Ивановичъ.

„Получилъ я письмо ваше отъ такого-то сего мѣсяца. Но прежде, нежели приступлю къ отвѣту, да позволено будетъ мнѣ...“

— Нѣтъ ужъ, братъ, сдѣлай милость, аттанде-съ! Безъ этихъ финтифлюшекъ, пожалуйста. Что за деликатесъ-жантильйомъ! Развѣ ты просишь милости какой у этого стараго хрыча миротворца? Зачеркни это! крикнулъ Карачаевъ.

— Замолчишь ли ты?... нетерпѣливо вымолвилъ Балахновъ.

Карачаевъ махнулъ рукой, нахмурилъ брови, и Аристархъ Ѳедоровичъ продолжалъ: „Да позволено будетъ мнѣ сдѣлать кой-какія „умозаключенія, отнюдь не чуждыя, впрочемъ, настоящаго нашего „дѣла. Всякій смертный, согласно дарованнаго ему щедротами при„роды свойства, живетъ по своему разумѣнію; лучшее (по моему), „что̀ можно сдѣлать въ сей юдоли земной—предоставить каждому „жить какъ ему угодно...“

— Прекрасно! прекрасная мысль! проговорилъ съ нѣжностью Кошкинъ.

— Хорошо; что-жъ дальше? отрывисто сказалъ Карачаевъ, крякнулъ и перевалился на другой бокъ.

„— Какъ ему угодно“, продолжалъ съ улыбкой Балахновъ... „Теперь, взываю къ вамъ, м. г. Не понимаю, какія причины вынуж-„даютъ васъ споспѣшествовать къ примиренію моему съ помѣщикомъ „Солонеевымъ, именуемымъ яко бы „врагомъ“ моимъ... Тамъ, гдѣ не „было (и не могло быть) взаимныхъ дружескихъ отношеній, не мо-„жетъ, слѣдовательно, быть и распри. Такъ по крайней мѣрѣ ука-„зуетъ здравая логика. Еслибъ даже можно предполагать о суще-„ствованіи подобныхъ дружескихъ отношеній, еслибъ даже и были „они въ дѣйствительности, то и тогда чувство долга и благородной „справедливости (достоинства, долженствующія украшать каждаго „изъ насъ), чувство долга и справедливости—говорю я—заставили „бы меня быть безпристрастнымъ и обнаруживать истину. Не считая „себя въ числѣ зоиловъ нашего уѣзда, я не могу и не долженъ равно-„душно взирать на избраніе г. Солонеева вмѣсто достойнѣйшаго во „всѣхъ отношеніяхъ отставнаго поручика Кошкина, заслужившаго „честь и уваженіе, въ домашнемъ быту заслужившаго справедли-„вую признательность за соблюденіе всѣхъ обязанностей свѣтскихъ „и общественныхъ, всего благочинія и приличія...“

— Пре-восходно! пре-е-красно! воскликнулъ Карачаевъ, под-прыгивая на диванѣ.

Аристархъ Ѳедоровичъ остановился и взглянулъ на Кошкина.

Кошкинъ сидѣлъ въ какомъ-то раздумьи и былъ, казалось, глубоко тронутъ. Уловивъ взглядъ друга, онъ быстро протянулъ ему руку и прослезился.

— Читай! читай! крикнулъ Карачаевъ.

— Молчи и слушай.—„Тѣмъ болѣе возстаю противъ этого“ (продолжалъ читать торжественно Балахновъ) „что, благодаря Все-„вышнее Провидѣніе, сохраняющее меня всегда отъ противныхъ „совѣсти дѣйствій, не принималъ участія въ избраніи его, Соло-„неева. Недостойное человѣка чувство лицемѣрія чуждо мнѣ. Шумъ, „богатство, блескъ не оглушаютъ меня. Мыслю всегда громко, „не щажу порока, защищаю слабыхъ и угнетенныхъ...“

— Прекрасно! пре-вос-ходно! Такъ, такъ, катай ихъ, катай! кричалъ Карачаевъ, восторженно размахивая чубукомъ.

Кошкинъ ограничился новымъ выразительнымъ пожатіемъ руки, и Аристархъ Ѳедоровичъ продолжалъ: „Защищаю... да, слабыхъ и „угнетенныхъ, и пишу во всеуслышаніе міра. Нѣтъ, не пустыя люд-„скія отношенія или несогласія вооружили меня противъ г. Соло-„неева; нѣтъ—чувство справедливости, глубоко оскорбленной избра-

„ніемъ его вмѣсто достойнѣйшаго г. Кошкина. Громко вопіетъ спра-
„ведливость противъ такого недостойнаго дѣла! Пока вышеупомя-
„нутый г. Солонеевъ будетъ служить преградою достойнѣйшимъ ли-
„цамъ, напрасны будутъ всѣ старанія утолить мои на него пре-
„тензіи...“

Стукъ, раздавшійся въ дверяхъ, прервалъ Балахнова.

— Кто тамъ? неистово закричалъ Карачаевъ.

— Кушать пожалуйте...

— Вели немножко подождать, произнесъ Балахновъ: — ну-съ, и такъ прошу дослушать: „Отъ души желаю, милостивый государь, „чтобъ воспоминаніе объ истинѣ освѣтило мысли и чувства нашихъ „сосѣдей—чувства, увы! затменныя лицепріятіемъ и земною тще-„славною суетой. Есть солнце опыта, озаряющее росу надеждъ, кото-„рую я назову мечтою! Но мечта не всегда остается мечтою! „Возлагая надежды на будущее и, твердо уповая въ неисповѣди-„мую волю судебъ, которая рано или поздно раскрываетъ истину, „оставляю перо...

„Пріймите, милостивый государь, и такъ далѣе.“

— Браво! брависсимо! отлично! Пре-е-е-красно! вотъ штука-то въ чемъ! закричалъ Карачаевъ, бросаясь обнимать Балахнова: — поздравляю, братъ. Вотъ это по нашему—отбрилъ лучше всякой бритвы! Ха! ха! ха! Ей-Богу!

— Позволь и мнѣ сказать, произнесъ въ свою очередь расчув-ствованный Семенъ Семеновичъ: — это... это, душа моя, безспорно, лучшее твое произведеніе; лучше этого... ты ничего еще не писалъ...

— А посланіе на другой день послѣ избранія Солонеева? воз-разилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, краснѣя отъ удовольствія.

— Да, согласенъ; но то, братецъ, въ другомъ родѣ...

— Я думаю, впрочемъ, какъ то, такъ и это пришлось имъ не по нутру! замѣтилъ Балахновъ съ великолѣпнымъ восхищеніемъ.

— Нѣтъ, постой, братъ, постой! сказалъ Карачаевъ, удержи-вая руку Балахнова, готовую спрятать письмо: — еще не все... нѣтъ, ты этимъ отъ меня не отдѣлаешься... Тутъ мнѣ не все нравится, вотъ въ чемъ штука-то. Я, братъ, сужу безпристрастно... Во-первыхъ...

— Во-первыхъ, пойдемъ обѣдать.

— Че-е-во?

— Обѣдать пойдемъ, заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, про-талкивая Карачаева въ двери.

Онъ обнялъ Кошкина и вышелъ въ залу съ сіяющимъ лицомъ.

Выраженіе, это, слѣдуетъ замѣтить, было нѣкоторымъ образомъ оффиціальнымъ на лицѣ Аристарха Ѳедоровича. Какія бы страсти ни волновали его душу, онъ всегда являлся передъ лицомъ свѣта полный достоинства и спокойствія. Никто не могъ дознаться, что происходило внутри его. Такое рѣдкое умѣнье владѣть собою принадлежитъ, безспорно, людямъ, проникнутымъ насквозь сознаніемъ своего превосходства передъ всѣмъ, что ихъ окружаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, достойно ли было обнаруживать возвышенные порывы передъ какими-нибудь Кокуркиными, Карачаевыми и Сараманаевыми? Другое дѣло прочесть имъ письмо или бумагу, направленную съ цѣлью противъ какой-нибудь уѣздной личности: Аристархъ Ѳедоровичъ снисходилъ до этого, имѣя въ виду распространить сочиненіе и придать ему нѣкоторую популярность; Кокуркины и другіе замѣняли въ этомъ случаѣ лучшій патентованный типографскій станокъ. Кромѣ такихъ случаевъ (довольно, впрочемъ, частыхъ), Аристархъ Ѳедоровичъ замыкался, такъ-сказать, внутрь самого себя и, смѣло можно утверждать, жилъ настоящею жизнью только въ своемъ кабинетѣ; кабинетъ и остальныя комнаты, куда безъ различія пускались всѣ гости, были для него тѣмъ же, что сцена и кулисы для актера. Переступивъ завѣтный порогъ, Балахновъ являлся радушнымъ, привѣтливымъ, веселымъ хозяиномъ; войдя въ кабинетъ, то-есть за кулисы, актеръ бросалъ маску и обращался весь къ благороднымъ помысламъ и честолюбивымъ мечтамъ своимъ.

И часто (Боже, какъ часто!) въ то время, когда десятка полтора помѣщиковъ и помѣщицъ безпечно кружились въ залѣ подъ звуки фортепьяно, Аристархъ Федоровичъ, слѣдя тоскливымъ взоромъ по генеральной картѣ уѣзда, проклиналъ суетность и пустоту жителей этого уѣзда.

„Солонеевъ? Солонеевъ! гдѣ жъ послѣ этого правда и совѣсть?... Достоинство... гм! гдѣ жъ достоинство...

О, Боже мой, кого себѣ избрали?
Когда подумаю: кого вы предпочли!...“

думалъ помѣщикъ, большой знатокъ и поклонникъ классической нашей литературы, и горькая улыбка судорожно пробѣгала по губамъ его, желчь кипѣла въ груди—и какъ еще кипѣла!...

Но Карачаевъ и слѣдовавшіе за нимъ Кошкинъ и Балахновъ были уже въ гостиной. Карачаевъ, перетянутый своимъ ременнымъ поясомъ, пріосанился, ускореннымъ шагомъ подошелъ къ хозяйкѣ дома и поцѣловалъ ея руку; потомъ пристукнулъ каблукомъ, поцѣло-

валъ руку Кошкиной и поклонился съ особенною любезностью дѣвицѣ Сараманаевой, которая отвѣтила ему томнымъ взглядомъ и показала бѣлки свои. Когда Карачаевъ повернулся къ тремъ барышнямъ, Прокисай Захарычъ, стоявшій съ тоскливымъ выраженіемъ лица подлѣ Надеженьки, поспѣшилъ подать ему руку. Три сестрицы окружили Карачаева и засыпали его со всѣхъ сторонъ вопросами.

— Что это васъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ давно не видать, Павелъ Петровичъ?... гдѣ вы пропадали? спросила хозяйка дома.

— Я-съ? воскликнулъ Карачаевъ, ловко повертываясь на каблукѣ;—я гостилъ за шестьдесятъ верстъ, у Барабанчикова, метались всю весну съ борзыми...

— Экая удалая головушка! сказалъ, смѣясь, Кошкинъ, потрепавъ его по плечу.

Дамы засмѣялись.

Въ это время принесли закуску.

— Угощайтесь! угощайтесь! проговорилъ шутливо Балахновъ, давая мѣсто лакею и подносу.—Семенъ Семенычъ, совѣтую, братецъ, попробуй этой ветчины... я нарочно выписалъ ее изъ Петербурга; спасибо скажешь!

Гости окружили подносъ.

Карачаевъ выпилъ залпомъ двѣ рюмки „дорожной отрады“—водки, также выписанной, по словамъ Аристарха Ѳедоровича, прямо изъ Петербурга, крякнулъ, раскрылъ глаза такъ, что бѣлки чуть-было не выкатились изъ своихъ впадинъ, повернулся молодцомъ къ хозяйкѣ дома и предложилъ ей руку. Но Кошкинъ, искусно нырнувъ между нимъ и кушеткой, предупредилъ Павла Петровича; тогда Карачаевъ бросился къ Кошкиной, но и тутъ перебилъ его Балахновъ. Карачаевъ предложилъ свои услуги дѣвицѣ Сараманаевой, и пары потянулись въ столовую, сопровождаемыя Кокуркиными, которыя принуждены были идти стадомъ, потому-что Прокисай Захаровичъ, по робости своей, не смѣлъ предложить Надеженькѣ руку.

— Что это вы сегодня, Розалія Владиміровна, не въ своей тарелкѣ... этакъ, знаете, chagrin votre coeur?.. сказалъ Карачаевъ, наклоняясь съ любезностью къ своей дамѣ.

Пухлое лицо дѣвицы Сараманаевой покрылось красными пятнами; она опустилась всею тяжестью на руку кавалера и, показавъ ему снова бѣлки свои, произнесла трепещущимъ голосомъ:

— Ужасный человѣкъ!... жестокій человѣкъ!...

— Что вы?... Я... ей-Богу, ничего... отвѣчалъ Карачаевъ,

распяливая глаза.—Mesdames, вотъ вашъ place... à votre place... заключилъ онъ, усаживая подлѣ себя даму.—Аристархъ Ѳедоровичъ... э! нѣтъ, братъ, этого ужъ я не позволю. Ecoutez! не такъ у насъ дѣлается: дама подлѣ кавалера и кавалеръ подлѣ дамы—вотъ въ чемъ штука-то... такъ!.. А, литераторъ! Гдѣ ты былъ до сихъ поръ?...

Неожиданное это восклицаніе вырвалось у Карачаева, когда онъ усѣлся на свое мѣсто и глаза его встрѣтились съ глазами господина, сидѣвшаго vis-à-vis.

Vis-à-vis былъ Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ, второй проживальщикъ Балахнова, тотъ самый, что игралъ на бильярдѣ съ Копковымъ. Ему суждена не послѣдняя роль въ предлагаемой повѣсти, и потому не мѣшаетъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Это былъ приземистый, коренастый мужчина упрямаго вида, съ вывернутыми ноздрями и вздернутымъ короткимъ носомъ. Черный, сухой и щетинистый волосъ покрывалъ угловатую его голову; два пучка щетины торчали на верхней губѣ его; нѣсколько морщинъ, проведенныхъ грубымъ, шероховатымъ рѣзцомъ по срединѣ лба и вдоль висковъ, придавали что-то рѣзкое и непріятное этой физіономіи. Аполлонъ Егоровичъ, по всему замѣтно, судилъ, однакожъ, иначе. Черный шелковый галстукъ, въ складкахъ котораго искусно были запрятаны прорѣхи, украшался воротничками рубашки изъ домотканнаго холста; лѣтній парусинный сюртучокъ, застегнутый на три верхнія пуговицы, позволялъ каждому любоваться пестрымъ жилетомъ съ мѣдными пуговками. Принимая въ соображеніе свои тридцать-восемь лѣтъ, Дрянковъ рѣшительно не намѣренъ былъ пренебрегать своею наружностью. Онъ не терялъ надежды плѣнить какую-нибудь богатую вдову-помѣщицу и пристроиться самымъ комфортебельнымъ образомъ. Надо, однакожъ, сознаться, что съ этой стороны самолюбіе Аполлона Егоровича уступало другому роду самолюбія: онъ былъ литераторъ. Дрянковъ воспитывался въ одномъ заведеніи (хотя, признаться, трудно тому повѣрить) вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, сдѣлавшимися потомъ писателями. Духъ поэзіи, поселявшійся въ то блаженное время почти въ каждомъ смертномъ, не обошелъ Аполлона Егоровича безъ того, чтобъ не прикоснуться воздушнымъ крыломъ своимъ къ угловатой головѣ его. Какой плодъ принесло это прикосновеніе и что далѣе было—неизвѣстно; самъ Дрянковъ, когда разспрашивали его о прошломъ, часто путался и сбивался. Впрочемъ, прорванные сапоги Аполлона Егоровича, когда

онъ въ первый разъ явился въ домъ Балахнова, ясно свидѣтельствовали, что литературный путь его скорѣе усѣянъ былъ терніемъ, чѣмъ цвѣтами. Явился онъ въ Ханскіе-Пруды слѣдующимъ образомъ: въ одинъ ненастный день подкатила къ подъѣзду телѣжка; изъ нея вылѣзъ ободранный тридцати-шестилѣтній господинъ и отрекомендовался хозяйкѣ, хозяину, которые, по случаю дождя, оставили его ночевать. На другое утро узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что у пріѣзжаго не было рубашки. Лизавета Семеновна, тронутая такимъ положеніемъ, снабдила его бѣльемъ и уговорила провести еще день въ ея домѣ. Пріѣзжій заночевалъ какъ-то случайно еще одну ночь, потомъ другую, тамъ третью и наконецъ незамѣтнымъ образомъ остался въ домѣ. Обутый, согрѣтый, обласканный радушными хозяевами, онъ сдѣлался вскорѣ домашнимъ человѣкомъ наравнѣ съ Прокисаемъ Захаровичемъ, дѣвицею Сараманаевой и другими проживальщиками. Его одѣвали, кормили, поили и хотѣли даже пристроить къ выгодному мѣсту въ какую-то контору, но Дрянковъ отказался напрямикъ, не безъ основанія разсчитывая, что ему и тутъ хорошо. И въ самомъ дѣлѣ, крайне было бы глупо промѣнять сытные обѣды, мягкіе пуховики, сладкій far-niente или ничего-недѣланье, какъ говорится по-русски, эту ни съ чѣмъ несравнимую беззаботность о матеріальныхъ нуждахъ, на безпокойную должность конторщика или управителя. Нѣтъ, лучше ужъ положительное, лучше синица въ рукѣ, чѣмъ журавль въ небѣ. Къ тому же, литературный духъ воспріялъ новой силой въ согрѣтой душѣ Аполлона Егоровича. „Непризнанная Индѣйка“, повѣсть въ десяти главахъ, вышедшая изъ-подъ пера его ровно за годъ до начала описываемыхъ нами событій, служила тому яснымъ доказательствомъ. Но, къ несчастью, кто бы могъ этому повѣрить? „Непризнанная Индѣйка“ принесла своему родителю больше горя, чѣмъ радостей. Представьте себѣ положеніе сочинителя, брошеннаго судьбою въ кругъ людей, совершенно чуждыхъ эстетическаго развитія! Вмѣсто восторженныхъ рукоплесканій, „Непризнанная Индѣйка“ встрѣтила насмѣшки и, что еще хуже, равнодушіе. Аполлонъ Егоровичъ, подобно Аристарху Ѳедоровичу, замкнулся тогда въ самомъ себѣ и, окруживъ свое сердце толстою оболочкою желчи, изливалъ ее, по надобности, на жалкихъ и ничтожныхъ смертныхъ, его окружавшихъ, начиная съ Прокисая Захаровича и кончая даже самимъ Балахновымъ и его женою. А между тѣмъ, не проходило дня, когда-бъ Дрянковъ не лелѣялъ своего первенца, своей „Не-

признанной Индѣйки". Вчитываясь постепенно въ свое произведеніе и открывая въ немъ каждый разъ болѣе и болѣе красотъ, Аполлонъ Егоровичъ естественно долженъ былъ возненавидѣть свѣтъ, не умѣвшій оцѣнить его; онъ страдалъ какъ человѣкъ, ибо въ послѣднее время, ко всѣмъ непріятностямъ и нравственнымъ пыткамъ, приходилось нерѣдко выпивать еще чашу горечи, подносимую ему хозяиномъ дома. Балахновъ провѣдалъ, что Аполлонъ Егоровичъ выразился о немъ не совсѣмъ прилично, сказалъ, что слогъ его напоминаетъ Памву-Берынду. Этого было довольно, чтобы жизнь Аполлона Егоровича сдѣлалась не совсѣмъ пріятною въ Ханскихъ-Прудахъ. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, окруженный кознями завистниковъ, непризнанный поэтъ проклиналъ день своего рожденія, проклиналъ всѣхъ и все, и даже Грековъ, которые изображали музъ граціозными и привлекательными, тогда какъ на дѣлѣ, для него по крайней мѣрѣ, оказались онѣ настоящими гарпіями.

Услышавъ привѣтствіе Карачаева, Дрянковъ кивнулъ небрежно головою и произнесъ отрывисто:

— Здравствуй, братецъ.

Такая фамильярность нисколько не удивительна со стороны проживальщика: Карачаевъ, какъ сказано выше, не любилъ церемоній и наконецъ самъ онъ былъ что-то въ родѣ проживальщика, ибо земля, проданная Балахнову, лишала его пріюта, и жилъ онъ какъ киргизъ, слоняясь изъ конца въ конецъ по губерніи.

— А, кстати, господинъ литераторъ! сказалъ съ язвительною улыбкой Аристархъ Ѳедоровичъ:—ко мнѣ поминутно приходятъ на васъ жалобы.

— Какія же это? спросилъ невозмутимо-спокойно авторъ „Непризнанной Индѣйки".

— Да вотъ не далѣе часъ тому назадъ, Конковъ увѣрялъ, будто вы отказываетесь платить проигранныя ему деньги... У васъ, говорятъ, завелась тамъ еще какая-то шкатулочка, которую можно только отворить въ Петербургѣ... Ха! ха! ха!...

Аполлонъ Егоровичъ пробормоталъ что-то несвязное, прикусилъ зубами пучечки щетины на верхней губѣ и, принявъ разсѣянный видъ человѣка, который не намѣренъ слушать пустяковъ, погрузился весь въ созерцаніе жилетныхъ пуговицъ.

— Какъ? что это такое?... воскликнулъ Карачаевъ, проглатывая десятую рюмку „дорожной-отрады" и страшно вращая воспаленными своими бѣлками: — ты денегъ не платишь Конкову! Ахъ

ты литераторъ — litérateur!... прибавилъ онъ, заливаясь тоненькимъ, носовымъ смѣхомъ: — ты думаешь, написалъ какую-нибудь... какъ бишь ее...

— „Непризнанная Индѣйка!“ подсказалъ Балахновъ.

— Да, „Непризнанную Индѣйку“, такъ ужъ ты и литераторъ...

— Странно, что люди, которые не понимаютъ слова „литература“, туда же пускаются разсуждать о литературѣ! проговорилъ Дрянковъ, небрежно поворачиваясь къ старшей Кокуркиной.

— Че-е-во? воскликнулъ Карачаевъ, выпивая, какъ-бы въ разсѣянности, еще рюмку „дорожной-отрады“, которую нарочно ставили противъ него, чтобъ онъ только не прикасался къ другимъ, болѣе драгоцѣннымъ напиткамъ.— Я тебѣ дамъ литературу! Ты у меня будешь знать, какъ играть на бильярдѣ и не платить денегъ... вотъ штука-то въ чемъ! Какая у тебя тамъ еще шкатулка?...

— Полно, братецъ; вѣдь это совсѣмъ неостроумно и даже не смѣшно... сказалъ Дрянковъ, стараясь улыбнуться.

— Неостроумно! ха! ха! ха!... А вотъ мы посмотримъ, что ты заговоришь послѣ обѣда. Ахъ ты!... mesdames, pardonez (Карачаевъ привсталъ и раскланялся на всѣ стороны): я погляжу, какъ ты не станешь платить денегъ Копкову!...

— Я держу сторону Копкова! смѣясь, крикнулъ Балахновъ.

— Оставь его въ покоѣ, Аристархъ Ѳедорычъ! шепнула Лизавета Семеновна, наклоняясь къ мужу.

— О, ты еще не знаешь, какой неблагодарный этотъ Дрянковъ! отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ шопотомъ, но такъ, однакожъ, чтобъ могли слышать сосѣди: — Семенъ Семенычъ, вотъ ужъ это не подружески, душа моя, продолжалъ Балахновъ, наливая ему стаканъ вина: — а я еще нарочно велѣлъ раскупорить для тебя эту бутылку: знаешь ли ты, что̀ это за вино... ну, какъ ты думаешь?

Кошкинъ поднялъ съ озабоченнымъ видомъ стаканъ къ губамъ, пощелкалъ языкомъ и сказалъ, что не знаетъ.

— А это, братецъ, произнесъ съ разстановкою Аристархъ Ѳедоровичъ: — это шато-роз-пульякъ! я выписалъ всего полъящика... Впрочемъ, Левѣ пишетъ, что больше не было на биржѣ въ Петербургѣ: восемь рублей бутылка!... Чувствуешь ли, какая мягкость, какой букетъ... а?...

— Прекрасно, настоящій бархатъ! отвѣчалъ Кошкинъ, щелкая языкомъ.

— Ecoutez, передай-ка, братъ, мнѣ этого пульяку-то! крикнулъ Карачаевъ.

— Нѣтъ, любезный, не про васъ писано! шутливо возразилъ хозяинъ: — вотъ тебѣ фронтиньякъ, пей сколько душенькѣ угодно, передъ тобой цѣлая бутылка. Mesdames, chateau-rose-pouillac! присовокупилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, нагибаясь къ Кошкиной и посылая улыбку другимъ менѣе значительнымъ дамамъ.

Мало-по-малу общество оживилось. Голоса трехъ сестрицъ Кокуркиныхъ, дребезжавшіе безъ умолку впродолженіе всего обѣда, заглушились другими голосами, и все слилось на время въ одно общее бурчанье, прерываемое звяканьемъ посуды и стакановъ. Аристархъ Ѳедоровичъ, нечего сказать, былъ хлѣбосолъ и умѣлъ угощать на славу. Обѣдъ прошелъ какъ-нельзя веселѣе, и хотя на этотъ разъ не было въ немъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ, развѣ, шатороз-пульяка, однакожъ гости встали изъ-за стола очень довольные.

Что дѣлается въ деревенскомъ быту тотчасъ-же послѣ обѣда? На это отвѣчать трудно. Разное бываетъ: садятся играть въ карты, пьютъ кофе или желтый чай на террасѣ, если есть терраса, ведутъ пріятную и вмѣстѣ съ тѣмъ назидательную бесѣду о современныхъ событіяхъ, совершающихся въ кругу отсутствующихъ сосѣдей, и проч., и проч., и проч. Но смѣло можно утверждать, что легкій, крѣпительный, двухчасовой сонъ предпочитается всѣмъ вышеупомянутымъ эфемернымъ удовольствіямъ. Такова обаятельная сила этого послѣобѣденнаго сна, что въ иныхъ домахъ даже молодыя дамы, несмотря на тонкое превосходство ихъ натуры, порывающейся, какъ извѣстно, болѣе къ идеальнымъ наслажденіямъ, невольно отдаются его вліянію.

Такъ по-крайней мѣрѣ случилось послѣ вышеописаннаго обѣда. Прошелъ часъ какой-нибудь — и домъ погрузился въ мертвое молчаніе, прерывавшееся лишь храпомъ Карачаева, который долго еще не могъ угомониться.

III.

Фіона Ивановна и Прокисай Захаровичъ.

Итакъ, все спало сладкимъ сномъ въ домѣ Аристарха Ѳедоровича.

Въ повѣстяхъ и романахъ, когда желаютъ выразить тишину, издавна принято говорить: тишина была такая, что можно было разслышать полетъ мухи; къ этому присовокупляютъ обыкновенно, что

тишина прерывалась тѣмъ или другимъ звукомъ. Все это основано, конечно, на тончайшей наблюдательности и оправдывается какъ нельзя болѣе въ настоящемъ случаѣ. Дѣйствительно, посреди мертваго молчанія, воцарившагося въ домѣ Балахнова, не только можно было разслышать, но и въ самомъ дѣлѣ слышалось жужжанье мухъ, которыя, благодаря луккуловскимъ обѣдамъ Балахнова, носились несмѣтными роями по столовой. Жужжаніе, изрѣдка прерывавшееся докучливымъ щелканьемъ картъ двухъ лакеевъ, игравшихъ въ дурачки на конникѣ передней, сливалось время отъ времени въ стройную тихую музыку, напоминавшую мелодическіе аккорды эоловой арфы...

Но, увы! какъ ни грустно, я долженъ, однакожъ, распроститься заблаговременно съ поэзіей! Увлеченный музыкальностью собственной фразы, я могъ-бы незамѣтно, почти-безсознательно пуститься въ описаніе того, какъ легкій вѣтерокъ, врываясь украдкою въ растворенныя окна, игралъ шаловливо съ листками плюща и розана, какъ листья, застигнутые въ расплохъ, пролепетали свою тихую жалобу и проч., и проч.; къ несчастью, другія картины, другіе образы выпали мнѣ на долю, и, скрѣпя сердце, обращаюсь я къ событіямъ этого разсказа, столько же правдиваго, сколько и прозаическаго.

Кромѣ двухъ лакеевъ, игравшихъ въ дурачки, находилось еще одно существо, которое не предавалось крѣпительному послѣобѣденному отдыху. Существо это, извѣстное подъ именемъ Фіоны Ивановны, принадлежало, какъ каждый легко догадается, къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода. Это была экономка и довѣренная женщина по всѣмъ отраслямъ хозяйства въ домѣ Балахнова. Лишившись матери, а вслѣдъ затѣмъ и отца, служившаго когда-то уѣзднымъ почтамтскимъ писцомъ, Фіона Ивановна была предоставлена съ юнаго возраста на произволъ судьбы, которая обошлась съ ней, однакожъ, довольно милостиво. Безъ красы и даже безъ гроша денегъ, Фіона Ивановна, согласно настоящему порядку дѣлъ, должна бы промаячить весь свой вѣкъ въ дѣвкахъ и пройти всѣ степени испытаній, выпадающія часто на долю бѣднымъ сиротамъ безъ защиты и крова. Суждено было иначе. Фіона ли Ивановна плѣнила протоколиста изъ земскаго суда, протоколистъ ли плѣнилъ Фіону Ивановну, неизвѣстно, но только они сочетались законнымъ бракомъ, и Фіона Ивановна изъ дѣвицы Захлесткиной сдѣлалась вдругъ госпожею Чивадзи (предки протоколиста были какіе-то Греки, торговавшіе въ Одессѣ мыломъ). Десять лѣтъ самой счастливой семейной жизни не принесли, однакожъ, никакого плода; протоколистъ Чивадзи сошелъ въ могилу, оплакивая бездѣтность

жены и посылая горькіе укоры судьбѣ, недаровавшей ему потомковъ. Связи Балахнова съ покойнымъ, который переписывалъ его бумаги, составлялъ протоколы, подавалъ, въ случаѣ нужды, разные остерегательные и увѣдомляющіе сигналы, заставили признательнаго помѣщика подать руку помощи вдовѣ. Фіона Ивановна (ей было уже около тридцати-восьми лѣтъ) переѣхала въ Ханскіе-Пруды. Довѣріе, которымъ пользовался когда-то мужъ, перешло-мало-по-малу къ его вдовѣ. Сначала она разливала чай и кофе; потомъ перешелъ въ ея завѣдываніе буфетъ; затѣмъ отдали ей на руки бѣлье, и такимъ образомъ вся хозяйственная часть дома поступила подъ ея надзоръ.

Что можетъ быть счастливѣе жизни экономки, разумѣется, такой экономки, которой предоставляется безконтрольное завѣдываніе чаемъ и сахаромъ и колоніальными и неколоніальными припасами, истощаемыми въ изобиліи въ каждомъ барскомъ домѣ? Во многихъ барскихъ домахъ, какъ извѣстно, хозяйка не существуетъ. Утонченное воспитаніе хозяекъ дома, воспрещающее имъ съ юныхъ лѣтъ обращать вниманіе на приходо-расходныя книги, прикасаться къ чему бы то ни было, кромѣ батистоваго платка, клавишъ ройяля и руки кавалера во французской кадрили, сильно облегчаетъ и расширяетъ кругъ дѣйствія экономки. Можно смѣло утверждать, что ни одно мѣсто — говоря, конечно, относительно — не даетъ столько выгодъ. Гдѣ найдете вы сочетаніе двухъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ: выгоды и душевнаго спокойствія? Я, по-крайней-мѣрѣ, не знаю такихъ мѣстъ и смѣло скажу, что однѣ экономки пользуются на землѣ истиннымъ благополучіемъ. Спокойствіе ихъ ничѣмъ не возмущается, и если иной разъ взоръ хозяйки проникнетъ въ тайникъ существованія экономки, или грозная рука низвергаетъ ее съ высоты земнаго счастія, то все же рука эта не мечъ Дамоклеса, и раны, наносимыя ею, далеко несмертельны. Фіону Ивановну можно было назвать благополучнѣйшею экономкою въ цѣломъ свѣтѣ. Аристархъ Ѳедоровичъ, поглощенный весь дипломатическими занятіями, не имѣлъ времени заниматься хозяйствомъ; женѣ своей не позволялъ онъ ни въ какомъ случаѣ входить въ домашнія распоряженія, полагая это неприличнымъ. Кромѣ того, дѣйствуя сообразно своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, онъ хотѣлъ, чтобъ все зависѣло отъ него одного: пускай все идетъ криво и косо, но за то онъ одинъ отвѣтчикъ и хозяинъ. Все это дѣлало Фіону Ивановну самовластною распорядительницею кладовыхъ и буфета.

Въ такомъ завидномъ положеніи экономка доживала тридцать-восьмую свою весну; но тутъ подвернулось одно обстоятельство, кото-

рое сильно потревожило невозмутимо-блаженное существованіе Фіоны Ивановны... Она любила! всякому человѣку даны при рожденіи чувства, и рано или поздно чувства эти должны высказаться. Принимая въ соображеніе настоящую страсть Фіоны Ивановны, должно полагать, что покойный протоколистъ вовсе не пользовался любовью своей супруги, или, по-крайней-мѣрѣ, пользовался ею очень-мало. Мы ничего не знаемъ положительнаго о покойникѣ; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что качества его (если таковыя и были) далеко уступали качествамъ Прокисая Захаровича Копкова. Прокисай Захаровичъ былъ тихъ какъ овечка, кротокъ и добродушенъ какъ теленокъ, не только не бралъ въ ротъ ничего горькаго, но даже морщился и щурился, когда Аристархъ Ѳедоровичъ, въ припадкѣ великодушія, заставлялъ его выпивать рюмку шато-роз-пульяка или сантуринскаго. Съ благородствомъ и безукоризненною честностью соединялъ онъ чистоплотность и аккуратность нѣмца. Стерляжье сходство относилось собственно къ лицу Копкова, которое отъ этого нисколько не было хуже любаго сорокалѣтняго мужчины; въ остальномъ Копковъ отличался пріятною, соразмѣрною полнотою и даже изящною округлостью формъ. Такихъ людей немного, и выборъ Фіоны Ивановны не долженъ удивлять ни одного благомыслящаго человѣка. Вдова Чивадзи думала соединить судьбу свою съ судьбою Копкова. Доказано уже положительными фактами, что положеніе нисколько не мѣшаетъ женщинѣ предаваться мечтамъ и убаюкивать свое сердце сладкими грезами. Сердце вдовы наполнялось неизъяснимымъ трепетомъ, когда она переносилась мысленно въ будущее: маленькій капиталъ въ 2,800 рублей серебромъ, пріобрѣтенный трудомъ и потомъ у Балахновыхъ, пойдетъ часть на покупку маленькаго домика въ уѣздномъ городѣ; домикъ полонъ какъ чаша; и тогда, какъ она бѣгаетъ, суетится по хозяйству, Прокисай Захаровичъ въ зеленомъ своемъ сюртучкѣ травянаго цвѣта сидитъ у растворенаго окна за стаканомъ чая и слегка бренчитъ на гитарѣ...

Мы забыли сказать, что Копковъ надѣленъ былъ многими пріятными талантами, „talents d'agrément, talents de société“, а именно: игралъ на гитарѣ, искусно вырѣзывалъ изъ бумаги козловъ и мужиковъ, которыхъ онъ любилъ потомъ наклеивать на окно, дѣлалъ удочки, плелъ изъ бумажныхъ лентъ корзинки и проч., и проч. Такіе таланты покажутся, конечно, ничтожными просвѣщенному и взыскательному читателю, но со-всѣмъ-тѣмъ они пріобрѣли Прокисаю Захаровичу всеобщую любовь мелкихъ помѣщиковъ и особенно помѣщицъ. Даже

въ домѣ Аристарха Ѳедоровича, который терпѣлъ Копкова потому только, что могъ выставлять его, при случаѣ, какъ живой фактъ своихъ щедротъ и благотворительности, таланты проживальщика не прошли безъ оцѣнки. Бумажныя лошадки и корзинки прельстили Володю; тихій нравъ Копкова, его безграничная покорность и повиновеніе всѣмъ возможнымъ капризамъ и прихотямъ мало-по-малу привязали къ нему мальчика: вскорѣ сдѣлались они неразлучны. Это обстоятельство естественнымъ образомъ должно было возбудить къ проживальщику живое участіе со стороны Лизаветы Семеновны. Хотя участіе это ограничивалось ласковымъ обращеніемъ да платочками, которые иной разъ дарила Лизавета Семеновна, украдкою отъ мужа, Копковъ считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Съ той минуты, какъ сердце вдовы забилось подъ вліяніемъ юнаго, невѣдомаго чувства, жизнь Прокисая Захаровича пошла иначе. Бѣлье Копкова (если можно назвать этимъ двѣ рубашки и пару прорванныхъ карпетокъ) поступило въ комнату къ Фіонѣ Ивановнѣ и, недѣлю спустя, вышло оттуда заштопанное и приращенное кое-какими вещицами, какъ-то: манишками, платочками и другими. Подобіе блина, на которомъ спалъ проживальщикъ, уступило мѣсто доброй перинѣ. Копковъ, выпивавшій одинъ стаканъ чаю утромъ, выпивалъ теперь два и даже три; лимонъ, сливки съ густыми пѣнками, морсъ, варенье, сухари, булки не обходили его, какъ прежде; иной разъ даже появлялась передъ нимъ, какъ-бы невзначай, нарочно испеченная сдобная лепешка съ фестонами и узорами, искусно выведенными по краямъ. Даже конурка, которую раздѣлялъ Прокисай Захаровичъ съ Аполлономъ Егоровичемъ, получила другой видъ. Нерѣдко случалось, что Фіона Ивановна зазоветъ его къ себѣ наверхъ— и ужъ чего только нѣтъ на ея столикѣ! варенье, пряники, жуковскій табакъ, до котораго Копковъ большой охотникъ, и многое множество другихъ сластей. А ласковая рѣчь Фіоны Ивановны, а ея взгляды, проникающіе въ глубину сердца...

Взываю къ вамъ, проживальщики всѣхъ возможныхъ уѣздовъ и вотчинъ! Вы вѣрно не устояли бы передъ этими взглядами. Разсудокъ вашъ, согласно положительнымъ стремленіямъ вашего сердца, мигомъ оцѣнилъ бы всю будущность, какую сулили эти взгляды; окинувъ пытливымъ взоромъ ряды сундучковъ и коробковъ, пестрившихъ комнату вдовы, вы пали бы къ ногамъ ея и тутъ же сознались бы въ давно-терзавшей васъ страсти... Но, увы! быстрое соображеніе и находчивость даны не каждому. Копковъ рѣшительно

не въ состояніи былъ понимать задушевныхъ цѣлей экономки безъ положительныхъ и прямыхъ съ ея стороны объясненій. Такъ-какъ разговора еще не было между ними и все ограничивалось лепешками и сюрпризами, то чувство благодарности, одно это чувство замѣняло всѣ остальныя въ простой и безхитростной душѣ проживальщика. Но Фіона Ивановна была довольна, она, казалось, нарочно старалась продлить это время, самое обильное внутренними волненіями и полное сладостнаго, томительнаго ожиданія; а между-тѣмъ Прокисай Захаровичъ катался какъ сыръ въ маслѣ; въ послѣдніе четыре мѣсяца онъ даже значительно пополнѣлъ, и на лицѣ его заигралъ привлекательный румянецъ.

Иногда Копковъ выпроситъ у Аристарха Ѳедоровича разгонную лошадку, сядетъ въ телѣжку вмѣстѣ съ своей гитарой и отправится куда-нибудь въ гости по сосѣдству. Палашка, босая дѣвчонка, находившаяся на безсмѣнномъ ординарцахъ у экономки, должна была увѣдомлять ее о пріѣздѣ Прокисая Захаровича. Фіона Ивановна бросалась къ окну, потомъ накидывала на плечи платокъ, стремглавъ спускалась съ лѣстницы и, встрѣтивъ какъ-бы невзначай проживальщика, говорила ему дрожащимъ отъ волненія голосомъ: „Здравствуйте, Прокисай Захарычъ; гдѣ это вы пропадали?... а мы думали, съ вами ужъ и Богъ знаетъ что такое случилось!...“ Каждый день, казалось, сближалъ все болѣе и болѣе Копкова съ его благодѣтельницей, и страстная экономка, видя несомнѣнные признаки любви въ заботливости и уваженіи, которыми окружалъ ее возлюбленный, думала уже приступить къ развязкѣ, какъ вдругъ (это случилось за полтора мѣсяца до настоящей минуты) страшная вѣсть подрѣзала въ основаніи всѣ ея надежды. Копковъ находился въ отлучкѣ и, по случаю разлитія рѣкъ, цѣлыя двѣ недѣли не могъ попасть въ Ханскіе-Пруды. Никто, разумѣется, объ этомъ не заботился, кромѣ Володи да экономки, которая не переставала ломать себѣ голову, придумывая, гдѣ именно могъ бы находиться Прокисай Захаровичъ. Карачаевъ, явившійся неожиданно къ Балахнову, разрѣшилъ, къ несчастью, слишкомъ скоро догадки бѣдной вдовы. Спустя пять минутъ послѣ его пріѣзда, по всему дому распространился слухъ, что Копковъ прожилъ все это время у барышень Кокуркиныхъ и—кто опишетъ ужасъ Фіоны Ивановны! — обнаружилъ даже въ тонкихъ намекахъ готовность предложить руку и сердце младшей изъ нихъ — Надеженькѣ.

Многія дамы увѣряютъ, что легче перенести смерть любимаго

человѣка, чѣмъ его измѣну. Это, должно быть, совершенно справедливо и приноситъ величайшую честь ихъ опытности. Точно, въ первомъ случаѣ, остается утѣшеніе, что сердце билось по крайней мѣрѣ для достойнаго человѣка (отсутствующіе, и тѣмъ болѣе покойники, всегда хороши)... Мысль о несомнѣнномъ превосходствѣ любимаго человѣка надъ остальными людьми смягчаетъ ударъ, нанесенный сердцу. „Да, дѣйствительно, онъ не былъ жителемъ здѣшняго міра. Возвышенной душѣ его тягостны были оковы свѣта! Она отлетѣла въ иной, лучшій міръ!“ Затѣмъ слѣдуютъ успокоительныя и достовѣрныя догадки о томъ, какъ любимый человѣкъ произносилъ, умирая, имя отсутствующей, какъ клялся онъ, что умираетъ спокойно потому только, что сознаетъ себя любимымъ, какъ остался онъ вѣренъ уважаемому предмету до гробовой доски, и тому подобное. Все это, естественно, должно облегчать страданіе, и часто случается, что сердце, подобно ребенку, которому болѣзнь послужила въ пользу, обрѣтаетъ послѣ кризиса новую силу. Во второмъ случаѣ раны неизлечимы. Самыя страшныя муки во сто разъ сноснѣе страданій женщины, покинутой для другой. Тутъ, разумѣется, больно не то, что лишаешься любимаго человѣка, а то, что онъ унизился, предпочетши порядочной женщинѣ какую-то дрянь; больно за себя, за свою недальновидность и ослѣпленіе! Можно-ли было довѣряться и разсыпать сокровища своего сердца передъ человѣкомъ недостойнымъ и низкимъ во всѣхъ отношеніяхъ!... Въ первомъ случаѣ, страдаетъ только сердце, во второмъ—изъязвлены въ одно время всѣ чувства; а извѣстно, что легче излечить одну большую рану, чѣмъ множество маленькихъ; поди угоняйся за ними!...

Ударъ, нанесенный Фіонѣ Ивановнѣ, произвелъ на нее страшное дѣйствіе. Всѣ чувства экономки, улегшіяся вслѣдствіе невозмутимо покойнаго счастія мягкими пластами вокругъ ея сердца, разомъ поднялись, вспѣнились и зашипѣли, какъ содовые порошки, опущенные въ воду. Достойно замѣчанія, однакожъ, что громы оскорбленной вдовицы упали не на Прокисая Захаровича, а на младшую Кокуркину и сестеръ ея, которыя однѣ были причиною ея бѣдствія. Но когда Конковъ, сопровождаемый Кокуркиными, явился въ домъ Балахнова и Фіона Ивановна увидѣла улыбки, посылаемыя имъ Надеженькѣ—все пошло вверхъ дномъ въ головѣ экономки, и молніеносный взглядъ, брошенный ею сначала на барышень, мигомъ упалъ на бѣднаго проживальщика. Съ того же дня повела она подкопы, и начались гоненія.

Прощайте, вкусныя, сдобныя лепешки съ фестонами! Прощай, жуковскій табакъ, варенья, слоенныя крахмальныя манишки! Прощай комфортъ! Прощай и ты, пуховая перина, на которой такъ любилъ покоить косточки свои Прокисай Захаровичъ и которую успѣлъ уже замѣнить жесткій войлочный тюфякъ!

Крутой переворотъ судьбы отозвался тѣмъ сильнѣе Копкову, что, въ простотѣ души своей, онъ рѣшительно не подозрѣвалъ причины бѣдствія, такъ неожиданно обрушившагося на его голову. Совѣсть его была чиста, какъ ледъ. О, Боже мой! да знай онъ только сердечную тайну Фіоны Ивановны, онъ, разумѣется, не изъ корыстныхъ видовъ, но попросту, вслѣдствіе врожденной робости, не посмѣлъ бы и думать ни о комъ другомъ, кромѣ экономки. Вотъ каковы иной разъ послѣдствія недоразумѣній! Преданный, съ одной стороны, безнадежной любви (Кокуркины объявили Копкову всю несбыточность брака Надеженьки съ человѣкомъ, неимѣющимъ хлѣбнаго мѣста), преслѣдуемый, съ другой стороны, страшными взглядами и язвительными улыбками Фіоны Ивановны, бѣдный Копковъ потерялъ голову. Онъ истощилъ всю свою мыслительную силу, придумывая причины такого гоненія, и все-таки ничего не могъ придумать. Бѣдный проживальщикъ рѣшился наконецъ обратиться къ единственному своему другу, Володѣ, прося его проникнуть, если можно, страшную тайну. Володя побѣжалъ на верхъ въ комнату экономки. „За что сердишься ты на Копкова?“ спросилъ онъ, ласкаясь къ экономкѣ.— „Вамъ чего здѣсь надо?“ грозно спросила Фіона Ивановна:— „развѣ вамъ позволено ходить сюда? Постойте, вотъ я скажу папенькѣ!“ И, вмѣсто отвѣта, она взяла его за руку и выпроводила на лѣстницу. Подробное донесеніе о такой неудачной депутаціи имѣло послѣдствіемъ то, что Копковъ растерялся въ своихъ соображеніяхъ. Онъ впалъ въ глубокую меланхолію и оживалъ тогда только, когда проходила мимо его Надеженька, или когда слышались шаги Фіоны Ивановны.

Въ послѣднемъ случаѣ онъ быстро вскакивалъ съ мѣста, повертывалъ за уголъ и бѣжалъ безъ оглядки куда глаза глядятъ.

Но пора обратиться къ самому разсказу.

Въ настоящую минуту, то-есть въ то время, какъ все спало въ домѣ и два лакея играли въ дураки, Фіона Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ. Комната эта, расположенная въ углу верхняго этажа, оканчивала собою рядъ покоевъ пустыхъ и заброшенныхъ, въ которыхъ не жили уже лѣтъ двадцать. Изрѣдка лишь, въ лѣтнее время,

Аристархъ Ѳедоровичъ водилъ туда гостей частью для того, чтобъ похвастать великолѣпнымъ видомъ Ханскихъ-Прудовъ, частью для того, чтобъ показать имъ, какъ жили его предки. Оборванные обои, позволявшіе различать сквозь плесень узоры изъ блестящаго песку, боскетная, расписанная въ видѣ рощи съ выглядывавшими поверхъ деревьевъ бельведерами, продолговатыя зеркала, обвитыя вычурными деревянными рамами съ позолотою, диванная съ колоннами, подпиравшими деревянный куполъ, расписанный облаками и усѣянный звѣздами, люстры, обвѣшанныя стеклышками—все это показывало, что предки жили дѣйствительно хорошо. Комната Фіоны Ивановны не представляла, однакожъ, и тѣни вышеупомянутаго великолѣпія. Это происходило единственно потому, что предки, любившіе украшать парадные апартаменты и часто тратившіе на это все свое состояніе, немного заботились о такъ-называемыхъ внутреннихъ покояхъ, то-есть о тѣхъ, куда не проникалъ взоръ постороннихъ. Комната Фіоны Ивановны, предназначенная когда-то для дѣтской, была запросто обшита дранью и потомъ оштукатурена такъ только, для виду. Несмотря на то, что въ настоящее время штукатурка успѣла уже обвалиться на половину, экономка умѣла сообщить своему жилищу что-то уютное; и тогда-какъ въ парадныхъ апартаментахъ вѣяло повсюду мертвенностью, уголъ экономки носилъ на себѣ всѣ признаки оживленія и дѣятельности. Сахарныя головы, ящики съ чаемъ, пучечки мяты и другихъ цѣлебныхъ травъ, свертки холста, столы съ хрусталемъ и посудой, два старинные брюхастые комода, набитые такъ плотно, что ящики не могли запираться, сундуки и ящики, перины, подушки, груды салфетокъ, ворохи грязнаго бѣлья—все это лѣпилось вдоль стѣнъ, громоздилось другъ на дружку и мѣшалось какъ въ винегретѣ.

Посреди комнаты, на полу сидѣла босая дѣвочка лѣтъ тринадцати, черноглазая, съ черными какъ смоль волосами, обстриженными въ кружокъ, и черными блестящими глазами на-выкатѣ. Вокругъ нея лежало нѣсколько листовъ синей бумаги съ возвышавшимися на нихъ горками колотаго сахару. Ударяя изъ всей мочи утюжною плиткой въ кухонный ножъ, направленный въ сахарную голову, она поминутно бросала плутовскіе взгляды на экономку и, улучивъ минуту, не пропускала случая запрягать отколотый кусокъ въ ротъ или за пазуху.

Фіона Ивановна стояла у окна противъ комода и выкладывала столовое бѣлье, предназначенное для завтрашняго торжества.

Вдова Чивадзи, какъ уже сказано, была женщина лѣтъ тридцати-восьми. Ситцевое платье кофейнаго цвѣта съ бѣлыми крапинами обхватывало не совсѣмъ щеголевато ея талію, отличавшуюся необыкновенною жесткостью. Платье и черный шерстяной платокъ, покрывавшій плечи экономки, драпировались какъ на вѣшалкѣ. Она была болѣе чѣмъ средняго роста, хотя, по настоящему, исполинскія ея ступни, заключенныя въ опойковые башмаки, глядѣвшіе изъ-подъ юбки, показывали, что слѣдовало бы ей перерости бельгійскаго великана. Желтые, какъ шафранъ, волосы, подобранные на затылкѣ тщедушнымъ пучечкомъ, державшимся помощью рогового гребня, лишеннаго двухъ зубцовъ, подходили какъ нельзя лучше подъ тѣнь лица сѣро-лимоннаго цвѣта. Заостренный носъ, крошечные глазки зеленоватаго отлива, сухія морщинки и жиденькія, рыжія брови, согнутыя наподобіе французскаго S, придавали лицу ея что-то пронырливое и не совсѣмъ привлекательное, что, впрочемъ, въ настоящую минуту сглаживалось выраженіемъ душевной тоски и сосредоточенной думы. Смягченію этихъ рѣзкостей не мало способствовала опухлость лѣвой щеки, по случаю флюса—обстоятельство, заставлявшее экономку обтягивать голову бѣлой косынкою и носить постоянно за щекою вареную въ молокѣ фигу. Флюсъ—неизбѣжный почему-то недугъ всѣхъ почти экономокъ, сильно дѣйствовалъ на нервы и безъ того уже раздраженной вдовы. Фига, съ своей стороны, причиняла ей также много горя; разъ даже, а именно когда Фіона Ивановна получила извѣстіе о продѣлкахъ Прокисая Захаровича, фига чуть-было не лишила ее жизни. Вотъ какъ это случилось: фига проскочила въ горло, и бѣдная экономка сдѣлалась бы, безъ сомнѣнія, жертвою страстей своихъ, еслибъ не подоспѣлъ домашній фельдшеръ...

Тишина въ комнатѣ экономки прерывалась дребезжащимъ пѣніемъ канарейки, висѣвшей подъ окномъ, и ударами утюжной плитки, которые повидимому доставляли величайшее удовольствіе дѣвчонкѣ.

— Тише ты! крикнула въ десятый разъ Фіона Ивановна кислымъ голосомъ, похожимъ на звукъ разбитаго колокольчика.

— Жосткій такой, Фіон-Иванна! никакъ не отколетъ! отвѣчала скороговоркою дѣвчонка, и, бросивъ лукавый взглядъ къ окну, ударила съ такою силой плиткою по ножу, что посуда зазвенѣла на столѣ.

— Тише, говорятъ!... Погоди; вотъ я тебя постучу... Кто

тамъ? прибавила экономка, опуская на окно кипу салфетокъ и поворачивая косое лицо свое къ двери.

— Это я-съ, сказала, входя въ комнату, красивая горничная, отличавшаяся необыкновеннымъ развитіемъ стана.

— Что тебѣ, Глафира? спросила экономка, принимаясь снова за свое дѣло.

— Барышни Кокуркины прислали просить у васъ кокосоваго мыла; свое, говорятъ, забыли захватить.

При имени Кокуркиныхъ всѣ члены Фіоны Ивановны затрепетали, и лицо ея перекрылось красными пятнами.

— Да, какже! стану я для всѣхъ бѣгать въ кладовую! произнесла экономка, стараясь скрыть свое волненіе... Много ихъ тутъ и безъ того понаѣхало! Пускай ищутъ гдѣ хотятъ: нѣтъ у меня мыла никакого, да и все тутъ!... Сороки, тараторки этакія! имъ попадись только что въ руки, все къ себѣ домой тащатъ; такъ и глядятъ во всѣ глаза, не попадется-ли что подъ руку...

— Да-съ, подхватила Глафира: — я только дивлюсь, Фіона Ивановна, какъ это барыня наша ничего не видятъ и въ домъ ихъ пускаютъ. Вотъ намедни, какъ онѣ въ послѣдній разъ у насъ были: ужъ на что, кажется, стеариновые огарки, и тѣ понадобились, выпросили у барыни, цѣлый узелъ увезли съ собою... Тоже и насчетъ барынинаго гардероба: прежде, бывало, ненужное платье — намъ идетъ, а теперь все имъ да имъ; такія-то жадныя, завистливыя, право... А ужъ сплетницы, смутьянки какія — не приведи Богъ! Ѣздятъ къ намъ также бѣдныя: Свищевы, Полушкины... тоже попрошайки, да все же смирныя, никого не трогаютъ по крайности... а эти ужъ кого только не переберутъ — не только господъ, да и нашего-то брата; до всего имъ дѣло; только, кажется, одного вотъ Прокисая Захаровича и оставляютъ въ покоѣ...

Видно было изъ усердія, съ какимъ Глафира описывала Кокуркиныхъ, что ей не безъизвѣстны были враждебныя къ нимъ отношенія экономки.

Ядовитая улыбка промелькнула на тонкихъ губахъ Фіоны Ивановны; она поправила косынку, перевязывавшую больную щеку, передвинула фигу, чтобъ свободнѣе изъясняться, и, окинувъ дѣвушку съ головы до ногъ проницательнымъ взглядомъ, сказала:

— А знаешь ли, Глафира, что онѣ про тебя разсказываютъ?... Аполлонъ Егорычъ самъ слышалъ...

— Что такое?... нѣтъ-съ, не знаю... сказала Глафира полусмущеннымъ, полуувѣреннымъ голосомъ.

— Поди-ка, послушай: онѣ говорятъ, будто ты завела шашни съ Иваномъ Карачаевскимъ... Мое дѣло сторона, я въ ваши дѣла не хочу мѣшаться, а только смотри...

— Ахъ, онѣ, провалиться бы имъ! воскликнула Глафира, всплеснувъ руками и покраснѣвъ до бѣлковъ.

— То-то ахъ! Смотри, Глафира; дойдетъ до Аристарха Ѳедорыча, не было бы худо... не миновать коровъ пасти...

— Помилуйте, Фіона Ивановна! произнесла Глафира съ видомъ человѣка, который плачетъ не потому, что боится наказанія, но потому только, что уличили его въ преступленіи:—помилуйте, чѣмъ же я виновата? Иванъ точно со мной разговариваетъ... я знала его еще въ Петербургѣ, когда обучалась въ магазинѣ: онъ жилъ въ томъ же домѣ подмастерьемъ у портного; что жъ, мнѣ бѣгать отъ него?... Ахъ, онѣ... провалиться бы имъ!... Ну, не знала я этого, Фіона Ивановна! прибавила Глафира съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ; дамъ же я имъ теперь себя знать, особливо этой толстой, чтобъ ей лопнуть! „Глафирушка, душенька, застегни платье; Глафирушка, сбѣгай, возьми у Лизаветы Семеновны помады!...“ Погоди жъ, надсадишь себѣ горло-то звамши! Сами набѣгаетесь, смутьянки проклятыя! Пойду скажу имъ, что нѣтъ мыла! торжественно заключила горничная.

— Постой, сказала Фіона Ивановна:—кстати, заодно возьми простыни и подушки... Сколько сегодня будутъ у насъ ночевать?...

— Сейчасъ; разъ... два... пять... да что считать! вѣрно, къ вечеру еще понаѣдутъ! У насъ, знаете сами, что постоялый дворъ—успѣвай только управляться. Давайте четырнадцать подушекъ да девять простынь...

Экономка поправила косынку и начала рыться въ сундукѣ.

— Фіона Ивановна! сказала Глафира заискивающимъ голосомъ.

— Что тебѣ?

— Гдѣ у васъ, матушка, были подушки, что моль-то съѣла... помните, духъ такой отъ нихъ?...

— Въ кладовой... а что?...

— Дайте-ка мнѣ ихъ: я положу ихъ этимъ вѣдьмамъ...

— Смотри, пожалуются! Не досталось бы тебѣ, Глафира.

— Все возьму на себя, Фіона Ивановна, будьте покойны!

— Гдѣ ты имъ хочешь стлать?

— Хотѣла было въ боковой, гдѣ онѣ всегда спятъ, да нѣтъ, жирно будетъ... Скажу, что полы мыли, улягутся нынче и подлѣ буфетной... Пускай ихъ ночь-то ворочаются съ боку на бокъ; я перины-то всѣ посдергаю... сороки этакія! смутьянки проклятыя!...

— Смотри, не намылили бы тебѣ шеи! проговорила Фіона Ивановна тономъ, какой принимаютъ обыкновенно люди, которые, затѣявъ и пустивъ въ ходъ какое-нибудь ядовитое дѣльце, быстро отходятъ въ сторону, какъ-бы ни въ чемъ не бывали, и только потираютъ руки, да изподтишка улыбаются.

Она съ особенною заботливостью взвалила на плечи Глафиры простыни и нѣсколько подушекъ, дала ей, какъ бы невзначай, ключъ отъ кладовой и проводила ее до двери.

— Палашка! сказала она послѣ краткаго молчанія, обращаясь къ дѣвчонкѣ, которая во все это время не переставала колоть сахаръ:—Палашка, прибавила нерѣшительно экономка: — ступай внизъ...

— Слушаю-съ! крикнула дѣвочка, быстро скакнувъ на ноги и безъ оглядки бросаясь къ двери.

— Куда ты, пострѣлъ? ну, куда ты? зашипѣла Фіона Ивановна, придерживая пальцемъ фигу, которая чуть-было не вылетѣла.

— Я думаю, Фіона Ивановна, вамъ что-нибудь понадобилось, возразила дѣвчонка, бойко тряхнувъ волосами.

— Ничего не понадобилось... поди... поди погляди, что дѣлаетъ Прокисай Захарычъ...

Палашка, обрадованная случаю сбѣжать лишній разъ съ лѣстницы, пустилась безъ оглядки, придерживая рукою куски сахару, болтавшіеся у нея за пазухой.

Должно замѣтить, что продѣлки Прокисая Захаровича нимало не уменьшили страсти экономки; казалось, напротивъ, чувство ревности разжигало несчастную эту страсть съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе.

— Ну что? спросила Фіона Ивановна, когда вернулась Палашка.

— Спятъ-съ въ бильярдной... насилу отогналась-съ...

— Кого отогнала?

— Мухи-съ... такъ и облѣпили ихъ словно сахаръ-съ...

— Молчи, тебя не спрашиваютъ! задумчиво сказала экономка:—возьми, собери сахаръ на одну бумагу; или нѣтъ, на́, возьми салфетки и скатерть, присовокупила она, навьючивая плечи и руки дѣвчонки бѣльемъ.

Она высыпала на одинъ листъ сахаръ, подняла его съ полу и, сопровождаемая Палашкой, начала спускаться по темной, узенькой лѣстницѣ.

Очутившись въ корридорѣ, Фіона Ивановна повернула въ бильярдную.

— Чего тебѣ? Ступай въ залу, положи салфетки на стулъ, вымолвила вдова, грозно взглянувъ на дѣвчонку.

Оглянувшись на стороны, Фіона Ивановна устремила пронзительный взглядъ на Копкова, который спалъ, сидя на диванѣ. Скрестивъ руки на крутомъ брюшкѣ и опустивъ коротенькія ножки, далеко не достававшія до полу, онъ испускалъ легкій носовой свистъ, нелишенный, повидимому, гармоніи для несчастной жертвы страстей, стоявшей передъ диваномъ. Улыбка на губахъ Прокисая Захаровича показывала, что сны, носившіеся вокругъ головы его, были самые обворожительные.

Зеленые глазки Фіоны Ивановны расширились и загорѣлись сверхъестественнымъ блескомъ; вострый носъ ея выглянулъ какъ змѣя изъ-за сахарной головы, и дрожавшія уста ея прошептали:

— Негодный!

Прокисай Захаровичъ сдѣлалъ движеніе, какъ-будто хотѣлъ прогнать муху, раскрылъ глаза—и остолбенѣлъ.

Фіона Ивановна повернулась тотчасъ-же спиною и, дрожа всѣмъ тѣломъ, вышла въ залу.

Въ эту минуту изъ гостиной послышался колокольчикъ.

— Барыня зоветъ! шепнула Палашка.

Экономка поправила косынку и неровными шагами пошла въ гостиную.

— Чего изволите? спросила она, косясь на террасу, гдѣ дребезжали, какъ трещотки, Кокуркины, успѣвшія уже возстать отъ послѣобѣденнаго сна.

— Пожалуйста, Фіона Ивановна, дайте мнѣ розовой воды, сказала Балахнова.

— Помилуйте, Лизавета Семеновна, вы сами изволили приказать послѣдній разъ, какъ были барышни, отдать имъ послѣднюю бутылку на варенье.

— Я ничего не знаю... я приказала отлить имъ во флаконъ.

— Онѣ сказали, что вы велѣли отдать имъ всю бутылку; я и отдала...

— Хорошо, отвѣчала Лизавета Семеновна.

Фіона Ивановна вернулась въ залу и носъ къ носу встрѣтилась съ Копковымъ, который въ ту-жъ минуту приросъ къ полу.

— Чего вы испугались? спросила экономка, окинувъ его грозно и въ то-же время презрительно съ головы до ногъ.

— Я-съ... право, ничего... ей-Богу, пробормоталъ Прокисай Захаровичъ, но тутъ же замялся и, повернувшись спиною, побѣжалъ помощью коротенькихъ ножекъ своихъ въ противоположныя двери.

— Ку-д-а-а-а? закричалъ Карачаевъ, заслоняя неожиданно путь несчастному Копкову и обхватывая его руками.

— Пусти, Павелъ Петровичъ, полно! экой ты какой... Сдѣлай милость...

— Ни-ни... я тебѣ дамъ бѣгать! Шалишь, братъ... Э! э! да ты еще подножки вздумалъ ставить!...

И Карачаевъ, приподнявъ Копкова, понесъ его въ залу.

— Фіона Ивановна, не вашей-ли вотчины бѣглецъ? Ха! ха! ха! захрипѣлъ Карачаевъ, поднося ей несчастнаго Копкова, который заболталъ коротенькими ножками въ воздухѣ и сталъ биться, какъ заяцъ, пойманный за заднія лапы.

— Вы-бы посовѣстились баласничать-то! произнесла съ негодованіемъ и вся вспыхнувъ экономка: — не нашли лучшаго мѣста.

— Че-е-во? Ха! ха! ха! захрипѣлъ Карачаевъ, разражаясь ревущимъ хохотомъ и стискивая еще крѣпче свою жертву.

— Да то-же...

Володя, появившійся въ эту минуту у дверей залы, кинулся со всѣхъ ногъ, чтобъ освободить друга, но, увидя отца, въ ту-жъ минуту оторопѣлъ и скрылся за дверью гостиной.

— Что у васъ тутъ такое? неожиданно вымолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выходя изъ кабинета съ обычною своею улыбкой.

— Да вотъ, братецъ, Фіона Ивановна ревнуетъ Прокисая даже ко мнѣ... ей-Богу... вотъ она штука-то въ чемъ. Чуть-было глаза не выцарапала...

— Скоморохъ! пробормотала экономка, роясь въ буфетѣ.

— Правда-ли это?.. Ха! ха! ха!.. У тебя, братецъ, языкъ безъ костей, ты чего не выдумаешь! сказалъ Балахновъ, лукаво подмигивая Карачаеву на экономку.

— Дѣлать, видно, нечего! стыдились-бы! проговорила Фіона Ивановна, уходя изъ залы и сердито хлопнувъ дверью.

IV.

Событія, которыми ознаменовался остатокъ дня.

Когда Балахновъ и Карачаевъ вошли въ гостиную, тамъ сидѣло уже все общество. Двухчасовой отдыхъ подѣйствовалъ на всѣхъ самымъ благопріятнымъ образомъ: лица трехъ Кокуркиныхъ и лицо дѣвицы Сараманаевой, спрыснутыя водой изъ Ханскихъ-Прудовъ, сіяли необыкновенною свѣжестью; черный паричокъ Семена Семеновича лоснился, какъ наилучшій атласъ; Анна Васильевна Кошкина распространила вокругъ себя запахъ наилучшихъ духовъ, какіе можно только было сыскать въ губернскомъ городѣ; даже Лизавета Семеновна казалась болѣе веселою. Бесѣда была самая оживленная. Предметомъ разговора былъ тотъ-же новопріѣзжій Бобоховъ.

Недурно, еслибъ кому-нибудь изъ записныхъ столичныхъ любезниковъ привелось попасть на время въ уѣздную гостиную. Заранѣе можно поручиться, что въ первый день и даже въ первые два дня онъ произвелъ-бы неслыханный эффектъ своими разсказами объ итальянской оперѣ, своими тремя-четырьмя анекдотцами саркастическаго свойства и даже, faute de mieux, тѣми общими мѣстами и фразами, которыя доставили ему названіе: charmant homme и homme aimable въ столичныхъ гостиныхъ. Прекрасно! Теперь, скажите намилость, что сталъ-бы онъ дѣлать на третій день? Запасы истощились, а между тѣмъ пополнить ихъ нечѣмъ. Ни оперы, ни новостей, ни пріятелей, которые доставляютъ случай заимствовать разсказцы или анекдоты— ничего этого нѣтъ въ провинціи. Остается одно средство: сравнить себя съ фейерверкомъ, который, послѣ блистательнаго сожженія, оставилъ послѣ себя пустыя бумажныя трубки; но этого недостаточно, и притомъ никто охотно не только не рѣшится поднять на себя руку, но даже мысленно потрунить надъ собою. Зовутъ въ гостиную... какъ быть? Вотъ тутъ-то увидѣлъ-бы столичный записной любезникъ, какъ ничтожны его средства въ сравненіи съ средствами какого-нибудь уѣзднаго франта въ венгеркѣ. Уѣздному франту скажутъ: говорите намъ о г. Бобоховѣ, котораго вы никогда не видали и о которомъ не имѣете ни малѣйшаго понятія—и уѣздный франтъ станетъ говорить безъ умолку сколько угодно о г. Бобоховѣ. Смиритесь, прекрасные молодые люди, краса и цвѣтъ столичныхъ гостиныхъ! Вы довольствуетесь обыкновенно однимъ легкимъ намекомъ, чтобъ создавать знаменательныя исторіи и коментаріи на-

счетъ ближняго; въ провинціи послѣдній юноша, послѣдняя вдовушка перещеголяютъ васъ, ибо имъ не нужно даже и тѣни намека! Столичныя гостиныя пользуются тѣмъ значительнымъ преимуществомъ передъ уѣздными, что тамъ разговоръ кажется неистощимымъ, потому что впродолженіе двухъ часовъ смѣнилось двадцать человѣкъ; здѣсь гостиныя наполняются людьми, пріѣхавшими на два, на три дня и даже болѣе. При такихъ условіяхъ сколько ни говори, все перескажешь, да наконецъ и языкъ устанетъ. Вотъ тутъ-то, въ уѣздныхъ гостиныхъ, наступаютъ тягостныя минуты, впродолженіе которыхъ хозяева и гости углубляются въ самихъ себя, придумывая, но тщетно, что́-бы такое сообщить другъ другу. Наступаетъ молчаніе. Напрасно хозяинъ произноситъ: „Господа, mesdames, тихій ангелъ пролетѣлъ между нами!“ приправляя эту фразу извѣстной улыбкой; напрасно треплетъ онъ по плечу того и другаго, приговаривая: „Ну, что скажешь, Иванъ Иванычъ, или Вакхъ Сидорычъ? Давно, братъ, мы съ тобой не видались!“ Иванъ Ивановичъ или Вакхъ Сидоровичъ рѣшительно не знаютъ, что сказать; ими овладѣлъ тупикъ; они разводятъ только руками да оглядываются съ безпокойствомъ на стороны.

Такой-же точно казусъ произошелъ въ почтенномъ домѣ почтеннѣйшаго Аристарха Ѳедоровича. Когда разобрали по косточкамъ Бобохова и не нашлось уже ничего новаго, наступилъ штиль совершеннѣйшій. Предложили-было сдѣлать прогулку, но оказалось, что было всего шесть часовъ и солнце пекло невыносимо. Хозяйка и особенно хозяинъ начинали уже приходить въ смущенье, когда неожиданно въ дверяхъ показался новый гость. Присутствовавшіе мгновенно подняли головы и ожили.

— А, ба! Васильковъ! добро пожаловать! раздалось отовсюду:— Порфирій Павлычъ! Порфирій, ты-ли это? Сколько лѣтъ!... заключилъ наконецъ Карачаевъ, кидаясь на шею гостю, который застѣнчиво раскланивался дамамъ.

Порфирій Павловичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ злополучныхъ людей, которыхъ физическая природа подверглась не совсѣмъ правильному развитію; когда глядишь на него, очевиднымъ дѣлается, что эти тоненькія, какъ жимолость, ножки, эта тщедушная грудь отказываются постоянно отъ питательныхъ и растительныхъ силъ въ пользу головы, которая, поэтому, вчетверо болѣе, чѣмъ-бы ей быть слѣдовало. Васильковъ съ дѣтства долженъ былъ весь рости въ эту голову, казавшуюся еще огромнѣе отъ густыхъ, взъерошенныхъ пря-

дей черныхъ смолистыхъ волосъ, которые подымались свирѣпымъ хохломъ на макушкѣ и спускались валютами на виски и щеки, украшенныя такими бакенами, какихъ, вѣрно, не носилъ еще ни одинъ смертный; усы, напоминавшіе въ миньятюрѣ рейнскій водопадъ, и густыя, крутившіяся брови довершали волосное богатство Порфирія Павловича. Изъ-подъ бровей выглядывали круглые глаза на выкатѣ, похожіе какъ двѣ капли воды на страусовыя яйца, съ намалеваннымъ посереди ихъ чернымъ, какъ смоль, зрачкомъ. Ему было всего тридцать-пять лѣтъ и даже менѣе. Несмотря, однакожъ, на ребарбативность и мужественность такой физіономіи, Порфирій Павловичъ былъ меланхоликомъ, и смѣло можно утверждать, что не найдти во всей вселенной человѣка болѣе кроткаго, нѣжнаго и чувствительнаго. Будучи ровно вчетверо богаче трехъ Кокуркиныхъ, онъ не только не гордился своимъ превосходствомъ надъ барышнями, но чувствовалъ къ нимъ любовь и питалъ даже особенное уваженіе. Скромность проглядывала даже въ его одеждѣ: коротенькая, синяя венгерка, съ высокою таліей и іероглифомъ изъ черныхъ шнурковъ на спинѣ, узенькіе сапожки и тоненькій галстукъ съ длинными концами; на тафтяной черной манишкѣ красовался жилетъ канареечнаго цвѣта съ полосками изъ чернаго бархата; этотъ жилетъ Василькова украшался снизу кончиками подтяжекъ, нелишенныхъ, впрочемъ, привлекательности, потому что ихъ вышивали Кокуркины.

— Ну, что? рѣшено? спросилъ Балахновъ, нетерпѣливо наклоняясь къ уху гостя, послѣ обычныхъ привѣтственныхъ фразъ.

— Рѣшено! отвѣчалъ нѣжно, но вмѣстѣ съ тѣмъ восторженно Порфирій Павловичъ.

— Ба!?...

— Клянусь! подвердилъ гость, пожимая руку хозяина.

— Извините, mesdames, мнѣ нужно переговорить два слова съ пріятелемъ. Мы сію минуту вернемся, сказалъ торопливо Аристархъ Ѳедоровичъ.

Онъ нагнулся мимоходомъ къ кушеткѣ, поцѣловалъ жену въ лобъ и, взявъ подъ руку гостя, повлекъ его съ особенною поспѣшностью на террасу.

— Ну, братецъ, позволь тебя поздравить! Отъ души желаю тебя счастья. Я, ты знаешь, не лицемѣръ и говорю всегда отъ чистаго сердца...

— Благодарю васъ... я чувствую это, знаю, Аристархъ Ѳедоровичъ... О, я счастливѣйшій человѣкъ въ цѣломъ мірѣ, въ цѣлой

губерніи! воскликнулъ Васильковъ, снова пожимая руку Балахнова и страстно вращая своими бѣлками, въ которыхъ блеснули восторженныя слезы.

— Ну, разсказывай, разсказывай, садись...

— Да что вамъ разсказывать! черезъ мѣсяцъ свадьба... Надежды мои увѣнчались, можно сказать, блистательнымъ успѣхомъ; чрезъ два дня я ѣду въ губернскій городъ дѣлать свадебныя покупки, подарки невѣстѣ—этому существу, облеченному въ очаровательнѣйшія, можно даже сказать, неземныя формы, которымъ подобныхъ...

— А что, вѣрно, тёща снабдила капитальцемъ? прервалъ Балахновъ, шутливо подмигивая жениху.

— Нѣтъ, Аристархъ Ѳедорычъ, я все дѣлаю на свои... ищу, поэтому, гдѣ-бы занять... и еслибъ вы...

— Помилуй, братецъ, что ты дѣлаешь! поспѣшно перебилъ Балахновъ, физіономія котораго приняла мгновенно строгій характеръ:—ну, кто тебѣ дастъ въ займы? Да и къ чему это?... Тёща твоя, сказывали мнѣ, даетъ за дочерью тридцать душъ. Такъ или нѣтъ?...

— Да-съ, Аристархъ Ѳедоровичъ; но она соглашается передать ихъ не иначе, какъ послѣ свадьбы... Это обстоятельство, признаться, нѣсколько сконфузило меня... но что-же дѣлать-съ... Я не изъ корысти какой-нибудь, клянусь, не изъ корысти! Я никогда разсчетомъ не оскверню блаженства, которое обѣщаетъ мнѣ это милое существо.

— Все это прекрасно, другъ мой, возразилъ Аристархъ Ѳедоровичъ отеческимъ тономъ.—Я самъ, ты знаешь, презираю корысть, самъ чуждъ гнуснаго разсчета, какъ и подобаетъ всякому благородному человѣку; но тутъ другое дѣло: у тебя ничего нѣтъ или почти ничего; не разсориться-же тебѣ изъ того только, что упрямится старая баба... Хочешь, я все это тебѣ устрою?... Я всегда радъ служить друзьямъ, всегда готовъ подать руку на защиту праваго дѣла...

— О, вы мой истинный благодѣтель. Повѣрьте, я все это чувствую... не знаю даже, какъ благодарить васъ... Но какъ-же вы это сдѣлаете?...

— А вотъ какъ. Ты, конечно, останешься у меня завтра: я праздную свое рожденье; а послѣ-завтра посажу тебя въ коляску и поѣдемъ къ будущей твоей тёщѣ. Я уговорю ее отдать тебѣ немедленно слѣдуемое за дочерью приданое. Старуха уважаетъ меня... Заранѣе ручаюсь въ успѣхѣ... А то, помилуй, братецъ, что ты затѣялъ? занимать деньги! тсс.. тсс.... продолжалъ Балахновъ, качая го-

ловой: — хорошо еще, что сказалъ мнѣ; душевно радъ выпутать тебя изъ бѣды; ты доставляешь мнѣ случай сдѣлать доброе дѣло... Благодарить не за что, любезный! торопливо заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, между тѣмъ, какъ Порфирій Павловичъ свирѣпо пожималъ его руки и крутилъ головой. — Обязанность, назначеніе каждаго человѣка состоитъ въ томъ, любезный, чтобъ не умалять сердца въ лонѣ эгоизма и подавать ближнему руку помощи.

Балахновъ поднялъ глаза къ небу, кашлянулъ и готовился еще продолжать рѣчь, какъ вдругъ Карачаевъ влетѣлъ сломя голову на террасу.

— Что тебѣ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — поди, братецъ, оставь насъ. Видишь, мы говоримъ о дѣлѣ...

— Какія у васъ дѣла, все вздоръ! я знать не хочу вашихъ дѣлъ, вотъ она штука-то въ чемъ! возразилъ Карачаевъ, обнаруживая запальчивость и негодованіе во всѣхъ движеніяхъ. — Я пришелъ только сказать, что смерть не люблю людей, которые съ вами и такъ и сякъ, лѣзутъ въ дружбу, а на дѣлѣ выдаютъ васъ... Лицемѣры! двуличневые! заключилъ онъ, наступая рѣшительно на Василькова, который сидѣлъ выкативъ глаза съ видомъ совершеннаго недоумѣнія.

— Что съ тобой? Ты, братъ, просто рехнулся! сказалъ Балахновъ.

— Нѣтъ, я не рехнулся... не рехнулся я!... Помилуй, братецъ, самъ посуди, продолжалъ снисходительнѣе раздраженный Карачаевъ: — вотъ этотъ молодецъ помолвленъ, женихъ, всѣ говорятъ объ этомъ въ гостиной, всѣ, и барышни, и Лизавета Семеновна, всѣ знаютъ, всѣмъ растараторилъ, всѣ говорятъ мнѣ объ этомъ, а я стою какъ чушка да ушами хлопаю... „Вы“, говорятъ, „пріятель его, и не знаете, что онъ женится!“ Каково? какъ тебѣ это кажется?... Я никому не позволю ставить себя въ дурацкое положеніе — вотъ она въ чемъ штука-то!... Я послѣ этого не подамъ ему руки! заключилъ Карачаевъ, грозно моргая своими воспаленными бѣлками.

— Чудакъ! проговорилъ Порфирій Павловичъ, смущаясь окончательно.

— Полно, Карачаевъ! началъ увѣщевательныхъ тономъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — вотъ самъ видишь, ты всегда изъ-за пустяковъ вздоръ затѣешь... Ты долженъ понимать, братецъ, какое это деликатное дѣло...

— Деликатное дѣло, такъ молчи, не говори о немъ никому!...

— Да гдѣ-жъ мнѣ было тебя отыскивать? произнесъ Васильковъ: — вольно-же тебѣ слоняться Богъ знаетъ гдѣ...

— Что-жъ? почты нѣтъ у насъ, что ли? Ха! ха! ха! слава Богу, есть почты! Стоило написать письмо, увѣдомить, какъ слѣдуетъ между порядочными людьми: вотъ, дескать, то и то... я сейчасъ прискакалъ-бы къ тебѣ... Нѣтъ, я не я буду, если подамъ ему послѣ этого руку, и больше ничего!...

— Ну, полно, перестань! Согласись, подумай, куда-бы сталъ онъ писать, когда ни я, ни онъ, никто въ уѣздѣ не зналъ, гдѣ носила тебя нелегкая... Ну, подай ему сей же часъ руку!

— Да я не сержусь на него; что мнѣ сердиться! Я говорю только, что глупо; не могъ какъ-нибудь отыскать меня и дать знать!...

— Экой какой, право! перебилъ Васильковъ:—чудакъ! право чудакъ!...

— Ну, куда не шло! Говори: когда свадьба? воскликнулъ Карачаевъ, перемѣняя мгновенно интонацію.

— Черезъ мѣсяцъ; дня еще не могу назвать.

— Это все равно. Слушай, Порфирій, если ты возьмешь шафромъ не меня, а другаго кого-нибудь, знать тебя не хочу!

— Помилуй, братецъ! Я даже хотѣлъ просить тебя объ этомъ... точно такъ-же, какъ хотѣлъ просить Аристарха Ѳедорыча сдѣлать мнѣ честь быть посаженымъ отцомъ... Надѣюсь, Лизавета Семеновна не откажется занять мѣсто посаженой матери невѣсты?...

— Разумѣется, съ удовольствіемъ... сказалъ Балахновъ, изъявляя полную готовность.

Владѣтель Ханскихъ-Прудовъ чрезвычайно любилъ торжественные случаи. Онъ постоянно принималъ живое участіе во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся мелкихъ помѣщиковъ уѣзда. Это доставляло ему всякій разъ полную возможность занимать первое мѣсто и расточать, при случаѣ, дары высокаго своего покровительства. Чувство глубокаго уваженія и почитанія, которыми окружали его, льстило не мало его самолюбію. Все это, разумѣется, заставляло его забывать на время раны, наносимыя ему обществомъ истинно-порядочныхъ сосѣдей.

— Ну, и прекрасно! Аристархъ Ѳедорычъ посаженый отецъ, Лизавета Семеновна посаженая мать, а я дружка. Поздравляю тебя, Порфирій! закричалъ Карачаевъ, заключая въ свои объятія Василькова: — теперь, братъ, вотъ въ чемъ сила, присовокупилъ онъ съ видомъ крайней заботливости:—теперь, то-есть завтра-же, послѣ вечера ѣдемъ, тотчасъ-же...

— Куда? спросилъ Балахновъ.

— Куда! вотъ славно! ха! ха! ха!.. Сначала къ невѣстѣ, разумѣется; надо-же все это уладить, переговорить... потомъ въ губернскій городъ для закупокъ... Оркестръ, поваръ — все это я беру на себя... Только у меня, братъ, Порфирій, ни гу-гу, ни-ни! всѣмъ буду я одинъ распоряжаться. Слышь? завтра-же ѣдемъ!

— Да полно тебѣ, бѣшеная голова ты этакая! полно тебѣ мутить его! У него, я думаю, и безъ того голова идетъ кругомъ, все это сдѣлаютъ и безъ тебя; съ тебя потребуютъ только не залетѣть на время свадьбы въ какую-нибудь трущобу, гдѣ тебя съ собаками не отыщешь...

— Сдѣлай милость, нельзя-ли безъ нравоученій?... Я самъ знаю, что дѣлать, вотъ она штука-то въ чемъ!... возразилъ недовольнымъ тономъ Карачаевъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Слушай, Порфирій Павлычъ: можно, я думаю, объявить все нашимъ дамамъ? Теперь скрывать ужъ нечего, промолвилъ съ улыбкою Балахновъ.

Порфирій Павловичъ обнаружилъ при этомъ не только согласіе, но даже величайшую радость. Какъ всѣмъ страстно-влюбленнымъ, ему давно прискучили дѣловые толки Аристарха Ѳедоровича, хлопотавшаго о матеріальномъ благосостояніи будущей его жизни; сердце его, переполненное самыми нѣжными чувствованіями, оставалось глухо къ благоразумнымъ совѣтамъ пріятелей и давно уже порывалось въ гостиную, гдѣ сидѣли дамы; тамъ только можно было найдти сочувствіе пылко-влюбленному, тамъ только поймутъ и оцѣнятъ его. Васильковъ угадалъ вѣрно. Какъ только Аристархъ Ѳедоровичъ объявилъ, что Порфирій Павловичъ женится, что свадьба назначена въ началѣ будущаго мѣсяца — всѣ дамы испустили радостный крикъ, какъ-будто слышанное было для нихъ самою свѣжею новостью; потомъ онѣ встали съ своихъ мѣстъ, окружили жениха, засыпали его любезностями, обнаруживая въ каждомъ движеніи трогательную симпатію. Со стороны Кошкина услышалъ онъ также самыя лестныя и радушныя привѣтствія. Въ одномъ только ошибся Порфирій Павловичъ: онъ думалъ обрадовать этимъ извѣстіемъ особенно трехъ барышень, а вышло на повѣрку, что барышни приняли новость холоднѣе Кошкина. Это происходило оттого, что дружеское расположеніе Кокуркиныхъ было слишкомъ искренно; связь Василькова съ семействомъ, которое, по разнымъ отношеніямъ, не благопріятствовало барышнямъ, должна была лишить ихъ навсегда перваго мазуриста, перваго любезника и самаго веселаго и милаго кавалера. Къ этому

примѣшивалось также чувство ревности, которое суждено испытывать особамъ прекраснаго пола даже въ дѣлахъ дружбы. Всѣхъ недовольнѣе казалась толстая Вѣра Андреевна; она хотя и объявила съ веселой улыбкой, что съ завтрашняго дня начнетъ готовить бальное платье и новые башмаки, но тотчасъ-же сѣла къ окну и погрузилась въ раздумье. Счастье Василькова было, однакожъ, такъ велико, что не могло омрачиться такими замѣчаніями. Онъ принялся описывать физическія и нравственныя красоты своей невѣсты, которую называлъ алмазомъ, перломъ и существомъ небеснымъ, посланнымъ на землю единственно для того только, чтобъ подарить его невообразимымъ блаженствомъ. Увлеченный обворожительною картиною своей будущности, онъ распространился о семейной жизни, давая почувствовать всѣмъ и каждому, что истинное назначеніе человѣка заключается въ томъ, чтобъ быть семьяниномъ, что тутъ только познаетъ онъ себя и выказываетъ, такъ сказать, духовную сторону бытія своего; описалъ въ поразительно-вѣрныхъ краскахъ горькое положеніе холостяка, которому негдѣ согрѣть сердца, некуда преклонить голову; мало-по-малу перешелъ къ будущему своему хозяйству, сказавъ притомъ, что хотя оно и заключается въ бѣдной, скромной хижинѣ на берегу живописной рѣчки, но тѣмъ не менѣе подаритъ его миромъ и покоемъ, столь сладостными послѣ скитальческой и полной треволненій жизни. Разстрогавъ до слезъ всѣхъ дамъ поэтическими эпизодами печальной, одиноко-сиротской молодости своей, Порфирій Павловичъ прибавилъ, что утомился ужъ жизнью, гдѣ всюду одна лишь мишура и декораціи, что избралъ покой и, въ подтвержденіе сказаннаго, заключилъ нѣжно-взволнованнымъ голосомъ: да-съ,

Есть тихіе брега покинуть для волненья
И бросить якорь свой у пристани забвенья...

— „Боже мой, Боже мой! давно-ли говорилъ онъ, что ничего не можетъ быть лучше холостой жизни, когда никому не отдаешь отчета, а живешь съ тѣми, кто милъ сердцу!“ думала, между тѣмъ, средняя Кокуркина, не сводя тоскливыхъ глазъ съ восторженнаго лица перваго мазуриста. Слово за словомъ, разговоръ сдѣлался общимъ и постепенно перешелъ къ другому предмету; но Васильковъ и тутъ-таки успѣлъ обратить на себя лестное вниманіе дамъ. Онъ говорилъ безъ умолку, вставляя свое слово въ каждый разговоръ, касавшійся до него лично, и даже посторонній. Порфирій Павло-

вичъ считалъ непремѣннымъ долгомъ, какъ только судьба ставила его въ дамское общество, болтать языкомъ безъ умолку. Иной разъ скучненько было, мысль не лѣзла въ голову, но дѣлать было нечего, онъ поставилъ себѣ за правило быть учтивымъ кавалеромъ, занимать дамъ и обнаруживать передъ ними во всѣхъ случаяхъ тончайшую любезность. Для дамы онъ готовъ былъ, какъ герой шиллеровской баллады, броситься изъ-за перчатки въ пасть къ освирѣпѣлымъ львамъ и тиграмъ. И все это дѣлалось такъ безкорыстно, разумѣется, безъ всякой задней мысли. Такія убѣжденія, нужно сознаться, были врѣзаны въ Василькова барышнями Кокуркиными. Услышавъ, что въ другомъ концѣ гостиной шла рѣчь о Бобоховѣ, Порфирій Павловичъ объявилъ тотчасъ-же во всеуслышаніе, что знаетъ какъ нельзя лучше этого Бобохова, что они служили вмѣстѣ юнкерами, и что въ то время, какъ полкъ ихъ стоялъ на травяномъ продовольствіи, онъ и Бобоховъ жили въ одной избѣ, спали на одной лавкѣ, ѣли изъ одной чашки. Такъ какъ Василькова считали въ уѣздѣ честнѣйшимъ малымъ, какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ, то дамы, нашпигованныя любопытствомъ касательно сосѣда-милліопера, закидали вопросами Порфирія Павловича.

Какъ ни былъ любезенъ Васильковъ, однакожъ онъ вскорѣ почувствовалъ, что не въ силахъ болѣе устоять противъ соблазнительныхъ пуфовъ табачнаго дыма, пускаемыхъ сидѣвшимъ подлѣ него Кошкинымъ. При дамахъ онъ никогда-бы не рѣшился курить— это также не было въ его правилахъ—и потому, повернувшись на тонкихъ своихъ ножкахъ, улучилъ минуту и юркнулъ въ залу. Встрѣтивъ Дрянкова, который ходилъ взадъ и впередъ съ заложенными на спину руками, Васильковъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Я слышалъ, ты, братъ, женишься... весь домъ говоритъ объ этомъ... сказалъ Аполлонъ Егоровичъ, мрачно покручивая пучечки щетинъ, торчавшихъ у него подъ носомъ.

— Да, другъ мой, да! Надоѣло таскаться по свѣту; душа, знаешь, утомилась и проситъ отдохновенія! отвѣчалъ Васильковъ, пожимая руку проживальщика и увлекая его въ бильярдную.

— А! вотъ онъ, сизый голубочекъ! Ну, что ты тамъ съ бабьемъ-то засидѣлся?... А мы такъ съ Ванюшей оканчиваемъ ужъ третью партію, сказалъ Карачаевъ, ударяя кіемъ по бильярду.

— Смерть, братецъ, покурить захотѣлось, произнесъ Васильковъ, ласково кивая карачаевскому партнеру, которымъ былъ никто другой, какъ извѣстный уже сухопарый Иванъ.

— Трубку Порфирью Павлычу, живаа..а! гаркнулъ Карачаевъ, обращаясь къ Ивану и поднявъ въ то же время къ губамъ свою рюмку, стоявшую на сосѣднемъ стулѣ. — Ну, Порфирій, партійку! десять очковъ впередъ даю. Э! была не была! продолжалъ онъ, покуривая изъ дорожнаго чубучка.

— Хорошо; кончи прежде партію, я послѣ; смерть курнуть хочется! отвѣчалъ Васильковъ, принимая трубку изъ рукъ Ивана и садясь на диванъ подлѣ Дрянкова.

— Ну, Аполлонъ Егорычъ, скажи-ка, что ты подѣлываешь. Мы, вѣдь, давно съ тобой не видались...

— Че-е-во? Что онъ подѣлываетъ? Да ты спроси у меня объ этомъ, ха! ха! ха! заголосилъ Карачаевъ, прицѣливаясь кіемъ: — эхъ-ма! чуть-было не положилъ своего бѣляка въ лузу!

— Да, спроси у Карачаева; онъ тебѣ объяснитъ все, что хочешь; распишетъ, какъ по маслу, значеніе всей литературы, если хочешь, произнесъ съ горькой улыбкой Аполлонъ Егоровичъ. — Мое намѣреніе, прибавилъ онъ, мрачно насупивъ брови: — ѣхать въ Петербургъ: одинъ извѣстный журналъ предлагаетъ мнѣ купить мою повѣсть...

— Не вѣрь! кому нужна его „Непризнанная Индѣйка!“ Не вѣрь, Порфирій! крикнулъ Карачаевъ, переваливаясь черезъ бортъ бильярда.

— Намѣреніе мое, продолжалъ Дрянковъ, бросая презрительный взглядъ: — оставить этотъ домъ, гдѣ добра не дождешься.

— Что-о-о? О какомъ домѣ ты осмѣливаешься говорить?... воскликнулъ Карачаевъ, мгновенно измѣняя голосъ и подходя къ дивану.

— Да, я говорю о здѣшнемъ домѣ, возразилъ проживальщикъ, лицо котораго перекрылось зеленоватымъ оттѣнкомъ: — о домѣ, гдѣ всякій... да, всякій даетъ себѣ волю, гдѣ даже самъ хозяинъ не различаетъ людей, гдѣ образованіе...

— Ка-а-къ? И ты смѣешь бранить Лизавету Семеновну? закричалъ Карачаевъ.

— Сдѣлай милость, братецъ, оставь меня въ покоѣ... Лизаветы Семеновны я не трогаю...

— Полно, Павелъ, охота тебѣ... эхъ! пробормоталъ Васильковъ.

— А ты что? Я не съ тобой говорю. Цѣлуйся съ своей невѣстой и больше ничего. Какъ? Лизавета Семеновна, которая одѣла, обула его, Лизавета Семеновна... и ты осмѣлился?...

— Павелъ Петровичъ! Павелъ! полно! Говорятъ тебѣ, онъ не

упомянулъ даже о Лизаветѣ Семеновнѣ. Оставь; у каждаго, братъ, есть свои непріятности, ласково произнесъ Васильковъ.

— Все равно! онъ бранитъ домъ, домъ, въ которомъ всѣ мы считаемъ за честь быть приняты. Развѣ мы хуже его?... Да знаешь-ли ты? Скажи еще одно, скажи одно слово—и я...

— Павелъ Петровичъ, послушай... Ты смѣшалъ, братецъ ты мой; онъ совсѣмъ не то хотѣлъ сказать. Перестань, сдѣлай милость... ну, хоть для меня...

— Не то хотѣлъ сказать? возразилъ Карачаевъ, значительно понижая голосъ.—Ну, такъ что-жъ послѣ этого въ его литературѣ, когда онъ говорить не умѣетъ?... А еще толкуешь, что деньги даютъ тебѣ за сочиненіе! Выучись говорить прежде... Ну, Ваня, сколько очковъ? заключилъ Карачаевъ, неожиданно повертываясь къ бильярду.

— Вотъ ты самъ былъ свидѣтелемъ, сказалъ Дрянковъ, наклонясь на этотъ разъ къ самому уху собесѣдника:—я даже радъ, признаться, этой сценѣ; самъ суди, каково жить въ такомъ домѣ... Тутъ не только какія-нибудь повѣсти, но даже мысль, простая мысль не прійдетъ въ голову... Ты счастливъ, братецъ, и, согласно законамъ психологическимъ, тебѣ теперь не могутъ быть понятны страданія человѣка...

— Ты ошибаешься... Хотя, дѣйствительно, счастливѣе меня нѣтъ человѣка въ цѣломъ уѣздѣ, я все-таки понимаю тебя...

— Эхъ, промахнулся! Ишь его, негодяй, широкъ въ плечахъ, въ лузу не лѣзетъ! перебилъ Карачаевъ, стуча кіемъ по желтому:— а все ты, Ваня, экая зюзя! право зюзя! а еще комедіанщикъ! Ну, на какого лѣшаго подставилъ ты маску?...

— Да чего-жь вы-то смотрѣли, Павелъ Петровичъ? А вамъ-бы краснымъ подрѣзать! отвѣчалъ Ваня, охорашиваясь.

— Сколько я проигралъ?

— Три нынче, да вечоръ у Барабанчикова восемь, да за вами было прежде семь...

— Эка штука! на квитъ! крикнулъ Карачаевъ, допивая рюмку.

Ваня тряхнулъ волосами. Карачаевъ снова взялся за кій, и началась новая партія.

— Ты понимаешь, говоришь, мое положеніе, продолжалъ между тѣмъ Аполлонъ Егоровичъ:—но поймешь еще лучше, когда я прочту тебѣ свою повѣсть... Я прочту ее тебѣ, если хочешь, сегодня вечеромъ, когда всѣ пойдутъ спать, добавилъ онъ шопотомъ.

Порфирій Павловичъ изъявилъ, какъ изъявлялъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни, совершенную готовность исполнить требуемое; онъ сталъ даже просить автора пріѣхать къ нему со временемъ въ домъ, дабы усладить чтеніемъ повѣсти минуты его семейнаго счастія; но Карачаевъ не далъ ему окончить, требуя настоятельно обѣщанную партію.

Партія, однакожъ, не состоялась; потому-что Аристархъ Ѳедоровичъ прислалъ сказать, что на террасѣ всѣхъ ожидаетъ чай.

Чай разливала дѣвица Сараманаева, и это обстоятельство, позволявшее Карачаеву подливать рому сколько душѣ было угодно, развеселило его окончательно. Послѣ чая, Вѣра Андреевна Кокуркина, первая затѣйница всѣхъ возможныхъ общественныхъ увеселеній, предложила кататься въ лодкѣ. Предложеніе принято было съ восторгомъ.

— Лизочка, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, нѣжно цѣлуя жену, которая вспыхивала каждый разъ при такой нѣжности, хоть и была уже десять лѣтъ замужемъ: — душенька, повторилъ Балахновъ, цѣлуя ее вторично: — тебѣ-бы не худо накинуть что-нибудь на плечи: вечеръ сырой; къ тому-же роса падаетъ, на водѣ будетъ холодно; да и вамъ, mesdames, совѣтовалъ бы сдѣлать то-же самое, присовокупилъ онъ, обращаясь съ любезностью къ Кошкиной и Кокуркинымъ.

Минуту спустя, дамы явились на террасу, закутанныя въ платки и мантильи, мужчины, въ числѣ которыхъ находились Копковъ и Дрянковъ, вооруженные картузами и трубками, и Карачаевъ съ гитарою Копкова за плечами, стояли на террасѣ, ожидая сойти въ садъ.

По сигналу, данному хозяиномъ дома, Семенъ Семеновичъ поправилъ очки и, выразивъ на желтомъ лицѣ очаровательную улыбку, поспѣшилъ предложить руку хозяйкѣ.

Но потому-ли, что Лизавета Семеновна не заблагоразсудила подать руку предупредительному кавалеру, или просто хотѣла идти одна, она сдѣлала видъ какъ-будто не замѣтила его движенія, повернулась къ нему спиной и отошла къ Кокуркинымъ. Взглядъ, брошенный на нее мужемъ, потерялся въ пространствѣ; она стояла къ нему спиною.

— Ну, я пойду съ Володенькой! сказалъ Кошкинъ сахарнымъ голоскомъ, въ которомъ замѣтны были смущеніе и досада: — мы съ нимъ старые друзья; онъ, я увѣренъ, ни на кого меня не промѣняетъ. Володенька, пойдемъ, дружокъ, со мною... прибавилъ онъ, подходя къ мальчику и ласково наклоняясь къ нему.

— Нѣтъ, я не пойду съ вами... произнесъ вполголоса ребенокъ, который не могъ видѣть отца за спиною Кошкина.

— Отчего-же, дружокъ?...

— Такъ, не хочу. Я пойду съ Конковымъ.

— Но отчего-же не со мной?...

— Оттого, что... оттого... я васъ не люблю! отвѣчалъ Володя, хмуря брови и отворачиваясь въ сторону.

— Ха, ха, ха! вотъ славно! сказалъ Семенъ Семеновичъ, смѣясь усиленнымъ, кисленькимъ смѣхомъ:—ну, какъ хочешь, дружокъ, я тебя нисколько не принуждаю...

— Что такое? въ чемъ его принуждаютъ?... спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, хмуря брови и подходя къ Кошкину и ребенку.

Лизавета Семеновна, а за ней и остальныя дамы подошли къ Володѣ, который, очутившись передъ отцомъ, побѣлѣлъ, какъ известь.

— Нѣтъ, ничего... Между нами произошла маленькая ссора, проговорилъ Кошкинъ голосомъ невинности. — Володя объявилъ мнѣ, что онъ меня не любитъ и не пойдетъ гулять со мной, промолвилъ онъ съ сожалѣніемъ...

Величественное лицо Аристарха Ѳедоровича вздрогнуло, словно отъ гальваническаго удара; высокій лобъ его мгновенно покрылся красными пятнами.

— Это еще что значитъ?... вонъ! закричалъ онъ грозно, насупивъ брови и указывая сыну на дверь гостиной.

Ребенокъ, рыдая, покинулъ террасу.

— Аристархъ Ѳедорычъ, полноте! Помилуй, братецъ, вотъ вздоръ какой! Прости его: ребенокъ! заговорили въ одинъ голосъ присутствовавшіе, окруживъ Балахнова.

— Нѣтъ, ужъ извините, mesdames, его надо наконецъ хоть разъ проучить хорошенько. Это изъ рукъ вонъ! Я давно замѣчаю за нимъ кой-какія черты вовсе... не знаю только, откуда черты эти прививаются... произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, бросая значительный взглядъ женѣ, которая стояла подлѣ Кошкиной, стараясь подавить слезы.

Маленькая эта катастрофа ни мало не повредила прогулкѣ, и общество потянулось гурьбой по садовымъ дорожкамъ, спускавшимся къ прудамъ, которые ярко сіяли посреди зелени, начинавшей уже покрываться тѣнью.

Минуту спустя, большая лодка, украшенная флюгерами и расписанная самымъ затѣйливымъ образомъ, отчалила отъ берега, таща за

собою длинную, волнистую струю, въ которой играли и дробились послѣдніе лучи солнца. Вечеръ былъ чудесный; чистое небо, исполосованное только на закатѣ золотыми облаками, отражалось цѣликомъ въ широкомъ прудѣ, гладкомъ какъ зеркало. Тишина возмущалась лишь плескомъ веселъ; изрѣдка присоединялся къ этому отдаленный говоръ поселянъ, возвращавшихся съ поля, или дребезжанье телѣжки, скакавшей гдѣ-то въ сторонѣ по пыльной дорогѣ. Воздухъ начиналъ уже проникаться вечернею свѣжестью. По мѣрѣ того, какъ лодка удалялась отъ берега, барскій домъ, съ его мезониномъ, службами и садомъ, сбѣгавшимъ по косогору, окрашенные золотистымъ пурпуромъ заката, выступали рѣзче и рѣзче впередъ и наконецъ, одинъ за другимъ, начиная съ мезонина, показались въ водѣ.

Васильковъ былъ въ восторгѣ; онъ думалъ о своей невѣстѣ, и воспоминаніе это сообщало въ глазахъ его тройную прелесть природѣ. Впрочемъ, каждый изъ присутствовавшихъ, кромѣ, можетъ-быть, одной Лизаветы Семеновны, казался очень доволенъ прогулкою. Всѣ сидѣли въ сладкомъ раздумьѣ и молча поглядывала другъ на друга.

— Эй, ты, литераторъ, littérateur! Ну, что голову-то повѣсилъ? греби дружнѣе! Слушай моей команды: вёсла на воду! Такъ! Что это, mesdames écoutez, кого здѣсь хоронятъ?...

Получивъ въ отвѣтъ нѣсколько жалкихъ улыбокъ, Карачаевъ сбросилъ съ плечъ гитару, взгромоздился на корму, кашлянулъ, перебралъ струны и, взявъ комически-величавую позу, запѣлъ тоненькимъ, пронзительнымъ голосомъ, очевидно, рождавшимся въ горлѣ, но выходившимъ, по какому-то странному закону, прямо изъ носа: „T'en souviens-tu disait un kapitan“...

— Нѣтъ, Карачаевъ, полно, братецъ; спой намъ лучше что-нибудь родное, національное, такое, чтобъ захватывало, знаешь, прямо за сердце! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ легкимъ оттѣнкомъ меланхоліи.

— Да, пожалуйста, братецъ, что-нибудь заунывное, произнесъ съ чувствомъ Семенъ Семеновичъ.

— Ахъ, да, русское! пожалуйста, русское! восторженно заговорили дамы, кромѣ Балахновой, которая разсѣянно глядѣла въ даль.

— Что-жъ? „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“? спросилъ, пріосанившись, Карачаевъ, слывшій большимъ знатокомъ русскихъ пѣсень и первымъ пѣвцомъ въ околодкѣ:—только écoutez, пѣсню эту надо пѣть хоромъ. Mesdames, барышни, извольте садиться подлѣ меня... Эй ты, литераторъ, Конковъ, слушать моей команды:

Ты, Порфирій, садись подлѣ барынь, ты теноръ, такъ. Эй, ты, „littérateur“, смотрѣть на меня въ оба!

Карачаевъ забренчалъ гитарой, кашлянулъ, закинулъ назадъ лысую, багровую голову—и звонкій, дребезжащій голосъ его, прерываемый громкими взрывами хора, раздался съ перекликами по всей окрестности. За первой пѣснью послѣдовали другія, исполненныя то Карачаевымъ, то Васильковымъ, у котораго былъ слабый, но сладкозвучный горловой теноръ, то всѣмъ обществомъ, не исключая даже Конкова, который прерывался и схватывалъ поспѣшно вёсла каждый разъ, когда глаза его встрѣчались съ глазами младшей Кокуркиной. Музыка, какъ и слѣдовало ожидать, произвела свое обаятельное дѣйствіе на присутствовавшихъ. Къ концу прогулки присутствовавшіе, со включеніемъ даже хозяйки дома, сдѣлались необыкновенно веселы и сообщительны, и только два человѣка, Аполлонъ Егоровичъ и Аристархъ Ѳедоровичъ, не раздѣляли, казалось, общей радости. Музыка подѣйствовала на нихъ отрицательно: она пробудила въ нихъ грустныя думы. Аристархъ Ѳедоровичъ, облокотившись на бортъ, не отрывалъ глубоко-задумчивыхъ глазъ отъ дальнихъ береговъ. Горькая улыбка человѣка непонятаго, неоцѣненнаго, пробѣгала на тонкихъ губахъ его. Видно было, что его мысли были далеко отъ всего окружающаго. Замѣтивъ эту улыбку и понявъ тайный смыслъ ея, Кошкинъ наклонился къ Василькову, шепнулъ что-то на ухо Кокуркинымъ, подалъ выразительные знаки Дрянкову, Карачаеву и Конкову; присутствовавшіе взглянули на Аристарха Ѳедоровича, потомъ переглянулись между собою, и, секунду спустя, на лодкѣ воцарилось молчаніе...

Внезапно Аристархъ Ѳедоровичъ поднялъ голову; онъ провелъ ладонью по высокому лбу, положилъ одну руку на плечо Кошкина, другую простеръ къ горизонту и произнесъ слегка взволнованнымъ голосомъ:

— Другъ, что прочно на свѣтѣ? Побужденія человѣка суть только плодъ бреннаго, тревожнаго бытія его! Къ чему ведутъ насъ высокія думы, возвышенныя стремленія?... Къ тому, чтобъ видѣть на каждомъ шагу забвеніе того, что возвышено и достойно!... Что сдѣлалъ человѣкъ съ самимъ собою? Благородство замѣнилъ онъ коварствомъ, умъ обратилъ во вредъ ближнему! Пламенная страсть переходитъ мгновенно въ ненависть, дружбу замѣняетъ непріязнь лютая! Ничто не прочно... и только вотъ, да, одна лишь природа, какъ-бы въ укоръ человѣку, остается

вѣчно неизмѣнною, вѣчно одна и та же; все исчезаетъ передъ могучимъ ея величіемъ...

Когда послѣднія слова Аристарха Ѳедоровича замерли въ отдаленіи, Кошкинъ проворно поправилъ очки, схватилъ руку Балахнова и бросилъ на него одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые для людей, понимающихъ другъ друга, дороже всякихъ фразъ и возгласовъ. Балахновъ отвѣтилъ ему выразительнымъ пожатіемъ руки и снова устремилъ задушевные взоры на дальній берегъ.

Присутствовавшіе въ молчаніи послѣдовали его примѣру.

Вскорѣ лодка причалила къ берегу, и общество направилось къ дому. Вѣра Андреевна, желая, по своему обыкновенію, развеселить компанію, предложила-было съиграть въ фанты, или протанцовать хотя одну французскую кадриль, но всѣ единодушно отказались отъ предложенія, тѣмъ болѣе неумѣстнаго, что въ залѣ давно ужъ ожидалъ ужинъ. Минуту спустя, кавалеры подали руки дамамъ, и длинная вереница потянулась изъ темной гостиной въ столовую.

— Ужасный человѣкъ! жестокій человѣкъ! пролепетала дѣвица Сараманаева, опускаясь снова всею тяжестью на руку Карачаева, который шелъ съ нею въ одной парѣ.

— За что вы на меня нападаете?... Ecoutez, ей-Богу, не знаю, что я сдѣлалъ... пусть я ослѣпну, если понимаю...

— Коварное существо!... зачѣмъ разболтали вы все Кокуркинымъ?... О, я никогда отъ васъ этого не ожидала!...

— Кто, я? Ахъ онѣ... да я сейчасъ же пойду проучу ихъ... что вы!

— Ради Бога, Павелъ Петровичъ... Павелъ... умоляю васъ, хоть для меня, не дѣлайте этого... „Я вамъ за это напишу милую записку...“ пролепетала дѣвица Сараманаева, показывая собесѣднику крупные бѣлки свои.

— Повинуюсь... Ахъ онѣ... я имъ! Повинуюсь, когда вы этого требуете—повинуюсь! шепнулъ Карачаевъ, укрощая мгновенно свою запальчивость.

Во время ужина не произошло ничего особенно-замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что Карачаевъ выпилъ залпомъ четыре рюмки сердцекрѣпительной влаги, сказавъ при этотъ, что предпочитаетъ ее во сто кратъ всякимъ шато-ла-роз-пульякамъ и прочимъ заморскимъ выдумкамъ. Пожелавъ хозяевамъ и другъ другу доброй

ночи, гости, провожаемые кто лакеями, а кто горничными, отправились въ назначенные для нихъ покои.

— Ты гдѣ спишь? въ какой комнатѣ? спросилъ Васильковъ, обнимая одной рукою Карачаева, другою приводя въ порядокъ волосяные свои волюты.

— Вотъ вопросъ! Ха! ха! ха! Ахъ, ты шутъ гороховый, тетеревъ этакой! Да гдѣ жъ я буду спать, если не съ тобой?... Я нарочно, братъ, распорядился насчетъ этого. Вотъ, смотри, если вру, прибавилъ онъ, вводя пріятеля въ маленькую комнату съ двумя постелями и кускомъ зеркала, вставленнымъ въ запачканную мухами раму. — Ну, что, Ваня, доволенъ ли ты, что привелъ я тебя сюда? спросилъ Карачаевъ, бросаясь со всѣхъ ногъ на перину и подставляя сапогъ камердинеру.

— Доволенъ, Павелъ Петровичъ, покорно благодарю.

— Вѣдь вотъ, братъ Порфирій, повѣришь ли, для чего я пріѣхалъ сюда — для него одного! У него, знаешь ты, здѣсь зазнобушка... Ну что, видѣлъ Глафиру? Что она? рада?

— Какъ же не радоваться! старые знакомые! смѣясь, отвѣчалъ Иванъ, принимаясь снимать второй сапогъ.

— Вѣдь вотъ, братъ Порфирій, что онъ мнѣ? наемный, а, право, люблю его! Ну ужъ за то скажу, братъ, тебѣ, и онъ не выдастъ; да вотъ какъ: дай ему сто рублей въ мѣсяцъ, не пойдетъ къ тебѣ... Мало того, дай двѣсти, не пойдетъ! Ты знаешь самъ, что онъ могъ бы получать большія деньги: вѣдь онъ комедіантъ и дѣлаетъ преуморительныя, братъ, штуки; ему въ губернскомъ городѣ предлагали мѣсто паяца, четыреста рублей давали на ярмаркѣ, а не пошелъ! Да что толковать! дай ему двѣсти рублей, тысячу дай — не пойдетъ, самъ спроси у него...

— Да что спрашивать! Я и безъ того вѣрю, отвѣчалъ Васильковъ, забиваясь подъ одѣяло.

— Нѣтъ, ты спроси, спроси, доволенъ ли онъ мною? Ваня, скажи ему, доволенъ ли ты мною — да, или нѣтъ? ну!

— Какъ же не быть довольнымъ? чего жъ еще надо? Слава Богу, еще бы съ вами не хорошо было жить! весело отвѣчалъ Иванъ.

— Ха, ха, ха! Иванъ, поди сюда! торжественно закричалъ Карачаевъ, принимаясь рыться въ архалукѣ. — Ваня, на тебѣ полтинникъ.

— Помилуйте, Павелъ Петровичъ; зачѣмъ мнѣ? вамъ самимъ надо...

— Бери, когда говорятъ!

— Да нѣтъ же, не надо мнѣ. Богъ съ вами; у васъ теперь у самихъ гроша нѣтъ...

— Что-о-о? закричалъ Карачаевъ, вскакивая съ постели: — Вонъ, когда такъ! Не смѣй являться на глаза! Вонъ, грубіянъ!... Ну, вотъ, братъ, прибавилъ онъ спокойно, когда вышелъ Иванъ: — видишь самъ, не человѣкъ, а золото! Послѣдній вѣдь полтинникъ отдалъ ему, а не жаль, право не жаль. Эй, Порфирій! да что ты, спишь, или нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Что жъ ты уткнулся какъ байбакъ въ стѣну?

— Я думаю...

— О чемъ? ха, ха, ха!...

— О Боже, Боже! что-то дѣлаетъ теперь моя Антониночка? произнесъ замирающимъ голосомъ Васильковъ:—что-то она теперь дѣлаетъ?... Она...

— Фу! пусто васъ побери всѣхъ влюбленныхъ! Ха, ха, ха!... Кто тамъ? промолвилъ неожиданно Карачаевъ, повертываясь къ двери.

Но, вмѣсто отвѣта, на порогѣ показался Аполлонъ Егоровичъ съ толстой тетрадью подъ мышкой.

— А! воскликнулъ Карачаевъ: — Ну, послушай, братъ Аполлонъ Егоровичъ, я забылъ тебѣ сказать: ты, братъ, не сердись на меня; лѣшій же велѣлъ говорить тебѣ въ бильярдной такъ, что тебя не поймешь...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ проживальщикъ, видимо озадаченный присутствіемъ Карачаева:—только, пожалуйста, не мѣшай намъ; мы займемся на минуту дѣломъ, присовокупилъ онъ, подходя къ Василькову.

— Ладно, читай! сказалъ Карачаевъ, закуривая трубку и подпираясь локтемъ въ подушку.

Дрянковъ снялъ со свѣчки, сѣлъ подлѣ Василькова и раскрылъ тетрадь.

— Повѣсть называется... „Непризнанная Индѣйка“... Но прежде, я думаю, нелишнимъ будетъ разсказать въ короткихъ словахъ сюжетъ ея, то-есть содержаніе... произнесъ Дрянковъ.

— Ну, мимо сюжетъ! Читай только; мы сами поймемъ и безъ твоихъ объясненій... замѣтилъ Карачаевъ, нетерпѣливо пуская клубы дыма.

Дрянковъ мрачно нахмурилъ брови, кашлянулъ нѣсколько разъ сряду и началъ:

«Свѣтило дня медленно склонялось къ горизонту и, какъ-бы тоскуя о разлукѣ съ землею, бросало на нее послѣдній прощальный привѣтъ, когда на порогѣ избушки показался старикъ, убѣленный почтенною сѣдиною. Время и заботы избороздили высокое его чело, но онъ былъ еще бодръ, и члены его, прикрытые шинелью, казались еще довольно крѣпкими. Могучая грудь почтеннаго старца, усѣянная рядомъ незабудокъ»...

— Стой! зачеркни это; негодится! крикнулъ Карачаевъ, обнаруживая живое участіе: — что это? незабудки? вздоръ! сейчасъ же вонъ ихъ!

— Ну, вотъ, самъ теперь видишь, какой ты! произнесъ Дрянковъ, сжимая кулаки, но обращая умоляющій взглядъ на Карачаева.

— Зачеркни незабудки, и я замолчу; безъ этого не хочу дальше слушатъ, вотъ въ чемъ она штука-то.

— Полно, Павелъ, оставь насъ, пробормоталъ Васильковъ, у котораго сильно слипались глаза.

— А ну, коли такъ, за порогъ же всю вашу литературу! Ступай, читай кому хочешь свои незабудки. Вонъ! я спать хочу!

И Карачаевъ безъ дальнихъ объясненій побѣжалъ къ комоду, затушилъ свѣчу и, выпроводивъ гостя, грохнулся на постель.

На концѣ темнаго корридора, подъ лѣстницей, находилась крошечная каморка, обращенная благотворительнымъ Аристархомъ Ѳедоровичемъ въ жилье для проживальщиковъ. Туда-то направилъ шаги свои Аполлонъ Егоровичъ, сжимая судорожною рукою тяжеловѣсную рукопись „Непризнанной Индѣйки“. Войдя въ каморку, онъ отыскалъ ощупью спичку и зосвѣтилъ огонь. Первый предметъ, попавшійся ему на глаза, былъ Прокисай Захаровичъ, спавшій въ своемъ углу невиннымъ сномъ младенца.

Но Аполлонъ Егоровичъ отвернулся отъ него также ненавистно, какъ отвернулся бы въ эту минуту отъ всего человѣчества. Онъ опустился на тюфякъ, придвинулъ къ постели стулъ, поставилъ на него свѣчку и, раскрывъ передъ собой повѣсть, дико заскрежеталъ зубами. Вслѣдъ затѣмъ Аполлонъ Егоровичъ уперся локтями въ подушку, положилъ угловатую свою голову между ладонями и принялся читать съ какимъ-то свирѣпо-отчаяннымъ выраженіемъ лица лучшія мѣста изъ своей повѣсти.

V.

Часть быта, которая тщательно скрывается отъ постороннихъ.

Въ то самое время, какъ Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ возсѣдалъ въ каморкѣ, опредѣленной благотворительнымъ Балахновымъ для проживальщиковъ, и, скрежеща зубами, читалъ съ какимъ-то свирѣпо-отчаяннымъ выраженіемъ на лицѣ незабвенныя страницы собственнаго своего произведенія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, черезъ двѣ стѣны, происходили сцены совершенно другаго рода.

Мѣстомъ дѣйствія служила маленькая, но красивая комната, отведенная супругамъ Кошкинымъ.

— Не хочу! не хочу! не хочу! кричала Анна Васильевна, сидѣвшая на постели и одѣтая, по-ночному, въ измятомъ миткалевомъ чепцѣ и такой же точно кофтѣ, которые, скажемъ въ скобкахъ, нисколько не соотвѣтствовали ея шелковому платью и другимъ, болѣе или менѣе дорогимъ, принадлежностямъ туалета, лежавшимъ на стулѣ: — не хочу! Вотъ славно! Что она за невидаль, что я позволю ей строить разныя гримасы, задирать носъ, да отворачиваться!... Никогда этого не будетъ, никогда, никогда! слышите ли? прибавила она, бросивъ презрительный взглядъ на мужа, который стоялъ передъ нею въ носкахъ и безъ парика.

— Да ты только выслушай, моя радость... униженно произнесъ супругъ.

— Ничего не хочу слушать! У васъ нѣтъ ни амбиціи, ни самолюбія! Вы скоро, кажется, позволите сѣсть себѣ на голову въ этомъ проклятомъ домѣ! Дѣлайте, что хотите, но чтобъ я, я, я! позволила задирать передъ собою носъ этой долговязой дурѣ, Балахновой... ха, ха, ха!... нѣтъ, mercі beaucoup, этого вы никогда не дождетесь! Завтра же, завтра утромъ, чтобъ были готовы лошади, и я ѣду.

— Что жъ изъ этого выйдетъ? скандалъ, скандалъ на весь уѣздъ, и больше ничего! отвѣчалъ сокрушенный Семенъ Семеновичъ.

— Большая нужда мнѣ въ томъ, что будутъ говорить Кокуркины какія-нибудь! Я увѣрена, что всѣ порядочные люди, которые бѣгаютъ отъ этого дома, какъ отъ чумы, оправдаютъ мой поступокъ! воскликнула Кошкина, энергически махнувъ рукой.—

Если я до-сихъ-поръ пренебрегала порядочнымъ обществомъ и ѣздила сюда, такъ дѣлала это изъ снисхожденія къ вамъ; я имѣла глупость вѣрить всѣмъ вашимъ сказкамъ...

— Да ты выслушай только, Анна Васильевна...

— А, подите! Ваши Балахновы mauvais genre, и больше ничего! перебила жена, нетерпѣливо махнувъ рукой.

— Послушай, дружокъ, я вовсе не защищаю ихъ; я даже совершенно согласенъ во всемъ съ тобой, хотя ты, признаться, слишкомъ уже строга. Нельзя же отнять ума у Аристарха Ѳедоровича; уменъ какъ ясный день! скажу болѣе: уменъ, адски уменъ, хитеръ и лукавъ, какъ бѣсъ, вдобавокъ! возразилъ Семенъ Семеновичъ.—Что жъ касается до Лизаветы Семеновны, ты сама знаешь, душа моя, причину ея гнѣва: во время оно я могъ быть ея мужемъ и... и предпочелъ тебя...

— Скажите пожалуйста! Есть ей за что сердиться! велика важность!...

— Вотъ вѣдь ты какая, Анненька! слова не можешь сказать безъ колкости. Но какъ бы тамъ ни было, прошу, умоляю тебя потерпѣть и не дѣлать скандала, продолжалъ Семенъ Семеновичъ, кашлянувъ, чтобъ придать себѣ болѣе бодрости.—Еслибъ завтра былъ день обыкновенный, я слова бы не сказалъ, право не сказалъ бы; нашли бы предлогъ—и все кончено, поѣхали бы съ Богомъ; но сама посуди, ты столько умна, что сама можешь понять: сюда съѣдется почти весь уѣздъ; хозяинъ празднуетъ день своего рожденья, и... и... вдругъ... Въ жизни нужно соблюдать нѣкоторую политику... Къ тому же завтра будетъ сюда Окатовъ; онъ почти главный рычагъ въ нашемъ дѣлѣ съ Балахновымъ, и я долженъ его видѣть...

— И вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что жена Окатова допуститъ своего мужа мѣшаться въ ваши дрязги?... Я знаю, она терпѣть не можетъ Балахнова и его долговязую; одного ея слова довольно, чтобъ онъ отъ всего отказался. Не всякій такъ охотно, какъ вы, готовъ себя компрометировать... Что вы тогда станете дѣлать съ вашимъ Балахновымъ? Всѣ ваши затѣи и надежды вздоръ и больше ничего...

— Если это случится, мы тогда посмотримъ. Я обѣщаю тебѣ, что тогда ноги нашей не будетъ въ этомъ домѣ; но покуда послушай, Анна Васильевна, Бога ради, не дѣлай, дружокъ, скандала... Къ тому же, право, моя радость, будетъ здѣсь завтра очень

весело. Ты знаешь самолюбіе Балахнова; онъ не захочетъ уронить себя, особенно въ настоящее время, гдѣ слѣдуетъ ему всѣми силами поддержать кредитъ. Тебя, кажется, не было въ залѣ, когда пріѣхали музыканты, первый оркестръ въ губерніи! Вечеромъ будетъ фейерверкъ, прекрасный фейерверкъ! Обѣдъ будетъ отличный! Я знаю навѣрное, что Балахновъ выписалъ изъ Москвы ананасовъ; если хочешь, я попрошу даже сѣмянъ... Ты порѣзвишься и потанцуешь, продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ Семенъ Семеновичъ, а послѣ завтра, чѣмъ свѣтъ, если хочешь, мы уѣдемъ!...

— Какой вы дурной, какъ я посмотрю! нашли чѣмъ плѣнять: ананасы! не видала я ананасовъ, слава Богу!... Оркестръ! ха, ха, ха!... Но, скажите пожалуйста, съ кѣмъ же прикажете танцовать: съ Карачаевымъ, или, что еще лучше, съ этимъ пучеглазымъ Васильковымъ?...

— Отчего же, другъ мой? Не одни они будутъ, будутъ и другіе...

— Но кто же, напримѣръ?

— Гм... гм... но не все ли тебѣ равно? произнесъ, спохватившись, супругъ: — неужели тебѣ не весело будетъ затмить всѣхъ?... Во-первыхъ, я увѣренъ, что даже у Лизаветы Семеновны, которую мужъ одѣваетъ, изъ тщеславія, какъ куклу, не будетъ такого платья, прибавилъ онъ, указывая на огромный ящикъ, въ которомъ заключался завтрашній туалетъ жены.

— Скажите, какая честь быть лучше этой муміи, или какихъ-нибудь столѣтнихъ Кокуркиныхъ и Сараманаевыхъ!...

— Полно, душа моя! сказалъ супругъ таявшимъ голосомъ: — я знаю, всему этому причиной твоя желчь и слабые нервы. Полно, поступи такъ, какъ дѣлалъ одинъ древній философъ, кажется даже... Нума Помпилій, если не ошибаюсь; онъ всегда говорилъ, что предпочитаетъ быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ, прибавилъ Семенъ Семеновичъ, желавшій отъ всей души разсѣять, разсмѣшить и хоть этимъ способомъ склонить на свою сторону капризную супругу: — итакъ ты согласна со мною?

Но, вмѣсто отвѣта, Анна Васильевна прищурила свои черные глазки, сдѣлала кислую мину и завернулась въ одѣяло.

— Анюта, Анненька... ты спишь, душа моя? спросилъ послѣ минутнаго молчанія Семенъ Семеновичъ.

— Ахъ, оставьте меня, подите прочь! сказала Кошкина, придвигаясь между тѣмъ къ стѣнкѣ. Семенъ Семеновичъ взглянулъ на жену, потеръ потихоньку руки и задулъ свѣчу...

Мы перенесемся теперь на противоположный конецъ дома и посмотримъ, что дѣлалось въ спальнѣ самихъ хозяевъ. Но прежде не мѣшаетъ познакомить читателя съ наружностью и расположеніемъ этой спальни.

Я былъ всегда того мнѣнія, что сокровенныя комнаты, каковы, напримѣръ, кабинетъ и спальня, высказываютъ склонности и вообще весь характеръ своихъ владѣльцевъ несравненно краснорѣчивѣе, чѣмъ самая физіономія этихъ владѣльцевъ. Господинъ или дама въ гостиной и тотъ же господинъ или дама въ спальнѣ или кабинетѣ, какъ извѣстно, два существа совершенно разныя. Я даже увѣренъ, что такія превращенія ровно ничего не значатъ въ сравненіи съ самыми неожиданными театральными превращеніями, гдѣ часто изъ цвѣтущей долины вдругъ дѣлается мрачная пещера, и наоборотъ. Въ гостиной или свѣтѣ, что одно и то же, всѣ люди почти одинаковы: всѣ равно милы, привлекательны, любезны, или стараются по крайней мѣрѣ быть такими, и только въ завѣтныхъ комнатахъ являются они сами собою, то-есть такими, какіе они на самомъ дѣлѣ. Мы окружаемъ и обставляемъ себѣ по возможности всѣмъ, что соотвѣтствуетъ нашему вкусу, и вкусъ этотъ долженъ, слѣдовательно, приблизительно выражать наши склонности; мельчайшія привычки, обычаи — словомъ, все, что составляетъ всего человѣка и что тщательно иной разъ скрывается имъ отъ свѣта, является въ поразительно вѣрныхъ краскахъ на полкахъ, мебели и стѣнахъ его кабинета. Вы убѣждены, напримѣръ, что г. Z., страстный поклонникъ отечественной словесности — прекрасно; вы глазамъ не вѣрите, найдя въ его кабинетѣ однѣ губернскія вѣдомости, прикрытыя стаканомъ квасу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ объявляется о продажѣ борзыхъ собакъ. Но въ томъ-то и штука, что вы знали поддѣльнаго г. Z., тогда какъ, вотъ вамъ настоящій. — Господинъ П. кажется вамъ человѣкомъ характера могучаго и твердаго, силы воли непоколебимой, гордости непреклонной: посмотрите-ка на него, когда онъ остается наединѣ съ женою — совсѣмъ не то! Все зависитъ оттого, съ какой точки зрѣнія смотрѣть. Каждый домъ, каждая квартира, какъ бы малы ни были — тотъ же театръ, разгороженный на сцену и кулисы: вся разница въ томъ, что дѣйствующія лица занимаются актерскимъ ремесломъ изъ любви къ искусству, не приписаны ни въ какой труппѣ и не получаютъ жалованья. Повѣрьте, такъ!... Спальня Лизаветы Семеновны, чтобъ окончить дальнѣйшія объясненія, находилась подлѣ

маленькой комнаты, которая оканчивала собою уголъ дома, затерянный въ глухой и запущенной части сада. Обращенная когда-то въ великолѣпный будуаръ, спальня не представляла теперь тѣни прежней роскоши: все было просто и печально, какъ наружность самой хозяйки. Исторія преобразованія будуара въ спальню достойна замѣчанія: она составила эпоху въ жизни Балахновой. Два года послѣ свадьбы и вскорѣ послѣ ссоры Аристарха Ѳедоровича съ Солонеевымъ, Лизавета Семеновна обнаружила замѣтное охлажденіе къ окружавшему ея міру; сплетни, дрязги, послѣдовавшія за ссорой, балы, обѣды, съѣзды, явившіеся какъ противодѣйствіе, и, главное — равнодушіе Аристарха Ѳедоровича, которому, конечно, не до того уже было, чтобъ заниматься дѣтьми и женою — все это заставило Лизавету Семеновну искать жизни въ другой сферѣ. Нечего и говорить, что душа ея проникалась болѣзненной тоскою, когда она мысленно устремляла взоръ въ будущее. Тщеславіе и самолюбіе мужа, доходившія до помѣшательства, должны были подточить въ скоромъ времени состояніе дѣтей: материнское сердце бѣдной женщины обливалось заранѣе кровью и ожесточалось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Видя, что усилія ея, стремившіяся къ тому, чтобъ подавить въ Балахновѣ пошлое, пустое чувство, возвратить его къ обязанностямъ отца и мужа — были напрасны, Лизавета Семеновна почувствовала, что завѣса, опущенная разъ навсегда между его и ея интересами, становилась съ каждымъ часомъ гуще и гуще. Мало-по-малу она переселилась въ маленькую комнату верхняго этажа, гдѣ жили ея дѣти и старая няня, носившая ее на рукахъ. Аристарху Ѳедоровичу это очень не понравилось: въ головѣ его носился совсѣмъ другой идеалъ жены и подруги жизни. Оказывалось на повѣрку, что Лизавета Семеновна не только не играла никакой роли, но даже не подавала надежды играть когда-нибудь роль въ уѣздномъ кругу. Слѣдствіемъ этого было то, что Балахнова сильно упала въ мнѣніи своего величаваго супруга. „Я ошибся“, подумалъ Аристархъ Ѳодоровичъ, натирая докрасна дипломатическій свой лобъ: „страсти увлекли меня! такая женщина не въ состояніи понять возвышенныя стремленія человѣка, стоящаго выше другихъ! Я горько ошибся! мелкія, жалкія натуры!...“

Имъ чувствъ высокихъ не дано!
Отъ колыбели до могилы имъ пресмыкаться суждено!

заключилъ Балахновъ, подавляя вздохъ. Все это было совершенно справедливо. Но такъ какъ, съ другой стороны, Лизавета Семе-

новна исполняла безпрекословно всѣ его прихоти, являлась, въ случаѣ надобности, съ веселымъ лицомъ въ гостиную, принимала гостей въ роскошномъ будуарѣ съ батистовымъ платкомъ въ рукѣ, то онъ и оставлялъ ее въ покоѣ. Онъ не сказалъ даже слова, когда, по прошествіи нѣкотораго времени, жена упросила его перевести дѣтей внизъ, отдать имъ прежнюю спальню свою, а изъ будуара устроить себѣ комнату. Ему было совершенно все равно: главное—былъ бы будуаръ въ домѣ; а такъ-какъ прежній далеко не соотвѣтствовалъ его постепенно развивавшемуся вкусу, то онъ съ радостью перенесъ его въ сосѣднюю комнату. „Оно будетъ повиднѣе!“ Онъ тотчасъ же велѣлъ снять всѣ полки, всѣ бездѣлушки, ковры, картинки, бронзу, фарфоръ и украсилъ ими новую комнату; даже цвѣтныя стёкла, украшавшія прежнія окна, перешли въ новый будуаръ.

Новый этотъ будуаръ, истинная bête noire Лизаветы Семеновны, доставлялъ долгое время великое наслажденіе Аристарху Ѳедоровичу. На первыхъ порахъ онъ даже никого не хотѣлъ принимать нигдѣ, кромѣ этого мѣста. Когда гости усаживались въ гостиной въ ожиданіи хозяевъ, Балахновъ давалъ маленькое наставленіе Володѣ и поспѣшно посылалъ его къ гостямъ. „Гдѣ мамаша, душенька?“ спрашивали обыкновенно гости. „Въ бодоарѣ“, отвѣчалъ ребенокъ, которому было тогда четыре года. Гости отправлялись въ бодоаръ, и встрѣчали всякій разъ самый радушный, привѣтливый и любезный пріемъ со стороны хозяина. Какъ бы тамъ ни было, Лизавета Семеновна была очень довольна такой перемѣной: это давало ей возможность жить вмѣстѣ, почти въ одной комнатѣ, съ дѣтьми, и жить какъ можно дальше отъ будуара. И какъ часто бѣдная женщина, сидя у окна своей маленькой дѣтской, окруженная дѣтьми, отдыхала душою и сердцемъ послѣ великолѣпныхъ баловъ и обѣдовъ Аристарха Ѳедоровича! какъ часто, обвивъ руками и прижавъ къ груди дѣтей своихъ, забывала она свое горе! Но какъ часто за то тѣ же самыя дѣти заставали свою добрую маму съ заплаканными глазами! Какъ часто тогда соединенное усиліе маленькихъ ручекъ было напрасно, чтобъ оторвать ее отъ окна, уныло глядѣвшаго мутными стеклами на глухую часть сада, опустошенную осеннимъ ливнемъ!... Но мы удаляемся отъ предмета. Намъ слѣдовало перенестись въ спальню Лизаветы Семеновны и посмотрѣть, что дѣлалось тамъ въ это время, когда гости укладывались по своемъ мѣстамъ, прикутывались въ свои одѣяла и ве-

село разговаривали, вникая, какъ водится, въ характеръ и нравственныя качества хозяина и хозяйки гостепріимнаго дома.

Балахнова сидѣла на чахломъ соломенномъ стулѣ, прислоненномъ къ ея узенькой постели. Вытянувъ ноги, опустивъ худощавыя кисти рукъ на колѣни, склонивъ голову, она напоминала собой одну изъ тѣхъ мраморныхъ фигуръ, которыми украшаютъ гробницы; неподвижность ея положенія довершала сходство. Совсѣмъ другое зрѣлище представлялъ Аристархъ Ѳедоровичъ, расхаживавшій нетерпѣливыми шагами изъ одного угла въ другой, съ закинутыми за спину руками. Тусклый, едва вздрагивавшій свѣтъ нагорѣвшаго сальнаго огарка, воздвигнутаго на коммодѣ (Аристархъ Ѳедоровичъ допускалъ стеариновыя свѣчи только въ парадныхъ комнатахъ), не позволялъ, къ несчастью, различать выраженія лица его. Въ спальнѣ было почти темно, и большая часть свѣта выходила изъ растворенной двери дѣтской; тамъ, въ углу, передъ образами, теплилась постоянно лампадка, зажигаемая каждый вечеръ заботливою рукою няни. Принимая, однакожъ, въ соображеніе яростные толчки, которые посылалъ Балахновъ носкомъ сапога въ лохмотья зеленаго сукна, украшавшаго полъ бывшаго будуара, должно полагать, что душа его вмѣщала въ себѣ цѣлую бурю; недоставало только грома и молній. Казалось, гроза собиралась покуда еще въ черныхъ тучахъ, облипавшихъ высокое чело Балахнова, и ждала удобнаго случая, чтобъ ударить всею силой и пронестись съ перекатами по огромному дому, погруженному въ мрачное молчаніе. Случай вскорѣ представился: Аристархъ Ѳедоровичъ зацѣпилъ носкомъ сукно, терпѣніе его лопнуло, и рѣчь посыпалась крупнымъ градомъ:

— Я давно хотѣлъ объясниться съ вами, сударыня! началъ Аристархъ Ѳедоровичъ, внезапно останавливаясь передъ женою, которая не перемѣнила прежняго своего положенія.—Я долго вооружался терпѣніемъ, но всему есть конецъ; терпѣніе мое истощилось! Что означаетъ обращеніе ваше съ людьми, которыхъ я приглашаю въ домъ свой? Я не позволю, я не хочу, чтобъ вы поворачивались спиною и дѣлали ваши плаксивыя, презрительныя мины людямъ, которыхъ я удостоилъ своимъ расположеніемъ и дружбой... Слышите ли, что я говорю, милостивая государыня?... примолвилъ онъ, величественно выпрямляясь.

Лизавета Семеновна ничего не отвѣчала; она продолжала сидѣть неподвижно, и только грудь ея волновалась сильнѣе прежняго.

— Вы думаете, что ваши обязанности заключаются въ томъ только, чтобъ няньчиться съ дѣтьми съ утра до вечера! продолжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, принимаясь расхаживать по комнатѣ, но остановился, увидѣвъ, что жена привстала со стула и заперла дверь дѣтской.

— Что это значитъ? спросилъ онъ:—не хотите ли вы, сударыня, подаритьмен я новой сценой?... Объявляю вамъ впередъ, что ваши слезы и жалобы ровно ничего не сдѣлаютъ...

— Нѣтъ, я только заперла дверь, чтобы вы не разбудили дѣтей, тихо отвѣчала жена, опускаясь на прежнее мѣсто.

— Не мѣшало бы вамъ обратить частичку этого нѣжнаго участія и заботливости къ интересамъ вашего мужа! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, съ видомъ человѣка, который считаетъ непремѣнною своею обязанностью сдѣлать строгій выговоръ, но чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что лицо, къ которому обращается рѣчь, такъ ничтожно и слабо, что не стоитъ обнаруживать передъ нимъ запальчивость.

— Я готова бы всей душой исполнить ваши желанія... еслибъ... еслибъ видѣла въ томъ, что вы называете „ваши интересы“,какое нибудь для васъ счастье...сказала она кроткимъ голосомъ.

— О! я вовсе не требую, чтобъ ваше участіе простиралось такъ далеко! Вы не въ состояніи были бы понять моихъ пѣлей. Но, прибавилъ онъ, гордо выпрямляя грудь:—въ васъ нѣтъ для этого достаточной доли того возвышеннаго, благороднаго честолюбія; къ тому же я самъ очень хорошо знаю, что дѣлаю. Я хотѣлъ только спросить васъ: что сдѣлалъ вамъ Кошкинъ? за что, за какія напасти стараетесь вы обнаруживать къ нему, при всякомъ удобномъ случаѣ, явное презрѣніе? Можетъ быть, сударыня, вы дѣлаете это потому, что я, я, оказываю ему предпочтеніе передъ другими, что онъ, можетъ быть, единственный человѣкъ, который чувствуетъ ко мнѣ истинную привязанность?...

— Я не думаю... произнесла Лизавета Семеновна, медленно подымая глаза на мужа.

— Вы не думаете... но когда я говорю, сударыня, сталобыть, я знаю, что говорю!

— Вы можете ошибаться точно такъ же, какъ и всякій другой, сказала она мягкимъ, но убѣдительнымъ тономъ. — Я увѣрена, что этотъ Кошкинъ обманетъ васъ, рано или поздно, точно такъ же, какъ прежніе ваши пріятели, если не хуже...

— Та-та-та, сударыня! все это пустяки, бредни; вотъ это, признаться, мнѣ очень нравится! Не хотите ли вы меня учить, какъ вести себя, какъ жить съ людьми? меня! меня!! меня!!!... воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, возвышая постепенно голосъ.

— Бога ради тише... проговорила она боязливо, оглядываясь на дверь дѣтской.

— Этого только не доставало! продолжалъ Балахновъ, понижая голосъ и принимаясь величественно расхаживать по комнатѣ.—А вотъ, если хотите знать, я вамъ докажу, на сколько я дальновиднѣе васъ. Я знаю, за что вы ненавидите Кошкина: вы ненавидите его за то, что я далъ ему взаймы три тысячи, которыя, три тысячи, вамъ хотѣлось употребить на гувернера и нѣмку для дѣтей. О, я давно это понялъ! Но позвольте вамъ замѣтить, что я, во-первыхъ, не намѣренъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, во-вторыхъ, самъ очень хорошо знаю, что̀ нужно моимъ дѣтямъ и что̀ нѣтъ. Вы думаете, что если я не просиживаю съ ними цѣлые дни за азбукой, да не цѣлую ихъ, такъ ужъ я и не отецъ? Разъ навсегда прошу васъ не говорить мнѣ о дѣтяхъ: я самъ понимаю свои обязанности... Въ заключеніе прошу васъ впредь не давать мнѣ повода къ подобнымъ объясненіямъ и обращаться съ людьми, которыхъ я удостоиваю своей дружбой, приличнѣе—словомъ сказать, такъ, какъ подобаетъ благовоспитанной дамѣ, дамѣ хорошаго круга и хозяйкѣ... Надѣюсь, вы можете для меня это сдѣлать? До сихъ поръ вы, кажется, не можете на меня жаловаться: не исполнялъ ли я малѣйшихъ вашихъ желаній и даже прихотей?...

— Я никогда ничего не требовала, сказала она.

Она взглянула на мужа, который стоялъ, принявъ одну изъ самыхъ величественныхъ, самодовольныхъ позъ своихъ: ей стало стыдно за самое себя; слезы остановились у нея на вспыхнувшихъ щекахъ.

— Я никогда ничего не требовала, проговорила она наконецъ, подавляя слезы.—Если я просила васъ о чемъ, если я позволяла себѣ вмѣшиваться въ ваши дѣла... я дѣлала это, имѣя въ виду бѣдныхъ дѣтей моихъ. Вы сами очень хорошо понимаете мое безпокойство: мнѣ ничего не надо; но имъ—другое дѣло... Вы знаете, въ какомъ положеніи наше состояніе... Чѣмъ все это кончится? Вы сами себя обманываете!...

— Опасенія ваши ни на чемъ не основаны! перебилъ Ари-

стархъ Ѳедоровичъ, принимая надменную и величавую осанку.— Надѣюсь, что дѣти Балахнова найдутъ всегда чѣмъ поддержать достоинство своего имени. Балахновы, сударыня, Балахновы никогда не будутъ безъ куска хлѣба и быть не могутъ!...

Аристархъ Ѳедоровичъ пересталъ ходить и взглянулъ на жену, которая сидѣла закрывъ лицо руками и горько плакала.

Но ничего, разумѣется, не понялъ и не прочелъ Аристархъ Ѳедоровичъ изъ словъ и движеній своей жены. Онъ увидѣлъ только, какъ это большею частью водится въ подобныхъ случаяхъ, пустыя слезы ничтожной и пустенькой женщины, покосился на нее еще разъ и вышелъ вонъ, нетерпѣливо пожавъ плечами.

Какъ только онъ исчезъ, дверь дѣтской тихонько отворилась, и въ комнату вошла крошечная, сморщенная старушка. Она была одѣта какъ простая деревенская баба; темный платокъ плотно окутывалъ ея голову, склоненную нѣсколько на бокъ; другой платокъ покрывалъ ея плечи и падалъ мелкими складками на руки, желтыя какъ воскъ, изрытыя и изъѣденныя временемъ. Она заботливо покачала головой, подошла къ комоду и принялась шарить дрожащей рукою, незамѣчая щипцовъ, которые между тѣмъ лежали у нея подъ носомъ. Снявъ съ грѣхомъ пополамъ со свѣчки, старая няня повернулась спиною къ комоду и приложила ладонь къ мутнымъ глазамъ своимъ въ видѣ зонтика. Увидѣвъ Лизавету Семеновну, сидѣвшую на стулѣ, но отпустившую голову въ подушки, старушка пошла прямо къ постели.

— Лизавета Семеновна, полно тебѣ убивать себя, не гнѣви Бога... сказала она, бережно прикоснувшись къ плечу Балахновой и наклоняясь къ ея лицу:—полно; слезами ничего не сдѣлаешь. Возьми терпѣньемъ да молитвой... что убивать себя понапрасну!... Побереги себя, родная; тебѣ есть о комъ подумать, заключила тихимъ голосомъ няня, приподымая голову барыни и приводя въ порядокъ ея волосы.—Полно, ненаглядная, встань; благослови поди дѣтокъ, да помолись Господу: Онъ тебя не оставитъ...

И, взявъ Балахнову подъ руку, она повела ее въ дѣтскую, непереставая щуриться и качать головой.

Комнатка эта не только не походила, но даже не напоминала ни одну изъ многочисленныхъ дѣтскихъ, которыя приводилось мнѣ видѣть. Стѣны, какъ это водилось въ старину, были расписаны деревьями, макушки которыхъ расходились у карниза и пропадали въ голубоватыхъ облакахъ, намалеванныхъ на потолкѣ; краска отъ

времени совсѣмъ почти почернѣла, но все еще можно было различать между стволами березъ пестрыя клумбы цвѣтовъ и растеній, разбросанныхъ неискусною рукою; все въ этой комнатѣ, начиная съ крашенаго пола и кончая самымъ отдаленнымъ угломъ, задернутымъ зеленымъ каленкоромъ, гдѣ находилась постель няни, отличалось чистотой необыкновенной; казалось, трудно было отыскать пылинку; на темномъ фонѣ деревъ выказывались четко и ясно четыре маленькія постели, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, простынками и одѣялами. Блѣдный свѣтъ лампадки позволялъ различать четыре розовыя личика, отѣненныя прозрачнымъ полусвѣтомъ подушекъ.

Кругомъ въ домѣ, въ саду, въ деревнѣ было такъ тихо, что Лизавета Семеновна и ея няня могли разслышать легкое дыханіе четырехъ дѣтей.

— Не плачь, родная, уйми свое сердце... вотъ твоя утѣха! сказала старушка, подводя Балахнову къ первой постелькѣ: — полно, благослови ихъ, да помолись Богу...

Лизавета Семеновна отерла платкомъ слезы, склонилась надъ ребенкомъ и осѣнила его крестнымъ знаменіемъ.

— Такъ, ненаглядная ты моя, такъ! Христосъ съ ними! говорила старушка, слѣдя за каждымъ движеніемъ женщины и притрогиваясь поминутно дрожащими пальцами къ мутнымъ глазамъ своимъ.—Вотъ подростутъ, дастъ Богъ, вспомянутъ твою заботу и тебя не оставятъ... Вишь, они здоровенькія да крѣпенькія какія, словно цвѣтки съ поля; чего-жъ тебѣ еще? ты вся въ нихъ живешь... О-о-охъ! Вотъ не привелъ только Господь дожить барынѣ, твоей маменькѣ, царствіе ей небесное! натѣшилась бы она на нихъ, моя матушка, приголубила бы ихъ — все бы и ей, и тобѣ, да и имъ легче стало...

Туманъ, покрывавшій въ эту минуту глаза няни, не далъ ей различить Лизавету Семеновну.

Услыша о матери, доброй и нѣжной матери, вся забота, всѣ помыслы которой обращены были на счастье единственной дочери, сердце бѣдной женщины переполнилось горемъ, рыданіе вырвалось изъ груди ея, и какъ стояла она на колѣнахъ, такъ и склонилась головой на край Володиной постели.

Старушка спохватилась, но было уже поздно: движеніе разбудило мальчика. Онъ открылъ глаза, потянулся, но, увидя мать, тотчасъ же привсталъ, крѣпко обвилъ ея шею руками и сказалъ, стараясь всмотрѣться ей въ лицо:

— Ахъ, это ты, мама? Я, знаешь, я сейчасъ видѣлъ тебя во снѣ, мама... Что ты? что съ тобой? ты плачешь, мама?... тревожно прибавилъ ребенокъ, бережно приподымая голову матери.

— Полно, дитятко мое, полно! произнесла няня, поспѣшно подходя къ постели: — усни, лягъ, Христосъ съ тобой! Это такъ, пройдетъ...

— Нѣтъ, я не лягу, я не хочу спать, когда мама плачетъ; я хочу, чтобъ она была веселая... возразилъ ребенокъ, прикладывая съ нѣжностью свои щечки къ мокрымъ щекамъ матери и цѣлуя ея въ глаза и въ волосы: — я не хочу, чтобъ мама плакала, слышишь, няня? я не хочу этого! повторилъ мальчикъ, подымая черные, блестящіе глаза и пристально устремляя ихъ на старушку.

— Видишь... я не плачу... мнѣ теперь весело... проговорила Лизавета Семеновна, стараясь улыбнуться.

— Ну, видишь, вотъ и прошло! сказала няня: — ну, полно же, лягъ, усни, а то головка будетъ завтра болѣть...

Няня, съ помощью матери, уложила ребенка и прикутала его одѣяломъ.

— А знаешь что, мама? сказалъ Володя, неожиданно поворачиваясь къ матери: — знаешь, о чемъ я думаю? Я, мама, не хочу завтра танцовать русскую...

— Не хорошо, другъ мой; ты знаешь, что папаша этого желаетъ. Завтра день его рожденія... Надо всегда слушать, что приказываютъ родители...

— Да что-жъ, мама, когда мнѣ стыдно при гостяхъ? Зачѣмъ папаша заставляетъ меня всегда дѣлать то, чего мнѣ не хочется?... Если-бъ не было только этого Кошкина...

— Не все ли тебѣ равно? возразила мать: — думай только о томъ, что ты исполняешь волю отца.

— Ахъ, мама, мама, если-бъ ты только знала, какъ я не люблю этого Кошкина!

— Это очень дурно; не любить никого не надо: Богъ велѣлъ всѣхъ любить... Ну, будь же умный мальчикъ, не думай о томъ, и завтра постарайся, чтобъ папаша былъ тобой доволенъ...

— Хорошо, мама, для тебя, для тебя я все сдѣлаю! съ горячностью сказалъ ребенокъ, обвивая снова шею матери.

Перекрестивъ сына и убѣдившись, что онъ заснулъ, Лизавета Семеновна подошла къ образамъ и горячо начала молиться.

Во все это время, старая няня, свѣсивъ на бокъ голову и скрестивъ на груди руки, стояла позади ея неподвижно.

VI.

Торжество въ Ханскихъ-Прудахъ.

Наконецъ-то насталъ тотъ вожделѣнный день, въ который Аристарху Ѳедоровичу Балахнову суждено было вступить въ эпоху возмужалаго возраста и горькаго разочарованія на пути жизни, или, говоря языкомъ обыкновенныхъ смертныхъ, должно было исполниться сорокъ лѣтъ для свѣта, и пятьдесятъ одинъ годъ для него собственно. Сама природа, казалось, благопріятствовала такому событію: деревья умылись росою, и яркая зелень молодой листвы, украшенная міріадами алмазовъ, сіяла во всей своей свѣжести; пруды, спокойные и величавые, какъ и всегда, отразили чистое, ясное небо; птицы, какъ бы сговорившись еще наканунѣ, разливали въ воздухѣ звонкія трели. Но когда взошло солнце и украсило пурпуромъ и золотомъ бельведеръ, стѣны дома и флигилей, когда озарило оно слугъ, суетливо бѣгавшихъ въ запуски по всѣмъ направленіямъ, когда, поднявшись выше, освѣтило безчисленное множество бабъ, мывшихъ стёкла и мебель, ряды мужиковъ, обметавшихъ дворъ и аллею, повара и чумичекъ, тащившихъ теленка и цѣлыя корзины, наполненныя до верху овощами; когда, взобравшись еще выше, ударило оно косыми лучами въ садъ и освѣтило толпу дѣвчонокъ и мальчишекъ, чистившихъ клумбы и дорожки, садовника, обстригавшаго акаціи, стараго маляра, красившаго черною краской носы и лапы искусственныхъ лебедей — все показывало, что въ этотъ день дѣйствительно должно было совершиться что-то необычайное.

Усѣявъ розами порогъ и подножіе дома, Аврора проникла въ открытыя окна и потому самому прикоснулась прежде всего своими розовыми перстами къ носу Вѣры Андреевны Кокуркиной, положенной заботливою Глафирой прямо противъ свѣта; благодаря этой заботливости, всѣ три сестры провели, можно сказать, нестерпимую ночь. Какъ только Вѣра Андреевна возстала отъ сна, первымъ ея движеніемъ было разбудить сестеръ и поставить ихъ на ноги. Мѣшкать было нечего. Какъ самымъ близкимъ и домашнимъ почти лицамъ, имъ слѣдовало явиться прежде всѣхъ въ залу и опередить поздравительною рѣчью остальныхъ гостей; къ тому же, по узаконенному порядку, Аристархъ Ѳедоровичъ и его семейство поѣдутъ въ десять часовъ въ церковь, и имъ никакъ не хотѣлось опоздать. Барышни принялись тотчасъ же выкладывать изъ коро-

бокъ новыя платья — всѣ три хотѣли быть непремѣнно въ бѣломъ — начали мыться, чесаться, зашпиливаться и шнуроваться. Къ несчастью, благодаря все той же закоснѣлой злобѣ Глафиры, приказанія ихъ исполнялись такъ нехотя, воду приносили такъ медленно, шнурки лопались такъ часто, булавки и шпильки гнулись такъ упорно, что когда барышни явились въ залу — а это произошло не ранѣе девятаго часа — все общество стояло уже на-сторожѣ противъ двери кабинета, и лучшія мѣста были ужъ заняты.

На первомъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало ожидать, находился г. Кошкинъ; закинувъ правую ногу назадъ, онъ стоялъ облокотившись на спинку креселъ Лизаветы Семеновны, сидѣвшей подлѣ жены его. Впереди ихъ толпились дѣти. Позади Кошкина возвышался на цѣлый аршинъ Карачаевъ, въ черномъ жилетѣ, черныхъ панталонахъ и черномъ узенькомъ фракѣ, съ болтавшимися пуговками, который долженъ былъ лопнуть по всѣмъ швамъ при первомъ движеніи его владѣльца. Но Карачаева считать нечего, потому что онъ поминутно отлучался, чтобъ сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, или отдать приказаніе мимо-проходившему лакею. Кокуркины помѣстились подлѣ дѣвицы Сараманаевой, усыпанной розовыми бантами; Дрянковъ и Васильковъ, распространявшій въ воздухѣ сильный запахъ гвоздичной помады (огромные его завитки и волюты поглощали каждый разъ банку) расположились подлѣ; Копковъ, косившійся боязливо на Фіону Ивановну, приготовлявшую въ углу все нужное для чая, прикрывался за лѣвымъ флангомъ; позади господъ, въ почтительномъ отдаленіи, стояли дворовые люди, размѣстившіеся по степенямъ ихъ заслугъ и бо́льшаго или ме́ньшаго почета ихъ должности. Такъ, напримѣръ, старая няня, повязанная новымъ набивнымъ платкомъ, стояла у двери гостиной въ главѣ горничныхъ, прачекъ, стряпухъ и судомоекъ; старый кучеръ, отставленный отъ должности по преклонности лѣтъ, старый маляръ, съ огромной клюквой вмѣсто носа и сѣро-мутными глазами, составляли у двери прихожей авангардъ остальной дворовой челяди, головы которой представляли безконечную перспективу разнокалиберныхъ и разноцвѣтныхъ макушекъ.

Какъ передніе ряды этого общества, такъ и задніе, находившіеся ужъ далеко за дверьми залы, хранили глубокое молчаніе. Изрѣдка лишь легкій „тш! тш!..“ раздавался изъ перваго ряда, имѣя цѣлью прекратить нескромный голосъ Карачаева, мѣшавшій

разслышать, что происходило за дверьми кабинета, куда были направлены всѣ взоры.

При малѣйшемъ шорохѣ, раздававшемся за этой дверью, все оживало, и басистый гулъ, подобный тому, какой бываетъ въ сосновомъ лѣсу при вѣтрѣ, проносился изъ одного конца залы въ другой.

Но тревога оказывалась фальшивою, и снова воцарялось молчаніе, позволявшее разслышать нетерпѣливое біеніе сердецъ.

Наконецъ дверь отворилась, и на порогѣ показался Аристархъ Ѳедоровичъ...

На немъ была голубая, небеснаго цвѣта венгерка, обшитая по всѣмъ швамъ черными шнурками; розовый галстучекъ, небрежно повязанный вокругъ воротничковъ à l'enfant, шелъ какъ нельзя болѣе къ его красивому лицу, только-что спрыснутому о-де-колономъ.

Величіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ растроганнаго чувства, обозначалось во всѣхъ чертахъ его.

Прежде всего Балахновъ подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ сряду, потомъ пожалъ руку Кошкину, поклонился его супругѣ и обратился безъ различія къ остальнымъ гостямъ.

— Аристархъ Ѳедорычъ! заговорили въ одинъ голосъ Кокуркины, очутившіяся какимъ-то образомъ впереди:—Аристархъ Ѳедорычъ, подхватила старшая, подталкивая впередъ Надеженьку, увѣнчанную, какъ Амуръ, цвѣтами:—желаемъ вамъ отъ души, изъ глубины сердца всего... всего...

Но онѣ не договорили и ушли въ туго-накрахмаленныя юбки.

— Аристархъ Ѳедорычъ, заговорилъ Васильковъ, восторженно вращая своими глазами въ родѣ страусовыхъ яицъ:—да позволено будетъ и мнѣ, ничтожному смертному сего міра, пожелать о продленіи дней вашихъ. Молю Всевышнее Провидѣніе о сохраненіи васъ въ добромъ здравіи...

— Э! что тутъ долго разговаривать! воскликнулъ неожиданно Карачаевъ, подходя къ Балахнову и раскрывая объятія, причемъ послышался маленькій трескъ на локтяхъ и спинѣ его чернаго фрака: — по-моему, просто вотъ, вотъ, вотъ! заключилъ онъ, бросаясь цѣловать Балахнова, который былъ такъ озадаченъ, что не могъ произнести ни слова.

— Поздравляю васъ! сухо сказалъ Дрянковъ, шаркнувъ сапогомъ.

— И я тоже... желалъ бы... началъ Копковъ, но, увидѣвъ

Фіону Ивановну и старую няню, подходившихъ къ Аристарху Ѳедоровичу съ огромными кренделями, поспѣшно юркнулъ въ толпу.

Приказавъ поставить кренделя на столъ, Аристархъ Ѳедоровичъ величественно повернулся къ двери гостиной и сказалъ: „благодарю!“ потомъ повернулся къ дверямъ залы, привѣтливо улыбнулся и тоже сказалъ: „благодарю“.

Аристархъ Ѳедоровичъ видимо былъ разстроганъ; но когда очередь дошла до дѣтей и ему предстояло высказаться не какъ сосѣду, но какъ отцу, онъ не выдержалъ, и двѣ крупныя слезы повисли на его рѣсницахъ. Во все время, какъ продолжались привѣтствія дѣтей, онъ стоялъ съ платкомъ въ рукѣ и опущенными взорами.

Видно было, что ему хотѣлось обнять ихъ, посадить къ себѣ на колѣни, перецѣловать — и вѣрно послушался бы онъ влеченія своего сердца, еслибъ разсудокъ не говорилъ ему, что такіе порывы несовмѣстны съ строгой торжественностью настоящей минуты.

Послѣ чая, продолжавшагося не очень долго, присутствовавшіе стали готовиться къ отправленію въ церковь. Къ крыльцу подъѣхала коляска Кошкина, сопровождаемая другими, болѣе или менѣе затѣйливыми экипажами, въ числѣ которыхъ отличались особенно длинныя, досчатыя дроги, прозываемыя въ провинціи: разлюли.

— Ѣдемъ, душенька, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, подавая руку женѣ:—пора, mesdames, прибавилъ онъ, обращаясь съ любезностью къ остальнымъ дамамъ: — слышите... колоколъ ужъ давно призываетъ насъ подъ сѣнь Божьяго храма... Но вотъ вопросъ: умѣстимся ли мы всѣ въ экипажахъ? Я думаю, надо кому-нибудь остаться... Да вотъ, кстати, Прокисай Захарычъ... протяжно вымолвилъ Балахновъ, входя въ залу и замѣтивъ въ углу приживальщика:—пожалуйста, милый мой, останься здѣсь; я хотѣлъ попросить тебя приглядѣть за людьми на время моей отлучки... Да вотъ и Фіона Ивановна... Фіона Ивановна, пожалуйста, голубушка, посмотрите съ Конковымъ, чтобъ все было исправно...

— Слушаю-съ, сказала Фіона Ивановна, бросая пронзительный взглядъ на бѣднаго приживальщика.

Прокисай Захаровичъ обомлѣлъ. Къ счастію, на выручку подоспѣлъ Карачаевъ.

— Какъ! что?... ecoutè! помилуй, братецъ Аристархъ! ха, ха, ха! вотъ славно! вотъ прекрасно! ecoutè! Да ты бы давно

сказалъ, душа моя... недоставало только, что ты станешь церемониться... Гдѣ ему, этому?... Я сейчасъ всѣмъ распоряжусь и все это устрою, будь спокоенъ... а ты садись, сейчасъ пошелъ садись... Э-э-э, братъ, со мной коротка расправа!... И Карачаевъ, не докончивъ объясненій, повлекъ приживальщика на крыльцо, съ твердымъ намѣреніемъ усадить его на разлюли.

Зная, что возражать Карачаеву, или уговаривать его было напрасно, Аристархъ Ѳедоровичъ оставилъ на минуту руку жены и поспѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ Карачаева, чтобъ запереть на ключъ дверь кабинета. Отдавъ затѣмъ кой-какія приказанія, заключавшіяся въ томъ, чтобъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ не смѣть слушаться будущаго распорядителя, онъ снова подалъ руку Лизаветѣ Семеновнѣ и вмѣстѣ съ гостями вышелъ на крыльцо.

— Пошелъ! прохрипѣлъ Карачаевъ, когда все общество усѣлось: — пошелъ! съ Богомъ! прощайте, прощайте! крикнулъ онъ вслѣдъ отъѣзжавшимъ экипажамъ, размахивая своимъ клѣтчатымъ платкомъ и взбираясь на верхнія ступеньки крылечка.

— „Вотъ не было печали!“ говорили люди, глядя изо всѣхъ оконъ на крыльцо, гдѣ продолжалъ неистовствовать Карачаевъ:— „ну, онъ пойдетъ вертѣть по-своему! у-гу-гу, держись только— бядовый!“

Люди не ошиблись. Вернувшись въ залу, Карачаевъ приказалъ тотчасъ же созвать всю дворню, всѣхъ бабъ, ребятъ и потребовалъ даже старосту. „Жива! жива-а-а-ааа!“ кричалъ онъ, метаясь изъ одного конца дома въ другой. Послѣ этой церемоніи, онъ немного успокоился, потребовалъ трубку, сѣлъ на стулъ посреди залы и началъ отдавать приказанія: кого послалъ наломать липовыхъ вѣтвей, чтобъ украсить ими залу, кого отправилъ привезти съ поля нѣсколько возовъ цвѣтовъ; мальчишекъ, всѣхъ безъ исключенія, разослалъ наверхъ по кровлямъ, по бельведеру и дорогамъ, чтобъ караулить пріѣздъ гостей, или хозяевъ и, въ случаѣ надобности, подать сигналъ. Такъ велика его была дѣятельность, что онъ не преминулъ заглянуть на кухню, въ конюшню, посмотрѣлъ, хорошъ ли овесъ выдаютъ лошадямъ, жирны ли индюки и куры, приготовляемые для стола—во всемъ и всюду поспѣвалъ неутомимый Карачаевъ. Изрѣдка лишь останавливался онъ, заслыша подлѣ себя маленькій трескъ и боязливо оглядывалъ локти чернаго фрака, но это было дѣломъ секунды, и онъ снова пускался сломя-голову за испол-

неніемъ какой-нибудь свѣтлой мысли; въ припадкѣ усердія, онъ обѣжалъ даже разъ, самъ не зная зачѣмъ, вокругъ всего сада и прудовъ.

— Ба! воскликнулъ онъ, останавливаясь на террасѣ и шлепнувъ себя по лбу: —гдѣ жъ фейерверкъ? Вѣдь его еще не разставили. Вотъ надѣлали было мы кутерьмы! Эй, Иванъ! Степанъ! Аглай! Сидоръ... Сидоръ, а гдѣ фейерверкъ? спросилъ онъ, вбѣгая въ залу и вперивъ красные, безпокойные бѣлки на камердинера.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ, смущаясь, Сидоръ.

— Какъ не знаешь?... Ахъ, ты!... да знаешь ли, какую бѣду было надѣлали? вѣдь мы его забыли, вотъ оно штука-то въ чемъ! Надо его разставить!... Гдѣ онъ? гдѣ фейерверкъ? говори...

— Аристархъ Ѳедорычъ не приказали...

Но Карачаевъ не дослушалъ и бросился въ кабинетъ; люди, движимые любопытствомъ и страхомъ, послѣдовали за нимъ.

— Павелъ Петровичъ, полноте! вѣдь дверь заперта; перестаньте; Аристархъ Ѳедорычъ пріѣдутъ, сами изволятъ распорядиться...

— Долой! гаркнулъ Карачаевъ. Онъ разбѣжался, грохнулся со всѣхъ ногъ на дверь и какъ бомба влетѣлъ въ кабинетъ.

— Бери, на, тащи, жива-а-а!... крикнулъ онъ, раздавая кому ракету, кому колесо: — тащи въ садъ, за мной! И, взваливъ на плечи цѣлый щитъ съ вензелемъ А и Б, переплетеннымъ лавромъ, Карачаевъ побѣжалъ по аллеямъ, сопровождаемый цѣлою ватагой.

Подобно бойцу, возвращавшемуся съ битвы, покрытому пылью и потомъ, Карачаевъ направился ужъ къ дому, чтобъ захватить остатокъ фейерверка, какъ вдругъ мальчишки, стоявшіе на вышкѣ бельведера, крикнули въ одинъ голосъ: „ѣдутъ!“ Карачаевъ бросился къ зеркалу, привелъ въ порядокъ жиденькіе мокрые волосы, отеръ потъ, ливній ливнемъ вдоль багроваго лица, обтянулъ рукава и фалды чернаго фрака и побѣжалъ на крыльцо.

— Кто ѣдетъ? крикнулъ онъ, прикладывая ладонь ко лбу.

— Гости! отозвались тоненькимъ голоскомъ мальчишки, стоявшіе на бельведерѣ.

Карачаевъ снова обтянулъ фракъ и снова приложилъ ладонь ко лбу.

Немного погодя различилъ онъ два экипажа-монстра, которые дѣлали явныя, но тщетныя усилія, чтобъ перегнать другъ друга; клячи были до-того изнурены, что подавали плохую надежду дотащиться до подъѣзда; наконецъ, кое-какъ втащились онѣ на дворъ.

Въ первомъ экипажѣ сидѣлъ непомѣрно-толстый, коренастый господинъ, отличавшійся совершеннымъ отсутствіемъ шеи, и съ нимъ четыре дамы, изъ которыхъ одна была старая и три молоденкія.

— Здорово, братъ Кондей! Здравствуйте, Софья Кузьминична! Барышни, честь имѣю кланяться! гаркнулъ безцеремонный Карачаевъ.

— Здорово, молодецъ! прохрипѣлъ съ одышкою толстякъ, стараясь освободить изъ экипажа свои ноги, напоминавшія колонны тосканскаго ордена.

Карачаевъ поспѣшилъ прежде всего высадить пожилую даму — крошечную, заспанную женщину въ тюлевомъ чепцѣ, съ огромнымъ вязанымъ ридикюлемъ; затѣмъ онъ подалъ руку дочкамъ, румянымъ и толстенькимъ, какъ піоны.

— Ну, выходи, сороковая бочка! Вѣдь не на рукахъ же тащить тебя! присовокупилъ Карачаевъ, поворачиваясь къ толстяку, который пыхтѣлъ, сопѣлъ и отдувался: — выходи; вотъ и Полушкины подъѣхали... надо имъ очистить мѣсто.

Извѣстіе, что подъѣхали Полушкины, придало, казалось, силы толстяку; онъ ступилъ на-земь и сказалъ, бросивъ торжествующій взглядъ на тащившійся позади экипажъ: „А все, братъ, мы прежде подъѣхали! Молоды, въ Саксоніи, братъ, еще не бывали.“

Природа, столь щедрая во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, заблагоразсудила, однакожъ, снабдить Кондея Ивановича Свищова (такъ звали толстяка) самыми ничтожными дыхательными органами; ему требовалось неимовѣрныхъ усилій, чтобъ перевести одышку; онъ пыхтѣлъ и казался постоянно задыхающимся отъ недостатка свѣжаго воздуха. Совершенно другой образчикъ человѣческой природы представлялъ сосѣдъ его, Проклъ Ивановичъ Полушкинъ (дома ихъ стояли рядомъ, и оба они владѣли одною и тою же землицею). Послѣдній — маленькій, тщедушный, жидкій тѣломъ, не обѣщалъ никакой силы, по-крайней-мѣрѣ физической; но зато, лицо и глаза его выражали энергію, которая такъ вотъ и порывалась наружу. Семейство его также не подходило ни въ чемъ къ семейству Кондея Ивановича: оно состояло изъ сухопарой жены и двухъ сухопарыхъ дочекъ; общее заключалось въ томъ только, что какъ у Свищовой, такъ и у Полушкиной были ридикюли совершенно одинаковой матеріи, цвѣта, вмѣстимости и устройства. Полушкинъ игралъ неподражаемо на гитарѣ. Аристархъ Ѳедоровичъ находилъ неизъяснимое удовольствіе мирить и ссорить Прокла Ивановича съ Кондеемъ Ивановичемъ. Сильная распря между Свищовымъ и По-

лушкинымъ продолжалась въ давнихъ временъ. Между ними не было, однакожъ, замѣтно назойливой, непреклонной ненависти; они ссорились каждый день и мирились вечеромъ, чтобъ поссориться на другое утро.

— А гдѣ жъ имянинникъ... гдѣ же новорожденный? проговорилъ Кондей Ивановичъ, вдвигаясь съ семействомъ своимъ въ залу.

— Въ церковь уѣхалъ со всѣми гостями; сейчасъ будутъ... отвѣчалъ Карачаевъ. — Ну, братъ Кондей, Софья Кузьминична, пожалуйте въ гостиную. Барышни, извините; я здѣсь одинъ за всѣхъ про все... дѣлъ по самое горлышко... Пожалуйте въ гостиную... сейчасъ пріѣдутъ!...

Выпроводивъ такимъ же точно порядкомъ семейство Полушкиныхъ, Карачаевъ побѣжалъ было въ садъ, чтобъ поглядѣть, такъ ли устанавливали щитъ, какъ снова послышалось съ бельведера: „ѣдутъ!“ На этотъ разъ глазамъ Карачаева предстало безконечное облако пыли, посреди котораго скакали экипажи хозяевъ дома.

Онъ бросился съ сіяющимъ лицомъ на крыльцо, остановилъ подъ-уздцы лошадей и принялся поочередно высаживать дамъ.

— Что, никого еще нѣтъ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, отряхивая пыль на груди и плечахъ своей голубой венгерки.

— Полушкины и Свищовы, отвѣчалъ Карачаевъ, давая знать кучеру, чтобъ онъ отъѣзжалъ. — Ну, братъ, все готово, всѣ твои приказанія...

— Скажи, пожалуйста, помирились ли они по крайней мѣрѣ?... перебилъ Балахновъ.

— Помирились!... вмѣстѣ даже пріѣхали... торопливо отвѣчалъ Карачаевъ.

— Ну, хорошо; пускай ихъ хоть грызутся дома. Я хочу, чтобъ у меня, особенно нынче, все дышало миромъ и веселостью!

Между тѣмъ, какъ дамы отправились въ свои комнаты, чтобъ привести въ порядокъ туалетъ, Аристархъ Ѳедоровичъ заглянулъ въ гостиную, чтобъ кивнуть одобрительно вновь пріѣзжимъ. Выслушавъ девять поздравительныхъ привѣтствій отъ девяти членовъ обоихъ семействъ и сказавъ девять разъ: „благодарю“, Балахновъ, провожаемый усерднымъ Карачаевымъ, пошелъ въ кабинетъ.

— Это что значитъ? спросилъ онъ, останавливаясь съ изумленіемъ передъ дверью.

— Ничего, душа моя, будь спокоенъ, все устроено... и щитъ, и ракеты...

— Да кто жъ тебя просилъ? возразилъ съ сердцемъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — фу, пропасть!

— Помилуй, Aristarque, душа моя...

— Нечего тутъ миловать! произнесъ, весь вспыхнувъ, Балахновъ: — я тебя вовсе не просилъ объ этомъ. Сдѣлай, братъ, милость, оставь меня въ покоѣ, да не забудь, что сегодня много посторонних и не напейся, какъ въ прошлый разъ...

— Че-е-во? перебилъ Карачаевъ, мрачно вращая своими воспаленными бѣлками. — А! когда такъ, пропади ты и съ твоимъ праздникомъ! Сейчасъ ѣду. Эй, Иванъ! лошадей!... гаркнулъ онъ неистово и побѣжалъ въ залу.

— Ну, не сумасшедшій ли ты послѣ этого? Ну, самъ посуди, говорилъ Балахновъ, кидаясь за нимъ и почти силою вовлекая его въ кабинетъ.

— Лошадей! лошадей! Не хочу ни минуты оставаться въ этомъ... домѣ! продолжалъ кричать раздраженный Карачаевъ.

— Полно, перестань; что скажутъ люди? Лизанька, прибавилъ Балахновъ, обращаясь къ женѣ, которая входила въ эту минуту въ кабинетъ: — уговори эту безпутную голову — хочетъ ѣхать!

Увидѣвъ Балахнову, Павелъ Петровичъ захлопалъ глазами, въ которыхъ сверкнула какая-то влага, очень похожая на слезы.

— Куда же вы, Павелъ Петровичъ? Что за странная мысль! Останьтесь съ нами... произнесла Лизавета Семеновна.

— Для васъ готовъ на все... Приказывайте, повелѣвайте!... воскликнулъ Карачаевъ, бросаясь цѣловать съ неистовствомъ руки хозяйки: — я сейчасъ же велю распречь лошадей...

— Не безкойся, братецъ; это и безъ тебя сдѣлаютъ... А вотъ что, кстати, Лизанька, попроси ужъ его, чтобъ онъ былъ повоздержнѣе... Я сталъ ему говорить, а онъ сердится...

— Павелъ Петровичъ знаетъ, я думаю, и безъ насъ, какъ вести себя...

— Вотъ эта рѣчь мнѣ по-сердцу, Лизавета Семеновна. Для васъ... все... клянусь вамъ, не дотронусь до рюмки!... заголосилъ Карачаевъ, преклоняя колѣно, причемъ снова послышался легкій трескъ на спинѣ чернаго фрака: — впрочемъ, и не до того будетъ: столько хлопотъ... Я берусь за всѣмъ присматривать...

— Вотъ что, братъ, сказалъ Балахновъ, когда вышла жена его: — тебѣ не худо бы осмотрѣть фракъ: онъ, кажется, лопнулъ на локтяхъ...

— Ахъ, да! Сейчасъ, душа моя; это ничего; Иванъ сію минуту все поправитъ, отвѣчалъ съ необыкновенной мягкостью Карачаевъ, выбѣгая въ корридоръ.

Оставшись наединѣ, Аристархъ Ѳедоровичъ принялъ заботливое выраженіе, позвонилъ камердинера, послалъ за поваромъ, за Фіоной Ивановой, и весь углубился въ хлопоты. Изрѣдка прерывали его лакеи, прибѣгавшіе извѣстить, что пріѣхалъ тотъ или другой гость. Достойно замѣчанія, что въ то время, какъ переходилъ онъ изъ кабинета въ залу, въ немъ успѣвали являться два совершенно различные человѣка: такъ, въ кабинетѣ онъ размахивалъ руками, кричалъ, сердился, топалъ ногами и часто, очень часто ронялъ свое достоинство; но какъ только появлялся въ дверяхъ залы или гостиной, физіономія его, какъ по свистку театральнаго машиниста, являлась полная сіяющей, свѣтлой экспрессіи, уста дарили чарующей улыбкой, глаза глядѣли нѣжно и привѣтливо, грудь выпрямлялась величественно и, казалось, вдыхала съ наслажденіемъ воздухъ. Всего страннѣе, что перемѣна физіономіи не причиняла ни малѣйшаго усилія съ его стороны: все происходило самымъ естественнымъ образомъ; привычка носить поперемѣнно обѣ эти маски сдѣлала то, что онъ ужъ не чувствовалъ на себѣ ихъ тяжести.

Въ одну изъ тѣхъ, довольно частыхъ минутъ, когда Аристархъ Ѳедоровичъ терялъ въ кабинетѣ всю свою сановитость, пришли доложить ему, что къ парадному крыльцу подъѣхала карета, запряженная четвернею вороныхъ коней, принадлежащихъ, повидимому, незнакомому господину.

Балахновъ покосился въ зеркало, передернулъ свою физіономію, такъ что въ одно мгновеніе исчезли всѣ морщины и даже тѣнь какого-нибудь неудовольствія, и поспѣшилъ изъ кабинета.

Въ ту самую минуту, какъ онъ выходилъ въ залу, изъ дверей передней показался господинъ средняго роста, въ черномъ полуфракѣ, черномъ галстухѣ, синихъ панталонахъ и бѣломъ длинномъ жилетѣ, украшенномъ полновѣсною золотою цѣпочкой. Въ рукахъ новопріѣхавшаго, обтянутыхъ бѣлыми лайковыми перчатками, красовалась щегольская синяя фуражка.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? произнесъ Балахновъ, раскланиваясь самымъ обворожительнымъ образомъ.

— Бобоховъ... отвѣчалъ владѣтель золотой цѣпочки, кланяясь въ свою очередь.

— Очень радъ-съ познакомиться, сказалъ Аристархъ Ѳедоро-

вичъ съ какою-то особенною радостью, но тѣмъ не менѣе выдержалъ свое достоинство. Затѣмъ они оба отступили шагъ назадъ, принялись кланяться и шаркать ногами.

Въ то время, какъ они обмѣнивались первыми привѣтственными фразами, Аристархъ Ѳедоровичъ не пропустилъ случая окинуть пытливымъ взоромъ новаго своего закомца.

А новый знакомецъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми или девяти, съ круглымъ, гладкимъ и глянцовитымъ лицомъ; рѣденькіе волосы пепельнаго цвѣта едва-едва прикрывали его темя; сѣрые глазки, сверкавшіе какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, тоненькій носъ и тоненькіе рыжеватые усики придавали этой физіономіи выраженіе приторное, но со всѣмъ тѣмъ не лишенное лукавства. Издали онъ казался недуренъ, такъ-себѣ, но вблизи былъ безобразенъ. Стараясь придать лицу нѣчто джентльменское (а это составляло, нужно замѣтить, одну изъ постоянныхъ заботъ его), Бобоховъ отростилъ себѣ огромные бакены. Но старанія его были напрасны.

Удаленіе Бобохова отъ полка и причина переселенія въ деревню объясняются сами собою. Онъ ни съ кѣмъ не могъ ужиться, даже съ родными жилъ не въ ладу. Развившись наединѣ, самъ собою, и, слѣдовательно, въ весьма дурномъ сообществѣ, Бобоховъ разсудилъ, что, несмотря на богатство, ему оставалось одно средство—разыгрывать роль джентльмена, а именно: уѣхать въ провинцію, купить домъ, деревню и зажить бариномъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. И вотъ, устроившись и распорядившись, пріѣхалъ онъ рекомендоваться ближайшему сосѣду. Если пошло на правду, Бобоховъ пріѣхалъ къ Балахнову единственно потому, что слышалъ стороною отзывы о себѣ порядочныхъ людей уѣзда, которые, имѣя о немъ кой-какія свѣдѣнія прежде, объявили наотрѣзъ, что не примутъ его въ свое общество. А между тѣмъ, вѣсть о пріѣхавшемъ милліонерѣ, переходя изъ устъ въ уста, проникла въ гостиную, къ великой радости всѣхъ барышень, молодыхъ и старыхъ, и къ неописанному волненію маменекъ, которыхъ чадолюбивыя сердца забили вдругъ сильнѣйшую тревогу. Когда Аристархъ Ѳедоровичъ и Бобоховъ покинули залу, гдѣ начинали уже накрывать на столъ, и Балахновъ представилъ гостя обществу—лихорадочное состояніе госпожъ Полушкиной и Свищовой приняло такой рѣшительный характеръ, что ридикюли, висѣвшіе у нихъ на рукахъ, запрыгали, какъ-будто вмѣстили въ себѣ неожиданно по маленькой живой со-

бачкѣ. Всѣ глаза запрыгали и устремились на вошедшаго, кромѣ глазъ дѣвицы Сараманаевой, вмѣсто которыхъ показались два огромные бѣлка.

— Скажите, пожалуйста, какъ это вы рѣшились промѣнять столицу на нашу провинціальную скуку? сказалъ Балахновъ, усаживая гостя подлѣ Лизаветы Семеновны и бросая безпокойный взглядъ на толпу барышень, которыя такъ неосторожно шептались, что слышалось поминутно: „ахъ, какой душка этотъ Бобоховъ!“

— Здѣсь не найдете вы ни того общества, ни тѣхъ удовольствій... сладостно пролепетала господа Кошкина, щуря кокетливо свои черные глазки.

— Какое! Скука, какъ есть, да и все тутъ! сказалъ неожиданно Кондей Ивановичъ Свищовъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ побагровѣлъ до ушей.

— Я, признаться, не люблю общества, отвѣчалъ съ небрежностью Бобоховъ:—даже въ Москвѣ, гдѣ я жилъ безвыѣздно, я посѣщалъ очень мало салоновъ. Довольно часто ѣздилъ я къ сестрѣ, Тохтамышевой; но и тамъ, признаться, такая скука... заключилъ онъ, дѣлая особое удареніе на имя сестры въ надеждѣ озадачить присутствовавшихъ.

Крестовая сестра Бобохова, которую называлъ онъ просто сестрою для краткости, вышла дѣйствительно замужъ, благодаря своему капиталу, за нѣкоего Тохтамышева, славнаго не столько богатствомъ и древностью рода, сколько великолѣпными черными усами и искусствомъ играть въ карты, доведеннымъ, впрочемъ, до непостижимаго совершенства. Бобоховъ считалъ свояка первымъ львомъ и денди своего времени.

— Ахъ, да; я совсѣмъ было забылъ; вѣдь вы, кажется, сослуживцы? воскликнулъ Балахновъ, взявъ за руку Василькова и подводя его къ новому сосѣду.

Слово „сослуживецъ“ дѣйствовало всегда не совсѣмъ благопріятно на слухъ Бобохова; онъ боязливо поднялъ свои рысьи глазки на Порфирія Павловича и пролепеталъ безсвязно: „Очень радъ встрѣтиться“... забывъ даже, въ замѣшательствѣ, протянуть ему руку.

Такой холодный и вовсе незаслуженный пріемъ (Васильковъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ товарищей, которые не давали щелчковъ Бобохову) крайне смутилъ чувствительнаго Порфирія Павловича; онъ покрутилъ головой и тотчасъ же отошелъ въ сторону.

Бобоховъ, между тѣмъ, оправился и продолжалъ распространяться о преимуществахъ салона Тохтамышевой передъ остальными свѣтскими салонами Москвы.

Разговоръ сдѣлался общимъ.

Къ сожалѣнію, Аристархъ Ѳедоровичъ не могъ слѣдить за нитью всѣхъ толковъ, поднявшихся въ гостиной: онъ поминутно долженъ былъ отрываться, чтобъ показаться въ одномъ углу, въ другомъ, поговорить съ тѣмъ, другимъ и третьимъ. Много было лицъ такихъ, съ которыми онъ еще не сказалъ ни слова. Такъ подошелъ онъ къ сѣденькому, слезливому старичку, который стоялъ у двери подлѣ сына, парня лѣтъ восемнадцати.

— А, здравствуй, Иванъ Панкратьичъ! Ну, ну, радъ, братецъ, радъ, что не забылъ меня, благодарю! Какъ поживаешь? сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, протягивая ему покровительственно кончикъ мизинца.

— Охъ, плохо, отецъ, плохо! и шатко, и валко, и на сторону. Все вотъ они сокрушаютъ... Поздравь же; ну, что стоишь?... промолвилъ старичекъ, подталкивая сына.

— Поздравляю... забасилъ малый, шаркнувъ сапогомъ и глядя изподлобья сквозь черныя, длинныя кудри на Балахнова.

— Благодарю, спасибо. Ну, что, Ѳедя, пора на службу... хочешь служить?...

Ѳедя покосился, не поворачивая головы, на отца и улыбнулся.

— Охъ, что и говорить! сказалъ отецъ, махнувъ отчаянно рукой:—пора-бы, давно пора! Чай, отецъ, умретъ онъ у меня безъ чина... Эхъ, кабы милость твоя была, Аристархъ Ѳедоровичъ...

— Хорошо, хорошо; я ужъ обѣщалъ тебѣ и сдѣлаю; сегодня же пріѣдетъ ко мнѣ Окатовъ и мы все устроимъ... А! ба! да вотъ и онъ! Николай Степанычъ! закричалъ Балахновъ, выходя въ залу навстрѣчу дорогому гостю.

Окатовъ средняго роста, плотный, не столько толстый, сколько Свищовъ, но, повидимому, еще тверже его тѣломъ. По обѣимъ сторонамъ лысой головы его, важно закинутой назадъ, торчитъ по пучку бѣлыхъ, какъ снѣгъ, вьющихся волосъ, которые составляютъ самый рѣзкій контрастъ съ его густыми, черными, какъ смоль, бровями, подверженными безпрестанному движенію; короткій, вздернутый носъ, раздвоенный на кончикѣ, круглый подбородокъ съ ямкой по серединѣ и толстыя губы придаютъ лицу Николая Степановича что-то надменное, гордое, что какъ нельзя болѣе согла-

суется съ его наружностью, которой старается онъ придать какъ можно больше значенія.

Одежда его, начиная съ безконечно-длинныхъ воротничковъ рубашки и кончая сапогами, лоснящимися какъ зеркало, отличается необыкновенною чистотою и аккуратностью.

— Поздравляю! отрывисто сказалъ Николай Степановичъ, пожалъ руку хозяина и пошелъ, безъ дальнихъ объясненій, прямо въ гостиную.

Вступивъ въ гостиную, онъ направился къ хозяйкѣ дома, сказалъ „bonjour, madame“ и поцѣловалъ у ней ручку, потомъ обратился къ остальной компаніи, сказалъ „bonjour“ и усѣлся на диванъ.

На лицѣ его показалась улыбка, когда онъ обратился вторично къ Лизаветѣ Семеновнѣ; но, повидимому, онъ былъ не слишкомъ разговорчивъ по натурѣ и любилъ выражаться лаконически.

— Здоровье ваше? спросилъ онъ.

— Покорно благодарю, хорошо, отвѣчала Лизавета Семеновна.

— А дѣтки?

— И дѣти, слава Богу, здоровы... Я надѣюсь, и ваши точно также?...

— Живутъ! отвѣчалъ Николай Степановичъ.

Затѣмъ онъ положилъ одну ногу на другую и ужъ ничего не сказалъ.

Такъ какъ Окатовъ былъ послѣдній и въ то же время единственный гость, который былъ вправѣ заставлять себя дожидаться, то Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ подавать кушать. Пять минутъ спустя, по знаку, данному хозяиномъ дома, оркестръ грянулъ польскій. Это послужило сигналомъ. Общество приподнялось разомъ съ своихъ мѣстъ. Окатовъ подалъ руку Лизаветѣ Семеновнѣ, Бобоховъ—Кошкиной, Аристархъ Ѳедоровичъ—одной изъ барышень, и пары, плавно выступая подъ тактъ оркестра, потянулись фестонами къ дверямъ залы.

VII.

Лица, явившіяся въ предъидущей главѣ, говорятъ и дѣйствуютъ сообразно съ своими цѣлями, взглядомъ на вещи и убѣжденіями.

Начало торжественнаго обѣда не ознаменовалось ничѣмъ особенно замѣчательнымъ.

Впродолженіе первыхъ десяти минутъ общество сидѣло спокойно

и чинно. Каждый почти занятъ былъ разсматриваніемъ великолѣпной крѣпости изъ сладкаго тѣста съ вензелями А и Б, воздвигнутой по срединѣ стола, между бисквитныхъ и сахарныхъ пирамидъ, утыканныхъ цвѣтами; каждый старался приноровиться, примѣниться къ своему мѣсту, и заводилъ тихую, предупредительную рѣчь съ сосѣдомъ. Вскорѣ, однакожъ, звуки оркестра, игравшаго какую-то симфонію, стали постепенно заглушаться говоромъ, хохотомъ и звяканьемъ стакановъ и тарелокъ. Одинъ только Карачаевъ, можно сказать, хранилъ упорное молчаніе; не отступая ни на волосъ отъ обѣщанія, даннаго Лизаветѣ Семеновнѣ, онъ выдержалъ характеръ и не прикоснулся къ рюмкѣ, несмотря даже на то, что передъ нимъ красовался графинъ „дорожной отрады“ и цѣлая бутылка „фронтиньяку“. Впрочемъ, ему не до того было, какъ самъ онъ выражался. Онъ поминутно вскакивалъ съ своего мѣста, чтобъ отдать то или другое приказаніе, или предупредить неповоротливаго лакея; если случалось, что глаза Карачаева, слѣдившіе съ безпокойствомъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, замѣчали, что недоставало чего нибудь на концѣ стола, онъ тотчасъ же бросался къ буфету, вырывалъ изъ рукъ слуги недостающее блюдо или приправу, и, поднося ихъ гостямъ, говорилъ заботливо: „салату-съ!“ или „pardon, mesdames; вамъ, кажется, забыли подать подливки къ телятинѣ“ и т. п.

— Какъ вамъ нравится этотъ лысый, хлопотливый господинъ? неправда ли, онъ очень милъ?... иронически говорилъ Бобоховъ, щуря свои рысьи глазки на сосѣдку, Анну Васильевну Кошкину, съ которой не переставалъ шептаться.

— Ахъ, какой вы насмѣшникъ! Съ вами просто опасно быть знакому! отвѣчала Кошкина съ самымъ любезнымъ, кокетливымъ видомъ.

— А эта крѣпость... продолжалъ шептать Бобоховъ: — не правда ли, какъ трогательны, умилительны, можно сказать, эти два сахарные вензеля?...

Но на этотъ разъ Бобоховъ былъ прерванъ слугой мрачнаго вида, который, просунувъ между нимъ и сосѣдкой руку, окутанную салфеткой и вооруженную бутылкой, проворчалъ, наклоняясь: „Висанту-съ!“

— Вотъ вино! шепнулъ Бобоховъ, снова прищуриваясь: — слыхали вы такое названіе? Я въ первый разъ слышу... Это, кажется, попросту настой изъ рыбы корюшки...

— О, перестаньте!.. Вы будете виною, что я разсмѣюсь на всю залу, возразила Кошкина, прикладывая къ губамъ салфетку.

Не мѣшаетъ замѣтить, что Бобоховъ, подобно многимъ молодымъ людямъ одинаковаго съ нимъ свойства, думалъ выигрывать чрезвычайно много во мнѣніи дамъ, отпуская плоскія шуточки и пошлыя, тупыя остроты на все, что ни попадалось ему на глаза. „Остроуміе такихъ кавалеровъ“ — чтобъ не назвать ихъ другимъ именемъ — остается, впрочемъ, не всегда безплоднымъ: иной разъ, правда, оборвутъ и жестоко оборвутъ; но часто оно приноситъ репутацію злого, насмѣшливаго, опаснаго, но очень умнаго человѣка.

Итакъ, общество постепенно оживлялось послѣ каждаго новаго блюда и особенно послѣ каждаго новаго напитка. Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ уже сказано, любилъ угощать на славу и ничего не жалѣлъ въ торжественныхъ случаяхъ. Какихъ ужъ за то и не было винъ на его столѣ! Тутъ были и сен-жюльенъ тре́ калите́, и дримадера, и испанскій мускатъ, и бургонское монтраше́; изъ рейнвейновъ особенно часто появлялись: либфрауенмильхъ, гейзенгеймеръ и лаубенгеймеръ. Все это было выписано, по словамъ Балахнова, прямо изъ Петербурга и даже съ самой биржи; онъ бы и въ самомъ дѣлѣ выписалъ все это изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ, если-бъ не было такъ далеко (читатель припомнитъ, что пирамида, воздвигнутая у плотины, возвѣщала довольно ясно, что Ханскіе-Пруды отстоятъ отъ Петербурга ровно на 1,200 верстъ).

— Что тутъ такое? громко спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, поворачиваясь къ камердинеру, который поднесъ ему во время десерта коротенькую бутылку, тщательно обернутую салфеткой.

— Птичье молоко-съ... отвѣчалъ едва передвигая губами камердинеръ, получившій еще съ утра наставленіе, какъ говорить и дѣйствовать.

— Что такое?

— Птичье молоко-съ! повторилъ камердинеръ съ большею внятностью.

— Какое птичье молоко? продолжалъ разспрашивать Аристархъ Ѳедоровичъ, обнаруживая изумленіе.

— Птичье молоко-съ! произнесъ наконецъ совсѣмъ громко камердинеръ.

— Ха, ха, ха! господа! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ и окидывая самодовольно обще-

ство: — вотъ говорятъ, что здѣсь какое-то птичье молоко!... Попробуемъ... надо, надо попробовать... какъ вы думаете?...

— Попробуемъ! попробуемъ! надо, надо попробовать! отозвалось съ переклилами по залѣ.

Птичье молоко было розлито, и общій одобрительный гулъ, въ честь новаго напитка, пронесся съ одного конца стола на другой.

Но когда подали шампанское, извѣстное подъ именемъ мак-сотенъ (Балахновъ любилъ обзаводиться всѣмъ тѣмъ, что носило громкое, исобыкновенное прозвище и бросалось въ глаза), когда мак-сотенъ зашипѣлъ въ бокалахъ, и предложенъ былъ первый тостъ въ честь дорогого хозяина, громкое восклицаніе, сопровождаемое стукомъ ножей, стакановъ и стульевъ, потрясло потолокъ и самые фундаменты дома. Тутъ даже и самъ Карачаевъ, образецъ твердости и терпѣнья, не выдержалъ: онъ вскочилъ съ своего мѣста и, поднявъ на воздухъ пустой бокалъ, прокричалъ „ура“ такимъ неистовымъ голосомъ, что всѣмъ показалось на минуту, будто столъ съ приборомъ и гостями шарахнулся на полъ.

Внезапно звуки оркестра, игравшаго громогласно тушъ, умолкаютъ. Семенъ Семеновичъ Кошкинъ медленно приподнимается съ бокаломъ рукѣ. Его желтенькое, приглаженное и прилизанное лицо, послѣ изліяній мак-сотена, къ которому прибѣгалъ онъ единственно для того, вѣроятно, чтобъ почерпнуть достаточную дозу бодрости и вдохновенія, покрывается яркими полосами пурпура. Смущеніе проглядываетъ, однакожъ, во всѣхъ чертахъ его; рука съ бокаломъ измѣняетъ ему.

Воцаряется тишина.

Взоры всѣхъ внимательно обращаются на Кошкина, и только Аристархъ Ѳедоровичъ, одинъ онъ, смотритъ задумчиво въ тарелку.

— Милостивый государь, Аристархъ Ѳедоровичъ! начинаетъ Семенъ Семеновичъ пискливымъ голосомъ: — мы всѣ (тутъ онъ обводитъ глазами присутствующихъ), всѣ мы... мы всѣ собрались сюда въ это памятное для насъ число прекраснаго мая мѣсяца (Семенъ Семеновичъ трогательно улыбается), чтобъ отпраздновать съ радостнымъ сердцемъ день вашего рожденія... Повѣрьте, милостивый государь, не чувство лицемѣрія, или другія какія ложныя чувства, которыя такъ часто принимаютъ личину искренности, внушило намъ такую похвальную мысль... Всѣ мы... мы всѣ... (Семенъ Семеновичъ снова окидываетъ взглядомъ присутствующихъ), всѣ мы... явились сюда съ открытымъ сердцемъ...

На всѣхъ концахъ стола раздается одобрительный гулъ. Аристархъ Ѳедоровичъ углубляется еще усерднѣе въ разсматриваніе тарелки; Карачаевъ выставляется впередъ, и на лицѣ его выступаютъ постепенно всѣ признаки восторженнаго состоянія.

— Да позволено же будетъ мнѣ, милостивый государь, продолжаетъ Кошкинъ, увлекаясь, очевидно, потокомъ собственнаго краснорѣчія: — да позволено мнѣ будетъ, отъ имени всѣхъ присутствующихъ сосѣдей вашихъ, высказать вамъ при семъ удобномъ и радостномъ для насъ случаѣ всю признательность, всѣ чувства, все уваженіе и глубокое почитаніе... Аристархъ Ѳедорычъ, заслуги ваши неоцѣненны.

Карачаевъ окончательно выставляется впередъ, подмигиваетъ сосѣдямъ и начинаетъ яростно хлопать въ ладоши; примѣру его слѣдуютъ Свищовъ, Полушкинъ и старичокъ съ сыномъ; одинъ Окатовъ остается попрежнему недвижимъ; Аристархъ Ѳедоровичъ все болѣе и болѣе задумывается.

— Заслуги ваши, Аристархъ Ѳедорычъ, говорю я, неоцѣненны... Да, Аристархъ Ѳедорычъ, онѣ неоцѣненны!... продолжаетъ ораторъ, замѣтно воодушевляясь: — какъ сосѣдъ, вы умѣли привязать къ себѣ сердца всѣхъ близкихъ васъ людей; какъ человѣкъ... Но пусть скажутъ вамъ за меня толпы обласканныхъ, призрѣнныхъ, облагодѣтельствованныхъ вами, бѣдныхъ и неимущихъ!... Слезы благодарности... да, онѣ эти слезы послужатъ отвѣтомъ... Позвольте же, милостивый государь, пожелать вамъ отъ имени почтенныхъ особъ, здѣсь находящихся, многія и многія лѣта. Молю Всевышнее Провидѣніе о сохраненіи васъ въ добромъ здравіи и о продленіи драгоцѣнныхъ дней вашихъ, дабы мы всѣ, по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, нашли васъ въ томъ же цвѣтущемъ состояніи души и тѣла... Многихъ изъ насъ, можетъ быть, уже не будетъ тогда, многіе сойдутъ въ могилу... Но пусть воспоминаніе объ этомъ незабвенномъ числѣ прекраснаго, цвѣтущаго мая (лицо Семена Семеновича приняло самое трогательное выраженіе) сохранится въ памяти нашей... и пусть внушитъ оно намъ навсегда то же уваженіе, какое мы всегда раздѣляли и раздѣлять будемъ. Аристархъ Ѳедорычъ, отъ имени всѣхъ присутствующихъ сосѣдей вашихъ, я пью за ваше здоровье!... заключилъ Кошкинъ, давъ знакъ музыкантамъ.

Тушъ грянулъ вторично.

Всѣ послѣдовали примѣру Семена Семеновича и огласили залу

единодушнымъ „ура!“ Карачаевъ еще неистовѣе захлопалъ въ ладоши и затопалъ ногами. Въ залѣ воцарилось совершенное смѣшеніе языковъ.

— Не правда ли, какъ это трогательно?... Рѣчь этого господина растрогала меня до слезъ!... говорилъ иронически Бобоховъ, наклоняясь къ своей сосѣдкѣ.

— Полноте смѣяться...

— Вѣдь это ея мужъ!... шепнулъ на-ухо Бобохову толстый Свищовъ, у котораго давно уже чесался языкъ заговорить съ мильонщикомъ.

— Какъ? поспѣшно заговорилъ Бобоховъ, снова наклонясь къ сосѣдкѣ: — я вовсе не смѣюсь надъ этимъ господиномъ, клянусь вамъ честью, не смѣюсь... Этотъ господинъ говорилъ прекрасно!...

— Ужъ будто бы?...

— Даю вамъ честное слово!

Во время этого разговора, заглушаемаго всеобщимъ гвалтомъ, Аристархъ Ѳедоровичъ успѣлъ налить новый бокалъ; онъ приподымается съ мѣста и обращаетъ влажные взоры на гостей своихъ.

— Милостивые государи и милостивыя государыни, проговорилъ онъ, сохраняя, однакожъ, все свое достоинство и косясь на Окатова, который сидѣлъ попрежнему, двигая только бровями: — гм! гм! милостивые государи и милостивыя государыни!

— Тише! шт!... неистово закричалъ Карачаевъ, дѣлая свирѣпые жесты и вдругъ, неожиданно, налилъ себѣ цѣлый стаканъ „дорожной отрады“.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на всерадушное привѣтствіе ваше, вымолвилъ Балахновъ, потупляя взоры и кланяясь направо и налѣво.

— Говорите! говорите! восторженно отозвались отовсюду.

— Милостивые государи и милостивыя государыни! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, полный въ эту минуту величаваго спокойствія: — радушный привѣтъ вашъ, выраженный словами искренняго друга моего, почтеннаго Семена Семеновича Кошкина, сдѣлалъ бы честь не только мнѣ, но и всякому человѣку, превышающему меня несчетно разъ приданными мнѣ... гм! гм! приданными мнѣ вами добродѣтелями и заслугами... Принимаю его съ благодарностью!... Да, скажу съ тою искренностью, съ тою правдивою прямизною, которымъ поставилъ я за правило всегда слѣдовать — къ чему лукавить? — я почитаю себя счастливымъ, что умѣлъ со-

хранить драгоцѣнную для меня любовь вашу и снисхожденіе... Повторяю: я счастливъ!...

Рукоплесканія заглушаютъ голосъ растроганнаго Балахнова; въ воздухѣ мелькаетъ нѣсколько платковъ; Карачаевъ свирѣпѣетъ отъ полноты душевнаго восторга и, въ замѣшательствѣ, наливаетъ второй стаканъ „дорожной отрады“; жесты его принимаютъ неслыханные размѣры, глаза хотятъ выскочить изъ своихъ впадинъ; онъ наконецъ успокоивается и снова весь обращается во вниманіе.

— Милостивые государи и милостивыя государыни... продолжаетъ, между тѣмъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, возвышая постепенно голосъ:—да, я все дѣлалъ до сихъ поръ, чтобъ только поддержать и заслужить столь лестныя для себя чувствованія... Я шелъ прямой дорогой. Чувство чернаго лицемѣрія и язвительной, шипящей злобы чуждо мнѣ. И если... если... если, говорю я, нашлись изъ среды нашей особы, которыя поставили мнѣ въ укоръ прямизну моихъ поступковъ, виною не столько я, скажу смѣло, сколько ихъ собственное заблужденіе... Всесокрушающее время, озаряющее истину, надѣюсь, скоро укажетъ имъ прямизну моихъ мыслей и поступковъ... Не огорчаетъ меня черная клевета и людская шипящая злоба: я счастливъ расположеніемъ тѣхъ немногихъ, присутствующихъ здѣсь особъ... Благодарю васъ отъ всего сердца за ваши теплыя желанія и... и... и, милостивыя государыни и милостивые государи, пью ото всей души за ваше общее здравіе.

Не успѣлъ Аристархъ Ѳедоровичъ докончить своей рѣчи, какъ ужъ видѣлъ себя окруженнымъ всѣмъ обществомъ; пожатіе дамскихъ ручекъ, восторженные крики мужчинъ, звукъ оркестра и посреди всего этого неистовыя „ура“ Карачаева, успѣвшаго уже осушить дно графина, отуманили и безъ того уже растроганнаго Балахнова; но это было непродолжительно, и онъ снова овладѣлъ собою...

— Господа! сказалъ онъ, вырываясь изъ объятій Кошкина и мгновенно измѣняя интонацію: — господа! Николай Степанычъ, мсье Бобоховъ, господа! не угодно ли вамъ?... прибавилъ Балахновъ, приглашая рукою въ кабинетъ.

Онъ взялъ подъ одну руку Окатова, подъ другую Семена Семеновича и, провожаемый остальными мужчинами, направился въ свою комнату.

— Эхъ! сказалъ Свищовъ, подходя къ Бобохову и переводя одышку: — что вы... чуть было не надѣлали... вѣдь это, уфъ! уфъ! ея мужъ былъ...

— Я не зналъ... Ахъ, да, скажите, пожалуйста, кто вотъ этотъ господинъ? шепнулъ Бобоховъ, кивая головой на Карачаева: — который запальчиво объяснялся съ музыкантами?

— Это Карачаевъ... здѣшній пріятель, то-есть былъ когда-то... уфъ! уфъ! о, славный парень!

— Ничего нѣтъ славнаго, промолвилъ Дрянковъ, заигрывая съ мильонщикомъ: — грубое созданье, вотъ и все тутъ!

Всѣ трое вошли въ кабинетъ.

Тамъ стояло уже густое облако табачнаго дыма, посреди котораго возсѣдалъ, въ огромныхъ вольтеровскихъ креслахъ, какъ олимпійскій богъ, Николай Степановичъ Окатовъ.

— Николай Степанычъ, не прикажешь ли зубочистку? сказалъ Балахновъ, вынимая изъ вазочки толстое перо въ бисерномъ чахлѣ: — вотъ, братецъ, настоящее орлиное перо. Я привезъ его съ Кавказа... Одинъ грузинскій князь подарилъ мнѣ цѣлаго орла, то-есть, скажу тебѣ: чудовище было, а не птица!

— Велика была? произнесъ съ необыкновенно нѣжнымъ участіемъ стоявшій подлѣ Васильковъ.

— Страшно: три аршина! И представь, братецъ, продолжалъ Балахновъ, снова обращаясь къ Окатову, разсѣянно чистившему десны: — представь, самъ вѣдь видѣлъ, какъ орелъ этотъ виталъ надъ облаками Эльбруса, этого царя Кавказа! При мнѣ его и застрѣлили... Думалъ ли онъ, бѣднята, что попадетъ когда-нибудь ко мнѣ, въ Ханскіе-Пруды!... примолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, внезапно растягивая слова и бросая недоброжелательный взглядъ на Карачаева, который входилъ въ кабинетъ, цѣпляясь за косяки и стулья.

Карачаевъ прошелъ невнимательно мимо Окатова, пробрался сквозь толпу курильщиковъ, сѣлъ на диванъ и засвисталъ протяжно какую-то пѣсню.

— Ахъ, да, Николай Степанычъ! я хотѣлъ представить тебѣ Ивана Панкратьича Пшеницына... Помнишь, о которомъ я говорилъ?... поспѣшилъ замять Балахновъ, отыскивая глазами старичка и его сына.

Онъ подошелъ къ старичку и подвелъ его къ Окатову.

— Вотъ, Николай Степанычъ, рекомендую, сказалъ Балахновъ: — почтенный отецъ семейства... три года хлопочетъ объ опредѣленіи сына... и...

Окатовъ наклонилъ на бокъ голову.

— Да-съ, три года... началъ старикъ, выставляя впередъ долговязаго Ѳедю:—три года бьюсь, не добьюсь... Семейство большое, состояньишко—взять нечего... ваше превосходительство...

Окатовъ обнаружилъ вниманіе.

— Ну?... сказалъ онъ.

— Имѣньишко маленькое, ваше превосходительство... продолжалъ ободренный Пшеницынъ, обдергивая рукава на сюртукѣ долговязаго Ѳеди:—охъ, что дѣлать! жили въ деревушкѣ, людей, свѣта не видали; ну, думали, не уйдетъ время, анъ вышло и прозѣвали!... Охъ, что дѣлать, ваше превосходительство, проспали, прозѣвали!... Глядь, а ему ужъ восемнадцать лѣтъ минуло... Поѣхалъ я въ губернскій городъ, тамъ есть у меня пріятель, Иванъ Кузьмичъ—можетъ, знать изволите?

— Ну? повторилъ Окатовъ.

— Нѣтъ, срокъ, говоритъ, прошелъ. Я, ваше превосходительство, метнулся къ другому—также благодѣтель, Севастьянъ Игнатьевичъ, можетъ, знать изволите?

— Ну? сказалъ Окатовъ.

— И онъ тоже... что мнѣ дѣлать! Чаю, умретъ онъ у меня безъ чину, ваше превосходительство... Сдѣлайте такую милость! Другіе ребятишки малъ-мала-меньше, отъ земли не видать! На немъ одномъ вся надежда... Былъ у меня другой сынъ...

— Что-жъ? спросилъ Окатовъ.

— О-охъ! уменъ больно былъ, ваше превосходительство: книгу это увидитъ или что такое, сейчасъ и подавай ему; заучился, знаете—у него геній-то и лопнулъ...

— Какъ-такъ? спросилъ Окатовъ, чуть-чуть подергивая бровями.

— Да такъ, знаете, лопнулъ, да и только...

— Хорошо; я похлопочу, сказалъ Окатовъ, отворачиваясь въ сторону.

Кошкинъ подсѣлъ къ нему.

— Мосье Бобоховъ, вы, кажется, не курите? проговорилъ между тѣмъ Аристархъ Ѳедоровичъ, подходя къ столу...

— Нѣтъ, курю, но только самыя тонкія сигары...

— Можетъ быть, „nec plus ultra“?

— Нѣтъ-съ, „regalia superfina...“ благодарствуйте, я ношу всегда съ собой... Скажите пожалуйста, что это за книга?...

— А! это мой альбомъ! моя записная книжка; прочтите, прочтите... тутъ найдете вы мысли... много такихъ мыслей...

— Покажите...

И Аристархъ Ѳедоровичъ, взявъ самодовольно книгу, прочелъ громкимъ голосомъ, заглушившимъ на минуту всеобщій говоръ: „Взгляни, этотъ чинаръ раскололъ корнемъ гору! а она лелѣяла его, когда онъ еще былъ ничтожнымъ желудемъ!“ На поляхъ, противъ этихъ строкъ чья-то заботливая рука подписала: „Солонеевъ!...“ Но Балахновъ сдѣлалъ видъ, какъ будто этого не замѣтилъ, возвратилъ книгу и обратился къ другимъ гостямъ.

— Что это за сапогъ? насмѣшливо шепнулъ Бобоховъ на-ухо Свищову, который не отступалъ отъ него ни на шагъ.

— А это, уфъ! уфъ! сапогъ Карла Двѣнадцатаго при Полтавѣ; а это вотъ, продолжалъ толстякъ: — это страусовое яйцо; знаешь, есть такая страусъ-птица, а это клыкъ звѣря... жилъ онъ до потопа, сказываютъ...

Увлеченные отчасти любознательностью, отчасти желаніемъ побесѣдовать съ мильонщикомъ, къ нимъ вскорѣ примкнули Конковъ, Дрянковъ, еще кое-кто изъ близь-стоявшихъ курильщиковъ и наконецъ самъ Карачаевъ.

— Фу, какъ однакожъ здѣсь накурили! произнесъ Бобоховъ, отходя немного въ сторону: — нельзя-ли выдти отсюда?

— Что-жъ! пойдемъ въ садъ; большой садъ!.. Ты... вы еще его не видали; пойдемъ! отвѣчалъ съ особенною заботливостью Кондей Ивановичъ, давъ себѣ, повидимому, слово сдружиться какъ можно скорѣе съ мильонщикомъ.

Мало-по-малу кабинетъ опустѣлъ; остались только Окатовъ, Кошкинъ и самъ хозяинъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ переглянулся съ Семеномъ Семеновичемъ, и оба сѣли, одинъ по правую сторону Николая Степановича, другой по лѣвую.

— Ну, скажи пожалуйста, какъ тебѣ нравится нашъ новый сосѣдъ, Бобоховъ? началъ Балахновъ.

— Пустой человѣкъ! отвѣчалъ Окатовъ, разсѣянно глядя въ окно.

— За что же такая немилость?

— Глупецъ! произнесъ Окатовъ какъ бы нехотя.

— Я совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, замѣтилъ съ любезностью Кошкинъ.

Въ то время, какъ дѣлались въ кабинетѣ такія невыгодныя заключенія о новоприѣзжемъ, въ гостиной были о немъ совершенно

другаго мнѣнія; похвалы, расточаемыя на его счетъ госпожею Кошкиной, забывшей, казалось, совершенно слово „parvenu“, не сходившее у нея съ языка наканунѣ, придали еще больше блеска молодому сосѣду въ глазахъ всѣхъ почти дамъ. Слѣдствіемъ было то, что въ ту самую минуту, какъ Бобохова величали въ кабинѣтѣ глупцомъ, въ гостиной провозглашали его единодушно самымъ любезнымъ, свѣтскимъ и умнымъ человѣкомъ, какой когда-либо появлялся на бѣломъ свѣтѣ.

Къ несчастью, въ настоящую минуту Бобоховъ не могъ насладиться плодами всеобщаго восхищенія; когда онъ вошелъ въ гостиную, сопровождаемый вѣрнымъ Свищовымъ, тамъ сидѣли только: хозяйка дома, Кошкина, да еще нѣсколько старушекъ.

— А гдѣ, сударыни, позвольте... уфъ, уфъ... позвольте спросить, остальныя дамы? променадъ?... спросилъ Свищовъ, принявшій окончательное намѣреніе плѣнить мильонщика своимъ тонкимъ, свѣтскимъ обращеніемъ.

— Всѣ ушли въ садъ... и, кажется, даже намѣреваются кататься въ лодкѣ, отвѣчала Кошкина, закусывая насмѣшливо губы.

— Послушайте, шепнулъ Кондей Ивановичъ, наклоняясь наухо Бобохову: — мнѣ нужно сказать два слова женѣ... потолкуй пока съ ними... я сейчасъ вернусь, присовокупилъ онъ, подмигивая ему съ видомъ взаимнаго участія.

— Хорошо, отвѣчалъ Бобоховъ, переглядываясь съ Кошкиной по направленію къ Свищову.

Онъ сѣлъ подлѣ Анны Васильевны, заботливо очистившей ему мѣсто, и вступилъ въ разговоръ. Результатомъ любезности Бобохова было то, что передъ Лизаветой Семеновной, Кошкиной и старушками замелькали въ самыхъ яркихъ и вѣрныхъ краскахъ всѣ подробности, имѣвшія прямо отношеніе къ госпожѣ Тохтамышевой. Онѣ узнали, вопервыхъ, что квартира Тохтамышевой находится на Сивцовомъ Вражкѣ; вовторыхъ, что „салонъ“ Тохтамышевой представляетъ образецъ современной роскоши, доведенной до тончайшей изысканности; втретьихъ, что Тохтамышева принимаетъ по вторникамъ и пятницамъ и допускаетъ однихъ только литераторовъ, художниковъ, людей первыхъ фамилій — словомъ, окружаетъ себя всѣмъ тѣмъ, что есть лучшаго въ Москвѣ. Онъ началъ ужъ распространяться о цвѣтѣ, какой предпочитаетъ преимущественно Тохтамышева, и привелъ въ примѣръ цвѣтъ платья Кошкиной, какъ вдругъ слуга пришелъ доложить, что его просятъ въ кабинетъ.

Бобоховъ раскланялся съ дамами и вышелъ изъ гостиной; въ залѣ загородилъ ему дорогу Свищовъ.

— Каково я ихъ надулъ, а? прошепталъ онъ, самодовольно ножимая руку молодому богачу:—вѣдь это я... уфъ, уфъ, я велѣлъ сказать, что тебя... васъ зоветъ Аристархъ Ѳедорычъ. Ну, что тамъ заговорился со старухами-то? пойдемъ въ садъ; я покажу тебѣ молоденькихъ; красотки есть... у-у какія!.. уфъ, уфъ... пойдемъ черезъ заднее крыльцо... я тебя проведу прямо въ садъ. Пойдемъ; спасибо скажешь...

Минуту спустя, оба очутились на открытомъ мѣстѣ сада.

— Куда жъ ты? не туда... уфъ, постой! говорилъ суетливо Кондей Ивановичъ.

— Какъ не туда? Вотъ, вѣдь, дамы: такъ прямо и пройдемъ къ нимъ, сказалъ Болоховъ, указывая на лужайку за прудами, гдѣ мелькали розовыя, бѣлыя и всякія платья.

— Эхъ, послушайся, не туда. Даромъ что прямая дорога... тамъ, братъ, топкое мѣсто, какъ разъ засядешь... Послушайся меня... Вотъ надо идти по этой аллеѣ; ступай сюда, проговорилъ, едва переводя духъ, Кондей Ивановичъ, увлекая насильно молодого друга въ густую, тѣнистую и, повидимому, совершенно глухую аллею. Оба пошли рядомъ.

Внезапно Кондей Ивановичъ ударилъ себя по лбу, сказавъ: „Ахъ я пострѣлъ, женинъ платокъ забылъ! Ступай все прямо, догоню“, и быстро исчезъ изъ виду.

Оставшись одинъ, Бобоховъ пошелъ по указанной ему дорогѣ.

Не успѣлъ онъ сдѣлать двадцати шаговъ, какъ вдругъ, за поворотомъ аллеи, мелькнуло передъ нимъ голубое платье; онъ ускорилъ шагъ; вскорѣ различилъ онъ толстенькую, румяную, какъ піонъ барышню, сидѣвшую на скамейкѣ въ очаровательно-меланхолической позѣ съ цвѣткомъ въ рукѣ. Въ ту минуту, какъ Бобоховъ выравнивался съ нею, послышался шелестъ въ сосѣднемъ кусту и показалась рука съ ридикюлемъ, которая принялась дергать изъ-за скамейки голубое платье. Бобоховъ приподнялъ кокетливо синюю свою фуражку и франтомъ прошелъ мимо, не сказавъ ни слова.

Немного погодя, мелькнуло передъ нимъ другое платье, усѣянное снизу до верху розовыми бантами; платье принадлежало толстой, здоровенной дѣвѣ, которая ловила бабочку и, казалось, вовсе не замѣчала посторонняго лица, посреди невиннаго своего занятія.

Бобоховъ снова приподнялъ синюю фуражку, но было напрасно: дѣва не могла его видѣть; она глядѣла на него вмѣсто глазъ одними бѣлками. Новый поворотъ аллеи, новая скамейка—и на скамейкѣ опять-таки новое платье. На этотъ разъ рысьимъ глазкамъ мильонщика, сверкавшимъ отъ самодовольствія, предстала особа лѣтъ тридцати-пяти, съ платкомъ въ рукѣ, увѣнчанная цвѣтами, какъ Амуръ; бѣлое платье ея, украшенное краснымъ кушакомъ, пришло въ неописанное волненіе на груди, какъ только поровнялся молодой человѣкъ; она скромно опустила глаза, съузила свои губки, зардѣлась, и вдругъ, какъ-бы опомнившись, приложила платокъ къ глазамъ.

Но Бобоховъ не былъ, видно, чувствительнаго свойства и прошелъ мимо, удостоивъ только приподнять фуражку. Какъ ни понятны были всѣ эти продѣлки господину въ бѣломъ жилетѣ, онъ пришелъ, однакожъ, въ нѣкоторое изумленіе и даже смутился, когда, почти при выходѣ изъ аллеи, встрѣтилъ опять прежнее голубое платье, но только въ другой позѣ. Полное лицо молодой особы, и безъ того ужъ красное, пылало чистѣйшимъ пурпуромъ; члены ея, граціозно-расположившіеся на скамейкѣ, показывали страшную усталость. Она должна была сдѣлать добрую версту, чтобъ очутиться на этомъ мѣстѣ.

Бобоховъ проходилъ ужъ мимо, какъ вдругъ голубое платье заговорило:

— Вамъ, кажется, очень скучно...

— Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ! поспѣшилъ сказать молодой человѣкъ, останавливаясь и приподнимая фуражку.

Послѣдовала секунда молчанія, впродолженіе которой молодой человѣкъ замѣтилъ, что рука съ ридикюлемъ ущипнула голубое платье...

— Здѣсь такъ свѣжо... проговорила молодая особа, видимо нуждавшаяся въ прохладѣ.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ съ поспѣшностью Бобоховъ:—и я бы, конечно... но къ-несчастью... къ-несчастью, меня звали и, навѣрно, дожидаются...

Онъ приподнялъ фуражку и дробнымъ шажкомъ вышелъ изъ аллеи.

Тутъ, на лужайкѣ, подлѣ прудовъ, находилось почти все общество.

— А! Иванъ Дормидонычъ! воскликнулъ Свищовъ, успѣвшій уже освѣдомиться объ имени и отчествѣ молодого своего друга:—

а я вотъ только шелъ къ тебѣ навстрѣчу... Ну что, братъ, уфъ, уфъ... какъ дошелъ?... не заблудился?

— Мудренаго нѣтъ; садъ огромный! замѣтилъ, подходя, авторъ „Непризнанной Индѣйки“.

— Огромный и прекрасный, не правда-ли? сказалъ Васильковъ, нѣжно улыбаясь.

— Ну, господа... ха, ха, ха!... что было со мною! произнесъ Бобоховъ, понижая голосъ, чтобъ не могли разслышать дамы.

— А что? что такое? спросилъ Свищовъ, обнаруживая явное безпокойство:—должно быть, бульдогъ Аристарха Ѳедоровича... уфъ, уфъ... онъ вездѣ шляется...

— Да, бульдогъ, да только въ голубомъ платьѣ... ха, ха, ха! потѣха!...

— Какое... уфъ... какое голубое платье? спросилъ Свищовъ, багровѣя и едва переводя одышку.

— Голубое съ красными бантами, продолжалъ Бобоховъ, не замѣчая, что Васильковъ мигалъ ему изо всей мочи:—да, голубое платье, съ красными бантами и такимъ же краснымъ лицомъ... Не правда-ли, какъ это интересно?... ха, ха, ха!...

— Ничего... охъ, ничего нѣтъ интереснаго, пролепеталъ Кондей Ивановичъ, который пыхтѣлъ и окончательно задыхался.

Онъ повернулся на своихъ тосканскихъ столбахъ и отошелъ въ сторону.

— Что вы надѣлали? шепнулъ Васильковъ, забывая оскорбительное равнодушіе, какое обнаруживалъ къ нему сослуживецъ.

— Что такое?

— Да вѣдь это была его дочь.

— А что такое, мрачно возразилъ Дрянковъ: — подѣломъ имъ... урокъ! не бѣгай за женихами!...

Голоса дамъ, призывавшіе кавалеровъ, заставили Бобохова, Василькова и Дрянкова присоединиться къ обществу, которое усаживалось въ лодку.

Минуту спустя, пруды огласились звонкимъ хохотомъ и говоромъ; одинъ только Свищовъ не произносилъ слова и мрачно поглядывалъ то на воду, то на Бобохова, которому ни разу не пожалъ даже руки во все продолженіе прогулки.

А между-тѣмъ въ кабинетѣ, гдѣ попрежнему сидѣли Балахновъ, Окатовъ и Кошкинъ, происходилъ разговоръ самаго серьезнаго содержанія.

— Ну, полно же, Николай Степанычъ; экой ты какой, право! Я знаю, ты вѣдь это такъ только!... говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, утрачивая окончательно свою сановитость (онъ размахивалъ руками и сильно горячился): — полно, продай мнѣ свое Чернопятово! Оно для тебя ровно ничего не стоитъ. Самъ посуди: сорокъ десятинъ всего, да вѣдь восемь дворовъ — ну, что они принесутъ? много-много триста рублей въ годъ. Для меня оно совсѣмъ другое дѣло: я, ты знаешь, хлопочу изъ того, чтобъ скупать всѣ земли, прилежащія къ моимъ владѣніямъ. Я, братецъ, люблю просторъ! Твое Чернопятово тѣмъ и дорого для меня, что цѣликомъ врѣзывается въ мои земли. Право, продай. Я тебѣ даю за Чернопятово... три тысячи... Вѣдь это, братецъ, выходитъ почти по сту рублей за десятину, а земля, ты знаешь, какая: суглинокъ, хрящъ... Итакъ, по рукамъ: три тысячи?...

— Деньги прекрасныя! шепнулъ Кошкинъ, потирая руки.

— Идетъ? повторилъ Балахновъ.

— Нельзя, наслѣдственное! сказалъ Окатовъ, оглядываясь на своихъ собесѣдниковъ.

— Вотъ славно! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ.—Ну, послушай, если ужъ ты рѣшительно продавать не хочешь—давай мѣняться. Я тебѣ дамъ за Чернопятово свою Подчищаловку; оно же кстати пятнадцать верстъ отсюда; слѣдственно ближе къ тебѣ; а я люблю, чтобъ все было у меня подъ рукою. Въ Подчищаловкѣ тѣ же сорокъ десятинъ и почти то же число дворовъ... Ну, говори, Николай Степанычъ, хочешь Подчищаловку?

— Прекрасное имѣньице... сказалъ Кошкинъ, поправляя очки.

— Ничего нѣтъ хорошаго — заложено! сухо возразилъ Окатовъ.

— Заложено, такъ уже ничего и не стоитъ по-твоему? Помилуй, Николай Степанычъ, да у меня все имѣнье заложено; что-жъ такое? Закладывать ьничего не значитъ, когда на полученныя деньги прикупаешь землю, лѣсъ, или другое что, какъ, напримѣръ, дѣлаю я.

— По-моему, меньше, да чтобъ было чистое! рѣшился проговорить Окатовъ.

— Послушай, пусть будетъ по-твоему; но вѣдь ты забываешь, что въ Подчищаловкѣ есть роща.

— И прекрасная роща! подтвердилъ Кошкинъ.

— Хорошаго ничего нѣтъ, сказалъ Окатовъ.

— Да ты видѣлъ ли ее въ послѣднее-то время? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Видѣлъ; ничего нѣтъ необыкновеннаго.

— А деревья? триста деревъ!

— Да, толщины средней... произнесъ Октовъ.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, Николай Степановичъ! не въ томъ дѣло, какой онѣ толщины. Дѣло, братецъ мой, въ томъ, что каждое дерево пустило уже четыре побѣга, каждый побѣгъ дастъ тебѣ, слѣдовательно, дерево, лѣтъ этакъ... черезъ пятнадцать. У тебя будетъ, слѣдовательно, по прошествіи этого срока не триста деревъ, а цѣлыхъ... цѣлыхъ...

— Тысячу-двѣсти! подсказалъ Кошкинъ, отличавшійся всегда по счетной части.

— Ну, потомъ ты забылъ, что въ Подчищаловкѣ есть еще прудъ...

— Нѣтъ, знаю, сказалъ Окатовъ, косясь на окно.

— Да ты видѣлъ ли въ немъ рыбу?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ то-то и есть. Слушай: въ 1809 году дѣдъ мой посадилъ туда триста карасей; каждый годъ эти караси мечутъ икру — такъ или нѣтъ? мечутъ они икру, да или нѣтъ? сказывай!

— Ну, мечутъ...

— Ну, самъ сосчитай послѣ этого, сколько же теперь должно быть рыбы въ Подчищаловкѣ...

— Я думаю, руками загребать можно, вымолвилъ съ увѣренностью Кошкинъ.

— Нѣтъ, не надо мнѣ твоей Подчищаловки! сказалъ рѣшительно Николай Степанычъ послѣ молчка.

— Кажется, если я не ошибаюсь, у Николая Степаныча есть еще другой клокъ земли, который находится въ твоихъ владѣніяхъ, любезный Аристархъ Ѳедоровичъ? проговорилъ добренькимъ голосомъ и, повидимому, очень-разсѣянно Кошкинъ.

— Да, отвѣчалъ также разсѣянно Балахновъ: — это та долина, что примыкаетъ къ большой дорогѣ. Но что мнѣ въ ней? Негодна она ни въ запашку, ни для выгона...

Говоря это, Аристархъ Ѳедоровичъ не переставалъ коситься на Окатова. Нужно замѣтить, что рѣчь объ этой долинѣ, на которой нельзя было ни пахать, ни сѣять, должна была составлять, между

тѣмъ, главный пунктъ настоящаго разговора; все предъидущее служило, нѣкоторымъ образомъ, только предрѣчіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: долина выходила на большую дорогу къ губернскому городу и была самымъ виднымъ мѣстомъ; но главное заключалось въ томъ, что она принадлежала когда-то роду Солонеевыхъ. Пріобрѣсти эту долину въ свою собственность, и особенно Балахнову, врагу Солонеева, значило нанести послѣднему величайшую досаду. Солонеевъ не разъ говорилъ, что онъ ничего бы не пожалѣлъ, чтобъ возвратить себѣ то мѣсто, гдѣ стоялъ когда-то домъ его предковъ, мѣсто, проданное когда-то Окатову однимъ изъ родственниковъ Солонеева. Этого было уже достаточно, чтобъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ своей стороны готовъ былъ предложить какую угодно сумму, не взирая даже на то, что долина ровно ничего не стоила и имѣла цѣнность для одного Солонеева. Но каково было изумленіе Аристарха Ѳедоровича, когда Окатовъ повернулся къ нему и сказалъ: „Ну, это другое дѣло!“

Нужна была вся твердость характера, все умѣнье владѣть собою, отличавшія Аристарха Ѳедоровича, чтобъ не обнаружить восторга послѣ такого неожиданнаго поворота счастія.

— Ну, Богъ съ тобой! Если ужъ ты не хочешь разстаться съ Чернопятовымъ, давай хоть долину! произнесъ снисходительно Балахновъ.

— Пожалуй! отвѣчалъ Окатовъ.

Тутъ ужъ Аристархъ Ѳедоровичъ не могъ выдержать: онъ вскочилъ съ своего мѣста, но, къ-счастію, скоро оправился и сдѣлалъ видъ, какъ-будто давно собирался встать, чтобъ закурить сигару.

— Сколько?... спросилъ онъ.

— Четыре тысячи.

Сумма была огромная; долина не стоила и десятой доли, но тѣмъ не менѣе Балахновъ едва усидѣлъ на стулѣ отъ радости.

— Гм... гм... четыре тысячи... сказалъ онъ равнодушнымъ голосомъ, въ которомъ проглядывало взволнованное состояніе души его: — гм... четыре тысячи... Въ сущности, что мнѣ въ этой долинѣ?...

— Ну, не надо, вымолвилъ Окатовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ съ живостью Аристархъ Ѳедоровичъ; — зачѣмъ же? я положилъ себѣ за правило прикупать, по возможности, всѣ земли, всѣ угодья, прилежащія къ моимъ владѣ-

ніямъ, и... и покупаю долину... Деньги въ сентябрѣ, послѣ перваго обоза...

— Нѣтъ, теперь нужны.

— А, ну, теперь, такъ теперь! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, рѣшившійся лучше продать хлѣбъ на корню, чѣмъ потерять такой удобный случай: — теперь, такъ теперь; мнѣ все равно. Ты свободенъ послѣ завтра?

— Свободенъ.

— Въ такомъ случаѣ пріѣзжай въ уѣздный городъ... въ Горшковѣ же кстати въ этотъ день ярмарка: мы совершимъ купчую и деньги получишь чрезъ двѣ недѣли. Итакъ по рукамъ?...

Окатовъ подалъ руку Аристарху Ѳедоровичу, и всѣ трое привстали со стульевъ.

— Ну, господа, однакожъ мы заговорились! Посмотрите, начиваетъ уже смеркаться, сказалъ Балахновъ, потирая руки: — мы совсѣмъ забыли нашихъ милыхъ дамъ. Пойдемте отсюда... душа просится на просторъ! Пора подышать свѣжимъ воздухомъ, промолвилъ онъ, принимая мгновенно величавую осанку свою и приглашая гостей изъ кабинета.

Когда они вошли въ гостиную, тамъ находилось уже все общество, собравшееся къ чаю. Посреди всего этого недоставало одного лишь Карачаева. По справкамъ, наведеннымъ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, оказалось, что Карачаевъ грохнулся на постель и заснулъ такимъ богатырскимъ сномъ, что его о сю пору не могли добудиться.

— Ну, оставить его; пускай его хорошенько проспится! сказалъ хозяинъ дома.

Полчаса послѣ этого, когда уже совершенно смерклось и домъ освѣтился несмѣтнымъ множествомъ плошекъ и шкаликовъ, изъ сада послышались неожиданно торжественные звуки оркестра.

— Что это? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, окидывая удивленнымъ взоромъ присутствовавшихъ.

— Не говорите, не говорите ничего! крикнуло нѣсколько тоненькихъ дамскихъ голосковъ.

Дамы окружили Балахнова, кавалеры между тѣмъ вышли на террасу и прокричали „ура! а!... а!“

— Что это? повторилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, пріятно улыбаясь на всѣ стороны.

— Не говорите, не говорите! отозвались снова тоненькіе голоса: — въ садъ, въ садъ, пойдемте въ садъ!

Балахновъ, увлекаемый почти силою, молча повиновался.

Звуки оркестра становились слышнѣе и слышнѣе. Общество вступило въ густую, тѣнистую аллею, перегороженную поперегъ старымъ ковромъ.

Внезапно всѣ остановились, захлопали въ ладоши, коверъ упалъ къ ногамъ Аристарха Ѳедоровича и взорамъ его предсталъ искуственный боскетъ изъ цвѣтовъ, переплетавшихъ безчисленное множество его собственныхъ вензелей. Посреди боскета, ярко-освѣщеннаго съ боковъ, на возвышеніи изъ сноповъ, стояла младшая Кокуркина; длинный кисейный балахонъ, приколотый къ ея головѣ, ниспадалъ густыми складками почти до земли; въ одной рукѣ держала она пучокъ колосьевъ, другая рука ея граціозно подавала букетъ цвѣтовъ.

Воздухъ огласился рукоплесканіями. Аристархъ Ѳедоровичъ поклонился, сказалъ „благодарю!“ подошелъ къ женѣ и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Къ прудамъ! къ прудамъ! раздалось отовсюду.

По выходѣ изъ аллеи, Аристархъ Ѳедоровичъ былъ встрѣченъ новымъ „ура!“, подхваченнымъ всѣмъ оркестромъ. Неожиданно послышалась русская пѣсня; на прудѣ показалась лодка, изукрашенная шкаликами и наполненная нарядными мужиками и бабами. Лодка повернулась носомъ, и тогда всѣ увидѣли, что на ней, вмѣсто паруса, красовался видъ Панскихъ-Прудовъ, написанный на каленкорѣ. Общество подходило уже къ самому берегу, какъ вдругъ, на другой сторонѣ прудовъ, прямо противъ того мѣста, гдѣ стояли господа, взвилась ракета. За ракетой взвилась другая ракета, потомъ третья, четвертая и наконецъ лопнулъ буракъ, загорѣлись римскія свѣчи и посреди внезапно вспыхнувшихъ бенгальскихъ огней открылся исполинскій щитъ; литеры А и Б поддерживались на этотъ разъ двумя геніями, попиравшими облака.

Аристархъ Ѳедоровичъ, растроганный до слезъ, могъ только проговорить „благодарю!“ и бросился обнимать жену. Затѣмъ послѣдовали другіе сюрпризы, но о нихъ не стоитъ упоминать: они состояли почти исключительно изъ тѣхъ же вензелей съ легкими варіантами. Всего замѣчательнѣе было то, что герой этого празднества предвидѣлъ заранѣе и даже зналъ наперечетъ всѣ сюрпризы, исторгавшіе у него въ настоящую минуту благодарственныя слезы. Гости и Лизавета Семеновна ничего даже не подозрѣвали. Аристархъ Ѳедоровичъ двѣ недѣли назадъ самъ послалъ купить

кисею и позументы для балахона, украшавшаго младшую Кокуркину; онъ же придумалъ боскетъ, лодку съ пѣссенниками, фейерверкъ; онъ же далъ рисунокъ знаменитаго щита съ геніями и снабдилъ строгими наставленіями стараго маляра, чтобъ все было хорошо и аккуратно исполнено. Но что прикажете дѣлать! Есть, видно, чувствительныя натуры, которыя не могутъ воздержаться отъ слезливаго умиленія, даже при видѣ собственныхъ своихъ произведеній!... Когда общество вернулось въ домъ, оркестръ находился уже въ залѣ и игралъ польскій. Николай Степановичъ Окатовъ подалъ руку хозяйкѣ и открылъ балъ.

— Куда же ты, Николай Степанычъ? говорилъ Балахновъ, удерживая почетнаго гостя, который взялся за шляпу, какъ только умолкли рукоплесканія, сопровождавшія русскую пляску, исполненную Володей.

— Нельзя, пора! отвѣчалъ тотъ.

Ни увѣщанія, ни просьбы—ничто не помогло. Все, чего могъ добиться Аристархъ Ѳедоровичъ, заключалось въ томъ, что Окатовъ повторилъ обѣщаніе пріѣхать послѣ завтра въ Горшковъ, для совершенія купчей.

„А ну, Богъ же съ тобой, когда такъ!“ подумалъ Балахновъ, видимо оскорбленный равнодушіемъ, какое обнаруживалъ богатый сосѣдъ къ знаменитому числу прекраснаго мая мѣсяца: — „Богъ съ тобой! дѣло слажено; мнѣ больше ничего отъ тебя не нужно! Главное, чтобъ все было по-моему; не такъ ли, другъ?“ прибавилъ онъ громко, потрепавъ по плечу бѣжавшаго мимо Кошкина.

— Что такое? спросилъ тотъ, поправляя очки.

— Главное, чтобъ все было по-нашему! повторилъ еще громче Аристархъ Ѳедоровичъ.

Кошкинъ засмѣялся, пожалъ ему выразительно руку, привсталъ на цыпочки и побѣжалъ приглашать Лизавету Семеновну на экоссезъ.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Кавалеры и дамы, между которыми особенно отличались Вѣра Андреевна (средняя Кокуркина), успѣвшая уже затанцовать до полусмерти Порфирія Павловича Василькова, поминутно сшибались, расходились, составляли новые танцы, снова сшибались и снова расходились, окружая графины съ оршадомъ и клюквой и опустошая подносы съ мороженымъ, крымскими яблоками и виноградомъ.

— Какъ вамъ нравится хозяйка дома, мосьé Бобоховъ? наивно спросила Кошкина, танцовавшая vis-à-vis съ Лизаветой Семеновной.

— Знаете что? она напоминаетъ мнѣ плакучую березу... Ваша очередь дѣлать шенъ.

Кошкина приложила батистовый платокъ къ губамъ, но, проходя мимо Лизаветы Семеновны, привѣтливо кивнула головкой.

— Боже мой, что вы надѣлали? Я едва-едва могла удержаться отъ смѣха, продолжала она, щуря глазки на щеки своего кавалера.— Скажите, какъ вамъ вообще понравилось это... это общество?

— О, удивительно! возразилъ съ комическою торжественностью Бобоховъ: — но, знаете, безъ шутокъ... я, признаться, никогда не могъ думать, чтобъ все это было до такой степени пошло... Я хотѣлъ бы только, чтобъ сестра моя, Тохтамышева, или ея мужъ были здѣсь. Посмотрите, напримѣръ, на эту даму въ тюлѣ... Что это такое?...

— Кокуркина, наша сосѣдка. Какъ вы ее видите, это первая танцорка здѣшняго уѣзда...

— Хотите, я приглашу ее на одинъ туръ? такъ для смѣха, разумѣется...

— Пожалуйста; это будетъ очень забавно.

Увидя еще издали подходившаго Бобохова, Вѣра Андреевна запрыгала на стулѣ, радостно захлопала глазами и принялась нетерпѣливо шаркать по полу ногами.

Бобоховъ и Кокуркина завертѣлись.

— Какъ вамъ нравится... уфъ, уфъ, не правда ли, какъ весело? спрашивала Вѣра Андреевна, подпрыгивая при каждомъ поворотѣ вальса и очаровательно улыбаясь своему кавалеру.

— Чрезвычайно! Мнѣ особенно нравится вотъ эта дама... проговорилъ Бобоховъ, проносясь мимо Надеженьки.

— Мнѣ очень пріятно это слышать... уфъ, уфъ... отвѣчала Вѣра Андреевна, неистово увлекавшая мильонщика.

— Представьте... она хотѣла плѣнить меня въ аллеѣ... хи! хи! хи!... Позвольте васъ поблагодарить, заключилъ онъ, расшаркиваясь; но Вѣра Андреевна проворно отвернула голову и пролепетала: „болванъ!“

— Ахъ, mercі, mercі... вы чуть было не уморили меня со смѣху... Но постойте, то ли еще будетъ послѣ ужина! сказала Кошкина.

Къ несчастію, Бобоховъ не дождался ужина: онъ увидѣлъ Карачаева и поспѣшилъ потихоньку исчезнуть, такъ что его никто не замѣтилъ. Онъ всего-на-всего успѣлъ только проговорить Кош-

киной: „Позвольте мнѣ имѣть честь явиться къ вамъ...“ на что, разумѣется, получилъ тотчасъ же согласіе.

— Гдѣ же Бобоховъ? гдѣ онъ? гдѣ?... раздалось отовсюду, по прошествіи нѣкотораго времени.

— Гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, останавливаясь посреди залы, куда столпилось все общество, въ ожиданіи новой кадрили.

— Богъ съ нимъ, Аристархъ Ѳедорычъ! сказала Вѣра Андреевна: — пусть его ѣдетъ; онъ осмѣялъ всѣхъ насъ, всѣхъ безъ исключенія.

— Буржуа-жантильйомъ! крикнулъ входившій Карачаевъ: — вѣдь я ужъ вамъ говорилъ, а вы нѣтъ да нѣтъ! просто, буржуа-жантильйомъ, вотъ она штука-то въ чемъ! Еще смѣяться вздумалъ! Ахъ онъ! Да я его!... Погоди, голубчикъ, я еще тебя проучу!...

Несмотря, однакожъ, на очевидно дурное расположеніе духа Карачаева, несмотря на припадокъ меланхоліи и всѣ признаки глубоко оскорбленнаго человѣка, обнаруженные имъ, когда объявили ему, что фейерверкъ давно ужъ сгорѣлъ и все обошлось какъ нельзя лучше безъ его присутствія, несмотря на неожиданные взрывы негодованія, послѣдовавшіе непосредственно за меланхоліей, Карачаевъ принялъ мало-по-малу участіе въ танцахъ, и вскорѣ весь грохотъ бала былъ покрытъ его восторженными кликами.

Балъ продолжался вплоть до самаго утра. Большая часть гостей осталась въ домѣ; весьма немногіе разъѣхались, да и то не прежде, какъ увидѣли, что ноги отказывались отъ повиновенія и не могли ужъ двигаться.

На горизонтѣ Ханскихъ-Прудовъ снова показалось солнце.

Снова окрасились золотымъ пурпуромъ бельведеръ, макушки березъ, стѣны дома, флигель и службы. Но когда солнце освѣтило дворъ уже глухой и пустынный, подъѣзды, со спавшими въ повалку кучерами и лакеями, когда, поднявшись выше, перешагнуло оно черезъ заборъ и озарило опустошенныя клумбы сада, измятыя лужайки, изломанные сучья деревъ и желтыя дорожки, молчаливо спускавшіяся въ густую темно-зеленую листву акацій; когда, восходя постепенно выше и выше, глянуло солнце въ окна и прошло яркими лучами по закоптѣлымъ стѣнамъ, по заспаннымъ, усталымъ физіономіямъ и ворохамъ пыли, сора и конфектнымъ билетикамъ — все показало тогда, что жизнь приняла здѣсь свой обыденный порядокъ, и торжество, столь блистательное наканунѣ, кончилось, оставивъ послѣ себя однѣ лишь развалины.

VIII.

Разъѣздъ. — Утро послѣ бала. — Вечеринка въ людской. — Разсказъ карачаевскаго Ивана.

Нѣтъ сомнѣнія, что предлагаемый романъ станутъ обвинять въ мелочности и однообразіи. Въ самомъ дѣлѣ хоть бы тѣнь какой нибудь животрепещущей драматической завязки, хоть бы проблескъ какого нибудь сильнаго, энергическаго характера!... Заранѣе соглашаюсь со всѣми обвиненіями. Да, въ предлагаемомъ романѣ рѣшительно нѣтъ энергическаго характера, нѣтъ интриги, и — что всего хуже — представьте, о мой почтенный читатель! интриги не будетъ до самаго конца... Но что-жъ прикажете дѣлать? Автору, повѣрьте, очень прискорбно, что вся драма въ жизни, хоть, напримѣръ, Аристарха Ѳедоровича, заключается въ его безплодной борьбѣ съ сосѣдями, которыхъ считаетъ онъ злѣйшими врагами потому лишь, что сосѣди эти — люди порядочные, видятъ его насквозь, не желаютъ съ нимъ сближаться и не чувствуютъ къ нему особеннаго уваженія. Къ тому же, надо сознаться, люди съ сильными клокочущими страстями какъ-то вывелись въ послѣднее время — должно быть, сгорѣли въ горнилѣ собственныхъ страстей своихъ! Ихъ замѣнили лица тихія, кроткія, также со страстями, но со страстями столь положительными и упорными, что не согнешь изъ нихъ никакой животрепещущей интриги, или, наоборотъ, со страстями слишкомъ жидкими, совершенно неспособными для подклейки сильной завязки романа. Совсѣмъ тѣмъ вышеупомянутыя лица живутъ, дѣйствуютъ, и поэтому самому никакъ не должны быть исключены изъ описанія. Я совершенно согласенъ, что повѣсть о какомъ-нибудь событіи, преисполненномъ случайностей, была бы несравненно интереснѣе читаемаго вами нынѣ романа. Всѣ мы любимъ, чтобъ дѣлали намъ сюрпризы, и не только въ день нашего рожденія, но, по возможности, даже во всѣ дни нашего существованія. Это очень пріятно. Я готовъ даже раздѣлить мнѣніе тѣхъ немногихъ читателей, которые приходятъ въ неописанный восторгъ, когда герой повѣсти, въ порывѣ безумной страсти, бросается въ окно и выламываетъ себѣ ноги; я готовъ пролить слезы умиленія, когда, въ слѣдующей затѣмъ главѣ, является тотъ же герой, радикально выздоровѣвшій, совершенно счастливый и — вдругъ, въ концѣ, снова пропадаетъ безъ вѣсти; сердце мое

обливается кровью, когда въ третьей главѣ застаю его подъ ножами убійцъ! Въ четвертой главѣ, непризнанныя достоинства героя открываются въ привлекательномъ свѣтѣ; онъ бросается въ объятія милой — и что-жъ? Я самъ готовъ плакать и придти въ восхищеніе... Отдавая себѣ, какъ видите, ясный отчетъ въ своихъ чувствованіяхъ и понимая, слѣдовательно, пружины, употребленныя авторомъ для возбужденія ихъ, я могъ бы написать точно такую же повѣсть; но не сдѣлалъ я этого единственно потому, что побоялся соперничества, ибо такихъ повѣстей пишется чрезвычайно много. Та же самая причина заставила меня отказаться писать повѣсти, въ которыхъ сначала до конца спрягается на всѣ возможные лады глаголъ: люблю: „Вотъ вамъ два прекрасныя юныя существа, говоритъ авторъ, они только-что начали любить другъ друга...“ (Слѣдуетъ затѣмъ постепенное развитіе юной, разгорячающейся страсти). Герой любилъ героиню, героиня любитъ героя, родные того и другаго любятъ дѣтей своихъ и сверхъ того любятъ еще другъ друга. (Тутъ является для контраста лицо, которое обыкновенно никого не любитъ). Вы видите потомъ, какъ два прекрасныя, юныя существа, достигнувъ апогеля, или, если хотите, послѣдняго градуса страсти, соединяются неразрывными узами или возвращаютъ другъ другу письма и прекращаютъ всѣ сношенія. Тутъ наступаетъ собственно драма. Слѣдуетъ затѣмъ постепенный ходъ охлажденія героя къ героинѣ, героини къ герою, и часто все дѣло приходится начать сначала: герой и героиня снова полюбили другъ друга.

Есть еще повѣсти, въ которыхъ преобладаетъ такъ-называемый анализъ, повѣсти, имѣющія цѣлью знакомить большею частью съ блестящимъ кругомъ, которыя можно назвать, для отличія отъ другихъ, повѣстями пусто-прозрачно-психологическаго содержанія. Ихъ писать очень легко, особенно въ послѣднее время: стоитъ только взять первую изъ нихъ, перемѣнить заглавіе, имена дѣйствующихъ лицъ, перенести дѣйствіе изъ Морской въ Милліонную или на Англійскую набережную — и дѣлу конецъ. Вотъ вамъ образчикъ. „Дѣйствіе происходитъ въ будуарѣ, или на балконѣ каменно-островской дачи (непремѣнно одно изъ двухъ). Подлѣ открытаго окна сидитъ героиня — графиня или княгиня. (Слѣдуетъ легкое, но, по возможности, болѣе поэтическое описаніе мѣстности и наружности самой героини). Дверь отворяется: является молодой человѣкъ задумчиваго вида. Онъ левъ съ головы до пятокъ (то-есть онъ посѣщаетъ балетъ, итальянскую оперу, носитъ

штиблеты и обѣдаетъ у Дюссо). Горькій опытъ паркетной жизни поселилъ въ немъ разочарованіе: онъ холоденъ, спокоенъ; но много еще огня таится подъ его новомоднымъ жилетомъ; много теплаго, нѣжнаго чувства онъ умѣлъ сохранить къ своей собственной особѣ. Итакъ, онъ вошелъ, протянулъ руку графинѣ, графиня подала ему свою маленькую, миньятюрную ручку; долго, долго смотрятъ они другъ на друга, полные какого-то неопредѣленнаго чувства... и вдругъ, нежданно, обоимъ дѣлается грустно, невыразимо-грустно, страшно-грустно... Герой и героиня обмѣниваются новымъ пожатіемъ руки; они поняли другъ друга, говорятъ: „прости!“ расходятся — и повѣсть кончена. Все дѣло, какъ видите, очень просто. Меня остановило только то, что такія повѣсти нравятся однѣмъ провинціальнымъ барышнямъ, а провинціальныя барышни, сколько извѣстно, читаютъ весьма мало.

Теперь слѣдуетъ оправдаться передъ читетелемъ, который можетъ принадлежать къ сословію, частію изображенному въ предлагаемомъ романѣ.

Цѣль автора заключалась въ томъ, чтобы провести читателя въ самыя глухія отдаленныя захолустья проселочныхъ дорогъ, куда не успѣли еще проникнуть просвѣщеніе и образованіе. Многимъ покажется, вѣроятно, страннымъ и даже невѣроятнымъ, чтобъ изображенныя нами лица могли составлять въ дѣйствительности одно общество. Въ самомъ дѣлѣ, было бы отчего придти въ отчаяніе, еслибъ Васильковы, Кокуркины, Бобоховы, Дрянковы и пр. и пр. совокупно населяли одну и ту же мѣстность. Горшковскій уѣздъ играетъ здѣсь роль вогнутаго зеркала, къ которому авторъ подводитъ фантастическія лица, заслуживающія насмѣшку. Вотъ на этотъ счетъ наши убѣжденія: человѣкъ бѣдный, неимѣвшій средствъ образовать себя и, слѣдовательно, невиновный въ томъ, что является иной разъ каррикатурнымъ посреди своего же общества, возбуждаетъ только глубокое состраданіе; если такой человѣкъ, несмотря на свою грубую оболочку, добръ и честенъ, чувство состраданія замѣняется мгновенно уваженіемъ и сочувствіемъ, и тогда вы ужъ конечно не станете надъ нимъ смѣяться. Совсѣмъ другое, по нашему, долженъ возбуждать человѣкъ, добровольно коснѣющій въ невѣжествѣ и упорно удаляющійся отъ прямого, свѣтлаго пути, по которому стремится цѣлое общество. Благодаря просвѣщенію, разливающему благодатные лучи по всему пространству нашего отечества и проникающему даже въ самые отдаленные

закоулки проселочныхъ дорогъ, такихъ оригиналовъ у насъ очень мало; но все же кой-гдѣ на нихъ наталкиваешься, и цѣль нашего романа состоитъ въ томъ, чтобъ познакомить съ ними читателя. Приглашая его смотрѣть на Горшковскій уѣздъ, какъ на панораму, составленную изъ самыхъ исключительныхъ типовъ, надъ которыми, право, подчасъ, не грѣшно посмѣяться, и не считая лишнимъ замѣтить, что весь романъ не что иное, какъ собраніе забавныхъ сценъ, авторъ раскланивается на всѣ стороны и продолжаетъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ:

Не знаю, приводилось ли вамъ присутствовать въ домѣ въ ту минуту, когда раздаются крики: „пожаръ!“ Если приводилось, вы не забыли, какая страшная суматоха поднималась вокругъ васъ. Люди, за минуту спокойные, сладко дремавшіе въ углу на диванѣ, или занятые тихой бесѣдой, внезапно повскакивали съ своихъ мѣстъ и забѣгали, какъ угорѣлые, изъ одного угла въ другой; одни стремглавъ летятъ изъ дверей, другіе рвутся въ покои, третьи, потерявъ окончательно управленіе воли, испуганные и ошеломленные страхомъ, мечутся на лѣстницу, тогда какъ четвертые сбѣгаютъ съ ступеней съ быстротой молніи; весь домъ наполняется крикомъ, суматохою, суетою... Все это привелъ я для того, чтобъ дать вамъ приблизительное понятіе о томъ, что происходитъ иногда въ большомъ провинціальномъ домѣ на другое утро послѣ того, какъ наканунѣ случилось заночевать великому множеству гостей. Совершенно почти та же картина. Какъ только наступаетъ часъ всеобщаго пробужденія, по всѣмъ корридорамъ и комнатамъ подымается страшная бѣготня и суматоха. Люди заночевавшихъ гостей мечутся къ хозяйскимъ людямъ; хозяйскіе люди мечутся къ управительницамъ и экономкамъ; управительницы и экономки отговариваютъ ихъ какъ умѣютъ, но тѣмъ не менѣе сами начинаютъ метаться. Всюду раздаются отрывочныя восклицанія, всѣ говорятъ, толкаютъ другъ друга, шепчутся, и, повидимому, ни одинъ не понимаетъ другаго. „Гдѣ у васъ умывальникъ? Баринъ хочетъ мыться. Давайте скорѣе умывальникъ!“ —Да, какъ же! найдешь ты здѣсь умывальникъ! Здѣсь тебѣ и лоханки-то не дадутъ! —„Ахъ, батюшки, да какъ же быть? ахъ!“ —Ступай скорѣй въ кухню; я, кажись, его тамъ видѣлъ вечоръ. Ступай, пока другой не взялъ! —„Ну что ты его морочишь? ступай наверхъ; я его на окнѣ видѣлъ подъ канареечной клѣткой.“ —Ахъ ты Господи! —„Скорѣе, скорѣе, давайте полотенце; барыня спрашиваетъ полотенце...“

— Да, много у насъ полотенцевъ-то; гдѣ я стану его теперь искать?... зачѣмъ своихъ не берете?... — „Воды, горячей воды; скорѣе: баринъ хочетъ бриться.“ —Горячъ больно, подождетъ!... плиту еще не нагрѣвали... — „А какъ же утюгъ-то?... ахъ! барыня спрашиваетъ воротнички!... бѣда!“ —Иванъ Карпычъ, сдѣлай, братъ, милость, сходи зачерпни водицы. — „И самъ сходишь, колодезь не больно далеко!“ — Мнѣ некогда... — „Большая мнѣ нужда!... небось...“ — Ну, вотъ сдѣлай милость... — „Да вотъ не пойду же, не пойду; воровать больно; проси кого хочешь!“ — Гдѣ у васъ экономка-то? — „А что?“ — Да барышни просятъ мыла. Сходи позови ее... — „Да, какъ же, пойду... много ихъ тутъ понаѣхало! У меня и безъ того ноги-то какъ мочала! Самъ ступай!“ Въ то же время убираются столы и стулья, метутся полы, стирается пыль... Такая же точно суматоха происходила въ домѣ Аристарха Ѳедоровича, когда гости его, зѣвая и потягиваясь въ своихъ постеляхъ, посылали первую привѣтливую улыбку давно уже нтступившему утру. Все, однакожъ, постепенно успокоилось и угомонилось. Парадныя комнаты представили вскорѣ свой повседневный видъ, и на всемъ этомъ не было даже замѣтно слѣда какой-нибудь суматохи, когда хозяинъ, сопровождаемый гостями, расположился въ залѣ подлѣ чайнаго стола.

Послѣ чая многіе изъ гостей стали собираться въ дорогу.

Кошкинъ обнаружилъ первый такое желаніе и отдалъ приказаніе, чтобъ подавали коляску.

Такое распоряженіе, повидимому, чрезвычайно удивило супругу его, Анну Васильевну. „У этихъ мужей всегда какія-то дѣла!“ сказала она голосомъ сожалѣнья и нѣжно пожала руку Лизаветы Семеновны; но когда Семенъ Семеновичъ возразилъ вздыхая: „Что же дѣлать, душенька, надо покоряться обстоятельствамъ; не все же ясные дни: бываютъ и тучки на небѣ!“, Анна Васильевна, какъ кроткая и послушная жена, тотчасъ же покорилась, надѣла шляпку и направилась къ двери, лукаво кивнувъ Аристарху Ѳедоровичу на ридикюли Свищовой и Полушкиной, набитые такъ туго всякимъ снадобьемъ, что одно моченое яблоко грозило даже вырваться изъ своей засады и укатиться Богъ знаетъ куда.

Ридикюли эти краснорѣчиво возвѣстили Балахнову, что запасливыя владѣтельницы ихъ также собрались во-свояси. И въ самомъ дѣлѣ, толстый Свищовъ былъ сильно не въ духѣ. Онъ не переставалъ подмигивать Полушкину, съ которымъ любилъ всегда

дѣйствовать какъ одна душа, несмотря на вѣчныя ссоры, и поминутно указывалъ ему на шапку. Кондей Ивановичъ, казалось, никакъ не могъ забыть вчерашняго анекдота: какъ только глаза его встрѣтили голубое платье старшей дочери, онъ началъ кряхтѣть, съ трудомъ переводить одышку и кончилъ тѣмъ, что распрощался съ хозяевами и уѣхалъ. Примѣру его послѣдовали многіе другіе, въ числѣ которыхъ находился старичокъ Пшеницынъ и Ѳедя.

Къ полудню гостиная опустѣла. Остались одни лишь Кокуркины, Васильковъ и Карачаевъ, то-есть люди почти домашніе. Жизнь въ Ханскихъ-Прудахъ, выскочившая на минуту изъ своихъ рельсовъ съ такимъ громомъ, шумомъ и трескомъ, пошла опять обыкновеннымъ порядкомъ. Лизавета Семеновна, обрадованная тѣмъ, что кончилось торжество и наступила тишина, поспѣшила удалиться въ свою комнату. Она расположилась въ маленькой дѣтской, подлѣ окна, окружила себя дѣтьми и принялась учить ихъ. Кокуркины, вооруженныя съ головы до ногъ спицами, иглами, тамбурными подушечками и всякимъ рукодѣльемъ, усѣлись на террасу и завели нескончаемую бесѣду о минувшемъ празднествѣ; къ нимъ присоединился нѣжный Васильковъ, который, казалось, утратилъ на этотъ разъ всю свою любезность. Узнавъ, что поѣздка къ невѣстѣ отложена не только на завтра, но что завтра придется еще ѣхать въ Горшковъ и пробыть тамъ цѣлый день по дѣламъ Аристарха Ѳедоровича, онъ впалъ въ глубокую меланхолію, не переставалъ вращать своими испанскими глазами по направленію дороги и вздыхалъ такъ сильно, что барышни невольно вздрагивали. Такая сосредоточенная грусть не мѣшала ему, однакожъ, вмѣшиваться въ разговоръ барышень каждый разъ, какъ дѣло касалось его будущаго благополучія; тогда онъ одушевлялся, глаза его страшно разгорались и устремлялись къ небу; все существо Порфирія Павловича проникалось въ эти минуты какимъ-то восторженнымъ томленіемъ. Конковъ находился въ это время на противоположной сторонѣ сада, по ту сторону прудовъ, прямо противъ террасы; притаившись за кустомъ осоки, онъ занимался дѣланьемъ тростниковой дудочки, обѣщанной имъ накапунѣ Володѣ. Изрѣдка прерывалъ онъ свою работу, высовывалъ лицо изъ-за куста и глядѣлъ умильными глазами на младшую Кокуркину, вышивавшую по тамбуру головную сѣтку. Изъ всѣхъ постороннихъ, оставшихся въ домѣ, одинъ Карачаевъ, можно сказать, не былъ похожъ на

самого себя: онъ хранилъ мрачное молчаніе, не хотѣлъ явиться пить чай въ залу вмѣстѣ съ другими и, казалось, избѣгалъ съ ними встрѣчи. Причиной такого страшнаго переворота было происшествіе, слушившееся съ нимъ наканунѣ, въ концѣ бала: онъ до того расходился, что даже сама Лизавета Семеновна вынуждена была прочесть ему маленькое наставленіе. Все было нипочемъ Карачаеву; его не могли остановить никакія увѣщанія и убѣжденія; но замѣчанія доброй, снисходительной Лизаветы Семеновны, за которую, какъ самъ онъ говорилъ, позволилъ бы разрѣзать себя на части, этого замѣчанія не вынесъ Карачаевъ. Онъ не переставалъ осыпать себя самыми энергическими эпитетами, не переставалъ посылать себѣ въ лобъ и голову удары и, казалось, хотѣлъ убѣжать отъ самого себя. Присутствовавшіе, поодиночкѣ и соединенными силами, старались уговорить и разсѣять Карачаева — все было напрасно: самыя увѣщанія Лизаветы Семеновны, тронутой, наконецъ, неподдѣльнымъ отчаяніемъ Карачаева, ничего не сдѣлали.— „Не подходите ко мнѣ, голубушка Лизавета Семеновна, говорилъ онъ, багровѣя и уныло вращая глазами:—не подходите ко мнѣ: я недостоинъ вашего участія! вытолкайте меня вонъ, да и все тутъ!“ За обѣдомъ онъ не прикоснулся ни къ одному кушанью, не взглянулъ даже на остатки фрауэнмильха и испанскаго муската. Какъ только встали изъ-за стола, Карачаевъ исчезъ въ свою комнату, забился головою въ подушки и, какъ сказывали потомъ люди, не могли его добудиться никакими силами. Этимъ богатырскимъ сномъ разрѣшались всѣ душевныя потрясенія Карачаева; бывало такъ, что онъ просыпалъ нѣсколько сутокъ сряду.

Что же касается до Аристарха Ѳедоровича, то расположеніе его духа было самое пріятное; онъ поминутно выходилъ изъ своего кабинета, заговаривалъ съ гостями, подтрунивалъ надъ Конковымъ, смѣялся съ Кокуркиными и уговаривалъ Василькова потерпѣть до послѣ-завтра, замѣчая ему при этомъ, что чѣмъ дольше разлука, тѣмъ пріятнѣе свиданіе. Не разъ заставали его расхаживавшаго съ сіяющимъ лицомъ по залѣ и потирающаго руки. Послѣ обѣда онъ послалъ за старостою, отдалъ приказаніе, чтобъ послать мужиковъ для очистки долины, и это обстоятельство, казалось, окончательно развеселило его. Вечеромъ Аристархъ Ѳедоровичъ составилъ партію, и любезность его не прекращалась цѣлый день.

Между тѣмъ, какъ въ самомъ домѣ наслаждались миромъ и тишиною, обмѣнивались трогательными изліяніями, искренними сер-

дечными чувствованіями, обращавшими гостиную въ благополучную Аркадію, въ людской подымался шумный говоръ и все вокругъ принимало самый оживленный характеръ.

Какъ только наступилъ вечеръ и распространился слухъ, что господа усѣлись за карты, нѣкоторые изъ многочисленной дворни, какъ женскаго, такъ и мужскаго пола, стали тотчасъ же сходиться въ огромный флигель, гдѣ, между множествомъ разныхъ помѣщеній, находилась квартира балахновскаго камердинера и жены его, бывшихъ виновниками и даже главными затѣйщиками такого неожиданнаго стеченія. Флигель этотъ представлялъ огромное одноэтажное каменное зданіе, выходившее фасомъ на дворъ, задними окнами во фруктовый садъ, и соединялъ въ себѣ, повидимому, всѣ удобства для помѣщенія людей. Такъ оно въ-самомъ-дѣлѣ и было. Къ несчастью, расположившіеся въ немъ люди задумали распорядиться иначе. Страсть къ особнячкамъ, къ закоулочкамъ, послужила къ совершенному преобразованію пространнаго и свѣтлаго флигеля. Такъ, напримѣръ, большія сѣни, раздѣлявшія его на двѣ равныя части, сдѣлались рѣшительно непроходимы, благодаря коморкамъ, чуланчикамъ, отгородкамъ, клѣтушкамъ, которыми загромоздили ихъ люди; къ этому немало также способствовалъ непроницаемый мракъ (свѣтъ не проходилъ въ скважины чулановъ, заслонявшихъ окна) и несмѣтное множество кадокъ, лагунчиковъ, горшковъ съ золою, корчагъ и корытъ, зѣвавшихъ своими черными ртами во всѣ стороны. Въ тѣхъ же сѣняхъ, чрезвычайно-похожихъ на черный улей, наполненный черными сотами, домохозяйки сосѣднихъ жилищъ, считая, вѣроятно, за лишнее бремя дѣлать каждый разъ десять лишнихъ шаговъ, варили противъ своихъ дверей щелокъ, рубили капусту, затирали квасъ и такъ усердно плескали каждый день воду, что полъ несчастныхъ сѣней, устланный когда-то плитами, повихнулся во всѣ стороны какъ отъ самаго сильнаго землетрясенія: одна плита стояла торчмя, другая совсѣмъ ушла въ грунтъ, третья чуть-чуть глядѣла внаружу. Въ лѣвой половинѣ этихъ сѣней, гдѣ находилась квартира камердинера, все было подведено подъ ту же систему особнячковъ; начиная отъ двери, вплоть до противоположной стѣны тянулась параллельно окнамъ, глядѣвшимъ на дворъ, высокая загородка съ безчисленнымъ множествомъ кривыхъ и косыхъ дверокъ. Окна, обращенныя въ фруктовый садъ, были частію заклеены сахарной или газетной бумагой, частію, и именно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уцѣлѣли стёкла, завалены всякимъ хламомъ.

Тутъ же помѣщались: столяръ, съ своимъ станкомъ, досками, пилами и долотами, и вмѣстѣ съ нимъ, на другомъ концѣ, старый маляръ съ клюквой вмѣсто носа.

Маляръ этотъ, котораго, между прочимъ, звали Калиной, жилъ у Аристарха Ѳедоровича въ качествѣ наемнаго и получалъ жалованье. Калина слылъ во всемъ околодкѣ за самаго умнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго горькаго пьяницу, какого только носила мать сыра земля на своей поверхности. Онъ былъ вдовъ и никого не имѣлъ на свѣтѣ кромѣ дочки Палашки, черномазой, обстриженной въ кружокъ дѣвченки, состоявшей, какъ извѣстно, на посылкахъ у Фіоны Ивановны, и которую любилъ Калина со всею страстью нѣжнѣйшаго отцовскаго сердца. Въ этой любви было, однакожъ, что-то особенное, точно такъ же, какъ и во всѣхъ сердечныхъ и душевныхъ побужденіяхъ Калины; онъ не переставалъ ворчать съ утра до вечера: „Вотъ послалъ Господь наказаніе!... Сущій пострѣлъ дѣвка!... ну ее!...“ Но совсѣмъ тѣмъ, еслибъ съ Палашкой случилось какое-либо несчастіе, Калина былъ бы неутѣшенъ. Въ настоящую минуту, то-есть въ то время, какъ собирались гости, Калина былъ сильно не въ духѣ. Причина такого нерасположенія заключалась въ томъ, что, полчаса назадъ, Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ ему изготовить къ послѣзавтрему свой вензель, перепутанный арабесками; вензель долженъ былъ украшать въѣздъ въ новоприобрѣтенную долину со стороны столбовой дороги. Не было, можетъ быть, въ цѣломъ свѣтѣ художника, который цѣнилъ бы такъ высоко свое искусство и придавалъ бы ему такое значеніе, какъ Калина; онъ ненавидѣлъ на-смерть всякую спѣшную работу: онъ любилъ заниматься искусствомъ con amore, любилъ тщательно вывести каждую полоску, каждый штришокъ; къ тому-же потреблялось имъ много времени на обдумываніе произведеній и еще больше на то, чтобъ отходить въ сторону послѣ каждаго новаго удара кисти, прищуривать то тотъ, то другой глазъ и восхищаться этими ударами...

Дурное расположеніе духа Калины подѣйствовало самымъ непріятнымъ образомъ на Сидора Матвѣевича (такъ звали камердинера), который разсчитывалъ на него, какъ на самаго драгоцѣннаго для общества человѣка. Но дѣлать было нечего: Сидоръ Матвѣевичъ зналъ очень хорошо, что стоило только Калинѣ сѣсть за работу и вооружиться кистями, его не оторвешь тогда не только просьбами, но не соблазнишь штофомъ лучшаго травника.

Сидоръ Матвѣевичъ былъ человѣкъ умный, разсудительный и самъ любилъ окружать себя людьми умными и разсудительными. Въ приглашенномъ имъ обществѣ читатель могъ только встрѣтить цвѣтъ дворни. Тутъ находился Кузьма Севастьяновичъ, кучеръ Кокуркиныхъ, старый, сѣдой драбантъ съ мрачно-нависшими бровями, премного уважаемый всѣми за преклонность лѣтъ и долгую опытность; виднѣлась потомъ знакомая читателю Глафира, первая камеристка и первая красавица цѣлаго околодка; былъ также Иванъ карачаевскій и много было еще другихъ лицъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Кромѣ приглашенныхъ, находились, какъ водится, и зрители. Въ числѣ послѣднихъ, стоявшихъ, большею частью, по угламъ, вертѣлась Палашка, нѣжно-любимое чадо Калины.

Между тѣмъ, какъ Сидоръ Матвѣевичъ и супруга его, жидкая, бойкая, повязанная платкомъ бабенка, отставленная по наговору Фіоны Ивановны отъ всякой должности, ставили самоваръ, мыли чашки, кололи сахаръ и приготовляли угощеніе, приглашенные столпились вокругъ Калины, который сидѣлъ противъ желѣзнаго загрунтованнаго листа и, задумчиво нахмуривъ брови, водилъ по немъ кистью.

— Ахъ, Боже мой! посмотрите-ка, посмотрите, Иванъ Емельянычъ, какое страшилище! говорила Глафира, обращаясь къ карачаевскому Ивану и указывая ему на фантастическаго звѣря, рождавшагося на желѣзномъ листѣ подъ странно-причудливою кистью Калины: — просто, страшилище!... Посмотрите, Иванъ Емельянычъ, зубы-то, зубы-то!... А вотъ это что у него такое, Калина Васильичъ?.. Ахъ ты, Господи!...

— Хвостъ, отвѣчалъ недовольнымъ голосомъ Калина.

— Помилуйте, Глафира Львовна, развѣ вы не видите, что это глазъ? шепнулъ Иванъ Емельяновичъ.

— Ахъ, да, вѣдь, и въ самомъ-дѣлѣ!... Батюшки, ни дать, ни взять, барскій бульдогъ!...

— Экъ хватила! Много ты видала, небось, такихъ собакъ-то! проворчалъ обиженнымъ тономъ Калина, принимаясь закруглять зрачокъ звѣря.

— Это дикобразъ! подсказалъ Иванъ Емельяновичъ.

— Дикобразъ? Что жъ это за звѣрь за такой, Иванъ Емельянычъ? Я ихъ никогда не видала, проговорила Глафира.

— У насъ, въ Рассеи, они не водятся, отвѣчалъ Иванъ: —

ихъ, изволите видѣть, привозятъ изъ жаркихъ краевъ, гдѣ родятся арапы. Я сколько разъ видалъ этихъ дикобразовъ у насъ въ балаганахъ: страшилище такое... Да вотъ, посмотрите, точно такой видъ имѣетъ, какъ написалъ Калина Васильичъ... И удивляюсь я это, право, какъ онъ только такъ вѣрно потрафилъ! Какъ есть, то-есть, дикобразъ, настоящій дикобразъ!

Калина самодовольно покрутилъ головою, прищурилъ глаза и принялся еще усерднѣе закруглять зрачокъ дикобраза.

— До какой премудрости, какъ подумаешь, доходитъ человѣкъ! произнесъ задумчиво, раскачивая головою, одинъ изъ гостей, слѣдившій съ изумленнымъ видомъ за работою Калины.

— Что говорить! всякое дѣло требуетъ ученья, возразилъ Иванъ:—безъ ученья ничего не сдѣлаешь. Посади-ка поди любого изъ насъ на мѣсто Калины—напутаетъ такого, что и самъ потомъ не разберешь. Всякое дѣло надо произойти, а тѣмъ болѣе ихнее! Тутъ всякая вещь, какая только есть на свѣтѣ, должна быть тебѣ извѣстна. Скажутъ: звѣря ли какого напиши, дерево или траву какую — все умѣй показать и сдѣлать.

Гость продолжалъ задумчиво качать головою.

— Что это вы, Татьяна Васильевна, какой трудъ на себя принимаете? сказалъ Иванъ, расшаркиваясь съ любезностью предъ женою камердинера, которая раздувала самоваръ.

— Помилуйте, что за трудъ! Для дорогихъ гостей ничего не трудно-съ...

— Къ тому-жъ поторопиться нужно, перебилъ ее супругъ, подсыпая уголь: — неравно господа потребуютъ.

— Помилуйте, Сидоръ Матвѣевичъ, что вы безпокоитесь! воскликнула Глафира: — мы все это сейчасъ узнаемъ... Эй, Палашка! прибавила она, обращаясь къ дѣвочкѣ:—ступай, посмотри, что дѣлаютъ господа; да не зѣвай и приходи скорѣе сказать... Что-жъ ты?

— Глафира Львовна, дайте поглядѣть, что тятенька дѣлаютъ... сказала Палашка, вытягивая шею по направленію кисти ея отца.

— Что-о-о?... заревѣлъ Калина, поворачиваясь къ дочери и топая свирѣпо ногами:—ахъ, ты!... пошла, когда велятъ, пошла! Вотъ я тебя!... Эко, право!... прибавилъ онъ.

— Посмотрите-ка, посмотрите, Иванъ Емельянычъ, звѣзды-то, звѣзды... Ахъ, какъ прекрасно! точно на небѣ! заговорила Глафира:—этакъ онъ, пожалуй, и солнце сдѣлаетъ!

— Нѣтъ, гдѣ звѣзды, тамъ ужъ солнцу не слѣдъ, глубокомысленно возразилъ Калина.

— Да неужто ты, въ самомъ дѣлѣ, можешь сдѣлать солнце? спросила Глафира.

— Все могу, отвѣчалъ съ увѣренностью художникъ: — все, все могу, всякій цвѣтъ могу произвести, какой только есть. Давай, что хочешь напишу... и мѣсяцъ, и солнце, и... и... и... все могу!

— А вотъ огонь, Калина Васильичъ, не напишешь, ни за что не напишешь: цвѣтовъ такихъ нѣтъ! замѣтила Глафира.

— А сурикъ на что? а баканъ на что? сурово воскликнулъ Калина, который вообще терпѣть не могъ, чтобъ сомнѣвались въ его искусствѣ.

— Помилуйте, Глафира Львовна, произнесъ Иванъ:—ученому человѣку все возможно. Что такое огонь? ничего! Такіе ли цвѣта, еслибъ вы видѣли, подбираютъ въ разныхъ живописныхъ обозрѣніяхъ. Вотъ я видѣлъ картины — повѣрите ли... пожаръ представленъ... люди, такъ, просто, живые люди бѣгаютъ... А, вотъ и Палашка! Ну, что? прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвчонкѣ, которая остановилась въ дверяхъ, едва переводя одышку.

— Что ты тамъ такъ долго дѣлала? спросила Глафира. Ну, что господа?

— Ухъ, дайте духъ перевести, Глафира Львовна... ухъ! Фіона Ивановна задержала, посылала: ступай, говоритъ, посмотри, что дѣлаетъ Прокисай Захарычъ? я и пошла... сидитъ, говорю, да моргаетъ на младшую Кокуркину...

— Ну, а что дѣлаетъ баринъ?

— Барина нѣтъ съ гостями, ушелъ въ кабинетъ; поглядѣла въ замокъ: то въ книжку поглядитъ, то встанетъ, да по комнатѣ ходить начнетъ.

— Ну, а другіе что? спросили нѣсколько человѣкъ, окружая дѣвочку.

— Другіе, да кто еще тамъ?... Ахъ, да, Дрянковъ! Сидитъ въ своемъ чуланчикѣ съ Васильковымъ и читаетъ ему книжку. Такой-то чудной, право: онъ читаетъ, тотъ спитъ, да вотъ такъ только головой махаетъ, ха! ха! ха!...

— Ну, чего ты? чего? чего-о-о? закричалъ Калина, поворачиваясь неожиданно къ дочери: — вотъ я тебѣ посмѣюсь... Пошла!

— Смѣшно больно, тятенька-съ...

— Вотъ я тебѣ дамъ смѣшно! пошла! Какъ мазну тебя вохрой, такъ будешь помнить.

— Полно ты на нее злобиться-то, Калина Васильичъ: дѣло молодое! сказалъ камердинеръ. — Милости просимъ, Глафира Львовна, Иванъ Емельянычъ, Кузьма Севастьянычъ, прибавилъ онъ вмѣстѣ съ женою, приглашая гостей въ каморку.

— Сейчасъ, Сидоръ Матвѣевичъ, сію минуту, вымолвилъ Иванъ. Палаша, а что, голубушка, не видала моего барина?

— Нѣтъ, не видала.

— Ну, должно быть, все еще спитъ. Теперь его не добудишься, произнесъ Иванъ, входя въ каморку и усаживаясь подлѣ Глафиры.

Каморка камердинера свободно вмѣщала въ себѣ трехъ человѣкъ средней полноты; въ ней могло бы помѣститься гораздо болѣе, еслибъ не препятствовали тому: огромная кровать съ ситцевыми занавѣсками, два стула, столъ и длинная-длинная клѣтка, наполненная дроздами, снигирями, синицами и всякими другими птицами; сверхъ того, тутъ же помѣщались сундучки, висѣли мѣшечки съ разнымъ добромъ, пріобрѣтеннымъ во время служенія Аристарху Ѳедоровичу. Потолокъ и стѣны каморки украшались кусками разноцвѣтныхъ обоевъ, расположенныхъ такъ искусно, что розассы и цвѣты сходились въ одной точкѣ, прямо противъ постели. На столѣ, между стеариновыми свѣчами, воздвигнутыми въ разнокалиберные бронзовые подсвѣчники, пыхтѣлъ самоваръ.

— Глафира Львовна, Кузьма Севастьянычъ... что это, какъ вы мало кушаете? Прошу покорно! говорилъ камердинеръ, подливая въ чашки Ивану и другимъ. — Татьяна Савельевна! промолвилъ онъ, подмигивая въ то же время женѣ и указывая ей на гостей.

— Покорно благодарю, Сидоръ Матвѣичъ, очень довольно, сказалъ Иванъ. — А я вотъ все насчетъ своего барина.

— Вчера умаялся. Ужъ какъ только это хватаетъ его, право! Хоть бы минуту постоялъ или посидѣлъ въ покоѣ!

— Нѣтъ, не то, Сидоръ Матвѣичъ, совсѣмъ не то; я ужъ его знаю: должно быть, что нибудь не по немъ вышло. Помните тотъ разъ, какъ узналъ онъ, что умерла у него сестра, плакалъ, плакалъ... А иногда нападетъ, знаете, на него тоска такая — весь исхудаетъ... ну, просто жалости достойно, самъ на себя не похожъ... Я ужъ такъ и сякъ — ничѣмъ не возьмешь...

— Какого онъ положенья? спросилъ одинъ изъ гостей.

— Да лѣтъ ужъ сорока будетъ... А то есть доброты какой, такъ, кажется, не найти другаго въ цѣломъ свѣтѣ: послѣднюю рубашку готовъ отдать тебѣ, то есть вотъ какъ; вѣкъ бы не разстался!

— Эхъ! вотъ жизнь, такъ жизнь! Вотъ и слушать, такъ... зависть беретъ... Охъ-охъ-хо, хо! замѣтилъ Кузьма Севастьянычъ, сурово нахмуривъ брови.

— Да, могу сказать, продолжалъ Иванъ:—такого другаго человѣка не найдешь... Да что искать! просто, нѣтъ, какъ есть нѣту! А что насчетъ людей—просто сказать: мухи не тронетъ. Добрая душа! За то вѣдь, Сидоръ Матвѣичъ, Богу и молишь. Никогда бы я съ нимъ, признаться, и не разстался, еслибъ не подумывалъ... насчетъ другихъ дѣлъ... то есть своихъ собственныхъ. Сколько ни живи, а пристроиться надо... заключилъ Иванъ, бросая украдкою взглядъ на Глафиру, которая опустила при этомъ глаза въ чашку и покраснѣла.

— Эхъ-эхъ! вотъ жизнь, такъ жизнь! повторилъ Кузьма Севастьянычъ: — не то, что наша! Живи, живи... а все тебѣ... что? — ничего!...

Кузьма, нужно замѣтить, принадлежалъ къ числу людей, которые весь свой вѣкъ жалуются на судьбу и ничѣмъ не бываютъ довольны. Дайте Кузьмѣ домъ, скажите ему: „На, вотъ тебѣ за твои заслуги!“ Кузьма нахмурится и возразитъ съ самымъ недовольнымъ видомъ: — „А на что мнѣ домъ вашъ? Ни жены, ни дѣтей у меня нѣтъ; что я съ нимъ стану дѣлать? Ничего мнѣ не надо!“ Не давайте ему дома, а дайте все, что нужно: теплую одежду, полную мѣсячину, свѣтлый уголъ, Кузьма будетъ опять недоволенъ: „Вотъ, скажетъ онъ: служи, служи, а что нажилъ?— ничего! эхъ-эхъ!...“

— Какъ же вы, Иванъ Емельянычъ, осмѣлюсь васъ спросить, попали къ Карачаеву? спросилъ камердинеръ, подливая ему чаю и подмигивая женѣ на остальныхъ гостей.

— А попалъ я къ нему... попалъ такимъ образомъ... знаете... сказалъ Иванъ, посылая взглядъ Глафирѣ и видимо заминаясь... какъ получилъ уже вольную отъ перваго своего барина.

— Вы чьихъ были? спросилъ камердинеръ.

— Ивана Петровича Долотова. Онъ не здѣшнихъ мѣстъ. Вы его не знаете. Также былъ добрый баринъ, царствіе ему небесное!

— А что, стало быть, померъ?

— Померъ. Кабы не онъ, такъ, кажется, что бы со мной и было теперь: давно бы сгибъ! Куда только меня не носило, по какимъ мытарствамъ не проходилъ... и-и-и! Боже упаси! Былъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ: еще мальчикомъ туда послали. Чего-чего только не привелось видѣть! то-есть, просто сказать, такая моя жизнь, что хошь въ любую книжку.

— Разскажите, Иванъ Емельянычъ, оченна бы, признательно было, любопытно, сказали хозяинъ, хозяйка и другіе.

— Долгая исторія-съ! скромно произнесъ Иванъ.

— Ничего, Иванъ Емельянычъ! возразила Глафира: — я не разъ отъ васъ слышала, какъ вы разсказывали, и рада бы еще послушать. Разскажите, примолвила она, нѣжно взглянувъ на своего возлюбленнаго.

— Съ моимъ удовольствіемъ, сказалъ Иванъ.

Хозяинъ и хозяйка налили новыя чашки чаю, присутствовавшіе пододвинулись ближе, Иванъ кашлянулъ и началъ слѣдующій разсказъ, передаваемый нами здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

Исторія карачаевскаго Ивана.

„Какъ родили меня отецъ съ матерью, такъ и оставили си-„ротою (началъ Иванъ). Отецъ померъ до меня мѣсяцевъ за шесть, „а матушка, дай ей Господь царствіе небесное! скончалась вскорѣ „послѣ родовъ. Оба были дворовые, и меня поэтому зачислили „въ деревню. Дворня была у насъ большая: какъ есть люди, всѣ „чужіе мнѣ, хошь бы одинъ сродственникъ. Не знаю, привелъ ли бы „Богъ и на свѣтъ-то поглядѣть, еслибъ не одинокая вдова Анна: „взяла она меня, обмыла, одѣла, пріютила, словно мать родная, „и выкормила. Вотъ, говорятъ, добрыхъ-то людей нѣтъ на свѣтѣ! „И то сказать надо, я за нее и теперь молю Бога, помню ея „добро: да и какъ не помнить, братцы, когда право слово — „лучше иной матери выростила! Иной разъ письмецо пошлешь и „деньжонокъ приложишь — все пригодится старухѣ на нитки; „однимъ плохо: говоритъ, глазами плоха нынче стала. Вотъ, годъ „за годомъ, началъ я подростать; было безъ малаго мнѣ никакъ „лѣтъ десятокъ. Около той поры померъ у насъ баринъ; на мѣсто „поступилъ молодой, сынъ; служилъ онъ прежде въ Петербургѣ „и происходилъ всякими чинами. Чинъ былъ на немъ не малый;

„человѣкъ былъ умный, разсудительный, кредитный. — „Что это, „говоритъ, ребятъ-то сколько у насъ во дворнѣ? что они дѣлаютъ: „баклуши, чай, бьютъ? Это, говоритъ, нехорошо. Что, говоритъ, „человѣкъ безъ мастерства: куда онъ пригоденъ? Взять человѣкъ „десять, говоритъ, да послать-ка ихъ въ Петербургъ заняться „какимъ-нибудь дѣломъ. Сами послѣ спасибо скажутъ. Что ма- „стерство, то хлѣбъ въ рукѣ, одно и то же!“ Такой-то былъ „разсудительный! Взяли насъ — и я попалъ съ ними, взяли и „повезли всѣхъ въ Питеръ. Кого въ каретники, кого въ сапожники; „меня отдали къ нѣмцу-портному. Куда жутко пришлось на пер- „выхъ порахъ! извѣстное дѣло — совсѣмъ ужъ не то положеніе! „Сказывали, былъ онъ прежде (хозяинъ мой, Карлъ Карлычъ) „человѣкъ смирный и ласковый, пока не разбогатѣлъ; а какъ „разбогатѣлъ, такой форсъ на себѣ понесъ, что Боже упаси! „Бывало, малость какая, самая-ни-на-есть бездѣлица — за все „отвѣтъ предъ нимъ держи. Всѣхъ уважай, мало что его самого — „жену, дѣтей; за всѣми ухаживай; такой-то былъ бѣдовый; по- „думать, такъ страсти! Жилъ я однако у него ладно и безобидно; „работа пришлась мнѣ въ руки. Сначала, разумѣется, подкладка „шла, стежка, пуговицы, строчку металъ, а тамъ принялся и за „жилеты. Жилъ я у него лѣтъ пятокъ безъ малаго и выучился „всякой работѣ; года полтора оставалось всего до подмастерья. „Стали отпускать меня по праздникамъ, на Крестовскій ли, въ „Екатерингофъ ли — все это было можно. Въ Петербургѣ есть, „знаете, гдѣ погулять, были бы деньги... Ихъ-то у меня и не „было. А тутъ, знаете, завелись у меня шашни... На нашемъ же „дворѣ, изволите видѣть, держала француженка модный магазинъ; „дѣвицъ было много, красавицы были — заглядѣнье... да вотъ, я „чай, Глафира Львовна припомнятъ?... Тамъ съ ней и привелъ „случай познакомиться... Была у нихъ подружка... такая, такая... „просто, красотка! Машей звали...“ (Тутъ разсказчикъ лукаво подмигнулъ Глафирѣ, какъ будто хотѣлъ сказать: „молчи только; вывернемся!“ Глафира видимо успокоилась, и, чтобъ скрыть остатокъ волненія и краски, принялась сильно сморкаться.) „Ужъ „такъ-то полюбилась мнѣ эта дѣвушка, Маша“ (продолжалъ Иванъ бросая новый взглядъ на собесѣдницу), „такъ полюбилась, что „ужасти! Ну, пошли это, знаете, тары-бары; деньги еще нужнѣе „стали. Извѣстно, люди молодые: на извозчикѣ ли прокатить, „леденцовъ ли купить — на все нужны деньги до зарѣзу, а ихъ

„нѣтъ. Кровь-то, знаете, играетъ: завидно! Столкнулся я около „той же поры съ однимъ парнемъ: былъ онъ прежде въ ученьи „у нашего же хозяина, да отошелъ и приписался къ комендіант- „щикамъ — вотъ, знаете, что въ балаганахъ, на масляной, штуки „разныя показываютъ. Страсть такая, говорятъ, была у него. Звали „его Яшка Гвоздырь — то есть такое прозвище было, и ужъ, „скажу вамъ, такой-то былъ парень этотъ, такой-то бѣдовый, что „Боже упаси! Вотъ и говоритъ онъ мнѣ разъ: — „Ваня, говоритъ, „скучаешь ты, братъ, деньжонками: хочешь, говоритъ, я достану „тебѣ работу къ праздникамъ? Не оберешься, успѣвай только „метать; и деньги хорошія; пойдемъ, говоритъ, къ моему хозяину!“ „Я чуть не кинулся съ радости къ нему на шею. — „Ахъ, такой, „сякой, благодѣтель!...“ Пришли. Вижу, знаете, квартира хорошая, „народу много, и народъ, знаете, такой все чистый, хорошій. Самъ „хозяинъ — нѣмецъ, славный такой, ласковый. Звали его Адольфъ „Христіановичъ Вейнертъ. Вижу: въ достаткѣ живетъ человѣкъ. „Держалъ онъ, изволите видѣть, комедіантщиковъ и самъ былъ „комедіантщикъ; балаганъ его, объ масляной или объ Святой, былъ „самый первый. Спросилъ это онъ, гдѣ живу, у кого обучаюсь. „Ну, и хорошо. Взвалили на меня цѣлую корзину камзоловъ, „платья всякаго; все бархатъ да атласъ, вездѣ позументъ и „блестки — хорошее такое, знаете, все добротное; костюмы и гар- „деробъ, нечего сказать, были важные. Кое-что понадобилось „перекроить, перешить. Я снялъ мѣрку, пошелъ и сѣлъ за работу. „Первое время, знаете, какъ ходилъ къ нимъ, казалось очень „чудно. Дѣло, разумѣется, непривычное; смотришь: на рукахъ „люди ходятъ, пригибаютъ голову къ пяткамъ, и добро бы еще „большіе, а то мальчишка какой-нибудь, отъ земли не видать, „коверкается на всякіе манеры, с а л ь т е м о р т а л е дѣлаетъ, то-есть, „изволите видѣть: стоитъ, примѣрно, человѣкъ на ногахъ и вдругъ „перекувырнется въ воздухѣ и опять на ноги встанетъ... Все сначала „было въ диковинку; но потомъ, знаете, чаще и чаще, присмот- „рѣлся, приглядѣлся и — ничего, привыкъ. Люди были, говорю „вамъ, отличные, добродушные; что сработаешь, принесешь, бывало, „и сейчасъ тебѣ деньги. Какъ пошли это у меня деньги — и „жизнь совсѣмъ пошла другая: заработаешь цѣлковыхъ два или „три, сейчасъ, знаете, перекинешься словцомъ въ магазинъ; смот- „ришь, Маша и идетъ...“ (Разсказчикъ снова подмигнулъ украдкой „Глафирѣ.) Если можно, гулять пойдемъ; нельзя — купишь ей

„леденцовъ, или другую какую сладость. Дожилъ я этакъ-то до „подмастерья, совсѣмъ привыкъ къ комендіантщикамъ, какъ къ „роднымъ, работалъ на нихъ безъ устали, и думалъ только: кабы „Господь вѣкъ привелъ такъ жить! Судилъ-то я такъ, а вышло „другое. Вотъ разъ прихожу домой (воскресенье было подвечеръ, „какъ теперь помню), захожу подъ ворота, смотрю: стоитъ моя „Маша, лицо закрыла руками, а сама, знаете, такъ и плачетъ, „такъ и заливается. Что за причина такая, думаю... — „Такъ и „такъ, говоритъ (а сама, знаете, слово-то скажетъ, да на-взрыдъ), „такъ и такъ, ученье мое, говоритъ, кончилось и господа требуютъ „въ деревню!“ Меня такъ и обдало всего! Любилъ, любилъ я эту „дѣвушку, просто ужасти какъ любилъ. Ну, поплакали, погоре- „вали—что ты станешь дѣлать? обѣщали подавать другъ другу „вѣсть, и простились. Уѣхала моя Маша. Сталъ жить я у своего „портного, пѣтъ: моченьки не хватаетъ! Такая-то одурь, тоска „одолѣла — просто, жизнь прискучила. Какъ взгляну, бывало, „насупротивъ въ окно магазина — просто хошь бы повѣситься! Тутъ „случись та бѣда: хозяинъ мой—банкротъ! то-есть раззорился. Самъ „виноватъ, говорю вамъ: какъ разбогатѣлъ, такой форсъ поднялъ, „что просто Боже упаси! Куда мнѣ дѣваться? думаю. Пошелъ къ „Адольфу Христьянычу, комедіянтщику, такъ и такъ, говорю... „Что жъ, говоритъ, работы у насъ много; оставайся у насъ жить; „жалованье такое и такое; въ свободное время будешь подмо- „гать переставлять кулисы, то да се; работа небольно-мудреная, при- „выкнешь! Послушался. Прожилъ я съ ними полгода, и полюбились „они мнѣ, полюбилась жизнь ихъ еще пуще. Славные были люди!... „Пришла масляная, Святая; поставили балаганы; пришли мы туда, „стали играть. Сошелся я скоро съ другими комедіантщиками и „зажилъ съ нимъ какъ свой. Однимъ скучалъ: вижу — люди играютъ, „наряжаются, народъ ими потѣшается, музыка играетъ, а я сиди „одинъ въ потемкахъ, крои лохмотья, ставь заплаты, да пере- „двигай машины, кулисы всякія, или сиди подъ поломъ. Оно хоть „жили мы товарищами а все, знаете, какъ словно обидно стало: „и тотъ же, думаешь, человѣкъ, да не то; вишь, думаешь, коме- „діантщикъ, паяцъ или ахтеръ какой, всѣ его знаютъ, всѣ видятъ... „а ты что?... портнишка, ламповщикъ! Дѣло, знаете, было въ ту пору „помоложе... Эхъ! думаю, Маши моей не стало; одинъ какъ перстъ „на свѣтѣ; пропадай моя голова, повихну себѣ шею — туда и дорога! „Къ тому-же, думаю, вѣдь дѣлаютъ же люди, умудряются, а

„живутъ, не пропадаютъ. И сталъ я себя пробовать на всѣ манеры: „какъ улягутся, бывало, спать, я и давай, и давай — норовилъ „всячески подойти подъ ихъ стать. Сначала потѣшались надо мной, „а потомъ видятъ: человѣкъ способный, учить стали. Наградилъ „меня Господь здоровьемъ и силой, даромъ что отъ-роду не былъ „дюжъ и крѣпокъ. Сначала было куда ужъ тяжко и трудно, „а потомъ привыкать сталъ помаленьку. Прошелъ годъ, другой— „пошелъ дѣлать всѣ штуки не хуже ихняго. И такая, скажу вамъ, „страсть припала у меня къ этому дѣлу, что какъ, бывало, за- „играетъ музыка, такъ всѣ жилки и задрожатъ!...“

— Какъ, Иванъ Емельянычъ, перебилъ камердинеръ, устремляя на разсказчика удивленные взоры:—такъ, стало быть, вы и въ балаганахъ приставляли?

— А то какъ же, самодовольно отвѣчалъ Иванъ: — затѣмъ и учился.

— Да, вѣдь, помилуйте, подхватилъ камердинеръ: — вѣдь, говорятъ, эти камедіанты кости себѣ выламываютъ? Какъ же это... осмѣлюсь спросить?

— Кто это вамъ сказалъ? возразилъ Иванъ. — Никакихъ костей не выламываютъ; такъ, просто, сноровка, ловкость только одна. Вотъ, изволите видѣть, я вамъ покажу; извольте смотрѣть, прибавилъ Иванъ, взявъ въ одну руку нѣсколько блюдечекъ, пуская ихъ полукругомъ по воздуху и подхватывая ихъ другою рукою.—Вотъ, вотъ! вотъ!... продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ присутствовавшіе и особенно Татьяна Савельевна, боявшаяся за свою посуду, слѣдила съ изумленіемъ и страхомъ за всѣми его движеніями.

— До чего можетъ произойти человѣкъ! проговорилъ наконецъ камердинеръ.

Одна Глафира, привыкшая уже къ штукамъ Ивана, казалась не столько удивленною, сколько восхищенною ловкостью своего любезнаго.

Затѣмъ Иванъ повертѣлъ нѣсколько минутъ на пальцѣ подносъ, потомъ почесалъ ногою затылокъ, сдѣлалъ еще нѣсколько штукъ, далъ себя ощупать — обстоятельство, возбудившее особенное усердіе со стороны гостей,—и, убѣдивъ окончательно присутствовавшихъ, что кости у него были цѣлы, продолжалъ разсказъ слѣдующимъ образомъ:

„Ну, знаете, какъ дѣло-то пошло на ладъ, я взялъ и от-

„писалъ Машѣ о новомъ своемъ житьѣ-бытьѣ. Мѣсяца черезъ три „получилъ отвѣтъ: здорова, пишетъ, и помнитъ меня попрежнему. „Вспомнилъ я и старину, вспомнилъ и ея ласку-привѣтъ. Снова „напала тоска на меня, словно такъ ужъ на роду написано было „жить намъ вмѣстѣ! Святая въ ту пору только-что минула; Вей- „нертъ (хозяинъ мой) поѣхалъ въ нѣмецкую свою землю пови- „даться до зимы съ родными. Я перешелъ покуда въ другую „труппу, къ другому хозяину, потому болѣе, что вѣдь такъ-и-такъ, „думалъ, ѣдутъ они по Рассеи на весь годъ, побываютъ въ раз- „ныхъ городахъ; случай приведетъ, можетъ статься, повидаться „съ Машей... Поѣхали. Гдѣ ужъ только мы не были, какихъ го- „родовъ не видали: были и въ Казани, и въ Нижнемъ, и въ „Арзамасѣ, и въ Астрахани, и въ Тамбовѣ — вездѣ были; гдѣ „ярмарка, туда и мы; не привелось побывать только въ той сторо- „нѣ, гдѣ жила Маша. Житье, признаться сказать, было плохое: „порядокъ совсѣмъ другой, что у Вейнерта. Хозяинъ человѣкъ „бѣдовый, жена — еще хуже, труппа — народъ все безпутный, „пьющій, что ни заработаютъ денегъ — въ кабакъ да въ кабакъ... „Дѣла пошли плоше да плоше; всѣ пообносились; жалованья не „платятъ — сумбуръ, просто, такой, что того и смотри въ острогъ „попадешь... бѣда! Вотъ я такъ думать, этакъ думать... Были „мы далеко отъ Москвы... Пропадай вы совсѣмъ, думаю, взялъ „паспортъ — да въ Москву. Еле-еле дошелъ: ни платья, ни денегъ, „хоть бы перекусить было чѣмъ — и того нѣтъ! Жилъ въ Москвѣ „управляющій нашего барина; я къ нему. — „Ахъ, ты, говоритъ, „такой-сякой, гдѣ пропадалъ? Баринъ велѣлъ отыскивать тебя „чрезъ полицію.“ Я такъ и обомлѣлъ; во всемъ роду нашемъ не „бывало такой оказіи. На другое утро прихожу къ барину. А онъ „все ужъ провѣдалъ отъ управляющаго, гдѣ я жилъ и чѣмъ, „примѣрно, занимался. Веселый такой. — „А! говоритъ, фигляръ „ты этакой! а ну-ка, ну-ка, говоритъ, покажи штуки свои.“ — Я „ему и показалъ. Смѣется. — „Ну, говоритъ, этого мнѣ, братецъ „ты мой, не надо. Это хлѣбъ и для тебя ненадежный: того и „смотри, шею свернешь. Поѣдемъ со мною въ деревню.“ Тутъ жизнь „пошла опять на другомъ положеніи. Баринъ мой былъ такой, что „дай Богъ всѣмъ такого. Полюбился я ему болѣе потому, что „былъ человѣкъ трезвый и расторопный. Взялъ онъ меня къ себѣ „въ камердинеры. Ужъ чего, кажись, лучше такой жизни — а меня „все тоска беретъ: такъ вотъ, вѣрите ли, и ноетъ сердце по

„прежней жизни; какъ заслышу музыку—смерть моя; во снѣ и на „яву, только и видишь представленія; такъ бы, кажется, и урвался! „Съ нашею жизнью, коли страсть имѣешь, трудно разстаться; точно „вино пьяницѣ: такъ вотъ тебя и манитъ, и манитъ—смерть да „и только! Пришла зима; поѣхалъ баринъ въ Москву и меня „взялъ съ собою. Уложились, сѣли, поѣхали. Вотъ, братцы, при- „велся тутъ такой случай видѣть, что вспомнишь—поджилки дро- „жатъ. Отъ Москвы мы были всего верстъ за сто; дѣло было „ночью. Ѣхали мы проселкомъ и ѣхали на своихъ; баринъ, ку- „черъ и я—всего и людей-то было. Съ вечера, какъ выѣхали изъ „станціи, поднялась мятель; чѣмъ дальше, пуще да пуще: морозъ, „вѣтеръ такой—страхъ Господень! Замело насъ кругомъ, зги не „видно: ночь глухая, и видимъ мы, что сбились съ дороги. Мы „и такъ, и сякъ, и крикомъ, и кнутомъ, и посвистомъ—нѣтъ, „хуже еще: заѣхали въ такой оврагъ, что, кажись, и лѣтомъ „такъ вылѣзть трудно. Видимъ — плохо: пропадать пришлось, „лошади дрожатъ, сами еле духъ переводимъ. Бѣда! Твори „только молитву, да помирать сбирайся. Вотъ баринъ и гово- „ритъ намъ: — „Ребята, говоритъ, отпрягай лошадей; будете стоять, „какъ-разъ замерзнете, и лошади замерзнутъ съ вами. Садись и „пошелъ отыскивать дорогу или деревушку; я останусь, говоритъ, „и буду ждать; мнѣ ничего не сдѣлается въ кибиткѣ подъ шу- „бой!“ — Вотъ взяли мы лошадей, поѣхали куда глаза глядятъ и „словно какъ-будто согрѣлись; а морозъ такой, я вамъ говорю, „смерть—такъ и жжетъ! Долго плутали мы и кабы не собачій „лай, такъ, вѣрно, и пропали бы. Поѣхали, перекрестились; ви- „димъ стоятъ избы. Мы стучать. Сначала было то да се, а тамъ „и впустили. Пошли, извѣстно, спросы, разспросы: какъ? куда? „откуда? Мы и давай разсказывать: такъ-и-такъ, баринъ ѣдетъ „изъ деревни въ Москву... Что ты будешь дѣлать? не хотятъ „идти на помощь къ нему да и полно! Мы и то, и другое, и „заплатитъ, говоримъ, вамъ—а они всё на своемъ: нѣтъ да нѣтъ; „а народъ все здоровый, крѣпкій, два мужика, да съ ними ра- „ботникъ. Что, думаемъ, ничего не сдѣлаешь; дождемся свѣта. „Легли. Вотъ, братцы, какъ теперь помню, не спится мнѣ да и „только. „Что, думаю, съ нашимъ бариномъ?“ Думаю такъ-то, а „народъ—мужики-то да работникъ — надѣли, вижу, полушубки „и вонъ. Взяло меня сумнѣнье. „Долго ли, думаю, до грѣха?“ „Разбудилъ кучера, одѣлись, сѣли опять на лошадей и поѣхали.

„Плутали-плутали, искали-искали—ничего; а стало въ ту пору „какъ-будто маленько свѣтать. Вотъ, братцы, подъѣзжаемъ мы „какъ словно къ овражку, глядь—человѣкъ лежитъ, а рядомъ „съ нимъ другой; еще проѣхали—третій! Что за диковинка! Мы кри„чать. Откликнулись и намъ, и голосъ —словно барина. Смотримъ, „а онъ и выходитъ изъ овражка. Кибитку замело почти до верху, „не видать.—„Вотъ, говоритъ, меня ограбили всего какъ есть и „деньги всѣ взяли.“—Господи Іисусе! думаемъ: вотъ не было „напасти! — „Пришли, говоритъ, три человѣка...“—Батюшка, „да не тѣ ли? говоримъ. Пошли. Что-жъ бы вы думали, братцы, „вѣдь тѣ и были, тѣ самые, у кого мы ночевали; и деньги бар„скія въ рукахъ у нихъ, и вещи всѣ, все какъ есть сполна; а „сами замерзли, разбойники! Вотъ ужъ подлинно Господь не „попустилъ! Чрезъ это почти дѣло я и кучеръ получили вольную. „Пріѣхали въ Москву; меня и взяло опять раздумье, то-есть, „опять, примѣрно сказать, стало манить меня на прежнюю жизнь. „Написалъ я къ Машѣ о новомъ своемъ счастьи и получилъ от„вѣтъ: слава Богу здорова и меня помнитъ. Были у меня въ ту „пору кое-какія деньжонки; дай, думаю, схожу посмотрю, что дѣ„лаетъ. И совсѣмъ было собрался, какъ вдругъ въ Москву пріѣзжаетъ Вейнертъ—помните, старый мой хозяинъ. Такъ и сякъ, „звать меня—и сманилъ. Театръ былъ построенъ у него огром„нѣйшій; вся Москва, бывало, туда сходилась, всѣ господа. Ка„жется, все лѣто пробылъ я у него; жалованье получалъ хорошее: „на мой пай пришлось запрятать рублей четыреста. Онъ поднялъ „театръ и поѣхалъ въ Петербургъ, а я побрелъ на покой отыскивать Машу. Ну, и отыскалъ. А тамъ пошелъ отыскивать „мѣсто, да вотъ и напалъ случайно на Карачаева. Вотъ такимъ-то „порядкомъ и привелось къ вамъ ѣздить, привелось повстрѣчаться „опять съ Глафирой Львовной... Охо-хо! прибавилъ Иванъ, по„сылая многозначительный взглядъ подругѣ своей юности:—наску„чило толкаться по свѣту, братцы; хочется пристроиться, зажить „домкомъ... Вотъ, думаю, и самъ какъ нибудь устроюсь; хочу „списаться кой съ кѣмъ да завести свой балаганъ въ губернскомъ „городѣ... Городъ славный; ярмарка бываетъ большая; губернскіе „выборы каждые три года. Много повидалъ всего, вездѣ перебы„валъ — надоѣло. Человѣкъ въ моей бродяжнической жизни — „что непокрытая вода... Всего перебывало, и худого болѣе, чѣмъ „хорошаго!“ весело заключилъ Иванъ.

Едва только онъ успѣлъ кончить свой разсказъ, какъ въ людскую вбѣжалъ лакей и возвѣстилъ, что господа готовятся идти ужинать. Это обстоятельство прекратило тотчасъ же вечеринку. Распростившись съ хозяиномъ и поблагодаривъ за радушный пріемъ, гости вышли изъ каморки. Въ людской все уже было темно и тихо. Свѣтъ луны, проникавшій въ окно, позволялъ, однакожъ, ясно различать Калину, спавшаго подлѣ своей работы, обвернутой простынею и прислоненной къ стѣнкѣ. Окинувъ веселымъ взглядомъ стараго маляра, Иванъ и его возлюбленная покинули людскую, и долго еще потомъ можно ихъ было видѣть гулявшихъ, при свѣтѣ мѣсяца, по пустыннымъ и тихимъ аллеямъ барскаго сада.

IX.

Поѣздка въ Горшковъ.—Новыя лица.—Ночное приключеніе съ чувствительнымъ Васильковымъ.

Всевозможные часы, находившіеся во владѣніи Ханскихъ-Прудовъ, начиная съ огромныхъ стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ въ прихожей и заключенныхъ въ исполинскій деревянный футляръ, который скрывалъ механизмъ ихъ и, сверхъ того, два кирпича, игравшіе роль гирь и приводившіе механизмъ въ движеніе, не выключая прадѣдовскихъ солнечныхъ часовъ, воздвигнутыхъ въ концѣ сада на полусгнившемъ дубовомъ цоколѣ, обросшемъ непроходимою травяной чащей, и кончая крошечными карманными часиками Лизаветы Семеновны, съ эмальевою незабудкою на спинкѣ, подаренными ей, девять лѣтъ тому назадъ, когда она была еще невѣстой—всѣ эти часы показывали полдень (и какой полдень! свѣтлый, теплый, майскій полдень!), когда Аристархъ Ѳедоровичъ, распростившись съ домашними и пожавъ руку гостямъ, не забывъ даже туманнаго Карачаева, вышелъ на парадное крыльцо въ сопровожденіи Василькова.

На этотъ разъ на лицѣ Порфирія Павловича не было замѣтно малѣйшаго слѣда меланхоліи: каждая черта прыгала отъ радости, глаза горѣли нетерпѣніемъ и, казалось, хотѣли выскочить изъ своихъ впадинъ, покатиться по дорогѣ и опередить лошадей.

Онъ принужденъ былъ, однакожъ, укротить порывы страстей своихъ и выждать съ подобающимъ смиреніемъ, пока Аристархъ

Ѳедоровичъ не подвергнетъ окончательному осмотру экипажъ, лошадей и кучера, давнымъ-давно стоявшихъ у подъѣзда. Предметы наблюдательности Балахнова представляли, въ самомъ дѣлѣ, большой интересъ: коляска была голубая, выстеганная внутри шелковой красной матеріей и украшенная по бокамъ, на дверцахъ, золотыми вензелями; четверня (отличная четверня караковыхъ) могла возбудить зависть любого коннозаводчика. Но всего замѣчательнѣе, по моему, былъ кучеръ. Представьте себѣ красавчика, молодчика лѣтъ двадцати-пяти, въ голубомъ армякѣ, съ безчисленнымъ множествомъ складокъ назади, перетянутыхъ золотымъ кушакомъ. На головѣ его съ синеватымъ подбритымъ затылкомъ воздвигалась коротенькая, черная шляпа, съ выворотомъ, или залогомъ, какъ говорится, украшенная на боку павлиньимъ перомъ. Онъ сидѣлъ залихватски на лакированныхъ своихъ козлахъ и, вытянувъ въ одну линію возжи, казалось, ждалъ только приказанія, чтобъ умчать господъ своихъ съ быстротою вихря.

Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ уже извѣстно, любилъ, чтобъ все было у него парадно и пышно; особенно держался онъ этого правила — очевидно, внушеннаго чувствомъ собственнаго достоинства — при выѣздахъ. Въ этихъ случаяхъ измѣнялся даже костюмъ его: небеснаго цвѣта венгерка уступала мѣсто черному сюртуку съ большими плоскими лацканами; подъ воротнички „à l'enfant“ подпускался тугой, стоячій, волосяной галстукъ съ пряжкою назади, который естественнымъ образомъ долженъ былъ придавать своему владѣльцу еще болѣе сановитости.

Въ то время, какъ производился осмотръ вышеупомянутыхъ предметовъ, несчастный, волнуемый страстями Васильковъ подошелъ къ собственному своему экипажу, легонькому тарантасу, запряженному тремя клячами, стоявшими теперь позади коляски Балахнова съ опущенными головами и приподнятыми копытами.

Три эти клячи, тарантасъ и кучеръ, со включеніемъ табачнаго кисета, вышитаго Кокуркиными, составляли все имущество Порфирія Павловича.

Отдавъ ласковое приказаніе кучеру, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не отставалъ отъ четверки караковыхъ, Порфирій Павловичъ поспѣшилъ къ Балахнову, который подымался въ коляску, поддерживаемый Сидоромъ съ одной стороны и цѣлою толпою слугъ съ другой.

— Пошелъ! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, когда Сидоръ

усѣлся на козлахъ подлѣ кучера, а Васильковъ помѣстился внутри кареты.

— Эхъ вы, дружки-голубчики!... эхъ!... эхъ!... крикнулъ молодчикъ-кучеръ, проведя кнутомъ по воздуху и заломивъ въ то же время на бекрень свою шляпу.

Коляска полетѣла какъ перо.

— Пѣсню! лаконически вымолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, величаво развалившись на подушкахъ экипажа. Кучеръ, приготовившійся заранѣе къ такому приказанію, немедленно приложилъ правую руку къ правой щекѣ и затянулъ пронзительнымъ дискантомъ:

Не бѣ-ѣ-ѣ-лы-и-та-а! а-а-а!
Ахъ, не бѣлы-ы-и-и-снѣг-и-и!-ии!!

Выѣзды Аристарха Ѳедоровича сопровождались всегда звуками русской пѣсни—такой ужъ былъ заведенъ порядокъ. Безконечно-вьющаяся и пропадающая дорога, размашистый просторъ полей и пажитей, и посреди всего этого быстро несущаяся четверка караковыхъ—все это, сливаясь вмѣстѣ, наполняло сердце Аристарха Ѳедоровича веселымъ, безмятежнымъ чувствомъ. Онъ былъ необыкновенно въ духѣ и не переставалъ разговаривать съ Васильковымъ. Изрѣдка лишь чело его какъ будто омрачалось, глаза задумчиво устремлялись въ безконечную даль горизонта; но все это происходило не долѣе минуты; онъ опускалъ руку на плечо своего собесѣдника, произносилъ съ легкимъ оттѣнкомъ чувствительности: — „Природа, природа! щедро, безкорыстно разсыпаешь ты дары свои предъ человѣкомъ, и только люди, люди одни омрачаютъ себя своими дѣлами...“ и, успокоенный, вѣроятно, живымъ сочувствіемъ Василькова, который, поднимая восторженно глаза, отвѣчалъ всякій разъ: „Да, ничего не можетъ быть лучше природы!“ Аристархъ Ѳедоровичъ снова принималъ веселый видъ и снова удостоивалъ бесѣдой своего спутника.

Время прошло такимъ образомъ почти незамѣтно.

Мало-по-малу горизонтъ оживился: показалось нѣсколько кузницъ; изъ-за кузницъ выступили дома, сначала маленькіе, потомъ больше и больше; потомъ выставился шестъ съ сушившимися мотками синей пряжи; тамъ лотокъ съ вареными грушами и гречишниками, далѣе подводы съ мукою, мужиками и бабами; а тамъ ужъ коляска Аристарха Ѳедоровича запрыгала по мостовой города.

Городъ Горшковъ славился съ незапамятныхъ временъ горшечнымъ производствомъ, отчего и получилъ свое названіе. Онъ раздѣлялся на двѣ равныя части широкою мощеною улицею, прозывавшеюся Никольской; съ середины Никольской шли вправо и влѣво двѣ другія улицы: одна Дворянская, другая—Московская. На каждой изъ этихъ улицъ находилось, среднимъ числомъ, по три каменныхъ дома, и въ каждомъ домѣ помѣщалось, среднимъ числомъ, по одному семейству, и всѣ эти семейства, отличавшіяся любознательностью и любовью къ литературѣ, согласились выписывать общими силами одинъ экземпляръ одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ ежегодно. Жители этихъ каменныхъ домовъ, соединенные тѣснѣйшими узами дружбы, проводили время, посѣщая другъ друга, катаясь верхомъ, ѣздили къ сосѣдямъ, зимою спускались на замороженныхъ лодкахъ съ горы на рѣку, при громкихъ единодушныхъ рукоплесканіяхъ народа, и жили, вообще, очень весело.

Когда коляска Аристарха Ѳедоровича въѣхала на площадку, обрамленную справа шестью лавками гостинаго двора, а слѣва краснымъ, кирпичнымъ зданіемъ, подъ воротами котораго продавалось желѣзо, Васильковъ попросилъ позволенія остановиться.

Онъ объявилъ, что ему необходимо было заглянуть къ аптекарю, къ почтмейстеру и еще къ другимъ лицамъ, съ которыми находился всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Скажи имъ, пожалуй, что и я сюда пріѣхалъ... что и я здѣсь! проговорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ какъ-то разсѣянно и, повидимому, не отдавая себѣ яснаго отчета въ произнесенныхъ имъ словахъ.

Порфирій Павловичъ, озадаченный выходкою Балахнова, который могъ усомниться на минуту въ его преданности, объявилъ тотчасъ же, что извѣститъ о немъ по всему городу, выпрыгнулъ изъ коляски и, спросивъ адресъ постоялаго двора, сѣлъ въ свой собственный тарантасъ и повернулъ въ Дворянскую улицу.

Аристархъ Ѳедоровичъ поѣхалъ прямо по Никольской.

Вскорѣ, то есть очень скоро, минутъ этакъ черезъ пять коляска очутилась на большой площади. Тутъ собственно оканчивался уже городъ; непосредственно послѣ площади начинался крутой берегъ, спускавшійся неправильными уступами къ широкой рѣкѣ, извивавшейся на безпредѣльное пространство между сосновыми лѣсами и песчаными отмелями. Самая площадь, покрытая сочной

зеленой травой, перерѣзывалась множествомъ тропинокъ, тоненькихъ, какъ нитки; тутъ можно было встрѣтить по утрамъ толпу мальчишекъ, игравшихъ въ бабки; во всякое время дня встрѣчались тучныя коровы, принадлежавшія обывателямъ города. Площадь граничила безконечнымъ рядомъ сѣрыхъ заборовъ, обросшихъ полынью и крапивой; прямо противъ Никольской подымалось прекрасное новое каменное зданіе, выбѣленное мѣломъ, и свѣтилось на солнцѣ, какъ очарованный замокъ, привлекая невольно взоры.

Туда-то приказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ ѣхать коляскѣ. Глаза его не безъ удовольствія встрѣтили старую карету Окатова, стоявшую въ сторонѣ отъ подъѣзда; удовольствіе смѣнилось радостнымъ чувствомъ, когда навстрѣчу ему выбѣжали два гайдука, неразлучные спутники Николая Степановича во время его странствованій.

Николай Степановичъ, нужно замѣтить, ничего такъ не боялся, какъ дорогъ и могущихъ произойти на нихъ всякую минуту несчастій. Онъ не переставалъ храбриться, не переставалъ задирать голову и ерошить пучки сѣдыхъ завитковъ, торчавшихъ на вискахъ, пока твердо увѣренъ былъ, что не предстояло никакой опасности; но какъ только гремѣлъ громъ, или попадалась на проселкѣ канавка—душа его мгновенно проникалась паническимъ страхомъ. Въ первомъ случаѣ онъ зарывался въ подушки, наваливалъ на себя перины, приказывалъ опустить шторы и лежалъ пластомъ, неподвиженъ; во второмъ случаѣ, выходилъ изъ кареты и, какая бы ни стояла погода, шелъ пѣшкомъ нѣсколько верстъ, тщательно осматривая дорогу. Особенный страхъ наводила на него всегда водяная стихія; каждый разъ, какъ судьба приводила ему переѣзжать на паромѣ, онъ считалъ жизнь свою въ неминуемой опасности.

Выпрыгнувъ изъ коляски, Аристархъ Ѳедоровичъ поднялся по лѣстницѣ, отдалъ пальто и, стряхнувъ съ себя пыль, вступилъ въ большую желтую комнату, въ которой сидѣло за разными столами человѣкъ двадцать.

— Здравствуйте! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, направляясь прямо къ противоположной двери.

— Желаемъ здравствовать! раздалось въ желтой комнатѣ.

Отворивъ дверь, Аристархъ Ѳедоровичъ очутился въ небольшой комнатѣ сѣро-молочнаго цвѣта; тутъ, противъ стола, сидѣли Николай Степановичъ и еще другой весьма толстый господинъ.

Господинъ этотъ былъ такъ толстъ, что сколько-бы ни нагибался, никогда не могъ бы увидѣть кончиковъ сапоговъ; безъ посторонней помощи онъ также не въ состояніи былъ бы вынуть платокъ изъ задняго кармана, и поэтому, вѣроятно, держалъ его всегда вмѣстѣ съ табакеркою въ лѣвой рукѣ. Голова его, безъ малѣйшаго признака какой нибудь растительности на поверхности, лоснилась какъ серебряный чайникъ, а носъ—длинный и отвислый, покрытый свинцовымъ матомъ, привлекательно краснѣлъ, какъ дозрѣвающая слива; по обѣимъ сторонамъ этого аппетитнаго носа красовались два круглые глаза, но изъ нихъ особенно былъ замѣчателенъ только лѣвый, непереставшій моргать и производить разные конвульсивные прыжки—обстоятельство, заставлявшее этого господина подымать каждый разъ руку и прижимать указательный палецъ къ причудливому оку. Нилъ Степановичъ Лукьяновъ (такъ звали этого толстаго господина) былъ и весельчакъ и умница, точь-въ-точь какъ покойный Йорикъ, соединявшій въ себѣ, какъ извѣстно, въ совершенствѣ оба эти достоинства. Онъ любилъ до страсти анекдоты, поговорки, прибаутки и смотрѣлъ на жизнь съ философской точки.—„Много ли нужно для счастія человѣка?...“ говорилъ онъ обыкновенно и затѣмъ заливался добродушнымъ, веселымъ смѣхомъ.

— Батюшки-свѣты! Кого я вижу! Аристархъ Ѳедорычъ! Вотъ говорятъ: въ одинъ день по двѣ радости не живетъ! воскликнулъ Нилъ Степановичъ, протягивая обѣ руки вошедшему.

Аристархъ Ѳедоровичъ пожалъ руки, улыбнулся и тотчасъ же обратился къ Окатову.

— Здравствуй! сказалъ Окатовъ.—Напрасно только пріѣхали! примолвилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ такъ? Что такое? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обнаруживая крайнее безпокойство.

Онъ положилъ шляпу на столъ и поспѣшно присоединился къ двумъ собесѣдникамъ.

— Да также! ха ха, ха! отвѣчалъ Нилъ Степановичъ:—что ты будешь дѣлать! раздумалъ, отложилъ до другаго случая.

— Фу, ты пропасть, какъ это непріятно! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, хмуря лобъ и устремляя вопросительный взглядъ на Окатова.

Но Окатовъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на сосѣднее окно.

— Что-жъ вы прикажете дѣлать! на грѣхъ мастера нѣтъ,

хе, хе, хе! разразился Лукьяновъ.—То-ли еще было разъ, я вамъ скажу, съ покойнымъ моимъ шуриномъ, то есть сыномъ отца моей жены. Разъ пріѣзжаетъ онъ... Но Лукьяновъ не договорилъ, измѣнился въ лицѣ, зашевелилъ безпокойно бровями и началъ прижимать пальцемъ глазъ.—На грѣхъ мастера нѣтъ, хе, хе, хе! продолжалъ онъ, снова повеселѣвъ: — не чаешь, гдѣ бѣда, гдѣ напасти!... А я вотъ что вамъ скажу, почтеннѣйшій и премногоуважаемый Аристархъ Ѳедорычъ, поживите-ка у насъ, погостите...

— Вотъ славно: ждать! Когда тутъ ждать? Къ тому-жъ мнѣ и некогда! возразилъ съ досадою Балахновъ, принимаясь расхаживать по комнатѣ.

— И мнѣ тоже некогда! рѣшительно проговорилъ Окатовъ, продолжая смотрѣть на окно.

— Ну, вотъ, видите ли? подхватилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, останавливаясь и запальчиво указывая на Окатова.

— Постойте же въ такомъ случаѣ, сказалъ примирительнымъ голосомъ Лукьяновъ:—самъ себѣ досадишь, недруга не побѣдишь! Чтобъ вамъ не безпокоиться и не ѣздить попустому, мы разспросимъ обстоятельно, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, хе, хе, хе... кто бишь это говоритъ?... Да, разспросимъ того и другаго.

— Что тутъ разспрашивать! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, принимаясь снова расхаживать по комнатѣ:—надо сегодня покончить, вотъ и все тутъ.

— Не сердись, матка, все будетъ гладко! сказалъ Лукьяновъ, и снова лѣвый глазъ его запрыгалъ и затрясся, будто кто-то дергалъ его сзади за ниточку.—Все будетъ гладко, хе, хе, хе! все устроимъ... А покуда, послушайте, господа! воскликнулъ веселый Лукьяновъ, поворачиваясь къ собесѣдникамъ:—право, погостите; вечеркомъ милости просимъ въ мой пріютъ, къ безвласому старцу, „ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!“ подхватилъ онъ, гладя себя по головѣ и заливаясь хохотомъ.—Составимъ партійку и не замѣтимъ, какъ пройдетъ золотое время... право-ну!... Вотъ я скажу, то же само было разъ съ покойнымъ моимъ шуриномъ, то есть сыномъ отца моей жены. Разъ...

— Право нельзя, почтеннѣйшій Нилъ Степанычъ; въ другое время душевно бы радъ, но теперь, право, не могу, перебилъ нетерпѣливо разстроеннымъ голосомъ Аристархъ Ѳедоровичъ, пожимая руку Лукьянова и бросая безпокойный взглядъ на Окатова,

который сидѣлъ въ креслахъ, глядѣлъ на окно и гладилъ раздвоенный свой подбородокъ, что означало всегда дурное расположеніе его духа.

— Э-эхъ, господа! А я только-что замышлялъ, ухищрялся, мѣтилъ просить васъ на чашку чая, да на робертикъ... Ну, какъ быть! вольному воля, говорится, хе! хе! хе!

Аристархъ Ѳедоровичъ остановился неожиданно противъ Окатова.

— Итакъ, на чемъ же мы остановились? что ты рѣшилъ, любезный Николай Степанычъ? сказалъ онъ, усаживаясь противъ него и придавая своему голосу самую мягкую, чарующую интонацію, которая, однакожъ, что-то плохо подѣйствовала на собесѣдника.

— Я ѣду, отвѣчалъ коротко и сухо Николай Степановичъ.

— Но, послушай, душа моя, надо же покончить чѣмъ-нибудь наше дѣло, подхватилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обсахаривая до приторности голосъ... —Ба! да вотъ что мы можемъ сдѣлать! (тутъ лицо Балахнова засіяло, какъ бы отражая яркую, блестящую мысль, зародившуюся въ головѣ его). Вотъ что мы сдѣлаемъ, душа моя! Чѣмъ тебѣ ѣздить сюда лишній разъ—я знаю, что ты не любишь нашихъ дорогъ—пришли сюда, въ субботу, человѣка съ довѣренностью отъ твоего имени на совершеніе купчей, поручи довѣренность... да вотъ хоть Нилу Степанычу; я увѣренъ, онъ не откажется?...

— Помилуйте, радъ всей душой; для милаго дружка и сережка изъ ушка, говорится, хе! хе! хе! Что и толковать объ этомъ! возразилъ Лукьяновъ, протягивая съ готовностью обѣ руки.

— Ну, вотъ видишь-ли, душа моя! Это избавитъ тебя отъ лишняго безпокойства... Итакъ, я считаю дѣло наше оконченнымъ... Теперь остается только вотъ завершить, какъ говорится, примолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, поспѣшно вынимая бумажникъ.

— Добрый конецъ всему вѣнецъ. Дружба дружбой, а денежка сама по себѣ... хе! хе! хе! проговорилъ Лукьяновъ.

— Да, подхватилъ Балахновъ: —вотъ тебѣ, душа моя, задатокъ, а остальные, какъ сказано, чрезъ двѣ недѣли, заключилъ онъ, протягивая ассигнаціи.

— Не надо; послѣ! произнесъ лаконически Окатовъ.

— Нѣтъ ужъ сдѣлай милость, душа моя, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, утрачивая окончательно свою сановитость: — прошу тебя... Нилъ Степанычъ прекрасно замѣтилъ: дружба дружбой, а денежки сами по себѣ... Сдѣлай милость; иначе я готовъ сердиться.

Окатовъ взялъ деньги, сердито сунулъ ихъ въ карманъ, приподнялся съ мѣста и сказалъ:

— Пора!

— А ну, пора такъ пора! Какъ знаешь, душа моя. И я поѣду! воскликнулъ Балахновъ, радостно схватываясь за шляпу. Прощайте, Нилъ Степанычъ.

— Прощайте, многоуважаемый Аристархъ Ѳедоровичъ. Итакъ, до субботы. Ну, ужъ какъ вы себѣ тамъ хотите, а старый толстякъ, воскликнулъ Лукьяновъ:—затащитъ васъ на робертъ.

— Прощайте, сказалъ отрывисто Окатовъ.

— Прощайте, премногоуважаемый Николай Степанычъ! Не поминайте лихомъ! До радостнаго свиданія! проговорилъ Нилъ Степановичъ, провожая гостей въ желтую комнату.

Спускаясь съ лѣстницы, Аристархъ Ѳедоровичъ обнаружилъ самую нѣжную заботливость въ отношеніи къ Окатову: онъ пропустилъ его впередъ и настоятельно потребовалъ даже, чтобъ Николай Степановичъ проходилъ первымъ во всѣ двери.

Когда усадили Окатова и коляска его тронулась съ мѣста, Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ коляскѣ ѣхать впередъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ. „Долина моя, моя и моя!“ подумалъ онъ, потирая руки. Теперь только, послѣ волненія, испытаннаго имъ, когда дѣло купчей чуть-было не расклеилось, почувствовалъ онъ, какъ дорога была ему эта долина. Отмѣнное расположеніе духа тотчасъ же вернулось къ нему; лицо его, подпертое тугимъ волосянымъ галстукомъ, проявило однакожъ всѣ признаки величаваго, горделиваго спокойствія, когда онъ вступилъ въ Никольскую, запруженную подводами, мужиками и мѣщанами, которые, завидя издали приближающагося Балахнова, снимали шапки и кланялись.

Достигнувъ площадки, заключавшейся между гостинымъ дворомъ и желѣзною лавкою, Аристархъ Ѳедоровичъ столкнулся носъ къ носу съ Васильковымъ, который только-что распрощался съ аптекаремъ.

— А! Ну, разсказывай, братецъ, разсказывай: кого видѣлъ, у кого былъ, что подѣлывалъ, добродушно сказалъ Балахновъ, принимаясь трепать Порфирія Павловича по плечу съ видомъ покровительства.

— Только что отъ Карла Готлибыча, нашего аптекаря. Ахъ, Аристархъ Ѳедорычъ, вы не повѣрите, какъ всѣ обрадовались, когда я объявилъ о своемъ благополучіи, точно родные! отвѣчалъ Васильковъ.

— Что жъ, ты говорилъ имъ о томъ, что я пріѣхалъ?

— Говорилъ, Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Что жъ они?

— Какъ жаль, говорятъ, что Аристархъ Ѳедорычъ такъ рѣдко посѣщаетъ Горшковъ! Вы не повѣрите, какіе добрые люди! продолжалъ Васильковъ, между тѣмъ, какъ Балахновъ выступалъ величаво впередъ и разсѣянно глядѣлъ въ толпу, наблюдая, однакожъ, очень внимательно, какой эффектъ производитъ его появленіе посреди города:—вы не повѣрите, какіе добрые, радушные люди!... Но тутъ Порфирій Павловичъ почувствовалъ, что кто-то потянулъ его сзади за венгерку и остановился. Обернувшись, онъ увидѣлъ совершенно незнакомаго господина, который стоялъ, приподнявъ фуражку. Лицо незнакомца отличалось необыкновенною бѣлизною, точно такъ же, какъ зубы и шея, повязанная черной косынкой; румянецъ игралъ во всю полную его щеку; правильное, красивое лицо его, украшенное усиками и бѣлокурыми черными локонами по бокамъ, нисколько не соотвѣтствовало краснымъ рукамъ и особенно одеждѣ: на немъ былъ желтый нанковый сюртучокъ, очень поношенный, и необъятно широкіе шаровары, такого же цвѣта и матеріи. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ хлыстикъ.

Порфирій Павловичъ приподнялъ шляпу и вопросительно заморгалъ глазами.

— Извините, милостивый государь, непостижимую дерзость мою... заговорилъ отрывисто незнакомецъ, устремляя на Василькова пару бойкихъ, сѣрыхъ глазъ, выражавшихъ самоувѣренность, смѣшанную съ изрядной долей наглости:—извините... осмѣлюсь спросить... вы служите въ землемѣрахъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ Васильковъ, обращая на него удивленные глаза.

— Извините... осмѣлюсь спросить... съ кѣмъ изволили сейчасъ идти?

— Балахновъ, отвѣчалъ Порфирій Павловичъ.

— Балахновъ... Игнатій Матвѣевичъ?

— Нѣтъ, Аристархъ Ѳедорычъ.

— Честь имѣю рекомендоваться, сказалъ незнакомецъ, снова приподымая фуражку: — Попельковскій... Ардаліонъ Александрычъ... обстоятельства... жду наслѣдства... съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Васильковъ удовлетворилъ его отвѣтомъ.

— Очень радъ познакомиться, прибавилъ красавецъ, быстро схватывая руку собесѣдника: — много потерпѣлъ... несчастіе... обстоятельства...

— Что же прикажете? спросилъ съ замѣшательствомъ Порфирій Павловичъ.

Ардаліонъ Александровичъ выпрямился во весь ростъ, выставилъ правую ногу впередъ и завертѣлъ хлыстикомъ.

— Насчетъ денежныхъ обстоятельствъ, проговорилъ онъ, слегка засмѣявшись: — фортуна... скупая тётка... три милліона наслѣдства... очень буду благодаренъ...

— Я, право, не знаю, застѣнчиво сказалъ Васильковъ: — у меня теперь нѣтъ-съ... Вотъ если вамъ угодно обратиться къ Аристарху Ѳедорычу, прибавилъ онъ, указывая на Балахнова, величаво выступавшаго въ отдаленіи.

— Очень радъ... много обязанъ, бойко отвѣчалъ Попельковскій, направляясь тотчасъ же въ ту сторону.

Ардаліонъ Александровичъ безъ дальнѣйшихъ церемоній взялъ подъ руку Василькова и, размахивая во всѣ стороны хлыстикомъ, подвелъ его къ Балахнову.

— Аристархъ Ѳедорычъ, сказалъ Порфирій Павловичъ: — вотъ господинъ...

— Честь имѣю рекомендоваться, поспѣшно перебилъ новый знакомецъ, приподымая снова фуражку: — Попельковскій, Ардаліонъ Александрычъ... получилъ прекрасное воспитаніе...

— Что же вамъ угодно? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, принимая величественную осанку.

— Наслышенъ вашими благодѣяніями... скупая тётка... жду наслѣдства... много потерпѣлъ неудовольствій...

— Странно!... проговорилъ, улыбаясь, Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Такъ точно-съ... процессъ... несчастія... все проигралъ!

— Хорошо, пріѣзжайте ко мнѣ, произнесъ покровительственно Аристархъ Ѳедоровичъ: — спросите Ханскіе-Пруды; послѣдній ребенокъ знаетъ... Очень радъ буду помочь вамъ.

— Чувствительно благодаренъ. Вы теперь куда? осмѣлюсь спросить.

— Въ гостинницу...

— Позвольте проводить... я музыкантъ... пріятная бесѣда...

— Извините, теперь некогда... Пріѣзжайте въ Ханскіе-Пруды; очень буду радъ, отвѣчалъ Балахновъ, направляясь съ

Васильковымъ къ постоялому двору—длинному деревянному дому на каменномъ фундаментѣ, съ мучнымъ лабазомъ по срединѣ.

— До пріятнаго свиданія! крикнулъ Попельковскій, и вдругъ, какъ-бы опомнившись, побѣжалъ за Васильковымъ и снова ухватилъ его за венгерку.

— Виноватъ, сказалъ онъ, наклоняясь къ его уху:—нѣтъ ли у васъ сигарки, только фабрики Бѣлобородова? Я другихъ не курю...

— Къ сожалѣнію, нѣтъ-съ, отвѣчалъ Порфирій Павловичъ, пожимая плечами.

— На нѣтъ и суда нѣтъ. Жаль... прощайте; до свиданія; очень благодаренъ!

Какъ только Васильковъ исчезъ въ воротахъ постоялаго двора, Попельковскій надѣлъ на бекрень фуражку, засвисталъ какую-то трель, подперся молодчикомъ, закинулъ правую ногу за лѣвую и принялся рисоваться на улицѣ.

Балахновъ и Васильковъ направились къ постоялому двору. Тамъ встрѣтилъ ихъ хозяинъ — толстый, пожилой мѣщанинъ въ синей чуйкѣ.

— Здравствуй, Ѳедотъ Васильевъ, ласково говорилъ Балахновъ, взбираясь какъ-бы нехота по шаткимъ ступенькамъ.—Ну, что? какъ дѣла? а?

— Живемъ, благодаря Господа, сударь, отвѣчалъ Ѳедотъ, кланяясь.

— Нумера порожніе?

— Три верхніе-съ; нижніе всѣ заняты.

— Ну, вотъ, что не дѣло, то не дѣло, Ѳедотъ Васильевъ, продолжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, останавливаясь въ сѣняхъ и указывая ему на дырявую кровлю. — Э-э! сколько разъ говорилъ я тебѣ: почини... нѣтъ! Пойдетъ дождь, всѣ сѣни вымочитъ, да и постояльцамъ непріятно...

— Никакъ нельзя было, сударь. Я, признательно, и самъ думалъ; всю весну, какъ есть, такіе-то дожди шли, хошь бы денекъ выбрался для работы...

— Ну, теперь, братецъ, стоитъ ясная погода; теперь почини.

— Да что жъ ее теперь-то чинить, сударь? Богъ милостивъ; теперь не мочитъ пока; слава-те, Господи!...

— Эхъ! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, входя въ узенькій корридоръ съ тремя дверьми. — Хорошо; я беру два крайніе

нумера. Да смотри, чтобъ былъ отличный овесъ и сѣно... слышишь, Ѳедотъ?

— Помилуйте, сударь, мы дурного не держимъ. Зачѣмъ держать? съ увѣренностью отвѣчалъ Ѳедотъ, низко поклонился и застучалъ пудовыми сапогами по лѣстницѣ.

Аристархъ Ѳедоровичъ вошелъ въ грязно-розовую комнату о двухъ окнахъ, между которыми красовалось зеленоватое зеркало, показывавшее три лица, вмѣсто одного, и девять глазъ, вмѣсто двухъ. Рамка этого зеркала была обклеена, вѣроятно, въ угоду проѣзжающимъ, всѣмъ, что только попалось хозяину подъ руку: тутъ виднѣлись верхушки съ помадной банки, ярлыкъ съ пузырька, ярлыкъ съ бутылки донскаго, выпитой, вѣроятно, какимъ-нибудь проѣзжимъ купчикомъ, конфектные билетики и картинки. На одномъ изъ оконъ стояла бутылка съ деревяннымъ масломъ, заткнутая пробкою изъ хлѣбной мякоти. Въ углу цѣплялся кривой шкафъ съ крошечными чашками, украшенными надписями: „въ знакъ любви“ и „въ день ангела“. Кромѣ зеркала, бутылки и шкафа, въ грязно-розовой комнатѣ находились еще: столъ, выкрашенный красною краской, такого же цвѣта постель съ однѣми досками, три стула и диванъ, обтянутый клеенкой. Диванъ этотъ отличался особеннымъ страннымъ свойствомъ: днемъ на немъ еще можно было найти отдыхъ, несмотря на совершенное отсутствіе упругости и удобства, но ночью — словно по колдовству какому — вся поверхность его проявляла жизнь и движеніе. Нечего и говорить, что изъ грязно-розовой комнаты отворялась дверь въ сосѣдній нумеръ и что изъ сосѣдняго нумера такая же точно дверь вела въ слѣдующую затѣмъ комнату; но не лишнимъ будетъ замѣтить, что доски, изъ которыхъ сдѣланы были двери, снабжены были отъ предусмотрительной природы безчисленнымъ множествомъ сучковъ, и что сучки, расположенные по серединѣ этихъ дверей, оказались въ отсутствіи въ самый день открытія гостинницы, послѣ проѣзда перваго же путешественника. Дыры въ дверяхъ, точно такъ же, какъ писаніе на стѣнахъ, доставляли сначала много хлопотъ Ѳедоту Васильеву: онъ затыкалъ отверстія бумажными пробками, стѣны протиралъ добѣла ладонью; но убѣдившись, вѣроятно, что труды его пропадали даромъ, махнулъ рукой и обратилъ свою дѣятельность на другіе хозяйственные пункты.

Тѣмъ временемъ, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ занимался сниманіемъ галстука, раскладываніемъ бумажника и часовъ, а Пор-

фирій Павловичъ глазѣлъ по стѣнамъ, любознательно всматриваясь въ стишки и путевыя замѣтки, нацарапанныя ногтемъ или написанныя карандашомъ, Сидоръ Матвѣевичъ, камердинеръ, успѣлъ уже вынуть изъ барскаго сака разныя туалетныя принадлежности, обвернулъ бѣлою простынею диванъ, положилъ въ ногахъ халатъ, въ головахъ пуховую подушку, показывая этимъ, что ему извѣстны были въ совершенствѣ всѣ тонкости камердинерскаго дѣла.

— А-а-аа! заголосилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, зѣвая и выпрямляя спину: — что-то поясница заломила... ухъ! Эй, Порфирій Павловичъ, что ты тамъ дѣлаешь?

Васильковъ, только-что прочитавшій какой-то стишокъ, отъ котораго вся кровь бросилась ему въ голову, повернулъ къ Балахнову лицо свое, покрытое краской стыдливости, и пробормоталъ, потупляя глаза, что это ничего, такъ, что тутъ такія вещи, словомъ — сказать нельзя...

Трудно было сыскать человѣка, который былъ бы стыдливѣе Порфирія Павловича. Это происходило, вѣроятно, отъ привычки его находиться постоянно въ кругу прекраснаго пола. Васильковъ любилъ женское общество и тщательно избѣгалъ мужского; послѣднее какъ-то не соотвѣтствовало нѣжнымъ и чувствительнымъ качествамъ души его.

— Ну, вотъ, что ты въ самомъ дѣлѣ за красная дѣва! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, садясь на диванъ и подавая Сидору правый сапогъ. — Ну-ка, ну! Вотъ тамъ, наверху, что-то написано. Прочти, что это такое — читай! прибавилъ онъ, подавая Сидору другой сапогъ.

— Тутъ ничего, Аристархъ Ѳедорычъ, просто написано: „Здѣсь квартировалъ Василій Аматовъ съ шуриномъ и племянникомъ“.

— Очень нужно знать, что онъ квартировалъ здѣсь съ своимъ шуриномъ и племянникомъ! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, забывъ, вѣроятно, что самъ не пропускалъ случая извѣщать на станціонныхъ стѣнахъ о своемъ проѣздѣ. — Ну, ступай, Сидоръ. Чтобъ лошади были накормлены. Въ восемь часовъ разбуди; да смотри, самоваръ приготовь! промолвилъ онъ, ложась на диванъ. И тебѣ, Порфирій Павлычъ, совѣтую порасправить кости. Слѣдующая комната въ твоемъ полномъ распоряженіи.

— Нѣтъ, Аристархъ Ѳедорычъ, мнѣ надо еще кой-куда зайти... Почтмейстеръ просилъ убѣдительно...

— Ну, какъ знаешь. Завтра въ восемь часовъ ѣдемъ и

прямо къ невѣстѣ: я сказалъ, что устрою, уговорю старуху отдать тебѣ если не все приданое, то, по крайней мѣрѣ, снабдить деньжонками на свадебные расходы; сказалъ — и сдѣлаю.

— Ахъ, Аристархъ Ѳедорычъ, не знаю, какъ благодарить васъ... вы мой благодѣтель! Моя Антониночка поблагодаритъ васъ...

— Не за что, не за что. Радъ всегда протянуть руку помощи, любезный: это обязанность, долгъ каждаго честнаго человѣка...

Аристархъ Ѳедоровичъ повернулся на другой бокъ и закрылъ глаза. Порфирій Павловичъ схватилъ шляпу и вышелъ потихоньку изъ комнаты.

Должно полагать, что почтмейстеръ, его жена, дѣти, родня и вообще все семейство были люди очень радушные, которымъ если случалось залучить къ себѣ гостя, такъ ужъ они держали его до тѣхъ поръ, пока сами видѣли, наконецъ, что гостю мочи не было бороться долѣе со сномъ и зѣвотой. Такое заключеніе явствуетъ изъ того, что Порфирій Павловичъ пришелъ на постоялый дворъ около полуночи.

Секунду спустя, явился Софронъ, батракъ постоялаго двора, съ зажженнымъ огаркомъ и началъ подыматься по лѣстницѣ, преслѣдуемый Васильковымъ.

— Вы, баринъ, потише, сказалъ Софронъ, когда оба они очутились въ корридорѣ: — тутъ подлѣ васъ господа остановились.

— Какіе господа? шопотомъ спросилъ Порфирій Павловичъ.

— Барыни.

— Какія барыни?

— А кто ихъ знаетъ! Двѣ какія-то молодыя...

Порфирій Павловичъ затаилъ дыханіе, сжалъ губы, наклонилъ голову и, поднявшись на цыпочки, сталъ подбираться къ своей двери, останавливаясь и поднимая руку каждый разъ, какъ скрипнетъ сапогъ или половая доска. Онъ взялъ свѣчку, отпустилъ Софрона и бережно, чуть-чуть касаясь пола, вошелъ въ свой нумеръ.

Первымъ движеніемъ Порфирія Павловича было поставить свѣчу подлѣ табачнаго кисета, подобраться вдоль стѣнки и приложить глазъ на то мѣсто двери, гдѣ находился когда-то сучокъ. Сердце его забило страшную тревогу, когда онъ увидѣлъ часть освѣщенной стѣны и двѣ женскія тѣни. Слѣдя жаркимъ взоромъ

за движеніемъ двухъ тѣней, онъ ясно заключилъ, что сосѣдки убирали волосы и готовились къ отдыху. Васильковъ, украдкою, подобрался къ столу и задулъ свѣчку. Такая продѣлка не принесла, однакожъ, никакого результата хитрому Порфирію Павловичу, который хотѣлъ этимъ способомъ отстранить всякое подозрѣніе о своемъ присутствіи и наслаждаться посреди темноты наблюденіемъ въ сосѣдній свѣтлый нумеръ: когда онъ подошелъ къ двери, отверстіе, равно какъ и остальныя щели вдоль косяковъ снизу и сверху, оказались завѣшанными какою-то черною, непроницаемою матеріею.

Порфирій Павловичъ былъ влюбленъ безъ ума въ свою невѣсту, но совсѣмъ тѣмъ, если сердце его испытало когда-нибудь досаду, такъ это случилось въ настоящую минуту. „О, мужчины! мужчины!“ воскликнутъ многія чувствительныя особы: „какъ непостоянно ваше сердце! Вѣрить-ли послѣ этого вашимъ клятвамъ хранить до гробовой доски неизмѣнное чувство, когда достаточно одного кончика посторонняго, чужого платья, чтобъ смутить васъ и трепетомъ наполнить вашу душу?“ Вы совершенно справедливы, милостивыя государыни. И вотъ вамъ образчикъ, къ несчастію, самый обыкновенный. Порфирій Павловичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ робкихъ, но страшно скрытныхъ людей, которыхъ обдаетъ жаромъ и холодомъ въ присутствіи всякой женщины безъ исключенія. Застѣнчивый, любопытный, сантиментальный и приторный до безконечности въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, когда удавалось ему прислушиваться втихомолку къ сокровеннымъ дамскимъ разговорамъ, или подглядывать за дамами въ щелочку двери.

Оставшись въ темнотѣ, Порфирій Павловичъ, разсчитывая не безъ основанія на непрочность, съ какою ставятся обыкновенно перегородки постоялыхъ дворовъ, принялся тщательно осматривать углы и стѣны, не теряя еще надежды напасть на слѣдъ какой-нибудь скважинки. Увы, все было напрасно! Тогда онъ приложилъ ухо къ стѣнѣ, чтобъ разслышать покрайней мѣрѣ хоть говоръ сосѣдокъ. И это ни къ чему не повело: раздался только шопотъ, изъ котораго невозможно было выпутать ни одного живого слова. Что ты станешь дѣлать! Съ горя Порфирій Павловичъ набилъ трубку, высѣкъ огня и принялся затягиваться напропалую. Еслибъ принять трубку за мѣрило времени и предположить, что каждую четверть часа нужна новая, можно утвердительно сказать,

что Васильковъ провелъ добрый часъ въ безполезномъ подслушиваніи подлѣ сосѣдней стѣны.

Онъ набилъ пятую трубку и рѣшился наконецъ успокоиться на диванѣ.

Внезапно у сосѣдокъ послышался шорохъ. Порфирій Павловичъ затаилъ дыханіе.

— Ахъ, Боже мой! произнесъ мелодическій голосъ, отъ котораго задрожали всѣ жилки Василькова: — этотъ господинъ, кажется, заснулъ наконецъ. Что, если онъ оставилъ зажженную трубку: мы всѣ сгоримъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ другой не менѣе мелодическій голосъ. Ахъ, Боже мой! какъ бы это...

Еслибъ въ эту минуту грянули изъ десяти пушекъ подъ самымъ ухомъ Порфирія Павловича, онъ не вскочилъ бы съ такой поспѣшностью на полъ. Не взирая на непроницаемый мракъ, онъ принялъ очаровательнѣйшую позу, потупилъ застѣнчиво глаза, поправилъ волосы и сказалъ нѣжно умилительнымъ голосомъ:

— Не безпокойтесь, сударыня, я погасилъ трубку. Вамъ не предстоитъ никакой опасности.

— Очень вамъ благодарны, отвѣчали за стѣною.

— Помилуйте, сударыня, подхватилъ, расшаркиваясь, Васильковъ: — долгъ каждаго... я почелъ обязанностью...

Но языкъ прилипъ у него къ гортани отъ внутренняго волненія, и онъ остановился.

Это обстоятельство окончательно распалило и безъ того уже пылкое воображеніе Порфирія Павловича; онъ ворочался съ боку на бокъ на своемъ диванѣ и не сомкнулъ глазъ во всю ночь.

X.

Читатель знакомится съ будущимъ семействомъ Порфирія Павловича.

На другое утро, какъ только услышалъ Васильковъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ потянулся на своемъ диванѣ и произнесъ нѣсколько словъ, первымъ его дѣломъ было броситься въ его комнату и сообщить ему во всѣхъ подробностяхъ ночное происшествіе.

— Но кто-же эти дамы? спросилъ Балахновъ.

— Въ томъ-то и штука, Аристархъ Ѳедорычъ, что никто не знаетъ, отвѣчалъ Порфирій Павловичъ, вращая удивленными глазами. — Я разспрашивалъ хозяина, хозяйку, батрака Софрона — всѣ говорятъ: первый разъ видимъ. Кучеръ, съ которымъ онѣ пріѣхали, ушелъ съ утра на ярмарку, вернулся пьянъ, и я не добился отъ него никакого толку.

— Странно! вымолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, приподымаясь на диванѣ. — И ты, Сидоръ, не знаешь? промолвилъ онъ, обращаясь къ камердинеру.

— Никакъ нѣтъ-съ. Не приводилось даже встрѣчать.

— Странно! повторилъ Балахновъ, принимаясь одѣваться.

Обнаруживъ почему-то особенное вниманіе и заботливость къ туалету, Аристархъ Ѳедоровичъ почему-то посмотрѣлся лишній разъ въ зеркало, вошелъ въ нумеръ Василькова и приказалъ Сидору подавать чай. Въ то время, какъ приготовляли все нужное къ чаю, Балахновъ не переставалъ бросать любопытные взгляды на дверь сосѣдняго нумера, гдѣ слышалось шипѣніе самовара и звяканье чашекъ, и вдругъ, совершенно неожиданно, подошелъ къ Порфирію Павловичу, кашлянулъ и началъ разсказывать ему громкимъ, звучнымъ голосомъ какую-то героическую исторію о самомъ себѣ. Аристархъ Ѳедоровичъ поминутно кашлялъ, возвышалъ голосъ, взглядывалъ на дверь и вставлялъ чрезъ каждыя пять словъ одно французское, не обращая, повидимому, никакого вниманія, на то, что Васильковъ не зналъ ни слова по-французски. Балахновъ началъ уже разсказывать изумленному Василькову исторію своего дѣда, какъ вдругъ, въ дверяхъ, ведущихъ изъ номера въ корридоръ, показалась совершенно незнакомая фигура. Фигура принадлежала дворовому человѣку. То былъ старикъ съ всклоченными, сѣдыми волосами, крупнымъ носомъ и сѣрыми глазами, мрачно глядѣвшими изъ подлобья; одѣтъ онъ былъ въ старый зеленый сюртукъ, ниспадавшій вплоть до сапоговъ.

Затворивъ дверь, старикъ отвѣсилъ короткій поклонъ и произнесъ хриплымъ, басистымъ голосомъ:

— Барыня приказали просить васъ чай кушать.

— Кого? спросили въ одно время Васильковъ и Балахновъ.

— А что вечоръ-то разговаривать изволили, отвѣчалъ старикъ, отвѣшивая новый поклонъ и исчезая за дверью.

— Mais allez donc!... ces dames vous font l'honneur... произнесъ звучнымъ, пріятнымъ голосомъ Аристархъ Ѳедоровичъ, по-

ворачиваясь къ двери и забывая опять-таки, что Васильковъ не зналъ по-французски!

— Что вы изволили сказать? проговорилъ смущенный и оторопѣвшій Порфирій Павловичъ.

— Ступай; ну, чего ты? шепнулъ отрывисто Балахновъ.

Васильковъ поправилъ дрожащею рукою волосяные свои волюты, выпрямился, застегнулъ венгерку, потомъ разстегнулъ ее, потомъ опять застегнулъ и, стараясь улыбнуться, вышелъ изъ номера.

— А что, милый мой, барыни твои здѣсь?... гм... гм... спросилъ онъ, указывая старику на дверь сосѣдокъ.

— А гдѣ-жъ имъ быть-то? Сами, я чай, знаете... отвѣчалъ старикъ съ самымъ мрачнымъ видомъ.

— Нѣтъ... да я такъ только... гм... гм... проговорилъ Порфирій Павловичъ, расшаркиваясь и входя къ сосѣдкамъ.

За самоваромъ сидѣли двѣ дамы; одной изъ нихъ было лѣтъ тридцать, другой немного менѣе; обѣ были одѣты въ глубокій трауръ; лица ихъ, длинныя, желтыя, соотвѣтствовали какъ-нельзя лучше печальной одеждѣ; въ тусклыхъ, бѣловатыхъ и какъ-будто стертыхъ глазахъ не было ничего особенно-замѣчательнаго.

— Извините, милостивый государь, заговорила старшая печальнымъ, протяжнымъ голосомъ: — мы рѣшились васъ побезпокоить. Вы были вчера такъ обязательны...

— Помилуйте, сударыня... гм... гм... обязанность каждаго человѣка... я почелъ за священнѣйшій долгъ, отвѣчалъ Порфирій Павловичъ, снова расшаркиваясь и покручивая головою.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросила заунывно младшая.

— Васильковъ, здѣшній помѣщикъ-съ, отвѣчалъ Порфирій Павловичъ, смиренно опуская глаза.

— Очень пріятно познакомиться... сказала старшая, подавляя вздохъ.— Не прикажете-ли чашку чаю? Прошу покорно садиться.

— Если позволите... очень будетъ пріятно, пробормоталъ Васильковъ, садясь на кончикъ стула.

— Извините насъ, милостивый государь, начала старшая отчаянно-разстроеннымъ тономъ: — мы рѣшительно никого не имѣемъ знакомаго въ этомъ городѣ.

— Все намъ здѣсь чуждо! перебила младшая, едва сдерживая рыданіе.

— Все намъ здѣсь чуждо! продолжала старшая, подавляя вздохи: — я и сестра живемъ отсюда верстъ за шестьдесятъ.

— Позвольте спросить, сударыня, съ кѣмъ имѣю счастье бесѣдовать? спросилъ Порфирій Павловичъ, кланяясь.

— Миловзоровы, отвѣчала раздирающимъ голосомъ младшая. — У насъ есть братъ въ Москвѣ: докторъ Миловзоровъ... можетъ-быть, вы его знаете?...

— Нѣтъ, сударыня, не имѣю удовольствія, отвѣчалъ Васильковъ, пожимая плечами и обнаруживая искреннее сожалѣніе.

— Мы пріѣхали сюда на ярмарку для разныхъ покупокъ, и, видя вашу обязательность, милостивый государь, рѣшились просить васъ... рѣшились побезпокоить... надѣюсь, вы не откажете просьбѣ двухъ дамъ, для которыхъ все здѣсь чуждо...

— Помилуйте, сударыня, все, что вамъ будетъ угодно... радъ душевно... это моя обязанность...

— Вотъ видите-ли, сказала съ сердобольнымъ умиленіемъ старшая, устремляя заплаканные глаза на Василькова, который поспѣшилъ выразить на лицѣ своемъ всѣ признаки живѣйшаго участія: — видите ли, намъ понадобилось купить лошадей; мы рѣшительно, какъ женщины, не знаемъ этого дѣла и желали бы, видя вашу обязательность, чтобъ вы, милостивый государь, помогли намъ сдѣлать эту покупку, если это только васъ не обезпокоитъ...

— Сударыня! воскликнулъ Порфирій Павловичъ, взбивая пряди своихъ волосъ: — если только это, извольте приказывать! Моя обязанность... Притомъ, служивъ въ кавалеріи, я хорошо знаю эту часть; я даже бывалъ ремонтеромъ и въ то время закупалъ для полка лошадей...

— Ахъ, какъ мы рады! какъ намъ пріятно это слышать! сказали меланхолически обѣ дамы. — Итакъ, вы позволите просить васъ пойти съ нами на ярмарку?...

— Съ величайшимъ наслажденіемъ готовъ служить вамъ, сударыни. Извольте одѣваться; сію секунду явлюсь, произнесъ Порфирій Павловичъ, расшаркиваясь и кидаясь со всѣхъ ногъ въ коридоръ.

Онъ вбѣжалъ въ свой нумеръ, отыскалъ шляпу, юркнулъ въ комнату Аристарха Ѳедоровича, шепнулъ ему восторженно на-ухо: „Миловзоровы!“ и, не дожидаясь возраженія, пустился догонять дамъ, которыя спускались уже съ лѣстницы. Заунывныя барыни Миловзоровы и спутникъ ихъ, любезный, услужливый Васильковъ,

пробыли недолго на ярмаркѣ: благодаря заботливости Василькова, вскорѣ найдены были двѣ буланыя кобылицы отличнѣйшей породы — такъ, по крайней мѣрѣ, утверждали единодушно барышники, цыгане и коновалы, налетѣвшіе со всѣхъ сторонъ, какъ саранча, на новыхъ покупателей. Дамы сказали, что буланая масть имъ очень понравилась и изъявили желаніе, чтобъ Васильковъ сдѣлалъ окончательный приговоръ касательно доброкачественности предлагаемыхъ животныхъ. Васильковъ, какъ каждый себѣ представитъ, недолго заставилъ себя дожидаться; онъ сунулъ шляну ближайшему цыгану, засучилъ рукава и принялся обходить лошадей, тщательно потрепалъ ихъ по холкѣ, посмотрѣлъ имъ въ зубы, подергалъ за хвостъ, пощупалъ ноги и обнаружилъ притомъ такую опытность и знаніе дѣла, что обѣ дамы не могли надивиться, какъ господинъ, обладающій такими глубокими свѣдѣніями, не навсегда остался ремонтеромъ. Окончивъ осмотръ, Порфирій Павловичъ объявилъ, что лошади добрыя; дамы вынули деньги и спросили хозяина.

— Нѣтъ-съ, сударыня, позвольте, сказалъ Васильковъ съ очаровательной улыбкой: — у насъ, кавалеристовъ и коннозаводчиковъ, на этотъ счетъ свой особый обычай, извольте видѣть... Тутъ Порфирій Павловичъ взялъ деньги и передалъ ихъ изъ полы въ полу бывшему владѣльцу буланыхъ. — Дѣло кончено! лошади ваши! веди ихъ за нами! заключилъ онъ, махнувъ рукою въ толпу.

— Ахъ, какъ мы вамъ благодарны, милостивый государь, печально сказала старшая Миловзорова: — надѣюсь, что мы будемъ имѣть удовольствіе васъ видѣть у себя?... Мы живемъ верстъ шестьдесятъ всего отсюда, по проселочной дорогѣ... спросите сельцо Склепино, Гробово-тожъ... намъ будетъ очень пріятно...

— Сударыня, я буду совершенно счастливъ... и позвольте ужъ мнѣ въ такомъ случаѣ пріѣхать къ вамъ съ молодою женою.

— Вы женитесь? спросила сквозь слезы младшая.

— Черезъ мѣсяцъ, сударыня, восторженно отвѣчалъ Порфирій Павловичъ.

Разсуждая такимъ образомъ, они очутились вскорѣ подъ воротами постоялаго двора. Увидѣвъ коляску Аристарха Ѳедоровича, совсѣмъ уже готовую къ отъѣзду, Васильковъ проводилъ барынь до нумера и поспѣшилъ съ ними проститься.

— Пора! Пора! сказалъ Балахновъ, выходя навстрѣчу своему пріятелю: — скоро двѣнадцать часовъ. Eh bien, aves vous

rempli les desirs de ces dames? прибавилъ онъ, выравниваясь съ дверью сосѣдокъ.

— Что вы изволили сказать? спросилъ Васильковъ, укладывая кисетъ и трубку въ боковые карманы.

— Нѣтъ, такъ, ничего... отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выходя на лѣстницу.

На крыльцѣ онъ былъ встрѣченъ Ѳедотомъ Васильевымъ, его женою, дѣтьми и даже батракомъ Софрономъ, которые, завидѣвъ еще издали Балахнова, принялись кланяться и возсылать искреннія мольбы о сохраненіи его въ добромъ здравіи.

— Благодарю! произнесъ владѣтель Ханскихъ-Прудовъ, усаживаясь въ голубую коляску.

Минуту спустя, коляска и позади ея тарантасъ Василькова покатили къ шлагбауму.

— Къ Фанагоріи Петровнѣ! крикнулъ Балахновъ. — Ну, кто жъ эти дамы, разсказывай! промолвилъ онъ, обращаясь нетерпѣливо къ своему спутнику.

— Ахъ, премилыя, преочаровательныя и прелюбезныя дамы! воскликнулъ спутникъ, потряхивая головой.

— Миловзоровы... Миловзоровы... Я что-то, однакожъ, не помню... Знаютъ-ли онѣ меня, по крайней мѣрѣ?... Ты имъ говорилъ, съ кѣмъ пріѣхалъ?

— Говорилъ, Аристархъ Ѳедорычъ, краснѣя, пробормоталъ Васильковъ.

— Что-жъ онѣ?

— Онѣ говорятъ, что не имѣли счастія слышать... Впрочемъ, прибавилъ онъ, спохватившись: — немудрено, живутъ за шестьдесятъ верстъ... глушь...

— Такъ, мелюзга какая-нибудь, пробормоталъ Аристархъ Ѳедоровичъ, разсѣянно глядя по сторонамъ.

„Для тебя все мелюзга!“ подумалъ Порфирій Павловичъ: „а по-моему, премилыя, преинтересныя, прелюбезныя дамы: чрезвычайно пріятное знакомство; и я съ Антониночкой непремѣнно къ нимъ поѣду“.

Вскорѣ коляска оставила за собой городъ, свернула вправо, оставивъ влѣвѣ дорогу въ Ханскіе-Пруды, и весело покатила по проселку. Порфирій Павловичъ закурилъ съ видимымъ наслажденіемъ трубку и принялся выгружать изъ сердца свои впечатлѣнія, и тѣ, которыя накопились въ послѣдніе дни, и тѣ, которыя пред-

стояло испытать въ будущемъ. На этотъ разъ, однакожъ, Аристархъ Ѳедоровичъ какъ-то неохотно поддавался бесѣдѣ: онъ не то, что былъ не въ духѣ, но видно было, что мысли его далеко блуждали за предѣлами настоящаго разговора и заняты были совсѣмъ другимъ. Изрѣдка отрывался онъ отъ своего созерцательнаго состоянія, чтобъ крикнуть: „тише, легче, осторожнѣй!“ когда коляска взъѣзжала на мостъ или спускалась съ кручи, и снова уходилъ весь въ необъятную глубину собственной души своей.

А между тѣмъ, проселокъ бѣжалъ впередъ и впередъ, какъ ручей по склону широкой долины; мѣстность измѣнила свой плоскій видъ, начинала волноваться и съ часу на часъ становилась живописнѣе. Тамъ показалась березовая роща; еще минута—и коляска нырнула въ густую тѣнистую листву, цѣпляясь за кусты и длинно раскинувшіяся вѣтви. Быстро мелькали бѣлые стволы деревъ; ярко блеснуло солнце; миновалась опушка, и снова волнистый видъ зеленѣющаго поля съ своимъ пахаремъ на отдаленной нивѣ, снова просторъ, и надъ нимъ серебряная пѣснь жаворонка... Любите-ли вы наши проселки, почтеннѣйшій читатель? Что до меня касается, я ихъ очень люблю, люблю несравненно болѣе всѣхъ возможныхъ дорогъ столбовыхъ и даже шоссейныхъ. Правда, нѣтъ на нихъ столбовъ, самоваровъ, ветелокъ и станцій; никто не трудился надъ ними: ихъ протопталъ пѣшеходъ. Но что до этого!... они проведутъ васъ, если хотите, въ самое сердце русской земли. Тутъ только увидите вы настоящее русское поле съ его необъятнымъ, манящимъ простóромъ, о которомъ, быть-можетъ, вы прежде такъ сладко мечтали; тутъ услышите вы народную рѣчь и русскую пѣсню... и сладко забьется ваше сердце... Да, мнѣ нравится нашъ проселокъ! Посмотрите, какъ весело вьется онъ, то пропадая въ изумрудной чащѣ ярового хлѣба, или забиваясь въ тѣсныхъ рядахъ янтарной ржи, голубыхъ васильковъ и пестрой куколи, то снова появляясь на бугоркѣ съ своими тоненькими полосками зелени...

Любопытно было бы знать, что думалъ обо всемъ этомъ Аристархъ Ѳедоровичъ. Принимая въ соображеніе задумчивую физіономію и упорную несообщительность, онъ даже не глядѣлъ на проселокъ и мысли его находились, повидимому, далеко отъ всего его окружавшаго; онъ даже вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда собесѣдникъ его, Порфирій Павловичъ, неспускавшій съ нѣкоторыхъ поръ глазъ съ горизонта, закричалъ: „Грачовка! Аристархъ Ѳедорычъ, Грачовка!...“

И въ самомъ дѣлѣ, на горизонтѣ показалась деревушка, бывшая цѣлью настоящей поѣздки.

— Что съ тобой, братецъ? ты меня просто испугалъ, успокойся! произнесъ несовсѣмъ ласково Балахновъ.

— Извините, Аристархъ Ѳедорычъ... Грачовка!... ахъ!... знаете... извините... Антониночка!... Грачовка!... Можетъ быть, она меня ждетъ у околицы...

Аристархъ Ѳедоровичъ усмѣхнулся и отвернулся въ сторону.

Но ужъ съ той минуты Порфирій Павловичъ не переставалъ волноваться, высовываться изъ коляски и осматривать приближавшуюся деревушку. Восторженное состояніе Василькова усиливалось съ каждымъ поворотомъ колеса и, несмотря на то, что у околицы никого не оказалось, движенія его приняли размѣры самой необузданной радости, когда коляска въѣхала на улицу.

— Здравствуйте! здравствуйте! кричалъ онъ поминутно, раскланиваясь мимо проходившимъ мужикамъ: —здравствуй, Ѳедосъ! ну, что, какъ жена, дѣти? здоровы?...а? Зензивей! здравствуй, Зензивей!... Вотъ, Аристархъ Ѳедорычъ, рекомендую вамъ, отличнѣйшій плотникъ, что хотите сдѣлаетъ... вотъ, если вамъ понадобится, и, главное, человѣкъ прекрасный, непьющій, продолжалъ онъ, не переставая подталкивать локтемъ своего покровителя, который обнаруживалъ все болѣе и болѣе сановитости, по мѣрѣ приближенія къ дому.

— А что, Сидоръ, что? воротъ еще не видать? нѣтъ? а? Кажется, не видать?... кричалъ Порфирій Павловичъ, метаясь въ колескѣ.

Вскорѣ показалась красная кровля съ двумя бѣлыми трубами, и наконецъ выступилъ самый домъ, старенькій, слѣпенькій, обсаженный съ одного бока акаціями и палисадникомъ. Вправо тянулся лугъ, исполосованный полотнами, которыя растягивали бабы для бѣленья; прямо виднѣлся прудъ, перерѣзанный плотиной; далѣе опять луга, а за ними пашни, подымавшіяся неровными уступами къ горизонту. Немного погодя, коляска покатила вдоль полуобвалившагося плетня, изъ-за котораго выглядывали тѣсные ряды развѣсистыхъ яблонь, покрытыхъ бѣлыми, какъ снѣгъ, цвѣтами; тутъ же, подъ тѣнью безконечно высокой черемухи, обсыпанной точно пухомъ, виднѣлся маленькій кіоскъ съ перекосившимися колонками и полинялымъ голубымъ куполомъ. Глаза Порфирія Павловича, приводимые въ движеніе припадками восторженности, чуть было не зацѣпили воротъ, когда коляска въѣзжала на дворъ.

На этомъ дворѣ, обнесенномъ съ одной стороны извѣстнымъ уже садомъ, съ другихъ сараями, конюшнею и амбарами, появилась суета и движеніе, какъ только заслышался шумъ подъѣзжавшаго экипажа.

Прежде всего изъ какой-то клѣтушки высунулась востроносая баба съ горшкомъ въ обѣихъ рукахъ.

— Анисья! Анисья! Дома барыня? а? Поди сюда! крикнулъ Васильковъ.

Но вмѣсто отвѣта, Анисья поставила горшокъ на-земь, подобрала юбки и пустилась со всѣхъ ногъ на заднее крыльцо.

Путешественники остановились у главнаго крыльца.

Выходя изъ коляски, Аристархъ Ѳедоровичъ наткнулся на мальчишку, который, увидя чужихъ господъ, страшно оторопѣлъ, растопырилъ руки, раскрылъ ротъ и вдругъ огласилъ дворъ неистовымъ крикомъ.

— Мишка, Мишка, это я! поспѣшно заговорилъ Васильковъ, выпрыгивая въ свою очередь изъ коляски:—ну, о чемъ? Аристархъ Ѳедоровичъ, это сынъ кучера Ермолая и прачки Ѳетиньи. Не правда-ли, славный мальчикъ? Сдѣлайте милость, пожалуйте сюда, вотъ въ эту дверь. Ахъ, Боже мой! отчего же никого нѣтъ?... Хоть бы одинъ человѣкъ! Сюда-съ, Аристархъ Ѳедорычъ, продолжалъ Порфирій Павловичъ, суетливо отворяя двери и вводя гостя въ крошечную лакейскую, увѣшанную охотничьими снарядами. Тутъ находился еще безконечно длинный дѣтина, чрезвычайно похожій на ружье: закинувъ обѣ руки за голову и вытянувшись на спинѣ во всю длину конника, онъ спалъ глубочайшимъ сномъ. Заслышавъ шумъ, онъ вскочилъ на ноги, обвелъ глазами вошедшихъ и вдругъ бросился снимать съ нихъ пальто. Почти въ то же время въ лакейской показался управляющій—маленькій, сѣденькій человѣкъ; голова его уходила вмѣстѣ съ подбородкомъ въ набивной миткалевый галстукъ, который, въ свою очередь, уходилъ на половину въ воротникъ синяго, неизмѣримаго сюртука, подметавшаго полъ; онъ заморгалъ на заспаннаго лакея, подошелъ къ Аристарху Ѳедоровичу, потомъ къ Василькову и принялся обметать пыль съ ихъ платья.

— Посмотрите, Аристархъ Ѳедорычъ, какія ружья, говорилъ между тѣмъ Порфирій Павловичъ:—превосходнѣйшія ружья! Тутъ даже есть мушкетонъ, настоящій персидскій мушкетонъ!... Все это принадлежало покойному мужу Фанагоріи Петровны...

— Кому же ты это говоришь, любезный? отвѣчалъ Балахновъ: — я бывалъ въ этомъ домѣ, когда ты не зналъ даже о его существованіи... Вѣдь Никита помнитъ, я думаю...

— Какже-съ, помилуйте; часто ѣзжать изволили, отвѣчалъ управитель, заботливо отворяя дверь лакейской.

Войдя въ залу, выбѣленную мѣломъ и обставленную кругомъ старинными почернѣвшими стульями, пріѣзжіе услышали за сосѣднею стѣною русскую пѣсню; нѣсколько тоненькихъ, пискливыхъ голосовъ тянули:

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти во всю ноченьку,
Ты свѣти во всю темную...

— Что это? спросилъ Балахновъ.

— А это, сударь, изволите видѣть, отвѣчалъ управитель, наши дѣвки собрались, шьютъ приданое барышни и поютъ свадебныя пѣсни...

Порфирій Павловичъ опустилъ руку въ карманъ жилета, кивнулъ лакею, сунулъ ему въ ладонь цѣлковый и шепнулъ на-ухо: „Отдай дѣвушкамъ и поблагодари ихъ за меня!“

Послѣ этого онъ побѣжалъ въ припрыжку за Балахновымъ, который входилъ въ гостиную.

Гостиная была маленькая и также выбѣлена мѣломъ; прямо, между двумя окнами, глядѣвшими на кіоскъ, находился старомодный, вычурный диванъ; передъ нимъ овальный столъ, а по бокамъ, вмѣсто крыльевъ, стояли два огромныя кресла, выкрашенныя когда-то краской небеснаго цвѣта. Налѣво, подлѣ двери, ведшей въ спальню и запертой въ настоящую минуту, вытягивались старенькіе, покоробившіеся клавикорды; направо вся стѣна была увѣшана картинами; на самомъ видномъ мѣстѣ красовался въ черноватой золотой рамѣ портретъ Фанагоріи Петровны, когда ей было еще три года: голова ребенка, у котораго ротъ находился посерединѣ лица и имѣлъ видъ сердца, занимала большую часть холстины; оставалось самое маленькое мѣсто для ножекъ, обутыхъ въ красные башмаки, и для цвѣтка, находящагося въ правой рукѣ ребенка. Подъ этой картиной висѣла другая, но только несравненно меньше; на ней изображенъ былъ кустъ, усѣянный розанами; подлѣ куста стоялъ на одной ножкѣ длинный господинъ съ кокомъ въ синемъ фракѣ; въ одной рукѣ держалъ онъ бѣлую шляпу, другая рука его про-

тягивалась къ кусту и ловила двумя пальцами сидѣвшую на цвѣткѣ бабочку. По бокамъ дѣтскаго портрета, рядомъ съ исторіей Павла и Виргиніи, помѣщались еще двѣ картинки, достойныя вниманія; обѣ носили одно и то же названіе и заключали въ себѣ, повидимому, общую связь. На первой была надпись: Утро послѣ свадьбы. Другая картина, прозывавшаяся: Десять лѣтъ послѣ свадьбы, представляла даму и господина, сидѣвшихъ въ креслахъ противъ группы дѣтей. Внизу было означено: Другъ мой, какъ мы счастливы! какъ милы наши дѣти!...

Въ то время, какъ Балахновъ разсматривалъ грачовскую картинную галлерею, а Порфирій Павловичъ суетился передъ зеркаломъ, висѣвшимъ надъ диваномъ, за дверью спальни слышалась возня, посреди которой ясно можно было различить шумъ и шелестъ туго накрахмаленныхъ юбокъ; минуту спустя, все, однакожъ, успокоилось; дверь отворилась, впустила даму и захлопнулась съ тою же поспѣшностью, какъ дверцы на циферблатахъ старинныхъ часовъ, которые вдругъ выпустятъ кукушку и, мигнуть не успѣешь, какъ уже снова захлопнутся. Но на этотъ разъ кукушка не юркнула за циферблатъ! Фанагорія Петровна выступила на середину гостиной и сдѣлала очаровательнѣйшій реверансъ.

Фанагоріи Петровнѣ было лѣтъ пятьдесятъ, но, несмотря на то, туалетъ ея отличался немногимъ отъ туалета на портретѣ, когда ей было безъ малаго три года; красный, истертый, бѣловатый бархатный спензеръ обтягивалъ могучія ея рамена; бѣлое кисейное платье раздуто было непомѣрно тугими юбками. Спензеръ, открытый наверху, позволялъ любоваться парой круглыхъ плечъ, щедро усыпанныхъ пудрой; слѣды пудры еще явственнѣе обозначались на шеѣ, украшенной бархатной ленточкой съ бирюзовымъ голубкомъ; круглое лицо ея, съ двумя привлекательными акрош-керами на вискахъ, сохраняло на щекахъ самый свѣжій румянецъ. Прическа ея соотвѣтствовала остальному туалету: голова, сформированная какъ-то угловато и самымъ фантастическимъ образомъ, покрыта была маленькими сѣдоватыми завиточками, державшимися помощью шпилекъ и черныхъ снурочковъ. Фанагорія Петровна жила вся, нужно замѣтить, воспоминаніями своей юности; а такъ какъ въ юности была она страшною кокеткой и горѣла желаніемъ плѣнять всѣхъ и каждаго, то немудрено, что и теперь пребывала въ томъ же настроеніи.

— Ахъ, Боже мой, Аристархъ Ѳедорычъ! какой сюррррризъ! заговорила Фанагорія Петровна, картавя и любезничая.

— Давно и даже очень давно собирался я къ вамъ, любезная сосѣдка, сказалъ Балахновъ, цѣлуя ея руку, обвѣшанную кольцами и бронзовыми браслетами, и унося послѣ этого поцѣлуя на правой щекѣ своей частичку розъ, усыпавшихъ щеки вдовы.

— Маменька! здравствуйте, маменька!—я уже просилъ позволенія называть васъ этимъ очаровательнымъ для меня именемъ—какъ ваше здоровье? скороговоркою произнесъ Васильковъ, цѣлуя протянутую руку и отпечатывая, въ свою очередь, красные блики на щекахъ своихъ.

— Но скажите, какъ... чему обязана я вашимъ милымъ визитомъ? спросила Фанагорія Петровна, ломаясь и бросая томную улыбку Аристарху Ѳедоровичу.

— А вотъ этотъ молодецъ доставляетъ мнѣ нынче удовольствіе васъ видѣть, отвѣчалъ Балахновъ, указывая на Василькова съ игривою любезностью самаго свѣтскаго свойства.

— О, милый, милый! благодарррю тебя! пролепетала Фанагорія Петровна, вторично протягивая руку Василькову.

— Но, позвольте, maman, я не вижу, гдѣ же...

— Невѣста? перебила будущая тёща.—О-о! прибавила она, лукаво грозя ему пальцемъ и увлекая въ то же время Аристарха Ѳедоровича. Она усадила его подлѣ себя на диванѣ, поправила голубка и закричала тоненькимъ голоскомъ:

— Тоничка! Антинька! Анція! женихъ пріѣхалъ. Да кто тамъ? Дѣвушка, дѣвка! скажите Антонинѣ Васильевнѣ, чтобъ вышла. Женихъ пріѣхалъ, женихъ, женихъ!...

Съ послѣдними словами въ гостиной появилась барышня лѣтъ двадцати, зачесанная по-китайски и очень недурная собою: черные, живые глазки ея бѣгали во всѣ стороны и обѣщали все, что угодно, кромѣ, однакожъ, тишины и спокойствія въ семейномъ быту. Антониночка была столько же блѣдна, жидка и тщедушна, сколько матушка ея была сильна, крѣпка и могуча. Она бойко подошла къ дивану, присѣла передъ Балахновымъ, потомъ обернулась къ Василькову и ласково кивнула ему головкой.

— Что-жъ вы? Такъ-ли встрѣчаются женихъ и невѣста? Ахъ, Боже мой!... Анція, Порфирій! пролепетала съ укоризною Фанагорія Петровна.

Порфирій Павловичъ оторопѣлъ, вспыхнулъ, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобъ поцѣловать невѣсту, но та отвернула голову, и онъ окончательно растерялся.

— Да поцѣлуйтесь-же! Ахъ, Боже мой! теперь это уже можно... Антонія, да что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? Поррр-фирій Павлычъ!

— На мѣстѣ Порфирія Павловича я не заставилъ бы просить себя, съ любезностью сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

Протянувъ жениху блѣдную свою щечку, барышня сѣла на стулъ и принялась разсѣянно смотрѣть въ садъ. Васильковъ поспѣшилъ занять сосѣдній стулъ, взялъ руку невѣсты и, не будучи въ состояніи произнести слово отъ полноты душевнаго восторга, страстно устремилъ на нее глаза свои, полные томительной любви.

— Какъ здорррровье вашей супруги, Аристархъ Ѳедоровичъ? Боже, какъ давно мы съ нею не видались!... Здорррова?... говорила между тѣмъ Фанагорія Петровна, прищуривая глаза.

Аристархъ Ѳедоровичъ величаво, но благосклонно поклонился.

— Здорова? Ахъ, какъ я рада! А дѣтки?...

Аристархъ Ѳедоровичъ повторилъ прежнее движеніе.

— Здоровы, милашки этакіе? Ахъ, какъ я счастлива! Одно только мнѣ непріятно, о-о-очень даже непррріятно: скажите, зачѣмъ вы такъ поздно пріѣхали? Не лучше-ли бы пріѣхать утромъ и подарить меня цѣлымъ денькомъ?... проговорила Фанагорія Петровна, грозя пальцемъ и принимая очаровательную позу.

— Я такъ и думалъ сдѣлать, весело отвѣчалъ Балахновъ: — но вотъ, виноватъ вашъ женихъ: мы остановились и ночевали на станціи въ Горшковѣ; онъ познакомился тамъ съ какими-то дамами сосѣдняго нумера, а потомъ отправился съ ними на ярмарку покупать лошадей.

При словѣ познакомился съ дамами, Антониночка быстро взглянула на своего жениха, брови ея запрыгали; она вырвала съ сердцемъ свою руку изъ его руки, пересѣла на другой стулъ къ самому окну и нахмурилась.

Порфирій Павловичъ остолбенѣлъ и, какъ пораженный громомъ, остался на своемъ мѣстѣ.

— Какія же это дамы? продолжала разспрашивать Фанагорія Петровна, не замѣтившая маленькой сцены: — изъ нашихъ сосѣдокъ?... Ахъ, Боже мой, что я! воскликнула она неожиданно, вѣдь я забыла спросить васъ! вы, вѣрно, еще не кушали?...

— Нѣтъ-съ, маменька! произнесъ Васильковъ отчаянно-разстроганнымъ тономъ.

— Хорррошъ, батюшка! А все ты! Ну, какъ не сказать?...

Да и вы, Аристархъ Ѳедорычъ, какъ не стыдно!... Эй, люди! дѣвушки! кто тамъ?... Антонія, что жъ ты, душенька? а еще молодая хозяйка... Ахъ, Боже мой! поди, мой ангелъ, распорядись, вели скорѣе подавать кушать.

Антониночка поспѣшно встала съ своего мѣста и оставила гостиную, не забывъ бросить сокрушительный взглядъ Василькову, который тотчасъ же принялся расхаживать по комнатѣ съ такимъ видомъ, какъ-будто ему только-что прочли смертный приговоръ.

Въ эти полчаса, какъ накрывали столъ и разогрѣвали кушанье, Фанагорія Петровна, принявшая очевидное намѣреніе плѣнить окончательно Аристарха Ѳедоровича, не переставала занимать его живой бесѣдой, приправляя живую эту бесѣду чарующими взглядами и улыбками. Дѣло въ томъ, что въ эти несчастные полчаса Аристархъ Ѳедоровичъ успѣлъ уже замѣнить въ сердцѣ Фанагоріи Петровны то мѣсто, которое наканунѣ еще занималъ Васильковъ, и увы! увы! успѣлъ даже исторгнуть изъ этого непостояннаго и слабаго сердца всѣ воспоминанія о несчастномъ, который продолжалъ между тѣмъ расхаживать по комнатѣ, комкалъ, въ припадѣ горя, свои волосяныя пряди и страшно таращилъ глаза, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобъ не разразиться воплемъ.

Фанагорія Петровна принадлежала, можно сказать, къ разряду самыхъ эксцентрическихъ, причудливыхъ дамъ, какихъ когда-либо производила горшковская сторона. Ни лѣта, ни опытность, ни долгая замужняя жизнь не въ силахъ были излечить ее отъ склонности къ романтизму и поэтическимъ грезамъ. Во-первыхъ, у нея было семь пятницъ на недѣлѣ. Иной разъ она вставала утромъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, какъ птичка, готовая порхать цѣлый день съ цвѣтка на цвѣтокъ, и вдругъ, къ обѣду, впадала въ глубокую, безотрадную меланхолію, надѣвала черный траурный капотъ, говорила о томъ только, что хочетъ идти въ монастырь, цѣлые дни отказывалась отъ пищи, довольствуясь тѣмъ только, что утромъ лизнетъ кусочекъ сахару, да ввечеру лизнетъ тотъ же кусочекъ и запьетъ все это стаканомъ воды. Въ другое время сидитъ она на диванѣ и вдругъ, совершенно неожиданно, приказываетъ запречь рыдванъ, надѣваетъ красный бархатный спензеръ, повязываетъ бирюзоваго голубка на шею, обсыпаетъ себя пудрой съ головы до ногъ, поддѣлываетъ фальшивую косу и ѣдетъ съ Антониночкой дѣлать визитъ. Находятъ опять такіе дни, когда Фанагорія Петровна безъ памяти влюблена въ Антониночку, по-

вѣряетъ ей свои сердечныя тайны и пребываетъ съ нею вообще на самой короткой, дружеской ногѣ; находятъ опять и такіе дни, впродолженіе которыхъ обѣ не перестаютъ ссориться — ни дать, ни взять, малолѣтныя пансіонскія подруги. Прошелъ часъ, другой, и Фанагорія Петровна впадаетъ снова въ меланхолію, но на этотъ разъ меланхолія ея приняла уже совсѣмъ другой характеръ: она садится въ огромныя кресла, подпирается тоскливо локтемъ, не сводитъ глазъ съ своего младенческаго портрета и струитъ потоки слезъ; или садится, въ тихомъ раздумьи, подлѣ отвореннаго окна, слушать пѣніе соловья: „Соловушка! соловушка!“ говоритъ она обыкновенно растроганнымъ голосомъ: „соловушка, спой мнѣ свою сладкозвучную пѣсню!“ Если пѣсня оказывается неудовлетворительною, она отправляется вечеромъ въ кіоскъ, возводитъ задумчиво глаза на луну, кладетъ голову на грудь Антониночки, вздыхаетъ, и новые потоки слезъ орошаютъ ея полныя щеки.

Бесѣда Фанагоріи Потровны и Балахнова была разстроена приходомъ стараго управителя, который возвѣстилъ, что кушанье подано.

— Кушать, кушать, господа! Милости прошу, Аристархъ Ѳедоровичъ! Порфирушка, полно тебѣ ходить... пожалуйте, милый, дорогой гость... я не буду мѣшать вашему аппетиту...

— Отчего же? напротивъ, вы усладите своимъ присутствіемъ нашу, и безъ того, вѣроятно, роскошную трапезу, произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, поставлявшій себѣ за непремѣнный долгъ быть краснорѣчиво любезнымъ съ прекраснымъ поломъ.

— О, льстецъ!... Всѣ вы, мужчины, таковы! проговорила вдова, лукаво грозя пальцемъ. Впрочемъ, мы займемся въ это время съ Антониночкой... Да гдѣ-жъ она?... Анціи! Тоничка! Антонія! Мы пойдемъ съ ней на берегъ пруда и нарвемъ вамъ очаровательный букетъ незабудокъ, прибавила она, жеманясь до неимовѣрности.

Аристархъ Ѳедоровичъ снисходительно улыбнулся, выпрямилъ грудь и, дружески трепнувъ по плечу Порфирія Павловича, вышелъ съ нимъ въ залу.

— Что, братецъ, съ тобой? спросилъ онъ, когда они усѣлись за столъ.

— Ахъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, что вы надѣлали!... произнесъ раздирающимъ голосомъ Васильковъ.

— Что такое?

— Помилуйте, вы сказали при Антониночкѣ, что я познакомился на станціи съ Миловзоровыми.

— Ну, что-жъ изъ этого?...

— Ахъ, еслибъ вы видѣли, возразилъ Васильковъ, едва удерживаясь отъ слезъ: — она говоритъ со мной даже не хочетъ!... Зачѣмъ вы это сдѣлали?... Боже! того-ли ждалъ я, когда мы подъѣзжали къ околицѣ!

— Э-ге-ге, братъ, такъ вотъ оно что! Ну, поздравляю: если съ этихъ поръ она начинаетъ выкидывать такія штуки — нечего сказать, сама она послѣ этого штучка, да и какая еще!...

— Нѣтъ, охъ, нѣтъ, она премилая! Но, знаете, Аристархъ Ѳедорычъ, страхъ раздражительна, какъ всѣ нервныя женщины. Боже мой, Боже мой, что вы надѣлали!

— Охъ, ужъ мнѣ эти раздражительныя! замѣтилъ Балахновъ, переносясь мыслями къ женѣ, которую онъ также считалъ почему-то раздражительною и капризною. — Вотъ ты дай-ка ей волю! продолжалъ онъ, значительно поднимая брови: — посмотри, что она изъ тебя тогда сдѣлаетъ! Она сердится, дуется, а ты самъ разсердись, отойди прочь, да и не говори съ нею ни слова во весь вечеръ: сама подойдетъ.

— Не могу, клянусь, не могу, Аристархъ Ѳедорычъ. Такъ сердце вотъ и надрывается!... Какъ взглянетъ, такъ весь точно ослабну, знаете, и даже ноги дрожать начинаютъ... клянусь! заключилъ Васильковъ, утирая глаза, въ которыхъ блеснули слезы.

Балахновъ принялся увѣщевать своего protégé — ничего не помогало: protégé ничего не ѣлъ, не пилъ и всталъ изъ-за стола окончательно разстроеннымъ.

Когда они вошли въ гостиную, Фанагорія Петровна сидѣла на диванѣ съ свѣжими розами на щекахъ и двумя пучечками незабудокъ за каждымъ ухомъ; она сидѣла, подпершись локтемъ, погруженная въ сладкое раздумье, и, казалось, не замѣчала вошедшихъ; вдругъ она испустила маленькій крикъ, вздрогнула и улыбнулась.

— Ахъ! сказала она, щуря свои глаза: — ахъ, какъ вы меня испугали!... Ну, что, Арррристархъ Ѳедорычъ, я думаю, вамъ очень не показался нашъ обѣдъ?... Извините, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; въ нашей скромной хижинѣ не найдете вы, рррразумѣется, того, что привыкли встрѣчать въ вашихъ палатахъ, продолжала она, бросая чарующій взглядъ на Балахнова, который благодарилъ за

радушный пріемъ. Порфирій, что съ тобой? Посмотрите, Аристархъ Ѳедорычъ, и это женихъ! подхватила она, указывая на Василькова, сидѣвшаго на стулѣ съ всклоченными волосами и не спускавшаго унылыхъ глазъ съ двери спальни. Ахъ, Боже мой! Тоничка, Анція! Антонія! помилуй, душа моя, что это значитъ! Посмотри на своего жениха. Отчего ты не займешь его? заключила Фанагорія Петровна, когда дочь показалась въ дверяхъ.

— Мнѣ кажется, если я не ошибаюсь, замѣтилъ съ свѣтскою шутливостью Балахновъ: — мнѣ кажется, между Антониною Васильевной и ея женихомъ пробѣжала маленькая черная кошечка... Впрочемъ, примолвилъ онъ съ улыбкой: —влюбленные всегда ссорятся, чтобъ имѣть потомъ удовольствіе помириться...

Добродушное лицо Порфирія Павловича озарилось надеждой, и подъ страшными усами его показалась улыбка; на все это мгновенно исчезло, когда Антониночка отвернулась къ окну.

Въ то же время управитель ставилъ на овальный столъ огромный подносъ, покрытый блюдечками съ вареньемъ.

— Вотъ клубника, милый сосѣдъ. Мы сами, то-есть я и Антоша, ходили рвать ее на берегъ ррручья. Аристархъ Ѳедорычъ, пожалуйста... Охъ, Боже мой, и это влюбленные! Аристархъ Ѳедорычъ! продолжала Фанагорія Петровна, подмигивая ему на дочь и жениха: —и это влюбленные... кто бы этому повѣрилъ? О, любовь! любовь! проговорила она, возводя очи къ потолку и вздыхая.—Послушай, Анція, какъ вамъ обоимъ не стыдно? Антонія, ты бы постаралась разсѣять своего жениха—это твое дѣло. Спой намъ что нибудь, мой ангелъ; ты такъ мило поешь...

— Нѣтъ, маменька, я не стану пѣть.

— Отчего же, мой дружочекъ?

— У меня болитъ горло, сухо отвѣчала барышня.

Порфирій Павловичъ чуть не заплакалъ.

— Вотъ, подхватила Фанагорія Петровна, приподымаясь съ дивана и подходя разсѣянно къ клавикордамъ: —вотъ, Аристархъ Ѳедорычъ, молодежь-то какая нынче!... горло болитъ! Ахъ, въ ея лѣта у меня никогда не болѣло горло! Въ ея лѣта я пѣла цѣлый день, какъ птичка поднебесная... и прекрасно даже пѣла...

— Вы и теперь, маменька, очень мило поете, сказалъ меланхолически Васильковъ, рѣшившись наконецъ послѣдовать совѣту Аристарха Ѳедоровича и попробовать не обращать вниманія на дурное расположеніе своей невѣсты.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ будущей тёщѣ и раскрылъ клавикорды.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не то! проговорила будущая тёща, картавя до невозможности и садясь за фортепіано.

Она украдкою взглянула на Балахнова и взяла аккордъ.

Клавикорды издали слабый, едва внятный звукъ, доступный вполнѣ тѣмъ развѣ героямъ русскихъ сказокъ, которые пользовались преимуществомъ подслушивать, какъ трава растетъ; но это нимало не смутило героини этой главы: она взяла новый аккордъ, возвела очи сначала къ небу, потомъ на Аристарха Ѳедоровича и запѣла тоненькимъ, дрожащимъ голосомъ извѣстный старинный романсъ:

Въ хижинѣ унылой
Вижу образъ милой, и проч.

Послѣднія слова, произнесенныя съ необыкновеннымъ чувствомъ, не успѣли еще слиться съ аккордомъ, когда Аристархъ Ѳедоровичъ, стоявшій за стуломъ, а за нимъ Васильковъ, все еще не покидавшій дерзновеннаго плана досадить невѣстѣ, осыпали пѣвицу похвалами. Пѣніе романса перенесло Фанагорію Петровну къ воспоминаніямъ дѣтства; она пересѣла на диванъ и принялась разсказывать исторію своихъ первыхъ годовъ. Аристархъ Ѳедоровичъ слушалъ и, повидимому, очень внимательно; но когда сосѣдка начала распространяться о супружеской жизни, выставляя въ яркихъ краскахъ полеженіе женщины, часто угнетаемой мужемъ-эгоистомъ, Балахновъ потеръ себѣ лобъ и сказалъ, что пріѣхалъ къ ней за дѣломъ.

— Оставьте насъ, дѣти; Богъ съ вами! сказала вдова, перемѣняя позу:—подите, погуляйте въ залѣ, или въ саду... Заранѣе соглашаюсь на всѣ ваши просьбы, милый, любезный сосѣдъ, добавила она, устремляя на Аристарха Ѳедоровича глаза, которые подтверждали, какъ нельзя лучше, ея слова.

Антониночка сдѣлала кислую гримасу и вышла въ залу; Порфирій Павловичъ, начинавшій уже каяться и даже приходить въ отчаяніе, что осмѣлился слѣдовать дерзкимъ совѣтамъ Балахнова, побѣжалъ за нею.

— Что вамъ отъ меня угодно? сказала Антониночка, когда онъ подошелъ къ ней, полный раскаянія и смиренія:—сдѣлайте милость, оставьте меня. У васъ есть „милыя“ дамы, съ которыми

вы знакомитесь на станціяхъ; поѣзжайте къ нимъ... я вамъ вовсе не нужна, и между нами все кончено!...

— Боже! я несчастнѣйшій человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ! воскликнулъ Васильковъ, падая на стулъ и закрывая лицо руками.

— Сдѣлайте милость, оставьте всѣ ваши фарсы; я имъ не вѣрю. Вы, можетъ быть, плачете потому, что слишкомъ скоро разстались съ вашими милыми знакомками...

— Выслушайте меня... Я невиненъ, клянусь! простоналъ Васильковъ, простирая отчаянно руки.

— Ну, что вамъ угодно? спросила жестокая Антонія, останавливаясь передъ жѣнихомъ и бросая на него презрительный взглядъ.

Снова лучъ надежды блеснулъ на лицѣ несчастнаго Василькова; онъ подошелъ къ невѣстѣ и умилительно началъ разсказывать ей исторію новаго знакомства. Расхаживая взадъ и впередъ по залѣ, они невольно услышали нѣсколько отрывчатыхъ фразъ, выходившихъ изъ гостиной.

— Да помилуйте, милый сосѣдъ, говорила Фанагорія Петровна: — я назначаю ей кучера Ермолая и прачку Ѳетинью; у нихъ еще и сынъ Михайло... Мишка... и дочка Лукерья...

— Все это прекрасно, любезная сосѣдка; но сами посудите, возражалъ убѣдительно Балахновъ: —вся часть расходовъ, свадебныя издержки на его рукахъ. Онъ человѣкъ кроткій, тратиться не станетъ; все пойдетъ вашей же дочери. Тысячи три устроютъ, какъ нельзя лучше, будущее ихъ хозяйство...

Въ другой разъ именно, когда женихъ объяснялъ невѣстѣ покупку лошадей и причины, заставившія его снизойти къ просьбѣ Миловзоровыхъ, изъ дверей гостиной ясно послышалось:

— Нѣтъ, милый, любезный сосѣдъ, вамъ, какъ я вижу, ни въ чемъ нельзя отказать...

Результатъ объясненій Василькова имѣлъ, однакожъ, самыя гибельныя послѣдствія: Антониночка пришла въ неописанное негодованіе, когда узнала, что женихъ далъ слово пріѣхать къ Миловзоровымъ и даже обѣщалъ привезти ее къ нимъ.

— Какъ? вскричала она: —и вы осмѣлились, и вы думаете, что я поѣду къ какимъ-нибудь милымъ дамамъ, которыя заводятъ знакомства съ мужчинами? Никогда, никогда этого не будетъ! слышите-ли: никогда! заключила она, топнувъ ножкой и уходя въ дверь, гдѣ раздавалась свадебная пѣсня дѣвокъ, шившихъ приданое.

Васильковъ вошелъ въ гостиную какъ приговоренный къ смерти: на немъ лица не было.

— Поздравляю! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.—Благодари, братецъ, Фанагорію Петровну: она согласилась устроить то, о чемъ я просилъ ее, то-есть выдать тебѣ денегъ на свадебные расходы.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего теперь не надо! проговорилъ Порфирій Павловичъ изнемогающимъ голосомъ.

— Какъ? что? опять поссорились?

— Нѣтъ, это ни на что не похоже! воскликнула Фанагорія Петровна.—Тоничка! Анція! Антонія! Анція! Что это, другъ мой? продолжала она, обращаясь съ плачевнымъ укоромъ къ дочери, которая входила въ гостиную.—Порфишенька, другъ мой, на что это похоже, скажите намилость? Сейчасъ же прошу помириться. Анція! поцѣлуй своего жениха. Порфирій Павлычъ, слышишь?

Антониночка снова подставила свою щеку, и какъ только женихъ поцѣловалъ ее, отошла къ окну съ самымъ недовольнымъ видомъ.

Порфирій Павловичъ упалъ окончательно духомъ.

Вскорѣ послѣ чая, который не замедлилъ явиться на овальномъ столѣ, Аристархъ Ѳедоровичъ взялся за шляпу и приказалъ подавать лошадей.

— Боже! какъ скоро день прошелъ! О, повѣрьте, милый, любезный сосѣдъ, этотъ день будетъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни! сказала Фанагорія Петровна, украшая новымъ розаномъ правую щеку сосѣда, который, между тѣмъ, разсыпался въ любезностяхъ.

— Прощайте, маменька! воскликнулъ Васильковъ, роняя слезу на руку будущей тёщи.

— Это что такое? Ахъ Боже мой!

— Маменька! Она меня не любитъ! проговорилъ Васильковъ раздирающимъ голосомъ.

Этотъ маленькій случай задержалъ на минуту отъѣздъ. Фанагорія Петровна снова потребовала, чтобъ женихъ и невѣста поцѣловались и помирились разъ навсегда. Взявъ слово отъ милаго сосѣда, что онъ не забудетъ скромной хижинки сельца Грачовки, и приказавъ Порфирію Павловичу явиться чрезъ два дня для составленія списка покупкамъ и для окончательныхъ распоряженій, Фанагорія Петровна, сопровождаемая Антониночкой, вышла на крыльцо провожать дорогихъ гостей.

— Прощайте, милый, любезный, очарррровате-ль-ный сосѣдъ!

Прощай, Порфирій! кричала она, размахивая платкомъ вслѣдъ отъѣзжающему экипажу. И долго еще махала она платкомъ, облокотившись меланхолически на плечо Антониночки, которая смотрѣла, между тѣмъ, на прудъ и заходящее солнце.

Какъ только облако золотистой пыли, поднятой колесами, улеглось на дорогу, Фанагорія Петровна спустилась меланхолически по ступенькамъ крыльца и ушла въ садъ. Долго блуждала она въ поэтическомъ экстазѣ по берегу пруда и, наконецъ, вошла въ кіоскъ. Давно уже сельцо Грачовка окуталось тѣнью; давно наступила свѣтлая лѣтняя ночь съ своими звѣздами на синемъ небѣ и тихимъ, теплымъ воздухомъ, распускавшимъ ароматъ цвѣтущихъ черемухъ и яблонь; давно показался полный мѣсяцъ изъ-за головастыхъ ветелъ, глядѣвшихъ черными массами въ серебрившійся прудъ—а Фанагорія Петровна все еще сидѣла въ кіоскѣ, слѣдя съ какою-то особенною тоскою за падающей звѣздой, или прислушиваясь къ пѣнію соловья, который трещалъ и заливался въ отдаленіи...

XI.

Николай Степановичъ Окатовъ и Софья Алексѣевна Окатова, урожденная княжна Жирофле-Никитская,— въ своемъ домашнемъ быту.

Николай Степановичъ былъ, если хотите, чудакъ, и даже страшный чудакъ, но ужъ во всякомъ случаѣ, онъ не былъ такимъ мрачнымъ и нахмуреннымъ чудакомъ, какимъ казался на видъ. Онъ дѣлался мрачнымъ только тогда, когда приводилось ему переступать за порогъ домашняго очага и ѣхать въ гости. Выѣзжать въ гости, или принимать къ себѣ гостей онъ терпѣть не могъ и составлялъ въ этомъ случаѣ совершенную противоположность Аристарху Ѳедоровичу, который, напротивъ того, обнаруживалъ мрачныя свойства каждый разъ, когда оставался безъ гостей наединѣ съ своимъ семействомъ. Источникъ несообщительности Окатова нимало не проистекалъ изъ его характера или душевныхъ наклонностей; главною виною, мнѣ кажется, была природная водобоязнь и злосчастная экспедиція изъ Петербурга въ Кронштадтъ, окончившаяся, какъ уже извѣстно, страшною качкой. Не будь онъ подверженъ водобоязни, не случись качки—надъ нимъ бы не смѣялись, и онъ не заключился бы съ раннихъ лѣтъ въ селѣ Большія-Соли, достав-

шемся ему послѣ отца. Николай Степановичъ прожилъ нѣсколько лѣтъ сряду въ глухомъ одиночествѣ, и, полный еще страшнаго эпизода, возбудившаго общій смѣхъ, дѣйствительно долженъ былъ ожесточиться противъ людей настолько же, насколько ненавидѣлъ морскую стихію. На двадцать-пятомъ году молодость взяла, однакожъ, свои права надъ мизантропіею: онъ влюбился въ бѣдную дѣвушку, женился и зажилъ семьяниномъ. Семейная жизнь была истиннымъ назначеніемъ Николая Степановича. Дни и мѣсяцы проходили у него въ сладостномъ, безмолвномъ созерцаніи хорошенькой жены, которую съ утра еще усаживалъ онъ на канапе, разодѣтую по бальному. Онъ выучилъ даже по этому случаю французскую пѣсню:

«Mire dans tes yeux, mes yeux
Charmante brunette...»

и вообще былъ такъ счастливъ своею созерцательною жизнью, что ни къ кому не ѣздилъ, никого не хотѣлъ видѣть и жену никуда не пускалъ и никому не показывалъ.

Должно полагать, однакожъ, что супруга Окатова обладала натурой въ высшей степени слабой или капризной; созерцательная жизнь произвела на нее въ скоромъ времени самое разрушительное дѣйствіе. Она начала сохнуть, вянуть, и на второй же годъ— послѣ того, какъ произвела на свѣтъ дочку—обратилась окончательно въ пепелъ, который разнесся при первомъ дуновеніи весенняго вѣтра.

Николай Степановичъ пришелъ въ неописанное отчаяніе. Онъ рвалъ на себѣ волосы, рыдалъ на весь домъ три мѣсяца сряду и цѣлый годъ не выходилъ изъ своего кабинета. Такая упорная усидчивость вошла незамѣтно въ привычку; впродолженіи пятнадцати лѣтъ много-много если онъ выѣхалъ пять или шесть разъ къ Солонееву и его дядѣ, съ которыми не былъ еще тогда въ ссорѣ. Вторая и послѣдняя женитьба Николая Степановича заточила его окончательно и почти безвыѣздно въ селѣ Большія-Соли. Женитьба эта произошла слѣдующимъ образомъ: сестра Николая Степановича, проживавшая въ Петербургѣ, изъявила желаніе взять на себя воспитаніе его дочери. Резоны, приводимые ею, были такъ очевидны и вмѣстѣ съ тѣмъ положительно здравы, что Окатовъ поневолѣ заглушилъ въ себѣ ненависть къ приморскому городу, взялъ дочь и поѣхалъ въ Петербургъ. На обратномъ пути, совершенномъ съ необыкновенною поспѣшностью, онъ завернулъ въ Москву, чтобъ ужъ

заодно повидаться съ родными и остановился у богатой, старой тётки. Къ богатой тёткѣ ѣздило много богатыхъ дамъ, и въ числѣ этихъ дамъ особенно часто показывалась княгиня Жирофлѐ-Никитская. (Князь Шасьѐ, маркизъ Жирофлѐ, французскій эмигрантъ, женился на дѣвицѣ Никитской единственно для того только, чтобъ доказать, что ему не стоило ровно никакого труда прокутить восемьдесятъ тысячъ дохода женина приданаго—и доказалъ это, нужно замѣтить, блистательнѣйшимъ образомъ. Послѣ своей смерти онъ оставилъ женѣ титулъ княгини, съ присовокупленіемъ имени Жирофлѐ къ прежней ея фамиліи и нѣсколько прелестнѣйшихъ дочерей). Можете представить, какую страшную тревогу забило чадолюбивое сердце княгини, когда она узнала, что Окатовъ вдовецъ съ изрядным состояніемъ! Она приняла въ немъ тотчасъ же самое живое участіе и изъявила самое искреннее сожалѣніе, что человѣкъ съ его именемъ, состояніемъ и достоинствами пропадаетъ для свѣта, въ которомъ могъ бы служить лучшимъ украшеніемъ, и предпочитаетъ ему одинокую, скучную деревенскую жизнь. Николай Степановичъ не возражалъ; одобренная его молчаніемъ, княгиня Жирофлѐ-Никитская сообщила человѣколюбивыя свои мысли старой пріятельницѣ, тёткѣ Окатова, и, дней пять спустя, мысли эти, переходя отъ одной къ другой, воодушевили до такой степени нѣсколькихъ почтенныхъ особъ, что онѣ, не медля ни минуты, принялись рыть траншеи, волчьи ямы, рвы, воздвигать брустверы и повели правильную осаду на владѣтеля села Большія-Соли. Блокада увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ; непріятель ворвался въ самое сердце крѣпости, разгромилъ, перебудоражилъ тамъ все и привелъ въ такую страшную слабость нравственную силу гарнизона, что крѣпости оставалось только сдать ключи и подчиниться во всемъ волѣ побѣдителей. Знамя побѣды (какъ водится въ такихъ случаяхъ) предоставлено было водрузить старшей дочери княгини, тридцати-лѣтней дѣвицѣ, необыкновенно-величавой и гордой, которая, впрочемъ, и безъ позволенія не уступила бы такого права остальнымъ сестрамъ.

Софья Алексѣевна Жирофлѐ-Никитская (такъ звали княжну) принадлежала къ числу зрѣлыхъ и энергическихъ дѣвушекъ. Сдѣлавшись хозяйкою крѣпости, она предписала ей повидимому самыя выгодныя условія мира, но въ сущности сохранила надъ нею свою власть и такъ хитро повела дѣло, что власть незамѣтнымъ образомъ обратилась въ непреложный законъ. Она сдѣлалась полною распорядительницею всѣхъ частей управленія, не выключая даже

финансовой. Николай Степановичъ, какъ новый Марсъ, попавшій въ сѣти Венеры, не воспротивился такому деспотизму: онъ былъ подавленъ величіемъ своей супруги, очарованъ ея прелестями. Несмотря на то, что самъ былъ страшно самолюбивъ, онъ сознавался въ душѣ, что предпочтеніе, оказанное ему передъ другими женихами, приносило все-таки величайшую честь его лицу, и потому, вѣроятно, находилъ превосходнымъ все, что ни предпринимала и ни дѣлала его супруга. Онъ не сказалъ даже слова, когда она объявила, что для поддержанія достоинства ей необходимо будетъ ѣздить каждую зиму въ Москву или Петербургъ.

„Княжна Жирофлѣ-Никитская!“ восклицалъ онъ обыкновенно, когда оставался наединѣ: — княжна Жирофлѣ-Никитская!... повторялъ онъ, ударяя себя ладонью въ верхнюю часть груди; потомъ, проводя ладонью по всѣмъ пуговицамъ, бросалъ величественный взглядъ въ зеркало, закидывалъ назадъ голову и начиналъ самодовольно маршировать по комнатѣ.

Пріѣхавъ въ Большія-Соли, Софья Алексѣевна объявила во всеуслышаніе, что терпѣть не можетъ провинціи и никого не удостоитъ своимъ визитомъ. Николай Степановичъ, какъ сказано выше, былъ гордъ и честолюбивъ. Онъ понялъ, что такой особѣ, какъ жена его, не слѣдъ было слоняться съ визитами по уѣзду. Не шутка — княжна Жирофлѣ-Никитская!... Слѣдствіемъ этого было, разумѣется, то, что никто изъ сосѣдей не показалъ въ Большія-Соли кончика своего носа. Все это ничего бы еще не значило: въ провинціи очень невзыскательны къ богатымъ сосѣдямъ, и Софьѣ Алексѣевнѣ стоило только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлать первый визитъ, чтобъ наводнить свой домъ многочисленнымъ обществомъ; но дѣло въ томъ, что, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Софья Алексѣевна совсѣмъ почти перестала жить въ Большихъ-Соляхъ. Сначала, вмѣсто одного выѣзда въ годъ, она начала выѣзжать три раза: вскорѣ послѣ перваго весенняго обоза, немедленно послѣ экстреннаго лѣтняго обоза, и наконецъ послѣ перваго осенняго; а тамъ уже потребовалось дышать столичнымъ воздухомъ во всякое время, когда только заблагоразсудится. Предлогомъ для такихъ поѣздокъ служили большею частію домашнія непріятности и сцены, если можно только назвать этимъ именемъ тѣ рѣдкіе случаи, когда Николай Степановичъ изъявлялъ несогласіе въ какомъ-нибудь хозяйственномъ пунктѣ. Стоило ему заупрямиться, сказать „нѣтъ“, — и ужъ все кончено: слѣдовало

затѣмъ немедленное приказаніе закладывать дормезъ и приготовлять все нужное для отправленія въ Петербургъ. Несогласія выходили большею частью изъ-за дѣтей и особенно изъ-за старшаго сына, девятилѣтняго мальчика, который былъ любимцемъ отца и матери.

Итакъ, Николай Степановичъ жилъ почти одинъ-одинешенекъ въ своихъ Большихъ-Соляхъ. Дѣти, старая француженка-гувернантка, мадамъ Бускѐ, и мужъ ея, мосье Бускѐ—составляли все его общество. Несмотря на то, онъ былъ чрезвычайно доволенъ. Взглянувъ на него въ домашнемъ быту, вы не повѣрили бы, что передъ вами находится тотъ самый господинъ, который еще наканунѣ казался такимъ мрачнымъ и молчаливымъ. Онъ не переставалъ разговаривать съ дѣтьми, съ мосье Бускѐ и съ мадамъ Бускѐ, не переставалъ въ то же время расхаживать быстрыми шагами по залѣ, выпивая на каждомъ поворотѣ стаканъ свѣжей воды со льдомъ и самодовольно закидывая назадъ голову. Изрѣдка лишь останавливался Николай Степановичъ, чтобъ посмотрѣться въ зеркало, ударить себя въ грудь ладонью, потомъ провести ладонью по пуговицамъ и воскликнуть самодовольно: „Ни-ко-лай Сте-панычъ Ока-товъ... о! о! оо!!!“ Онъ любилъ также иной разъ прочесть во всеуслышаніе басню Измайлова, или страничку изъ „Энеиды“ Котляревскаго, которую считалъ первымъ сочиненіемъ въ мірѣ, но смѣло можно утверждать, что бесѣду съ мадамъ Бускѐ предпочиталъ онъ всѣмъ остальнымъ удовольствіямъ. Онъ любилъ повѣствовать ей о своихъ мореходныхъ похожденіяхъ по Финскому заливу, изображая яркими красками страшную картину качки, умѣлъ незамѣтнымъ образомъ перейти къ описанію того, какъ женился на первой женѣ, потомъ на второй, и кто такая была его вторая жена; затѣмъ, слѣдовали горячіе споры о томъ, что есть въ Россіи и чего нѣтъ на берегахъ Луары; потомъ разговоръ переходилъ къ воспитанію дѣтей. Николай Степановичъ соглашался во всѣхъ пунктахъ съ мадамъ Бускѐ и говорилъ обыкновенно, указывая ей на бѣлые воротнички и щегольскую одежду дѣтей своихъ: „J'aime ç'est, madame; ca noble, s'est noble; j'aime ça...“ Николай Степановичъ очень плохо говорилъ по-французски, но, несмотря на то, чрезвычайно любилъ изъясняться на этомъ языкѣ. Присутствуя постоянно въ залѣ при дѣтскихъ урокахъ, онъ самъ сдѣлался въ скоромъ времени ученымъ и очень дѣльно разсуждалъ иной разъ объ отвлеченныхъ предметахъ. Какъ всѣ новички учe-

наго званія, онъ любилъ похвастать своими свѣдѣніями, пріобрѣтенными наканунѣ. Такъ, напримѣръ, почерпнувъ у мадамъ Бускѐ какую-нибудь премудрость, онъ немедленно отправлялся въ комнату мосье Бускѐ и сообщалъ ему о почерпнутой премудрости, съ увѣренностью человѣка, давно обдумавшаго этотъ предметъ. Мосье Бускѐ кивалъ головою, разсыпался въ комплиментахъ, и Николай Степановичъ возвращался въ залу, не забывъ напередъ остановиться передъ зеркаломъ, чтобы ударить себя въ грудь и воскликнуть торжественно: „Ни-ко-лай Сте-па-нычъ Ока-товъ! о! о! о!“ Изъ этого ясно, кажется, видно, что Николай Степановичъ, благодаря врожденной любознательности и склонности къ семейной жизни, не могъ скучать въ домашнемъ быту даже и тогда, когда Софья Алексѣевна находилась въ отлучкѣ.

Мы застаемъ Николая Степановича на другой день послѣ пріѣзда его изъ Горшкова. Онъ возвратился домой очень поздно и, къ величайшему своему ужасу, долженъ былъ сдѣлать половину дороги въ ночное время. Но теперь онъ всталъ, умылся, выбрился, одѣлся (Николай Степановичъ одѣвался дома такъ же чисто и тщательно, какъ одѣваются другіе, когда ѣдутъ въ гости). Распросивъ гайдуковъ своихъ, Прошку и Сѣвку, о томъ, проснулась-ли барыня, и получивъ отрицательный отвѣтъ, Николай Степановичъ выпилъ стаканъ воды со льдомъ и вышелъ въ залу.

Бьетъ десять часовъ. Посреди залы стоитъ круглый, складной дубовый столъ, покрытый черной клеенкой; на столѣ разбросаны книги, прописи, тетради. Во главѣ сидитъ мадамъ Бускѐ, крошечная старушка съ необыкновенно добродушнымъ лицомъ, покрытымъ безчисленнымъ множествомъ тоненькихъ морщинокъ и украшеннымъ очками въ черепаховой оправѣ. На ней темный коричневый капотъ и необъятной величины чепецъ съ свѣтло-желтыми лентами. По обѣимъ сторонамъ ея сидятъ дѣвочки, лѣтъ семи и весьми—обѣ одѣтыя чрезвычайно чисто и даже щеголевато; онѣ пригнулись съ высокихъ стульевъ на столъ и прилежно выводятъ тоненькими ручками какія-то каракули, изрѣдка отбивая ладонью длинные каштановые локоны, которые то и дѣло падаютъ имъ на глаза. Немного поодаль сидитъ девятилѣтній мальчикъ въ темнозеленой курточкѣ и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, воротничкахъ. Онъ положилъ одну ногу на стулъ, локтемъ уперся въ книжку и разсѣянно смотритъ въ потолокъ, наблюдая движенія мухъ.—„Dites donc le bonjour à papa!“ говоритъ мадамъ Бускѐ, дѣлая кник-

сенъ. Дѣвочки цѣлуютъ руку отцу, садятся на свои высокіе стулья и принимаются усердно выводить каракули. Мальчикъ бросается на шею къ папашѣ, возвращается на свое мѣсто и продолжаетъ слѣдить за мухами. Видно по всему, что онъ баловень.

Бьетъ половина одиннадцатаго. Николай Степановичъ выпиваетъ новый стаканъ воды со льдомъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, разглаживая грудь и останавливаясь по временамъ передъ зеркаломъ. Мадамъ Бускѐ вооружается книгой и диктуетъ тихимъ голосомъ эпизодъ изъ греческой исторіи.

Бьетъ одиннадцать часовъ. Николай Степановичъ выпиваетъ еще воды и продолжаетъ расхаживать по залѣ, прислушиваясь любознательно къ тому, что диктуетъ гувернантка. Мало-по-малу, лицо Николая Степановича принимаетъ глубокомысленно задумчивое выраженіе, онъ устремляетъ мысленный взоръ на великихъ людей древней Аттики и мысленно заводитъ съ ними пріятную, поучительную бесѣду. Дѣло дошло до Сократа; Николай Степановичъ хмуритъ брови и принимаетъ гордую осанку, какъ-будто встрѣтилъ въ кругу пріятелей совершенно незнакомое лицо. Бьетъ половина двѣнадцатаго, недоумѣніе насчетъ Сократа усиливается; мысленный взоръ Николая Степановича никакъ не можетъ помириться съ этимъ новымъ лицомъ. Наконецъ, любовь къ древнему аттическому міру беретъ верхъ надъ предразсудками. Николай Степановичъ выпиваетъ стаканъ воды со льдомъ, подходитъ къ столу и, устремивъ тревожно безпокойный взоръ на мадамъ Бускѐ, спрашиваетъ густымъ отрывистымъ басомъ: „Dites moi, madame, est-ce que Socrate était français?...“

Мадамъ Бускѐ подымаетъ голову и отвѣчаетъ учтиво:

— Non, monsieur, était, un Grec...

Николай Степановичъ очень доволенъ своимъ ученымъ изслѣдованіемъ; мысленный взоръ его видитъ теперь очень ясно; густыя брови его распрямляются; онъ бросаетъ привѣтливую улыбку навстрѣчу мудрецу и выпиваетъ новый стаканъ воды.

Бьетъ двѣнадцать часовъ. Николай Степановичъ самодовольно закидываетъ назадъ голову и направляется уже въ комнату господина Бускѐ чтобъ сообщить ему плодъ своихъ историческихъ розысканій, какъ вдругъ дверь въ залу отворяется и на порогѣ показывается Софья Алексѣевна.

— Dites donc le bonjour à maman! говоритъ мадамъ Бускѐ, дѣлая книксенъ. Софья Алексѣевна протягиваетъ руку двумъ дѣ-

вочкамъ, нѣжно прижимаетъ къ своему материнскому сердцу сына, киваетъ головой гувернанткѣ и протягиваетъ руку Николаю Степановичу.

Софьѣ Алексѣевнѣ сорокъ лѣтъ, но она до сихъ поръ еще прекрасна, несмотря на то, что полнота начинаетъ замѣтнымъ образомъ овладѣвать ея стройною таліей. Она держится необыкновенно величаво, прямо, и потому сохраняетъ свой ростъ, который давно, еще въ Москвѣ, когда она была княжной Жирофлѣ-Никитской, заслужилъ ей названіе Семирамиды. Она причесана en cheveux, безъ чепчика, и бѣлокурые, золотистые, густые ея волосы обрамливаютъ изящными бандо свѣжее лицо, украшенное прелестнымъ ртомъ и зубами бѣлизны ослѣпительной. Шелковый синій капотъ, обшитый такими же шнурками, согласуется, какъ нельзя болѣе, съ ея полными, бѣлыми руками и шеей, окруженной широкими кружевами, падающими, какъ пѣна, на высокую ея грудь.

Потрепавъ еще разъ своего сына по плечу и взглянувъ въ тетради дочерей, Софья Алексѣевна поплыла величаво, точно фрегатъ на всѣхъ парусахъ, въ боковую гостиную и усѣлась на диванъ.

За ней выступилъ Прошка съ серебрянымъ подносомъ, уставленнымъ фарфоромъ и серебрянымъ чайникомъ, покрытымъ тонкою салфеткой; за Прошкой слѣдовалъ Сѣвка, почтительно держа руками, обтянутыми въ бѣлыя вязаныя перчатки, корзину съ хлѣбомъ и булками.

Николай Степановичъ подошелъ къ зеркалу, пригладилъ на вискахъ пучки сѣдыхъ завитковъ, пришедшихъ въ разстройство въ тяжелое время историческихъ его розысканій, и сѣлъ подлѣ жены.

— Какъ ты себя чувствуешь, другъ мой? спросилъ онъ, облокачиваясь локтемъ на ручку креселъ.

Софья Алексѣевна медленно приподняла рѣсницы, сдѣлала какое-то движеніе губами и сказала разсѣянно:

— Не совсѣмъ хорошо...

Софья Алексѣевна, нужно замѣтить, была не въ духѣ въ это утро: она ждала, нѣсколько дней сряду, писемъ, которыя должны были ускорить ея отъѣздъ въ Петербургъ.

— Гдѣ вы были вчера? спросила она, едва трогая губами и принимаясь перелистывать французскій романъ, лежавшій на столѣ подлѣ чайнаго прибора.

— Я ѣздилъ, другъ мой, въ Горшковъ; просилъ Балахновъ, словоохотливо началъ Николай Степановичъ.

— Опять Балахновъ! и вѣчно, вѣчно одинъ и тотъ же Балахновъ! Что же нужно этому Балахнову?... возразила супруга, продолжая перелистывать одною рукою романъ, тогда какъ другая рука ея протягивалась къ чашкѣ.

— Знаешь, другъ мой, ту долину, что прежде принадлежала Солонееву... ну, да словомъ, та самая, что выходитъ на большую дорогу?... Балахновъ просилъ меня продать ее, и мы ѣздили въ Горшковъ, чтобъ совершить купчую.

Брови Софьи Алексѣевны сдѣлали выразительное движеніе; она подняла голову.

— Мнѣ кажется, сказала она ровнымъ, величавымъ голосомъ:—мнѣ кажется, вамъ не мѣшало бы прежде спросить объ этомъ мое мнѣніе; долина эта мнѣ всегда очень нравилась; я даже думала устроить въ ней современемъ небольшой паркъ, куда бы можно было ѣздить верхомъ.

— Помилуй, душенька! сказалъ Окатовъ, разглаживая грудь:—ты никогда почти не живешь здѣсь; притомъ долина отстоитъ отъ насъ за двадцать пять верстъ; она составляетъ совершенный особнякъ и никуда, ни къ чему не годна... Впрочемъ, что говорить объ этомъ! прибавилъ онъ, поправляя галстукъ и потряхивая головой:—дѣло уже сдѣлано, я далъ слово Балахнову.

— А я вамъ говорю коротко и ясно, что не хочу, чтобъ долина была продана, и тѣмъ менѣе продана Балахнову! отвѣчала Софья Алексѣевна, сухо поворачиваясь къ нему спиною.

— Экая досада! Что бы тебѣ, другъ мой, сказать мнѣ прежде о своихъ намѣреніяхъ! Я бы, конечно, и думать не сталъ; все было бы сдѣлано, какъ ты желаешь. Помилуй, можно бы даже устроить тамъ не только паркъ, но разбить цѣлый садъ въ англійскомъ вкусѣ... какъ тебѣ только хочется... Усадить главный видъ тополями, сиренью, выписать изъ Москвы статуй отъ Кампіони, главное мѣсто украсить статуею, знаешь, этого Сократа... знаменитаго грека, заключилъ онъ, дѣлая особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Подите, пожалуйста, разсказывать ваши вздоры мадамъ Бускѣ, если хотите! возразила нетерпѣливо супруга:—однимъ словомъ, я вамъ сказала, что не хочу, чтобъ вы продавали эту долину; кажется, ясно? прибавила она, толкнувъ чашку и принимаясь за свой романъ.

— Къ несчастью, другъ мой, этого никакъ нельзя сдѣлать.

— А я вамъ говорю, что можно, должно и будетъ сдѣлано.

Лицо Николая Степановича приняло безпокойное выраженіе, и черныя брови его обнаружили всѣ признаки лихорадочнаго состоянія; впрочемъ, онъ скоро оправился и сказалъ довольно даже рѣшительно:

— Этого нельзя сдѣлать.

Софья Алексѣевна захлопнула книжку и бросила на мужа взглядъ, какой бросаютъ люди съ высоты страсбургской колокольни.

— Нельзя! упрямо повторилъ Окатовъ.

— Что жъ? вы вѣрно хотите, чтобъ я сейчасъ же велѣла приказчику написать Балахнову, чтобъ онъ не смѣлъ думать о долинѣ?... воскликнула Софья Алексѣевна, покрываясь румянцемъ.

— Нѣтъ, да что жъ это такое? заговорилъ Николай Степановичъ и вдругъ самъ побагровѣлъ и крикнулъ: — я этого не позволю, сударыня!

— Ха! ха! ха! вы не позволите! вы?... вы?... вы?... залилась истерически Софья Алексѣевна:—а вотъ мы посмотримъ! заключила она, быстро приподымаясь съ дивана и дергая за сонетку.

— Я этого не позволю, сударыня! повторилъ съ возрастающимъ жаромъ супругъ, закидывая назадъ голову и принимаясь размахивать руками.

— А когда такъ, сказала Софья Алексѣевна, перемѣняя мгновенно интонацію и направляясь въ залу: — когда такъ, закладывать дормезъ! крикнула она, обращаясь къ Сѣвкѣ, который бѣжалъ на звонъ колокольчика.—Madame Bousquet, allez habiller le petit!

— Madame part?...

— Oui, à l'instant... preparez le petit... Что жъ ты? продолжала Софья Алексѣевна, обращаясь къ оторопѣвшему Сѣвкѣ:— слышишь, чтобъ сейчасъ же закладывали дормезъ: я ѣду въ Москву.

— Я этого не позволю. Не смѣть запрягать дормеза! произнесъ Николай Степановичъ, теряясь окончательно.

Софья Алексѣевна окинула молніеноснымъ взглядомъ залу и вылетѣла въ спальню. Николай Степановичъ замаршировалъ по залѣ, обнаруживая страшное волненіе; мадамъ Бускѣ побѣжала съ дѣтьми, вслѣдъ за матерью; одинъ Сѣвка, какъ окаменѣлый, стоялъ на порогѣ, выставивъ правую ногу въ залу, а лѣвую въ переднюю.

Внезанно въ сосѣднихъ покояхъ раздался пронзительный крикъ. Крикъ этотъ, казалось, пробуравилъ насквозь Николая Степановича; горячность его мгновенно исчезла; онъ остановился и на широкомъ лицѣ его изобразился испугъ.

— Что такое? произнесъ онъ, обращая тревожные глаза на дверь, ведущую въ женину половину.

— Madame se trouve mal! крикнула госпожа Бускѐ, выбѣгая въ залу и спотыкаясь на каждомъ шагу, какъ-будто увлекалъ ее собственный ея чепчикъ.

Еслибъ сказали Николаю Степановичу, что Большія-Соли очутились на морскомъ берегу, или громъ упалъ прямехонько противъ его оконъ, или, что оба эти несчастія случились въ одно и то же время, онъ не отпрянулъ-бы отъ мадамъ Бускѐ съ такою быстротою, какъ сдѣлалъ это въ настоящую минуту.

Буря, громъ, спазмы, истерики, обмороки, корчи, пожаръ или видъ мертваго тѣла—потрясали съ одинаковою силою энергическую натуру Николая Степановича.

Когда, вслѣдъ за восклицаніемъ мадамъ Бускѐ, раздалась по всему дому суматоха, и во всѣхъ концахъ его забѣгали горничныя съ крикомъ: „барынѣ дурно!“ Николай Степановичъ почувствовалъ такую слабость, что едва устоялъ на ногахъ. Все, что онъ могъ сдѣлать — это закрыть, какъ можно скорѣе, лицо лѣвою рукой.

— Боже мой! проговорилъ онъ, и вдругъ, собравъ остатокъ силъ, бросился со всѣхъ ногъ въ кабинетъ, плотно притворилъ дверь и отскочилъ въ самый задній уголъ. Опорожнивъ безсчетное количество стакановъ съ водою, онъ успокоился настолько, чтобъ позвать людей.

Явились Прошка и Сѣвка.

— Скорѣй, ступайте, бѣгите, велите заложить четвероместныя дрожки; я ѣду въ поле... живо!... заговорилъ Николай Степановичъ, вращая во всѣ стороны испуганными глазами. Безпокойство Николая Степановича усилилось, когда онъ остался наединѣ; онъ принужденъ былъ прибѣгнуть ко второму графину, чтобъ почерпнуть немного бодрости.

— Сѣвка! крикнулъ онъ.

— Чего изволите?

— Что-жъ дрожки?

— Сейчасъ заложутъ-съ.

Николай Степановичъ принялся расхаживать по кабинету, при-

слушиваясь время отъ времени, не услышитъ ли какого-нибудь шума въ жениныхъ покояхъ.

— Сѣвка! закричалъ онъ, выпивая стаканъ воды.

— Чего изволите? отвѣчалъ, вбѣгая, Прошка.

— Что-жъ дрожки?

— Сейчасъ заложутъ-съ. Сѣвка побѣжалъ.

Николай Степановичъ выпилъ еще воды и, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, провелъ безмолвно цѣлую минуту, приподымая то одну бровь, то другую.

— Прошка! крикнулъ онъ.

— Чего изволите? отвѣчалъ, вбѣгая, Сѣвка.

— Что-съ дрожки?

— Сейчасъ заложутъ-съ. Прошка побѣжалъ.

Николай Степановичъ надѣлъ бѣлый войлочный картузъ, взялъ платокъ и табакерку, ловко юркнулъ въ залу и побѣжалъ на цыпочкахъ въ переднюю.

— Ну, что барыня? спросилъ онъ у Сѣвки и Прошки, которые спѣшили объявить, что дрожки готовы.

— Сейчасъ прошла горничная, отвѣчали гайдуки:—говоритъ, что барыню не могутъ привести въ себя.

— Боже мой! произнесъ Окатовъ, закрывая лѣвою рукой лицо и потирая правою грудь.—Скорѣй! скорѣй! подхватилъ онъ, выбѣгая на крыльцо и торопливо усаживаясь въ дрожки: — пошелъ въ поле, на Рожевскую Слободку! Ухъ!...

Прошка и Сѣвка, вѣчные неизмѣнные спутники и тѣлохранители Николая Степановича, размѣстились: одинъ сѣлъ на козлы, другой сталъ на запятки, и дрожки, чрезвычайно похожія въ эту минуту на двѣ огромныя башни, соединенныя у основанія плотнымъ, коренастымъ зданіемъ, увѣнчаннымъ круглою головою и сѣдыми завитками на вискахъ, покатили по проселку и вскорѣ оставили за собою село Большія-Соли.

Теперь только понялъ Николай Степановичъ, какъ поступилъ необдуманно, давъ такой сильный розмахъ своей вспыльчивости; горячая голова его, освѣженная тѣнья двухъ башень, между которыми она находилась, и также вліяніемъ свѣжаго воздуха, обсудила ясно и здраво критическое положеніе, въ какое ввергнула своего властелина. Устремивъ мысленный взоръ въ спальню жены, Николай Степановичъ невольно содрогнулся, взглянулъ назадъ и далъ себѣ слово никогда, ни въ какомъ случаѣ не противорѣ-

чить Софьѣ Алексѣевнѣ. „Пускай дѣлаетъ что хочетъ!“ таковъ былъ результатъ его размышленій. Мало-по-малу, онъ углубился въ самого себя и удостовѣрился, не безъ особеннаго удовольствія, что ни мало не преувеличивалъ, когда говорилъ господину и госпожѣ Бускѣ, что обладаетъ необыкновенно энергическимъ, вспыльчивымъ характеромъ.

„Да, я горячъ, страшно горячъ!“ думалъ Николай Степановичъ, самодовольно ухмыляясь и покачиваясь въ своихъ дрожкахъ: — „страшно горячъ и, что хуже всего, мстителенъ, ужасно мстителенъ. Не даруй мнѣ Богъ силы воли и твердости духа, не умѣй я владѣть собою — горячность моя и мстительность надѣлали-бы давнымъ-давно множество несчастій“. Подвергнувъ такому строгому разбору опасныя свои наклонности и предавъ безпощадному анализу свирѣпыя свои страсти, Николай Степановичъ, подобно всѣмъ людямъ, заглядывающимъ зоркимъ окомъ въ тайникъ собственной души своей, почувствовалъ себя облегченнымъ отъ огромной тяжести. Узнавъ отъ кучера, что они отъѣхали уже съ десятокъ верстъ отъ Большихъ-Солей, Николай Степановичъ велѣлъ ѣхать въ Рожевскую Слободку; встрѣтивъ на дорогѣ стадо шленскихъ овецъ и грозно стоящаго посреди ихъ барана, онъ измѣнилъ, однакожъ, своему намѣренію и, закрывъ лѣвою рукой лицо, приказалъ, какъ можно скорѣе, свернуть съ дороги и ѣхать на ферму. Остановившись за четверть версты отъ фермы, Николай Степановичъ послалъ Сѣвку и Прошку разузнать обстоятельно отъ скотницы и самимъ разсмотрѣть хорошенько, крѣпко-ли привязанъ на цѣпи свирѣпый тирольскій быкъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Николай Степановичъ бережно сошелъ съ дрожекъ и съ подобающею осторожностью, помѣстившись въ сосѣдствѣ тирольскаго быка, принялся завтракать, прислушиваясь къ малѣйшему шуму и шороху.

Онъ, безспорно, провелъ-бы пріятнѣйшимъ образомъ эти три-четыре часа прогулки, если-бъ не омрачала ихъ поминутно мысль о томъ, какъ вернется онъ домой и въ какомъ видѣ предстанетъ передъ Софьей Алексѣевной. Онъ проклиналъ тогда поѣздку свою въ Горшковъ, связь съ Балахновымъ, не забывая при этомъ помянуть нелегкими эпитетами несчастную долину, которая между тѣмъ, нимало не подозрѣвая людскихъ гоненій, сіяла подобно невинной молодой жертвѣ во всей красѣ своей. Высоко подымались стройныя березы, осѣнявшія ея плавные, мягкіе склоны, покрытые сосной, травой и пестрыми цвѣтами; ярко блистала густая, моло-

дая листва деревъ, бросая синія, сквозныя тѣни на пыльную окраину большой дороги, охваченную знойнымъ солнцемъ.

По мѣрѣ приближенія къ Большимъ-Солямъ, жажда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и волненіе начали снова безпокоить Николая Степановича. Сѣвка и Прошка должны были поминутно снабжать его водою, которая бралась всегда въ дорогу и заключалась въ баклажкѣ, привязанной къ запяткамъ. Мысленный взоръ Николая Степановича не переставалъ устремляться въ боковую гостиную, гдѣ, по всѣмъ соображеніямъ, должна была находиться теперь Софья Алексѣевна. Какъ приступить ему къ мировому объясненію? какъ увѣрить ее?... И еслибъ можно было это сдѣлать безъ предварительныхъ приступовъ и разговоровъ, какъ увѣрить ее, что онъ на все готовъ, заранѣе соглашается на всѣ ея прихоти и требованія, просить взять въ соображеніе его вспыльчивость и увѣряетъ ее, что впредь употребитъ всю силу воли, всю твердость духа и энергію для обузданія свирѣпыхъ страстей своихъ?... Размышляя такимъ образомъ, Николай Степановичъ опять-таки проклинаетъ поѣздку свою въ Горшковъ, связь съ Балахновымъ и долину, которую, какъ нарочно, въ эту самую минуту благословляла цѣлая толпа старыхъ богомолокъ, расположившихся усталыми, дряхлыми членами подъ свѣжею, прохладною тѣнью высокихъ березъ, окаймлявшихъ пыльную дорогу.

— Сѣвка! закричалъ Николай Степановичъ, когда дрожки стали подъѣзжать къ дому.

— Чего изволите, сударь? спросилъ Сѣвка, наклоняясь съ запятокъ и образуя надъ своимъ господиномъ, помощью спины, головы и плечъ огромную арку.

— Посмотри, да и ты, Прошка, не зѣвай: посмотрите, не видать-ли кого въ окнахъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчали въ одно время Сѣвка и Прошка, становясь на цыпочки и вытягивая длинныя свои шеи по направленію къ окнамъ.

Они не ошиблись; въ окнахъ не было видно живого лица, и даже самый домъ казался въ эту минуту какимъ-то мертвымъ тѣломъ, лишившимся души. Широкій дворъ не представлялъ признака жизни и обыкновенной, всегдашней суеты. Даже на крыльцѣ, куда выбѣгали всегда люди въ случаѣ пріѣзда господъ, никого теперь не было. Предчувствіе чего-то недобраго мгновенно закралось въ энергическую душу Николая Степановича.

— Гдѣ-жъ люди? спросилъ онъ, входя въ переднюю и наталкиваясь на горничную, бежавшую изъ залы.

— Уѣхали съ барыней, отвѣчала, вся всплыхнувъ, субретка.

— Какъ? куда?... воскликнулъ Николай Степановичъ, роняя картузъ и растопыривая руки.

— Изволили приказывать въ Москву... проговорила дѣвушка, оторопѣвъ окончательно при взглядѣ на лицо господина.

Николай Степановичъ влетѣлъ въ залу и, увидѣвъ мадамъ Бускѐ, сидѣвшую только съ двумя дочерьми, отступилъ на три шага и страшно заморгалъ глазами.

— Madame est partie! сказала госпожа Бускѐ, разводя руками.

— А гдѣ-жъ Павлушка? Пашенька гдѣ? où est Paul?... спросилъ Окатовъ, едва удерживаясь на ногахъ.

— Madame a pris le petit avec! отвѣчала госпожа Бускѐ.

— Какъ, Пашеньку увезла съ собою? Пашу?... Пашку?... закричалъ Николай Степановичъ, топая ногами и вдругъ побагровѣлъ и зашатался, какъ свая, подмытая водою.

— Мнѣ дурно, проговорилъ Николай Степановичъ:—ударъ! ударъ!... Прошка! Сѣвка! льду! скорѣй льду...

Люди, сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ въ залу, подхватили его подъ руки, ввели въ кабинетъ и усадили на диванъ.

— Развязывай галстукъ! скорѣй! ну! ну! повторялъ Окатовъ:—а гдѣ-жъ ледъ? скоро-ли?

— Здѣсь, сударь, сказалъ Сѣвка, вбѣгая въ кабинетъ: — тамъ, сударь, какая-то карета, говорятъ, заворачиваетъ въ нашу сторону...

— Отказать, глупцы, отказать! Такъ, три крѣпче... ухъ, слава Богу, легче... Отказать! сказать, что никого нѣтъ дома...

— Барыня изволятъ назадъ ѣхать! провозгласилъ Прошка, входя въ кабинетъ.

Кровь Николая Степановича мгновенно отклынула отъ головы, и ему тотчасъ-же стало лучше. Онъ выслалъ всѣхъ людей, привелъ въ порядокъ свой туалетъ, выпилъ стаканъ воды и, притворивъ дверь кабинета, принялся расхаживать быстрыми шагами по комнатѣ. Ему стало легче столько-же морально, сколько физически; онъ обсудилъ съ необыкновенною быстротою, что, пользуясь выходкой Софьи Алексѣевны, онъ несравненно легче получитъ прощеніе.

Но какъ горько ошибался хитрый и проницательный Николай Степановичъ! Софья Алексѣевна возвращалась домой въ самомъ

нервозномъ состояніи и была сильнѣйшимъ образомъ раздражена противъ мужа. И дѣйствительно, было отчего: всякій разъ, какъ ей случалось выкидывать такія штуки, то есть исчезать въ дормезѣ на нѣсколько часовъ изъ дому, и сколько ни запоминала она такихъ случаевъ впродолженіе десятилѣтнаго супружества, Николай Степановичъ ненарушимо сохранялъ обыкновеніе посылать въ догонку верховыхъ людей, цѣлую ватагу дворовыхъ и самъ летѣлъ на дрожкахъ умолять ее о возвращеніи. И что жъ? теперь ничего! Хоть бы какой-нибудь намекъ на раскаяніе съ его стороны! Софья Алексѣевна была чрезвычайно раздражена.

Войдя въ залу, она бросила на столъ шляпу, шаль и, нѣжно обхвативъ Павлиньку, направилась въ боковую гостиную.

Николай Степановичъ успѣлъ въ это время выпить нѣсколько стакановъ воды и окончательно ободриться. Онъ вошелъ въ залу, пригладилъ предъ зеркаломъ свои сѣдые завитки и, призвавъ на помощь всю твердость могучаго своего духа, вошелъ въ гостиную.

Софья Алексѣевна сидѣла на кушеткѣ, держа на колѣняхъ сына. Сколько ни умѣла она владѣть собою и какъ ни велика была ея энергія, однакожъ, при видѣ недостойнаго отца этого нѣжно-любимаго сына, вся кровь закипѣла въ материнскомъ ея сердцѣ, и потоки горькихъ слезъ заструились по прекраснымъ щекамъ ея.

Николай Степановичъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но Софья Алексѣевна остановила его движеніемъ руки и, прижавъ голову сына къ груди своей, сказала нѣжно, разглаживая ему волоса:

— У тебя нѣтъ отца, бѣдный мой Павликъ! Ты сирота, круглый сирота; у тебя нѣтъ отца!

— Я отецъ! я! я отецъ! воскликнулъ разстроеннымъ, взбудораженнымъ голосомъ Николай Степановичъ.

Онъ сдѣлалъ снова движеніе впередъ, намѣреваясь обнять всѣхъ вмѣстѣ, и мать и сына, но Софья Алексѣевна снова отстранила его рукой и, положивъ голову свою на голову сына, продолжала:

— Нѣтъ у тебя отца, мой Павликъ, нѣтъ его! А если и есть—ему все-равно, гдѣ бы ты ни былъ. Еслибъ судьба закинула тебя на край свѣта, продолжала она, бросивъ мокрый взглядъ на Николая Степановича, который тихо всхлипывалъ:—еслибъ тебя занесли на край свѣта, мой Павликъ, и тутъ онъ не позаботился-бы о тебѣ... Нѣтъ, пусть уже лучше не будетъ у тебя отца! Нѣтъ его у тебя!

— А какъ же, maman, папаша-то? онъ-то что жъ? весело спросилъ мальчикъ.

— Павликъ! Павликъ! зарыдалъ Николай Степановичъ, бросаясь обнимать сына.—Софья, Соничка! прости меня, другъ мой, забудь старое. Все, что хочешь, приказывай! говорилъ онъ, цѣлуя ея руки и умоляя ее не сердиться: — а долину эту и говорить нечего... Я сейчасъ напишу Балахнову! Слава Богу еще, что купчую-то не совершили, и все можно поправить! заключилъ онъ, обдувая платкомъ раскраснѣвшіеся глаза свои.

На этомъ условіи миръ былъ заключенъ, и вся семья, со включеніемъ мадамъ Бускѐ (мосье Бускѐ рѣдко выходилъ изъ своей комнаты), усѣлась обѣдать.

Бьетъ восемь часовъ. Письмо къ Балахнову запечатано и отданъ приказъ послать завтра утромъ нарочнаго въ Ханскіе-Пруды.

Бьетъ девять часовъ. Изъ Горшкова возвращается лакей съ почты и привозитъ письма. Софья Алексѣевна и Николай Степановичъ сидятъ въ гостиной, и каждый читаетъ порознь. Внезапно оба подымаютъ голову и издаютъ радостное восклицаніе. Софья Алексѣевна получила извѣстіе, что петербургская квартира ея отдѣлана, и она можетъ безпрепятственно сѣсть въ дормезъ и отправиться въ сѣверную столицу. Мадамъ Бускѐ вбѣгаетъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что жатва на берегахъ Луары такая, какой еще не запомнитъ никто на ея родинѣ, и объявляетъ въ добавокъ, что сестра ея, мадамъ Гавашъ, разрѣшилась благополучно отъ бремени. Но все это еще ничего не значитъ предъ восторгомъ Николая Степановича, когда, дочитавъ письмо до конца, узнаетъ онъ, что дочь его, та самая, что воспитывалась у сестры, выходитъ замужъ, и за кого-бы вы думали?... Нѣтъ, Николай Степановичъ глазамъ своимъ не вѣритъ! Ну, какъ бы вы думали? выходитъ за богача Мурзи-Менасова!

Николай Степановичъ взъерошиваетъ сѣдые завитки свои, бѣжитъ въ комнату господина Бускѐ, чтобъ сообщить ему радостное извѣстіе, потомъ бѣжитъ по всѣмъ остальнымъ комнатамъ, гдѣ есть люди, зоветъ Сѣвку и Прошку, говоритъ имъ: „кричи ура!“ и снова возвращается въ гостиную, чтобъ пополнить картину семейнаго счастія, или, лучше сказать, семейную картину.

Бьетъ десять часовъ. Большія-Соли погружены въ сладкій сонъ, и все вокругъ наслаждается миромъ и тишиною, въ которой

недостаетъ, однакожъ, еще двухъ маленькихъ членовъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ шелковистыми каштановыми локонами, заслоняющими поминутно грустые, печальные глазки. Гдѣ жъ эти дѣвочки?

Онѣ вонъ тамъ, въ темномъ, отдаленномъ углу залы, сидятъ подлѣ отвореннаго окна и не подходятъ къ родителямъ. Но отчего же? спроситъ читатель. Отвѣтъ очень простой: онѣ нелюбимицы.

XII.

Возвращеніе въ Ханскіе-Пруды и первыя распоряженія Аристарха Ѳедоровича. — Ардаліонъ Попельковскій озаряется болѣе яркимъ свѣтомъ.

Два вензеля, окруженные фантастическими арабесками и аллегоріями, разбросанными искусною рукою Калины, высятся уже на бѣлыхъ деревянныхъ столбахъ и украшаютъ входъ долины со стороны большой дороги. Такое распоряженіе послѣдовало въ самый день возвращенія Аристарха Ѳедоровича въ домъ своихъ предковъ. То ли еще будетъ! Тысячи великолѣпныхъ плановъ бродятъ въ головѣ Аристарха Ѳедоровича: онъ обнесетъ новоприобрѣтенную долину высокою бѣлою палисадою, прикажетъ Калинѣ расписать готическими окнами и аркадами всѣхъ возможныхъ архитектуръ, срубитъ, по этому случаю, нѣсколько березъ, чтобъ дать мѣсто башнямъ и минаретамъ, которые будутъ торчать на всѣхъ видныхъ пунктахъ. Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшился уже—имѣя въ виду окончательное пораженіе Солонеева, когда тотъ поѣдетъ по большой дорогѣ въ губернскій городъ и взглянетъ на долину—рѣшился уже перенести туда скотный дворъ, поставивъ его на то мѣсто, гдѣ стоялъ нѣкогда домъ врага, и надписать на фронтонѣ: „Службы Ханскихъ-Прудовъ“. Да, долина украсится, украсится на горе Солонееву и на удивленіе всему остальному крещеному міру! Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ ловкій охотникъ, убиваетъ такимъ образомъ двухъ зайцевъ однимъ залпомъ и, полный счастливой своей мысли, заранѣе потираетъ себѣ руки.

А между тѣмъ, сама долина покрылась тѣнью набѣжавшей тучи. Кудрявыя вѣтви молодыхъ березъ опустились сами собою и не тронутся ни однимъ листикомъ, какъ бы предчувствуя скорую свою гибель; веселые голоса птицъ, испуганныхъ звукомъ топора и говоромъ народа, посланнаго для исполненія великихъ замысловъ

умолкли; изрѣдка слышится тоскливый крикъ иволги, которая боится за гнѣздо свое, наполненное только-что вылупившимися птенцами. Грустно какъ-то! А вотъ и два молодыя дерева повалились, съ плачемъ и воемъ, на опушку; отчаянно простираютъ они свои вѣтви, какъ бы прощаясь съ товарищами дѣтства, жадно цѣпляются за землю, которая взростила и взлелѣяла ихъ и съ которой разлучаются они невозвратно, на вѣки вѣчные.

Загрустилъ даже прохожій, тащившійся по большой дорогѣ съ берестовою котомкой и лаптишками за спиною. Много прошло ихъ въ это роковое утро мимо долины: каждый, бывало, еще издали бросалъ привѣтливую улыбку навстрѣчу высокимъ верхушкамъ березокъ; каждый спѣшилъ укрыться подъ ихъ гостепріимною сѣнью—а вотъ теперь уже съ сокрушеннымъ сердцемъ подходитъ прохожій. Онъ, однакожъ, остановился, подперся палкою и смотритъ во всѣ глаза на диковинныя произведенія Калины, гордо-смотрящія съ высоты бѣлыхъ столбовъ. Къ прохожему присоединился другой и третій; мало-по-малу составилась толпа; всѣ подперлись палками и взоры всѣхъ устремились съ удивленіемъ на одинъ и тотъ же предметъ. Слово за словомъ, поднимаются толки, сужденія; каждый вставляетъ свое слово, каждый возсылаетъ похвалу великому мастеру, и всѣ вмѣстѣ дивятся человѣческой мудрости.

Калина—слава и честь художниковъ Горшковскаго уѣзда, прислушивается между тѣмъ жаднымъ ухомъ ко всѣмъ похваламъ и толкамъ. Вензеля поставлены всего нѣсколько часовъ назадъ, но онъ успѣлъ, однакожъ, вырваться, подъ разными предлогами, три раза изъ людской, и теперь въ третій разъ останавливается передъ произведеніями безсмертнаго своего генія. Любо ему глядѣть на нихъ! Дикобразы, принятые непросвѣщенною, необразованною Глафирой за барскихъ бульдоговъ, составляютъ тѣмъ не менѣе торжество и вмѣстѣ съ тѣмъ гордость Калины; онъ щуритъ глаза, потираетъ свой клинообразный носъ, обходитъ со всѣхъ сторонъ, разглядываетъ со всѣхъ боковъ, потомъ отдаляется на нѣкоторое разстояніе, величаво маршируетъ по большой дорогѣ и, не выпуская ни на секунду изъ вида драгоцѣнныхъ перловъ своей фантазіи, судитъ о ихъ эффектѣ со всѣхъ возможныхъ пунктовъ. Онъ рѣшился уже являться сюда каждое утро, чтобъ освобождать свои творенія отъ пыли и непріятностей, могущихъ произойти по случаю закоснѣлой невѣжественности подорожныхъ птицъ, грачей и галокъ, которыя, безъ зазрѣнія со-

вѣсти, изберутъ, чего добраго, мѣстомъ отдыха верхушки столбовъ — и, полный такой рѣшимости, снова возвращается къ толпѣ зѣвакъ, пожинать заслуженные лавры. Калина заводитъ умную, поучительную рѣчь, треплетъ безъ милосердія свою клюкву, двигаетъ самодовольно бровями, закидываетъ величаво голову, но, увидя между березами подходившаго Аристарха Ѳедоровича, тотчасъ же смиряется, снимаетъ съ достоинствомъ шапку и почтительно даетъ ему дорогу.

Лицо Аристарха Ѳедоровича озаряетъ, подобно солнцу, опушку печальной долины, и такъ ослѣпителенъ блескъ этого лица, что староста, Карпъ Ивановъ, къ которому онъ обращается, не можетъ смотрѣть прямо и невольно потупляетъ глаза.

— Ну что, Карпъ Ивановъ? говоритъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — надо теперь подумать о лѣсѣ. Брёвна у насъ есть свои, а что касается до тёса на палисаду, распорядись немедленно и завтра же, чѣмъ свѣтъ, пошли десятка три подводъ въ Невѣровку къ Солонееву; тамъ, я слышалъ, круглый годъ напиливаютъ тёсъ и продаютъ на барки.

— Осмѣлюсь доложить, если ваша милость...

— Что такое? перебилъ Балахновъ.

— Осмѣлюсь доложить, подхватилъ Карпъ Ивановъ: — тёсъ въ Невѣровкѣ дороже выйдетъ горшковскаго: въ Горшковѣ посходнѣе брали.

— Все вздоръ; вамъ лѣнь ѣхать въ Невѣровку, потому что дальше. Пустяки! не можетъ быть дороже. Завтра же, чтобъ посланы были подводы; а если спросятъ зачѣмъ, дескать, барину нужно столько тёсу, сказать, что купилъ у Окатова долину, ту самую, что принадлежала прежде господамъ Солонеевымъ. Если случится, что спроситъ объ этомъ самъ Солонеевъ: зачѣмъ баринъ купилъ у Окатова долину, сказать, что хочетъ перенести туда, и уже началъ переносить, скотный дворъ. Слышишь?

Карпъ Ивановъ не возражалъ, и Аристархъ Ѳедоровичъ обратился къ Калинѣ.

— Спасибо, Калина! произнесъ онъ, осматривая вензеля съ самодовольствомъ, которое ни въ чемъ не уступало самодовольствію, написанному въ эту минуту на лицѣ художника.—Спасибо, Калина, спасибо, любезный; славно! Скажи-ка ты мнѣ теперь, продолжалъ онъ, ослѣпляя окончательно великаго мастера, который странно заморгалъ глазами: — скажи-ка, можешь-ли ты расписать весь за-

боръ колоннами? Я хочу — пойми хорошенько — я хочу, чтобъ на верху коллонъ были арки, вездѣ арки, а между арками, надъ каждымъ фальшивымъ окномъ, находилось по такому же точно вензелю... понялъ ты меня?

Такой вопросъ со стороны Аристарха Ѳедоровича, который могъ усомниться въ могуществѣ Калины, и особенно въ эту минуту, естественно долженъ былъ затронуть самолюбіе знаменитаго живописца; онъ, однакожъ, оправился и отвѣчалъ съ увѣренностью человѣка, сознающаго свои силы:

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, не въ первый разъ, кажется... Извольте только приказать...

— Такъ ты берешься исполнить работу? полно, такъ-ли? увѣренъ-ли ты въ этомъ? Можешь-ли ты, напримѣръ, окончить ее къ назначенному сроку?

— Все могу, ваше высокоблагородіе, все могу! смѣло отвѣчалъ Калина: — все могу! всякій цвѣтъ могу произвести, какой только есть. Что угодно, напишу: и колонны, и вензеля, и все, и даже арабескъ можно подвести подъ карнизомъ, заключилъ онъ, дѣлая особенное удареніе на слово „арабескъ“, которое было его любимымъ словомъ.

— Ну, хорошо, любезный, хорошо. Завтра же выдадутъ тебѣ все, что нужно.

Аристархъ Ѳедоровичъ, возвратившись домой, велѣлъ тотчасъ же призвать Калину, отдалъ приказаніе, чтобъ поднесли ему рюмку водки, и принялся разспрашивать его о предварительныхъ распоряженіяхъ, нужныхъ для начала работы.

Во все это время Калина ни разу не уронилъ артистическаго своего достоинства; онъ стоялъ, глубокомысленно насупивъ сѣдыя брови, и слушалъ, казалось, очень внимательно; но когда дѣло дошло до отвѣта, изъ устъ его вынеслась вдругъ такая страшная околесица, дичь и нескладица, что Аристархъ Ѳедоровичъ невольно отступилъ шагъ назадъ и устремилъ на него изумленный взоръ. Сознавая въ эту минуту, болѣе чѣмъ когда нибудь, могущество своего генія, Калина нимало не смутился этимъ взглядомъ и продолжалъ распространяться съ возрастающей энергіей.

— Э-э-э, любезный! Да ты, просто, пьянъ, какъ я вижу! сказалъ Балахновъ, убѣждаясь изъ словъ художника, что онъ успѣлъ уже предупредить барское угощенье, желая, вѣроятно,

доказать этимъ фактомъ свою готовность къ наиболѣе поспѣшному поощренію собственнаго таланта.

— Ты пьянъ. Сидоръ, онъ пьянъ? повторилъ Балахновъ.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, проговорилъ Калина: — никакъ нѣтъ... на-счетъ, то-есть... все вижу, все могу... арабескъ могу...

Аристархъ Ѳедоровичъ кивнулъ головой камердинеру, который поспѣшилъ взять Калину подъ руки.

— Что тебѣ, пустая голова? воскликнулъ художникъ, презрительно отталкивая Сидора: — я говорю съ ихъ высокоблагородствомъ, бариномъ. У насъ идетъ, примѣрно, разсужденіе, насчетъ, примѣрно... все могу, ваше высокоб...ла...гдіе, и арабескъ могу... все могу...

— Вывести его вонъ! пошелъ, проспись прежде.

Сидоръ взялъ Калину подъ руки и, не взирая на то, что онъ настаивалъ непремѣнно, чтобъ объясниться съ бариномъ насчетъ арабеска, вывелъ его изъ кабинета.

Такая сцена, благодаря счастливому расположенію духа Аристарха Ѳедоровича, могла только разсмѣшить его, и онъ весело вышелъ въ залу. Радостное чувство, наполнявшее его душу, просвѣчивало теперь во всѣхъ чертахъ его, и вліяніе этого чувства, подобно благотворнымъ лучамъ весенняго солнца, разлило мгновенно вокругъ себя довольство и радость. Всѣ стали почему-то довольны, и всѣмъ сдѣлалось весело.

Карачаевъ былъ очень доволенъ. Онъ расположился, повидимому, на нѣкоторое время въ домѣ Балахновыхъ; впрочемъ, никто не стѣснялся его присутствіемъ—всѣ были ему очень рады. Когда Карачаевымъ не овладѣвала меланхолія и слѣдовавшая всегда затѣмъ трехсуточная спячка, или когда случалось ему измѣнять служенію Вакха, онъ дѣлался смирнымъ, веселымъ, забавнымъ собесѣдникомъ, услужливымъ и даже, иной разъ, очень полезнымъ малымъ. Во время отсутствія Аристарха Ѳедоровича съ нимъ случилось необыкновенное происшествіе: у него была старая лягавая собака, по имени Медоръ, которую оставилъ онъ у пріятеля своего, Барабанчикова. Проживъ неразлучно десять лѣтъ съ Медоромъ, Павелъ Петровичъ не безъ многихъ усилій оставилъ его на чужихъ рукахъ и не видался съ нимъ нѣсколько сутокъ. Карачаевъ не былъ охотникомъ и любилъ своего Медора безкорыстно, такъ, по привычкѣ и по естественному побужденію сердца. Можете себѣ

представить удивленіе и радость Павла Петровича, когда, проснувшись отъ несчастной спячки, напавшей на него послѣ бала, увидѣлъ онъ передъ собой Медора! Медоръ не вынесъ разлуки, перегрызъ веревку, клочокъ которой висѣлъ еще о-сю-пору у него на шеѣ, проскакалъ сорокъ верстъ безъ отдыха и, управляемый чутьемъ, достигъ до Ханскихъ-Прудовъ; онъ отыскалъ Ивана, уцѣпился за полу сюртука и потащилъ его прямо къ барскому дому, страшно махая хвостомъ передъ каждою дверью и устремляя на Ивана съ мольбою подслѣповатые глаза свои. Иванъ хотѣлъ было привести въ порядокъ туалетъ новаго гостя, но Медоръ, сгоравшій отъ нетерпѣнія, не далъ ему исполнить такого намѣренія, рванулся въ двери, обѣжалъ нѣсколько комнатъ и, прошмыгнувъ мимо испуганной Фіоны Ивановны, влетѣлъ, сломя голову, въ комнату своего господина. Обнюхавъ его съ головы до ногъ, Медоръ сѣлъ на заднія лапы противъ постели и забарабанилъ хвостомъ по полу. Припомнивъ, однакожъ, старые уроки, которые гласили, что лучшій способъ не тревожить и не подымать дичь состоялъ въ томъ, чтобъ взять стойку, Медоръ тотчасъ же измѣнилъ прежнему своему положенію; онъ всталъ на три ноги и, приподнявъ правую переднюю, вытянувъ шею, принялся караулить своего господина съ тѣмъ же притупленнымъ вниманіемъ, какъ еслибъ находилась передъ нимъ жирная, тучная куропатка. Такъ прошло добрые три часа; но когда Павелъ Петровичъ раскрылъ глаза, Медоръ уже не выдержалъ дисциплины и, позабывъ старые уроки, кинулся съ визгомъ къ нему на шею и принялся душить его своими пыльными лапами, нимало не обращая вниманія на то, что конецъ веревки шмыгалъ во все время исправнѣйшимъ образомъ по носу и щекамъ его господина. Свиданіе было самое трогательное. Но когда Лизавета Семеновна объявила, что всегда любила Медора и, въ подтвержденіе своихъ словъ, погладила его по головѣ, велѣвъ ему дать поужинать, восторженность Карачаева дошла до крайнихъ предѣловъ: онъ не переставалъ повѣствовать всѣмъ и каждому о необыкновенныхъ свойствахъ Медора и вообще такъ увлеченъ былъ мыслью о его возвращеніи, что первымъ движеніемъ его, когда Балахновъ пріѣхалъ изъ Горшкова, было сообщить ему о радостномъ случаѣ.

— Ну, братъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, écoutez, Медоръ здѣсь! закричалъ Карачаевъ, бросаясь обнимать хозяина.—Здравствуй, душа моя! И какъ, братецъ, странно: лежу въ постели, смотрю— Медоръ! Повѣришь-ли, Aristarque, душа моя, веревку отгрызъ,

за сорокъ верстъ прискакалъ—вотъ она штука-то въ чемъ! Ну, что еще?... Да, Лизавета Семеновна, слава Богу, здорова и дѣтки также... Все благополучно въ домѣ... Я за всѣмъ присматривалъ, все, братъ, надежнѣе. Ну, а гдѣ же Порфирій? Куда жъ ты его дѣлъ? заключилъ Карачаевъ, проговоривъ безъ отдыха все предъидущее.

— Я оставилъ его на половинѣ дороги, послѣ того, какъ мы выѣхали отъ Фанагоріи Петровны. Онъ отправился къ Кокуркинымъ заказывать кое-что для приданаго, отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выходя изъ коляски.

— Ну, душа моя, écoutéz: какъ же дѣла его? Надѣюсь, ты все устроишь?

— Все, все устроено, разсѣянно произнесъ Балахновъ, направляясь въ кабинетъ.

— Устроено! а? Ну, это значитъ: надо навострить лыжи да утекать отсюда. А жаль! Хотѣлось пожить съ вами.

— Это еще что такое?

— А то, душа моя, возразилъ заботливо Карачаевъ:—что... что свадьба будетъ на-дняхъ, и мнѣ, слѣдовательно, надо распорядиться: музыка, вино, то, другое, третье, десятое. Надо съѣздить къ невѣстѣ, потомъ въ губернскій городъ; все это, душа, требуетъ времени... вотъ она въ чемъ штука-то!

— Полно городить вздоръ! Все это устроится отличнѣйшимъ образомъ и безъ тебя. Сиди здѣсь и жди, пока напишутъ, что нуженъ шаферъ.

— Что-жъ? я очень радъ. Помилуй, душа моя! Ты знаешь, я готовъ тебя слушать всегда и во всемъ. Мнѣ, конечно, пріятнѣе съ вами, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Но посуди, братъ, я все насчетъ Медора; чутье-то, а? каково чутье? скажи намилость! Прибѣжалъ за сорокъ верстъ... Привязанность-то какова!

Аристархъ Ѳедоровичъ началъ одѣваться и приступилъ немедленно къ распоряженіямъ насчетъ долины. Карачаевъ возвратился къ своему Медору, и всѣ могли любоваться, какъ онъ три часа сряду, сидя на послѣдней ступенькѣ террасы, изъяснялся съ собакой, которая сидѣла на дорожкѣ и, вперивъ свои подслѣповатые глаза на хозяина, сильнѣйшимъ образомъ барабанила хвостомъ. О чемъ они толковали—неизвѣстно, но всѣмъ, однакожъ, казалось очевиднымъ, что Павелъ Петровичъ былъ очень доволенъ.

Довольна была также, и даже очень, очень довольна дѣвица

Сараманаева. Пухлое лицо ея сохраняло выраженіе невинной, но привлекательной стыдливости, точь-въ-точь, какъ въ ту завѣтную и милую для сердца минуту, когда она ловила бабочку въ темной аллеѣ стараго сада; съ той завѣтной и милой для сердца минуты, никто уже не видалъ глазъ Розаліи Владиміровны, но взамѣнъ ихъ каждый могъ вдоволь любоваться ея бѣлками. Она не переставала какъ-бы глядѣть во внутрь себя, боясь, вѣроятно, разрушить дѣйствительностью окружающей жизни поэтическій міръ своихъ мечтаній. Она всегда любила мечтать, но теперь, послѣ сцены въ саду, мечтанія стали ея потребностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладчайшей отрадой. „О, милый, милый, но жестокій, молодой человѣкъ!“ думала она, выворачивая на изнанку свои глаза: — „зачѣмъ ты не подошелъ тогда ко мнѣ? зачѣмъ не сказалъ привѣтливое слово любви? Скажи слово, одно слово — и я написала-бы тебѣ тотчасъ же милую записку! Ужасный человѣкъ! жестокій Бобоховъ!“

Тутъ дѣвица Сараманаева дѣлала обыкновенно движеніе рукою, какъ-бы защищаясь отъ безпокойныхъ ласканій нетерпѣливаго любовника, и продолжала, выставляя бѣлки свои: „Что-жъ? я не нищая, не проживалка какая-нибудь; я дворянка, и если живу у Балахновыхъ, то это потому только... о милый, милый, но жестокій молодой человѣкъ! потому что отдала имъ, отдала Аристарху Ѳедорычу свой капиталъ на сохраненіе. Конечно, пять тысячъ немного, но все же состояньице независимое, все же доказываетъ оно... Что я говорю, о Боже! Боже! развѣ любящее сердце можетъ объ этомъ думать? Нѣтъ, „ты“ повѣришь мнѣ, милый, но ужасный человѣкъ! Разбей мое слабое сердце и взгляни въ него. О! ты уже разбилъ его, коварный, ужасный молодой человѣкъ!“ Такъ думала и сокрушалась перезрѣлая весталка, но совсѣмъ тѣмъ, была очень, очень довольна.

Доволенъ также былъ Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ; и могъ ли быть несчастнымъ человѣкомъ онъ, рука котораго начертала безцѣнныя страницы „Непризнанной Индѣйки“? Причина его довольства въ настоящую минуту объясняется сама собою: перечитывая каждый вечеръ и каждое утро (въ эти минуты голова всегда свѣжѣе и разсужденія яснѣе), перечитывая лучшія мѣста изъ своей повѣсти, онъ, разумѣется, убѣждался болѣе и болѣе въ несомнѣнномъ ея достоинствѣ, и сознаніе это, естественнымъ образомъ, должно было услаждать его авторское сердце. Припоминая невѣжествен-

ные толки непросвѣщенныхъ, но тѣмъ не менѣе многочисленныхъ слушателей „Непризнанной Индѣйки“, онъ смѣялся надъ ними; особенно забавляли его — да и какъ не забавлять! — сужденія Карачаева. „Павлу Петровичу (говорилъ онъ) не могутъ быть доступны предметы высокаго поэтическаго содержанія, требующіе, какъ вѣдомо, со стороны читателя или слушателя, художественнаго такта и эстетическаго развитія“. Разбирая мысленно и строго всѣхъ своихъ слушателей, Аполлонъ Егоровичъ остановился съ удовольствіемъ на внимательномъ лицѣ Порфирія Павловича, припоминая, какъ страшно вылуплялись глаза Василькова всякій разъ, когда онъ читалъ ему свою повѣсть, и принимая страшную выпуклость глазъ за выраженіе изумленія и живѣйшаго любопытства со стороны слушателя, Дрянковъ далъ себѣ слово непремѣнно поѣхать къ нему, чтобъ усладить чтеніемъ незабвенныхъ страницъ и безъ того уже сладкій медовый мѣсяцъ молодыхъ супруговъ. Окончательнымъ намѣреніемъ его было отправиться въ концѣ іюля, или въ другое время, смотря по обстоятельствамъ, въ Москву и предать тисненію „Непризнанную Индѣйку“, которая въ настоящую минуту переписывалась набѣло рукою самого автора.

Вдова Чивадзе, или, проще, Фіона Ивановна, была также очень довольна: ревнивое сердце ея почувствовало облегченіе уже съ той минуты, какъ ненавистныя и вполнѣ презрительныя Кокуркины покинули Ханскіе-Пруды. Съ той минуты робкій лучъ надежды снова проникъ въ ея истерзанную грудь и, проясняясь постепенно, показалъ, что въ этой истерзанной груди много еще таилось огня, готоваго вспыхнуть яркимъ пламенемъ при малѣйшемъ благопріятномъ дуновеніи со стороны недостойнаго и слабодушнаго Копкова.

Въ ожиданіи, несчастная жертва страстей сама разжигала это пламя безпрерывнымъ, невольнымъ лицезрѣніемъ Прокисая Захаровича. Какъ только бѣдный проживальщикъ уходилъ въ садъ съ дѣтьми Лизаветы Семеновны, Фіона Ивановна летѣла стремглавъ наверхъ, въ свою комнату, чтобъ полюбоваться имъ еще разъ. Прокисай Захаровичъ садился у берега пруда и начиналъ играть на маленькой дудочкѣ собственнаго издѣлія; иной разъ Володя запрягалъ его въ камышевую телѣжку, и Прокисай Захаровичъ летѣлъ дробной рысцой по извилистымъ дорожкамъ; въ другой разъ, утомленный дневными трудами, онъ ложился отдыхать подъ тѣнью акацій на садовой скамейкѣ... Такія картины доставляли

неизъяснимое утѣшеніе страстной душѣ госпожи Чивадзе. Обворожительныя грезы снова зароились толпами въ головѣ ея; снова, сквозь мракъ, постепенно прояснявшійся, мелькнулъ маленькій домикъ въ уѣздномъ городѣ, пріобрѣтенный на двухтысячный капиталъ, добытый трудомъ и потомъ въ домѣ Балахнова; снова увидѣла она себя бѣгающею и суетящеюся по дѣламъ хозяйства, тогда какъ Прокисай Захаровичъ, въ зеленомъ своемъ сюртукѣ, травянаго цвѣта, сидитъ у растворенаго окна за стаканомъ чая и слегка бренчитъ на гитарѣ.

Итакъ, Фіона Ивановна была довольна; но кто сказалъ, что она могла быть довольнѣе Калины?... Никогда, никто не могъ сказать этого. Въ самомъ дѣлѣ, какія академическія залы могли сравниться съ широкимъ просторомъ большой дороги, по которой утромъ и вечеромъ, во всякое время дня, безпрерывно шелъ и ѣхалъ народъ? Завидная выставка для геніальнаго художника! Волны народа стелятся одна за другою мимо его произведеній, и далеко всюду разбѣгаются народныя волны, унося на хребтѣ своемъ имя художника... Калина понималъ это какъ нельзя лучше, и потому былъ очень доволенъ.

Принимая въ соображеніе постоянныя прогулки при лунномъ свѣтѣ карачаевскаго Ивана и Глафиры Львовны, должно полагать, что имъ было не совсѣмъ скучно. Что же касается до того гостя-лакея, который—помните, все вздыхалъ при разсказѣ Ивана—онъ, просто, былъ внѣ себя отъ радости: изумляясь, съ одной стороны, необычайному искусству карачаевскаго Ивана, вертѣвшаго на мизинцѣ тарелки и подносы, восхищаясь, съ другой стороны, геніальностью Калины и поставленный судьбою между двумя подобными людьми, онъ не могъ быть недоволенъ и выражалъ свое довольство, не переставая покачивать головою.

Но вотъ что странно; кто повѣрилъ-бы этому? Лизавета Семеновна была также довольна! Радость ея была, однакожъ, совершенно другаго рода и не выражалась никакими восторженными выходками.

Она сидѣла попрежнему у окна маленькой дѣтской, попрежнему окруженная дѣтьми, и считала себя совершенно счастливою ужъ тѣмъ, что третьи сутки пользуется тишиною и не обязана выходить въ будуаръ съ батистовымъ платкомъ въ правой рукѣ. Она любила четырехъ дѣтей своихъ съ одинаковою страстью, и нѣжное, материнское сердце ея было вознаграждено за всѣ горести,

когда замѣчала она, что ручки четырехъ дѣтей обхватывали ея шею съ одинаковою силой. Иной разъ, правда, она задумывалась, и это случалось обыкновенно послѣ того, какъ старая няня, уложивъ дѣтей, зажигала лампадку и уходила за свою каленкоровую занавѣску; она задумывалась и, положивъ локти на окно, устремляла глаза на глухую, заброшенную часть сада, освѣщенную блѣднымъ мѣсяцемъ. Одинокая, заброшенная часть сада, заброшенная потому лишь, что природа, устроивъ ее скромною, тихою, лишивъ ее живописнаго крикливаго эффекта и громко-говорящихъ за себя красотъ, не представляла-ли бѣдной женщинѣ картины ея собственнаго положенія! Она долго задумывалась, и мысли ея, смѣняясь одна другою, какъ свѣтлыя струи тихо бѣгущаго ручья, часто останавливались на мужѣ. Ей казалось страннымъ, непонятнымъ мелочное, ничтожное, пустое самолюбіе Аристарха Ѳедоровича; она содрогалась, однакожъ, при мысли, что это ничтожное, пустое самолюбіе было единственною причиною охлажденія къ ней ея мужа, было виною разстройства цѣлаго почти состоянія и, что всего хуже, могло современемъ, и даже очень скоро, лишить дѣтей ея послѣдняго куска хлѣба. Она принималась приводить на память всѣ средства, какія употребляются другими женщинами, чтобъ овладѣть своими мужьями; ей не хотѣлось властвовать надъ мужемъ; ей вовсе не нужно было безпрекословное повиновеніе ея капризамъ и прихотямъ; ей хотѣлось только владѣть сердцемъ мужа, чтобъ спасти отъ вѣрной гибели его самого и будущность дѣтей своихъ. Длинная нить горькихъ размышленій всякаго рода приводила Лизавету Семеновну къ семемству Окатова: какими тайными путями Софья Алексѣевна прокралась въ сердце своего мужа?... Нѣтъ, Балахнова никогда не пойдетъ такими путями! Къ тому же, Балахновъ не Окатовъ!... И быстро отталкиваетъ она семейную картину, съ двумя дѣтьми, грустно сидящими въ темномъ углу залы. И думаетъ она: „почему люди, готовые часто жертвовать жизнью за взглядъ совершенно посторонней, ничтожной женщины, обращаются въ ледъ и дѣлаются страшными эгоистами въ отношеніи къ собственнымъ женамъ, дяже тогда, когда жены эти не дали къ тому малѣйшаго повода?“ Она снова задумывается, и мысли ея снова возвращаются къ тому, какъ-бы завладѣть сердцемъ Балахнова. Какъ полна была-бы тогда ея жизнь! Она уносилась невольно живостью сладкой грезы, и иной разъ казалось ей, что она въ самомъ дѣлѣ счастлива! Съ какою любовью всматри-

валась она тогда въ этотъ обманчивый призракъ воображенія, какимъ трепетомъ билось ея сердце! Мало-по-малу, спокойное размышленіе вытѣсняло сладкую мечту, и грустная печальная дѣйствительность снова ложилась холодною плитою на ея сердце.

Но была одна мысль, могучая, твердая, непреклонная мысль, которая поддерживала ее въ трудной борьбѣ съ суровой дѣйствительностью. Пусть будетъ, что будетъ, она не разстанется съ дѣтьми и, какъ ангелъ-хранитель, будетъ напутствовать ихъ всюду. Пока бьется ея сердце, пока крѣпки ея руки, она не перестанетъ трудиться, будетъ добывать хлѣбъ, если нужно... Нѣтъ, дѣти ея не останутся безъ крова и призрѣнія! И она снова задумывалась, и мысли ея, смѣняясь одна другою, какъ свѣтлыя струи тихо бѣгущаго ручья, возвращались къ болѣе отраднымъ кертинамъ. Она подходила къ четыремъ постелькамъ, склоняла надъ каждой изъ нихъ блѣдное лицо свое—и, повѣрьте, въ эти минуты уже ничто не омрачало души ея: она была счастлива по-своему!

Итакъ всѣ были довольны въ старомъ домѣ Балахновыхъ, но всѣхъ довольнѣе былъ все-таки самъ Аристархъ Ѳедоровичъ. Онъ не переставалъ величаво расхаживать по всѣмъ комнатамъ, бросая привѣтливыя улыбки и свѣтлые взгляды всѣмъ и каждому, встрѣчнымъ и поперечнымъ. Иной разъ Аристархъ Ѳедоровичъ останавливался на террасѣ, закладывалъ лѣвую руку за фалды голубой венгерки, правую запускалъ въ складки манишки, качался самодовольно съ носка на каблукъ, съ каблука на носокъ, и вдругъ, какъ-бы озаренный новою, свѣтлою мыслью, спѣшилъ въ кабинетъ, гдѣ, на столѣ, между бронзовою Ѳемидой и акварельнымъ портретомъ, схожимъ съ древнимъ греческимъ мужемъ, лежалъ листъ бумаги, съ надписью наверху: „распоряженія касательно новоприобрѣтенной долины“. Тамъ Балахновъ отмѣчалъ карандашомъ свѣтлую мысль, надписывалъ съ боку: „сообщить Карпу Иванову“, и снова, величественный, сіяющій съ головы до ногъ, возвращался съ веселымъ лицомъ въ залу.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, совершавшихся за полчаса до обѣда, Сидоръ пришелъ доложить ему, что къ крыльцу подъѣхалъ какой-то господинъ и спрашиваетъ барина.

— А! это, должно быть, тотъ, что на ярмаркѣ... какъ-бишь его?... Ну, да все равно, проси въ кабинетъ, произнесъ Балахновъ, медленно отправляясь въ свою комнату.

Черезъ пять минутъ Сидоръ вводилъ Ардаліона Александровича Попельковскаго.

— Извините... „Аристархъ Ѳедовычъ“, я, можетъ-быть, васъ безпокою?... Прекрасный видъ, великолѣпное мѣстоположеніе! говоритъ съ необычайною развязанностью Ардаліонъ Александровичъ, раскланиваясь и устремляя голубоватые глаза на Балахнова, который привѣтливо улыбался и кивалъ головою.

— Здравствуйте! очень радъ... виноватъ, я все забываю ваше имя и отчество...

— Попельковскій... Ардаліонъ Александрычъ... явственно, съ выдержкою, отвѣчалъ гость, пристукивая остатками каблука и взбивая волосы.

— Садитесь...

— Помилуйте, чувствительно благодаренъ. Почелъ за обязанность засвидѣтельствовать свое почтеніе... Получивъ воспитаніе... Какой прекрасный домъ! великолѣпный видъ изъ оконъ! заключилъ неожиданно гость, оглядывая углы, стѣны и окна кабинета.

На Ардаліонѣ Александровичѣ былъ тотъ же нанковый желтый сюртучокъ, тѣ же нанковые, неизмѣримые панталоны, падавшіе на сапоги; красныя руки его вертѣли ту же замасляную фуражку и показывали явственно, что онъ долженъ былъ голодать исправнѣйшимъ образомъ послѣдніе трои сутокъ.

— Вы, можетъ быть, думаете насчетъ моего платья, началъ вдругъ Попельковскій, презрительно оглядывая свои сапоги и панталоны:—ограбленъ собственнымъ лакеемъ! Великолѣпнѣйшее помѣстье! чудный портретъ! Чей это? вашъ? У меня былъ точно такой-же; писалъ въ Москвѣ Галкинъ... Подлѣйшимъ образомъ ограбленъ! Отличное было платье... шилъ Шамбахеръ. Свой домъ на Моросейкѣ... первый портной.

— Конечно, очень непріятно; но, впрочемъ, у насъ найдется, чѣмъ поправить бѣду.

— Чувствительно благодаренъ... Осмѣлюсь спросить: что это у васъ за штука? спросилъ Попельковскій, притрогиваясь къ зубу мамонта.

— А это зубъ допотопнаго чудовища, чрезвычайно любопытная вещь. У меня одного, можно сказать, настоящій образчикъ; остальные всѣ—поддѣлки, возбужденныя гнусной спекуляціей... Но, виноватъ, вы, можетъ-быть, курите; не хотите-ли сигарку?

— Чувствительно благодаренъ. Весьма пріятно. Осмѣлюсь

спросить: есть у васъ фабрики Бѣлобородова? Я, вѣдь, другихъ не курю.

— Бѣлобородова нѣтъ, а вотъ nec plus ultra, если хотите... Что тебѣ? заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обращаясь къ вошедшему Сидору.

— Мужикъ, который ихъ привезъ, отвѣчалъ камердинеръ, указывая многозначительно на гостя: — говоритъ, что хочетъ ѣхать и проситъ денегъ.

— Ахъ, виноватъ! забылъ! Одолжите два цѣлковыхъ. Мерзавецъ, скверно ѣхалъ. Подлѣйшая лошадь! Много буду благодаренъ... произнесъ Попельковскій, поправляя волосы.

— Вели, братецъ, выдать что нужно и отпустить мужика, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ. — А, Карачаевъ! добро пожаловать! Вотъ, рекомендую тебѣ... Виноватъ, все забываю ваше имя и отчество.

— Попельковскій... Ардаліонъ Александровичъ. Весьма пріятно познакомиться! проговорилъ гость, подавая руку Карачаеву и раскланиваясь.

Наружность новаго знакомца произвела на Павла Петровича съ перваго же раза самое непріятное впечатлѣніе; онъ холодно пожалъ ему руку и тотчасъ же вышелъ изъ кабинета. Останься Карачаевъ еще минуту, онъ не утерпѣлъ-бы, чтобъ не прикрикнуть съ обычною своею откровенностью: „мнѣ не нравится эта физіономія!“

— Осмѣлюсь спросить: кто этотъ господинъ, съ которымъ я сейчасъ познакомился? спросилъ Попельковскій, наклоняясь къ Аристарху Ѳедоровичу.

— Карачаевъ.

— Пріятное лицо, открытое! Умъ, радушіе, доброта сердца, отвѣчалъ Попельковскій, значительно двигая бровями.

Когда Копковъ и Дрянковъ, предупрежденные людьми, явились въ кабинетъ, чтобъ познакомиться съ пріѣзжимъ, Попельковскій снова нагнулся къ Аристарху Ѳедоровичу и, подмигивая ему на проживальщиковъ, повторилъ: „Пріятныя лица, открытыя! Умъ, радушіе, доброта ссрдца!“

Затѣмъ онъ испросилъ позволенія закурить трубку и началъ расхаживать по кабинету, прикасаясь ко всякой вещи; онъ возсылалъ похвалы безусловно каждому предмету, не забывая замѣтить при этомъ, что обладалъ когда-то точно такими же сокровищами,

и если оставался теперь въ одномъ нанковомъ сюртукѣ, всему виною негодный лакей. Изъ разговора оказалось, что у Попельковскаго находился когда-то зубъ мамонта, такой-же величины и тяжести, словомъ, совершенно схожій во всемъ съ зубомъ допотопнаго чудовища, находившагося у Аристарха Ѳедоровича; если Ардаліонъ Александровичъ не можетъ показать или даже подарить этого зуба Аристарху Ѳедоровичу, виною опять-таки негодный лакей, обокравшій своего господина немилосерднѣйшимъ образомъ.

Большая часть этихъ объясненій обращалась къ Дрянкову и Копкову; Аристархъ Ѳедоровичъ занимался въ это время распоряженіемъ, какъ-бы приличнѣе снарядить новаго знакомца, и отдавалъ Сидору приказанія перенести въ комнату проживальщиковъ кое-что изъ стараго своего гардероба.

Узнавъ, что Дрянковъ былъ сочинитель, Попельковскій объявилъ, что ему очень пріятно это слышать, потому что онъ самъ былъ когда-то сочинителемъ и даже печаталъ очень много въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; бросилъ онъ литературу потому только, что никакъ не могъ ужиться съ критиками и редакторами, съ которыми, по словамъ его, рѣшительно не стоило заводить знакомства.

Къ несчастію, бесѣда была прервана Балахновымъ, который пригласилъ гостя слѣдовать за Сидоромъ и привести въ порядокъ свой туалетъ.

Разспросивъ предварительно у Сидора кой-какія подробности касательно дома и узнавъ, что жена Балахнова была еще молода, Ардаліонъ Александровичъ закрутилъ усы, провелъ залихватскій проборъ между бѣлокурыми своими завитками и, подмигнувъ въ зеркальцо, влетѣлъ молодчикомъ въ залу. Онъ развязно отрекомендовался Лизаветѣ Семеновнѣ и сдѣлалъ ей даже глазки; потомъ совершилъ такой-же точно маневръ въ отношеніи къ дѣвицѣ Сараманаевой, которая не замедлила показать ему бѣлки свои; затѣмъ кивнулъ головою Карачаеву, какъ старому знакомцу, и, повернувшись снова къ хозяйкѣ дома, заговорилъ о музыкѣ.

Во время обѣда Попельковскій, неперестававшій дѣлать глазки Лизаветѣ Семеновнѣ и необращавшій рѣшительно никакого вниманія на то, что она повертывалась къ нему каждый разъ спиною, разсказывалъ необыкновенныя исторіи. Онъ сообщилъ, между прочимъ, какъ, въ бытность свою въ Москвѣ, далъ концертъ на віолончели въ залѣ Благороднаго Собранія. Зала была полнымъ-полнешенька,

особенно много виднѣлось дамъ, и всѣ, безъ исключенія, принадлежали къ высшему кругу. Сбору десять тысячъ. Впрочемъ, віолончель заплачена была втрое больше; мастера не помнитъ... Пени... Рени... забылъ! Теперь у него уже не было віолончели: разбилъ въ дребезги за одну фальшивую ноту! Съ каждой минутой Попельковскій почерпалъ, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, болѣе и болѣе развязности. Къ концу обѣда, онъ сказалъ Дрянкову „ты“ и началъ подтрунивать надъ Копковымъ, къ величайшему неудовольствію Карачаева, который не переставалъ бросать на гостя суровые взгляды. Аристархъ Ѳедоровичъ смѣялся отъ души. Ободренный этимъ Ардаліонъ Александровичъ принялся распоряжаться какъ дома.

— Вы, кажется, не пьете? Позвольте вамъ услужить. Весьма пріятно! сказалъ онъ, протягивая бутылку къ Карачаеву.

— Не безпокойтесь; у меня есть свои руки! сухо отвѣчалъ Павелъ Петровичъ, вращая своими воспаленными бѣлками. Онъ хотѣлъ уже крикнуть: „мнѣ не нравится ваша физіономія“, но взглянулъ на Лизавету Семеновну, побагровѣлъ и, молча, опустилъ голову.

Послѣ обѣда Аристархъ Ѳедоровичъ, сопровождаемый новымъ лицомъ, Дрянковымъ и Копковымъ, отправился, по своему обыкновенію, въ кабинетъ дѣлать кейфъ. Карачаевъ отказался наотрѣзъ отъ такого удовольствія; онъ остался въ залѣ и принялся расхаживать вдоль и поперегъ съ самымъ зловѣщимъ видомъ, не обращая даже большого вниманія на Медора, который не спускалъ глазъ съ своего господина и друга.

А между тѣмъ Попельковскій успѣлъ уже окончательно расходиться; безпечно покуривая трубку, онъ сообщалъ самыя интересныя происшествія; присутствовавшіе узнали вскорѣ, что онъ былъ женатъ. Правдивый разсказъ объ этой женитьбѣ не лишенъ занимательности.

— Былъ у меня пріятель Кондаковъ, Ваня Кондаковъ, славный малый! говорилъ Попельковскій, пуская клубы дыма и пристально всматриваясь въ своихъ слушателей: — вотъ, разъ, пріѣзжаю я къ нему — а жилъ онъ, нужно вамъ сказать, въ губернскомъ городѣ и нанималъ квартиру въ домѣ одного грека — звали Рокопополо, богачъ, милльонщикъ! — Ну, знаете, пріѣзжаю я къ нему, то-есть къ Кондакову; давно не видались; то да се и пошло... Выставили бутылочку сантуринскаго, другую, третью. А Рокопополо-то, нужно

вамъ сказать, былъ въ этотъ день именинникъ и давалъ балъ. Музыка гремитъ. Танцы. Вотъ и говоритъ мнѣ Кондаковъ: „пойдемъ, говоритъ, на балъ къ хозяину“. За галстукомъ-то, знаете, было: молодежь! Пріодѣлись, пошли. Приходимъ. Видимъ: народу множество. Дамы хорошенькія, разодѣты — богатство; но, знаете, все видно, что хозяинъ купецъ. Вотъ я подлетѣлъ къ одной; хорошенькая такая, черномазенькая гречаночка. Танцую кадриль. Спрашиваю у Кондакова: кто? Тотъ говоритъ: племянница Рокопополо. Ладно, думаю, не отвертится. Танцую съ ней вторую кадриль; дѣлаю предложеніе... у меня это скоро. Принимаютъ благосклонно. Сначала было и конфузія, то, другое, да у меня не отвертишься! На другое утро отправляюсь прямо къ дядѣ. Объясняюсь. Очень, говорятъ, рады. Узнаю: десять, то-есть серебромъ, тридцать пять тысячъ приданаго. Хожу женихомъ. Моя гречаночка такъ, знаете, и млѣетъ. Вы, говорю я Рокопополо, дядѣ-то, отдайте заблаговременно приданое; меня, говорю я, не надуешь этими супирами да дезирами. А деньги были, знаете, нужны: наканунѣ проигралъ десять тысячъ Кондакову. Очень, говоритъ, радъ. Ну, я, знаете, обнадеженъ; ѣду въ Москву для закупокъ. Вдругъ, какъ-бы вы думали? получаю письмо: отказываютъ по молодости лѣтъ! Э-э! думаю: нѣтъ, братъ, шутишь; меня этимъ не поддѣнешь! Прискакалъ назадъ. Опять къ Кондакову. Давай, говорю, на зло ему, увеземъ племянницу! И въ ту же ночь Рокопополо сталъ безъ племянницы. Обвѣнчался, повезъ ее къ отцу... Очень, говоритъ, радъ...

— Гдѣ-жъ она теперь? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, смѣясь безъ церемоніи въ лицо разсказчику.

— Представьте: трехъ мѣсяцевъ не прожила, умерла въ злѣйшей чахоткѣ, продолжалъ Попельковскій, нимало не смущаясь:— я было заказалъ для нея оранжерею: доктора предписали... Тогда у батюшки было тысяча душъ — славное имѣнье!

— Гдѣ-же теперь эта тысяча душъ? спросилъ съ усмѣшкою Балахновъ.

— Я вамъ докладывалъ: тётка... процессъ... отвѣчалъ Попельковскій, затягиваясь изъ чубука.

Аристархъ Ѳедоровичъ въ добрыя минуты любилъ посмѣяться. Ему особенно пріятно было, когда обласканные имъ ничтожные люди, не выступая изъ предѣловъ уваженія, платили ему дань, стараясь наперерывъ потѣшить, смѣшить и забавлять его въ то

время, когда онъ лежалъ на диванѣ съ сигарою „nec-plus-ultra“ во рту, совершая свой послѣобѣденный кейфъ. Это какъ-бы всегда служило ему доказательствомъ, что люди, обласканные имъ, понимаютъ свое мѣсто и рвутся, чтобы доказать ему свою признательность.

Утомившись, однакожъ, неумолкаемою болтовнею новаго забавника, Аристархъ Ѳедоровичъ оставилъ его въ кабинетѣ съ Дрянковымъ и Копковымъ, а самъ вышелъ прогуляться по саду.

Вступивъ въ залу, онъ увидѣлъ Карачаева, который продолжалъ расхаживать, обнаруживая всѣ признаки самаго неблагопріятнаго расположенія духа.

— Ба! Карачаевъ! что ты здѣсь дѣлаешь? весело воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Видишь, хожу! отвѣчалъ тотъ, окидывая зловѣщимъ взоромъ комнату и продолжая расхаживать.

— Жаль, братецъ, что тебя не было въ кабинетѣ, сказалъ, смѣясь, Балахновъ: — этотъ... какъ бишь его? я все забываю... ну, да все равно, вралъ такую чушь, что просто уши развѣсишь... Ступай туда, послушай. Онъ, кажется, все еще говоритъ.

— Чтобъ я пошелъ его слушать! закричалъ Карачаевъ, дѣлая самые отчаянные жесты. — За кого ты меня принимаешь?

— За что-жъ такая немилость? смѣясь, спросилъ Балахновъ.

— Мнѣ не нравится его физіономія! продолжалъ Карачаевъ: — это... это... это просто какой-то наглецъ! Ужъ довольно того... Да вотъ, чего-же лучше? не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ уже, не спросясь никого, надѣлъ галстукъ Копкова... Ты этого не замѣтилъ?... Вотъ посмотри, если онъ не надѣлаетъ тебѣ какихъ-нибудь непріятностей. Я только дивлюсь, братецъ, тебѣ: охота же пускать къ себѣ въ домъ всякаго прощалыгу!

Выслушавъ монологъ раздраженнаго пріятеля, Аристархъ Ѳедоровичъ разразился громкимъ, самодовольнымъ смѣхомъ; мало-помалу, лицо его приняло степенное, серьезное выраженіе; онъ подошелъ къ Карачаеву, потрепалъ по плечу и сказалъ голосомъ снисходительнымъ, но нелишеннымъ, однакожъ, нѣкоторой торжественности.

— Когда дѣлаютъ добро, любезный другъ, или желаютъ оказать помощь ближнему, не думаютъ о томъ, къ кому это добро обращается. Разсудокъ въ этомъ случаѣ омрачаетъ благодѣяніе... Обязанность каждаго изъ насъ протягивать руку всякому неимущему. Дѣлай добро съ закрытыми глазами...

Проговоривъ это, Аристархъ Ѳедоровичъ возвелъ очи къ потолку и вышелъ на террасу въ самомъ счастливомъ расположеніи духа.

XIII.

Желчь начинаетъ кипѣть въ величавой груди Аристарха Ѳедоровича.

Вдохнувъ въ себя съ наслажденіемъ воздухъ, Аристархъ Ѳедоровичъ закинулъ обѣ руки за спину, медленно спустился съ террасы и ступилъ на первую попавшуюся ему дорожку. Занятый мыслями и соображеніями всякаго рода, онъ незамѣтно очутился въ темной аллеѣ, и, поднявъ какъ-то неожиданно голову, увидѣлъ жену, сидѣвшую на скамейкѣ, съ книгою въ рукахъ.

Балахновъ остановился.

Она сидѣла къ нему въ профилѣ; блѣдное, кроткое лицо ея, обрамленное гладко-зачесанными волосами, склонялось надъ книжкой, которую поддерживала кисть правой руки; лѣвая рука, бѣлая какъ слоновая кость, лежала на скамейкѣ; простое, бѣлое платье обтягивало ея стройную талію и падало мелкими, длинными складками на ноги, положенныя одна на другую.

Аристархъ Ѳедоровичъ находился, какъ сказано, въ самомъ веселомъ, пѣвучемъ расположеніи духа; въ эту минуту, ничто, казалось, не въ состояніи было омрачить души его. Онъ улыбнулся, когда увидѣлъ жену, и не переставалъ улыбаться во все время, какъ подходилъ къ ней украдкою, очень довольный тѣмъ, что его не замѣчаютъ.

Поровнявшись съ ней, онъ вдругъ упалъ на скамейку и залился самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

Лизавета Семеновна вздрогнула, подняла голову — и щеки ея покрылись румянцемъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ положилъ книжку на скамейку, взялъ руку жены и, уложивъ ея пальцы между своими ладонями, принялся слегка похлопывать.

Румянецъ заигралъ еще сильнѣе на блѣдныхъ щекахъ Лизаветы Семеновны; она пристально смотрѣла на мужа, не понимая, не отдавая себѣ отчета, откуда взялась вдругъ такая нѣжность; она такъ отвыкла отъ ласковаго, нѣжнаго обращенія, что въ первую минуту ей стало даже какъ-то неловко — чувство, весьма по-

нятное всѣмъ заброшеннымъ, забытымъ женщинамъ, когда, совершенно неожиданно, вслѣдствіе каприза, приходится имъ испытывать ласковое обращеніе мужа.

— Я, кажется, душенька, еще не говорилъ тебѣ, что заѣзжалъ къ этой полоумной Фанагоріи Петровнѣ, началъ Балахновъ, продолжая трепать женину руку.—Ну, Лизанька, плачь надъ своимъ благовѣрнымъ супругомъ: сердце его прострѣлено Фанагоріей Петровной! Да! однакожъ, признаться, несмотря на прелести моей красавицы, я бы никогда къ ней не поѣхалъ, еслибъ не доброе дѣло... мнѣ хотѣлось устроить судьбу этого бѣднаго Василькова. Все, слава Богу, теперь кончено; старуха даетъ ему денегъ на свадьбу... Одно жаль: невѣста, кажется, у! у! какая штука! Она уже теперь вертитъ женихомъ, какъ тряпкой. Такую сцену ему сдѣлала, что бѣдняга чуть-было не рехнулся; боюсь, чтобъ супружество это не свернуло ему голову. Влюбленъ, влюбленъ, какъ шестнадцатилѣтній мальчикъ! Жаль будетъ: добрый парень!... Впрочемъ, кто-жъ велѣлъ? самъ виноватъ. Ну, потомъ я, кажется, также разсказывалъ тебѣ, заѣзжалъ въ Горшковъ... прибавилъ Балахновъ разсѣянно, съ видомъ величайшей небрежности.

Онъ, какъ уже извѣстно, не много обращалъ вниманіе на то, нравилось ли что женѣ или нѣтъ; совсѣмъ тѣмъ, онъ не рѣшался сообщить ей цѣли своей поѣздки и вообще очень неохотно посвящалъ ее въ свои планы и намѣренія. Она стояла всегда передъ нимъ, какъ упрекъ, и олицетворяла въ его глазахъ его собственную совѣсть, которая частенько находилась въ отлучкѣ.

Лизавета Семеновна продолжала смотрѣть на мужа; ей не къ чему было разспрашивать о цѣли поѣздки въ Горшковъ: еще наканунѣ узнала она все отъ болтливаго Карачаева, и извѣстіе это, какъ каждый легко пойметъ, легло новою раною на ея материнское сердце. Пріобрѣтеніе долины поведетъ только къ новымъ издержкамъ. Чтобъ досадить Солонееву, Аристархъ Ѳедоровичъ ничего не пожалѣетъ; онъ пять лѣтъ сряду думалъ объ этой несчастной долинѣ и въ состояніи надѣлать самыхъ пошлыхъ глупостей. Лизавета Семеновна понимала своего мужа какъ нельзя лучше. Всю ночь провела она, обдумывая, какія бы употребить средства, чтобъ отклонить его отъ новой покупки. Обнадеженная веселымъ расположеніемъ его духа, она собрала всю свою силу, все благоразуміе, чтобъ приступить къ дѣлу. Она ждала только, изъ чувства дели-

катности, чтобъ Аристархъ Ѳедоровичъ самъ заговорилъ о предметѣ своей поѣздки.

По какому-то странному, небывалому приливу добродушія, Балахновъ не замедлилъ исполнить ея желаніе.

— Представь, душенька, какъ это непріятно, продолжалъ онъ съ тѣмъ же разсѣяннымъ видомъ:—пріѣзжаю въ Горшковъ съ Окатовымъ, чтобъ совершить купчую... знаешь, на эту долину... такъ, бездѣлица, прихоть, и представь, не нашли кого было нужно: всѣ разъѣхались. Такъ и не могли совершить купчей—должны были отложить до субботы.

— Это опять, вѣрно, будетъ стоить много денегъ, проговорила она, смягчая, по возможности, голосъ.

— Нѣтъ, вздоръ, бездѣлица. Впрочемъ, объ этомъ говорить теперь нечего; дѣло кончено: Окатовъ далъ слово.

— Я сказала, другъ мой, вовсе не съ тѣмъ, чтобъ упрекнуть тебя, произнесла она, робко протягивая руку къ рукѣ мужа: — мнѣ хотѣлось сказать, что въ настоящую минуту намъ очень нужны будутъ деньги.

— Зачѣмъ же? Покуда я не вижу еще никакой крайней нужды. Можетъ быть, тебѣ нужно зачѣмъ нибудь?...

— Нѣтъ, мнѣ ничего не надо; я говорю не за себя.

— Въ такомъ случаѣ, объяснись хорошенько; я, право, тебя не понимаю! сказалъ Балахновъ, утрачивая мало-по-малу свою любезность.

— Я хотѣла сказать тебѣ, что Карачаевъ напомнилъ мнѣ о долгѣ и просилъ, чтобъ я сообщила тебѣ, что ему нужны деньги. Ты долженъ ему, кажется, пятнадцать тысячъ?

— Вотъ это мнѣ очень нравится! воскликнулъ Балахновъ, медленно отнимая свою руку:—ему нужны деньги, а онъ обращается... то есть безпокоить тебя. Ему, кажется, слѣдовало бы говорить объ этомъ со мною!

— Ему совѣстно. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что ни за что не рѣшится просить у тебя денегъ, хотя деньги эти принадлежатъ ему; ты знаешь самъ, какъ деликатенъ этотъ человѣкъ, несмотря на грубую свою наружность. Если-бъ была должна я, а не ты, онъ, вѣрно, обратился бы тогда къ тебѣ.

— Ну, нечего сказать, матушка, нашла же гдѣ деликатность, ха! ха! Карачаевъ—вотъ у кого деликатность! Къ тому же, у меня нѣтъ теперь денегъ. И что, какая нужда, зачѣмъ нужны деньги

этимъ людямъ? Пусть его живетъ у меня—чего ему еще? Кажется, не морятъ его здѣсь голодомъ, проговорилъ Балахновъ, бросая презрительные взгляды на стволы березъ.

— Нѣтъ, ты послѣ этого не знаешь Карачаева... тихо сказала Лизавета Семеновна.

— Это мнѣ нравится!... Скажи, пожалуйста: вотъ все, въ чемъ состояло твое безпокойство? Больше ничего?

— Нѣтъ, меня просила о томъ же Розалія Владиміровна. Она хочетъ взять назадъ свой капиталъ.

— Какъ! и эта туда же? ха! ха! ха! Ужъ не хочетъ ли эта дурища выйти замужъ? Раненько хватилась, голубушка, нечего сказать!

— Я не спрашивала о ея намѣреніяхъ, сказала Лизавета Семеновна, употребляя всевозможную нѣжность, чтобъ только не раздражить Аристарха Ѳедоровича: — не знаю, что она хочетъ дѣлать; можетъ быть, она думаетъ оставить нашъ домъ... Но во всякомъ случаѣ требуетъ назадъ свои деньги.

— Нѣтъ у меня денегъ! коротко и сухо отвѣчалъ Балахновъ.

Послѣдовало молчаніе, впродолженіе котораго Аристархъ Ѳедоровичъ всталъ съ скамейки, закинулъ руки за спину и принялся расхаживать по аллеѣ на протяженіи десяти шаговъ.

— Я, право, не знаю послѣ этого, что скажу имъ обоимъ. Дай мнѣ хоть какой нибудь совѣтъ. За Карачаева я ручаюсь; но не знаю, какъ приметъ отказъ Розалія Владиміровна: она можетъ разсердиться, оставить нашъ домъ и разболтать Богъ знаетъ что.

— Чортъ съ ней! пусть себѣ разсказываетъ что хочетъ!

— Ты знаешь провинціальное общество лучше меня. Впрочемъ, вездѣ, мнѣ кажется, случилось бы то же самое, вездѣ перетолковали бы по-своему твою неисправность: деньги ея — и она имѣетъ полное право ихъ требовать.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, любезный другъ, возразилъ Балахновъ, останавливаясь внезапно противъ жены и устремляя на нее насмѣшливые глаза:—скажи мнѣ, ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что какая нибудь... смѣшно вымолвить! какая нибудь Сараманаева можетъ испортить мою репутацію, или повредить мнѣ, мнѣ—Балахнову?

— Не знаю, на сколько она можетъ повредить тебѣ, отвѣ-

чала, краснѣя, Лизавета Семеновна:—но во всякомъ случаѣ деньги ея и, какъ я уже сказала, она имѣетъ полное право требовать ихъ назадъ. Я передала тебѣ обо всемъ этомъ, надѣясь... я думала, что такъ какъ ты намѣренъ купить эту долину, то у тебя есть деньги и, слѣдовательно...

— Слѣдовательно, отдать эти деньги, не такъ ли? Послушай: я хочу только просить тебя объ одномъ... Я думалъ было промолчать, да такъ ужъ, къ слову пришлось; скажи мнѣ искреннее, откровенное мнѣніе, какъ ты думаешь о покупкѣ этой долины?

Такой вопросъ поставилъ Лизавету Семеновну въ самое затруднительное положеніе. Высказать ему прямо, безъ обиняковъ, свою мысль—значило дать поводъ къ новой непріятной сценѣ· сказать, что онъ поступаетъ прекрасно—она ни за что не рѣшится говорить противъ совѣсти и своихъ убѣжденій. Къ тому же, она съ утра еще рѣшилась отклонить мужа, во что бы ни стало, отъ новой глупости. Вооружившись всею бодростью, обратила она на него полные живѣйшаго участія глаза и сказала:

— Я думаю, что долина...

— Ну, извольте, слушаю, что вы скажете? перебилъ Балахновъ, выпрямляясь во весь ростъ, выставляя правую ногу впередъ и складывая на груди руки.

— Я увѣрена, что долина эта совершенно лишняя... и не понимаю...

— Такъ! прекрасно! я этого только и ждалъ! заговорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, багровѣя, какъ жареный ракъ, и принимаясь размахивать руками:—я это зналъ! Зналъ и знаю также, сударыня, что вы, по какому-то непостижимому упрямству, никогда не хотѣли понимать моихъ мыслей! Вы не умѣли даже сдѣлать различіе между мною и тѣми пустыми людьми, которые васъ окружаютъ! продолжалъ онъ, возвышая голосъ:—оставайтесь въ этомъ пріятномъ и лестномъ для васъ заблужденіи... Я, какъ вы могли замѣтить, принялъ уже давно свою долю; дѣлайте, что хотите! Я, съ своей стороны, дѣлаю то, что мнѣ нравится, не спрашивая ничьего совѣта... Не знаю только, почему мнѣ пришло въ голову заговорить съ вами о долинѣ; впередъ буду слѣдовать неизмѣнному своему правилу: никогда не вмѣшивать васъ въ свои дѣла...

— Я уже давно привыкла къ этому, хотя и не подавала никакого повода, сказала, съ грустною улыбкой, жена.

— Та-та-та, сударыня, перестаньте, пожалуйста! Не станете-ли вы говорить мнѣ теперь о дѣтяхъ? или не захотите-ли возобновить ваши намеки объ обязанностяхъ отца?...

— Вы угадали, сказала она съ необыкновенною живостью:— я хотѣла прибавить къ тому, что если вы отстраняете меня отъ обязанностей жены въ отношеніи къ вамъ, то я, съ своей стороны, никогда не забуду обязанностей своихъ къ моимъ дѣтямъ, и потому желаю сохранить права матери въ отношеніи къ этимъ дѣтямъ...

— Ба! да вы, кажется, намекаете на ваши двѣсти душъ? воскликнулъ Балахновъ, забываясь окончательно.

Онъ выпрямился и гордо взглянулъ на жену; но та выдержала смѣло этотъ взглядъ и отвѣчала съ возраставшею энергіей:

— Вы не ошиблись. Вы знаете, я никогда не рѣшилась-бы говорить вамъ объ этомъ, Аристархъ Ѳедорычъ. Видитъ Богъ, какъ мнѣ тяжело сдѣлать это даже теперь, когда дѣтямъ моимъ угрожаетъ опасность — лишиться послѣдняго средства къ воспитанію и, можетъ-быть, послѣдняго куска хлѣба... Да, скажу вамъ откровенно, я боюсь за ихъ участь! Дѣлайте, что хотите, я не буду вамъ прекословить, но прошу васъ, ради дѣтей вашихъ, возвратить имъ ихъ имѣніе: оно должно быть неприкосновенно! Отдайте мнѣ его: я берусь даже заплатить долги, о которыхъ вамъ говорила.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, сударыня! Вы забываете свои обязанности въ отношеніи ко мнѣ! ко мнѣ... крикнулъ Балахновъ, но въ ту же минуту остановился, увидѣвъ на концѣ аллеи подходившаго къ нимъ камердинера.

— Что тебѣ? зачѣмъ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, закусывая тонкія свои губы патентованными издѣліями Вагенгейма.

— Отъ Николая Степаныча Окатова человѣкъ съ письмомъ.

— Гдѣ письмо?

— Приказано отдать, говоритъ, въ собственныя руки.

Аристархъ Ѳедоровичъ бросилъ взглядъ женѣ, которая сидѣла блѣдная, растеренная, въ волненіи, и, закинувъ руки за спину, вышелъ быстрыми шагами изъ аллеи.

Вернувшись въ кабинетъ, онъ приказалъ позвать посланнаго отъ Николая Степановича.

Вошелъ Сѣвка.

— Здравствуй, милый мой, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, ласково обращаясь къ гайдуку, но вмѣстѣ съ тѣмъ устремляя на

него проницательный взглядъ. Ну что? какъ здоровье Николая Степановича?

— Слава Богу-съ, приказали кланяться и отдать вамъ письмо, отвѣчалъ Сѣвка, почтительно вручая пакетъ.

— Какъ, и письмо ко мнѣ есть? произнесъ Балахновъ, обнаруживая пріятное удивленіе.—Хорошо; ступай, милый мой. Сидоръ! накормить хорошенько гостя; прикажи подать водки, да чтобъ лошадь его не забыли! заключилъ онъ, дѣлая движеніе головою, чтобъ оставили его одного.

Какъ только вышли люди, Балахновъ заперъ на ключъ дверь кабинета, усѣлся въ кресла и поспѣшно распечаталъ пакетъ.

Но лишь только онъ развернулъ письмо, лицо его, за минуту улыбавшееся, вдругъ изобразило всѣ признаки страшнаго негодованія.

Между страничками письма лежала аккуратно сложенная сторублевая депозитка, которую вручилъ онъ Окатову, какъ задатокъ.

— Нѣтъ, шутишь, любезный! этому не бывать! воскликнулъ Балахновъ, бросая депозитку на столъ.

Затѣмъ, успокоивъ себя энергическимъ жестомъ, онъ опустилъ сверкавшіе глаза свои на записку.

„Любезный Аристархъ Ѳедоровичъ“ (гласилъ Николай Степановичъ, очевидно, писавшій подъ диктовку Софьи Алексѣевны), „непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ меня отказаться отъ „предложенія вашего продать вамъ извѣстную долину. Основываясь „на вашемъ добромъ расположеніи, я увѣренъ, что вы приняли-бы „въ уваженіе эти обстоятельства даже въ томъ случаѣ, еслибъ „купчая была совершена законнымъ образомъ и дѣло было-бы „кончено. Увѣренный заранѣе въ вашемъ снисхожденіи, прилагаю „при семъ задатокъ. Примите, м. г., и т. д.“

Невозможно описать бѣшенства Аристарха Ѳедоровича. Какъ! отказаться отъ долины въ ту самую минуту, когда весь уѣздъ и даже, можетъ быть, самъ Солонеевъ извѣщены уже о томъ, что она перешла въ руки Балахнова! Отказаться отъ пятилѣтней мечты, взлелѣянной въ глубинѣ сердца, обратить въ прахъ великолѣпные проекты, которые должны были удивлять тысячи людей, отказаться отъ случая нанести, передъ лицомъ цѣлой губерніи, блистательный, торжественный, смертельный ударъ непримиримому врагу—и все это изъ-за какой-нибудь прихоти, или такъ-называемыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ Окатова! Нѣтъ, этому не бывать! заключилъ

Аристархъ Ѳедоровичъ, скомкивая письмо и пуская его, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ собственный свой портретъ.

Пройдя нѣсколько разъ вдоль и поперегъ кабинета, Аристархъ Ѳедоровичъ остановился неожидано передъ столомъ, раскрылъ записную книжку свою и, обмакнувъ перо, написалъ дрожащею рукою: „Слово „честность“ будетъ скоро находиться „въ однихъ лишь словаряхъ!“

Исполнивъ это, онъ принялся снова расхаживать по кабинету, стараясь привести въ порядокъ свои мысли и овладѣть собою. Положеніе его было критическое. Требовалось съ его стороны употребить всю дипломатическую тонкость и повести дѣло о долинѣ такимъ образомъ, чтобы придать отказу Окатова видъ милой и очаровательной шутки.

Такъ и было сдѣлано. Аристархъ Ѳедоровичъ отдалъ строжайшее приказаніе, чтобы никто не смѣлъ подходить къ дверямъ кабинета, и принялся за работу. Вооружившись перомъ, онъ почувствовалъ тотчасъ же, что къ нему возвратилась вся его бодрость. Онъ ожилъ мгновенно, какъ рыба, вынутая сначала на свѣжій воздухъ и пущенная опять въ воду. Не сомнѣваясь нимало, что всему виною Софья Алексѣевна, Аристархъ Ѳедоровичъ написалъ отвѣтъ, преисполненный любезности; не переставая обращаться къ Окатову, онъ не пропускалъ случая дѣлать косвенные намеки, смыслъ которыхъ заключался въ томъ, что онъ, Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ, очарованъ, обвороженъ женщинами, которыя, играя первую роль въ высшемъ обществѣ и занимая въ немъ блистательнѣйшее и заслуженное мѣсто, не пренебрегаютъ домашними дѣлами, входятъ въ интересы мужа. „Такая женщина“, писалъ онъ, „вѣнецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжество и гордость нашего общества!“ Затѣмъ, давъ шуточный, веселый оборотъ отказу Окатова, онъ просилъ его сдѣлать ему величайшую честь пріѣхать откушать подъ свѣжею тѣнью березъ въ только-что отстроенномъ кіоскѣ, помѣщенномъ въ долинѣ—постройкѣ, предпринятой въ томъ убѣжденіи, что онъ, Балахновъ, считалъ всегда слово Окатова столько же неизмѣннымъ, сколько твердымъ и непоколебимымъ. Свидѣтельствуя свое нижайшее глубокопочитаніе Николаю Степановичу, Аристархъ Ѳедоровичъ осмѣливался посылать нижайшій поклонъ Софьѣ Алексѣевнѣ и просилъ принять назадъ задатокъ.

Сѣвка, упитанный и пресыщенный заботливымъ Сидоромъ, исполнявшимъ безпрекословно волю своего господина, отправился съ отвѣтомъ далеко за полночь.

Весь слѣдующій день проведенъ былъ Аристархомъ Ѳедоровичемъ въ безпокойномъ ожиданіи; это не помѣшало ему, однакожъ, съѣздить десятокъ разъ въ долину, чтобъ лично убѣдиться въ поспѣшности производимыхъ работъ. Возвращаясь, онъ обыкновенно спрашивалъ: „Никто не пріѣзжалъ отъ Окатова? и, получая каждый разъ отрицательный отвѣтъ, ударялъ каблукомъ въ полъ и покрывался чистѣйшимъ пурпуромъ.

Прошелъ еще день, потомъ другой—отвѣта не было. Пурпуровый цвѣтъ уже не сходилъ съ грозно-величаваго лица Аристарха Ѳедоровича. Раздраженіе его было такъ велико, что разъ, заставъ у дверей кабинета Попельковскаго, онъ повернулъ его за плечи и выпроводилъ изъ корридора исправнѣйшимъ образомъ.

Такое пораженіе нимало не смутило Ардаліона Александровича, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставило его въ самое затруднительное положеніе: въ залѣ, въ это самое время, расхаживалъ Карачаевъ... Отретироваться на другой конецъ корридора и войти въ комнатку проживальщиковъ было для него невозможно: третьяго дня, вечеромъ, Ардаліонъ Александровичъ, выслушивая чтеніе „Непризнанной Индѣйки“, имѣлъ неосторожность подать мнѣніе, что повѣсть никуда не годится и авторъ лучше сдѣлаетъ, если станетъ писать подъ его диктовку. Дрянковъ, пылая справедливымъ негодованіемъ, поклялся отмстить совѣтчику, если только тотъ попадется ему на глаза. Взглядъ и движеніе, сопровождавшіе угрозу, показывали ясно, что оскорбленный авторъ ни передъ чѣмъ не остановится. Не время было долго раздумывать, и Попельковскій, избравъ изъ двухъ золъ меньшее, вышелъ въ залу. Но каково было удивленіе Ардаліона Александровича, когда Карачаевъ тихо повернулся къ нему спиною и вышелъ въ гостиную! Попельковскій не зналъ, что между Карачаевымъ и Лизаветой Семеновной происходило наканунѣ маленькое совѣщаніе, въ которомъ послѣдняя просила Павла Петровича не дѣлать никакой сцены и не обращать ни малѣйшаго вниманія на сокровище, привезенное Аристархомъ Ѳедоровичемъ изъ Горшкова; не зналъ также Ардаліонъ Александровичъ и того, что одного слова Лизаветы Семеновны достаточно было, чтобъ Карачаевъ даже въ состояніи былъ протянуть ему руку. Приписавъ миролюбивою выходку Карачаева трусости, Попельковскій засвисталъ какую-то трель и направился въ садъ.

Нетерпѣніе Аристарха Ѳедоровича возрастало, между тѣмъ, съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой.

Наконецъ, на третій день, явился Прошка съ вожделѣннымъ отвѣтомъ:

Николай Степановичъ, свидѣтельствуя свое почтеніе Аристарху Ѳедоровичу, изъявилъ искреннее сожалѣніе, что не можетъ исполнить просьбы и уступить долину. Онъ обнаруживалъ крайне удивленіе, что Аристархъ Ѳедоровичъ, не бывъ еще введенъ во владѣніе вышеупомянутой долиной, приступилъ тѣмъ не менѣе къ рубкѣ лѣса и постройкамъ, и проситъ его всепокорнѣйше остановить таковыя распоряженія. Затѣмъ, свидѣтельствуя свое почтеніе, онъ возвращаетъ ему задатокъ.

Часъ спустя послѣ этого, голодный Прошка скакалъ на голодной лошади въ Большія-Соли, неся за пазухой отвѣтъ Аристарха Ѳедоровича.

Въ отвѣтѣ значилось коротко и ясно, что человѣкъ, давшій разъ слово, не отступаетъ отъ своего обѣщанія. Основываясь на этомъ, Аристархъ Ѳедоровичъ почитаетъ дѣло оконченнымъ и проситъ разъ навсегда Николая Степановича оставить у себя задатокъ, въ ожиданіи скорой выдачи остальныхъ денегъ.

Въ тотъ же вечеръ записная книжка Балахнова украсилась слѣдующею мыслью: „Низкаго человѣка обыкновенныя свойства суть: „ласкательство, притворство, лицемѣріе, пронырство...“ Сбоку, на поляхъ, бросалась въ глаза фамилія Окатова, написанная другимъ почеркомъ, но очевидно тою-же нетвердою рукою.

На этотъ разъ отвѣтъ не замедлилъ явиться изъ Большихъ-Солей.

Николай Степановичъ ужъ не свидѣтельствовалъ своего почтенія Аристарху Ѳедоровичу, а говорилъ напрямикъ, что желаетъ прекратить съ нимъ сношенія, какъ до долины относящіяся, такъ равно и всякія другія. Задатокъ находился при письмѣ.

Несчастной депозиткѣ пришлось снова пропутешествовать изъ Ханскихъ-Прудовъ въ Большія-Соли, но уже въ сообществѣ ядовитѣйшаго и злѣйшаго письма, какое когда-либо начертано было рукой человѣческой.

Съ этого дня перо Аристарха Ѳедоровича забѣгало неутомимо по бумагѣ.

Прежде всего написано было въ Горшковскій Земскій Судъ прошеніе, а о чемъ, тому слѣдовали пункты... Пункты заключались въ томъ, что онъ, Аристархъ Ѳедоровъ, сынъ Балахновъ, положившись на крѣпкое слово Николая Степанова, сына Окатова,

обѣщавшаго продать ему долину, лежащую тамъ-то и тамъ-то, застроилъ вышеупомянутую долину дорогими постройками, живописью украшенными; а такъ какъ вышереченный Окатовъ отступаетъ нынѣ отъ своего слова и требуетъ возвращенія долины въ свою собственность, то онъ, сынъ Балахновъ, проситъ покорнѣйше Горшковскій Земскій Судъ принять въ соображеніе великолѣпныя украшенныя живописью постройки, возведенныя на земляхъ Окатова, и заставить послѣдняго возвратить ему, Балахнову, протори и убытки, каковымъ виною лживыя обѣщанія вышереченнаго Окатова, а буде Горшковскій Земскій Судъ найдетъ прошеніе основательнымъ, что не подлежитъ сомнѣнію, дать ему надлежащій ходъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ.

При семъ Аристархъ Ѳедоровичъ прикладывалъ списокъ построекъ и издержекъ и, сверхъ того, частное письмо къ Нилу Степановичу Лукьянову, въ которомъ, между напоминаніемъ о томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ обѣщанія, даннаго Окатовымъ, и между просьбою поддержать это обѣщаніе, въ случаѣ надобности, Балахновъ приглашалъ Нила Степановича на ботвинью и на бутылочку шато-роз-пульяка.

Курьеръ, посланный изъ Ханскихъ-Прудовъ съ драгоцѣнными бумагами, долженъ былъ завернуть мимоѣздомъ въ деревню Семена Семеновича Кошкина и вручить ему посланіе, въ которомъ Балахновъ, сверхъ извѣстія о поступкѣ Окатова, просилъ своего друга пріѣхать немедленно для совѣщанія.

Рука Аристарха Ѳедоровича не останавливалась уже ни на минуту. Вскорѣ извѣстіе о ссорѣ съ Окатовымъ пронеслось по всему уѣзду съ быстротою зажженой смолы.

Жилъ-былъ въ томъ-же уѣздѣ сѣденькій, толстенькій старичокъ, по имени Фуколъ Ивановичъ. Этотъ Фуколъ Ивановичъ жилъ, казалось, для того только, чтобы вмѣшиваться во всѣ ссоры, имѣя въ виду примирять поссорившихся. Вѣрный, какъ всегда, человѣколюбивому своему призванію, онъ осадилъ Аристарха Ѳедоровича письмами (Фуколъ Ивановичъ былъ разбитъ параличомъ и рѣдко трогался съ мѣста), прося его снизойти къ мольбамъ преклоннаго старца, внять звукамъ замогильнаго гласа и протянуть руку пріязни почтенному и премного-уважаемому Окатову. Но замогильный гласъ Фукола Ивановича пронесся въ пустынѣ, и миролюбивое сердце старика переполнилось горечью, когда узналъ онъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ также мало слушалъ его въ этомъ дѣлѣ, какъ въ дѣлѣ съ прежнимъ врагомъ своимъ, Солонеевымъ.

Балахновъ остался непреклоненъ.

Дѣятельность его возрастала по мѣрѣ усиленія препятствій.

Получивъ въ одинъ и тотъ же день два письма, одно отъ Кошкина, въ которомъ извѣщалось, что Семенъ Семеновичъ не можетъ явиться по причинѣ болѣзни, другое отъ Лукьянова, въ которомъ обозначалось, что Нилъ Степановичъ не можетъ явиться на радушный зовъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, Балахновъ и тутъ не упалъ духомъ.

Перо его продолжало также усердно ходить по бумагѣ, а самъ онъ продолжалъ слѣдить попрежнему за наиболѣе поспѣшнымъ исполненіемъ работъ, увѣренный, что только окончаніемъ ихъ можно заставить Окатова отказаться отъ долины.

Въ такомъ-то благопріятномъ положеніи находились дѣла, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, Аристархъ Ѳедоровичъ извѣстился, что Горшковскій Земскій Судъ призналъ его прошеніе неосновательнымъ и отказалъ ему.

Ударъ пришелся въ самое сердце Аристарха Ѳедоровича и именно въ ту часть, которая проникалась уже нѣкоторою надеждою. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ и грохнулся въ вольтеровскія кресла вмѣстѣ съ грознымъ приговоромъ Земскаго Суда.

XIV.

Желчь продолжаетъ кипѣть въ груди Аристарха Ѳедоровича. Порфирій Павловичъ Васильковъ женится.

— Позвать сюда Карпа Иванова, Калину, и... и... и... позвать сюда Карпа Иванова и Калину!

Такими словами разразился Балахновъ, какъ только пришелъ въ себя. Онъ быстро приподнялся съ креселъ, гордо взглянулъ на зубъ мамонта, какъ-бы вызывая его на споръ, и принялся расхаживать по кабинету. Минуту спустя, на порогѣ показались староста и Калина.

Аристархъ Ѳедоровичъ принялъ мгновенно одну изъ самыхъ величественныхъ осанокъ.

— Карпъ, сказалъ онъ, стараясь скрыть бурю, грохотавшую въ его груди: — Карпъ, сейчасъ-же, сію секунду, нарядить всю

барщину и разобрать—слышить, разобрать всѣ постройки въ долинѣ... всѣ, до послѣдней щепки!...

Но тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ уже не выдержалъ: девятый валъ взволнованной желчи хлынулъ ему въ самое горло; слова его спутались, смѣшались и вдругъ, какъ-бы прорвавъ невидимую плотину, посыпались подобно яростному потоку... Страшенъ былъ этотъ потокъ, кативший мутныя, пѣнистыя, клубившіяся волны, увлекавшій на пути своемъ все, что ни попадало: камни, корни, клочки земли и цѣлыя сосны съ ихъ пнями и сучьями. Долго грохоталъ потокъ по направленію къ двери, гдѣ стоялъ Карпъ Ивановъ, и вдругъ, неожиданно, измѣнивъ русло, покатилъ въ другую сторону и обдалъ съ головы до ногъ Калину —красу и славу художниковъ Горшковскаго уѣзда.

— Вонъ всѣ вензеля и арабески! послышалось внезапно въ мутныхъ волнахъ потока:—чтобы духу ихъ тамъ не было! Свалить на чердакъ всю эту пачкотню! Снести въ курятникъ, чтобъ на глаза не попадались!... Все пьешь! Вонъ пошелъ и сейчасъ-же все исполнить, старый пьянчуга! заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, топнувъ каблукомъ.

Калина вышелъ изъ кабинета. Въ ушахъ его звенѣло, какъ словно только и дѣла ему было съ утра, что стрѣлять изъ пушекъ; въ головѣ происходила такая суматоха, какъ-будто всѣ украшенія, карнизы, расписанные его рукою, столпились въ одну кучу и разомъ грохнулись ему на голову. Онъ держался, однакожъ, прямо. Направляясь медленнымъ шагомъ въ людскую, онъ рѣшилъ, что ни за что не останется болѣе въ этомъ домѣ.

— Коли пачкотня, пущай будетъ пачкотня; а коли пачкотня, такъ, стало, и не надо.

Таковъ былъ результатъ его размышленій. Когда онъ вступилъ въ людскую, никто не замѣтилъ его прихода. Крошечныя дверцы каморокъ отворялись и запирались дворовыми, которые сновали по всѣмъ направленіямъ, сбирались въ кучки, наполняя людскую шушуканьемъ, посреди котораго раздавалось: Баринъ изволятъ гнѣваться! Никто не обращалъ вниманія на Калину. Палашка, которую, пять минутъ назадъ, засталъ онъ подслушивающей у дверей кабинета, убѣжала въ испугѣ наверхъ, въ комнату Фіоны Ивановны. Другіе люди, пользовавшіеся расположеніемъ маляра, занимались собственными своими дѣлами. Одинъ изъ лакеевъ только-что получилъ чрезъ мужика, пріѣхавшаго

въ Ханскіе-Пруды, письмо отъ родныхъ, и карачаевскій Иванъ, стоявшій спиною къ Калинѣ, читалъ это письмо во всеуслышаніе: „Любезному нашему братцу Моисею Егорычу вопервыхъ братъ твой „Михайло Егорычъ счелъ за первый долгъ съ супругою Капито- „линою Стратоновной свидѣтельствовать всенижайшее почтеніе и „поклонъ вовторыхъ отъ сестрицы твоей Анны Егоровны съ су- „пругомъ Михайломъ Матвѣичемъ желаемъ тебѣ быть здоровому „затѣмъ свидѣтельствую свое прелюбезное почтеніе и поклонъ въ „третьихъ кумушка Ѳекла Потаповна нижайшее почтеніе въ чет- „вертыхъ дѣдушка Аника Ѳедоровичъ свидѣтельствуетъ нижайшій „поклонъ съ любовію и желаетъ тебѣ быть здоровому и благопо- „лучіе навѣки ненарушимое и отъ всѣхъ знающихъ тебя и извѣст- „ныхъ нижайшій поклонъ и почтеніе отъ любви затѣмъ пожелавъ „тебѣ добраго здравія и всякаго благополучія отъ Всевышняго „Творца остаюсь братъ единоутробный любящій тебя сердцемъ къ „услугамъ навсегда готовый.

„Михайло Акишевъ“.

— Извольте получить, сказалъ Иванъ, подавая Моисею Акишеву письмо, на которомъ была такая огромная печать, какъ будто въ письмѣ заключалось несмѣтное сокровище.

— Покорно благодарю за одолженіе, отвѣчалъ Акишевъ, задумчиво складывая братнино посланіе.

— Ахъ, батюшки! да вотъ и Калина Васильичъ! воскликнулъ Иванъ, увидавъ маляра, который сидѣлъ на скамейкѣ, опустивъ голову, съ мрачно нависшими бровями и глядѣлъ въ уголъ. — Ну, что, какъ, зачѣмъ призывалъ баринъ?... Иванъ остановился и далъ дорогу Глафирѣ, которая вбѣжала въ людскую съ платочкомъ на головѣ, кокетливо подвязаннымъ у подбородка.

— Здравствуйте, Иванъ Емельянычъ, сказала она, посылая улыбку милому своего сердца:—я пришла къ Калинѣ. Ну, что, Калина Васильичъ, что говорилъ баринъ? промолвила она, устремляя нетерпѣливо-любопытные глаза на старика.

— Вотъ сошлись въ одно слово, промолвилъ съ улыбкою Иванъ:—и я объ этомъ-же его спрашивалъ.

— Калина Васильичъ, что-же ты ничего не говоришь? Экой какой! Я нарочно прибѣжала затѣмъ, произнесла горничная, схвативъ его за рукавъ.

Калина грубо отдернулъ руку и продолжалъ сурово смотрѣть въ уголъ.

— Эхъ, полно, старина! сказалъ Иванъ, трепля по плечу малярнаго мастера: — полно; ну, о чемъ задумался? Что? аль жутко пришлось? Полно...

— А пачкотня, такъ и пачкотня! проговорилъ наконецъ Калина, все еще продолжавшій смотрѣть въ уголъ: — поминай какъ звали, коли такъ! Завтра же, чѣмъ свѣтъ, ухожу изъ эвдакаго дома — баста! прибавилъ онъ, ударяя ладонью по колѣнямъ и обводя глазами присутствующихъ.

— Можетъ ли быть? и онъ, Калина Васильичъ, вонъ изъ дому! съ изумленіемъ воскликнулъ Акишевъ, питавшій въ душѣ твердую увѣренность, что потеря Калины для Ханскихъ-Прудовъ ничѣмъ невознаградима.

— Ну, когда такъ, сказалъ Иванъ, усаживаясь на лавочку подлѣ старика и подмигивая въ то же время Глафирѣ: — когда такъ, Калина Васильичъ, слушай же, что я скажу тебѣ: печалиться нечего...

— Кака мнѣ печаль! сурово перебилъ Калина: — что изъ дому-то отхожу? Я вездѣ хлѣба найду, да еще спасибо скажутъ — вотъ что!

— О томъ-то и идетъ рѣчь. Я, признаться, давно хотѣлъ поговорить съ тобою, продолжалъ Иванъ: — видишь-ли какое дѣло, братецъ ты мой: у меня въ разумѣ вертится оставить своего барина. Жаль, признаться, оченно жаль, да какъ быть: свои дѣла хочется справить! Вотъ, слушай, братецъ ты мой, какое дѣло: пришло мнѣ на мысль, и давно, признаться, пришло стакнуться, списаться, примѣрно, съ другими, прежними товарищами. Труппу составить не трудно. Меня любили всегда, благодаря Бога, и всѣ ко мнѣ пойдутъ. Въ виду у меня, видишь-ли ты, нашъ губернскій городъ. Народу богатаго живетъ много. Тутъ только и быть балагану; дѣло-то мнѣ съ-руки. Къ тому же времени, авось Богъ дастъ и Глафир... ну, да что объ этомъ толковать!... Хочешь поступить къ намъ въ долю, Калина Васильичъ?...

— А что тамъ стану дѣлать? Нешто я комедіянщикъ какой?

— Какъ что дѣлать? А кто-жъ будетъ писать кулисы-то? Объ этомъ я и прошу тебя.

— Что-жъ! пожалуй; по мнѣ все равно: декораціи-ли какія, другое что — все могу сполнить! отвѣчалъ Калина, расправ-

ляя брови.—Вотъ одно только развѣ, промолвилъ онъ, снова насупиваясь:—куда я дѣну этого пострѣла? Ну, чего стоишь? что глазища-то выпучила? заключилъ онъ сердито, обращаясь къ Палашкѣ, которая съ минуту уже стояла въ людской и прислушивалась къ толкамъ.

— Что-жъ, тятенька, и я пойду съ тобой! сказала дѣвчонка, просовывая обстриженную голову изъ-подъ руки Моисея Акишева.

— Молчать! сказалъ Калина.

— Полно сердиться, старинушка; вотъ есть изъ чего! А насчетъ ея ты не сумлѣвайся: къ тому времени, можетъ статься, Богъ дастъ Глафир... ну да что загадывать? Пристроимъ Палашку, найдемъ и ей мѣсто. Скажи ты мнѣ только одно, Калина Васильичъ: можешь-ли — да навѣрное говори — можешь-ли, примѣрно, написать дубраву?

Калина небрежно взглянулъ на Ивана, повернулся къ нему спиной и, презрительно улыбаясь, сталъ смотрѣть въ уголъ.

— Какъ, Калина-то Васильичъ? Не сумлѣвайтесь, Иванъ Емельянычъ, все можетъ! проговорилъ съ поспѣшною заботливостью Моисей; затѣмъ, онъ понизилъ голосъ, нагнулся къ собесѣднику и, глубокомысленно моргая бѣлыми рѣсницами, прибавилъ, указывая головою на маляра:—умнѣйшій человѣкъ, все можетъ исполнить!

Калина повернулся къ разговаривавшимъ и лицо его не представляло уже ни малѣйшаго слѣда суровости.

— Все могу, все могу! произнесъ онъ, торжественно подымая голову и вмѣстѣ съ нею правую руку: — все могу, какія тебѣ хочешь декораціи могу исполнить: дубраву-ли, лѣсъ-ли какой, арабескъ-ли подвести—все могу...

— Ну когда такъ, стало и разговаривать нечего! радостно воскликнулъ Иванъ. — По рукамъ, что-ли?

— Ладно! отвѣчалъ Калина.

— Вотъ Глафира Львовна и Моисей Егорычъ свидѣтели; давай руку!

— А на закрѣпу-то что-жъ? спросилъ Калина, подергивая бровями.

— И закрѣпа будетъ. Я не пью, а ты выпей себѣ на здоровье.

Иванъ далъ деньги; Калина сунулъ ихъ въ руку Палашки. Вскорѣ явилась закрѣпа, а немного погодя, на лицѣ Калины изгладились и послѣдніе слѣды неутѣшнаго горя.

Цѣлый мѣсяцъ Аристархъ Ѳедоровичъ не выходилъ изъ сво-

его кабинета. Окна были тщательно завѣшаны, въ корридорѣ разостланы половики; всѣ ходили на цыпочкахъ; подлѣ дома разставлены были люди, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобъ не подпускать ни одной телѣги; дворовыя собаки отправлены были въ деревню; даже пѣтухи подверглись изгнанію, къ совершенному неудовольствію куръ, которыя, по свойственной имъ кротости, составляющей, какъ извѣстно, лучшее украшеніе женскаго пола, перессорились въ тотъ же день, поставили вверхъ дномъ всѣ клѣтушки, взбудоражали цѣлые ворохи соломы и объявили напрямикъ, что коли на то пошло, онѣ себя покажутъ и на зло же не станутъ нести яицъ до тѣхъ поръ, пока не исполнятъ ихъ воли и не выпустятъ пѣтуховъ изъ заключенія.

Домъ, погруженный въ мрачное молчаніе, походилъ на заколдованный домъ спящей красавицы, гдѣ все, начиная съ кухоннаго огня, кончая прислугою и наконецъ самой царевной, предавалось безпробудному усыпленію. Аристархъ Ѳедоровичъ лежалъ въ постели. Съ нимъ приключилось то же самое, что за восемь лѣтъ тому назадъ, послѣ злополучной исторіи съ Солонеевымъ: всѣ предметы, лица и даже самое небо представлялись ему въ ярко-желтомъ свѣтѣ, какъ-будто за день до этого Ханскіе-Пруды, со всѣми ихъ угодьями и жителями, подверглись наводненію изъ шафраннаго настоя.

Аристархъ Ѳедоровичъ лежалъ въ постели! Не въ порядкѣ вещей, однакожъ, чтобъ умственная дѣятельность такого человѣка, какимъ былъ Балахновъ, могла сокрушиться отъ подобной бездѣлицы. Тѣло—особая статья: тѣло могло пасть и сокрушиться подъ бременемъ злополучныхъ обстоятельствъ; но душа, умъ—словомъ, то, что называемъ мы духомъ и надъ чѣмъ мы властны, казалось, получило еще больше могущества и упругости въ величавой груди Аристарха Ѳедоровича. „Пріятности и огорченія равно содѣйствуютъ къ возбужденію растительной силы, сокрытой въ негодныхъ сѣменахъ“, сказалъ какой-то мудрецъ. Встрѣчаетъ ли подобный человѣкъ всеобщее уваженіе или ненавистное презрѣніе со всѣхъ сторонъ—самолюбіе его разгорается съ одинаковою, если еще не съ большею, силою, особенно при послѣднемъ случаѣ.

Впродолженіе этого мѣсяца не было такого часа, гдѣ-бы записная книжка Аристарха Ѳедоровича не украсилась какимъ-нибудь мудрымъ изреченіемъ, которое показывало въ авторѣ глубокое знаніе человѣческаго сердца, но вмѣстѣ съ тѣмъ и но-

сило на себѣ печать горько-безотраднаго чувства — увы! неразлучнаго съ такимъ познаніемъ. Не проходило дня, чтобъ окрестные сосѣди не получали памфлета, сатиры или аллегоріи на владѣтеля Большихъ-Солей. Какъ, откуда, отъ кого, какимъ способомъ попадались памфлеты, сатиры и аллегоріи въ руки сосѣдей—никто объяснить не могъ. Большею частью ихъ находили на садовыхъ дорожкахъ или приносили дворовые люди, которые находили ихъ ранней утренней порой на крыльцѣ господъ... „Вотъ вздоръ какой! есть изъ чего разлиться жолчи и слечь въ постель. Да наконецъ чего-жъ добивался этотъ Аристархъ Ѳедорычъ?“ Еслибъ привелось услышать такіе вопросы со стороны читателя, я принужденъ былъ-бы, съ своей стороны, сказать ему съ обычною своею откровенностью, что онъ рѣшительно не посвященъ въ тайны человѣческаго сердца. Какъ, чего добивался? Помилуйте! Вспомните только, чего добиваются другіе люди! Я зналъ, напримѣръ, одну даму и даже очень-неглупую, которая дѣлалась больна всякій разъ, когда одно очень значительное лицо, въ домъ котораго она ѣздила, не удостоивало ее, за неимѣніемъ времени, привѣтливымъ словомъ или взглядомъ. Разверните любое тяжебное дѣло: тамъ найдете вы, какъ очень порядочные, повидимому, люди истратили тьму денегъ и сдѣлались непримиримыми врагами за клочокъ земли, нестоющій двухъ съ полтиною на мѣдные гроши. Прогуляйтесь по Невскому проспекту, по Тверскому бульвару, войдите въ любое публичное мѣсто—вы увидите, что люди, преисполненные страшной гордости, гнутся въ-три-погибели, млѣютъ и замираютъ, чтобъ получить взглядъ, улыбку, пожатіе руки, ласковый поклонъ, а иногда и того менѣе!... Чего-жъ они добиваются, скажите намилость? Неужели-же Аристархъ Ѳедоровичъ, сгоравшій отъ самолюбія, желавшій играть роль между помѣщиками своего уѣзда (желаніе, возбуждаемое еще болѣе ненавистью къ Солонееву, передъ которымъ онъ хотѣлъ восторжествовать), скупавшій по этому случаю сосѣднія земли, задававшій, не взирая на отощавшій карманъ, балы и обѣды, и вдругъ лишившійся случая нанести окончательное пораженіе Солонееву—неужели всѣ эти желанія и стремленія не легче объяснить, чѣмъ то, до чего добиваются вышеприведенныя особы, преисполненныя недосягаемой гордости?... Но это въ скобкахъ.

Впродолженіе этого несчастнаго мѣсяца никто, или почти никто, не удостоился взглянуть на Балахнова. Онъ самъ, впрочемъ, никого не хотѣлъ видѣть. Во все это время былъ одинъ только

Порфирій Павловичъ, пріѣзжавшій звать къ себѣ на свадьбу. Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ впустить его, но принялъ въ постели. Трудно описать отчаяніе сердобольнаго Василькова, когда узналъ онъ, что болѣзнь лишитъ его такого почтеннаго посажонаго отца. У добраго, чувствительнаго Порфирія Павловича была такъ же, какъ и у всѣхъ смертныхъ, своя доза самолюбія: разъѣзжая съ приглашеніями по сосѣдямъ, онъ не могъ утерпѣть, чтобъ не шепнуть на ушко радостное извѣстіе, что Балахновъ будетъ у него посажонымъ отцомъ. Пронзенный теперь насквозь горестнымъ событіемъ, онъ каялся въ своей поспѣшности. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ противъ постели страдавшаго, въ совершенномъ оцѣпенѣніи всѣхъ чувствъ. Оставалось одно утѣшеніе, что хоть, по крайней мѣрѣ, Лизавета Семеновна Балахнова не откажется отъ роли посажоной матери жениха. Въ этомъ Порфирій Павловичъ не ошибся: Лизавета Семеновна, несмотря на всю свою грусть, дала слово пріѣхать на свадьбу. Обнадеженный и нѣсколько-утѣшенный Васильковъ выходилъ уже въ залу, какъ вдругъ наткнулся на Попельковскаго, который, впрочемъ, давно уже поджидалъ его въ дверяхъ. Ардаліонъ Александровичъ поспѣшно увлекъ его на террасу и началъ съ того, что бросился къ нему на шею, обдавъ его потокомъ благодарственныхъ изреченій. Порфирій Павловичъ былъ тронутъ до глубины души чувствами старинаго своего знакомаго незнакомца. Онъ узналъ, что Попельковскій ни за что въ свѣтѣ не пріѣхалъ-бы въ Ханскіе-Пруды, если-бъ былъ предувѣдомленъ заранѣе, что Порфирій Павловичъ не составляетъ члена Балахновскаго семейства. Попельковскій сгоралъ однимъ желаніемъ увидѣться съ Васильковымъ, къ которому съ перваго взгляда почувствовалъ неизъяснимое влеченіе. Порфирій Павловичъ узналъ, сверхъ того, что безкорыстная душа Попельковскаго не выносила пышной жизни, таящей въ себѣ зародышъ холоднаго обращенія, что роскошь большого свѣта была тягостна Попельковскому, который предпочиталъ тихую семейную жизнь, скромный домикъ и сладостное созерцаніе двухъ нѣжно-любящихся сердецъ. Быть другомъ, посредникомъ между двумя любящими сердцами,—вотъ что составляло, по словамъ Ардаліона Александровича, истинное наслажденіе въ жизни.

Порфирій Павловичъ былъ такъ довѣрчивъ, что если-бъ ему продали въ Тулѣ перочинный ножикъ и увѣрили его, что это настоящій англійскій, онъ и тутъ-бы нимало не усомнился. Съ нимъ

даже произошелъ, кажется, разъ такой-же точно случай. Онъ умилился до невѣроятной степени словами Попельковскаго, словами, которыя выражали его собственныя чувствованія. Онъ утѣшилъ нѣжнаго Ардаліона Александровича, пригласилъ его къ себѣ на свадьбу и поспѣшилъ увѣрить, что и самъ мечталъ всегда о такой жизни и радушно принимаетъ его, какъ друга, въ свое маленькое семейство. Попельковскій хотѣлъ уже сказать: „нельзя-ли какъ-нибудь скорѣе исполнить такое намѣреніе?“ но увидѣвъ Карачаева, подходившаго быстрыми шагами, выразительно подмигнулъ глазомъ и скрылся за террасой.

— Порфирій! ха! ха! ха! душа моя! закричалъ Карачаевъ, растопыривая свои руки и радостно обнимая Василькова: — однакожъ, écoutée, вотъ что, братъ, радость радостью, дѣло дѣломъ: когда свадьба? заключилъ Павелъ Петровичъ, нахмуривая брови и обнаруживая всѣ признаки живѣйшей, глубокой заботливости.

Васильковъ объявилъ восторженно, что свадьба назначена чрезъ десять дней.

— Стой! Ладно! произнесъ Карачаевъ, принимая самый серьезный и дѣловой видъ. Ѣдемъ, Порфирій; мѣшкать нечего. Надо все это устроить, душа моя, такъ, какъ слѣдуетъ. Ѣдемъ!

— Да куда-же ѣхать-то? Я ужъ все устроилъ: музыку пригласилъ, купилъ вина, объѣздилъ весь уѣздъ...

— Чего? че-е-во? проворчалъ Карачаевъ, мгновенно разгорячась: — че-е-во? А кто-жъ тебя просилъ объ этомъ? крикнулъ онъ, запальчиво вращая своими воспаленными бѣлками: — просилъ-ли я тебя объ этомъ, да или нѣтъ? Ты просилъ меня въ шаферы — я согласился, и потомъ ты поступаешь со мной такъ низко... Смѣяться надъ собой я никому не позволю, слышишь-ли? Я тебя спрашиваю: шаферъ-ли я? да или нѣтъ?

Оторопѣвшій Васильковъ поспѣшилъ увѣрить Карачаева, что онъ не только считаетъ его своимъ шаферомъ, но даже искреннимъ, преданнѣйшимъ другомъ, и никогда не думалъ надъ нимъ смѣяться.

— Ну, когда такъ, такъ стало такъ и есть! воскликнулъ Карачаевъ, мгновенно успокоиваясь. — Я, братецъ, хотѣлъ сказать тебѣ, что это нехорошо; такъ не дѣлаютъ между порядочными людьми! Если ты приглашалъ меня въ шаферы, значитъ, долженъ былъ положиться во всемъ на меня: я знаю свои обязанности!... Ну, да Богъ съ вами! прошлаго не воротишь; времени терять нечего: ѣдемъ, Порфирій!

— Да куда-же ѣхать-то? спросилъ Васильковъ, рѣшительно непонимавшій, чего хотѣлъ отъ него пріятель.

— Какъ куда ѣхать? Ты думаешь, пригласилъ музыкантовъ, да купилъ вина, такъ ужъ и Богъ знаетъ какое дѣло сдѣлалъ! крикнулъ Карачаевъ, принимаясь размахивать руками. — Нѣтъ, душа моя, все это надо устроить какъ слѣдуетъ между порядочными людьми. Сдѣлай только милость, душа моя, не мѣшайся во все это, предоставь мнѣ; я все это самъ обдѣлаю, заключилъ онъ, окончательно смягчаясь.

Порфирій Павловичъ хотѣлъ было возражать, но Карачаевъ не далъ ему проговорить слова. Онъ бросился въ переднюю, закричалъ: „Запрягать лошадей! жи-и-ва!“, потомъ кинулся въ людскую, отыскалъ Ивана и, объяснивъ ему, что вотъ такъ и такъ, долженъ ѣхать непремѣнно на свадьбу, поручилъ ему надзирать заботливо за обѣдомъ и ужиномъ Медора. Затѣмъ онъ вернулся въ домъ. Теперь предстояла ему трудная обязанность проститься съ Лизаветой Семеновной, которая почему-то не покидала своей дѣтской впродолженіи послѣднихъ трехъ недѣль. Карачаеву извѣстна была въ мельчайшихъ подробностяхъ причина грусти Балахновой; одну часть этихъ подробностей объяснилъ онъ себѣ разсудкомъ, другая — самая сокровенная и вмѣстѣ съ тѣмъ сложная — разъяснялась передъ нимъ помощью какого-то особеннаго сердечнаго чутья. Въ другое время онъ ни за что въ свѣтѣ не рѣшился-бы оставить Лизавету Семеновну на произволъ судьбы, одну въ большомъ домѣ (Карачаевъ былъ твердо увѣренъ, что въ его присутствіи никто, ни даже самъ Аристархъ Ѳедоровичъ не рѣшился-бы взглянуть косо на добрую женщину; хотѣлъ-бы онъ посмотрѣть, кто осмѣлился-бы прикоснуться къ ея волоску или нанести ей огорченіе!), но теперь явилось такое обстоятельство, что, волею-неволею, онъ долженъ былъ отлучиться на время изъ Ханскихъ-Прудовъ. Онъ постучался въ дверь спальни и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предсталъ предъ Лизаветой Семеновной съ стѣсненнымъ сердцемъ. Взглянувъ на блѣдное, заплаканное лицо ея, онъ окончательно растерялся и объявилъ напрямикъ, что ни за что не поѣдетъ изъ дому. Получивъ въ отвѣтъ, что этого никакъ не слѣдовало дѣлать, потому что чрезъ то нарушалось деликатное положеніе, въ которое поставленъ онъ Васильковымъ, Карачаевъ успокоился. Онъ перецѣловалъ дѣтей, простился съ Лизаветой Семеновной и вышелъ изъ дѣтской, давъ себѣ слово обдѣ-

лать, какъ можно скорѣе, всѣ дѣла, взгроможденныя на него обязанностью шафера, и вернуться какъ можно поспѣшнѣе въ Ханскіе-Пруды.

Полчаса спустя, Карачаевъ усадилъ Василькова въ свою телѣжонку и, приказавъ тарантасу не отставать ни на шагъ, полетѣлъ вихремъ по направленію къ Грачовкѣ.

Восемь дней, ровно восемь дней, послѣ вышеупомянутыхъ событій, Карачаевъ снова явился въ Ханскіе-Пруды. Заботы отпечатлѣвались рѣзкими чертами на красномъ лицѣ его, сохранявшемъ выраженіе полной готовности, усердія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанія въ отношеніи къ почетной роли шафера, возложенной на него добрымъ пріятелемъ. Онъ былъ въ „черномъ своемъ фракѣ“, въ рукахъ держалъ „шляпу“. Шляпа, взятая на время у Барабанчикова (Карачаевъ сдѣлалъ для этого нарочно сорокъ верстъ крюку), была крошечная и не могла умѣститься на верхушкѣ его лысины; поэтому онъ держалъ ее постоянно во всю дорогу въ лѣвой рукѣ. Войдя съ какимъ-то особеннымъ величавымъ спокойствіемъ въ домъ, онъ направился прямо къ Лизаветѣ Семеновнѣ. Карачаевъ объявилъ, что пріѣхалъ за ней: въ домѣ жениха приготовлена была для нея комната; она переночуетъ сегодняшнюю ночь и завтра утромъ, послѣ благословенія бракосочетающихся, поѣдетъ за ними въ церковь. Проговоривъ это съ особенною торжественностью, онъ пошелъ въ кабинетъ. Но тутъ уже достоинство, которое онъ хотѣлъ сохранить съ такимъ тщаніемъ, разлетѣлось въ дребезги. Узнавъ, что Балахновъ отказывается напрямикъ принять участіе въ свадьбѣ, Карачаевъ вышелъ изъ себя. Онъ объявилъ наотрѣзъ, что это ни на что не похоже, что такъ не дѣлаютъ между порядочными людьми, что если ужъ далъ слово, такъ держи это слово... и прочее, въ томъ же родѣ. Выпровожденный довольно неучтиво изъ кабинета, Карачаевъ осмотрѣлъ прежде всего локти фрака, которые не переставали издавать маленькій трескъ во все время объясненія съ Балахновымъ, потомъ перенесъ въ лѣвую руку шляпу и, полный своею ролью, отправился въ комнату проживальщиковъ. Онъ церемонно раскланялся передъ Дрянковымъ, протянулъ ему руку и сказалъ, что женихъ и невѣста поставляютъ себѣ за особую честь видѣть у себя на свадьбѣ Аполлона Егоровича. Съ такими-же точно словами обратился онъ Прокисаю Захаровичу. Поймавъ, не безъ особенныхъ трудовъ, Попельковскаго, который продолжалъ бѣгать отъ

Карачаева всякій разъ, какъ видѣлъ кончикъ его краснаго носа, Павелъ Петровичъ отвѣсилъ ему сухой поклонъ и сказалъ: „И васъ также просятъ на свадьбу!“ Ардаліонъ Александровичъ хотѣлъ было пуститься въ любезности, но Карачаевъ повторилъ поклонъ и сухо произнесъ: „Виноватъ, мнѣ теперь некогда!“ Исполнивъ въ точности возложенныя на него обязанности, Карачаевъ спустился въ садъ, нарвалъ огромнѣйшій букетъ изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ и вернулся къ Лизаветѣ Семеновнѣ объявить, что карета дожидается у подъѣзда. Церемонія заштопыванія фрачныхъ локтей и усаживанія Лизаветы Семеновны заняла немало времени.

Къ вечеру шаферъ и посажоная мать уѣхали, сопровождаемые телѣжкой Карачаева, въ которой сидѣли Попельковскій, Дрянковъ и Прокисай Захаровичъ.

Оставшись наединѣ въ прадѣдовскомъ домѣ, Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ отворить ставни кабинета и увидѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что окружающіе его предметы все еще сохраняли такой видъ, какъ будто подверглись наводненію изъ шафраннаго настоя. Мудренаго тутъ, впрочемъ, ничего не было. Причиною были два письма, полученныя наканунѣ. Въ первомъ письмѣ Семенъ Семеновичъ Кошкинъ извѣщалъ вторично, что весьма соболѣзнуетъ его горю, но совсѣмъ тѣмъ не можетъ утѣшить друга, потому что самъ лежитъ въ постели. Аристархъ Ѳедоровичъ, узнавъ отъ посланнаго, что Кошкинъ былъ здоровъ и даже разъѣзжалъ по сосѣдямъ, конечно, не могъ не возмутиться такою вѣстью, и странно было-бы, если-бъ послѣ этого родъ человѣческій предсталъ предъ нимъ въ розовомъ свѣтѣ. Онъ ничего, однакожъ, не сказалъ и ограничился тѣмъ только, что подчеркнулъ въ записной книжкѣ слѣдующее изреченіе: „Чѣмъ поверхность рѣки глаже, тѣмъ дно ея глубже; чѣмъ лицо человѣка спокойнѣе, тѣмъ душа его двуличнѣе“. Второе письмо раздражило его на столько-же, если еще не болѣе. Оно было отъ старичка Пшеницына и напоминало ему ненавистнаго Окатова.

„Милостивый государь мой, (писалъ Пшеницынъ) не могу пре„минуть васъ увѣдомить, что я, по милости Создателя, нахожусь „еще въ живыхъ. Посылаю къ вамъ, милостивый государь мой, „всепокорнѣйшее о неоставленіи меня прошеніе. Былъ я на-дняхъ „съ ходатайствомъ у многоуважаемаго вами Николая Степановича „Окатова. Не удостоился я великой чести узрѣть его. Сдѣлайте

„такую божескую милость, замолвите письмецомъ ему о моемъ Ѳе-„динькѣ. Что ты станешь дѣлать! ростетъ не по днямъ, а по „часамъ! Охъ, проспали, прозѣвали мы съ матерью его лѣта. Же-„ланіе, единственное желаніе всегда служить вамъ, обнадеживаетъ, „что вы не отринете моей просьбы, ибо есмь съ нелицемѣрнымъ „почтеніемъ преданный вамъ навѣки-вѣчные.

„Иванъ Панкратьевъ Пшеницынъ“.

Прочитавъ это письмо, Аристархъ Ѳедоровичъ почувствовалъ легкое головокруженіе и приказалъ снова запереть ставни. Такъ провелъ онъ нѣсколько дней сряду. Лизавета Семеновна, Карачаевъ и остальные проживальщики, приглашенные на свадьбу, вернулись уже въ Ханскіе-Пруды, а Аристархъ Ѳедоровичъ все еще сидѣлъ или лежалъ въ своемъ кабинетѣ.

Вышелъ онъ въ первый разъ, когда, недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы, пришли доложить ему, что пріѣхали молодые.

Аристархъ Ѳедоровичъ явился въ гостиную; разсѣянно раскланялся съ молодою, сказалъ ей два-три комплимента, потомъ два-три слова молодому, и принялся молча расхаживать по залѣ.

Женитьба произвела замѣтную перемѣну въ Васильковѣ. Онъ употребилъ, повидимому, всевозможныя усилія, чтобъ казаться солиднѣе, глубокомысленно моргалъ глазами, говорилъ разумныя, тихія рѣчи, которыя доказывали, что онъ уже проникся новымъ своимъ положеніемъ и понималъ въ совершенствѣ, что теперь неслѣдъ было вмѣшиваться въ шумныя сборища холостыхъ товарищей. Онъ долженъ былъ вести себя солидно, говорить разумно, взвѣшивать каждое слово, а въ минуты молчанія глубокомысленно закрывать глаза. Но, увы! не всѣ надѣлены завидною долею держать на привязи порывы своего сердца. Какъ ни крѣпился Порфирій Павловичъ, сколько ни насупивалъ бровей, чтобъ сохранить видъ спокойный и солидный, восторгъ, наполнявшій его душу, прорывался насквозь и безпрестанно измѣнялъ ему. Онъ поминутно вскакивалъ съ мѣста, подбѣгалъ къ женѣ, чтобъ поправить какой-нибудь бантикъ, спрашивалъ, не безпокоитъ-ли ее сквозной вѣтеръ, или садился подлѣ и не отрывалъ отъ нея глазъ, какъ-бы желая предупредить малѣйшее ея желаніе. Антонина Васильевна не обращала большого вниманія на мужа; черные, быстрые глазки ея, обращавшіеся ласково ко всѣмъ, не исключая даже Копкова, отворачивались всякій разъ, когда встрѣчались съ глазами супруга;

видно было, что она билась изо всей мочи, чтобъ показать совершенное безпристрастіе, холодность и даже полное равнодушіе къ супругу. Подобно многимъ барышнямъ, воспитаннымъ въ пансіонахъ, она увѣрена была, что въ этомъ-то именно и состоитъ бон-тонъ. Супругъ нимало, однакожъ, не оскорблялся такими выходками: напротивъ, всякій разъ, какъ супруга хмурила брови, онъ утроивалъ, учетверялъ свою нѣжность; не проходило минуты безъ того, чтобъ Порфирій Павловичъ не поцѣловалъ жениной руки или кончика ея мизинца. За обѣдомъ Васильковъ, усѣвшійся подлѣ Антониночки, забылъ уже все его окружавшее: онъ не переставалъ ухаживать за нею, наливалъ ей воды, поддерживалъ блюда, поправлялъ шаль и послѣ каждаго кушанья прикладывался къ ея щекѣ или плечу, причемъ заунывно-страстно вращалъ своими глазами; разъ даже, а именно во время десерта, онъ поцѣловалъ ее нѣсколько разъ сряду въ самыя губки, такъ-что Аристархъ Ѳедоровичъ, сидѣвшій насупротивъ, не утерпѣлъ, чтобъ не сказать: „Ай-да молодые супруги! Вотъ любовь! Вотъ поцѣлуй! Вчужѣ позавидуешь!“

Легкая тѣнь ироніи, которая проглядывала въ этихъ словахъ, обдала стужей воспаленное сердце Василькова. Взглянувъ на раскраснѣвшееся лицо жены и нимало не сомнѣваясь, что смущеніе ея происходило отъ замѣчанія Балахнова, Порфирій Павловичъ, все еще вѣрный своей супружеской роли, чрезвычайно обидѣлся. Онъ поднялъ на Аристарха Ѳедоровича глаза свои, потомъ опустилъ ихъ и, покручивая головою, произнесъ несовсѣмъ-твердымъ голосомъ:

— Что-жъ, Аристархъ Ѳедоровичъ? тутъ нѣтъ ничего особенно такого... Вы... вы, можетъ-быть, цѣлуетесь по утонченности свѣта-съ, а мы, Аристархъ Ѳедоровичъ, мы—какъ любовь позволяетъ-съ.

Такъ-какъ послѣ обѣда Антонина Васильевна запретила своему мужу подходить къ себѣ ближе чѣмъ на десять шаговъ, то Васильковъ, окончательно разстроенный и огорченный, отправился въ садъ.

За первымъ же кустомъ онъ встрѣтился съ Попельковскимъ.

— Возмущенъ за васъ... Грубо, неделикатно! сказалъ Ардаліонъ Александровичъ, крѣпко пожимая руку Порфирію Павловичу, который шелъ, опустивъ голову.—Неблагородно! Получивъ воспитаніе, почту долгомъ отвѣтствовать. Скажу искренно: грубые люди! Не будь вы, никогда не остался-бы въ этомъ домѣ. Неде-

ликатное обхожденіе... Лесть въ глаза, за глаза другое... Насчетъ васъ тоже самое...

— Какъ, не-уже-ли онъ и меня бранитъ? Да за что же? что я ему сдѣлалъ? спросилъ Васильковъ, огорченный до глубины сердца.

— Такъ точно, отвѣчалъ Попельковскій, снова пожимая ему руку.—Вчера еще смѣялся надъ вами и надъ вашей женой... Очаровательна, мила, прекрасна—всѣ скажутъ. Самый двуличневый человѣкъ! Да и всѣ здѣсь таковы. Желалъ-бы другой жизни... Обстоятельства... тётка скупая! Не будь это—уѣхалъ-бы сію минуту, купилъ-бы подлѣ васъ имѣніе, все пополамъ. Питаю къ вамъ сердечную склонность... Позвольте обнять васъ! Терпѣть не могу двуличневыхъ людей. Балахновъ расплатится за то, что смѣется надъ вами...

Нѣжная душа Порфирія Павловича получила страшный ударъ разочарованія. Такъ точно: холодный пріемъ Балахнова, его отказъ принять участіе въ свадьбѣ, подъ предлогомъ болѣзни, сарказмъ во время обѣда—все подтверждало слова Попельковскаго. Васильковъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые вѣкъ свой мечтаютъ о томъ, какъ-бы найти вѣрнаго, неизмѣннаго друга. Васильковъ находилъ такихъ друзей на каждомъ шагу; но такъ-какъ ни одинъ другъ не выдерживалъ долѣе сутокъ сердечныхъ изліяній, приторныхъ сантиментальныхъ фразъ, которыми осаждалъ его Васильковъ, то Порфирій Павловичъ огорчался всякій разъ до глубины сердца и предавался одиночеству. На другой-же день одиночество уже тяготило его: онъ садился въ тарантасъ, летѣлъ къ первому ближайшему сосѣду и бросался къ нему въ объятія. Потому-ли, что пріемъ сосѣда казался ему холоденъ, но онъ снова падалъ духомъ, и снова мечта объ одиночествѣ западала ему въ голову. Послѣ всего слышаннаго, особенно послѣ участія, обнаруженнаго Попельковскимъ, Порфирій Павловичъ не сомнѣвался, что нашелъ, наконецъ, преданнаго и истиннаго друга. Результатъ этого открытія былъ тотъ, что Васильковъ умолялъ Ардаліона Александровича послѣдовать за нимъ и раздѣлить его уединеніе. Утонченная деликатность, какою снабженъ былъ Попельковскій, заставила его нѣкоторое время колебаться, но наконецъ онъ уступилъ, взявъ въ соображеніе, что отказъ съ его стороны могъ только нанести новое огорченіе чувствительному сердцу Порфирія Павловича.

Удаленіе Ардаліона Александровича изъ дому Балахновыхъ

подѣйствовало пріятнымъ образомъ на всѣхъ жителей и особенно на дворовыхъ людей. Что-жъ касается до Прокисая Захаровича, Попельковскій не только не возвратилъ ему галстука, но даже воспользовался, самоуправно и безъ отдачи, шелковымъ платочкомъ, который тѣмъ самымъ былъ дорогъ проживальщику, что младшая Кокуркина держала когда-то этотъ платокъ въ рукахъ своихъ. Словомъ, всѣмъ насолилъ Ардаліонъ Александровичъ, и всѣ были рады, что онъ убрался по-добру по-здорову.

Сердце Порфирія Павловича не могло долго сохранять злобы: размягченное ласковымъ, задушевнымъ обращеніемъ новаго друга, переполненное благополучіемъ, оно искало только случая излиться въ сердца другихъ людей и раздѣлить съ ними свои чувствованія. Не прошло двухъ недѣль послѣ его отъѣзда изъ Ханскихъ-Прудовъ, какъ уже Аристархъ Ѳедоровичъ получилъ приглашеніе удостоить своимъ посѣщеніемъ тихій домикъ на берегу живописной рѣчки и выпить въ немъ чашку чая: „Порфирій Павловичъ Ва„сильковъ и Антонина Васильевна Василькова просятъ покорнѣйше „Аристарха Ѳедоровича и Лизавету Семеновну, съ дѣтками и всѣ„ми гостями, пожаловать къ нимъ завтра на вечеръ откушать хан„скаго, бѣлаго, сребровиднаго букетнаго чая съ эѳирными бисквi„тами, изготовленными золотыми ручками самой хозяйки...“

Желчь къ этому времени начинала чуть-чуть утихать въ величавой груди Аристарха Ѳедоровича; онъ чувствовалъ уже скуку сидѣть дома безъ гостей; къ тому-же слѣдовало опровергнуть слухи, носившіеся по уѣзду, будто онъ слегъ въ постель отъ огорченія, нанесеннаго исторіею съ Окатовымъ. Всему этому надлежало, разумѣется, придать видъ глупѣйшей лжи, и не было лучшаго средства, какъ показать себя въ это время блестящимъ болѣе чѣмъ когда-нибудь и полнымъ, сверхъ того, величаваго и гордаго спокойствія. Проникнутый такой мыслью. Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшился не только ѣхать къ Василькову, но заглянуть даже къ другимъ сосѣдямъ, а именно къ богачу Бобохову, которому, во-первыхъ, онъ долженъ былъ отдать визитъ, и который, во-вторыхъ, могъ сильно пригодиться при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

XV.

Правдивая исторія одного медоваго мѣсяца.

Порфирій Павловичъ считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ цѣлой губерніи. Порфирій Павловичъ былъ влюбленъ въ свою жену задолго еще до брака. Тоскуя посреди глубокаго своего одиночества и возводя постоянно мысли свои (съ шестнадцатилѣтняго возраста) къ тихимъ радостямъ семейной жизни, онъ естественно долженъ былъ считать себя на верху благополучія, достигнувъ разъ задушевной своей цѣли. Нужно было видѣть Василькова въ то время, какъ онъ убиралъ маленькій домикъ на берегу живописной рѣчки, домикъ, долженствующій помѣстить въ себѣ будущую его супругу! Порфирій Павловичъ хотѣлъ, чтобъ свадьба совершилась въ собственномъ его помѣстьѣ, деревушкѣ Сусловкѣ, заключавшей въ себѣ двадцать-двѣ души и примыкавшей къ владѣніямъ Балахнова, и это обстоятельство, заставляя его ѣздить по пяти разъ въ день изъ Сусловки въ Грачевку для совѣщаній съ тёщей и невѣстой, поддерживало въ одинаковой степени восторженное настроеніе души его. Нужно было видѣть Порфирія Павловича, когда, взгромоздившись на верхнія ступеньки ручной лѣстницы, перевязывалъ онъ голубыми лентами занавѣски брачной постели! Особенно любопытное зрѣлище представлялъ онъ въ губернскомъ городѣ въ то время, какъ дѣлалъ свадебныя закупки. Еслибъ сказали Василькову, что три тысячи, данныя ему Фанагоріей Петровной, составляютъ все его имущество (что было-бы не лишено справедливости), онъ и тутъ, кажется, истратилъ-бы ихъ до послѣдней полушки. Дѣло извѣстное: восторженное настроеніе духа никогда не уживается съ разсчетомъ! Имѣя въ виду лишь одно наслажденіе семейной жизни, Порфирій Павловичъ позаботился прежде всего пріобрѣсти фортепіано. Какъ сладко, Боже! какъ сладко потекутъ длинные зимніе вечера! Порфирій Павловичъ положитъ свою голову на плечо Антониночки; Антониночка склонитъ щечку на лицо мужа и будетъ слегка перебирать клавиши... Сумерки давно уже наступили; въ домѣ темно, хоть глазъ выколи, но они ничего не замѣчаютъ и продолжаютъ сидѣть въ невозмутимо-сладостномъ усыпленіи всѣхъ чувствъ... Рисуя въ воображеніи привлекательную картину того, какъ молодая хозяйка будетъ возсѣдать за самоваромъ, Васильковъ вошелъ въ лавку

колоніальныхъ товаровъ и потребовалъ самаго лучшаго душистаго чаю; минуту спустя два фунта бѣлаго, ханскаго, сребровиднаго, букетнаго чая поступили въ число другихъ закупокъ. Затѣмъ благополучнѣйшій изъ всѣхъ жениховъ отправился въ мебельныя лавки: оказалось необходимымъ выбрать лучшій дамскій туалетъ и лучшій рабочій столикъ. Но вотъ вопросъ: чѣмъ наполнить ящикъ туалета и рабочаго столика? При такомъ неожиданномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ многосложномъ вопросѣ, все на минуту смѣшалось въ головѣ Порфирія Павловича, и глаза его выкатились такъ страшно, что купецъ, отпускавшій мебель, отпрянулъ шагъ назадъ, обнаруживая готовность юркнуть за прилавокъ. Наконецъ, счастливая мысль озарила Василькова: чего-же лучше? онъ наполнитъ ящики туалета разными дамскими принадлежностями и такъ хитро устроитъ дѣло, что Антониночка ничего не будетъ знать до тѣхъ поръ, пока не полюбопытствуетъ заглянуть въ эти ящики. Полный такою мыслью, онъ пошелъ ускореннымъ шагомъ въ москательные ряды. Разспросивъ обстоятельно о томъ, какіе бываютъ самые лучшіе духи и помада, и получивъ въ отвѣтъ, что лучшія издѣлія этого рода принадлежатъ безспорно Мусатову, Порфирій Павловичъ накупилъ безчисленное множество флаконовъ изъ синяго стекла, съ криво и косо налѣпленными ярлыками, украшенными золотою надписью: a Pari, потомъ пріобрѣлъ такое-же количество полновѣсныхъ синихъ банокъ съ надписью: a eliotrop, но въ сущности издававшихъ сильный запахъ гвоздики. Когда всѣ мѣста, не включая даже кармановъ Василькова, были наполнены заграничными издѣліями Мусатова, покупатель вышелъ изъ лавки, объявивъ напередъ купцамъ, что почтетъ за непремѣнную обязанность отрекомендовать ихъ цѣлой губерніи. Надо-же было наконецъ подумать и о себѣ самомъ. Свадебная пара чернаго платья была заказана „Ивану Остолопову изъ Петербурга“. Иванъ Остолоповъ обязывался, сверхъ того, построить изъ остатковъ сукна щегольскую фуражку, на которой красовался-бы непремѣнно широкій красный околышекъ. Порфирій Павловичъ былъ брюнетъ, и красный околышекъ долженъ былъ идти, какъ нельзя лучше, къ его мужественному лицу. Вмѣстѣ съ мыслью о красномъ околышкѣ, въ головѣ Василькова создавалась мысль о томъ, что наружность мужа имѣетъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на семейное счастье. Нимало не сомнѣваясь въ искусствѣ столичнаго мастера, Порфирій Павловичъ обратилъ свои мысли къ другому предмету. Раз-

суждая весьма основательно о томъ, что женатый человѣкъ никакъ не можетъ обойтись безъ шкатулки съ разными секретными ящиками, куда-бы, въ случаѣ надобности, въ дорогу, напримѣръ, можно было укладывать деньги, женины письма и бисерные кошельки, вышитые женою, онъ пустился въ догонку за такой вещицей; поиски его увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ; шкатулка превзошла даже ожиданія: въ ней находилось все нужное для письма; посрединѣ помѣщался вертлявый жолобокъ съ палкою сургуча и двумя карандашами; по сторонамъ красовались высеребряныя чашечки для чернилъ и песку; на днѣ, въ секретномъ отдѣленіи, лежала пачка почтовой бумаги, на которой Васильковъ предполагалъ писать записочки добрымъ пріятелямъ о посѣщеніи его въ маленькомъ домикѣ, на берегу живописной рѣчки.

Восторженное состояніе Порфирія Павловича нимало не остыло, когда онъ увидѣлъ, что изъ трехъ тысячъ Фанагоріи Петровны едва-ли осталась десятая доля. Непріятное чувство овладѣло имъ тогда только, когда, вернувшись въ Сусловку, онъ увидѣлъ, что, за всѣми этими хлопотами, упустилъ совершенно изъ виду устройство самаго дома: домъ былъ не оштукатуренъ, кой-какія брёвна даже подгнили; въ залѣ и въ передней половыя доски ходили такъ-же исправно, какъ клавиши только-что купленаго фортепіано... Плохо!... Осматривая остальныя части дома, Порфирій Павловичъ пришелъ къ тому заключенію, что хотя деньги, потраченныя на шкатулку—не брошенныя деньги, но все-таки не мѣшало бы употребить ихъ на покупку кастрюлей, кухонной посуды и на постройку печки, которая, къ великому его ужасу, оказалась въ отлучкѣ. Непріятное чувство овладѣло имъ окончательно, когда туалетъ съ драгоцѣнными издѣліями Мусатова пришлось помѣстить посрединѣ спальни, чтобъ предохранить его сколько-нибудь отъ сырости и дождевыхъ капель, осаждавшихъ безъ милосердія всѣ углы маленькаго домика, на берегу живописной рѣчки.

Какъ-бы то ни было, это не помѣшало, однакожъ, великолѣпію свадьбы. Благодаря необыкновенной дѣятельности шафера, хлопотавшаго о томъ, чтобъ все произошло какъ слѣдуетъ между порядочными людьми, все исполнилось согласно желаніямъ жениха и тёщи. Васильковъ заикнулся о каретахъ для почетныхъ гостей—Карачаевъ объѣздилъ духомъ половину уѣзда и привезъ цѣлыхъ пять рыдвановъ. За три дня до свадьбы, Павелъ Петровичъ не сомкнулъ глазъ: потребовалъ, чтобъ сдали ему на руки всѣ рас-

поряженія, онъ распространилъ свою дѣятельность въ мельчайшія частности свадебныхъ приготовленій. Впрочемъ, Василькову не до того было: онъ не переставалъ примѣрять новый фракъ и фуражку съ краснымъ околышкомъ. Фракъ и панталоны сидѣли отлично: Иванъ Остолоповъ, обнадеженный Васильковымъ, который обѣщалъ отрекомендовать его цѣлому уѣзду, употребилъ все свое стараніе. Порфирій Павловичъ былъ чрезвычайно доволенъ. За день до свадьбы онъ не снималъ уже фрака и фуражки и, останавливаясь поминутно передъ Карачаевымъ, спрашивалъ его, постукивая высокими каблуками: „Хорошъ женихъ? а?... а?...“ Затѣмъ повертывался спиною, перегибалъ голову черезъ плечо, причемъ глаза его чуть не выкатывались изъ впадинъ, и дѣлая видъ, какъ будто осматриваетъ фалды новаго фрака, повторялъ, снова постукивая каблукомъ: „каковъ фракъ? а? а?... хорошъ женихъ?... а? а?...“ Карачаевъ, покрытый пылью и потомъ, говорилъ, что у него полонъ ротъ хлопотъ и не время теперь заниматься женихо-вымъ фракомъ, и Васильковъ, восторженно вращая глазами, отправлялся перевязывать голубые банты брачной постели.

Свадьба совершилась въ томъ-же самомъ порядкѣ, въ которомъ совершается большая часть свадебъ. Мать невѣсты, склонившись живописно надъ дочерью, уронила на ея вуаль нѣсколько слезъ; почетные гости отправились въ пяти рыдванахъ въ церковь. Затѣмъ данъ былъ свадебный пиръ, въ продолженіе котораго не переставали провозглашать тосты во здравіе и многолѣтіе молодыхъ, причемъ Карачаевъ усердно махалъ клѣтчатымъ платкомъ, давая знать музыкантамъ, чтобъ они играли тушъ. За обѣдомъ послѣдовалъ балъ, укрѣпившій окончательно за Вѣрой Андреевной Кокуркиной (средней) титулъ первой танцовщицы уѣзда. Во время бала, Васильковъ, задыхавшійся отъ блаженства, не пропустилъ ни одной кадрили и становился всегда въ первую пару съ женою, какъ-бы желая показать этимъ, что дорожитъ случаемъ стоять подлѣ нея и пожать ей лишній разъ руку. Онъ, казалось, совсѣмъ одурѣлъ отъ радости, не могъ говорить, а только моргалъ глазами; когда обращались къ нему съ какимъ-нибудь привѣтствіемъ или вопросомъ, онъ потряхивалъ черною, кудрявою головою, болталъ руками и, отыскавъ Карачаева, принимался кричать изо всей мочи: „вина! вина!“ Больше онъ ничего не былъ въ состояніи выговорить. Послѣ бала всѣ пошли ужинать; потомъ Фанагорія Петровна, снова уронивъ нѣсколько слезъ на голову до-

чери, поднесла Порфирію Павловичу великолѣпный стеганый халатъ изъ тармаламы. Словомъ, все произошло такъ-же, какъ происходитъ у другихъ людей, съ тою развѣ ничтожною разницею, что ни одна честолюбивая мысль не помрачила счастія молодого, счастія, выступавшаго изъ каждой черточки его лица и чистосердечно отражавшагося въ глазахъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы, когда Порфирій Павловичъ и жена его, слѣдуя установленному порядку, поѣхали дѣлать визиты къ сосѣдямъ, никто не замѣтилъ малѣйшей перемѣны въ наружности молодой: лицо Антониночки было такъ же беззаботно и разсѣянно, какъ прежде; черные живые глазки ея обращались такъ же привѣтливо ко всѣмъ безъ исключенія и такъ-же нетерпѣливо отворачивались всякій разъ, какъ встрѣчались съ глазами Порфирія Павловича. Словомъ, никакой перемѣны, какъ-будто она и не думала выходить замужъ, и свадьба, совершившаяся на-дняхъ въ Сусловкѣ, была не что иное, какъ сонъ, пріятный сонъ, пригрезившійся сосѣдкамъ. „Хорошо!“ (думали сосѣдки) „отворачивай глаза отъ мужа. Знаемъ мы, матушка, вашего брата, молодыхъ; только прикидываешься, а сама, чай, влюблена въ него по уши!“ Такъ разсуждали про-себя проницательныя сосѣдки. Порфирію Павловичу, опьянѣвшему отъ счастія, не до того было, чтобъ задавать себѣ такіе головоломные вопросы. Не отрывая глазъ отъ маленькихъ ножекъ жены, или припавъ губами къ ея рукѣ и оставаясь въ этомъ положеніи цѣлые часы, онъ доволенъ былъ уже тѣмъ, что ручка или ножка не отказывались отъ его ласки.

Дни проходили необыкновенно-быстро въ жизни Василькова. Не зная ужъ что-бы такое придумать, какую-бы новую ласку изобрѣсти для Антониночки, онъ проводилъ время, осаждая ее разными фантастическими именами, почерпнутыми въ самой серединѣ сердца, переполненнаго счастіемъ. Антониночка, переименованная неожиданно въ Лилиньку, называлась десять минутъ спустя Фавинькой; Фавинька уступала въ свою очередь—и все это не болѣе какъ чрезъ десять минутъ — мѣсто Грибинькѣ, Грибинька переходила въ Бирманиньку; затѣмъ уста Порфирія Павловича сладостно лепетали: Шафранинька, и Шафранинька, утопая въ океанѣ другихъ именъ, не замедляла замѣниться Шишечкой или Кокушкой, смотря по тому, что первое попадало на языкъ чувствительнаго супруга. Давать другъ другу фантастическія и, по возможности, болѣе нѣжныя наименованія—дѣло весьма обыкновенное въ супружеской жизни, осо-

бенно въ первое время или въ медовый мѣсяцъ. Это происходитъ, мнѣ кажется, единственно оттого, что люди—и тѣмъ болѣе счастливые—никогда не довольствуются настоящимъ. Я зналъ одного господина, который, въ избыткѣ восторга, называлъ свою жену „милою нелѣпостью“ и, называя ее этимъ именемъ, нисколько не стѣснялся, происходило-ли то наединѣ или при постороннихъ.

Васильковъ пребывалъ постоянно у ногъ жены, и каждый часъ, каждую минуту, начиная съ самаго утра и кончая позднимъ вечеромъ, можно было застать его въ умилительномъ положеніи. Нѣжныя имена сыпались въ изобиліи, замѣняя собою всякій разговоръ; изрѣдка лишь влюбленный супругъ рѣшался проворковать какую-нибудь сладкую рѣчь въ слѣдующемъ родѣ:

— Попоцька, ангелоцекъ ты мой, полози свою головеноцку на мое плецо...

— Ахъ, Боже мой, еслибъ вы только знали, какъ все это скучно!... Очень нужно класть голову на ваше плечо... Вы хотите, вѣрно, чтобъ я смяла прическу, отвѣчала Антониночка, нетерпѣливо поворачиваясь къ окну.

— Ну, полноте-же, Вавочка; полноте, Фифоцка... Вамъ глюсно. Отцего вамъ глюсно? продолжалъ Порфирій Павловичъ, пришепетывая какъ маленькія дѣти, вѣроятно, для большей нѣжности. — Ну, полноте глюстить; вѣдь ты со мной, со мной, и никто, ангелоцекъ, не разлучитъ насъ... Полно, посмотли на меня своими глазеноцками...

Но глаза жены обращались совершенно въ другую сторону. Наступило невозмутимое молчаніе, и Васильковъ снова припадалъ на цѣлый часъ къ женіной рукѣ.

Дни Порфирія Павловича потянулись медленнѣе, когда, въ одно прекрасное утро, Антонина Васильевна объявила, что не хочетъ, чтобъ онъ называлъ ее другимъ именемъ, кромѣ ея собственнаго, и, оставивъ кушетку, расположилась у окна, съ твердымъ намѣреніемъ не покидать этого мѣста.

Восторженное состояніе Василькова смѣнилось трогательною меланхоліей. Онъ отыскалъ гдѣ-то крошечный табуретъ, усѣлся на немъ подлѣ ногъ жены, устремилъ на нее томные глаза и старался ее утѣшить:

— Вамъ глюсно, мамочка! О! я это не понимаю! Вамъ, ангелоцекъ, ненавистны свѣтъ и люди. Да! о, да! мы уѣдемъ на Кавказъ. Уѣдемъ, Вавиноцка, Папоцка моя! Удалимся куда-нибудь въ горы и будемъ жить одни, далеко отъ свѣта.

— Съ чего-жъ вы взяли, что я поѣду на Кавказъ? Вы вѣрно хотите, чтобъ меня убили черкесы?

Лицо Порфирія Павловича приняло тоскливо-умилительное выраженіе человѣка, непонятаго въ минуту самаго искренняго изліянія чувствъ. Онъ хотѣлъ взять руку жены, но она предупредила его желаніе и быстро положила руку на перекладину окна.

— Господи, какъ скучно! силъ нѣтъ какъ надоѣлъ! произнесла она съ особеннымъ удареніемъ на послѣднее слово.—Скажите, пожалуйста, когда вы кончите всѣ эти нѣжности? Неужели вы ни на минуту не оставите меня въ покоѣ? Неужели у васъ нѣтъ никакого занятія? Вы бы пошли въ поле или посмотрѣли, что дѣлается въ домѣ или въ хозяйствѣ. Вѣдь этакъ можно просто такъ надоѣсть, что... что... я ужъ и сама не знаю!

Двѣ крупныя слезы навертывались на глазахъ Порфирія Павловича; онъ отходилъ къ сосѣднему окну, поправлялъ безконечные зявитки на головѣ своей, разглаживалъ исполинскіе бакены и задумывался. Мало-по-малу, однакожъ, глаза его, высушенные внутреннимъ огнемъ, устремлялись снова на Антониночку, лицо его переполнялось страстью; онъ выставлялся впередъ и, потряхивая головой, пришепетывая болѣе, чѣмъ когда нибудь, говорилъ заигрывающимъ голосомъ:

— Мамоцька, я васъ юбью!

Антонина Васильевна продолжала глядѣть въ окно.

— Мамоцька, я васъ не юбью! произносилъ тогда супругъ.

— Очень нужно, отвѣчала жена, дѣлая движеніе, какъ будто отогнала муху.

— Ангелъ! ангелъ! ангелъ!! вскрикивалъ супругъ восторженно бросаясь къ Антониночкѣ и принимаясь цѣловать ей руки, осаждая ее въ то-же время безчисленнымъ множествомъ именъ самаго фантастическаго свойства.

Дни потянулись еще медленнѣе въ жизни чувствительнаго Порфирія Павловича, когда онъ увидѣлъ, что Антониночка не думала услаждать поэтическія минуты сумерекъ игрою на фортепіано. Фортепіано было для нея столько-же ненавистно, сколько рабочій столикъ, къ которому она ни разу не прикоснулась. Та-же самая исторія случилась съ туалетомъ, воздвигнутымъ заботливою рукою супруга посреди спальни. Васильковъ разсчитывалъ доставить самый пріятный сюрпризъ Антониночкѣ, когда она раскроетъ ящики. Что-жъ вышло? Раскрывъ ящики, Антониночка пришла, къ неопи-

санному огорченію Порфирія Павловича, въ совершенное неудовольствіе, побросала всѣ банки съ надписью à eliotrop, перебудоражила флаконы изъ синяго стекла и объявила напрямикъ, что все это дрянь и ровно никуда не годится, а если и годится куда-нибудь, такъ развѣ на то только, чтобъ душить и помадить горничныхъ.

Дни тянулись еще медленнѣе въ маленькомъ домикѣ на берегу живописной рѣчки, когда пріѣхалъ Попельковскій. Онъ пріѣхалъ, нужно замѣтить, очень кстати, потому что, недѣлю спустя послѣ его переселенія, Антонина Васильевна начала вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлать сцены сердобольному своему супругу. Ардаліонъ Александровичъ, какъ истинный другъ Василькова, готовый подѣлиться съ нимъ половиною своего состоянія и даже тысячью душами, оттянутыми процессомъ скупой тётки, получилъ, за такое великодушное самопожертвованіе, право носить его платье и облачаться даже въ черный фракъ, работы Ивана Остолопова изъ Петербурга, всякій разъ, какъ пріѣзжали гости. Увидѣвъ маленькое несогласіе между супругами, Попельковскій вступилъ тотчасъ-же въ должность посредника и примирителя двухъ любящихся сердцемъ. Какъ только возникало маленькое неудовольствіе, Ардаліонъ Александровичъ уводилъ Порфирія Павловича съ братскою заботливостью въ глубину сада или въ поле, усаживалъ его на траву и, выслушавъ, въ чемъ состоитъ недоразумѣніе, бѣжалъ съ необыкновенною поспѣшностью въ домъ, сгорая желаніемъ умаслить сердце раздраженной супруги. Но потому-ли, что посредникъ плохо исправлялъ свое дѣло, или сердце Антонины Васильевны заключало въ себѣ слишкомъ много раздражительности—супружескія сцены стали повторяться чаще и чаще, такъ-что, наконецъ, каждый день прибавлялъ новую рану въ нѣжномъ сердцѣ Порфирія Павловича, уже окончательно предавшагося меланхоліи.

И странное дѣло! Антонина Васильевна, между тѣмъ, веселѣла съ каждымъ часомъ. Это замѣтили даже гости, начинавшіе открывать на лицѣ ея всѣ признаки полнаго довольства и счастія; особенно радовалось такой перемѣнѣ чадолюбивое сердце Фанагоріи Петровны.

— Анція, Тоня, Антонія! подойди ко мнѣ. Порцій, Порфирушка! Дѣтки мои, голубки мои! говорила она, картавя сильнѣйшимъ образомъ, прижимая ихъ къ груди и оставляя каждый разъ на щекахъ голубковъ по красному пятну, чрезвычайно похожему издали на налѣпленный листокъ розана.

Порфирій Павловичъ съ нѣкоторыхъ поръ совершенно разлюбилъ одиночество и очень радовался, когда пріѣзжали къ нему гости и даже тёща. Въ то время Антониночка обнаруживала къ нему необыкновенную внимательность, даже нѣжность. Она позволяла ему цѣловать свои ручки, не отворачивала своихъ черненькихъ глазъ, играла на фортепьяно, смѣялась и была весела какъ птичка.

— Она любитъ общество. Получивъ воспитаніе... ты понимаешь? Ей необходимо общество, свѣтъ, развлеченіе, пріятная бесѣда, говорилъ Попельковскій, распоряжавшійся уже какъ дома, и говорилъ это, основываясь на собственныхъ своихъ чувствахъ, ибо, получивъ также воспитаніе, онъ не могъ жить безъ общества и пріятной бесѣды.

Почтовая бумага, лежавшая о-сю-пору неприкосновенною въ секретномъ отдѣленіи шкатулки, увидѣла вдругъ свѣтъ и разлетѣлась, подобно вѣстовымъ голубямъ, по всѣмъ концамъ уѣзда, разнося радушныя приглашенія на чашку ханскаго сребровиднаго чая. Въ маленькомъ домикѣ на берегу живописной рѣчки послышался немолчный говоръ, веселыя восклицанія, хохотъ и даже пѣсни, сопровождаемыя звукомъ фортепьяно. Общество Васильковыхъ состояло большею частью изъ знакомыхъ ужъ намъ людей: Кондей Ивановичъ Свищовъ съ семействомъ, Проклъ Ивановичъ Полушкинъ съ семействомъ, старичокъ Пшеницынъ съ своимъ сыномъ, долговязымъ Ѳедей, три сестры Кокуркины, которыя, увидѣвъ всю безполезность оплакивать потерю перваго мазуриста, согласились какъ можно чаще навѣщать его; затѣмъ слѣдовали Фанагорія Петровна и Попельковскій. Впрочемъ, послѣдніе не въ счетъ: они были свои. Фанагорія Петровна была въ восторгѣ отъ Ардаліона Александровича; она говорила ему въ глаза, что онъ красавецъ, восхищаясь его голосомъ и голубыми глазами съ поволокой, устремлявшимися къ небу, какъ скоро встрѣчались съ особою прекраснаго пола. Впрочемъ, всѣ гости, особенно дамы, раздѣляли мнѣніе Фанагоріи Петровны. Никто не понималъ, какъ могъ Аристархъ Ѳедоровичъ разстаться съ человѣкомъ, одареннымъ такою любезностью и ловкостью. Ардаліонъ Александровичъ пѣлъ романсы, аккомпанируя себѣ на фортепьяно или на гитарѣ, забавлялъ, разсказывая разные потѣшные анекдоты, игралъ въ карты, игралъ даже отлично, словомъ—былъ душою общества. Попельковскій, какъ каждый легко себѣ представитъ, недолго томилъ

привычныхъ гостей Василькова разгадкою того, почему Балахновъ не изъявилъ особенно сожалѣнія къ его отъѣзду и почему онъ, съ своей стороны, поспѣшилъ оставить Ханскіе-Пруды. Безъискусственный разсказъ Ардаліона Александровича, повѣствовавшаго всѣмъ и каждому исторію ссоры Балахнова съ Окатовымъ, объяснялъ какъ нельзя лучше, что человѣку, получившему воспитаніе, подобно Попельковскому, не слѣдъ было выносить колкости, возбуждаемыя желчью, яростно кипѣвшею въ груди Аристарха Ѳедоровича; колкости его могли выносить какой-нибудь Копковъ, Дрянковъ, дѣвица Сараманаева, но отнюдь не Попельковскій, тётка котораго могла умереть со дня на день и оставить племяннику тысячу душъ отличнѣйшаго имѣнія.

Оставалось разсказать эту исторію однѣмъ Кокуркинымъ, и вотъ Кокуркины, услышавъ стороною, что Попельковскій поселился у Васильковыхъ, поспѣшили въ Сусловку, чтобъ разузнать отъ очевидца всѣ подробности ссоры Окатова съ Балахновымъ. Въ тотъ-же день въ Сусловку явился, словно по чутью какому, и Кондей Ивановичъ съ семействомъ. Общество помѣстилось въ маленькой темной гостиной, гдѣ первыми украшеніями служили рабочій столикъ и горшокъ съ чахлой еранью, воздвигнутый на окнѣ. Оно расположилось въ слѣдующемъ замѣчательномъ порядкѣ:

Попельковскій, раздушенный, распомаженный издѣліями Мусатова, возсѣдалъ посрединѣ гостиной, противъ овальнаго стола, примыкавшаго къ дивану; черный фракъ, работы Ивана Остолопова, сидѣлъ на немъ отлично. Слѣва расположились три Кокуркины, такъ, одинакожъ, что младшая, Надеженька, подталкиваемая безпрестанно сестрами, находилась ближе всѣхъ къ будущему наслѣднику скупой тётки. Справа тянулись одинъ за другимъ пять стульевъ; на самомъ дальнемъ сидѣлъ Кондей Ивановичъ, который сопѣлъ, кряхтѣлъ, отдувался; подлѣ него сидѣла младшая дочь, за ней средняя; жена Кондея Ивановича помѣщалась съ своимъ неизмѣннымъ ридикюлемъ на четвертомъ стулѣ; она казалась спящею, но совсѣмъ тѣмъ не переставала дергать старшую дочь, сидѣвшую подлѣ будущаго наслѣдника тысячи душъ. Противъ Попельковскаго, въ лѣвомъ углу дивана, сидѣли Антониночка и Васильковъ; послѣдній нѣжно держалъ обѣ руки жены и восторженно крутилъ своими глазами; въ правомъ углу, ближе къ Кондею Ивановичу, граціозно располагалась Фанагорія Петровна, не спускавшая взоровъ съ лица прекраснаго молодого человѣка, одареннаго очаровательнымъ голо-

сомъ и снабженнаго безподобными голубыми глазами съ поволокой. Все вмѣстѣ составляло трогательную картину тихой домашней жизни и семейнаго очага, достойную кисти великаго художника.

— Позеленѣлъ, совершенно позеленѣлъ! говорилъ Попельковскій, дѣлая глазки всѣмъ дамамъ въ одно и то же время.—Когда сказали ему, что долина не продается, повалился на полъ. Мы думали, умретъ. Я бросился развязывать ему галстукъ. Безъ этого—ударъ, непремѣнно ударъ. Не вынесъ. Клянусь вамъ, какъ честный человѣкъ! Гордость... надменность... злоба!...

— Да, гордъ, гордъ; есть тотъ грѣхъ: гордъ! произнесъ Кондей Ивановичъ, съ трудомъ переводя одышку.

— И ты туда-же! произнесла Фанагорія Петровна, поворачиваясь къ Свищову.—О, замолчи! замолчи! продолжала она, грозя пальчикомъ Попельковскому, который тотчасъ-же завернулъ глаза къ небу:—замолчи! Аристархъ Ѳедорычъ милый человѣкъ, и я никогда не повѣрю, чтобы онъ былъ съ жестокимъ сердцемъ...

— Аристархъ Ѳедорычъ! ха! ха! ха! Клянусь вамъ, какъ честный человѣкъ! возразилъ Попельковскій, качаясь на своемъ стулѣ.—Да вотъ, спросите, чего-же лучше, спросите у Порфирія. Десять лѣтъ знакомства—пріѣхалъ... осмѣялъ самымъ колкимъ образомъ. Неделикатность, забвеніе приличій... не получилъ хорошаго воспитанія!

— Да, признаюсь, меланхолически сказалъ Васильковъ:—Аристархъ Ѳедорычъ обошелся со мною не подружески. Никакъ не ожидалъ отъ него этого.

— Изволите видѣть! воскликнулъ Ардаліонъ Александровичъ:—не только его, но всѣхъ осмѣялъ: васъ, васъ, васъ (тутъ онъ поперемѣнно обращался къ каждому лицу), словомъ—всѣхъ, безъ исключенія—грубо, неделикатно! Что вы изволили сказать? заключилъ онъ, поворачиваясь неожиданно къ младшей Кокуркиной.

— Ахъ! произнесла Надеженька, ущипнутая сзади руками старшихъ сестеръ.

— Ахъ! произнесла старшая Свищова, бросая боязливый взглядъ на маменькинъ ридикюль, но тотчасъ-же поднимая глаза на разсказчика.

— Клянусь, какъ честный человѣкъ! продолжалъ Попельковскій:—всѣхъ осмѣялъ. Расплатится! Получу наслѣдство... не увернется изъ рукъ. Почту долгомъ объясниться. Балахновъ-ли, другой кто—мнѣ все равно. Какъ только увижусь—объяснюсь.

— Злой человѣкъ! Ты этого не посмѣешь сдѣлать въ моемъ присутствіи, картавя и ломаясь, проговорила Фанагорія Петровна.

— Полно, Ардаліонъ Александрычъ, оставь эту исторію, Бога ради! сказалъ Васильковъ, запуганный мстительностью своего друга:—не говори ему ни слова, по крайней мѣрѣ, сегодня.

— Какъ сегодня? спросилъ Попельковскій, понижая голосъ.

— Да, онъ долженъ пріѣхать сегодня: обѣщалъ.

Попельковскій оправился и заговорилъ о музыкѣ. Къ сожалѣнію, разговоръ его не былъ продолжителенъ, потому что вскорѣ доложили о пріѣздѣ Аристарха Ѳедоровича.

Вслѣдъ за этимъ докладомъ, сдѣланнымъ подслѣповатымъ малымъ, поступившимъ въ Сусловку изъ Грачевки, на порогѣ гостиной показался самъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

Присутствовавшіе переглянулись и испустили радостный крикъ.

Прежде всѣхъ навстрѣчу знаменитому гостю бросился самъ хозяинъ дома, за нимъ пустился въ догонку толстый Кондей Ивановичъ; Попельковскій взбилъ бѣлокурые свои завитки, пріосанился и поспѣшилъ вслѣдъ за ними.

Балахновъ прошелъ, однакожъ, мимо и направился къ дивану. Онъ поцѣловалъ руку Антониночкѣ, потомъ поцѣловалъ руку Фанагоріи Петровнѣ, поклонился Кокуркинымъ, ласково кивнулъ головою Свищовымъ и тогда ужъ обратился къ мужчинамъ, которые наперерывъ протягивали ему руки, изъявляя совершенную радость видѣть его въ добромъ здоровьѣ.

— Весьма счастливъ... Неожиданный сюрпризъ... Большая честь... заговорилъ Попельковскій, и вдругъ остановился и отступилъ нѣсколько шаговъ.

Голосъ Карачаева, отдававшаго приказаніе, чтобъ насыпали лучшаго овса лошадямъ, послышался въ залѣ.

Павелъ Петровичъ влетѣлъ въ гостиную съ трескомъ, шумомъ и хохотомъ. Онъ повернулся на каблукѣ, хлопнулъ въ ладоши и бросился со всѣхъ ногъ цѣловать руку Фанагоріи Петровнѣ.

— Здравствуй, бѣшеный! Ну, хорошо, хорошо, полно, сорвиголова! произнесла Фанагорія Петровна, слегка отклоняя рукою его лысину.

Карачаевъ залился новымъ хохотомъ и бросился къ рукѣ молодой хозяйки. Павелъ Петровичъ находился въ самомъ отличномъ расположеніи духа: лицо его сіяло радостью; черныя брови его, смѣявшіяся вмѣстѣ со всѣми чертами лица, нахмурились

тогда лишь, когда встрѣчались съ Попельковскимъ, къ которому чувствовалъ онъ непреодолимую антипатію. Онъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія и заговорилъ тотчасъ же съ Кокуркиными.

Общество, смѣшавшееся на минуту, окружило Аристарха Ѳедоровича и осадило его со всѣхъ сторонъ любезностями. Балахновъ отвѣчалъ на всѣ вопросы ласково и привѣтливо. Желтизна не совсѣмъ еще покинула правильное лицо его, но она шла къ нему точно такъ-же, какъ идетъ дубу, тронутому первымъ осеннимъ морозомъ. Онъ сохранялъ важный видъ, какъ и всегда, но въ наружности его не было замѣтно тѣни гордости или надменности. Мелочные люди судятъ по наружности и никакъ не хотятъ понять, что величивая осанка ровно еще ничего не доказываетъ: она не что иное, какъ привычка, полученная съ дѣтства; выраженіе чувства собственнаго достоинства составляетъ почти такую же принадлежность каждаго значительнаго человѣка, какъ уничиженный видъ составляетъ принадлежность какого-нибудь подъячаго или выскочки. Аристархъ Ѳедоровичъ гордъ—смѣшно сказать! Но передъ кѣмъ же, позвольте спросить? Онъ могъ быть гордымъ и дѣйствительно былъ гордъ съ равными себѣ; но гордиться предъ какими-нибудь Васильковыми, Кокуркиными—фи! да это значило бы унизить свое достоинство! Балахновъ называлъ неумѣстную гордость „побрякушкою глупыхъ людей“ и всегда показывался очень охотно въ кругу бѣдныхъ сосѣдей.

Мало-по-малу разговоръ сдѣлался общимъ и продолжался до тѣхъ поръ, пока не подали чай. Послѣ чая Порфирій Павловичъ, хлопотавшій изо всей мочи, чтобъ занять гостей, предложилъ партію преферанса, благодаря Попельковскому, который настроилъ его на эту счастливую мысль. Но Аристархъ Ѳедоровичъ отказался напрямикъ, сказавъ, что предпочитаетъ бесѣду съ молодою всѣмъ возможнымъ удовольствіямъ.

— О, милый сосѣдъ! вѣчно съ молоденькими! Постойте, вотъ я перескажу это Лизаветѣ Семеновнѣ! сказала Фанагорія Петровна, лукаво грозя ему пальчикомъ. Ну, если Аристарху Ѳедорычу не угодно, продолжала она, обращаясь къ Карачаеву, ты, бѣшеный... ахъ, какой сорви-голова! ты не откажешься составить партію съ старррушкой? заключила она, кокетливо потряхивая головой.

— Я? извольте, приказывайте, готовъ! воскликнулъ Карачаевъ, снова бросаясь цѣловать руку перезрѣлой вдовицѣ.—Но

кто же будетъ еще съ нами? присовокупилъ онъ, ловко повертываясь на каблукѣ.

— Да вотъ: Кондей Иванычъ, Ардаліонъ Алек-сан-дро-вичъ, протяжно проговорила Фанагорія Петровна, граціозно приподнимаясь съ дивана.

При имени Попельковскаго, Карачаевъ нахмурилъ брови, но тотчасъ-же оправился, топнулъ каблукомъ, подалъ руку тёщѣ Василькова и вышелъ въ залу, сопровождаемый другими игроками. Минуту спустя, въ залѣ послышался шумъ стульевъ и шелестъ бросаемыхъ картъ.

Разговоръ Аристарха Ѳедоровича, сначала нѣсколько натянутый и вычурный, принялъ самый любезный характеръ, когда онъ остался наединѣ съ дамами. Балахновъ чрезвычайно любилъ дамское общество и, при случаѣ, не прочь былъ даже строить куры. Онъ нимало не заботился о томъ, что Кокуркины или другой кто могли передать и—чего добраго—перетолковать его слова Лизаветѣ Семеновнѣ. Итакъ, бесѣда въ гостиной была самая оживленная, благодаря неистощимому запасу остроумія Аристарха Ѳедоровича. Обращаясь постоянно къ молодой хозяйкѣ, Балахновъ не пропускалъ случая сказать вскользь нѣсколько комплементовъ и остальнымъ собесѣдницамъ. Дамы щурили свои глазки, украдкою подмигивали другъ другу, смѣялись и были очень веселы.

По окончаніи преферанса, за которымъ Карачаевъ успѣлъ поссориться съ Попельковскимъ и даже съ Фанагоріей Петровной, гости начали разъѣзжаться. Аристархъ Ѳедоровичъ отправился вмѣстѣ съ Карачаевымъ въ Горшковъ, откуда намѣревался ѣхать къ Бобохову.

XVI.

Образчикъ того, что Карачаевъ называетъ буржуа-жантильомъ!

Балахновъ остался въ Горшковѣ долѣе, чѣмъ хотѣлъ. Многіе обыватели этого города, извѣщенные ужъ о злополучной исторіи его съ Окатовымъ, поспѣшили явиться засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе Аристарху Ѳедоровичу. Большая часть исполнила это не столько по собственному побужденію, сколько вслѣдствіе настоятельнаго требованія женъ, которыя въ Горшковѣ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, отличаются необыкновенною любознательностью ко всему, что касается чужихъ

дѣлъ. Къ числу послѣднихъ можно было причислить веселаго Нила Степановича Лукьянова.

Нилъ Степановичъ находился въ совершенномъ отчаяніи по поводу „недоразумѣнія“, происшедшаго между двумя сосѣдями, и искренность его словъ подтверждалась какъ-нельзя краснорѣчивѣе лѣвымъ глазомъ, который, дѣйствительно, въ то утро выкидывалъ самыя эксцентрическія штуки. Дѣло въ томъ, что на этотъ разъ, какъ на-зло, онъ и жена — что было совершенно одно и то-же — находились въ отлучкѣ въ то время, какъ составилось рѣшеніе, подкосившее Балахнова, и въ то-же время, какъ на зло, остальные его сотоварищи пребывали въ Горшковѣ. Присутствуй онъ — и дѣло, по всѣмъ вѣроятіямъ, приняло-бы другой оборотъ: въ этомъ Нилъ Степановичъ завѣрялъ, чѣмъ угодно, почтеннѣйшаго Аристарха Ѳедоровича, къ которому чувствовалъ всегда высокое уваженіе и даже, если можно такъ выразиться, пристрастіе.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ визитовъ, столько-же лишнихъ, сколько и неумѣстныхъ, было то, что Балахновъ подъѣзжалъ къ Голодаевкѣ, имѣнію Бобохова, уже въ третьемъ часу пополудни. Голодаевка показывалась великолѣпно. Самой Голодаевки, то-есть деревни, не было видно: показывался одинъ лишь барскій домъ, громадный, каменный, съ зеленою крышкою и бѣлыми стѣнами — домъ, торчавшій, какъ выскочка, посреди темнаго сада и неоглядныхъ плоскихъ полей. Дворъ впереди дома замыкался, со стороны большой дороги, каменною оградой, которая, въ свою очередь, замыкалась справа и слѣва двумя кирпичными флигелями самаго неуклюжаго свойства, построенными, очевидно, новымъ владѣльцемъ. Стараніе придать какъ-можно болѣе эффекта своему жилищу и даже ослѣпить великолѣпіемъ его проѣзжающихъ по большой дорогѣ, показывало, что Бобоховымъ управляло то-же самое свойство, какое обнаруживалъ Балахновъ, воздвигая досчатый Вавилонъ вокругъ своего сада. Но какая, однакожъ, необъятная, неизмѣримая разница заключалась между намѣреніями двухъ сосѣдей! Балахновъ строилъ кіоски, имѣя въ виду высокую цѣль честолюбія; имъ управляло даже, въ этомъ случаѣ, нѣсколько выспреннихъ намѣреній. Бобоховъ, какъ выскочка, или parvenu, преслѣдовалъ одну пошлую, мелочную цѣль ослѣпить проѣзжающихъ наружнымъ великолѣпіемъ своего дома такъ, чтобъ съ перваго взгляда сказали: тутъ живетъ богачъ! Притомъ и единственная эта цѣль умѣщалась съ трудомъ и какъ-то тупо въ его головѣ, что ясно

доказывалось двумя неуклюжими флигелями его собственной архитектуры.

Такія точно мысли занимали Аристарха Ѳедоровича, когда онъ въѣзжалъ на пространный дворъ мильонщика; онъ не могъ даже утерпѣть, чтобъ не кивнуть насмѣшливо на окружавшіе предметы и не сказать Карачаеву съ грустною улыбкой: „Посмотри, и этотъ туда-же, хочетъ барствовать!...“

— Помилуй, душа моя, я тебѣ говорилъ: буржуа-жантильомъ! Ну, и конечно, и все тутъ! отвѣчалъ Карачаевъ, съ необыкновенною живостью. — Стой, стой у подъѣзда! Эй, вы, кто тутъ? мильонщики! просить васъ надо, что ли? гаркнулъ онъ, обращаясь съ горячностью къ старику въ синей ливреѣ, обшитой серебряными галунами, который бѣжалъ, сломя голову, къ подъѣхавшей колескѣ.

Старикъ отворилъ дрожащими руками дверцы коляски, высадилъ подъ руки Балахнова и такимъ-же порядкомъ высадилъ Карачаева, который спросилъ его:

— Какъ тебя зовутъ, старина?

— Корней, сударь.

— Ну, братъ, Корней, что, дома вашъ мильонщикъ, что-ли?

— Дома-съ, извольте пожаловать, отвѣчалъ Корней, у котораго всѣ складки на лицѣ разгладились отъ такого ласковаго обращенія.

Въ это время Аристархъ Ѳедоровичъ успѣлъ отряхнуть пыль, поправилъ волосяной галстукъ и началъ уже взбираться по широкой деревянной лѣстницѣ, выкрашенной желтою краской. Въ его глазахъ, слегка щурившихся, и вообще во всей его наружности можно было прочесть величавое пренебреженіе ко всему, что его окружало въ настоящую минуту. Это очень понятно: вопервыхъ, кто такой Бобоховъ?... Притомъ, Бобоховъ еще молодой человѣкъ... Да и во всякомъ случаѣ, Балахновъ дѣлалъ ему величайшую честь своимъ посѣщеніемъ.

Карачаевъ, въ сопровожденіи дряхлаго Корнея, догналъ Аристарха Ѳедоровича, когда тотъ взбирался ужъ на верхнія ступеньки. Тутъ къ лѣстницѣ, немного влѣво, придѣланъ былъ огромный деревянный выступъ, на которомъ красовалась кадка съ чахлымъ померанцевымъ деревомъ. Домъ Бобохова построенъ былъ лѣтъ пятнадцать назадъ однимъ княземъ. Купивъ домъ, по смерти этого князя, новый владѣлецъ ловилъ пытливымъ окомъ малѣйшіе

слѣды, оставленные минувшею вельможественною жизнью: замѣчалъ-ли онъ на стѣнѣ бѣловатыя полосы, оставленныя висѣвшею когда-то рамой, онъ заказывалъ точно такой же величины раму и вѣшалъ ее на прежнее мѣсто; диваны, мебель, стулья — размѣстились точь-въ-точь, какъ бывало въ старину; онъ увѣрялъ даже, что усердіе неаполитанскихъ любителей древности, которые стараются возвратить Помпею въ прежній видъ, далеко уступало усердію Бобохова, бившагося изъ всѣхъ силъ, чтобъ стѣны новоприобрѣтеннаго дома сохранили прежній барственный характеръ. Померанцевое дерево—въ этомъ твердо увѣренъ былъ Бобоховъ—составляло непремѣнную принадлежность лѣстницы каждаго истинно барскаго дома.

Аристархъ Ѳедорычъ и Карачаевъ, который не переставалъ говорить очень громко, желая, вѣроятно, выразить этимъ способомъ совершенное свое пренебреженіе къ богатому выскочкѣ, вступили въ просторную, но пустую переднюю; поправляя передъ зеркаломъ галстукъ, Балахновъ увидѣлъ, однакожъ, въ полураскрытыя двери, направо, нѣсколько синихъ ливрейныхъ рукавовъ, которые натягивались съ необыкновенною поспѣшностью на рукава рубашекъ.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ дряхлый Корней, впиваясь подобострастными глазами въ обоихъ гостей.

— Балахновъ... и Карачаевъ! разсѣянно отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Ха, ха, ха! это что еще?! Помилуй, душа моя, Aristarque. Мы къ тебѣ ѣздимъ безъ доклада... а тутъ... да что тутъ толковать, пойдемъ! закричалъ Карачаевъ.

Онъ взялъ подъ руку Балахнова и, громко постукивая каблуками, вошелъ въ дверь налѣво. То была маленькая комната, перегороженная наискось ширмами изъ краснаго дерева, обтянутыми сзади пурпуровою тафтою. Ширмъ, собственно говоря, тутъ вовсе не нужно было, но Бобоховъ распорядился такимъ образомъ, слѣдуя, вѣроятно, примѣру сестры своей, Тохтамышевой, посвященной, какъ онъ говорилъ, во всѣ тайны аристократическихъ обычаевъ. Слѣдующая дверь этой комнаты, не имѣвшей ровно никакого назначенія, открывала длинную анфиладу просторныхъ комнатъ, оклеенныхъ пестрыми, яркими обоями, обставленныхъ пестрою шолковою, разнокалиберною мебелью, устланныхъ пестрыми ковриками; во всѣхъ углахъ торчали дереьянныя, точеныя подставки, державшія въ неуклюжихъ лапахъ маленькія люстры и жирандоли,

съ безчисленнымъ множествомъ граненыхъ длинныхъ стеклышекъ; окна и двери завѣшивались кисейными занавѣсками, украшенными сверху красными шелковыми фестонами и ярко-блиставшими арабесками изъ выбитой мѣди; по бокамъ дверей и оконъ торчали огромные розасы изъ той-же выбитой мѣди.

— Эй! кто тутъ? Куда всѣ запропастились? Эй, народъ! крикнулъ, наконецъ, Карачаевъ, оглядываясь во всѣ стороны обширной, не то залы, не то гостиной: — Эй, Корней, куда-жъ ты ушелъ? Помилуй, братецъ, гдѣ-жъ твой баринъ? отыскивать намъ прикажешь, что-ли?

— Пожалуйте-съ, они изволятъ дожидаться въ гостиной, отвѣчалъ Корней.

— Вотъ еще новость! у насъ заведено, чтобъ выходили навстрѣчу гостямъ... ишь выдумалъ! Пойдемъ, душа моя, Aristarque. Прямой, братъ, буржуа-жантильомъ, ей-Богу!

— Полно, пожалуйста, сказалъ Балахновъ, разсѣянно оглядывая стѣны: — онъ, чего добраго, тутъ гдѣ-нибудь, и можетъ услышать...

— Че-е-во? услышать можетъ! Пускай слушаетъ! Буржуа-жантильомъ, да и все тутъ! крикнулъ Карачаевъ, смѣло выступая за Корнеемъ.

Въ дверяхъ гостиной Балахновъ остановилъ, однакожъ, Карачаева и вошелъ прежде. Бобоховъ, предувѣдомленный еще заранѣе людьми, стоялъ ужъ совсѣмъ-готовый къ принятію гостей; на немъ былъ черный полуфрачекъ, синіе панталоны и бѣлый жилетъ. Онъ, нужно замѣтить, не носилъ другихъ жилетовъ; кто-то увѣрилъ его — можетъ-быть, французъ, у котораго закупалъ онъ бѣлье и помаду, а можетъ-быть и самъ Тохтамышевъ — что истинный джентльменъ не долженъ носить другихъ жилетовъ; а такъ-какъ пунктъ помѣшательства Бобохова состоялъ именно въ томъ, чтобъ прослыть человѣкомъ порядочнымъ (что не значитъ еще быть порядочнымъ человѣкомъ), то онъ слѣпо повиновался этому правилу.

Что дѣлалъ Бобоховъ въ ту минуту, когда Балахновъ показался на порогѣ гостиной — неизвѣстно, но только онъ бросилъ на диванъ какой-то журналъ и поспѣшилъ къ нему навстрѣчу, обнаруживая на желто-прозрачномъ лицѣ своемъ выраженіе пріятнаго удивленія.

— Чрезвычайно пріятно... м... м... м... м... заговорилъ онъ, устремляя рысьи свои глазки на Балахнова и горячо пожимая ему

руку; но вдругъ пухлыя щеки Бобохова опустились; рысьимъ глазкамъ очевидно стало неловко; онъ, однакожъ, оправился и также горячо пожалъ руку Карачаеву.

— Ну ужъ, батюшка, мы васъ искали-искали, по вашему палаcту... или, какъ бишь это... палатамъ что-ли?... Вы, чай, не ожидали насъ?... сказалъ Павелъ Петровичъ, расчесывая рѣденькіе волосы, окаймлявшіе лысину, маленькимъ складнымъ гребешкомъ, который никогда не покидалъ его жилетнаго кармана.

— Признаюсь, не ожидалъ; мнѣ чрезвычайно пріятно... произнесъ Бобоховъ, тщетно припоминая привѣтственныя фразы, употребляемыя въ этихъ случаяхъ знаменитымъ Тохтамышевымъ.

— Я располагалъ пріѣхать къ вамъ раньше, но, къ несчастью, задержали въ Горшковѣ, сказалъ Балахновъ, усаживаясь на диванѣ.—Славный домъ у васъ! прекрасный домъ! прибавилъ онъ, осматривая комнату.

— Вамъ нравится? чрезвычайно-пріятно! отвѣчалъ Бобоховъ, обращая съ восхищеньемъ лицо свое на стѣны гостиной, оклеенныя красными обоями съ золотыми аляповатыми разводами. — Эй! крикнулъ онъ, поворачиваясь неожиданно къ двери. Вошелъ Корней.

— Сказать мальчикамъ, чтобъ сдѣлали репетицію! провозгласилъ мильонщикъ, устремляя проницательный взглядъ на камердинера.

— Чему-же это репетиція? любезно спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Сегодняшнему спектаклю. У меня каждый вечеръ театръ... это, если вамъ угодно взглянуть... прибавилъ Бобоховъ, подавая съ самодовольствомъ листъ бумаги, на которомъ написана была афиша. Афиша возвѣщала, что, такого-то числа іюля мѣсяца, на театрѣ Ивана Дормидоныча Бобохова, данъ будетъ слѣдующій спектакль. Затѣмъ выставлены были водевили и имена актеровъ, придуманные самимъ хозяиномъ театра.

Диллетантизмъ былъ также одною изъ слабостей выскочки милліонера. Впрочемъ, за нимъ водилось много слабостей. Онъ имѣлъ, напримѣръ, претензію на ученость и особенно на званіе литератора. Въ бытность свою въ Москвѣ, онъ пригласилъ даже на обѣдъ къ Шевалье нѣсколькихъ литераторовъ, чтобъ прочесть имъ комедію своего изобрѣтенія. Литераторы не дослушали первой сцены, и Бобоховъ, увѣренный, что такое невниманіе произошло единственно

отъ послѣдствій роскошнаго обѣда, попробовалъ себя въ новомъ родѣ и сочинилъ повѣсть въ юмористическомъ духѣ: описывалось, какъ мужъ и жена въѣзжали въ Москву, и какъ подрались они посреди улицы... Затѣмъ получили свѣтъ нѣсколько стихотвореній: муза Бобохова избирала обыкновенно своимъ предметомъ бѣдную даму, которая сидѣла у окна и смотрѣла на луну... Читалъ онъ свои произведенія слѣдующимъ образомъ: когда собирались къ нему гости, онъ случайно ронялъ на полъ бумажку, потомъ подымалъ ее, осматривалъ и говорилъ съ видомъ пріятнаго изумленія: „Что это? вотъ славно! кажется, подписано: Бобоховъ“. Гости обнаруживали любопытство, и авторъ приступалъ немедленно къ чтенію. Бобоховъ получалъ большую часть нашихъ журналовъ и читалъ все сплошь, сгорая желаніемъ пріобрѣсти какъ можно больше самыхъ разнородныхъ познаній. Казалось-бы, очень похвальное стремленіе; но въ томъ-то и дѣло, что стремленіе это проистекало не столько изъ душевныхъ или умственныхъ потребностей, сколько изъ желанія блеснуть, при случаѣ, своимъ знаніемъ и показать, что онъ принадлежитъ къ разряду самыхъ просвѣщенныхъ молодыхъ людей своего времени. Въ основаніи этого стремленія таилась также мысль отдалить отъ себя всякую параллель съ купеческимъ сынкомъ — мысль, убійственная мысль, рѣшительно-отравлявшая существованіе Бобохова. Старанія его не приносили, однакожъ, ожидаемаго результата. Ему не помогали ни взъерошенныя бакенбарды, ни волосы, завитые французскимъ парикмахеромъ, ни даже бѣлые жилеты: онъ все-таки продолжалъ читать сплошь и рядомъ русскіе журналы. Но потому-ли, что круглая голова его была слишкомъ крѣпка, или были на то другія причины, только прочитанныя имъ премудрости дѣйствовали на него какъ горохъ на стѣну, или, лучше сказать, самъ онъ, какъ крупная горошина, отскакивалъ отъ всякой истинно-порядочной мысли. Говорилось-ли, напримѣръ, о томъ, что вотъ въ такомъ-то случаѣ слѣдуетъ поступать такъ-то и такъ-то для достиженія какой-нибудь добропорядочной цѣли — онъ дочитывалъ книгу и поступалъ совершенно наоборотъ, какъ-бы на зло автору, который осмѣлился давать ему совѣты. Безплодное чтеніе образовало въ головѣ Бобохова совершенную кашу, въ которой каждая крупинка представляла отрывчатую фразу, или даже одно какое-нибудь слово; такихъ словъ набралось у него много, и онъ пересыпалъ ими при случаѣ съ необыкновенной энергіей. Одно изъ страданій мильонщика заключалось также въ томъ, что онъ не

зналъ французскаго языка; чтобъ скрыть это, онъ прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ: отыскавъ въ словарѣ какой-нибудь мудреный техническій терминъ и затвердивъ его хорошенько, онъ подходилъ къ пріятелю и спрашивалъ: „Скажите, пожалуйста, что значитъ вотъ это слово?... я что-то не припомню...“ Пріятель сознавался въ своемъ невѣжествѣ; Бобоховъ щурилъ тогда рысьи свои глазки и произносилъ насмѣшливо: „Ахъ, да! вспомнилъ. Вѣдь это особенный терминъ и означаетъ вотъ то-то“.

Бобоховъ выказывался особенно рѣзко въ обращеніи съ людьми низшаго класса. Онъ обращался съ ними необыкновенно грубо; никогда не удостоивалъ ихъ ласковымъ словомъ или взглядомъ, никогда не называлъ даже по имени, и если требовалось позвать человѣка, кричалъ обыкновенно: „эй!“ Впрочемъ, такая черта составляетъ, можно сказать, неотъемлемое отличіе всѣхъ выскочекъ отъ другихъ людей: истинно-порядочный человѣкъ говоритъ учтиво и ласково со всѣми.

Въ то время, какъ мы передавали достовѣрныя эти свѣдѣнія, Карачаевъ успѣлъ уже потребовать трубку, а Аристархъ Ѳедоровичъ закурилъ сигару, предложенную ему хозяиномъ дома.

Разговоръ между Балахновымъ и Бобоховымъ, прерываемый поминутно неугомоннымъ Карачаевымъ, никакъ не клеился.

— Да вотъ еще что я хотѣлъ спросить у васъ, сказалъ Карачаевъ, закидывая лѣвую руку за спину и останавливаясь передъ креслами Бобохова:—скажите, пожалуйста, ха! ха! ха! отчего этотъ старый шутъ Корней одѣтъ въ такую богатую ливрею?... Что, это всегда такъ бываетъ у васъ?... Такой ужъ видно заведенъ порядокъ... aristocrates?

Балахновъ засмѣялся и подмигнулъ Бобохову, какъ-будто хотѣлъ сказать: „не взыщите, простите ему“. Бобоховъ оправился и старался улыбнуться.

— Да вотъ еще что, почтеннѣйшій Иванъ Дормидонычъ, заговорилъ опять Карачаевъ, принимаясь расхаживать по гостиной: — пора-бы, знаете... этакъ того... у васъ, я чай, есть водка, велите-ка подать...

— Эй! крикнулъ Бобоховъ.

— Кого это вы такъ зовете: эй! эй? У нихъ, чай, имя есть... перебилъ Карачаевъ, мгновенно измѣняя интонацію и показывая мильонщику воспаленные бѣлки.—Послушай, братъ Корней, принеси-ка водочки... Да впрочемъ, постой, что тебѣ безпокоиться,

я и самъ пойду! заключилъ онъ, бросая значительный взглядъ Бобохову, который зеленѣлъ и смѣялся въ одно и то-же время.

— Вы, вѣрно, удивляетесь этому молодцу? весело спросилъ Балахновъ, оставшись наединѣ съ мильонщикомъ.

— Признаюсь... это даже нѣкоторымъ образомъ...

— Ха, ха, ха! залился Аристархъ Ѳедоровичъ: — да; но что-же дѣлать! подхватилъ онъ со вздохомъ:—я вамъ ужъ, кажется, говорилъ, что мы въ провинціи не властны выбирать общество: надо довольствоваться тѣмъ, что есть... Впрочемъ, изъ всѣхъ остальныхъ, этотъ самый еще добрый и честный малый; ему все можно простить. Къ тому-же онъ человѣкъ бѣдный: это всегда возбуждаетъ снисхожденіе.

Дѣйствительно, Карачаевъ былъ очень бѣденъ, потому что теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь, имѣлъ надежду получить долгъ отъ Аристарха Ѳедоровича.

— Écoutez! воскликнулъ Павелъ Петровичъ, показываясь неожиданно въ дверяхъ съ рюмкою въ одной рукѣ, съ трубкою въ другой:—скажите, пожалуйста, обѣдали вы, да или нѣтъ?... Мы, можетъ статься, пріѣхали вовсе некстати?...

Бобоховъ хотѣлъ засмѣяться, но взглянулъ на руку Карачаева, державшую чубукъ, и отвѣчалъ снисходительно:

— Нѣтъ, я обѣдаю обыкновенно въ пять часовъ.

— Aristocratie! какъ есть aristocratie!... Я тебѣ говорилъ, душа моя Aristarque... Нѣтъ, батюшка, у насъ это иначе... мы привыкли обѣдать въ два, въ три часа, вотъ она штука-то въ чемъ! возразилъ Карачаевъ, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ.

— Впрочемъ, если Аристарху Ѳедоровичу угодно, можно сейчасъ велѣть подавать... перебилъ съ поспѣшностью Бобоховъ.

— Да, признаться, я бы не прочь; я самъ обѣдаю очень поздно; но, знаете, съ дороги, не мѣшало-бы отступить отъ принятаго правила... сказалъ Балахновъ, самодовольно пуская клубъ дыму.

— Въ такомъ случаѣ сейчасъ-же распоряжусь... Въ ожиданіи не угодно-ли взглянуть на карту нынѣшняго обѣда... у меня всегда такъ ужъ заведено... сладко проговорилъ Бобоховъ, вручая листъ съ начертанными именами соусовъ, лежавшій на столикѣ вмѣстѣ съ афишей.

Бобоховъ на этотъ разъ не крикнулъ: „эй!“ а самъ отправился съ приказаніемъ.

— Ну, не говорилъ-ли я тебѣ, душа моя? Выскочка, какъ есть, просто: буржуа-жантильомъ. Ну что это, напримѣръ, такое? Вѣдь все это называется пустить пыль въ глаза! сказалъ Карачаевъ, щелкнувъ пальцемъ по обѣденной картѣ.—Да погоди, братъ, я его вышколю, будетъ онъ у меня кричать „эй!“ Я дурь-то изъ него выбью, по стрункѣ ходить станетъ; увидимъ!

Бобоховъ вернулся, сѣлъ возлѣ Балахнова и молча устремилъ рысьи глазки на дверь гостиной, какъ-бы выжидая чего-то.

Минуту спустя, показался Корней, отвѣсилъ низкій поклонъ и возвѣстилъ, что кушанье готово.

— Неугодно-ли вамъ пожаловать, господа? сказалъ съ церемонною привѣтливостью Бобоховъ, приглашая гостей въ столовую—огромную бѣлую комнату, въ которой столъ, накрытый на три персоны, и даже самый оркестръ, стоявшій вдоль задней стѣны, казались затерянными посреди пустыни.

Войдя въ залу, Бобоховъ махнулъ рукой, и оркестръ грянулъ какую-то увертюру.

— Превосходно! прекрасно! Вотъ что дѣло, то дѣло! Важно!... Разодолжилъ, Иванъ Дормидонычъ! Позволь обнять тебя за это, душа моя! воскликнулъ Карачаевъ, протягивая хозяину руки и восторженно потряхивая головой и выбивая въ то-же время тактъ ногою.

— Прекрасный оркестръ! о-о-чень хорошъ! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — скажите, свой, или наемный?...

— Свой-съ, самъ училъ... вамъ нравится? чрезвычайно пріятно! отвѣчалъ Бобоховъ, у котораго щеки и глазки запрыгали отъ восхищенія—они играютъ у меня всякій день за обѣдомъ и вечеромъ... практика. Эй! сыграть восьмой нумеръ изъ „Лучіи“!... заключилъ диллетантъ, поворачиваясь къ музыкантамъ.—Ну, господа, прошу садиться. Карачаевъ, полно вамъ, прибавилъ онъ, насмѣшливо подмигивая Балахнову и увлекая Павла Петровича, который стоялъ передъ контрбасомъ, яростно топалъ ногами и поминутно стучалъ чубукомъ въ пюльпитръ первой скрипки, давая этимъ знать, что услышалъ фальшивую ноту. Музыка приводила всегда Карачаева въ восторженное состояніе: стоило раздаться какимъ-нибудь звукамъ, и уже Карачаевъ забывалъ всѣ свои горести; въ эти минуты онъ забывалъ даже совѣты доброй Лизаветы Семеновны и прибѣгалъ безъ пощады къ сердце-утѣшительной влагѣ. Такъ случилось и теперь. Въ былыя времена, когда сердце-

крѣпительная влага не была еще потребностью Павла Петровича, онъ пѣвалъ самоучкою, но очень хорошо пѣвалъ русскія пѣсни и слылъ даже пріятнѣйшимъ бардомъ во всей губерніи; не подозрѣвая никакой перемѣны въ своемъ голосѣ (у каждаго человѣка есть свои слабости), Карачаевъ продолжалъ также усердно подвизаться на пѣвческомъ поприщѣ; онъ любилъ до страсти управлять хоромъ или оркестромъ, то-есть постукивать чубукомъ въ люльпитръ, бить тактъ носкомъ, хмурить глубокомысленно брови, и обнаруживалъ вообще въ этихъ случаяхъ большую критическую строгость. „Что мнѣ Рубини, Пини, Рини какіе-то... Горло дерутъ и больше ничего! Я ихъ слышалъ въ Москвѣ. Нѣтъ, пусть-ка вотъ споютъ русскую пѣсню—вотъ тутъ-то мы посмотримъ!“

Услышавъ звуки „Лучіи“, Карачаевъ разразился энергическими эпитетами противъ итальянцевъ, велѣлъ замолчать и играть что-нибудь русское.

— Стой! кричалъ онъ поминутно, смѣняя одну пѣсню другою, вскакивая съ мѣста и подбѣгая къ оркестру: — стой!... шт!... волторна высоко взяла!... не то: та-та-та-тра — вотъ! Вишь, повадились играть итальянскія аріи! Первая скрипка начинай!... волторна, ну, всѣ разомъ... такъ!! заключалъ онъ торжественно, вращая своими воспаленными бѣлками, размахивая салфеткой и возвращаясь каждый разъ къ столу съ меньшею и меньшею увѣренностью въ ногахъ.

Благодаря выходкамъ Карачаева, обѣдъ обошелся не безъ смѣха. Въ самомъ обѣдѣ, точно такъ-же, какъ и во всѣхъ домашнихъ распоряженіяхъ Бобохова, ничего не было особенно замѣчательнаго или роскошнаго. Во всемъ проглядывала явная внутренняя борьба мелочной скупости съ желаніемъ блеснуть великолѣпіемъ. Такъ, напримѣръ, когда Бобоховъ оставался дома одинъ, онъ пилъ одно пиво домашняго издѣлія и проявлялъ вообще страшную скаредность; природа его высказывалась тогда во всей наготѣ своей. Но какъ только появлялся хоть одинъ гость, кто-бы то ни былъ — на столѣ появлялось шампанское, да еще не бѣлое, а розовое, и подавалось не въ обыкновенныхъ бокалахъ, но въ какихъ-то краеугольныхъ кубкахъ изъ цвѣтного стекла.

Бобоховъ, очень довольный похвалами, расточаемыми Балахновымъ безусловно всему, что попадалось ему на глаза, приказалъ музыкантамъ немедленно отправляться внизъ.

— Это что значитъ? Стой! не смѣть уходить! закричалъ Карачаевъ, яростно размахивая руками.

— Полно, Карачаевъ. Ну, что ты дуешься? замѣтилъ Балахновъ.

— Че-е-во? запальчиво перебилъ Карачаевъ.

— Я хотѣлъ велѣть имъ приготовляться къ спектаклю. Пора; скоро половина седьмого... сказалъ Бобоховъ.

— А, ну, это другое дѣло, душа моя! Ты бы мнѣ такъ и сказалъ, Иванъ Дормидонычъ. Ступай и приготовляйся къ спектаклю! гаркнулъ Карачаевъ, поворачиваясь къ музыкантамъ: — да велѣть мнѣ подать трубку! жива-а-а! заключилъ онъ, направляясь нетвердыми стопами въ гостиную.

Послѣ кофе, хозяинъ дома пригласилъ гостей идти въ театръ.

— Ну, ужъ удружилъ, душа моя! право, удружилъ... спасибо. Хоть ты, душа моя, и буржуа-жантильомъ, настоящій буржуа-жан-ан... все-таки позволь обнять тебя! говорилъ Карачаевъ, выступая зигзагами по комнатамъ.

— Не сердитесь на него. Видите, онъ въ восторженномъ состояніи, шепнулъ Балахновъ.

— Помилуйте, я вижу! отвѣчалъ, зеленѣя, Бобоховъ: — замѣтили-ли вы это померанцевое дерево? продолжалъ онъ, останавливаясь на лѣстницѣ: — прекрасно... Жаль только не цвѣтетъ въ настоящую минуту... такой пріятный запахъ... напоминаетъ Палермо... Сицилію... Неаполь... Naples...

— Да, весьма долженъ быть пріятный ароматъ, отвѣчалъ Балахновъ, скрывая улыбку.

Когда гости и амфитріонъ очутились на дворѣ, ихъ окружила цѣлая стая разношерстныхъ собакъ.

— А! вотъ пёсъ, такъ пёсъ! крикнулъ Карачаевъ, растопыривая руки передъ датской собакой: — Трезоръ... Касторъ... поди сюда...

— Славная собака! сказалъ въ свою очередь Балахновъ.

— Вамъ нравится? Чрезвычайно пріятно! заговорилъ амфитріонъ сладкимъ голосомъ: — Минотавръ... ісі... Зовутъ ее Minotaur... знаете... греческое божество... Minotaur! продолжалъ онъ самодовольно. — У этой собаки задняя часть схожа съ лошадиной и глаза умные, какъ у человѣка. Я потому и назвалъ ее Минотавромъ... Minotaur... У грековъ было въ миѳологіи божество... корпусъ человѣка, а задъ лошадиный...

— Ну, братъ, заврался! заврался, дружище! перебилъ Карачаевъ: — какое греческое тамъ еще божество... А вотъ у меня пёсъ, скажу тебѣ, душа моя, такъ пёсъ; зовутъ Медоръ, за сорокъ верстъ... да, прискакалъ за сорокъ верстъ и веревку отгрызъ... Ну, однако, полно турусы-то разводить; пора дѣломъ заняться... Ну, веди, что-ли, въ театръ, веди: ты долженъ предупреждать гостей. Ступай впередъ; вотъ она штука-то въ чемъ...

Бобоховъ переглянулся съ Балахновымъ, и, минуту спустя, всѣ трое входили въ одинъ изъ флигелей, замыкавшихъ каменную ограду двора.

— Сюда пожалуйте, господа, сюда; здѣсь буфетъ, а тутъ входъ за кулисы и фойе — foyer актеровъ, говорилъ Бобоховъ, проходя съ гостями по маленькимъ закоулкамъ, гдѣ едва могли помѣститься три человѣка. — Все это еще не устроено, не успѣлъ: тутъ вездѣ будетъ шелкъ и позолота. А вотъ, вотъ спектакльная зала...

Спектакльная зала могла вмѣстить съ большимъ удобствомъ четыре лошадиныя стойла; но Бобоховъ, творецъ ея, видѣлъ въ ней совершенное подобіе залы Большого Московскаго театра. Боковыя стѣны, сѣро-молочнаго цвѣта, расписаны были колоннами; въ интервалахъ висѣло по одной лампѣ, задняя стѣна украшалась громадными намалеванными часами, которые показывали семь; къ ней примыкало подобіе баннаго полка, выкрашенное желтою краской и имѣвшее назначеніе райка; подъ полкомъ тянулись два ряда стульевъ: это былъ партеръ; колѣни зрителей упирались въ досчатую перегородку, за которой помѣщался окрестръ, надъ головами музыкантовъ возносилась суфлерская будка, составлявшая ровно пятую часть всей залы; голубая занавѣсъ, съ изображеніемъ нимфы, у которой ноги начинались непосредственно послѣ груди, усѣяна была золотыми звѣздами; нимфа играла на лирѣ такой-же величины, какъ контрбасъ.

— Какъ вамъ нравится? сладенькимъ голосомъ спросилъ Бобоховъ, и въ то-же время боязливо покосился на Карачаева, который, перевалившись чрезъ перегородку, распоряжался уже въ оркестрѣ.

— Очень мило. Мнѣ кажется только немного тѣсно... отвѣчалъ Балахновъ.

— Помилуйте... отчего-же?... совсѣмъ напротивъ! возразилъ амфитріонъ, повидимому очень недовольный тѣмъ, что гость обнаруживалъ мало удивленія.

— Эй! Иванъ Дормидонычъ, постой! Куда ты? крикнулъ Карачаевъ, протискиваясь между пюльпитрами и музыкантами.

— За кулисы...

— И я съ тобой; погоди, гдѣ-жъ тебѣ одному управиться?... Постой, я все сейчасъ устрою...

— Нельзя, отвѣчалъ Бобоховъ, нетерпѣливо хлопнувъ дверью.

Карачаевъ отпрянулъ шагъ назадъ, опрокинулъ пюльпитръ, побагровѣлъ и страшно заморгалъ воспаленными бѣлками.

Музыканты ухватились за свои инструменты и припали на скамейкахъ.

— Полно, братецъ, оставь его; сиди смирно и смотри, что дальше будетъ. Это поистинѣ любопытно, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Нѣтъ, душа моя, его надо проучить хорошенько! захрипѣлъ Карачаевъ: — я его выучу, какъ захлопывать подъ носъ двери. Я тебѣ говорилъ... Ахъ, онъ! Прочь!... заключилъ онъ, расталкивая музыкантовъ.

И, не слушая возраженій Балахнова, Карачаевъ взгромоздился на скамейку, приподнялъ занавѣсъ и, просунувъ на сцену багровое лицо свое, прокричалъ во все горло: „Буржуа-жантильомъ!“

— Полно, Карачаевъ, садись, говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — охота тебѣ! Садись, и давай ждать конца—натѣшимся!

— Да это, братецъ, ни на что не похоже! Эй, Корней, сюда! прибавилъ онъ, поворачиваясь неожиданно къ старику, который стоялъ въ сторонѣ съ подносомъ, уставленнымъ стаканами и бутылками шампанскаго: — я его выучу, какъ жить съ порядочными людьми! Будетъ онъ у меня захлопывать двери!... бормоталъ онъ, выпивая два стакана: — Эй! что-жъ вы? начинай! Ну, „Не бѣлы-то снѣги!“ заключилъ онъ, обращаясь къ оркестру.

— Баринъ приказывали играть изъ „Лучіи“... робко отвѣчалъ капельмейстеръ.

— Че-е-во?... Я приказываю играть: „Не бѣлы-то снѣги“ — вотъ она штука-то въ чемъ! Ну!

Увидя входившаго Бобохова, Карачаевъ замолкъ, повернулся къ нему спиной, перешагнулъ черезъ ряды креселъ и, затягиваясь изъ чубука, развалился на полкѣ съ видомъ глубочайшаго презрѣнія.

Лицо Бобохова было совершенно-зелено, и прозрачныя щеки его слегка дрожали; онъ старался, однакожъ, не замѣтить Кара-

чаева и сѣлъ подлѣ Балахнова, обративъ къ нему сладенькую улыбочку.

Оркестръ заигралъ, нимфа улетѣла въ потолокъ, и глазамъ Аристарха Ѳедоровича предстало совершеннѣйшее подобіе клѣтки, въ которой, вмѣсто птицъ, находились два разрумяненные мальчика, одѣтые въ старое барское пальто и бѣлые жилеты. Мальчики стояли по обѣимъ сторонамъ суфлерской ложи—иначе, впрочемъ, ихъ не было бы видно, не двигали ни однимъ членомъ и говорили такъ тихо, что самые музыканты ничего не могли разслышать; и только каждый разъ, какъ должна была произноситься самая эффектная фраза, на которой вращалась вся пьеса (афиша возвѣщала, что шелъ водевиль подъ названіемъ: „Маленькія непріятности въ жизни"), главное дѣйствующее лицо дѣлало шагъ впередъ и, выразительно тыкая пальцемъ въ оркестръ, принималось кричать во все горло: „Да, вотъ онѣ, маленькія-то непріятности въ жизни!"

— Всего три мѣсяца, какъ я ихъ учу. Были просто деревенскіе мальчишки!... Удивительная способность... понятливость... Скажите, пожалуйста, какъ вамъ нравится? говорилъ Бобоховъ, впиваясь рысьими глазами въ именитаго гостя.

— Очень мило, о-о-чень мило! отвѣчалъ снисходительный Балахновъ.

— Мило... да? неправда-ли, очень мило? произнесъ иронически Бобоховъ, обиженный равнодушіемъ гостя.—Вотъ куплетъ, послушайте... Ну, какъ вамъ нравится музыка?...

— Очень мило...

— Это мое сочиненіе... написано вчера утромъ...

— Да это, кажется, если я не ошибаюсь, „Пчелка златая", замѣтилъ Балахновъ.

— Да, если хотите... то-есть напоминаетъ, можетъ быть... я кое-что, однакожъ, прибавилъ... Очень жаль, что вамъ не нравится... сказалъ Бобоховъ, трепля себя за бакены, чтобъ скрыть неудовольствіе.

Бобоховъ поминутно исчезалъ за кулисы, чтобъ дѣлать замѣчанія актерамъ. Карачаевъ продолжалъ молчать на своемъ полкѣ, и только слышно было, какъ свисталъ и шипѣлъ его чубукъ, изъ котораго валили клубы табачнаго дыма. Во второй пьесѣ, изъ нравовъ французскихъ маркизовъ, временъ Людовика XIV, Карачаевъ, однакожъ, не выдержалъ: улучивъ минуту, когда слуга на

сценѣ, одѣтый въ лохмотье барскаго пальто, возвѣстилъ: „Карета графа готова и ждетъ его у рѣшетки парка“, онъ разразился неистовымъ хохотомъ. Къ концу спектакля онъ угомонился, чубукъ выпалъ изъ рукъ его, и легкій храпъ возвѣстилъ, что Павелъ Петровичъ отдался Морфею. Аристархъ Ѳедоровичъ начиналъ также зѣвать и потягивался очень неохотно на стулѣ. Замѣтивъ это, Бобоховъ приказалъ прекратить зрѣлище, молча указалъ Корнею на спавшаго Карачаева и пригласилъ Балахнова идти въ домъ, обнаруживая всѣ признаки раздраженнаго, недовольнаго состоянія.

Во время чая, Аристархъ Ѳедоровичъ старался разсѣять своего амфитріона, у него были на то свои причины: онъ, можно сказать, именно за этими-то причинами и поѣхалъ къ выскочкѣ. Онъ принялся хвалить устройство дома, сказалъ, что недостаетъ только молодой хозяйки, которая придала-бы своимъ присутствіемъ еще болѣе жизни роскошнымъ палатамъ, и началъ ужъ достигать своей цѣли, какъ вдругъ появленіе Карачаева все испортило.

Первымъ вопросомъ Павла Петровича, когда разбудилъ его Корней, было: „А что? вволю ли насыпали овса лошадямъ?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ и убѣдившись лично въ степени справедливости такого отвѣта, онъ сказалъ, чтобъ его провели въ комнату, назначенную гостямъ для ночлега; осмотрѣвъ комнату и оставшись, повидимому, доволенъ ея расположеніемъ, онъ снялъ съ себя верхнее платье, напялилъ старый халатъ, надѣлъ истасканныя туфли, потребовалъ хересу и, удовлетворивъ жажду, поспѣшилъ явиться въ гостиную, не забывъ напередъ приказать принести трубку.

— Ну, вотъ и я. Что-жъ вы безъ меня ушли? Эхъ вы, aristocratie! Послушай, Иванъ Дормидонычъ, а что, вели-ка, братъ, играть оркестру! сказалъ онъ, разваливаясь на диванѣ и запахивая бережно халатъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ засмѣялся и подмигнулъ Бобохову, который поспѣшилъ исполнить желаніе гостя.

Заслышавъ звуки оркестра, Карачаевъ встрепенулся, закричалъ „спасибо!“ подлилъ въ свой чай рому и, вооружившись стаканомъ, поспѣшно вошелъ въ залу.

— Я вамъ говорилъ, что это лучшее средство избавиться отъ него, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ самымъ любезнымъ тономъ.

— Вы, кажется, любите книги столько-же, сколько и музыку? продолжалъ онъ, окидывая величавымъ взглядомъ столы, заваленные журналами:—когда я пріѣхалъ, вы даже читали что-то?...

— Да, я сличалъ два ouvrages объ ученомъ археологическомъ изслѣдованіи, то-есть болѣе въ нумизматическомъ отношеніи, всего того, что... то-есть сличалъ изслѣдованія о развалинахъ Колизея...

Аристархъ Ѳедоровичъ и самъ уже не радъ былъ, что коснулся такого предмета. Сколько потомъ ни старался онъ повернуть разговоръ, все было напрасно: Бобоховъ не далъ ему выговорить слова и принялъ, казалось, явное намѣреніе — выгрузить передъ нимъ весь запасъ тѣхъ свѣдѣній, которыми онъ старался обогащать свою круглую голову. Оркестръ, отпущенный Карачаевымъ, давно уже замолкъ, самъ Карачаевъ давно уже лежалъ въ постели — а рѣчь Бобохова не умолкала ни на минуту. Балахновъ начиналъ уже приходить въ отчаяніе, какъ вдругъ Бобоховъ замолкъ и, весь запыхавшись, сѣлъ на диванъ. Ученый запасъ его истощился; Аристархъ Ѳедоровичъ перевелъ духъ и приступилъ немедленно къ своему предмету.

— Скажите, пожалуйста, любезнѣйшій Иванъ Дормидонычъ, произнесъ онъ, какъ-бы въ разсѣянности: — вы, конечно, поѣдете нынѣшнюю осень на выборы?...

— Помилуйте, какъ же мнѣ не ѣхать! непремѣнно поѣду...

— Разумѣется, продолжалъ съ достоинствомъ Балахновъ: — вы еще не были на выборахъ, и вамъ, какъ новому человѣку, слѣдуетъ даже побывать, представиться, познакомиться съ другими помѣщиками...

— Я все это очень хорошо знаю, сказалъ выскочка, расплываясь отъ удовольствія: — непремѣнно буду на выборахъ; но прежде еще поѣду въ Москву... У меня, нужно вамъ сказать, три музыканта въ оркестрѣ, вы ихъ не замѣтили? Удивительные таланты! Я хочу образовать изъ нихъ виртуозовъ — virtuoz virtuozo primo... и современемъ, даже очень скоро, они будутъ играть въ концертахъ...

Аристархъ Ѳедоровичъ, испугавшись, что собесѣдникъ начнетъ теперь, чего добраго, выгружать передъ нимъ свои музыкальныя познанія, поспѣшилъ перебить его.

— Скажите, пожалуйста, произнесъ онъ съ очаровательною любезностью: — кого думаете вы... то-есть, за кого хотите вы вотировать, то-есть я говорю насчетъ шара вашего, кого хотите вы предпочесть изъ среды нашей вашимъ бѣлымъ?...

Голосъ Аристарха Ѳедоровича захлебнулся въ потокѣ и онъ остановилъ съ увѣренностью свои глаза на лицѣ мильонщика.

— Я ужъ на этотъ счетъ имѣю свои виды, отвѣчалъ тотъ, значительно раздувая прозрачныя щеки.

— Какъ? имѣете виды? Какіе-же? спросилъ изумленный Балахновъ:—вы новое лицо у насъ и, кажется, такъ мало еще знаете здѣшнихъ помѣщиковъ...

— Да; но я уже обѣщалъ свой голосъ, отвѣчалъ Бобоховъ, самодовольно разглаживая бакены.

— Кому-же это, если можно спросить? ласково вымолвилъ владѣлецъ Ханскихъ-Прудовъ, измѣняясь въ лицѣ и закусывая нижнюю губу.

— А это секретъ, mistère... меня просили не сказывать... Виноватъ, тайна, далъ слово... mistèrrr...

— Человѣкъ, давшій слово, долженъ держать его; дѣлайте, какъ знаете—въ этомъ каждому предоставлена воля, сухо произнесъ Балахновъ, поспѣшно приподнимаясь съ мѣста.—У, у, какъ, однакожъ, поздно!... Что это? Кажется, скоро часъ... Эй, любезный, вели поскорѣй закладывать коляску! заключилъ онъ, обращаясь къ Корнею, показавшемуся въ дверяхъ.

Бобоховъ началъ упрашивать его остаться ночевать и провести весь слѣдующій день, но величавый гость отказался напрямикъ, сказавъ, что одно очень серьозное дѣло заставляетъ его быть завтра утромъ дома. Бобоховъ, щепетильный, обидчивый и самолюбивый, какъ всѣ выскочки, видя въ отказѣ Балахнова пренебреженіе къ его особѣ, не настаивалъ и ограничился только тѣмъ, что отдалъ приказаніе разбудить Карачаева.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше оставьте его: пусть выспится. Къ тому-же теперь его не добудишься, сказалъ съ убійственною небрежностью Балахновъ, едва-едва поворачиваясь къ хозяину дома.

Послали, однакожъ, будить Павла Петровича. Десять минутъ спустя, вернулся Корней и объявилъ, что хотя и добудились гостя, но онъ прогналъ ихъ всѣхъ и сказалъ, что уничтожитъ всякаго, кто осмѣлится подойти къ его постели на пять шаговъ.

Извѣстіе это подѣйствовало на Бобохова самымъ непріятнымъ образомъ: лицо его покрылось изумрудною зеленью и пухлыя, прозрачныя щеки пришли въ конвульсивное движеніе.

— Что это значитъ?... какже... это?... это... это... чрезвычайно непріятно... пробормоталъ онъ, стискивая свои зубы.

— А значитъ то, смѣясь, возразилъ Балахновъ: — что слѣдуетъ оставить его въ покоѣ. Завтра проснется и уѣдетъ... Дайте ему

только лошадей, у васъ же ихъ такъ много... Прощайте! заключилъ онъ, величаво протягивая два пальца.

Мильонщикъ разстался очень холодно съ Балахновымъ, но проводилъ его, однакожъ, до порога гостиной; дальше этого порога онъ никогда не провожалъ гостей, и слѣдовалъ въ этомъ случаѣ правилу своякa своего Тохтамышева, который говорилъ обыкновенно, что истинные джентльмены не должны провожать гостей своихъ дальше гостиной. Вернувшись въ залу, Бобоховъ закричалъ: „эй!“ и отдалъ строжайшее приказаніе, чтобъ завтра утромъ дали лошадей оставшемуся гостю и сказали ему, что хозяинъ дома уѣхалъ съ утра на охоту.

Аристархъ Ѳедоровичъ летѣлъ между тѣмъ въ Ханскіе-Пруды, тщетно ломая себѣ голову надъ тѣмъ, кому-бы именно могъ обѣщать Бобоховъ свой шаръ. Вопросъ такъ живо касался честолюбивыхъ интересовъ Балахнова и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ занималъ его, что онъ не сомкнулъ глазъ во всю дорогу, несмотря на упругость подушекъ и мягкое колебанье голубой коляски, украшенной золотыми вензелями.

XVII,

преисполненная событіями разнаго рода.

— Я тебѣ говорилъ, душа моя Aristarque, я тебѣ говорилъ!... Объ этомъ говорила тебѣ даже Лизавета Семеновна! Ты не хотѣлъ вѣрить... сердился... вотъ вышло-же наружу, вотъ тебѣ и другъ. Ай-да Семенъ Семенычъ! Вотъ тебѣ и Кошкинъ!

Такими словами разразился Карачаевъ немедленно послѣ возвращенія своего отъ Бобохова, у котораго пробылъ, сверхъ всякаго ожиданія, лишнія сутки. Войдя въ домъ Ханскихъ-Прудовъ, онъ тотчасъ-же вызвалъ въ кабинетъ Аристарха Ѳедоровича, усадилъ его въ кресла, заперъ на ключъ двери, тщательно осмотрѣлъ, крѣпокъ-ли замокъ, и тотчасъ-же, безъ дальнихъ приготовленій, приступилъ къ вышеупомянутой рѣчи. Жесты Карачаева, нахмуренныя брови, воспаленные бѣлки, вращавшіеся съ безпокойствомъ, и вообще вся наружность его показывали, что онъ былъ возмущенъ до глубины души.

Аристархъ Ѳедоровичъ слушалъ Карачаева съ величавымъ, презрительнымъ пренебреженіемъ; тѣмъ неменѣе, однакожъ, послѣднія слова Карачаева произвели на него сильное и совсѣмъ неожи-

данное дѣйствіе; онъ измѣнился въ лицѣ, быстро приподнялся съ своего мѣста и началъ ходить по кабинету, закинувъ лѣвую руку назадъ, тогда какъ правая рука его свирѣпо почесывала дипломатическій лобъ, мгновенно покрывшійся тучами.

Наконецъ онъ остановился передъ Карачаевымъ, топнулъ ногой и произнесъ нетерпѣливо:

— Вздоръ! быть не можетъ!... Ты, братецъ, вѣчно все перепутаешь, переврешь... Слышалъ звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ... Этого быть не можетъ, говорю я! Ты, вѣрно, не переставалъ пить, и это Бобоховъ натолковалъ тебѣ... Вздоръ! быть не можетъ! присовокупилъ, разгорячась, Балахновъ.

Тутъ Карачаевъ бросилъ на полъ чубукъ и кинулся къ двери, закричавъ хриплымъ, задыхающимся отъ бѣшенства, голосомъ:

— Иванъ! Эй, лошадей!... Ѣду... сейчасъ-же ѣду; вонъ отсюда!...

— Ну, не сумасшедшій-ли ты?... Пугаешь... Посуди, можно-ли послѣ этого въ чемъ-нибудь на тебя положиться? говорилъ Балахновъ, удерживая его за руку.

— Лошадей! лошадей! продолжалъ кричать Карачаевъ: — не останусь-же я здѣсь послѣ этого! Пропадай ты совсѣмъ съ своими пріятелями! Пусть каждая шельма, Бобоховъ какой-нибудь, тебя надуваетъ! Знать не хочу! ноги моей не будетъ больше въ этомъ домѣ! Тебя не жаль... жаль только разстаться съ Лизаветой Семеновной...

— Жены тутъ поминать не для-чего: жена въ этомъ дѣлѣ должна быть постороннею.

— Че-е-во? Мнѣ не жалѣть Лизаветы Семеновны! которая, можетъ-быть... ну, да что тутъ толковать! Прощай, братъ, будь счастливъ! Зла тебѣ никогда не желалъ, да и добра также не желаю послѣ всего этого. Дѣлай, какъ знаешь! заключилъ Павелъ Петровичъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

— Полно, Карачаевъ; все это пустяки! Ну, перестань бѣситься; довольно; садись! говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, усаживая раздраженнаго друга, который, впрочемъ, довольно охотно поддавался: — согласись самъ, братецъ, продолжалъ онъ, усаживая его: — согласись, дѣло слишкомъ серьезное и притомъ слишкомъ близко до меня касается, чтобъ я могъ сразу, такъ, съ бухта-барахты, дать вѣру словамъ твоимъ, хотя слова эти могли-бъ даже быть не лишены справедливости...

— Помилуй, душа моя, да изъ чего-же я говорю, если не изъ того, что дѣло касается именно тебя? воскликнулъ Карачаевъ, мгновенно смягчаясь,—къ тому-же: écoutez, неужели я сталъ-бы чернить человѣка и самъ себя просто — здорово живешь? Если я говорю, такъ, стало, навѣрное: твой Кошкинъ плутъ, вотъ въ чемъ штука-то!

— Изъ чего-же ты это заключаешь? произнесъ Балахновъ, снова омрачаясь и снова начиная ходить по кабинету: — ну говори, разсказывай, разсказывай обстоятельно, какъ все было; только, пожалуйста, не путай...

— Изволь, душа моя! возразилъ съ полной готовностью Карачаевъ: — только, пожалуйста, братъ, не волнуйся, садись и слушай.

— Ну! произнесъ Балахновъ, нетерпѣливо бросаясь въ кресло и стараясь скрыть свое волненіе.

— Вотъ, братецъ ты мой: просыпаюсь я на другое утро у этого буржуа-жантильома Бобохова; говорятъ, ты уѣхалъ; фу, ты пропасть! думаю... признаться, побранилъ тебя на порядкахъ... хочу идти наверхъ—хозяинъ, говорятъ, уѣхалъ! на охоту уѣхалъ!... Ахъ онъ, выскочка! говорю: быть не можетъ! Иду наверхъ, смотрю: ходитъ себѣ взадъ и впередъ по своему проклятому паласту, или, какъ-бишь это, палатамъ, что-ли... Ну ужъ, братъ, écoutez, задалъ-же я ему баню! Буржуа-жантильомъ этакой! Проучилъ-же я его... Мнѣ плевать, зеленѣй онъ сколько угодно! Со мной, ты знаешь, коротка расправа... Потомъ, братецъ, слово за словомъ, разговорились; что-жъ, душа моя? узнаю, что онъ поминутно ѣздитъ къ Кошкинымъ и Кошкинъ къ нему... Что за дьяволъ! думаю; Кошкинъ Балахнову объ этомъ ничего не говорилъ — вотъ она въ чемъ штука-то! Тутъ что-то неладно, думаю, завелись шашни...

— Нѣтъ, воля твоя, тутъ что-то не такъ... Бобоховъ, вѣрно, навралъ тебѣ... перебилъ Аристархъ Ѳедоровичъ недовѣрчиво, однакожъ нетерпѣливо тряхнувъ головой.

— Какъ не такъ! Нѣтъ, такъ, если я говорю! возразилъ съ живостью Карачаевъ. — Бобоховъ ѣздитъ безпрестанно къ Кошкинымъ и даже, если хочешь знать, въ перепискѣ съ ними, и особенно съ этой чернявой Анной Васильевой... У меня есть доказательства... да!

— Какія? какія-же доказательства? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, стараясь показать равнодушіе.

— Какія? а вотъ какія доказательства, вымолвилъ Карачаевъ, торопливо разстегивая крючки своего нанковаго сюртука и вынимая клочокъ тщательно свернутой бумажки: — на, читай, прибавилъ онъ торжественно.

Балахновъ поспѣшно развернулъ письмо и прочелъ слѣдующее:

„Madame!

Envain vous me rémoterez je n'oublie vos desirs et vous remercie pour votre amabilités. J'ai l'honneur d'être votre dévoué J. Bobokoff".

Письмо, написанное, очевидно, по лексикону, украшалось съ боку литерою Б. и носило на оберткѣ слѣдующій адресъ: „Аннѣ Васильевнѣ Кошкиной, въ сельцо Журавлево".

— Ну, что-жъ изъ этого? сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, бросая съ сердцемъ посланіе на столъ.

— Фу ты пропасть! Да чего-жъ тебѣ еще? Какъ что изъ этого? крикнулъ Карачаевъ, мгновенно разгорячаясь: — тебѣ этого мало! Да вотъ погоди, братъ, это еще не все; знаешь ты Газенпота, горшковскаго доктора, Карла Готлибовича?

— Ну, знаю...

— А когда такъ, такъ слушай-же, écoutez: Газенпотъ пріѣхалъ вчера обѣдать къ Бобохову и говоритъ, между прочимъ, что былъ на-дняхъ у Окатова и засталъ тамъ Кошкина... А-га! что, братецъ? Что? небось повѣрилъ теперь? подхватилъ Карачаевъ, видя, что Аристархъ Ѳедоровичъ вскочилъ съ пѣной у рта и свирѣпо ударилъ кулакомъ по столу: — что? повѣрилъ теперь? А то: нѣтъ, быть не можетъ... Да погоди, дружище, это еще не все....

— Что-жъ еще? крикнулъ Балахновъ, стискивая вагенгеймовскіе зубы и покрываясь желтизною.

— А то, душа моя Aristarque, что твой Кошкинъ былъ на-дняхъ не только у Окатова, но даже у Солонеева: Карлъ Готлибовичъ Газенпотъ самъ его видѣлъ...

Но Аристархъ Ѳедоровичъ уже не слушалъ Карачаева: онъ маршировалъ по кабинету, опрокидывая на пути своемъ стулья, задѣвая за всѣ углы и разражаясь яростными эпитетами противъ человѣческой природы вообще и природы Семена Семеновича Кошкина въ особенности. Взрывъ не былъ, однакожъ,

продолжителенъ: минуты двѣ спустя, Аристархъ Ѳедоровичъ уже владѣлъ собою; пожелтѣвшее лицо его приподнялось кверху, грудь выпрямилась, наружность приняла вдругъ величавую, горделивую, полную достоинства осанку... Онъ подошелъ къ столу, взялъ записную книжку, обмакнулъ перо и начерталъ дрожащею рукою: „Черная душа лжебрата подобна рву Данiилову: въ ней гнусныя страсти, яко лютѣйшiе львы, готовы растерзать и поглотить ближняго!...“

Потомъ, какъ-бы воодушевившись, онъ подписалъ съ боку „Кошкинъ“; затѣмъ, помакнувъ перо, начерталъ еще слѣдующее: „За что люди вооружаются и возстаютъ противъ тебя? за то, что ты добрѣйшiй и стоишь превыше ихъ! О, добродѣтель! да не удалится отъ тебя жизнь моя, хотя-бы суждено мнѣ было потерпѣть самыя лютыя скорби!“

Глубокiя мысли, вызванныя неожиданнымъ моральнымъ потрясенiемъ, осадили вереницею голову великаго человѣка, но совсѣмъ тѣмъ не произвели на его душу успокоительнаго дѣйствiя. Образы Окатова и Солонеева, смѣшанные съ образомъ лжебрата, носились передъ нимъ въ зловѣщемъ туманѣ и поражали его сердце тройнымъ кинжаломъ.

Что-жъ касается Карачаева, онъ чувствовалъ невозмутимосладостное спокойствiе человѣка, исполнившаго свои обязанности; онъ поднялъ чубукъ, брошенный на полъ, заткнулъ ремень вокругъ толстой, неуклюжей своей талiи и сталъ противъ Балахнова, обнаруживая готовность начать увѣщательную, успокоительноблагоразумную рѣчь.

Онъ захлопалъ уже бѣлками, взялъ его за руку и кашлянулъ, но въ эту самую минуту Сидоръ постучался въ дверь и объяснилъ, что ѣдетъ Семенъ Семеновичъ Кошкинъ.

Невозможно описать эффекта, произведеннаго этимъ извѣстiемъ на двухъ собесѣдниковъ. Оба они остановились какъ вкопаные и взглянули съ недоумѣнiемъ другъ на друга. Карачаевъ — должно отдать ему справедливость — первый пришелъ въ себя; онъ кинулся къ двери, повернулъ ключъ, просунулъ къ Сидору лицо свое, побагровѣвшее, какъ клюква, и произнесъ:

— Не принимать! сказать: дома нѣтъ!!! жива-а-а!!!

— Перестань, братецъ! что ты бѣснуешься? крикнулъ съ сердцемъ Аристархъ Ѳедоровичъ, удерживая своего друга за руку и бросая на него грозный взглядъ съ высоты своего величiя: —

Сидоръ! сказать, что я въ кабинетѣ, заключилъ онъ, стараясь накинуть на себя какъ можно больше достоинства.

— Какъ?!... воскликнулъ Карачаевъ, выказывая мгновенно всѣ признаки раздраженнаго состоянія: — какъ, послѣ всего того, что я говорилъ?... Тьфу! Пропадайте-же послѣ этого совсѣмъ съ своимъ Кошкинымъ! тьфу! довершилъ онъ, хлопнувъ дверью такъ, что она снова отворилась сама собою.

Встрѣтивъ въ корридорѣ Кошкина, Карачаевъ страшно нахмурилъ брови, отступилъ шагъ назадъ, церемонно раскланялся, не сказавъ слова, и вышелъ въ залу, размахивая руками.

Семенъ Семеновичъ, принявъ въ соображеніе суетливыя лица лакеевъ, встрѣтившихъ его въ передней, и вмѣстѣ съ тѣмъ странную выходку Карачаева, смекнулъ сейчасъ-же, что тутъ было что-то неладно. Онъ былъ увѣренъ, однакожъ, что визиты его къ врагамъ Балахнова оставались для владѣтеля Ханскихъ-Прудовъ совершенною тайной. „Такъ, развѣ бабья сплетня какая-нибудь, а можетъ, и того нѣтъ; просто, можетъ-статься, домашняя ссора, или непріятность“, подумалъ онъ, отыскивая пытливымъ взглядомъ какой-нибудь наружный признакъ, который подтвердилъ-бы его предположеніе.

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ по корридору, Кошкинъ остановился, поправилъ черный, лоснящійся парикъ съ буклями на вискахъ, отворотилъ манжеты рубашки на обшлага сюртука и, выразивъ на лицѣ своемъ сладенькую улыбку, простирая руки впередъ, пошелъ навстрѣчу Аристарху Ѳедоровичу, который показался въ дверяхъ кабинета.

— Здравствуй, Семенъ Семенычъ! сказалъ Балахновъ, отвѣчая на дружескія изліянія Кошкина холоднымъ, почти принужденнымъ пожатіемъ руки.

Жолтенькое лицо Семена Семеновича искривилось, какъ будто за щекой его внезапно очутился кусокъ ревеню; экспрессія растроганно-огорченнаго человѣка промелькнула въ сухихъ чертахъ его; онъ поправилъ золотыя очки, медленно подошелъ къ своему другу, медленно взялъ его за обѣ руки, медленно поднялъ на него сметливые глаза и сказалъ съ особенною, трогательною выразительностью:

— Здрав-ствуй, Арис-тархъ Ѳе-до-рычъ!...

Послѣдовала непродолжительная пауза.

— Здравствуй, Семенъ Семенычъ! спокойно отвѣчалъ Балахновъ.

Сказавъ это, онъ отступилъ шагъ назадъ, скрестилъ на груди руки и выпрямился во весь ростъ.

Цѣлую минуту оба молчали и стояли другъ противъ друга. Кошкину видимо сдѣлалось неловко; онъ опустилъ глаза, прищурился, потомъ робко взглянулъ на Аристарха Ѳедоровича, какъ-бы покушаясь спросить: „Кто ты, грозное привидѣніе?...“ Еслибъ такой вопросъ вырвался изъ устъ Семена Семеновича, Аристархъ Ѳедоровичъ—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—отвѣчалъ-бы слѣдующее: „Твой судія—твоя совѣсть, и... и... воплощенная невинность и добродѣтель! Взгляни на меня, лжебратъ, и если сердце твое не разорвется на части, оно никогда не знало добродѣтели!“ Но Балахновъ ограничился тѣмъ только, что подумалъ это, потому что Семенъ Семеновичъ разразился слѣдующими словами:

— Аристархъ Ѳедоровичъ! я не могу понять, что все это значитъ?... Тщетно придумываю я всѣ случаи, которые могли-бы навлечь на меня твою холодность. Какъ и всегда, пришелъ я къ тебѣ съ распростертыми объятіями... Я теряюсь въ скорбныхъ для меня догадкахъ... Встревоженные люди и даже этотъ Карачаевъ... не постигаю! Можетъ быть, причиною тому домашнія обстоятельства, неудовольствія, можетъ статься, какое-нибудь неожиданное горе...

— Ты не ошибаешься, возразилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, полный въ эту минуту спокойнаго, величаваго, благороднаго достоинства: —да, дѣйствительно, какъ ты говоришь, меня постигла большая непріятность... Неисповѣдимая воля судебъ наслала новое испытаніе... Не думай, однакожъ, чтобъ это было одно изъ тѣхъ неудовольствій, о которыхъ ты уже слышалъ, поспѣшилъ прибавить Аристархъ Ѳедоровичъ, испугавшись, чтобъ Кошкинъ не приписалъ его разстройство ссорѣ съ Окатовымъ и неудачной исторіи съ долиной: — отнюдь нѣтъ, любезный Семенъ Семенычъ; я давно привыкъ къ людскимъ неправдамъ; чувство гнуснаго лицемѣрія и ядовитой, шипящей злобы чуждо мнѣ; охотно прощаю врагамъ моимъ, Семенъ Семенычъ; пускай распускаютъ они зловѣщую клевету: я этимъ не огорчаюсь, Семенъ Семенычъ; всесокрушающее время, озаряющее истину, покажетъ имъ, что я всегда стоялъ за правду и помышленіемъ даже не отступилъ отъ этого правила, Семенъ Семенычъ...

Кошкину сдѣлалось совсѣмъ неловко; онъ щурился, ежился, поправлялъ золотыя очки. Странно! до сихъ поръ не было такого домашняго горя, которое не сообщалось-бы Кошкину. Кромѣ того,

что значитъ этотъ величавый, горделивый видъ, эти часто повторяемыя слова: лицемѣріе, людская неправда и проч.? Аристархъ Ѳедоровичъ не приглашалъ даже его садиться и, что всего страннѣе, не предлагалъ ему сигару nec-plus-ultra.

Желтенькое, недоумѣвающее лицо Кошкина, сохранявшее во все это время такое выраженіе, какъ будто онъ нюхалъ предметъ, издававшій крѣпко-непріятный запахъ, переполнилось вдругъ патокою, и — словно, вмѣсто непріятнаго предмета, носъ его наткнулся на розанъ — онъ подошелъ къ Балахнову, взялъ его за обѣ руки и сказалъ голосомъ сердечнаго участія:

— Въ такомъ случаѣ, другъ мой, я, можетъ быть, пріѣхалъ некстати?...

— Помилуй, напротивъ того, я очень радъ. Пріѣзжай ты вчера или третьяго дня, не засталъ бы дома: я ѣздилъ къ Бобохову... проговорилъ Балахновъ, взглянувъ выразительно на друга.

Кусокъ ревеню какъ будто снова попалъ за щеку Семена Семеныча; онъ прищурился, поправилъ очки, кашлянулъ и произнесъ разсѣянно:

— Бобоховъ... дрянь, братецъ! совершенная дрянь! пустой мальчишка, parvenu! Я, право, не знаю, что въ немъ находитъ жена... увѣряетъ, что онъ очень остеръ и любезенъ... Ахъ, да, кстати; она велѣла тебѣ кланяться и Лизаветѣ Семеновнѣ...

Аристархъ Ѳедоровичъ поклонился, не спуская пытливаго ока съ очковъ своего друга.

Внезапно лицо Кошкина оживилось; мысль о томъ, что Бобоховъ, или гости, случившіеся у него при Балахновѣ, могли пробольтаться, раскрыла передъ нимъ всю истину; онъ поспѣшилъ, однакожъ, привести свою физіономію въ прежнее умилительное положеніе и сказалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Очень жаль, другъ мой, что застаю тебя разстроеннымъ; я было нарочно пріѣхалъ къ тебѣ сегодня, чтобъ поговорить объ очень важномъ дѣлѣ...

— Что-жъ такое, братецъ? живо перебилъ его Балахновъ: — говори, я готовъ слушать; къ тому же, я вовсе не разстроенъ; душа и голова — двѣ вещи совершенно розныя... Не прикажешь ли nec-plus-ultra?

— Пожалуй; но все-таки, признаться, я хотѣлъ бы лучше отложить дѣло до другаго, болѣе удобнаго, случая... Принимая въ уваженіе твое душевное разстройство...

— Полно, Семенъ Семенычъ! Говорю тебѣ: я спокоенъ... Говори, пожалуйста, говори...

Семенъ Семеновичъ закурилъ сигару, кашлянулъ, поправилъ очки и проговорилъ таинственно:

— А я, братецъ, ѣздилъ къ Окатову...

Аристархъ Ѳедоровичъ выпустилъ сигару изъ рта и весь обратился во вниманіе. Балахновъ узналъ, что цѣль поѣздки Кошкина къ Окатову заключалась въ томъ, чтобъ примирить его съ Николаемъ Степановичемъ, уговорить Николая Степановича, раскрыть ему глаза и заставить его возвратить долину въ руки Аристарха Ѳедоровича. Поѣздка не увѣнчалась, однакожъ, успѣхомъ. Кошкинъ сознался чистосердечно, что самъ былъ отчасти этому виною, ибо не разсчелъ, что неумѣренное участіе его въ дѣлѣ Балахнова могло только раздражить упрямаго и крайне-мстительнаго Николая Степановича. „Не всѣ обладаютъ твоимъ умомъ и, сказать-ли (не прими это за лесть, Аристархъ Ѳедоровичъ), твоимъ умомъ и благородствомъ!“ заключилъ окончательно растроганный Семенъ Семеновичъ.

Призма, сквозь которую смотрѣлъ до сихъ поръ Аристархъ Ѳедоровичъ на прежняго своего друга, начала мало-по-малу проясняться; онъ ждалъ только, что Кошкинъ объяснилъ ему свое намѣреніе, сопровождавшее поѣздку его къ Солонееву; одно слово — и Аристархъ Ѳедоровичъ раскрылъ бы ему свои объятья, сказалъ бы ему: „Другъ, ты мыслишь благородно! Прости меня: я повѣрилъ лживымъ толкамъ людей и оклеветалъ тебя въ душѣ своей!..“ Но этого слова не произнесъ Семенъ Семеновичъ, и сердце Балахнова наполнилось вдругъ мрачною недовѣрчивостью. Все подтверждало его подозрѣнія: Карлу Готлибовичу Газенпоту не изъ чего было выдумывать! Коли сказалъ, что видѣлъ Кошкина и Солонеева, такъ, стало, это дѣйствительно такъ и было. Молчаніе Кошкина, смѣшанное съ замѣтнымъ смущеніемъ въ то время, какъ Балахновъ разспрашивалъ о томъ, кому Бобоховъ обѣщалъ на выборахъ свой голосъ; мнимая болѣзнь Кошкина въ минуту страшной катастрофы съ Окатовымъ, наконецъ, самопроизвольный визитъ къ Окатову — визитъ, оставшійся безъ всякихъ послѣдствій... Сомнѣніе укрѣпилось въ душѣ Балахнова; желчь закипѣла ключомъ въ величавой груди его.

Да, онъ не ошибался, когда говорилъ, что вступалъ въ эпоху горестнаго разочарованія на пути жизни!

Великая душа Аристарха Ѳедоровича не сокрушалась, однакожъ, подъ бременемъ тяготѣвшей ея грусти; натура его, подобно фениксу, возрождалась всегда изъ собственнаго своего пепла и проявляла энергію по мѣрѣ усиленія преградъ и препятствій.

— Одного я только не постигаю, одно темно и непонятно, говорилъ самъ себѣ Аристархъ Ѳедоровичъ, расхаживая по кабинету, послѣ отъѣзда Кошкина:—одно странно: къ чему же этотъ негодяй, таившій въ душѣ своей, такой же черной, какъ его парикъ, злобу и ненависть, говорилъ въ день моего рожденья такія сладкія, лживыя рѣчи?...

Къ вечеру записная книжка украсилась слѣдующимъ изреченіемъ: „Дѣйствія низкихъ людей возвышаютъ тѣхъ, на кого обращаются!“

Аристархъ Ѳедоровичъ укрѣпился духомъ и рѣшился принять какъ можно скорѣе мѣры для отстраненія козней новаго врага. Мѣры должны были быть самыя дѣйствительныя, потому что до выборовъ оставалось всего-на-все какіе-нибудь три мѣсяца. Балахновъ нѣсколько дней не выходилъ изъ своего кабинета, погруженный весь въ хитросплетенныя соображенія самаго тонкаго дипломатическаго свойства.

Въ одинъ изъ этихъ дней, вечеромъ, когда всѣ жители древняго дома разбрелись, послѣ ужина, по своимъ спальнямъ, Карачаевъ натянулъ на плеча старый свой халатъ, спросилъ трубку и принялся расхаживать взадъ и впередъ. Онъ, казалось, былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ; не было, однакожъ, никакой возможности опредѣлить съ точностью выраженіе на его лицѣ; брови его то нахмуривались сильнѣйшимъ образомъ и лысина, прикрытая полдюжиною мягкихъ, какъ шелкъ, волосъ, зачесанныхъ справа налѣво, покрывалась колеромъ, не уступавшимъ въ яркости цвѣту раздавленной свеклы; то вдругъ брови выпрямлялись, какъ-бы разглаженныя счастливою мыслью, выступавшею на самомъ переносьѣ; то снова останавливался онъ въ тягостномъ, безпокойномъ раздумьи передъ нагорѣвшей свѣчкой, поставленной на столъ заботливой рукой Ивана. Павелъ Петровичъ выпускалъ изо рта трубку, моргалъ нетерпѣливо воспаленными своими бѣлками, свирѣпо почесывалъ голый, мясистый затылокъ, и вдругъ снова, какъ-бы перескочивъ черезъ сто тревожныхъ мыслей на одну счастливую, принимался расхаживать по залѣ, затягиваясь изъ трубки съ такою свирѣпостью, что можно было принять издали шипѣніе трубки за храпъ пятерыхъ дюжихъ лакеевъ!

Какъ бы тамъ ни было, все это, вмѣстѣ взятое, показывало, однакожъ, очень ясно, что Карачаевъ былъ озабоченъ, и даже сильно озабоченъ. Положеніе, въ которое ставили его обстоятельства, стоило дѣйствительно того, чтобъ призадуматься... Карачаевъ, нужно замѣтить, былъ въ ссорѣ съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, по поводу исторіи съ Кошкинымъ (онъ не зналъ еще результата свиданія между Балахновымъ и Семеномъ Семеновичемъ), и хотя въ сердцѣ его не оставалось злобы на маковую росинку, но онъ все-таки не хотѣлъ говорить съ нимъ и далъ себѣ слово прекратить разъ навсегда всякія сношенія съ владѣтелемъ Ханскихъ-Прудовъ.

— Пусть его надуваютъ. Я хотѣлъ по дружбѣ раскрыть ему глаза... Этотъ Кошкинъ — плутъ, и больше ничего! Говорю, доказываю — нѣтъ, принимаетъ, не вѣритъ мнѣ. Пускай же оберутъ его какъ липку, да впутаютъ еще въ какое-нибудь дѣло. Не вѣришь Карачаеву — спохватишься, да поздно будетъ. Карачаевъ плакать не станетъ, небось! Карачаеву жаль только одну Лизавету Семеновну да ребятишекъ... Вотъ съ ними, съ голубчиками, что-то станется!

Карачаевъ считалъ себя въ высшей степени оскорбленнымъ; Аристархъ Ѳедоровичъ — въ томъ Карачаевъ теперь ясно убѣдился — не ставилъ въ мѣдный грошъ его дружбы, потѣшался только надъ нимъ, а между тѣмъ обстоятельства были такого рода, что Павлу Петровичу необходимо нужно было объясниться съ Балахновымъ, и объясниться насчетъ самаго щекотливаго, непріятнаго дѣла: требовалось попросить хоть сколько-нибудь деньжонокъ. Онъ, разумѣется, станетъ просить не чужія деньги, свои собственныя, но тѣмъ не менѣе просьбы эти, весьма рѣдкія, составляли для Карачаева нравственную пытку. Ссора его съ Балахновымъ придавала дѣлу самый неловкій оборотъ. Балахновъ подумаетъ, чего добраго, что онъ проситъ денегъ именно потому только, что поссорился съ нимъ! Объ этомъ-то и сокрушался Карачаевъ, расхаживая въ халатѣ и туфляхъ по залѣ. Не просить денегъ — невозможно: Иванъ уже не разъ докладывалъ, что изъ носовыхъ платковъ остался одинъ лишь бумажный, клѣтчатый, да и тотъ начиналъ обсѣкаться по угламъ отъ частаго употребленія; изъ другаго бѣлья оставалась самая бездѣлица, годная лишь на корпію или на заплаты. Осматривая въ послѣдній разъ черный фракъ, Карачаевъ самъ убѣдился, что локти и швы во-

обще показывали всѣ признаки окончательнаго разрушенія; сѣрый нанковый сюртучокъ, равно какъ широкія шальвары, и даже сапоги, требовали немедленнаго подкрѣпленія; кромѣ этого, Ивану не было заплачено жалованья ровно за полгода, и тѣмъ скорѣе слѣдовало выдать деньги, что Иванъ не упоминалъ даже о нихъ.

Стѣнные часы пробили уже два, когда Карачаевъ рѣшился покинуть залу. Онъ взялъ свѣчку и, шагая черезъ людей, спавшихъ вполовину на полу передней, направился въ свою комнату, ту самую, гдѣ нѣкогда вмѣстѣ съ Васильковымъ слушалъ чтеніе „Непризнанной Индѣйки“.

Войдя въ комнату, Карачаевъ немного удивился, когда увидѣлъ, что Иванъ, котораго отпустилъ онъ спать три часа тому назадъ, стоялъ у двери и дожидался.

Веселая, беззаботная физіономія бывшаго гаера выражала на этотъ разъ такое-же точно неловкое, смущенное состояніе духа, какое обозначалось на лицѣ самого барина. Карачаевъ тотчасъ-же замѣтилъ это. Привыкнувъ судить обо всемъ, основываясь на своихъ собственныхъ чувствахъ, онъ тотчасъ-же подумалъ, что Иванъ заминается, не зная, какъ приступить къ разговору о выдачѣ жалованья. Мысль эта окончательно сконфузила Павла Петровича; онъ побагровѣлъ до рѣсницъ и пробормоталъ несвязно:

— Что ты, Ваня?... я самъ раздѣнусь... пошелъ-бы спать... Я вѣдь сказалъ тебѣ...

— Ничего, Павелъ Петровичъ; я, признаться, не то, чтобы... то-есть хотѣлось, сударь, потревожить васъ насчетъ одного, то-есть собственнаго своего дѣльца, проговорилъ онъ, тряхнувъ бѣлокурыми волосами.

Карачаевъ повернулся къ постели и принялся поспѣшно перебирать ногами.

— Знаю, братецъ, проговорилъ онъ, моргая глазами: — знаю я, душа моя; самъ только-что объ этомъ думалъ...

— Вы, то-есть, въ разсужденіи думаете, Павелъ Петровичъ, я насчетъ, то-есть, денегъ...

— Ну, да, душа моя, знаю, знаю, за шесть мѣсяцевъ... Я завтра попрошу у Аристарха Ѳедоровича...

— Помилуйте, сударь! На этотъ счетъ не извольте сумнѣваться; я совсѣмъ не объ томъ... Я хотѣлъ попросить васъ насчетъ, то-есть, совсѣмъ другаго дѣла, произнесъ Иванъ, хмуря лобъ и значительно пожимая губами.

У Карачаева отлегло отъ сердца. Онъ проворно обернулся къ Ивану и, устремивъ на него удивленные зрачки, сказалъ развязно:

— Помилуй, душа моя, очень радъ, говори... ты знаешь, я все готовъ для тебя сдѣлать. Ну, что такое?

— Покорнѣйше благодарю, Павелъ Петровичъ. Вѣкъ, сударь, буду помнить вашу добродѣтель. Не оставьте меня теперь... Я хотѣлъ, Павелъ Петровичъ, примолвилъ Иванъ, дѣлая шагъ впередъ и опуская голову: — хотѣлъ просить васъ отпустить меня... Я, признаться, никогда-бы не разстался съ вами, да дѣла свои заставляютъ...

Карачаевъ, пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ, не могъ проговорить слова впродолженіе нѣсколькихъ секундъ и только багровѣлъ.

— Какъ? вскричалъ онъ, наконецъ, страшно захлопавъ глазами: — какъ? Ты хочешь оставить меня?... Что-жъ, недоволенъ ты мной, что-ли? Чего-жъ тебѣ еще?... Что жалованье-то не платилъ исправно, такъ ты этимъ обижаешься? Говори, продажная душа, говори, говори, чѣмъ ты мной недоволенъ?...

И, недожидаясь отвѣта, Карачаевъ заходилъ по комнатѣ, размахивая руками и повторяя, какъ-бы обращался къ цѣлой аудиторіи: „Вотъ, обходился съ нимъ какъ нельзя лучше; въ дорогѣли, въ людяхъ-ли, первое слово, чтобъ его поили и кормили, чтобъ ему то, то было... А онъ!... Чего-жъ тебѣ еще, продажная душа?“ заключилъ Карачаевъ, запальчиво останавливаясь передъ Иваномъ, который стоялъ съ понурою головою.

— Помилуйте, Павелъ Петровичъ! Я все это чувствую, сударь, и никогда-бы не разстался съ вами; не сойти мнѣ съ этого мѣста, если говорю неправду. Я, кажется, всегда служилъ вамъ, какъ слѣдуетъ. Ужъ чего, сударь, всякую малость берегъ, какъ свое добро, сами изволите знать. Дѣла, сударь, свои дѣла, Павелъ Петровичъ, заставляютъ... Иначе-бы, повѣрьте, во вѣки вѣковъ никогда съ вами не разстался...

— Толкуй эту белиберду не мнѣ, а другому кому, если хочешь; вотъ она штука-то въ чемъ! вскричалъ запальчиво Карачаевъ: — дѣла, гм! Какія дѣла, хотѣлъ-бы я знать? Какія дѣла? Ну, говори, говори — какія дѣла? повторилъ онъ, озадаченный тономъ увѣренности, съ какимъ говорилъ Иванъ.

Иванъ сообщилъ ему свои намѣренія составить труппу, вернуться къ прежнему ремеслу, которое, говорилъ онъ, зазывало

его, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью; затѣмъ онъ передалъ Карачаеву дальнѣйшіе планы свои, заключавшіеся въ томъ, чтобъ уѣхать въ губернскій городъ, построить балаганъ на скопленныя у прежняго барина деньги и давать представленія во время выборовъ.

Объясненія Ивана отличались такою ясностью, показывали столько обдуманности, и вмѣстѣ съ тѣмъ предпринятое имъ дѣло заключало въ себѣ столько выгодъ въ сравненіи съ настоящимъ его положеніемъ, что Карачаевъ ничего не отвѣчалъ и стоялъ, моргая глазами, опущенными къ полу.

Онъ вскорѣ, однакожъ, оправился, поспѣшно подбѣжалъ къ постели, еще поспѣшнѣе сбросилъ халатъ, скинулъ сапоги и, не сказавъ ни слова, повернулся спиною къ Ивану и закутался въ одѣяло.

— Павелъ Петровичъ!.. началъ Иванъ умоляющимъ голосомъ.

— Чего тебѣ? нетерпѣливо возразилъ Карачаевъ: — сказано, что нельзя — стало, такъ и будетъ. Все вздоръ! шею тебѣ сломать хочется, что-ли? Вздоръ, пустяки, не пущу — вотъ и все тутъ! Дѣлай какъ хочешь! Вздоръ! не дамъ паспорта; живи у меня... Да и нельзя отпустить, никакъ нельзя... заключилъ онъ снова, поворачиваясь спиною.

— Да помилуйте, за что-же такъ, Павелъ Петровичъ?... Кажется...

— А то, что я тебѣ долженъ!... Ну, сказано — стало, и разговаривать нечего... отваливай!..

— Полноте, сударь, вамъ объ этомъ не для чего сомнѣваться... за вами не пропадетъ. Слава Богу, я васъ знаю! подхватилъ Иванъ съ живостью. — Только ужъ сдѣлайте божескую милость...

И Иванъ, желая, вѣрно, убѣдить окончательно своего барина, принялся разсказывать ему свои отношенія къ Глафирѣ, прося его въ то-же время упросить Аристарха Ѳедоровича отдать ее за него замужъ. Карачаевъ продолжалъ отнѣкиваться, потомъ сталъ убѣждать Ивана оставить всѣ эти затѣи и, наконецъ, сраженый доводами Ивана, замолкъ и прикинулся спящимъ, чтобъ только прекратить тягостное совѣщаніе...

На другое утро и впродолженіе всего дня Карачаевъ старался не видѣть Ивана. „Перемелется — все мука будетъ. Вѣдь заберетъ-же человѣкъ такой вздоръ въ голову! Не пущу, да и все

тутъ! А, впрочемъ, пройдетъ день-другой, и самъ одумается, самъ скажетъ, что вздоръ затѣялъ!“ разсуждалъ Карачаевъ, ободряя себя такими мыслями. Вечеромъ, когда наступило время спать, Павелъ Петровичъ ушелъ прежде другихъ, рѣшившись раздѣться какъ-можно скорѣе, затушить свѣчку и предупредить Ивана; но Иванъ стоялъ уже въ комнатѣ. Карачаевъ хлопнулъ дверью и увидѣлъ Глафиру, стоявшую съ заплаканными глазами; не успѣлъ онъ отступить шагъ назадъ, какъ уже Глафира и Иванъ лежали у ногъ его, прося быть отцомъ роднымъ.

— Что съ вами? встаньте! Я этого не люблю! говорилъ Карачаевъ, суетливо подымая обоихъ: —о чемъ плакать? Ну, Господь съ вами! Э! все сдѣлаю... престаньте!...

Онъ сѣлъ на кровать, провелъ ладонью по лбу, прищурился и, наконецъ, устремивъ глаза на камердинера, сказалъ, качая, во всѣ стороны своею головой: „Эхъ, Ваня, Ваня, Ваня!“

Иванъ и владычица его сердца, обнадеженные словами Карачаева, покинули комнату съ легкимъ сердцемъ.

Что-жъ касается до Павла Петровича, онъ долго не могъ сомкнуть глазъ; никогда еще, во всю жизнь, не привелось ему испытывать такихъ сильныхъ моральныхъ потрясеній...

На другой-же день, утромъ, онъ стоялъ у кабинета Аристарха Ѳедоровича съ твердымъ намѣреніемъ выпросить, во что бы ни стало, вольную Глафирѣ. Заслышавъ голоса за дверью, Карачаевъ несказанно обрадовался, принимая въ соображеніе несовсѣмъ-пріязненныя отношенія, существовавшія между имъ и Балахновымъ; онъ разсудилъ, что легче будетъ заговорить въ первый разъ съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ при постороннихъ, чѣмъ съ глазу на глазъ. Онъ кашлянулъ, пріосанился и вошелъ въ кабинетъ, силясь придать какъ можно больше развязности въ своихъ пріемахъ, но обнаруживая, тѣмъ неменѣе, крайнюю неловкость.

— А! это ты? здравствуй, братецъ, гдѣ ты пропадалъ? разсѣянно сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, неподозрѣвавшій даже того, разумѣется, чтобъ Карачаевъ могъ питать къ нему когда-либо какія-нибудь непріятныя чувства: —вотъ, братецъ, взгляни, полюбуйся, примолвилъ онъ, указывая ему рукою на Калину, который стоялъ подлѣ двери съ мрачно-нависнувшими бровями:—хочетъ оставить меня, проситъ паспортъ... а? какъ тебѣ это нравится?..

Карачаевъ ничего не отвѣчалъ, занятый весь своимъ дѣломъ

и предстоящею разлукою съ Иваномъ; онъ провелъ ладонью по лысинѣ и отошелъ въ сторону.

— Нѣтъ ужъ, ваше высокородіе, какъ вамъ будетъ угодно, а только, ваше благородіе, извольте отпустить меня, говорилъ Калина, разводя руками.

— Да куда тебя тащитъ нелегкая? зачѣмъ? Жизнь, что-ли, не нравится тебѣ въ Ханскихъ-Прудахъ, а? произнесъ шутливо Балахновъ.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородье, не то... Что мнѣ!... а ужъ только извольте отпустить меня... какъ будетъ угодно! заключилъ старикъ, тряхнувъ головой.

— Вѣдь пропадешь, смѣясь, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ:— пропадешь, пропадешь вмѣстѣ съ дочерью, пропьешь и себя и ее, съ кругу сопьешься!...

Калина поднялъ на него свои отекшіе глаза, бросилъ взглядъ нѣмого, который силится выразить глубочайшее равнодушіе.

— И притомъ, продолжалъ Балахновъ, объясняя этотъ взглядъ въ свою пользу:—куда пойдешь ты искать работу, тогда-какъ ее и здѣсь много?... лучшаго мѣста тебѣ не найти...

— Много мѣстовъ, ваше благородіе; меня вездѣ возьмутъ, потому-что, ваше высокоблагородство, все могу исполнить, все могу! сказалъ мастеръ, покручивая головой:—какъ вамъ угодно будетъ, а ужъ только извольте ослободить меня...

— Дѣлай, какъ знаешь; держать тебя я не могу противъ воли. Ступай, завтра получишь паспортъ!

Калина— слава и честь маляровъ Горшковскаго уѣзда — поклонился и вышелъ изъ кабинета.

Аристархъ Ѳедоровичъ повернулъ тогда глаза къ Карачаеву. Какъ ни мало расположенъ былъ къ веселью величавый владѣтель Ханскихъ-Прудовъ, онъ не могъ, однакожъ, удержаться отъ смѣха, увидѣвъ нахмуренную физіономію Павла Петровича.

— Что съ тобой, братецъ? Что затуманился? Ужъ не приключилось-ли чего-нибудь съ Медоромъ? спросилъ Балахновъ, продолжая смотрѣть въ лицо своему другу и смѣяться.

— А хоть-бы и приключилось — что-жъ тутъ смѣшного?... смѣшного ничего нѣтъ... проговорилъ Карачаевъ, краснѣя, но стараясь подавить досаду, возбужденную, вопервыхъ, неумѣстнымъ смѣхомъ, вовторыхъ, свободнымъ обращеніемъ Балахнова, неподозрѣвавшаго, повидимому, вины своей передъ Карачаевымъ.

„Ему какъ-бы ни по-чемъ; онъ точно правъ передо мною; какъ словно ничего между нами не было въ эти дни!“ подумалъ Павелъ Петровичъ и наконецъ прибавилъ вслухъ:

— Ну, да что объ этомъ толковать! Я, братецъ, пришелъ къ тебѣ, признаться, за дѣломъ...

— Ба! судя по твоему лицу, должно полагать, братецъ, что дѣло очень серьезное! сказалъ Балахновъ, шутливо нахмуривъ брови. — Садись, разсказывай, повѣствуй. Ну... примолвилъ онъ съ такою натянутою веселостью, какую принимаютъ люди, имѣющіе привычку отшучиваться отъ просьбъ докучливыхъ кредиторовъ.

— Серьезное-ли это дѣло или нѣтъ, все зависитъ оттого, какъ станешь смотрѣть на него, отвѣчалъ отрывисто Карачаевъ: — я, по-крайней-мѣрѣ, почитаю его очень серьезнымъ. Вотъ въ чемъ оно состоитъ: Иванъ мой хочетъ жениться на Глафирѣ; онъ человѣкъ вольный, она крѣпостная — отпусти ее на волю... А если не хочешь для меня этого сдѣлать, если гораздъ ты только говорить: „доброе дѣло, доброе дѣло!“ прибавилъ онъ сурово: — такъ я внесу, пожалуй, все, что потребуешь...

— Только-то? воскликнулъ Балахновъ, думавшій прежде, что Карачаевъ приходилъ просить денегъ. — Ну, признаюсь, есть изъ чего хмурить брови! А чтобъ доказать тебѣ, что я не на словахъ дѣлаю добрыя дѣла, пускай твой Иванъ беретъ Глафиру; завтраже дана ей будетъ отпускная на всѣ четыре стороны...

— Спасибо, душа моя! Я никогда не сомнѣвался въ твоемъ благородствѣ! съ жаромъ сказалъ Карачаевъ, пожимая протянутую ему руку.

И онъ, безъ сомнѣнія, бросился-бы въ объятія Балахнова, еслибъ его не останавливала другая мысль, обдавшая лихорадочнымъ холодомъ всю его внутренность.

— У меня, братецъ, есть къ тебѣ еще другая просьба... проговорилъ онъ, поглаживая лысину.

— Что такое? очень радъ; говори! произнесъ Балахновъ, косясь въ окно.

— Вотъ видишь-ли, душа моя, я не то, чтобъ... ты знаешь, Aristarque, душа моя, отвѣчалъ Карачаевъ, щурясь и переминаясь съ самымъ неловкимъ видомъ: — я, ты знаешь, смерть этого не люблю, Аристархъ Ѳедорычъ; тебѣ, можетъ, говорила Лизавета Семеновна, а если и не говорила, такъ я, душа моя... одна необходимость, душа моя, Aristarque... фу, чортъ побери, смерть

не люблю говорить объ этомъ! заключилъ онъ, яростно плюнувъ въ уголъ.

— Если тебѣ нужны деньги...

— Ну, да, душа моя! Да чортъ съ ними! пропадай онѣ совсѣмъ!... А, право, нельзя никакъ, хоть сколько-нибудь... Есть, братъ, одно дѣло...

— Если тебѣ нужны деньги, продолжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, принимаясь чистить вагенгеймовскіе свои зубы зубочисткою изъ орлинаго крыла: — очень сожалѣю, что не сказалъ этого прежде... Теперь, къ несчастью, никакъ не могу исполнить твоей просьбы.

Карачаевъ, закинувъ толстыя руки за спину, ходилъ въ волненіи по кабинету.

— Впрочемъ, если хочешь, я частью могу удовлетворить тебя, подхватилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, озаренный внезапно-счастливою мыслью: — у меня есть вексель, гм! гм! вексель этого Кошкина въ три тысячи. Возьми его, пожалуй, подай ко взысканію—и ручаюсь, что получишь, конечно не всѣ, но третью долю — навѣрное. Тысяча рублей порядочная сумма для тебя, разумѣется... Хочешь, бери; вотъ онъ!

Карачаевъ ходилъ нѣсколько секундъ въ раздумьи, потомъ вдругъ шлепнулъ себя по лбу, подбѣжалъ къ Балахнову и закричалъ: — давай! беру!

Вооружившись векселемъ и вмѣстѣ съ нимъ довѣренностью дѣйствовать по немъ самопроизвольно, Карачаевъ побѣжалъ тотчасъ же къ Лизаветѣ Семеновнѣ, соблюдая, однакожъ, при этомъ такую осторожность, что никто его не замѣтилъ.

— Наша взяла, голубушка моя, Лизавета Семеновна! наша взяла! закричалъ Карачаевъ, показываясь въ дверяхъ дѣтской и ударяя кулакомъ по векселю: — наша взяла! А я-то думалъ, что они опять въ дружбѣ! Поссорились, на-смерть поссорились; вотъ вамъ доказательство, вотъ оно! Теперь Кошкинъ въ нашихъ рукахъ, и мы его, то-есть, скрутимъ...

Балахнова долго не могла понять, въ чемъ дѣло; наконецъ, кой-какъ объяснилось, что Карачаевъ владѣлъ неоспоримымъ доказательствомъ самыхъ непріязненныхъ отношеній между ея мужемъ и Кошкинымъ, и хотѣлъ завтра же отправиться въ городъ, чтобъ подать вексель ко взысканію и отомстить Кошкину за всѣ огорченія, нанесенныя ей и ея мужу.

— Нѣтъ, добрый мой Павелъ Петровичъ, вы не должны этого дѣлать, сказала она, пожимая его руку: — это дастъ только поводъ къ новымъ исторіямъ; ихъ, къ несчастію, и безъ того слишкомъ много. Прошу васъ, оставьте Кошкина въ покоѣ; онъ, вѣрно, перестанетъ къ намъ ѣздить — я этого только и хотѣла. Бросьте этотъ вексель, или лучше отдайте мнѣ его...

— Помилуйте, все что вамъ угодно, я на все готовъ. Вотъ онъ, возьмите его...

— Скажите, однакожъ, Павелъ Петровичъ, какимъ образомъ онъ попалъ къ вамъ? развѣ вы просили денегъ у мужа?

— Да, признаться, Лизавета Семеновна, очень понадобились. Вы знаете, я безъ этого никогда бы...

— Знаю, знаю, говорила, улыбаясь, Балахнова: — и что-жъ? вотъ все, что далъ онъ вамъ? прибавила она, краснѣя.

— Да-съ; но я вовсе не хотѣлъ подать ко взысканію потому собственно, что „мнѣ“ нужны деньги... мнѣ, признаться, не то, чтобы очень... я хотѣлъ, извольте видѣть... Иванъ отходитъ отъ меня; шесть лѣтъ жилъ... вы понимаете?...

— Не совсѣмъ...

— То-есть, какъ бы вамъ сказать?... хотѣлось бы сдѣлать ему подарочекъ на память, такъ бездѣлицу... Къ тому-же онъ женится. Аристархъ Ѳедорычъ далъ вольную Глафирѣ...

— Ахъ, какъ я рада! Ну, слава Богу! говорила Балахнова, тогда какъ Карачаевъ, въ припадкѣ душевнаго восторга, осыпалъ поцѣлуями ея руки: — но послушайте, добрый мой Павелъ Петровичъ, надо, однакожъ, подумать о томъ, какъ-бы помочь горю и привести въ исполненіе благородное ваше намѣреніе... Вы знаете, у меня нѣтъ денегъ, я бы душою рада... какъ быть! надо, однакожъ, достать...

— Что вы, что вы, голубушка моя! И вы, вы станете для меня безпокоиться! Да что я, развѣ безчувственный какой, что допущу васъ просить у Аристарха Ѳедорыча! Я вѣдь все знаю, все, голубушка Лизавета Семеновна... Нѣтъ, вамъ нечего безпокоиться на этотъ счетъ. Вотъ развѣ что-нибудь изъ платья на приданое — это другое дѣло... А что касается до денегъ, я самъ постараюсь достать гдѣ-нибудь!

Разсуждать о томъ, что слѣдуетъ занять тамъ-то и тамъ-то денегъ, обнадеживать себя тѣмъ, что тамъ-то и тамъ-то непремѣнно дадутъ денегъ, гораздо легче, чѣмъ привести такое намѣ-

реніе къ вожделѣнному успѣху. Такъ точно случилось съ добрымъ Карачаевымъ. Цѣлый день бродилъ онъ по дому, придумывая, къ кому-бы обратиться. По всему видно было, что мыслительная машина его работала всѣми своими жерновами и шестернями; онъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, останавливался передъ каждымъ окномъ, почесывалъ свою лысину или садился передъ Медоромъ и пристально смотрѣлъ на него, какъ-бы желая прочесть въ подслѣповатыхъ глазахъ собаки разрѣшеніе трудной загадки. Но ни Медоръ, ни окна, ни стѣны древняго дома, ни даже почесыванье затылка — ничто не вразумило Павла Петровича. Къ вечеру, наконецъ, пришла ему счастливая мысль — обратиться къ прежнему пріятелю Барабанчикову, и утромъ, на другой-же день, летѣлъ онъ стремглавъ, подскакивая въ своей телѣжкѣ.

XVIII,

въ которой находится подробное донесеніе о томъ, что услышалъ Карачаевъ по возвращеніи своемъ въ Ханскіе-Пруды, какъ принялъ онъ это извѣстіе, и какое затѣмъ послѣдовало съ его стороны распоряженіе.

Во время отсутствія Карачаева, продолжавшагося, по обыкновенію, нѣсколько дней, въ Ханскихъ-Прудахъ произошло слѣдующее достопримѣчательное событіе: общество, состоявшее изъ Аристарха Ѳедоровича и его жены, Копкова, Дрянкова и трехъ Кокуркиныхъ, пріѣхавшихъ наканунѣ, сидѣло подъ вечеръ на террасѣ; дѣвица Сараманаева разливала чай и показывала бѣлки свои всякій разъ, когда пухлое лицо ея обращалось къ кому-нибудь изъ мужчинъ. Бесѣда не отличалась особеннымъ одушевленіемъ. Балахновъ разсѣянно смотрѣлъ въ даль, по ту сторону прудовъ, гдѣ показывались верхушки кіосковъ и пирамидъ; Дрянковъ, занятый почти безнадежною, но тѣмъ не менѣе назойливою, непреклонною мыслью о томъ, какъ-бы осуществить поѣздку въ Москву и предать тисненію „Непризнанную Индѣйку“, хранилъ мрачное молчаніе, насупивалъ свое лицо, или нетерпѣливо потиралъ носъ; Прокисай Захаровичъ также не говорилъ ни слова: языкъ его прилипалъ къ гортани и не могъ двигаться съ мѣста, по причинѣ страшныхъ сильныхъ ощущеній и чувствованій, осаждавшихъ въ одно время его душу; онъ глядѣлъ на младшую Кокуркину, си-

дѣвшую спиною къ окну террасы, и взглядъ его, сначала тоскливо-страстный, начиналъ уже съуживаться и тонуть въ патокѣ, какъ вдругъ въ окнѣ, надъ самой головой Надеженьки, показывалась грозная, мстительная фигура Фіоны Ивановны... Въ одно мгновеніе члены Прокисая Захаровича, размягчавшіеся и таявшіе отъ сладостнаго созерцанія, переполнялись смертельнымъ холодомъ до самаго мозга, глаза выражали испугъ, а лицо принимало экспрессію, какъ у человѣка, отягченнаго продолжительнымъ, страшнымъ кошмаромъ. Лизавета Семеновна, слегка наклонивъ голову, слушала съ замѣтнымъ принужденіемъ двухъ старшихъ Кокуркиныхъ, которыя говорили за всѣхъ, поминутно перебивая другъ дружку, и тараторили безъ умолку, наполняя террасу дребезжаньемъ, чрезвычайно похожимъ на то, когда въ раскаленную печь бросятъ добрую пригоршню кедровыхъ орѣховъ.

Внезапно за садомъ послышался колокольчикъ...

— А! вотъ и Карачаевъ! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ, но съ разными, однакожъ, интонаціями: кто радостно, кто съ насмѣшкой, а кто и съ явнымъ пренебреженьемъ. Тѣмъ не менѣе лица всѣхъ обратились нетерпѣливо къ двери гостиной. Общество немало было удивлено, когда, вмѣсто разбитнаго, веселаго, краснаго лица Карачаева, показалось лицо — и, Боже мой, какое лицо! — Порфирія Павловича Василькова. Представьте себѣ картину мѣстности, покрытой нѣкогда цвѣтущей великолѣпною растительностью, и вдругъ опустошенной, изрытой, поставленной верхъ дномъ дѣйствіемъ какого-нибудь страшнаго антильскаго урагана: не могу пріискать лучшаго сравненія, чтобъ опредѣлить съ наибольшею точностью того, что выражало въ настоящую минуту лицо сердобольнаго, чувствительнаго Василькова. Черные волосяные валюты его свѣшивались на лобъ, стояли торчмя на затылкѣ, ерошились въ безпорядкѣ на макушкѣ и, вмѣстѣ съ гигантскими встрепанными бакенами, представляли совершеннѣйшій образчикъ хаоса. Глаза... о глазахъ его и говорить нечего: они готовились, казалось, лопнуть отъ чрезчуръ сильнаго напряженія, горя и отчаянія, разлитаго на блѣдныхъ, впалыхъ щекахъ.

Онъ остановился, какъ привидѣніе, въ дверяхъ и такимъ унылымъ взглядомъ окинулъ присутствовавшихъ, что общество цѣлую минуту не могло проговорить слова.

Наконецъ, всѣ, не исключая даже суроваго, эгоистическаго Дрянкова, который, впрочемъ, какъ уже извѣстно, отличалъ всегда

Василькова—единственнаго покорнаго и снисходительнаго слушателя „Непризнанной Индѣйки“, окружили растерзаннаго, убитаго горемъ, гостя.

— Что такое? что съ вами? что случилось? Боже мой! ужъ не несчастіе-ли какое-нибудь? А супруга? Гдѣ Антонина Васильевна?... говорите, что приключилось? посыпалось со всѣхъ сторонъ, сопровождаемое пожатіемъ многихъ рукъ и взглядами, преисполненными живѣйшаго любопытства.

Порфирій Павловичъ раскрылъ ротъ, хотѣлъ что-то сказать—вѣроятно, поблагодарить за участіе, но вмѣсто отвѣта изъ устъ его вырвалось раздирающее рыданіе. Онъ закрылъ лицо руками, опустился на сосѣдній стулъ и тоскливо замоталъ огромною головою.

— Боже мой, ему дурно! воды, скорѣй воды! закричали въ одинъ голосъ три Кокуркины, суетясь какъ угорѣлыя.

— Полноте, барышни, какое дурно! Видите, онъ, просто, встревоженъ, или разстроенъ чѣмъ-нибудь, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, ободряя страждущаго дружескими ударами по плечу.

Порфирій Павловичъ дѣйствительно ободрился; онъ отнялъ руки отъ лица, орошеннаго слезами, возвелъ съ глубокимъ вздохомъ къ потолку свои огромные глаза и проговорилъ, отчаянно мотая головою: „Нѣтъ, я не жилецъ на здѣшнемъ свѣтѣ!“

Вопросы „что случилось? что такое? что съ вами?“ посыпались уже теперь съ учетверенной силой на голову Порфирія Павловича, и всеобщее любопытство дошло до крайнихъ предѣловъ.

— Позвольте, mesdames, тутъ, можетъ быть, такое дѣло, которое прямо касается какихъ-нибудь семейныхъ, домашнихъ обстоятельствъ; они неприкосновенны! сказалъ торжественно Аристархъ Ѳедоровичъ.—Встань, Порфирій Павлычъ, ободрись. Пойдемъ со мной въ кабинетъ. Мы посмотримъ, что можно сдѣлать и чѣмъ помочь твоему горю. Рука дружбы облегчаетъ страданія изъязвленнаго, переполненнаго скорбью, сердца, и блаженъ тотъ, къ тому готова протянуться такая рука. Пойдемъ! примолвилъ Балахновъ, сгоравшій отъ нетерпѣнія и страстно-любившій, какъ уже сказано, играть роль повѣреннаго, посредника, отца-покровителя мелкихъ сосѣдей своего уѣзда.

Онъ взялъ Василькова подъ руку и повелъ его въ кабинетъ.

— Ну, что случилось? разсказывай. Будь увѣренъ, братецъ,—

ты меня знаешь—если это тайна, она останется сокровенною тайной! говорилъ Балахновъ, заботливо усаживая Василькова на мягкое кресло и протягивая ему обѣ руки свои.

Разнѣженный Порфирій Павловичъ завертѣлъ исполинскими зрачками, припалъ къ щекѣ Аристарха Ѳедоровича, который тотчасъ-же приставилъ правое ухо, и, заливаясь обильнымъ потокомъ слезъ, принялся передавать ему шопотомъ свою тайну.

Во время этого шопота, прерываемаго поминутно всхлипываніями, лицо Аристарха Ѳедоровича перемѣнило нѣсколько выраженій, которыя можно было, однакожъ, привести подъ общій итогъ: живого, постепенно удовлетворяемаго любопытства.

— Такъ, любезный мой, такъ; этого слѣдовало ожидать! сказалъ онъ, отнимая свое ухо, вымоченное слезами Василькова, окончившаго свое трудное повѣствованіе:—этого непремѣнно слѣдовало ожидать. Я это предвидѣлъ. И вѣдь охота же была тебѣ связываться съ этой чахоткой!... Я тебѣ тогда еще—помнишь, за обѣдомъ, когда ты былъ женихомъ—говорилъ, что это сущій пострѣлъ. Мать старая кокетка: какое могла она дать ей воспитаніе? ровно никакого! Взлелѣянная, вскормленная, можно сказать, дурнымъ примѣромъ, она... ты понимаешь?... И притомъ, охота-же тебѣ была пускать къ себѣ въ домъ... Я самъ выгналъ этого прощалыгу, а ты принимаешь. Видна птица по полету. Негодяй, отъявленный негодяй!...

— Помилуйте, Аристархъ Ѳедорычъ, охъ! это просто меломанъ какой-то! съ отчаяньемъ возразилъ Порфирій Павлычъ.

— Гм... такъ, ну хорошо! Теперь скажи мнѣ, какія твои намѣренія? Ты говоришь, что она хочетъ жить съ тобою въ раздѣлѣ, она въ своемъ имѣніи, ты въ своемъ, не такъ-ли?

— О-охъ, Антонинночка, что ты со мной сдѣлала!... Куда преклоню я свою голову?... говорилъ бѣдный Васильковъ, отчаянно мотая головою и закрывая лицо руками.

— Полно, братецъ, перестань; мужчинѣ непристойно падать духомъ! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, разсѣянно протягивая руку, пристально всматриваясь въ уголъ и какъ-бы желая удержать новую мысль, промелькнувшую въ дипломатической головѣ его:—да, отчаяваться не слѣдуетъ; полно, говори толкомъ... Итакъ, прибавилъ онъ, овладѣвъ повидимому уже окончательно своею мыслью: —ты говоришь что она хочетъ жить съ тобою въ раздѣлѣ имѣнья, то-есть ты въ своемъ, она въ своемъ? Я считаю такую претензію

съ ея стороны неосновательною! Какъ мужъ, ты имѣешь право на извѣстную часть ея имѣнія...

— Нѣтъ, Аристархъ Ѳедорычъ, ничего мнѣ не надо; безъ нея я ничего не хочу; я даже видѣть теперь не могу своей собственной Сусловки, гдѣ родился... Тоничка, Антониночка! что ты со мной сдѣлала!...

— Ну, это вздоръ, братецъ! Свое добро упускать незачѣмъ. Не вездѣ найдешь ты въ жизни людей, готовыхъ принять тебя какъ родного, не вездѣ встрѣтишь распростертыя объятія друзей. Я вотъ что хотѣлъ предложить тебѣ, примолвилъ съ особенною поспѣшностью Аристархъ Ѳедоровичъ:—понимая и вполнѣ душевно соболѣзнуя о томъ, что тебѣ опротивѣло имѣньице, въ которомъ родился, предлагаю тебѣ продать его мнѣ. Я хотѣлъ давно еще предложить тебѣ это, но не предлагалъ потому именно, что тебѣ нужно-же было имѣть что-нибудь для женитьбы; ты знаешь, я скупаю всѣ имѣнья, прилежащія къ моимъ владѣніямъ, и, конечно—я въ этомъ увѣренъ, да и ты, я думаю, также—мы сойдемся въ условіяхъ. Объ этомъ и говорить даже нечего, я полагаю. Ты знаешь мое расположеніе къ тебѣ: кому-же вѣрнѣе передать свое имѣніе, какъ не человѣку, который оказывалъ всегда дружбу и искреннее участіе?... договорилъ Балахновъ, выпрямляя грудь и вторично протягивая руки несчастному другу.

— Я все это чувствую, охъ, чувствую! возразилъ Порфирій Павловичъ, прикладывая ладонь къ груди и возводя исполинскіе глаза свои на стѣны кабинета, какъ-бы призывая ихъ въ свидѣтели, могущіе подтвердить искренность его словъ:—вы мой благодѣтель, всегда были имъ... Но какъ, куда преклоню я свою голову, если продамъ Сусловку? гдѣ найду тогда уголъ и пристанище?...

— Вотъ вздоръ какой! Живи пока у меня, живи, сколько хочешь; мой домъ открытъ для друзей; а тамъ, если вздумается, помощью капитала всюду найдешь себѣ мѣсто и пристанище, какъ ты говоришь... Но теперь, прежде всего, не должно тебѣ упустить слѣдующей тебѣ части изъ женина имѣнія; приложивъ эту часть къ Сусловкѣ и продавъ мнѣ то и другое, ты составишь себѣ порядочный капиталъ, а такъ-какъ въ подобныхъ дѣлахъ время терять нечего, то ты долженъ немедленно приступить къ огражденію своихъ правъ и, если можно, уговориться съ женою полюбовно; если-жъ нѣтъ, дѣйствовать черезъ посредство суда...

— Какъ, Аристархъ Ѳедорычъ, мнѣ, мнѣ поднять руку на Антониночку! воскликнулъ испуганный Васильковъ.

— Все это вздоръ, братецъ! спокойно возразилъ Балахновъ:— руки подымать тутъ незачѣмъ; какъ я тебѣ сказалъ: прежде слѣдуетъ попробовать обдѣлать дѣло полюбовно; завтра-же, или, зачѣмъ откладывать, сегодня-же напиши ей письмо, въ которомъ изложи свои требованія. Если удается—хорошо, нѣтъ—я скажу тебѣ, какъ дѣйствовать, и самъ даже помогу... Итакъ, полно отчаяваться, живи у меня; постараемся разсѣять грусть-тоску нашего друга. Э, братецъ! не ты первый, не ты послѣдній! весело заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, похлопывая ладонью по плечу Порфирія Павловича, который плакалъ и улыбался въ одно и то-же время.

Страждущее сердце чрезвычайно схоже съ кораблемъ, набитымъ тяжелымъ грузомъ и несомымъ страшною бурей; средство къ спасенію одно—какъ можно скорѣе выгрузить лишнюю тяжесть: облегченный корабль всплываетъ тогда на поверхность разъяреннаго моря, какъ пустая яичная скорлупа, и скачетъ по пѣнистымъ хребтамъ валовъ, нимало не опасаясь лютыхъ взрывовъ вѣтра и натиска сѣдыхъ буруновъ. Такъ же точно случилось и съ сердцемъ Порфирія Павловича: выгрузивъ часть своего горя въ ухо Аристарха Ѳедоровича, онъ самъ подивился необыкновенной легкости, съ какой пошелъ лавировать изъ кабинета въ гостиную. Воспоминаніе объ Антониночкѣ, занимавшее въ сердцѣ его такое-же точно мѣсто, какъ киль въ кораблѣ, то-есть главное, основное мѣсто, отъ котораго ни подъ какимъ видомъ нельзя было освободиться, не переставало, однакожъ, давить его. Порфирій Павловичъ, не смотря на свое сильное расположеніе къ меланхоліи, былъ человѣкъ чисто общественный; очутившись между дамами и чувствуя, что этотъ несчастный киль мѣшаетъ ему проявлять обычную легкость и развязность, Васильковъ принялся теребить его во всѣ стороны, стараясь вырвать его хоть на время, пока пребывалъ въ гостиной. Видя свое безсиліе, но вѣрный все-таки своей цѣли, онъ началъ дѣятельно осматривать всѣ закоулки своего сердца и каждый разъ, какъ находилъ какую-нибудь лишнюю тяжесть, спѣшилъ выгрузить ее въ первое встрѣчавшееся ему ухо; ушей встрѣтилось чрезвычайно много и, слѣдствіемъ старательной своей выгрузки, Васильковъ достигъ наконецъ цѣли и окончательно облегчился. Черезъ полчаса обывателямъ Ханскихъ-Прудовъ извѣстна была въ малѣй-

шихъ подробностяхъ исторія, происшедшая въ Сусловкѣ. Пора, впрочемъ, было: всеобщее любопытство, особливо трехъ Кокуркиныхъ, доходило уже до несноснаго состоянія зубной боли. Тронутый участіемъ дамъ и ощущая на себѣ благотворное дѣйствіе этого участія, Порфирій Павловичъ принялся выгребать изъ своего корабля даже соръ и малѣйшія песчинки. Какъ уже сказано, женское сочувствіе было для него всего дороже.

Сусловское событіе произвело на каждаго, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно различное дѣйствіе. Старшая Кокуркина и Розалія Владиміровна Сараманаева прослезились; Надеженька опустила глаза, зардѣлась, и тридцатилѣтняя грудь ея заволновалась, какъ бы подавляя слѣдующія слова, готовыя извергнуться изъ глубины ея дѣвственнаго сердца: „О! еслибъ тогда ты предпочелъ меня ей, мой добрый Порфирій, ты вкусилъ-бы блаженство вмѣсто страданій!“ Вѣра Андреевна (та самая, что похожа на откормленнаго дрозда, увеличеннаго въ полторы тысячи разъ) издавала скорбныя восклицанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ таила въ душѣ радостное чувство и возсылала жаркую благодарность судьбѣ, возвратившей въ общество перваго любезника и мазуриста. Безстрашный Дрянковъ, обнаруживавшій всегда при дамахъ необыкновенное мужество, приходилъ въ ярость. Два только человѣка холодно, повидимому, приняли сусловское событіе; то были: Лизавета Семеновна, сказавшая по этому случаю нѣсколько общихъ фразъ, и Прокисай Захаровичъ, передъ которымъ, вмѣстѣ съ разоблаченной тайной Василькова, предстала сокрушительная мысль такого рода: Порфирій Павловичъ, разставшись съ женою, конечно, снова возобновитъ свои посѣщенія къ барышнямъ, и тогда... тогда, увы! прощайся бѣдный проживальщикъ съ послѣдними надеждами. Гдѣ ему тянуть въ уровень съ любезностью перваго, можно сказать, мазуриста въ цѣломъ уѣздѣ! Мысль эта, какъ молотъ, поразила голову Прокисая Захаровича; онъ стоялъ, какъ ошеломленный и не произносилъ ни слова. Но Порфирій Павловичъ мало обращалъ на него вниманія; растроганный слезами Кокуркиныхъ и не зная, въ избыткѣ благодарности, чѣмъ-бы ужъ воздать имъ за ихъ сочувствіе, онъ не переставалъ шептать имъ что-то на ухо. Каждый разъ, какъ замѣчалъ Порфирій Павловичъ, что слезы начинали высыхать на глазахъ барышень и рѣчь ихъ сворачивала на посторонній предметъ, онъ испускалъ протяжный вздохъ, тоскливо моталъ головой и, нѣжно вперивъ исполинскіе зрачки свои на

которую-нибудь изъ сестеръ, говорилъ заунывно: „Когда я умру, кто придетъ на мою могилу?“ Такое обращеніе къ барышнямъ производило всякій разъ свой эффектъ, и потокъ самыхъ искреннихъ, сердечныхъ изліяній былъ ему отвѣтомъ.

Вечеромъ, когда всѣ ушли спать, Порфирій Павловичъ направился робкими стопами въ комнату проживальщиковъ. Комнатка, расположенная подъ лѣстницею, освѣщалась сальнымъ огаркомъ, который краснорѣчиво подтверждалъ щедрость Аристарха Ѳедоровича, отдавшаго разъ навсегда приказаніе, чтобъ выдавали на половину проживальщиковъ по сальной свѣчкѣ въ недѣлю.

Прокисай Захаровичъ лежалъ навзничъ; но, по движеніямъ его членовъ, можно было заключить, что сонъ его непокоенъ. Аполлонъ Егоровичъ, взгромоздившись на высокій прадѣдовскій стулъ, сидѣлъ наклонившись къ комоду и перелистывалъ съ восхищеніемъ лучшія страницы своей повѣсти. Порфирій Павловичъ, какъ слѣдуетъ, извинился; но Аполлонъ Егоровичъ сказалъ, что очень радъ, и поспѣшилъ усадить гостя на постель. Тронутый такою внимательностью, Васильковъ сообщилъ, между прочимъ, что вотъ, такъ и такъ, Аристархъ Ѳедоровичъ настоятельно проситъ его написать къ женѣ миролюбивое письмо, долженствующее заключить въ себѣ такіе-то и такіе-то пункты; это дѣло необыкновенно казусное, требующее чрезвычайной деликатности слога, такъ, чтобъ слышенъ былъ укоръ, горькій укоръ, а между тѣмъ, чтобъ сердце читательницы, умиленное на первой-же страницѣ, разжалобилось и потонуло въ слезахъ раскаянія на послѣдней. Онъ приступилъ уже къ дѣлу, но оказался совершенно неспособнымъ, и вотъ потому-то рѣшился побезпокоить Аполлона Егоровича, надѣясь, что онъ не откажетъ протянуть руку помощи, и увѣренный, что для человѣка, начертавшаго страницы „Непризнанной Индѣйки“, ровно ничего не будетъ стоить написать такое письмо.

Аполлонъ Егоровичъ изъявилъ совершеннѣйшую готовность, и оба, закуривъ трубки, принялись за работу.

На другой день, утромъ, Порфирій Павловичъ, у котораго голова не представляла уже картины хаоса, а, напротивъ, была тщательно расчесана, вошелъ въ кабинетъ Аристарха Ѳедоровича, держа въ рукахъ почтовый листъ бумаги, исписанный кругомъ мельчайшимъ почеркомъ.

— А! ну, покажи, братецъ, покажи! сказалъ Балахновъ, сидѣвшій у окна передъ стакановъ чая:—я, признаться, не ду-

малъ, чтобъ ты такъ скоро... Садись, ближе сюда, подлѣ моего портрета...

Затѣмъ, онъ развернулъ письмо. Васильковъ сѣлъ подлѣ портрета и завертѣлъ самодовольно зрачками.

Аристархъ Ѳедоровичъ кашлянулъ и началъ читать: „Мы любили, мы мечтали, мы блаженствовали!... О, Антонія! неужели забыли вы то радостное свѣтило, которое лучами своими живило нѣкогда міръ піитическій и волшебный?...“

— Помилуй, братецъ, ну что же это такое?... Совсѣмъ не то! сказалъ Балахновъ, опуская руку съ письмомъ:—тутъ, братъ, не піитическій міръ нуженъ: нужно, братъ, дѣло...

— Я боюсь, Аристархъ Ѳедорычъ, чтобъ она какъ-нибудь не огорчилась... сказалъ Васильковъ, съ жалостливымъ выраженіемъ:—она, знаете, такая слабенькая, нѣжненькая... сами знаете. Охъ, тяжело! ужъ какъ только тяжело, Аристархъ Ѳедорычъ! Вѣдь жена не то, совсѣмъ не то-съ; жена — горячая родня, Аристархъ Ѳедорычъ! присовокупилъ онъ со вздохомъ.

— Ну, вотъ ты мнѣ станешь еще разсказывать, будто я не знаю! Положись во всемъ на меня: я обдѣлаю это дѣло самъ; жена твоя не будетъ огорчена нисколько, а между тѣмъ, ручаюсь, все придетъ къ желанному результату.

Рука Аристарха Ѳедоровича давно уже зудѣла отъ недостатка работы; страшная умственная дѣятельность, возбужденная въ немъ исторіею съ Кошкинымъ (Балахновъ не переставалъ обдумывать разные планы, какъ-бы вѣрнѣе уничтожить враговъ своихъ), нуждалась въ какой-нибудь пищѣ. Исходомъ этой могучей дѣятельности послужило сусловское событіе. Не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, Балахновъ заключился въ своемъ кабинетѣ и принялся сочинять письмо къ Антонинѣ Васильевнѣ.

Въ то время, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ работалъ въ кабинетѣ, и весь домъ, слѣдуя обычному порядку въ такихъ случаяхъ, ходилъ на цыпочкахъ и таинственно перешептывался, подмигивая на завѣтную дверь, въ передней послышался внезапно громкій шумъ, сопровождаемый голосомъ Карачаева, который говорилъ: „Какъ? что такое? Быть не можетъ; но гдѣ-жъ Порфирій?... гдѣ онъ?... я хочу его видѣть!“

Васильковъ, сидѣвшій вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ въ залѣ за утреннимъ чаемъ, обвелъ глазами присутствовавшихъ, какъ-бы умоляя ихъ о защитѣ. Но было уже поздно: Карачаевъ влетѣлъ

въ залу, преслѣдуемый Дрянковымъ, тщетно старавшимся удержать его за фалды нанковаго сюртучка. Павелъ Петровичъ, нужно замѣтить, былъ въ сильно раздраженномъ состояніи духа: поѣздка его не увѣнчалась ровно никакимъ успѣхомъ, хоть-бы и не ѣздить— Барабанчиковъ отказалъ, и больше ничего; да и вообще какъ-то не ладно чувствовалъ себя Павелъ Петровичъ. Несвязныя полуслова, полурѣчи Аполлона Егоровича, спѣшившаго передать прежде другихъ сусловское событіе, вскипятили окончательно и безъ того уже разгоряченную кровь Карачаева.

Онъ рванулъ фалды сюртучка, пригладилъ волосы и полетѣлъ на всѣхъ парусахъ къ Лизаветѣ Семеновнѣ; поцѣловавъ у ней ручку, онъ поспѣшно раскланялся съ остальными лицами и тотчасъ же обратился къ Василькову, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ подлѣ своего стула.

— Что я слышалъ! Правда-ли это? а? говори, правда-ли это — да или нѣтъ? произнесъ Карачаевъ, закидывая обѣ руки за спину и устремляя грозный взоръ на несчастнаго супруга.

Порфирій Павловичъ обнаружилъ желаніе броситься къ нему на шею и пошептать ему на-ухо, но Карачаевъ остановилъ его.

— Разсказывать, братъ, нечего, я все уже знаю! продолжалъ онъ, нахмуривая брови:—обниманья пойдутъ своей чередой! Это, братъ, финтиклюшки, плезиръ, монъ-шеръ, и больше ничего. Я хочу знать прежде, что ты сдѣлалъ, потому-что, не даю руки людямъ... понимаешь?... говори, что ты сдѣлалъ? Живъ онъ— да или нѣтъ?

Васильковъ трясся всѣмъ тѣломъ, и дамы, за исключеніемъ Балахновой, слѣдовали его примѣру.

Дрянковъ расправилъ вихры на головѣ своей и выступилъ впередъ.

— Да, братецъ, Карачаевъ, и я говорилъ: на месть вызывающее дѣло! И я тоже говорилъ: слѣдовало вызвать его на дуэль!.. заключилъ онъ просто, размахивая руками передъ Кокуркиными.

Карачаевъ подошелъ къ Василькову, пригнулъ воспаленные бѣлки свои къ его глазамъ и сказалъ протяжно: „Колпакъ, и больше ничего!..“

— Да, ему непремѣнно слѣдуетъ вызвать на дуэль! Мести просящее дѣло! повторилъ Аполлонъ Егоровичъ, рисуясь передъ дѣвицей Сараманаевой.

— Ты говоришь это? Хорошо, ладно; когда такъ, ты со мной

поѣдешь! сказалъ Карачаевъ, неожиданно схватывая за руку автора „Непризнанной Индѣйки“.

— Куда? спросилъ тотъ, почувствовавъ вдругъ ни съ того, ни съ сего страшную слабость въ ногахъ.

— Куда? куда вы хотите ѣхать? завопили Кокуркины, заслоняя полуживаго Василькова.

— Въ Сусловку, сударыни, въ Сусловку! отвѣчалъ съ горячностью Карачаевъ: — да, сударыни, я поѣду съ Дрянковымъ въ Сусловку! Не будетъ сказано, что Карачаевъ оставилъ это дѣло безъ вниманія и не наказалъ Попли... Пропи... фу, забылъ! Да, сударыни, дѣло, такое дѣло, какъ говоритъ вотъ этотъ litérateur, требуетъ заступничества... Эй ты, книжникъ! бери фуражку, ѣдемъ, сей-же часъ ѣдемъ! А ты, колпакъ, съ тобою и говорить не хочу...

Заключивъ монологъ, Карачаевъ попросилъ у Фіоны Ивановны стаканъ чаю съ ромомъ и, закинувъ руки за спину, принялся расхаживать по залѣ.

Аполлонъ Егоровичъ находился въ жесточайшемъ, безвыходномъ, можно сказать, положеніи: съ одной стороны, дуэль со всѣми ея послѣдствіями, съ другой—преслѣдованіе Карачаева, въ случаѣ, если онъ отступится отъ обнаруженнаго имъ самимъ желанія — бѣда да и только! Какъ всѣ люди, накинувшіе на себя петлю на шею, онъ проклиналъ свою горячность и въ то же время обращалъ болѣе чѣмъ когда-нибудь жаркія мечты къ вѣчно-цвѣтущему мирному Парнассу. Но дѣлать было нечего — надо на что-нибудь рѣшиться. Обсудивъ хорошенько это дѣло, Дрянковъ рѣшился слѣдовать за Карачаевымъ. „Главное то, что свидѣтели всего этого были дамы—вотъ что главное. Нѣтъ, ужъ такъ и быть, будь что будетъ, поѣду въ Сусловку!“ подумалъ Аполлонъ Егоровичъ, снимая съ гвоздика фуражку и бросая прощальный взоръ „Непризнанной Индѣйкѣ“. Увидѣвъ Дрянкова, вооруженнаго въ дорогу, Карачаевъ одобрительно кивнулъ головой, хлебнулъ чаю и сталъ прощаться съ дамами. Порфирій Павловичъ бросился было умолять его о пощадѣ, призывая небо въ свидѣтели, что Антониночка была самая добрая женщина во всей губерніи, но Карачаевъ презрительно оттолкнулъ его. Напрасно также дамы принялись увѣщевать его: ничто не помогло. Карачаевъ не послушался на этотъ разъ даже совѣтовъ Лизаветы Семеновны и, взявъ шапку, увлекъ на крыльцо позеленѣвшаго Дрянкова.

Порфирій Павловичъ упалъ на стулъ и очнулся тогда лишь, когда колокольчикъ удалявшейся телѣжки чуть-чуть слышался за прудами. Дрянковъ и Карачаевъ ѣхали молча. Наконецъ, Карачаевъ, сидѣвшій во все время спиною къ своему спутнику, повернулъ къ нему лицо свое и сказалъ, что хочетъ узнать во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ васильковскую исторію. Аполлонъ Егоровичъ не заставилъ себя дожидаться. Карачаевъ слушалъ очень внимательно, грозно насупивъ брови, и говорилъ поминутно, съ видомъ глубокомыслія: „Такъ, ладно; ну, что-жъ онъ? А она что? Такъ; что-жъ далѣе?“ Изрѣдка отрывался онъ отъ разсказа, чтобъ крикнуть кучеру: „пошелъ, жи-и-ва-ва-а!!“ На что кучеръ, сидѣвшій несовсѣмъ твердо на облучкѣ, отвѣчалъ каждый разъ: „Что-жъ, я пущу пожалуй... по мнѣ что?... да это не ёзда, а бёда.“

На пятой верстѣ (всего было десять отъ Ханскихъ-Прудовъ до Сусловки), Карачаевъ сталъ замѣчать, что кучеръ сильно клонится спиною и головою во внутрь телѣжки. Отличительная исамая рѣзкая черта Карачаева состояла въ томъ, что онъ обнаруживалъ, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, необыкновенное снисхожденіе къ проступкамъ подвластныхъ ему людей. Вѣрный всегда самому себѣ, онъ ограничился тѣмъ лишь, что приперъ рукою спину кучера и произнесъ, заглядывая ему въ лицо: „Ты пьянъ, какъ я вижу!“ Кучеръ сознавался въ своей винѣ и объявилъ, что Иванъ Емьянычъ, то есть карачаевскій Иванъ, потому что такъ преимущественно величали камердинера, угощая на прощаньи балахновскую дворню, и ему, Матвѣю, старому товарищу, поднесъ четверку добраго, забористаго—ухъ какого забористаго травничку!

— Не въ томъ дѣло; скажи только: довезешь-ли ты? произнесъ Карачаевъ, мгновенно затуманиваясь при мысли о предстоящей разлукѣ съ любимымъ камердинеромъ.

— Помилте... Павлъ Петррр... отчего не довезти?... Много вами доволенъ; вотъ те пра...во... отчего-жъ?... довезу, коли лошади довезутъ... Эй, вы, голубчики... ну... котенокъ, эй, эй!... примолвилъ Матвѣй, пуская во весь духъ тройку.

— Карачаевъ... что... это?... вели остановить!... Онъ намъ шею сломитъ... кричалъ Дрянковъ, ухватившись за перекладину телѣжки.

— Пошелъ, Матвѣй! крикнулъ Карачаевъ вмѣсто отвѣта.

— Что это? сумасшествіе?... Стой, вели остановиться! Или я... я вылѣзу!

— А, ты вылѣзешь?... Пошелъ, Матвѣй! поддай пару!... жива-а-а!... подхватилъ Карачаевъ.

— Ломай себѣ голову сколько хочешь, кричалъ Аполлонъ Егоровичъ, отчаянно выбрасывая одну ногу изъ телѣги.—Ахъ!... на кочку наѣдешь, смотри!... заключилъ вдругъ поэтъ, подталкивая несовсѣмъ учтиво Матвѣя.

— Че-е-во? заголосилъ Павелъ Петровичъ, посылая неожиданный толчокъ въ руку, начертавшую „Непризнаную Индѣйку“.— Стой, Матвѣй! примолвилъ онъ, ухвативъ возжи и осаживая тройку: — стой!... Че-е-во? продолжалъ онъ, устремляя глаза на испуганнаго спутника: — ты здѣсь распоряжаться вздумалъ?... а?

— Да что-жъ это такое? Я не позволю... ты забываешься... проговорилъ Дрянковъ, выбрасывая поспѣшно другую ногу за перекладину телѣжки.

— Ты не позволишь? ха, ха, ха! Вонъ, когда такъ! прибавилъ Карачаевъ, указывая непреклоннымъ жестомъ на дорогу.

— Я и самъ, братъ, пойду, нечего указывать, сказалъ Дрянковъ, обрадованный донельзя случаю освободиться отъ предстоявшей дуэли.

Павелъ Петровичъ, безъ дальнихъ околичностей, высадилъ своего спутника на дорогу.

— Пошелъ, Матвѣй! крикнулъ онъ тогда, усаживаясь на скамейку: — ну, жи-и-ва-а-а!

И, минуту спустя, Карачаевъ исчезъ въ облакѣ пыли, оставивъ посреди проселка Аполлона Егоровича, который принялся тотчасъ-же сочинять, что бы такое привести дамамъ въ оправданіе неожиданнаго своего возвращенія.

Въ скоромъ времени передъ Карачаевымъ предстала Сусловка и, пять минутъ спустя, телѣжка его въѣзжала во дворъ маленькаго домика на берегу живописной рѣчки.

— Эй! кто тутъ! эй, люди! эй! что-жъ никого нѣтъ? заголосилъ Карачаевъ, вылѣзая изъ телѣжки и оглядывая пустынный дворъ. — О! о! постойте, дружки! я вамъ всѣмъ сдѣлаю переборку; дайте только расправиться съ этимъ Пли... Плу... Плупельковскимъ... какъ бишь его? Да! Эй, кто тамъ?

Никто не откликался; изъ-за угла сарая показался лишь Мишка, сынъ кучера Ермолая и прачки Ѳетиньи, поступившій изъ Грачевки въ число сусловскихъ, но въ ту-жъ минуту скрылся опять за плетнемъ. Карачаевъ приказалъ Матвѣю поставить ло-

шадей подъ навѣсъ и, подтянувъ ремень на нанковомъ сюртукѣ, смѣло вошелъ на крыльцо, приготовляясь учинить тотчасъ-же распорядокъ.

Какъ ни возмущенъ былъ Павелъ Петровичъ поступкомъ Васильковой, сколько ни пылалъ желаніемъ не давать ей никакой пощады, онъ крайне смутился, однакожъ, увидѣвъ Антонину Васильевну, вбѣжавшую въ переднюю съ платкомъ въ рукѣ и страшно распухшими, заплаканными глазами.

Карачаевъ поспѣшилъ оправиться; все говорило ему, что, какъ ни былъ слабъ и трусоватъ Васильковъ, слѣдовало во всякомъ случаѣ защитить его; и кому-жъ принять на себя такую обязанность, какъ не ему, человѣку, знавшему Порфирія Павловича съ малолѣтства и бывшему притомъ шаферомъ на его свадьбѣ? Рѣшившись быть непреклоннымъ, строгимъ судьею, Карачаевъ началъ съ того, что скрестилъ руки на груди, потомъ отступилъ два шага и, бросивъ грозный взглядъ на стоявшую передъ нимъ заплаканную женщину, произнесъ съ необычайною строгостью:

— Сударыня!...

— Павелъ Петровичъ... О, Бога ради... вы, хоть вы не вѣрьте всѣмъ этимъ сплетнямъ и клеветамъ!... Ахъ, я самая несчастная женщина! заговорила, всхлипывая, Василькова.

— Сударыня! повторилъ Карачаевъ, отступая еще шагъ назадъ и стукаясь затылкомъ въ косякъ двери; но, увидѣвъ, что Антонина Васильевна опустилась, рыдая, на скамейку, поспѣшилъ приподнять ее, бережно взялъ ее подъ-руку и, проводивъ до гостиной, усадилъ на диванъ.

Закрывъ лицо платкомъ, Антонина Васильевна продолжала рыдать.

— Сударыня... извините, не могу больше называть васъ другимъ именемъ... сударыня, я хочу знать, гдѣ этотъ негодяй? Извольте сказать мнѣ, гдѣ онъ скрывается... Я затѣмъ и пріѣхалъ сюда, сказалъ Павелъ Петровичъ, страшно хмуря брови, направленныя къ сосѣднимъ дверямъ.

— О, не говорите мнѣ про него! простонала Антониночка: — я самая несчастная женщина! О, да, я очень несчастлива!... Павелъ Петровичъ, не покидайте хоть вы меня... будьте моимъ защитникомъ! примолвила она, схватывая его руку.

— Если вы точно не виноваты, сударыня, вы должны мнѣ доказать это... да, и доказать тѣмъ, что тотчасъ-же откроете, гдѣ

скрывается этотъ негодяй. Я пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ наказать его, вотъ она штука-то въ чемъ! отвѣчалъ Карачаевъ, страшно моргая глазами, но, совсѣмъ тѣмъ, смягчая постепенно свой голосъ.

— Вы пріѣхали, къ несчастію, слишкомъ поздно! возразила Антониночка, обливаясь слезами.

— Какъ? что вы говорите?

— Да, онъ уѣхалъ... и... и... и кто-бы повѣрилъ этому?... увезъ съ собою разныя вещи... въ числѣ ихъ браслетъ... и маменькинъ бирюзовый голубокъ... О, это ужасно! ужасно! ужасно! рыдая, говорила Антониночка.

— Плутъ! плутъ! сказалъ Павелъ Петровичъ, метаясь, какъ угорѣлый, по маленькой гостиной. — Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня, любезный! не уйдешь; я тебя поймаю!... Антонина Васильевна, разскажите мнѣ въ подробностяхъ, какъ это случилось. Écouté, мнѣ нужно все знать!... Успокойтесь, не отчаявайтесь... полноте плакать: слезы не помогутъ! заключилъ Карачаевъ, неожиданно садясь подлѣ Васильковой и обнаруживая въ каждомъ движеніи живѣйшее участіе къ ея горю.

Разсказавъ во всѣхъ подробностяхъ исторію побѣга Попельковскаго, Антонина Васильевна прибавила, орошая обильнымъ потокомъ слезъ руки Карачаева, который терялся, не зналъ, что ему дѣлать и готовъ уже былъ рѣшиться на всевозможныя снисхожденія, лишь-бы только успокоить несчастную женщину:

— Все, о чемъ я васъ прошу, мой добрый Павелъ Петровичъ, не вѣрьте низкимъ сплетнямъ и клеветамъ, говорила она: — я ни въ чемъ не виновата и не понимаю причины внезапной ревности Порфирія Павловича. Во всемъ виноватъ онъ самъ: онъ подружился съ Попельковскимъ, пригласилъ его къ себѣ, далъ ему волю распоряжаться въ домѣ, самъ ни во что не входилъ... Вы сами, впрочемъ, хорошо знаете слабость характера Порфирія Павлыча.

— Помилуйте, кому вы это говорите? Слишкомъ хорошо знаю! воскликнулъ Карачаевъ, обращая мгновенно весь свой гнѣвъ на слабодушнаго Василькова, который, нѣтъ сомнѣнія, всему былъ виною.

— Да, повѣрьте, о, повѣрьте, я очень несчастлива! продолжала Антониночка, обливаясь новыми слезами: — всей этой исторіи придали ложный, злобный и совсѣмъ-неправдоподобный оборотъ.

— Скажите, однакожъ, пожалуйста, Антонина Васильевна, что вы станете дѣлать теперь? спросилъ онъ, усаживаясь подлѣ нея и обнаруживая самое нѣжное, заботливое участіе.

Антонина Васильевна возвела заплаканные, черные глазки свои на Карачаева и грустно покачала головой.

— Я рѣшилась немедленно оставить имѣнье моего мужа, пускай возьметъ онъ свою часть — я буду очень рада, лишь-бы только жить одной: я хочу поселиться въ Грачовкахъ и завтра же уѣду туда... Маменьки теперь нѣтъ, она въ Москвѣ, но это все равно: я увѣрена, она меня не отвергнетъ...

— И прекрасно сдѣлаете! Поѣзжайте съ Богомъ, живите счастливо. Что-жъ до меня касается, я поѣду сейчасъ-же въ погоню за этимъ негодяемъ Плиполько-кек...скомъ; авось не уверпется! Будьте спокойны: все это не падетъ на васъ; онъ поплатится за все достойнымъ образомъ! А потомъ, потомъ... ну, ужъ извините, Антонина Васильевна, примусь потомъ за вашего мужа...

Антонина Васильевна долго уговаривала Карачаева, упрашивая его бросить это дѣло и особенно не говорить ничего ея мужу, но Карачаевъ остался непреклоненъ, раскланялся и, усадивъ ее на диванъ, побѣжалъ въ переднюю, прося быть спокойной и не тревожиться.

Павелъ Петровичъ вышелъ во дворъ, отдалъ строжайшій приказъ, чтобы приготовляли все для завтрашняго отъѣзда Антонины Васильевны, вошелъ въ сарай, осмотрѣлъ колёса васпльковскаго тарантаса, велѣлъ ихъ подмазать и, сдѣлавъ еще кой-какія дѣльныя распоряженія, сѣлъ въ свою телѣжку и приказалъ ѣхать по направленію къ губернскому городу...

XIX.

Въ дипломатической головѣ Аристарха Ѳедоровича созрѣлъ, между тѣмъ, новый планъ и частью даже осуществился.

Должно быть, такъ ужъ на роду было написано Карачаеву, чтобъ претерпѣть въ этомъ мѣсяцѣ самыя страшныя неудачи. Какъ новый Пинетти, онъ скакалъ, казалось, разомъ въ одно и то же время по всѣмъ возможнымъ проселкамъ, преслѣдуя своего врага— и все-таки ни малѣйшаго успѣха: Припи...но...Попель...ковскій... или какъ бишь его?... нигдѣ не отыскивался, сгинулъ, пропалъ, словно провалился сквозь землю!... Усталый, избитый, измученный своимъ напраснымъ странствованіемъ, продолжавшимся безъ малаго цѣлую недѣлю, Карачаевъ возвращался въ Ханскіе-Пруды.

Онъ въѣзжалъ ужъ во дворъ, какъ вдругъ глаза его, устремлявшіеся во всѣ углы, въ надеждѣ отыскать какъ можно скорѣе Василькова, причинившаго столько несчастій, встрѣтили коляску Аристарха Ѳедоровича, оснащенную, повидимому, въ дальнюю дорогу.

Молодой кучеръ, услаждавшій душу Балахнова своими пѣснями, ухаживалъ подлѣ четверки добрыхъ коней, подтягивалъ подпруги, приравнивалъ возжи, осматривалъ и даже щупалъ шины и втулки колесъ; изъ открытыхъ дверецъ экипажа выглядывали узелки, сапоги и ящики; на запяткахъ красовался огромный чемоданъ съ буквами А и Б. Сидоръ, одѣтый несовсѣмъ изящно, но съ большимъ комфортомъ, стоялъ подлѣ съ шкатулкою въ рукахъ, и на широкомъ лицѣ его бродила глубокомысленная дума о томъ, какимъ-бы образомъ уложить драгоцѣнную вещь такъ, чтобъ она не мѣшала барину и вмѣстѣ съ тѣмъ находилась постоянно у него на глазахъ.

Увидя все это, Карачаевъ проворно соскочилъ съ телѣжки и спросилъ у камердинера:

— Что тутъ еще такое затѣяли? Что это значитъ?

— Баринъ изволятъ ѣхать въ Москву. Сейчасъ поѣдутъ. Ужъ одѣваются, отвѣчалъ Сидоръ, ныряя со шкатулкой въ дверцы коляски.

Такой отвѣтъ столько-же удивилъ, сколько раздражилъ Павла Петровича.

Въ самомъ дѣлѣ, что-же это такое? Ѣдетъ въ Москву; стало быть, имѣлъ давно это намѣреніе; отчего-же, спрашивается, таилъ онъ это намѣреніе отъ Карачаева? а? А если-бъ, положимъ, мысль ѣхать въ Москву пришла Балахнову на-дняхъ—развѣ не могъ онъ, не долженъ былъ оповѣстить объ этомъ Карачаева? Просто, съ его стороны, ни на что не похоже!

Такъ разсуждалъ Павелъ Петровичъ, взбираясь на крыльцо.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Мысль ѣхать въ Москву, дѣйствительно, блеснула только на-дняхъ въ дипломатической головѣ Аристарха Ѳедоровича. Обдумывая планы, какъ-бы вѣрнѣе, успѣшнѣе восторжествовать надъ врагами своими, онъ пришелъ къ слѣдующему блистательному заключенію: до выборовъ, то есть главной цѣли—цѣли, которая должна была разрѣшить: пасть или восторжествовать Аристарху Ѳедоровичу — оставалось весьма немного; каждая минута была, слѣдовательно, драгоцѣнна. На этомъ основаніи, Балахновъ, горѣв-

шій единственнымъ желаніемъ восторжествовать, рѣшился распространить кругъ своей дѣятельности уже далеко за предѣлы земель, принадлежащихъ его близкимъ сосѣдямъ. Пускай хоть всѣ ближайшіе сосѣди возстанутъ противъ него — ему это ни почемъ! Онъ заключитъ теперь связи съ дальними помѣщиками—и тогда посмотримъ, чья возьметъ! Аристархъ Ѳедоровичъ разсчитывалъ теперь сблизиться съ болѣе значительными владѣльцами Горшковскаго уѣзда, которые, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, будутъ очень рады знакомству съ такимъ великимъ мужемъ. Для приведенія въ исполненіе такихъ великихъ замысловъ, слѣдовало ѣхать немедленно въ Москву по двумъ весьма важнымъ причинамъ: во-первыхъ, большая часть тѣхъ помѣщиковъ, на которыхъ мѣтилъ Балахновъ, жили въ этомъ городѣ, посѣщая клубы и собранія, Балахновъ легко сведетъ съ ними знакомство и, слѣдовательно расположитъ ихъ въ свою пользу; во-вторыхъ, Аристарху Ѳедоровичу нужны были деньги для того, чтобъ, вернувшись потомъ въ Ханскіе-Пруды, задавать балы и празднества остальнымъ помѣщикамъ, также отдаленнымъ отъ сосѣдства, но жившимъ постоянно въ провинціи. Для выполненія послѣдняго, онъ рѣшился снова перезаложить свои собственныя двѣсти душъ (только двѣсти душъ его жены были заложены). Кромѣ этого, деньги нужны были еще для пріобрѣтенія Сусловки и другой части имѣнія Василькова, выдѣленной изъ приданаго Антонины Васильевны. Въ послѣднихъ пунктахъ Балахновъ остался вѣренъ прежнимъ своимъ разсчетамъ: „Пусть каждый клочокъ земли будетъ у него заложенъ и перезаложенъ; пускай, кромѣ пирамидъ, вензелей и обелисковъ, не будетъ у него никакого состоянія, но за то всѣ эти перезаложенные клочки земли будутъ его. Со временемъ принуждены-же будутъ по неволѣ отдать преимущество самому многоземельному, многовотчинному помѣщику своего уѣзда!“

Когда Карачаевъ вошелъ въ кабинетъ, Аристархъ Ѳедоровичъ стоялъ уже одѣтый по дорожному.

— А, ба! Карачаевъ! Откуда? гдѣ пропадалъ? воскликнулъ Балахновъ, обнаруживая въ голосѣ и каждомъ движеніи восторженное состояніе духа, пробужденное новыми планами и надеждами.

Карачаевъ отступилъ шагъ назадъ, скрестилъ на груди руки и, вперивъ на величаваго пріятеля воспламененные бѣлки, сказалъ сурово:

— Не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что все это значитъ?

Тутъ Карачаевъ указалъ на окно, изъ котораго видна была дорожная коляска.

— А это значитъ, братецъ, что я ѣду въ Москву, возразилъ, смѣясь, Балахновъ. — Непредвидѣнное, очень важное обстоятельство... Ну, а ты, что намѣренъ дѣлать? Да полно, братецъ, хмуриться-то; подумаешь, Медоръ у тебя околѣлъ. Ты куда?

— Че-е-во? произнесъ Карачаевъ, сурово косясь на собесѣдника. — Странный вопросъ! прибавилъ онъ послѣ молчка.

— Что-жъ тутъ страннаго? ха! ха! ха! Ничего нѣтъ страннаго. Весьма естественно: мнѣ хочется знать, что ты намѣренъ дѣлать въ это время, какъ я буду въ отсутствіи? А такъ какъ это продлится, вѣроятно, довольно долго...

— Понимаю, любезнѣйшій, понимаю! перебилъ Карачаевъ съ раздражительной ироніей: — это значитъ, ты хочешь сказать мнѣ деликатнымъ образомъ: „алонъ марше“, то есть по-нашему: убирайся, братъ, отселева! а? Такъ или нѣтъ? а?...

Аристархъ Ѳедоровичъ залился звонкимъ дребезжащимъ хохотомъ.

— Ну, не сумасшедшій-ли ты, скажи, пожалуйста? Ну, не бѣшеный-ли? Да кто-жъ тебѣ это сказалъ? Я душевно радъ, если ты останешься въ Ханскихъ-Прудахъ. Живи, пожалуй, сколько тебѣ угодно...

— Да я думаю, что такъ! возразилъ Карачаевъ, сурово нахмуривая брови: — по душѣ-ли ты это говоришь или нѣтъ — это мнѣ все равно! Хоть ты тутъ умирай со смѣху, а я все-таки здѣсь останусь. Не будетъ сказано, что Карачаевъ оставилъ Лизавету Семеновну одну въ то время, можетъ быть, какъ... Ну, да погоди, братъ, я еще скажу тебѣ на этотъ счетъ два-три слова, дай раздѣлаться съ этимъ Васильковымъ! заключилъ онъ, съ рѣшимостью направляясь къ двери.

— Ха! ха! ха! погоди, защитникъ угнетенныхъ! Ха! ха! ха! постой! За что-же, позволь спросить, хочешь ты съ нимъ раздѣлаться? воскликнулъ Балахновъ, удерживая своего друга за обѣ руки.

Карачаевъ неохотно, отрывисто, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Ну, братъ, поздно взялся! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ. Вѣдь онъ ѣдетъ сейчасъ со мной въ Москву.

— Какъ? Нѣтъ, этого не будетъ! Я этого не допущу. Вотъ штука-то въ чемъ!

— За что-же такія напасти? смѣясь, спросилъ Балахновъ.

— Не допущу, да и только! Онъ долженъ сію-же минуту ѣхать со мною въ Грачовку и примириться съ женою! закричалъ Павелъ Петровичъ, направляясь къ двери.

— Чудакъ! чудакъ! произнесъ Балахновъ, снова удерживая его и тотчасъ же перемѣняя шутливую интонацію на серьезную.— Для чего-жъ я и беру его въ Москву, если не для той-же цѣли? Если-бъ ты, вмѣсто того, чтобъ горячиться, обсуживалъ основательно каждую вещь, ты увидѣлъ-бы, что свести ихъ теперь — значило-бы, можетъ быть, разлучить на-вѣки. Дай пройти мѣсяцу — все перемѣнится: соскучатся оба — тогда-то мы ихъ и примиримъ.

Карачаевъ слушалъ сначала нехотя, потомъ внимательнѣе, потомъ, должно полагать, согласился во всемъ съ Балахновымъ, потому-что, не сказавъ ни слова, отошелъ къ окну съ такимъ выраженіемъ, которое ясно говорило: „Дѣлайте, что хотите; я больше ни во что не вмѣшиваюсь!“ Онъ не понималъ, да и гдѣ-жъ было понять ему глубокія соображенія Аристарха Ѳедоровича, который имѣлъ свои причины отдалять, по возможности, примиреніе двухъ супруговъ и даже устроить такъ, чтобъ они никогда не встрѣчались? (Если-бъ Васильковъ примирился съ Антониночкой, Балахновъ лишился бы случая купить Сусловку, да еще часть изъ женина приданаго Василькова). Онъ везъ Порфирія Павловича въ Москву, увѣренный, что этимъ способомъ вѣрнѣе достигнетъ своей цѣли. Читатель увидитъ современемъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ никогда не ошибался въ своихъ соображеніяхъ и разсчетахъ.

Когда Карачаевъ подошелъ къ окну, глаза его упали прямо на Аполлона Егоровича Дрянкова, который хлопотливо шелъ отъ коляски къ крыльцу, держа огромнѣйшій свертокъ бумагъ подъ мышкой.

— А что, братецъ, и этотъ ѣдетъ, кажется, также съ тобою? спросилъ Карачаевъ.

— Скажи на-милость, что съ тобой сегодня? Ты, братъ, совсѣмъ озлобился противъ свѣта: мизантропъ, да и полно! отвѣчалъ, смѣясь, Балахновъ:—да, и этотъ ѣдетъ со мною. А что? тебѣ развѣ досадно? а? ха! ха! ха!...

Карачаевъ не отвѣчалъ ничего, а только презрительно пожалъ плечами.

Въ эту самую минуту въ дверяхъ кабинета показались Васильковъ и Дрянковъ. Увидя Карачаева, оба они отскочили поспѣшно въ уголъ, но Карачаевъ повернулся къ нимъ спиною и вышелъ въ залу, гдѣ остальные члены дома, начиная съ самой хозяйки и дѣтей ея и кончая Фіоной Ивановной и Прокисаемъ Захаровичемъ, стояли въ ожиданіи проводовъ.

Пять минутъ спустя, Аристархъ Ѳедоровичъ, вооруженный дорожной фуражкой, появился въ залѣ въ сопровожденіи своей свиты.

Онъ былъ необыкновенно веселъ.

— Лизанька, сказалъ онъ, подойдя къ женѣ и цѣлуя ее нѣсколько разъ сряду въ лобъ: — поручаю тебя, другъ мой, вотъ этому господину, промолвилъ онъ, подмигивая ей шутливо на Карачаева: — онъ самъ, впрочемъ, вызвался быть твоимъ рыцаремъ, защитникомъ и покровителемъ.

Карачаевъ заморгалъ глазами, хотѣлъ что-то сказать, но, взглянувъ на Лизавету Семеновну, отвернулся и отошелъ въ самый дальній уголъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ разразился новымъ хохотомъ и началъ цѣловать дѣтей, давая имъ въ то же время поучительныя наставленія, въ родѣ слѣдующихъ: „смотрите-же, не плакать безъ меня, не капризничать, учиться хорошо, очень хорошо учиться! — слова, очевидно, вылетавшія изъ устъ его для того только, чтобъ сказать что-нибудь въ такомъ торжественномъ случаѣ.

Дѣти, особенно Володя, обнаружили какую-то воздержность чувствъ при прощаніи съ отцомъ, и Аристархъ Ѳедоровичъ — приписывая эту воздержность усилію съ ихъ стороны, клонившуюся къ тому, чтобъ не огорчить чувствительнаго сердца отца, что легко могло-бы случиться, если-бъ вздумалось имъ плакать и вѣшаться къ нему на шею — громко изъявилъ свое одобреніе и принялся снова цѣловать ихъ.

На лицѣ Лизаветы Семеновны было во все это время какое-то принужденное спокойствіе, сквозь которое пробивалась, однакожъ, сильная душевная тревога, очевидно возбуждаемая разлукою съ мужемъ.

Перецѣловавъ дѣтей, Аристархъ Ѳедоровичъ снова подошелъ къ женѣ и, вѣроятно, принявъ грустно-спокойный видъ ея за маску, скрывавшую раздирающіе вопли и рыданія, поспѣшилъ успокоить ее, сказавъ, что скоро вернется и что, не явись непред-

видимаго важнаго обстоятельства (онъ не сообщилъ, однакожъ, въ чемъ состоитъ это важное обстоятельство, но она сама догадывалась), онъ никогда не подумалъ-бы разстаться съ нею.

— Ну, теперь сядемте, сядемте: всѣ садитесь! весело сказалъ Балахновъ.—Такъ дѣлывали наши предки. Обычай, освященный вѣковою, почтенною старостью! примолвилъ онъ самодовольно, оглядывая залу и выпрямляя грудь.

Всѣ сѣли.

Мертвое молчаніе воцарилось въ комнатѣ; ни вздоха, ни тоскливо-безпокойнаго взора, устремленнаго на отъѣзжающихъ, ни слезинки!

— Пора! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ:—велите подавать коляску; прощайте!

Мертвое молчаніе сопровождало эти слова, исторгающія такъ часто глубокій вздохъ изъ самаго зачерствѣлаго сердца. Приписавъ опять-таки все это выраженію глухой, затаенной скорби, Аристархъ Ѳедоровичъ снова успокоилъ жену скорымъ своимъ возвращеніемъ и, простившись съ нею вторично, направился величаво къ крыльцу, въ сопровожденіи всѣхъ домашнихъ.

Взгромоздившись на козла, Дрянковъ сидѣлъ уже подлѣ кучера съ своимъ огромнымъ сверткомъ подъ мышкой, бережливо закутаннымъ въ клѣтчатый платокъ.

То была драгоцѣнная рукопись „Непризнанной Индѣйки“, которая летѣла въ бѣлокаменную, съ тѣмъ, чтобъ возложить лавровый вѣнокъ на приплюснутое чело и вихры безсмертнаго проживальщика.

Аристархъ Ѳедоровичъ усѣлся въ коляску; за нимъ, подпрыгивая и прискакивая, послѣдовалъ Васильковъ, который во все время разставанья страшно выпучилъ глаза и не переставалъ посылать стоявшимъ на крыльцѣ трогательные знаки соболѣзнованія. Сидоръ, утирая обшлагомъ рукава слѣды слезъ, оставленныхъ на широкомъ лицѣ его глазами дражайшей половины, усѣлся на запятки. Балахновъ махнулъ рукой; молодой кучеръ затянулъ: „Не бѣлы-то снѣги“ и коляска, подхваченная доброю четвернею, исчезла скоро изъ виду...

И опустѣли Ханскіе-Пруды! опустѣлъ прадѣдовскій домъ Аристарха Ѳедоровича!

Дни потянулись за днями, не принося ровно никакой перемѣны въ однообразной жизни немногихъ обывателей древняго дома.

Солнце попрежнему восходитъ каждое утро на плоскомъ горизонтѣ Ханскихъ-Прудовъ, попрежнему окрашиваетъ золотымъ пурпуромъ бельведеръ, макушки березъ, обелиски и стѣны флигелей; попрежнему, подымаясь выше и выше, шагаетъ оно каждый день черезъ заборъ, озаряетъ клумбы сада, лужайки, сучья деревъ и желтыя дорожки, молчаливо спускающіяся въ густую темно-зеленую листву акацій... Золотые лучи скользятъ каждое утро по бѣлымъ стѣнамъ древняго дома, врываются въ окно и каждое утро, куда-бы ни устремлялись они, вездѣ и всюду встрѣчаютъ хлопотливое, заботливое лицо Карачаева, который неусыпно блюдетъ за порядкомъ и благосостояніемъ прадѣдовскаго дома и его обывателей, ввѣренныхъ, какъ уже извѣстно, его попеченію. Солнце достигаетъ наконецъ до комнаты вдовы Чивадзи и освѣщаетъ желтое лицо, на которомъ съ каждою зарею появляется какой-нибудь новый, опустошительный слѣдъ глубоко-затаенной страсти; послѣ того золотые лучи начинаютъ обыкновенно опускаться книзу, меркнутъ на бельведерѣ и, пугливо скользнувъ по бѣлкамъ дѣвицы Сараманаевой, обращеннымъ на проходящаго Прокисая Захаровича, пропадаютъ за горизонтомъ, съ тѣмъ, чтобъ на другой день снова освѣтить тѣ-же картины и лица.

Но рѣдко, весьма-рѣдко, проникаетъ солнце въ глухую, заброшенную часть сада, куда обращено окно маленькой дѣтской; рѣдко играютъ золотые лучи на темныхъ стѣнахъ, расписанныхъ деревьями и обставленныхъ вокругъ бѣлыми, какъ снѣгъ, маленькими постелями; одинъ тусклый, чуть вздрагивающій свѣтъ лампадки передъ иконой освѣщаетъ маленькія постельки и склоненное надъ ними лицо молодой женщины, погруженной въ безотрадное грустное раздумье...

XX

трактуетъ въ особенности о томъ, какъ Бобоховъ поѣхалъ въ Москву, что онъ тамъ дѣлалъ, кого встрѣчалъ, и знакомитъ читателя съ великолѣпнымъ Аркадіемъ Тохтамышевымъ.

Была глухая, бурная, ненастная ночь. Крупный дождикъ, лившій еще съ утра, дѣлалъ проселки Горшковскаго уѣзда окончательно непроходимыми и обращалъ глинистую почву большой столбовой дороги въ страшную топь. Непроницаемый мракъ и отчаянная глушь царствовали повсюду; рѣдкія, тщедушныя ветелки,

уцѣлѣвшія кой-гдѣ на окраинѣ большой дороги, колеблемыя вѣтромъ, издавали пронзительные звуки, которые, подобно дискантамъ огромнаго хора, подхватывали и вторили басистому реву бури, гулявшей на просторѣ по чернымъ, какъ уголь, полямъ...

Но горшковская большая дорога тщетно призывала ненастье и бурю, въ надеждѣ отдохнуть хотя на минуту отъ докучливыхъ проѣзжающихъ: она никогда не знала покоя. И въ ту ночь, равно какъ во всѣ предшествовавшія и предъидущія ночи, равно какъ во всѣ дни, часы и минуты ея существованія, она не могла освободиться отъ проѣзжающихъ, которые съ крикомъ врѣзывали свои колёса по самую ступицу въ ея рыхлую, старческую грудь. И добро-бы бороздили ее тонкія колёса тарантасовъ—куда-бы еще ни шло, все, словно, легче; но лѣзли туда-же и неуклюжія, тяжеловѣсныя колёса обозниковъ и всякой сволочи; вотъ что казалось нестерпимымъ и, по всей справедливости, обиднымъ горшковской большой дорогѣ. Несмотря, однакожъ, на эти подраздѣленія, доказывавшія, что горшковская большая дорога преисполнена сознаніемъ собственнаго своего достоинства, всѣмъ проѣзжающимъ, сидѣли-ли они подъ рогожей, на облучкѣ телѣжонки, покоились-ли на днѣ тарантаса, подъ перинами и пуховиками—одинаково непріятно было тащиться въ бурную, дождливую ночь; взоры всѣхъ безъ исключенія, кромѣ тѣхъ, разумѣется, которые уткнуты были въ перины, устремлялись съ одинаковой степенью зависти на рядъ ярко-освѣщенныхъ оконъ, блиставшихъ въ отдаленіи, влѣво отъ дороги.

Тѣ изъ путниковъ, которые подскакивали на облучкахъ и которымъ извѣстно было, что освѣщенныя окна принадлежали голодаевскому барину, Бобохову, ничего не говорили и думали развѣ о томъ только, что въ этомъ домѣ, каковъ-бы онъ ни былъ, все-же теплѣе въ настоящую минуту, чѣмъ на большой дорогѣ; но зато путешественники, сидѣвшіе въ тарантасахъ, не отрывали заспанныхъ очей отъ ярко-освѣщенныхъ оконъ, блиставшихъ посреди черной ночи, какъ глаза цѣлой стаи волковъ. Сладостно утопая въ пуховикахъ, они переносились мысленно въ роскошныя палаты, наполненныя гостями; имъ чудились уже, сквозь шумъ дождя и грохотъ бури, веселые звуки оркестра; переносясь постепенно отъ толпы слугъ, разносившихъ безчисленное множество подносовъ съ безчисленнымъ множествомъ мороженаго, къ дамскимъ плечамъ и прическамъ, они рисовали самыя обворожительныя и привлекательныя картины; многіе изъ этихъ путешественниковъ и путеше-

ственницъ заносились часто такъ высоко по поводу освѣщенныхъ оконъ, что начинали вдругъ обдергивать платье, приглаживать волосы и съ испугомъ ощупывали прорѣхи дорожной одежды, какъ-бы готовясь черезъ минуту вступить въ чертогъ и принять участіе въ роскошномъ праздникѣ, созданномъ пылкой ихъ фантазіей.

Но тарантасы проѣзжали, однакожъ, мимо, и ни одинъ изъ нихъ не завертывалъ за каменную ограду бобоховскаго дома. Тѣмъ лучше! Пускай мечтательные путешественники остаются въ пріятномъ заблужденіи, и пусть картина блистательнаго дома, промелькнувшая въ ихъ воображеніи, напутствуетъ ихъ всюду, во все продолженіе скучной, печальной дороги.

Въ голодаевскомъ домѣ нѣтъ ни одного гостя; всѣхъ ихъ замѣняетъ самъ Бобоховъ, который расхаживаетъ быстрыми шагами по ярко-освѣщеннымъ комнатамъ: „Истинный джентльменъ, находится ли онъ посреди многочисленнаго общества, сидитъ ли одинъ у себя дома, не долженъ измѣнять на волосъ образа жизни“. Правило это, внушенное великолѣпнымъ Аркадіемъ Тохтамышевымъ, свояком Бобохова, строго соблюдалось симъ послѣднимъ; въ одномъ лишь замѣтно было маленькое отступленіе отъ джентльменскихъ правилъ. въ гостиной, на кругломъ столикѣ, стоялъ стаканъ съ домашнимъ пивомъ, изъ котораго поминутно прихлебывалъ Иванъ Дормидонычъ. Благодаря освѣщенію, бросавшему желтые потоки свѣта на лицо Бобохова, можно было утвердительно сказать, что лицо это вздувалось и пыжилось отъ удовольствія; причины, пробуждавшія такое чувство, должны были быть очень сильны, потому что Бобоховъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на шумъ дождя, барабанившаго по стекламъ, не обращалъ вниманія на яростное шипѣніе воды, низвергавшейся съ кровель цѣлыми ручьями, которые, измѣняя по волѣ вѣтра дугообразное направленіе, обдавали очень часто, сверху до низу, огромныя окна; ему нипочемъ была буря; радость, наполнявшая его душу, не оставляла тамъ малѣйшаго закоулка для другаго чувства; радость звенѣла даже въ ушахъ его, и по этому самому уши Бобохова оставались глухи къ суровому голосу вѣтра, который люто завывалъ вокругъ дома выскочки, какъ-бы намѣреваясь содрать съ древнихъ стѣнъ неумѣстное великолѣпіе.

Дѣло вотъ въ чемъ. Иванъ Дормидонычъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, продалъ горшковскому купцу весь своей хлѣбъ, находившійся еще въ полѣ, то-есть „на-корню“, какъ говорится, и продалъ за чистыя деньги; чтобъ объяснить такое распоряженіе,

слѣдуетъ сказать вопервыхъ, что Ивану Дормидонычу хотѣлось ѣхать въ Москву; вовторыхъ, что Иванъ Дормидонычъ вовсе не былъ такъ богатъ, какъ прокричали въ уѣздѣ. Все богатство находилось еще покуда въ рукахъ его матери, умной старой купчихи, которая хотя и не училась ариѳметикѣ, но гѣмъ не менѣе отлично соблюдала счетную часть и ничего почти не давала сыну, зная, вѣрно по опыту, что отцовское наслѣдіе не пойдетъ въ прокъ круглой, пустой башкѣ.

Бобохову необходимо, между тѣмъ, ѣхать въ Москву. И у него точно также была своя задушевная мысль. Онъ горѣлъ желаніемъ приняться, какъ можно скорѣе, за усовершенствованіе трехъ музыкантовъ изъ наемнаго оркестра, обнаруживавшихъ, по его мнѣнію, необыкновенное дарованіе. Убѣжденный заранѣе, что талантъ трехъ доморощенныхъ виртуозовъ, развиваемый, съ одной стороны, его совѣтами, съ другой—совѣтами и уроками первыхъ московскихъ артистовъ, достигнетъ въ скоромъ времени высшей степени своего могущества, Бобоховъ потиралъ руки, воображая съ восторгомъ, что, черезъ какіе-нибудь три мѣсяца, дастъ концертъ, въ которомъ, разумѣется, будетъ играть значительную роль какъ дилеттантъ, знатокъ музыки и меценатъ, создавшій трехъ первоклассныхъ виртуозовъ.

Вмѣстѣ съ такою мыслью, пухлыя щеки покровителя искусствъ раздувались такъ сильно, что рысьи глазки его, маленькій носъ и рыжіе усики уходили куда-то во-внутрь и казались совершенно пропадавшими между двумя лоснящимися, глянцовитыми щеками.

Было уже далеко за-полночь, и въ стаканѣ, стоявшемъ на маленькомъ столикѣ, не было уже капельки пива, когда Бобоховъ остановился наконецъ у двери гостиной и крикнулъ „эй!“

Воззваніе это, произносимое всякій разъ едва внятнымъ голосомъ, заключало, должно-быть, въ себѣ какую-нибудь магнитическую силу, потому-что въ состояніи было пробудить Корнея даже въ томъ случаѣ, еслибъ онъ находился въ летаргическомъ снѣ.

Секунду спустя, явился Корней.

— Распорядиться, чтобъ завтра утромъ готова была карета! сказалъ Бобоховъ, дѣлая явныя усилія побѣдить въ себѣ чувство, воспрещавшее ему входить въ какія-бы то ни было объясненія съ людьми:—да сказать, что Гаврила Дементьевъ, Фролъ Климовъ и Севастьянъ Зюзинъ-Овсянниковъ, изъ музыкантовъ, ѣдутъ со

мной! заключилъ Бобоховъ и, какъ-бы испугавшись, что видъ Корнея можетъ дать поводъ къ новымъ объясненіямъ, поспѣшно отвернулся и ушелъ въ спальню, гдѣ давно уже ждалъ его другой камердинеръ.

На другой день дождь шелъ ливнемъ, и буря ревѣла по-прежнему; но это не могло остановить Бобохова: онъ сѣлъ въ карету и, сопровождаемый тремя будущими концертистами, выѣхалъ вскорѣ на большую дорогу.

Въ дорогѣ не случилось ничего особенно замѣчательнаго, если не принимать въ разсчетъ маленькаго событія, постигшаго Бобохова въ самомъ Горшковѣ. Въ Горшковѣ, какъ уже извѣстно, протекала подъ самою горою широкая рѣка; горшковское купечество, воодушевляемое своими торговыми разсчетами, находило нелишнимъ строить ежегодно на этой рѣчкѣ плотовый мостъ; мостъ этотъ, приподнятый двухсуточнымъ ливнемъ, сорвался съ каната и помчался, какъ на зло, въ ту самую минуту, когда Бобоховъ подъѣзжалъ къ берегу, сгорая желаніемъ перебраться какъ-можно скорѣе на противоположную сторону. Иванъ Дормидонычъ, подобно новому Ксерксу, разразился энергическими эпитетами противъ капризной стихіи, но, вѣроятно, видя безполезность такой мѣры, обратился тотчасъ же къ слабымъ смертнымъ, глазѣвшимъ съ нѣмымъ удивленіемъ на отплывающіе остатки моста. Извѣстіе, что какой-то важный господинъ — куда какой важный! и руками машетъ, и кричитъ на весь берегъ, и грозитъ донести о горшковскихъ безпорядкахъ, мигомъ распространилось по городу и не замедлило достигнуть ушей купеческаго головы: купеческій голова—сѣдой, смышленый старикъ, запугался не на шутку и поспѣшилъ явиться съ повинной, обдумавъ напередъ оправданіе: „это, вѣдь, такъ и такъ, никто-де не виноватъ въ такомъ казусномъ и вовсе неожиданномъ дѣлѣ“. Голодаевскій баринъ, свирѣпѣвшій отъ негодованія, напустился тотчасъ-же на голову, но увидѣлъ, къ величайшему своему изумленію, что голова не проявилъ ни малѣйшаго испуга, какъ только встрѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу.

— А, это ты, мой батюшка! сказалъ голова:—ну, было зачѣмъ бѣжать, а я думалъ и взаправду невѣсть какой заслуженный человѣкъ... Нашего поля ягодка, отецъ родной, нашего поля ягодка! заключилъ старикъ, спокойно выходя на дорогу и принимаясь также спокойно подыматься обратно въ гору.

Что далѣе было съ Бобоховымъ, неизвѣстно; извѣстно только

то, что онъ выместилъ свое негодованіе на тридцати рыбакахъ, перетаскивавшихъ на паромѣ его карету, и выместилъ тѣмъ, что далъ имъ за труды одинъ цѣлковый.

Бобоховъ много читалъ о Москвѣ; прочитанные имъ отрывки зароились хлопьями въ его головѣ, когда древняя наша столица предстала неожиданно изъ-за холма съ своими бѣлыми стѣнами, пестрыми церквами, золотыми куполами и зелеными садами, охваченными раннимъ утреннимъ солнцемъ. Чудный видъ! Онъ пробудилъ даже въ Бобоховѣ какое-то особенное чувство, которое мигомъ разогнало злобу, кипѣвшую въ его сердцѣ по поводу исторіи съ горшковскимъ купеческимъ головою.

Нескоро, однакожъ, показалась застава: Москва видна издали!Ославъ Корнея объявить караульному офицеру, что проѣзжаетъ такой-то и такой-то изъ собственнаго имѣнія Голодаевки, Бобоховъ свершилъ въѣздъ въ столицу. Съ этой минуты рысьи глазки, маленькій носъ и усики Ивана Дормидоныча окончательно уже исчезли для свѣта; изъ зеркальныхъ оконъ кареты виднѣлась лишь пара лоснящихся, глянцоватыхъ щекъ. Проколесивъ добрымъ порядкомъ по разнымъ закоулкамъ, миновавъ два моста, перебравшись потомъ нѣсколько разъ черезъ холмы, откуда открывались чудныя панорамы, карета очутилась наконецъ на главныхъ улицахъ города и вскорѣ загремѣла подъ воротами одной изъ первыхъ гостинницъ.

Гостинница эта пользовалась вполнѣ заслуженною извѣстностью; не помню, какъ она прозывалась — кажется, Hôtel de Princes, или что-то въ этомъ родѣ, помню только, что названіе было чрезвычайно аристократическое. Она занимала огромный домъ и номера располагались въ бэль-этажѣ; главный входъ, со стороны площади, украшался швейцаромъ съ булавою, который, въ свободное время отъ занятій, заключавшихся въ томъ, чтобъ откармливать снигирей въ конуркѣ, смежной съ прихожей, не переставалъ играть въ шашки и отрывался лишь въ крайнихъ случаяхъ, а именно, когда слѣдовало вмѣстѣ съ приказчикомъ отправиться въ номеръ и получить заслуженную „на водку“ у отъѣзжающаго гостя. Такой ужъ заведенъ былъ порядокъ, охотно, впрочемъ, поощряемый гостями, которые находили весьма-законнымъ платить за удовольствіе, доставляемое имъ швейцарской булавой, сіявшей во всякое время дня въ углу, подлѣ лѣстницы, ведшей въ ихъ комнаты. Лѣстница была великолѣпна и соотвѣтствовала какъ нельзя лучше великолѣпію нумеровъ. Бобоховъ нигдѣ не останавливался, какъ въ этой гос-

тинницѣ. Отдавъ строжайшее приказаніе своимъ людямъ, чтобъ они не обнаруживали мѣщанской суеты при переноскѣ вещей, онъ показалъ самодовольныя свои щеки швейцару и поднялся на лѣстницу; на порогѣ конторы, примыкавшей къ самой лѣстницѣ, его встрѣтилъ хозяинъ—откормленный, румяный господинъ съ изящными завитками на головѣ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ отличнаго покроя.

— Mssieu j'ai bien l'honneur... et la santé, mssieur, comment va t'elle?... bien, enchanté, mssieu... сказалъ съ развязностью хозяинъ, природный москвичъ. сынъ наполеоновскаго солдата, который не могъ слѣдовать въ двѣнадцатомъ году за арміей, по причинѣ отмороженныхъ ногъ.

— Хорошо... oui... отвѣчалъ Бобоховъ: — мнѣ нитего премьé.

— Первый нумеръ занятъ, сказалъ лакей въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, стоявшій позади хозяина.

Извѣстіе это поразило самымъ непріятнымъ образомъ Ивана Дормидоныча. Такая досада! Онъ въ Голодаевкѣ еще разсчитывалъ занять непремѣнно этотъ нумеръ. Но дѣлать было нечего: во всей гостинницѣ оставался свободнымъ одинъ только пятый нумеръ, и Бобоховъ поспѣшилъ помѣститься въ немъ, опасаясь, чтобъ не пришлось — чего добраго! — ѣхать въ другую гостинницу без швейцара и аристократическаго прозвища. Первымъ дѣломъ Бобохова было истребовать списокъ съ именами гостей, и неудовольствіе его возросло до неимовѣрной степени, когда онъ прочелъ противъ перваго нумера: Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ. Неудовольствіе Бобохова объяснилось разными причинами, во главѣ которыхъ стояли не совсѣмъ пріязненныя отношенія, существовавшія между нимъ и владѣтелемъ Ханскихъ-Прудовъ. Но, какъ я уже сказалъ, дѣлать было нечего, и Иванъ Дормидонычъ примирился на томъ, что постарается какъ можно рѣже встрѣчаться съ сосѣдомъ. Принявъ такое намѣреніе, онъ позвонилъ Корнея и отдалъ ему приказаніе (такимъ голосомъ, конечно, чтобъ слышно было въ сосѣднихъ нумерахъ) отправиться немедленно къ сестрѣ, госпожѣ Тохтамышевой, и возвѣстить о его пріѣздѣ.

Полчаса спустя, вернулся Корней и объявилъ (также во всеуслышаніе), что Наталья Кирилловна изволитъ радоваться и проситъ братца пожаловать къ себѣ. Бобоховъ послалъ Корнея къ госпожѣ Тохтамышевой болѣе для того, разумѣется, чтобъ жители сосѣднихъ нумеровъ знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; самъ онъ не

думалъ посѣтить ее и располагалъ провести весь этотъ день въ отдохновеніи послѣ трудной дороги; онъ начиналъ уже приводить въ исполненіе такое намѣреніе, а именно, закуривъ сигару, возлегъ на бархатную кушетку, какъ вдругъ вбѣжалъ Корней и доложилъ, что Аркадій Алексѣевичъ Тохтамышевъ изволитъ подыматься по лѣстницѣ. Носъ, усы и глазки Бобохова мгновенно исчезли за щеками, на которыхъ обозначились теперь слѣды восторженности, смѣшанной съ пріятнымъ смущеніемъ.

Онъ быстро вскочилъ съ кушетки, оправился передъ зеркаломъ и еще быстрѣе повернулся къ двери, за которой слышался ужъ голосъ Тохтамышева.

Со стороны Бобохова потребовались невѣроятныя усилія, чтобъ не броситься, сломя голову, навстрѣчу великолѣпному родственнику; проникнувшись мгновенно свѣтскимъ правиломъ какого-бы то ни было чувства, Бобоховъ овладѣлъ, однакожъ, собою и остановился на порогѣ комнаты, игравшей въ нумерѣ роль гостиной. Онъ выдержалъ характеръ даже тогда, когда увидѣлъ гостя въ какихъ-нибудь пяти шагахъ отъ себя.

Гость выступалъ между тѣмъ ровнымъ медленнымъ шагомъ и направлялся прямо къ зеркалу, висѣвшему въ сосѣдней комнатѣ; поровнявшись съ зеркаломъ, онъ снялъ шляпу, остановился, прищурилъ глаза, поправилъ волосы, покрутилъ, усы и, наконецъ, рѣшился уже повернуться къ Бобохову, который продолжалъ, между тѣмъ, стоять на порогѣ гостиной, пыжась изо всей мочи, чтобъ выдержать до конца свѣтское правило, воспрещавшее обнаруживаніе чувствъ.

Аркадію Алексѣевичу Тохтамышеву лѣтъ тридцать пять; онъ высокъ ростомъ, сложенъ отлично и вообще представляетъ изъ себя совершеннѣйшій типъ тѣхъ красавцевъ, которые сводятъ съ ума, на гуляньи, въ Сокольникахъ, всѣхъ молодыхъ купчихъ, такъ называемыхъ „легкихъ барынь“, да еще кой-какихъ пожилыхъ дамъ, непропускающихъ публичныхъ гуляній и наводящихъ лорнетъ на всѣхъ красавцевъ безъ исключенія; правильное лицо его отличается тою очаровательною, интересною блѣдностью, какая пріобрѣтается съ успѣхомъ просиживаніемъ нѣсколькихъ ночей сряду за карточнымъ столомъ и неумѣренными ужинами, которые сопровождаются самыми неумѣренными возліяніями Вакху. Сонливая блѣдность лица выкупается, впрочемъ, у Тохтамышева необычайною бойкостью сѣрыхъ глазъ, оттѣненныхъ длинными рѣсницами, черными закручен-

ными усами, черной эспаньолкой и черными кудрявыми волосами, съ синими глянцовитыми оттѣнками; одѣтъ онъ превосходно: темная коротенькая жакетка, панталоны — de fantasie, какъ говорятъ портные, клѣтчатый кашмировый жилетъ, на которомъ болтается тяжеловѣсная цѣпочка... пестро, но со вкусомъ; на груди его сіяетъ ослѣпительной бѣлизны батистовая рубашка съ откидными полукруглыми воротниками, перехваченными бантомъ шелковаго галстука, повязаннаго съ изящною небрежностью въ одинъ оборотъ; руки его, съ длинными ногтями, унизаны безчисленнымъ множествомъ дорогихъ перстней, изъ которыхъ одинъ, особенно блестящій, помѣщается всегда на ногтѣ большаго пальца правой руки; кожа на оконечностяхъ этихъ рукъ такъ тонка, что Тохтамышеву, кажется, ровно ничего не значило, да и въ самомъ дѣлѣ ничего не значило, узнать ощупью, пожалуй, хоть въ потемкахъ, масть какой угодно карты; для этого ему стоило только провести руками по фигурѣ карты, ощупать толщину краски, и карта сама собою сказывалась — искусство, приводившее не разъ въ справедливое смущеніе товарищей, просиживавшихъ съ нимъ ночи за зеленымъ столомъ.

Повернувшись къ Бобохову, Аркадій Тохтамышевъ протянулъ ему кончики своихъ драгоцѣнныхъ пальцевъ и, сказавъ: А! здравствуйте, Иванъ Дормидонычъ! вошелъ въ гостиную, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ будто въ карманахъ его была огромная тяжесть.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно... чрезвычайно пріятно... мм... мм... м... очень радъ, заговорилъ Бобоховъ, стараясь обуздать восторгъ, который, не находя, вѣроятно, другаго исхода, страшнѣйшимъ образомъ раздувалъ его щеки.

— Какими судьбами въ Москвѣ? спросилъ Тохтамышевъ, глядя въ окно и, очевидно, думая о другомъ.

— Скучно въ деревнѣ... и притомъ хотѣлось поговорить съ здѣшними артистами насчетъ моихъ музыкантовъ... двадцать одинъ человѣкъ въ оркестрѣ... Надѣюсь, вы дадите мнѣ добрый совѣтъ, къ кому именно обратиться, повѣствовалъ Бобоховъ, протискиваясь также къ окну и стараясь попасть въ лучъ зрѣнія свояка: — у меня, вотъ видите-ли, три наемные музыканта, удивительнѣйшіе таланты! Я хочу образовать изъ нихъ, то есть сдѣлать primo... Ахъ, виноватъ, какъ здоровье Натальи Кирилловны?

— Ничего; что ей дѣлается... Впрочемъ не знаю, сказалъ Тохтамышевъ, оттопыривая верхнюю губу и наводя глаза на собственные усы свои.

— Чрезвычайно пріятно... не прикажите-ли сигару?... Эй, человѣкъ, свѣчу!

Тохтамышевъ взялъ сигару, развалился въ кресло и первый разъ обратилъ вниманіе на собесѣдника.

— Да, такъ вы здѣсь насчетъ музыкантовъ. Что-жъ, хорошо, доброе дѣло, вымолвилъ онъ, протягивая ноги, закидывая назадъ завитую, напомаженную свою голову и небрежно закуривая сигару: — о-о-очень хорошо; стало быть... (тутъ Аркадій Алексѣевичъ окончательно уже навелъ свои сѣрые глаза на Бобохова и прибавилъ, соисходительно улыбнувшись): Стало быть, любезный нашъ Иванъ Дормидонычъ привезъ съ собой много денегъ? а?...

— Да, отвѣчалъ тотъ: — а впрочемъ, вы знаете, у меня всегда есть деньги... я положилъ двѣ тысячи...

— Только-то? перебилъ съ живостью Тохтамышевъ: — ту, милѣйшій мой, съ этимъ вы въ Москвѣ недалеко уѣдете...

— Какъ, и вы думаете, ха! ха! ха! вы думаете всего-на-все двѣ тысячи? Какъ это можно, помилуйте! Это, разумѣется, для образованія трехъ музыкантовъ, о которыхъ я вамъ говорилъ. У меня съ собою покуда десять тысячъ серебромъ, безпечно отвѣчалъ выскочка, увеличивая ровно вдвое привезенную имъ сумму, для того, вѣроятно, чтобъ выиграть какъ можно больше въ мнѣніи свояка, которое было для него всего дороже.

— Ну, то-то, то-то! спокойно возразилъ Тохтамышевъ, между тѣмъ, какъ глаза его запрыгали по всей комнатѣ, такъ что онъ съ трудомъ могъ удерживать ихъ наконецъ на собесѣдникѣ: — то-то! Ну, Иванъ Дормидонычъ, разсказывайте, разсказывайте, какія ваши намѣренія, что думаете дѣлать въ Москвѣ, продолжалъ онъ развязно: музыка сама по себѣ; не ей же, я полагаю, посвятите вы исключительно свое время! Москва, какъ нарочно, необыкновенно весела нынѣшнее лѣто; скажите-ка, напримѣръ, что намѣрены вы дѣлать сегодня; неужто отдыхать?...

— Помилуйте, какъ это можно! ха! ха! ха! что вы! я и не думалъ отдыхать; какой отдыхъ, ха! ха! ха!... смѣшно даже, ей-Богу! поспѣшно отвѣчалъ Бобоховъ.

— То-то, перебилъ Тохтамышевъ: — предоставьте это какому-нибудь столѣтнему помѣщику, который тащится въ Москву сто лѣтъ на своихъ... кто нынче отдыхаетъ? никто! Порядочный человѣкъ сдѣлаетъ пять тысячъ верстъ, пріѣхалъ, напримѣръ, въ три часа, въ пять — на обѣдъ, въ семь — въ театръ, въ двѣнадцать —

въ клубѣ или маскарадѣ... Итакъ, что-жъ вы думаете сегодня, любезнѣйшій Иванъ Дормидонычъ?

— Я только-что хотѣлъ одѣваться и ѣхать повидаться съ Натальей Кирилловной...

— Ну, вотъ еще! очень нужно! что за нетерпѣнье. Какъ-будто между вами такая ужъ въ самомъ дѣлѣ родственная любовь, что дня не можете провести въ разлукѣ; успѣете еще двадцать разъ повидаться съ нею.

— О, я совсѣмъ не то, чтобъ.. но такъ, просто, хотѣлось... знаете...

— Ну, да что объ этомъ толковать! По-моему, вотъ что: одѣваться таки извольте тебѣ, но вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ сестрицѣ, поѣдемте-ка лучше обѣдать къ Шевальѐ. Который часъ?... Скоро четверть пятаго; пока одѣнетесь, будетъ самое время, сказалъ Тохтамышевъ, приподнимаясь съ мѣста.

— Ахъ, чрезвычайно-пріятно! Я и самъ думалъ... Эй! одѣваться! Извините, я васъ на минуту оставлю, торопливо заговорилъ Бобоховъ, который, при мысли ѣхать вмѣстѣ съ Тохтамышевымъ и явиться съ нимъ рука-объ-руку въ первомъ московскомъ кафе-ресторанѣ, никакъ не могъ сохранить должнаго равнодушія.

— Можете, впрочемъ, не торопиться, успѣете еще, возразилъ Тохтамышевъ, вооружаясь шляпой.

— Какъ, развѣ мы не вмѣстѣ?...

— Нѣтъ; мнѣ надо еще кой-куда заѣхать; въ пять часовъ я буду у Шевальѐ; до свиданія! заключилъ своякъ, надѣвая шляпу въ дверяхъ гостиной и ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ выходя въ смежную комнату.

Оставшись наединѣ, Тохтамышевъ проявилъ, однакожъ, необыкновенную живость, смѣшанную съ пожирающимъ нетерпѣніемъ, которое заискрилось въ сѣрыхъ глазахъ его. Усаживаясь въ наемную карету, онъ не переставалъ потирать руки, причемъ драгоцѣнныя оконечности его пальцевъ пришли въ такое движеніе, какъ-будто разыгрывали на фортепіано самую трудную сонату.

Бобоховъ между тѣмъ послалъ нанять лучшую извозчичью карету и, юркнувъ за портьеру, началъ одѣваться. Въ сердцѣ его ни малѣйшей досады къ великолѣпному родственнику; непреклонная мечта сойтись и сдружиться съ своякомъ и показываться съ нимъ всюду рука-объ-руку, не дававшая покоя Бобохову съ той самой минуты, какъ двоюродная сестра его вышла за Тохтамы-

шева, могла еще осуществиться. Времени оставалось много впереди, отчаяваться было нечего. Не удалось сегодня, удастся въ другой разъ, такъ разсуждалъ Иванъ Дормидоновичъ, и чувство маленькаго неудовольствія, возникшее въ душѣ его по поводу настоящей неудачи, снова замѣнилось величайшимъ уваженіемъ къ дендизму Аркадія Алексѣевича.

Слѣдя внимательно за стрѣлкою часовъ, чтобъ не запоздать минутой и, совсѣмъ тѣмъ, не пріѣхать раньше назначеннаго срока, Бобоховъ вышелъ наконецъ въ гостиную.

— Шляпу! крикнулъ онъ, самодовольно вертясь передъ зеркаломъ, отражавшимъ длинный бѣлый жилетъ. Надѣвъ шляпу, онъ снова принялся охорашиваться передъ зеркаломъ, но взглянулъ на часы и вдругъ бросился сломя голову вонъ изъ нумера. Минуту спустя, великолѣпная карета проглотила выскочку, и рысьи глазки его вмѣстѣ съ носомъ и усиками снова исчезли для свѣта. У Шевальѐ было довольно много посѣтителей. Бобоховъ обратился къ лакею и спросилъ во всеуслышаніе, не пріѣхалъ-ли господинъ Тохтамышевъ.

— Пріѣхали-съ; они изволятъ быть въ красной комнатѣ...

— Одинъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, съ ними господинъ Чиндаласовъ и Петръ Степанычъ Крановъ.

Бобоховъ, наслышанный еще въ провинціи о необычайномъ изяществѣ и свѣтскомъ значеніи Чиндаласова (Чиндаласовъ былъ изъ той-же губерніи, какъ и Бобоховъ), почувствовалъ нѣкоторую робость и щеки его мгновенно покрылись краской; но это продолжалось секунду; онъ кашлянулъ и вошелъ въ красную комнату.

— Господа, рекомендую вамъ добраго моего пріятеля, Ивана Дормидоныча Бобохова, сказалъ Тохтамышевъ, подводя родственника къ Чиндаласову, господину съ круглымъ, цвѣтущимъ, смѣющимся лицомъ, черными обстриженными бакенбардами и необычайно-выпуклою грудью, украшенною плюшевымъ жилетомъ ярко изумруднаго цвѣта:—Петръ Степанычъ Крановъ! Иванъ Дормидонычъ Бобоховъ, продолжалъ Тохтамышевъ, сводя родственника со вторымъ господиномъ. Второй господинъ, человѣкъ лѣтъ сорока, совершенно-лысый, толстый, приземистый, съ живыми буро-зеленоватыми глазками; черный длинный сюртукъ, стариковскаго покроя, придавалъ ему самый почтенный видъ. Два господина протянули

руки Бобохову, который сказалъ каждому изъ нихъ, что ему чрезвычайно пріятно.

Обѣдъ начался. Съ начала до конца обѣда Бобоховъ млѣлъ и замиралъ отъ восхищенья; робость тотчасъ-же уступила мѣсто тому легкому, свободному чувству, какое ощущаешь въ обществѣ истинно-порядочныхъ людей. Благодаря этой свободѣ, ему легко было вслушиваться въ каждое слово трехъ собесѣдниковъ, слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ, и если такой трудъ казался иной разъ крайне-затруднительнымъ, потому-что часто три собесѣдника говорили вмѣстѣ, Бобоховъ не падалъ, однакожъ, духомъ и продолжалъ ревностно наблюдать, въ надеждѣ уловить хотя самую малость, которая современемъ могла-бы послужить ему съ пользою, когда онъ снова вернется въ кругъ уѣздныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Дѣлая свои наблюденія, Бобоховъ не пропускалъ случая блеснуть ученостью; но потому ли, что три собесѣдника находили ученую бесѣду несовмѣстною съ роскошнымъ обѣдомъ, или просто не было въ нихъ большого сочувствія къ наукамъ — попытки Ивана Дормидоновича оказались совершенно-безуспѣшными. Онъ не былъ, впрочемъ, въ претензіи: Бобоховъ охотно промѣнялъ бы свою ученость на чистичку той свѣтскости, какою отличались три собесѣдника; его особенно приводила въ восхищеніе любезность Чиндаласова, который, къ концу обѣда, усѣлся подлѣ него и засыпалъ его вопросами о томъ, каковы урожаи, что говорятъ о предстоящемъ покосѣ и есть-ли вообще надежда свести, нынѣшній годъ, концы съ концами. — Потому-что, прибавилъ Чиндаласовъ: — съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ деревнѣ, то-есть мѣсяцъ тому назадъ, многое могло измѣниться...

— Какъ, мѣсяцъ тому назадъ вы были въ нашихъ краяхъ? Чрезвычайно сожалѣю, что не зналъ этого!...

— Да, мѣсяцъ тому назадъ... и, повѣрите-ли, господа? очень пріятно провелъ время! Тамъ встрѣтилъ я, между прочимъ, одну черненькую съ усиками... какъ бишь ее?... да, Кошкина...

— Знаю, знаю; помилуйте! какъ не знать! о-о-очень даже хорошо знаю!... произнесъ Бобоховъ, готовый въ эту минуту разоблачить сокровеннѣйшія тайны своего сердца.

— Да полно тебѣ, Чиндаласовъ; ну, что ты его угощаешь провинціей! Я думаю, она и безъ того ему надоѣла. Онъ пріѣхалъ въ Москву совсѣмъ не затѣмъ, чтобъ слушать новости своего уѣзда... сказалъ Тохтамышевъ.

— Господа! неожиданно забасилъ Крановъ:—замѣтили-ли вы, что другъ нашъ, Тохтамышевъ, склоненъ нынче къ нравоученіямъ, да и вообще онъ какъ-то не въ своей тарелкѣ... а! а! подхватилъ Крановъ, пуская густую восклицательную ноту изъ своего жирнаго горла:—у меня совсѣмъ изъ головы вышло: вѣдь сегодня балетъ, и онъ состоитъ на дежурствѣ!... Да, ну такъ, такъ! вотъ вамъ и разгадка...

— Какъ, развѣ Лизавета танцуетъ сегодня? спросилъ Чиндаласовъ.

— Танцуетъ и, хочешь знать, участвуетъ даже въ pas de quatre, отвѣчалъ Тохтамышевъ.

Чиндаласовъ предложилъ сначала тостъ въ честь хорошенькихъ женщинъ, потомъ въ честь Ивана Дормидоныча; тостъ принятъ былъ съ большимъ воодушевленіемъ. Хотя обращеніе съ Бобоховымъ, отъ начала до конца обѣда, проникнуто было легкой ироніей и удовольствіе написано было на всѣхъ лицахъ, ни одно изъ нихъ не обнаружило малѣйшаго слѣда буйнаго веселья, свойственнаго однимъ лишь невоспитаннымъ людямъ.

Замирая и млѣя отъ восхищенія, Бобоховъ изъявилъ трогательную благодарность за сдѣланную ему честь и началъ упрашивать присутствовавшихъ пріѣхать къ нему въ гостинницу.

— Итакъ, дѣло рѣшеное, сказалъ Тохтамышевъ, бросая знаменательный взглядъ на двухъ пріятелей:—мы празднуемъ сегодня возвращеніе моего родственника; послѣ театра—всѣ къ нему!

Такое предложеніе скрѣплено было новымъ искреннимъ пожатіемъ рукъ, и общество поѣхало въ театръ.

Первое дѣйствіе балета было уже на половинѣ, когда Тохтамышевъ, Чиндаласовъ, Крановъ и Бобоховъ показались въ залѣ. Шумное появленіе четырехъ джентльменовъ обратило на нихъ общее вниманіе, и даже многія почтенныя особы прекраснаго пола, движимыя, должно-быть, чувствомъ изящнаго, повернулись тотчасъ же спиною къ сценѣ, чтобъ навести свои бинокли на усы Тохтамышева. Но Тохтамышевъ привыкъ уже получать дань очаровательныхъ улыбокъ и взглядовъ, возбуждаемыхъ его наружностью, и потому, нимало не измѣняясь въ лицѣ, не оттопыривая даже груди, продолжалъ идти тѣмъ-же ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ по первому ряду, гдѣ было у него абонированное кресло. Бобоховъ и Чиндаласовъ послѣдовали за нимъ; одинъ Крановъ остался позади и усѣлся съ философскимъ спокойствіемъ на первомъ порожнемъ мѣстѣ. Какъ

человѣку солидному, положительному, давно отказавшемуся отъ всѣхъ возможныхъ претензій и чуждому притомъ мелочнаго самолюбія, свойственнаго однимъ молодымъ людямъ, Петру Степановичу Крапову было все равно, гдѣ-бы ни сидѣть, лишь-бы спокойнѣе дождаться окончанія спектакля и вознаградить себя потомъ легонькой карточной игрою — занятіе мирное, тихое, соотвѣтствовавшее, какъ нельзя болѣе, солиднымъ наклонностямъ Петра Степановича.

Въ первыя минуты своего пребыванія въ первомъ ряду, Бобоховъ ничего не видитъ ни впереди себя, ни подлѣ; рысьи глазки его, совершенно заслоненные щеками, не успѣвшими еще опуститься со времени торжественнаго шествія его по партеру съ Тохтамышевымъ, начинаютъ, однакожъ, мало-по-малу выглядывать изъ-за своей засады, устремляются на сцену, обводятъ бель-этажъ, повертываются на стороны и вдругъ, подобно тому, какъ прячется голова черепахи при видѣ непріятеля, снова исчезаютъ за щеками. Причина такого неожиданнаго маневра та, что рысьи глазки наткнулись прямо на Аристарха Ѳедоровича Балахнова, величественно сидѣвшаго на сосѣднемъ креслѣ. Между двумя сосѣдями замѣтно сначала нѣкоторое колебаніе, но оно продолжается секунду; Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ человѣкъ съ возвышенными понятіями, даетъ почувствовать выскочкѣ, что учтивость есть первый долгъ каждаго образованнаго гражданина. Онъ слегка наклоняетъ голову и, получивъ въ отвѣтъ такое-же точно привѣтствіе, опускается на локоть и шепчетъ въ ухо сосѣду: „Давно въ Москвѣ?“ — „Полтора часа тому назадъ!“ отвѣчаетъ Бобоховъ, желая озадачить сосѣда своею неутомимостью, признакомъ, какъ говоритъ Тохтамышевъ, отличающимъ джентльмена отъ всякаго другаго смертнаго. „Вы, кажется, если не ошибаюсь, вошли сюда съ Чиндаласовымъ?“ продолжалъ разспрашивать Балахновъ: „вы съ нимъ знакомы?“ — „Да, это мой добрый пріятель“, небрежно отвѣчалъ Бобоховъ: „а впрочемъ, я пріѣхалъ въ театръ съ братомъ Тохтамышевымъ... вы знакомы съ Чиндаласовымъ?“ — „Нѣтъ; но я часто встрѣчался съ нимъ у насъ, на губернскихъ выборахъ...“ Громкій взрывъ аплодисментовъ, раздавшійся на противоположномъ концѣ перваго ряда и подхваченный съ другихъ сторонъ, прерываетъ бесѣду. Бобоховъ поспѣшно поворачивается къ сценѣ и начинаетъ хлопать, желая, вѣроятно, убѣдить величаваго своего сосѣда, что принимаетъ живѣйшее участіе въ закулисныхъ интересахъ Тохтамышева

и Чиндаласова. Аристарху Ѳедоровичу нѣтъ, повидимому, никакого дѣла до того, что происходитъ на сценѣ; онъ пріѣхалъ въ театръ вовсе не съ тѣмъ, чтобъ посмотрѣть новый балетъ; другія мысли управляли Балахновымъ, когда онъ сбирался въ театръ; другія мысли занимаютъ дипломатическую его голову съ той минуты, какъ онъ вступилъ въ залу спектакля. Онъ бросаетъ насмѣшливую улыбку выскочкѣ, величественно выпрямляется на стулѣ и наводитъ уголъ глаза на крайнюю ложу бель-этажа, въ которой помѣщается роскошная Софья Алексѣевна Окатова. Окатова наводитъ бинокль на первый рядъ; грудь Аристарха Ѳедоровича, прикрытая чернымъ бархатнымъ жилетомъ, принимаетъ неожиданно гигантскіе размѣры, и лицо его выражаетъ столько благородства, что, взглянувъ на него, Окатова поневолѣ должна будетъ почувствовать угрызеніе совѣсти за исторію, происшедшую между ея мужемъ и Балахновымъ.

Дѣло кончено; долина пропала; вражда между „Ханскими-Прудами“ и „Большими-Солями“ не можетъ быть исправлена никакими человѣческими силами — все это такъ; но пускай-же гордая эта женщина унесетъ съ собою, по-крайней-мѣрѣ, вѣчное раскаяніе въ томъ, что прежде не съумѣла оцѣнить достойнаго и благороднаго Балахнова.

А между тѣмъ наступилъ антрактъ; шумъ подымается страшный; Чиндаласовъ, Тохтамышевъ, еще нѣсколько театраловъ и за ними Бобоховъ потрясаютъ залу громкими рукоплесканіями. Но Аристархъ Ѳедоровичъ, отданный весь своей мысли, ничего не замѣчаетъ: онъ продолжаетъ наводить уголъ глаза на крайнюю ложу бель-этажа. Замѣтивъ, что предметъ его наблюденій покидаетъ ложу и намѣренъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, прогуляться по фойе, Балахновъ приподымается съ своего мѣста и предпринимаетъ такое-же точное намѣреніе. Очутившись противъ восьмого ряда, онъ останавливается и подзываетъ къ себѣ Аполлона Егоровича Дрянкова.

— Гдѣ-жъ Васильковъ? спрашиваетъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Убѣжалъ изъ театра, безпечно отвѣчалъ авторъ „Непризнанной Индѣйки“.

— Какъ? отчего?...

— Въ театрѣ Фанагорія Петровна...

Балахновъ обводитъ глазами ложи и вскорѣ отыскиваетъ въ четвертомъ ярусѣ красное лицо, выглядывающее изъ-подъ красной шали и увѣнчанное красной наколкой; онъ поспѣшно опускаетъ

глаза, принимаетъ разсѣянный видъ и покидаетъ кресла. Войдя въ корридоръ, Аристархъ Ѳедоровичъ осматривается на всѣ стороны, обдумывая, какъ-бы удобнѣе пройти въ фойе, но вдругъ изъ-за угла выскакиваетъ Порфирій Павловичъ и схватываетъ его за руку.

— Вы мой благодѣтель... я васъ нарочно ждалъ... что мнѣ дѣлать?... поставленъ въ самое непріятное положеніе... ахъ, какой анекдотъ! говоритъ Васильковъ, устремляя тоскливо-безпокойный взоръ на собесѣдника: — здѣсь Фанагорія Петровна! продолжаетъ онъ, понижая голосъ: — надо смотрѣть съ точки... вы понимаете, Аристархъ Ѳедоровичъ, наши несчастныя отношенія! Я не могу оставаться въ театрѣ...

— Вотъ вздоръ какой! Сиди себѣ и дѣлай видъ, какъ-будто не замѣчаешь ея...

— Невозможно, Аристархъ Ѳедорычъ, невозможно! восклицаетъ Васильковъ, приподымая брови: — все равно, она меня увидитъ, тогда... тогда такая, знаете, можетъ выйти исторія, просто публичная исторія; нѣтъ, ужъ лучше я посижу въ буфетѣ и къ концу спектакля буду ждать васъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

— Какъ хочешь, разсѣянно отвѣчаетъ Балахновъ, направляясь въ фойе.

Въ это время шумъ въ креслахъ умолкаетъ къ неописанному удовольствію Фанагаріи Петровны, которая можетъ, наконецъ, наслаждаться въ волю мелодическими звуками оркестра. Услаждая свой слухъ музыкою, напоминающею ей сладкозвучныя трели соловушки, она не спускаетъ въ то-же время томныхъ глазъ съ усовъ великолѣпнаго Тохтамашева, изящнаго Чиндаласова и другихъ театраловъ, которые сгруппировались подлѣ оркестра. Къ нимъ, то съ одной стороны, то съ другой, жмется Бобоховъ; его, однакожъ, не замѣчаютъ, и выскочка, желая, вѣроятно, показать, что такое невниманіе относится вовсе не къ нему, добровольно удаляется отъ кружка театраловъ и, страшно раздувъ щеки, начинаетъ расхаживать по серединѣ залы.

— Здравствуйте, monsieur Бобоховъ, произноситъ за нимъ грубоватый, порывчатый голосъ.

Онъ оборачивается назадъ: видъ, хотя гордый, но далеко не джентльменской наружности Дрянкова смущаетъ его; онъ останавливается.

— Я не зналъ, что вы въ Бѣлокаменной; давно пріѣхали? продолжалъ Аполлонъ Егоровичъ.

— Часа полтора назадъ... а вы зачѣмъ сюда пріѣхали?...

— Я печатаю здѣсь послѣдній свой романъ, отвѣчалъ Дрянковъ, возвышая голосъ и косясь самодовольно на сосѣднія кресла: — въ Москвѣ печатанье какъ-то дешевле; я знаю это по опыту; для меня этотъ пунктъ очень важенъ въ настоящемъ случаѣ, потому-что печатаю, вопервыхъ, на свой счетъ и притомъ отдѣльнымъ изданіемъ. Въ журналы какъ здѣшніе, такъ и петербургскіе положилъ зарокъ ничего не давать; не раздѣляю ихъ взгляда; къ тому-же, дашь въ одинъ журналъ, другой будетъ въ претензіи, и т. д. Непріятно!

— Очень радъ буду прочесть ваше произведеніе; я постоянно слѣжу за отечественной литературой и самъ писалъ довольно много... подъ псевдонимомъ, pseudonime. Читали вы свой романъ какому-нибудь знатоку?...

— То-есть, такъ, изъ любопытства, для того болѣе, чтобъ собрать общее мнѣніе... я читалъ его на здѣшнихъ литературныхъ вечерахъ...

— Очень-бы хотѣлось послушать ваше произведеніе; я много читалъ... чтеніе образуетъ вкусъ; притомъ я люблю читать произведенія знакомыхъ мнѣ людей, произнесъ Бобоховъ смягченно-покровительственнымъ тономъ, которымъ не оскорбился, однакожъ, Дрянковъ, потому-что радостно принялъ предложеніе и обѣщалъ даже явиться въ слѣдующее утро.

— Съ кѣмъ это вы тамъ разговаривали? спросилъ изящный Чиндаласовъ, когда Бобоховъ вернулся въ первый рядъ.

— А! это одинъ бѣдный человѣкъ, человѣкъ, впрочемъ, съ огромнымъ талантомъ. Онъ просилъ меня прослушать, передъ печатаніемъ, его новый романъ, отвѣчалъ Иванъ Дормидонычъ, обнаруживая снисходительное участіе.

Чиндаласовъ переглянулся съ Тохтамышевымъ, и оба поспѣшили отвернуться къ оркестру.

Въ остальное время спектакля не случилось ничего особенно-замѣчательнаго съ нашими героями.

Аристархъ Ѳедоровичъ продолжалъ выпрямлять грудь и олицетворять высшее благородство, наводя въ то же время уголъ глаза на крайнюю ложу; Фанагорія Петровна слушала въ антрактахъ музыку, бросая томные взгляды съ высоты четвертаго яруса на усы Тохтамышева; солидный Петръ Степановичъ Краповъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, скучалъ страшно и думалъ о томъ

только, какъ возгнаградить себя легонькою карточною игрою; Порфирій Павловичъ продолжалъ сидѣть въ пустомъ буфетѣ, курилъ трубку за трубкой и, выжидая, съ замираніемъ сердца, окончанія спектакля, заводилъ, для развлеченія, очень-пріятное знакомство съ прислужниками. Наконецъ часъ освобожденія пробилъ. Стукъ каретъ возвѣстилъ окончаніе спектакля; принявъ всевозможныя предосторожности, чтобъ не встрѣтиться какъ-нибудь съ страшной тёщей, Васильковъ, закутанный съ головы до ногъ плащомъ, отыскалъ вскорѣ Аристарха Ѳедоровича и успокоился тогда только, когда очутился вмѣстѣ съ этимъ великимъ мужемъ на лѣстницѣ одного клуба.

Бобоховъ летѣлъ, между-тѣмъ, домой во всю прыть быстроногихъ коней. Тохтамышевъ, отправляясь на актерскій подъѣздъ, гдѣ были у него свои дѣла, сказалъ, что Чиндаласовъ, Краповъ и еще кое-кто изъ пріятелей поѣхали прямо въ гостинницу и, вѣроятно, ждутъ теперь самого хозяина. Тохтамышевъ угадалъ вѣрно: Бобоховъ нашелъ въ своемъ нумерѣ многочисленное общество, въ которомъ знакомыя ему лица были только Краповъ и Чиндаласовъ. Но это ничего. „Пріятели моихъ пріятелей, по всей справедливости, должны быть и моими пріятелями“. Бобохову чрезвычайно пріятно; на щекахъ его замѣтно даже явное усиліе подавить въ себѣ яростные порывы восторга. Содержатель гостинницы получаетъ тайный приказъ распорядиться немедленно насчетъ блистательнаго ужина, а между-тѣмъ три музыканта изъ Голодаевки, въ сопровожденіи Корнея, снабженные приличными наставленіями и одѣтые въ красные жилеты и синіе фраки, обшитые галунами, разносятъ на серебряныхъ подносахъ чай и самыя тонкія печенья, какія только можно отыскать въ древней столицѣ. Гости необыкновенно веселы... Чрезвычайно-пріятно! Между ними особенно отличается одинъ почтенный сѣденькій старичекъ, котораго зовутъ не иначе, какъ Коленъ, Colin; но это ничего; есть еще и другой старичекъ, съ широкимъ рябымъ лицомъ, привинченнымъ непосредственно къ сгорбленнымъ плечамъ; но это также ничего: Бобохову чрезвычайно пріятно; оба они необыкновенно любезны и очевидно принадлежатъ къ обществу Чиндаласова. Пріѣзжаетъ Тохтамышевъ, и Ивану Дормидоновичу дѣлается еще пріятнѣе. Веселый смѣхъ и говоръ разносится далеко и, вѣроятно, проникаетъ въ ближайшіе нумера аристократической гостинницы.

— Господа! произноситъ густымъ басомъ Петръ Степановичъ

Краповъ, и вслѣдъ затѣмъ выставляетъ впередъ свое открытое, добродушное лицо:—господа, пріятная бесѣда, конечно, дороже всего; она, нѣтъ сомнѣнія, услаждаетъ сердце и просвѣщаетъ разумъ, я готовъ слушать васъ до завтрашняго утра, еслибъ не безпокойная натура моя: натура моя, долженъ я вамъ сказать, никакъ не можетъ обойтись безъ дѣятельности; я разумѣю матеріальную и притомъ стариковскую дѣятельность.

Шутливая выходка Крапова возбуждаетъ веселый хохотъ.

— Иванъ Дормидонычъ, продолжаетъ добродушный Петръ Степановичъ:—прикажите поставить ломберный столикъ...

— Ахъ, чрезвычайно пріятно! Эй, ломберные столы! восклицаетъ Бобоховъ.

Столы принесены.

— А вы, Иванъ Дормидонычъ, не играете?

— Какже, играю... очень даже люблю-съ...

— Да; но только я долженъ объявить тебѣ, Петръ Степанычъ, перебилъ Тохтамышевъ, покручивая усы:—что любезнѣйшій мой родственникъ играетъ не иначе, какъ по сту рублей фишку...

— Что жъ! меньше... меньше не стоитъ, разсѣянно сказалъ Бобоховъ.

— О!

— О!

— О! повторилъ, въ свою очередь, изящный Чиндаласовъ, ходившій во все это время по комнатѣ.

— Я долженъ вамъ объявить, однакожъ, любезный Иванъ Дормидонычъ, что такъ можно играть только въ азартныя карты, гдѣ большею частью игрокъ воленъ отстать отъ игры, когда хочетъ, и снова пристать къ игрѣ, когда ему заблагоразсудится, произнесъ добродушный Краповъ.

— Я иначе не играю, какъ въ азартныя игры; коммерческія какъ-то скучны.

— Я совершенно согласенъ съ Иваномъ Дормидонычемъ, проговорилъ Чиндаласовъ, значительно выпучивая грудь и проводя рукою по изумрудному жилету: — отказываясь постоянно въ клубѣ отъ коммерческихъ игръ, я всегда очень охотно сажусь играть въ палки: игра все-таки болѣе или менѣе возбудительная.

— Что-жъ? хочешь играть? спросилъ его Тохтамышевъ.

— Пожалуй; но съ кѣмъ-же? Развѣ ты сядешь? Къ тому-же, изъ насъ, кажется, никто не играетъ по сту рублей на фишку... Попробовать развѣ для шутки, такъ на одну карту съ Иваномъ Дормидонычемъ?...

— Ахъ, чрезвычайно пріятно!... Эй, карты! закричалъ Бобоховъ, самодовольно раздувая щеки.

— Ну, господа, какъ ни хочется мнѣ сѣсть въ преферансъ съ „Колѐнемъ“, я, однакожъ, подсяду къ вамъ на минутку: любопытно посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ... Если хотите даже, Иванъ Дормидонычъ, я буду держать за васъ....

— Ахъ, чрезвычайно пріятно!...

— А я за Чиндаласова, сказалъ Тохтамышевъ.

„Колѐнъ“, рябой господинъ и за ними остальная компанія расположились вокругъ играющихъ.

Ничего не можетъ быть увлекательнѣе игры! Это доказываетъ самымъ положительнымъ образомъ Петръ Степановичъ Крановъ, который, не смотря на свою солидность, никакъ не можетъ оторваться отъ играющихъ, забылъ, повидимому, свой преферансъ, а къ концу самъ принимаетъ дѣятельное участіе въ игрѣ и — кто-бы этому повѣрилъ? — ставитъ даже сто рублей на карту. Но вотъ что дурно: Чиндаласовъ проигралъ, и проигралъ порядочно. Бобохову чрезвычайно пріятно, но, совсѣмъ тѣмъ, онъ старается показать, что смущенъ такимъ обстоятельствомъ. Чиндаласовъ говоритъ, что не хочетъ больше играть, уступаетъ свое мѣсто Тохтамышеву, а самъ изъявляетъ желаніе держать сторону Бобохова. На этомъ основаніи онъ садится подлѣ выскочки и строго наблюдаетъ за его игрою; вниманіе изящнаго Чиндаласова равно также обращается и на драгоцѣнные пальцы Тохтамышева, которые, вооружившись разъ картами, начинаютъ снова разыгрывать трудную и чрезвычайно-сложную и замысловатую сонату; вслушиваясь, должно быть, умственнымъ слухомъ въ эту сонату и обвороженный ея тайнымъ, глубокимъ смысломъ, изящный Чиндаласовъ продолжалъ снабжать Бобохова полезными совѣтами, и Бобоховъ проигрываетъ огромный кушъ. Лицо Ивана Дормидоныча принимаетъ такое выраженіе, какъ будто онъ проглотилъ рыбью кость и хочетъ скрыть это несчастіе отъ присутствующихъ. Наружность Тохтамышева сохраняетъ невозмутимое спокойствіе, какъ будто и не онъ выигралъ, а если и выигралъ, такъ ему совершенно все равно. Digne et calme — вотъ девизъ Тохтамышева, девизъ

каждаго, впрочемъ, джентльмена. Бобоховъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобъ послѣдовать примѣру своего родственника: принимаетъ по возможности спокойный видъ и хочетъ оставить игру. Но добродушный Петръ Степановичъ, проникнутый истиннымъ участіемъ къ проигравшему, никакъ этого не допускаетъ; онъ говоритъ, что такъ нельзя, что любезнѣйшій Иванъ Дормидонычъ долженъ непремѣнно отыграться, что самъ готовъ за него играть, а если нѣтъ, то ужъ, во всякомъ случаѣ, станетъ держать его сторону.

Игра продолжается...

Шесть часовъ утра. Въ пятомъ нумерѣ аристократической гостинницы не раздается веселаго говора. Тамъ уже никого нѣтъ. Я, разумѣется, не считаю престарѣлаго Корнея, который стоитъ посереди гостиной, опустивъ руки, и осматриваетъ стѣны, окна, столы и полъ, покрытый пылью, устланный картами, раздавленными кусочками мѣла, объѣдками блистательнаго ужина и тѣми фестонами, которые отпечатываются на паркетѣ франтовскими узенькими каблуками...

Корней отворяетъ окно, потому что въ гостиной такая духота, что ему даже стало какъ-то тяжело. „Вотъ тебѣ и городъ-столица! Нечего сказать, приличная губернія... да, ужъ нечего сказать, и эти-то господа того... обчистили, ободрали, какъ липку!“ думаетъ Корней. Затѣмъ онъ припоминаетъ подробности минувшаго вечера, припоминаетъ лицо Ивана Дормидоновича послѣ того, какъ гости уѣхали — лицо съ обвислыми щеками, и, бросивъ новый взглядъ на полъ, покрутивъ старческой головой, принимается приводить въ порядокъ растрепанный видъ гостиной.

XXI.

Аристархъ Ѳедоровичъ, вѣрный своей цѣли, увеселяетъ Порфирія Павловича и вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ собственныхъ дѣлъ своихъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ уже извѣстно, украшалъ своимъ присутствіемъ первый нумеръ той-же аристократической гостинницы и, смѣло можно сказать, проводилъ время какъ-нельзя пріятнѣе. Онъ перезаложилъ уже свои двѣсти душъ. Это было, впрочемъ, первымъ его дѣломъ по пріѣздѣ въ Москву — первымъ, да, но далеко не главнымъ: главныя дѣла еще впереди!

Что такое деньги для Аристарха Ѳедоровича, величайшаго человѣка изъ всѣхъ великихъ мужей горшковской почвы?— ровно ничего и вмѣстѣ съ тѣмъ очень много. Ничего, потому что великіе люди вообще, и Аристархъ Ѳедоровичъ въ особенности, чужды мелкихъ чувствъ и разсчетовъ; очень много, потому что всѣ великіе люди смотрятъ на золотого тельца, какъ на средство, необходимое для осуществленія великихъ плановъ и замысловъ. Потому-то, вѣроятно (такъ, по крайней мѣрѣ, замѣчено было), всѣ великіе люди, глядя съ этой точки зрѣнія на золотого тельца, стараются всегда выбирать его какъ можно крупнѣе и надежнѣе. По той-же причинѣ, вѣроятно, и Аристархъ Ѳедоровичъ заботился всегда такъ усердно о томъ, чтобъ въ карманахъ его находилось, по возможности, болѣе презрѣннаго металла. Мало того: принимая, должно быть, въ соображеніе страшную потерю, которую понесетъ человѣчество въ случаѣ, если идеи его не примутъ надлежащаго хода, онъ не только надсажалъ золотого тельца, назначеннаго для осуществленія этихъ идей, но даже окончательно морилъ его непосильною работой.

Я сказалъ уже, что Балахновъ пріятно проводилъ время; онъ, однакожъ, не искалъ развлеченій; удовольствія, встрѣчавшіяся на пути его, были, большею частью, случайныя и вовсе не зависѣли отъ него; онъ посѣщалъ всѣ клубы, не пропускалъ ни одного собранія, бывалъ каждый почти вечеръ въ театрѣ, ѣздилъ на всѣ возможныя публичныя гулянья, но дѣлалъ это единственно потому, что ему нѣкоторымъ образомъ необходимо было показываться въ обществѣ. Не отступая ни на шагъ отъ глубокомысленнаго плана, задуманнаго въ Ханскихъ-Прудахъ, онъ ищетъ вездѣ и всюду— въ театрахъ и собраніяхъ, въ клубахъ и на гуляньяхъ—значительныхъ лицъ своей губерніи, которыя, въ случаѣ надобности, могли-бы представить надежный оплотъ противъ козней Окатова, Солонеева, Кошкина и другихъ враговъ его. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, планъ не могъ осуществиться, но, благодаря золотому тельцу, позволявшему покуда упорно преслѣдовать мысль, Аристархъ Ѳедоровичъ не теряетъ надежды и продолжаетъ всюду показываться.

А между тѣмъ, толпа и легкомысленный свѣтъ, встрѣчая Балахнова вездѣ и всюду, судятъ о немъ по своему. Всѣ находятъ его любезнымъ, радушнымъ, величавымъ, расточительнымъ и даже очень обыкновеннымъ смертнымъ. Такъ судитъ легкомысленный

свѣтъ! И не прозрѣваетъ близорукое умственное око свѣта въ душевный тайникъ этого обыкновеннаго смертнаго; не читаетъ оно глубоко-сокровенной думы, ясно, между тѣмъ, отпечатанной на высокомъ, дипломатическомъ лбу; не видитъ ничего въ этихъ чертахъ, преисполненныхъ высокаго благородства и — сказать-ли? — великій горшковскій человѣкъ проходитъ незамѣтнымъ... да, почти незамѣтнымъ! Но любопытно было-бы знать, что говоритъ легкомысленный свѣтъ о Порфиріи Павловичѣ Васильковѣ, который точно также показывается вездѣ и всюду вмѣстѣ съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ? Свѣтъ единогласно утверждаетъ, будто Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ „веселитъ“ Порфирія Павловича Василькова, и на этотъ разъ не ошибается: именно Балахновъ веселитъ и даже сильно веселитъ сердобольнаго своего сосѣда. Но за что онъ веселитъ его — этого опять-таки никто не знаетъ. Находятся, однакожъ, люди, которые хотятъ, во что бы то ни стало, изслѣдовать такую причину; нѣкоторые изъ нихъ, переходя постепенно отъ одной догадки къ другой, положительно заключаютъ, что Балахновымъ управляетъ въ этомъ случаѣ какая-нибудь эгоистическая цѣль; другіе, болѣе-тонкіе наблюдатели, говорятъ, что эгоистической цѣли здѣсь нѣтъ никакой, но что, во всякомъ случаѣ, въ заботливости, съ какою Аристархъ Ѳедоровичъ увеселяетъ Василькова, кроется что-то особенное, и что все это дѣлается, вѣрно, не спроста; третьи, наконецъ, обиженные даромъ проницательности, но совсѣмъ тѣмъ желающіе показать, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ вниманія, не пропускаютъ случая значительно подмигнуть лѣвымъ глазомъ каждый разъ, какъ встрѣчаютъ величаваго господина вмѣстѣ съ незначительнымъ его спутникомъ.

Что же касается до Василькова, онъ всегда былъ далекъ отъ того, чтобъ дѣлать комментаріи насчетъ ближняго, и тѣмъ менѣе насчетъ своего благодѣтеля, Аристарха Ѳедоровича. Горькій опытъ доказалъ Порфирію Павловичу, что не слѣдуетъ довѣрять женскому сердцу, по крайней мѣрѣ, сердцу Антонины Васильевны — этого ангела, который, по словамъ Василькова, посланъ былъ на землю единственно для того, чтобъ подарить его блаженствомъ, но который не исполнилъ своего назначенія. Порфирій Павловичъ такъ разсудителенъ, что, основываясь на одномъ фактѣ, не перестанетъ вѣрить въ искренность другихъ сердецъ, не сдѣлается мизантропомъ или, напримѣръ, не скажетъ себѣ, что не существуетъ на свѣтѣ безкорыстной дружбы. Онъ весьма далекъ отъ этого; онъ

доказываетъ это на каждомъ шагу, и доказываетъ самымъ положительнымъ образомъ — обращеніемъ съ Балахновымъ, которому платитъ за его пріязнь и душевное расположеніе чувствомъ безпредѣльной преданности. Въ настоящую минуту, Порфирій Павловичъ считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ не только своего уѣзда, но даже всей вселенной.

Въ самомъ дѣлѣ, чего-жъ еще не достаетъ для полнаго его благополучія? Съ одной стороны — другъ, такой другъ, который одинъ вмѣщаетъ въ себѣ запаса на сто друзей; съ другой, благодаря тому-же другу — передъ Порфиріемъ Павловичемъ раскрывалась новая жизнь, жизнь, полная наслажденій, радостей и увеселеній всякаго рода. Невозможно передать словами трогательнаго, заботливаго участія, какое обнаруживаетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, Аристархъ Ѳедоровичъ къ судьбѣ Василькова: онъ предупреждаетъ малѣйшія его желанія...

— Ты куда, Васильковъ?

— Хотѣлось, Аристархъ Ѳедоровичъ, прокатиться по Петровскому парку. Очаровательный вечеръ!...

— Нѣтъ, любезный, брось это: сегодня праздникъ и какъразъ наткнешься на свою взбалмошную тёщу: пойдутъ разговоры, сманитъ тебя въ Сусловку, и тогда... Будь у тебя твердый, непреклонный характеръ, какъ у меня, напримѣръ, я бы ничего не сказалъ; но для слабодушнаго и нѣжнаго человѣка, каковъ ты, такія встрѣчи опасны. Пойдемъ-ка лучше со мною въ клубъ.

Васильковъ, тронутый до слезъ тонкою предусмотрительностью друга, изъявлялъ тотчасъ-же согласіе и готовъ былъ слѣдовать за Балахновымъ не только въ клубъ, но хоть и на край свѣта. Въ клубѣ опять новые знаки участія.

— Не стѣсняйся, любезный, говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — тебѣ, можетъ-быть, хочется испробовать счастія за зеленымъ сукномъ, или сыграть партію на китайскомъ биллiардѣ — на̀, бери денегъ, сколько хочешь.

Если Васильковъ проигрывалъ — а это приключалось почти каждый разъ, какъ онъ садился попытать счастье — Аристархъ Ѳедоровичъ не только не изъявлялъ сожалѣнія, но старался, напротивъ, ободрять своего друга. Великолѣпіе, съ какимъ Балахновъ раскрывалъ свой бумажникъ передъ Васильковымъ, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія привычныхъ посѣтителей клубовъ; оно тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что Аристархъ Ѳедоровичъ

былъ такъ гордъ, что не скрывалъ своихъ дѣйствій отъ кого бы то ни было; онъ, какъ уже извѣстно, разъ сказалъ, что говоритъ и дѣйствуетъ во всеуслышаніе міра! Нѣкоторые изъ этихъ привычныхъ посѣтителей клуба обнаружили явное желаніе познакомиться съ господиномъ Балахновымъ. Господинъ Балахновъ охотно протягивалъ руку, внимательно всматривался въ лицо новаго знакомаго, какъ-бы стараясь припомнить, не видалъ-ли уже его на выборахъ, и, убѣдившись, что новый знакомый принадлежалъ другой губерніи, отказывался напрямикъ на его предложеніе сыграть въ палки, говоря, что никогда не играетъ въ карты. Изъ клуба онъ обыкновенно Василькова къ цыганамъ, или въ маскарадъ, или въ другое какое-нибудь увеселительное мѣсто.

Опьянѣлый отъ удовольствій, Порфирій Павловичъ начиналъ мало-по-малу забывать несчастное сусловское происшествіе; онъ какъ-будто забывалъ даже свою Антониночку, и если иной разъ переносился мысленно въ маленькій домикъ на берегу живописной рѣчки, и если, вслѣдъ затѣмъ, изъ груди его невольно вырывался тяжелый вздохъ, Аристархъ Ѳедоровичъ спѣшилъ разсѣять неутѣшную меланхолію и обнаруживалъ при этомъ такую заботливость, какъ-будто издавна принялъ намѣреніе исторгнуть изъ памяти своего друга даже самое воспоминаніе о Сусловкѣ. Достигнуть этого было весьма не трудно: Васильковъ не замедлилъ одурѣть отъ веселья, точно такъ-же, какъ въ свое время одурѣлъ отъ горя. Въ припадкѣ восторженности, онъ не переставалъ увѣрять, что, въ отношеніи удовольствій, Москва — просто какая-то волшебная Голландія. Затѣмъ онъ распространялся обыкновенно о томъ, какъ полкъ его стоялъ въ двухъ верстахъ отъ польскаго города, на травяномъ продовольствіи. „Ужъ на что, знаете, весело въ этой Польшѣ“, говорилъ онъ, вращая своими раковыми глазами: „тамъ, знаете, эти шляхтяночки, ангелочки-кокеточки, такія милыя, черноглазенькія полечки, а все, знаете, въ Москвѣ веселѣе — какъ честный человѣкъ, веселѣе!“

— Аристархъ Ѳедоровичъ, я, право, не знаю, какъ благодарить васъ... Повѣрьте, я все это чувствую!... Родной отецъ, отецъ родной не сдѣлалъ бы для сына того, что вы для меня дѣлаете! восклицалъ поминутно сердобольный Порфирій Павловичъ, устремляя на благодѣтеля глаза свои, увлаженные слезою благодарности.

— Полно, братецъ; благодарить тутъ не за что. Очень радъ, что могу доставить тебѣ удовольствіе и этимъ способомъ заставить

тебя забыть минувшее горе. Обязанность, назначеніе каждаго изъ насъ состоитъ, любезный, въ томъ, чтобъ не умалять сердца въ покоѣ эгоизма и быть всегда готовымъ протягивать руку ближнему... отвѣчалъ съ достоинствомъ Балахновъ.

Исполненный справедливаго почтенія къ своему другу и благодѣтелю, Порфирій Павловичъ расточалъ ему похвалы чуть не на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ древней столицы; онъ не пропускалъ, разумѣется, случая скрѣплять слова свои безчисленнымъ множествомъ поразительныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый могъ уже служить дипломомъ для любого смертнаго. Краснорѣчіе Василькова доходило часто до такой неумѣренной яркости, что самъ Аристархъ Ѳедоровичъ принужденъ былъ останавливать его; нерѣдко даже случалось Балахнову журить своего друга, замѣчая ему притомъ, что обязанность человѣка заключается не въ томъ, чтобъ выставлять напоказъ свои добродѣтели, но состоитъ, напротивъ, въ томъ, чтобъ скрывать эти добродѣтели подъ непроницаемымъ плащомъ скромности и смиренія. Укоры Аристарха Ѳедоровича дышали такою мягкостью, открывали въ немъ каждый разъ столько новыхъ возвышенныхъ чувствъ, что Васильковъ почерпалъ каждый разъ новые факты для восхваленія своего величаваго друга.

Дни проходили за днями. Аристархъ Ѳедоровичъ ѣздилъ повсюду съ Васильковымъ, стараясь изгладить изъ его памяти всякое воспоминаніе о Сусловкѣ и въ то-же время внимательно всматриваясь въ каждое лицо, какъ-бы желая припомнить, не встрѣчалъ-ли онъ ужъ это лицо на губернскихъ выборахъ и не принадлежало-ли оно какому-нибудь значительному человѣку его губерніи. Васильковъ веселился до упаду и съ каждымъ днемъ забывалъ болѣе и болѣе маленькій домикъ на берегу живописной рѣчки. Появленіе Бобохова въ той-же аристократической гостинницѣ не произвело на двухъ друзей ни малѣйшаго впечатлѣнія. Аристархъ Ѳедоровичъ сказалъ, что этотъ Бобоховъ — выскочка, не стоющій ровно никакого вниманія, и что, конечно, онъ не сдѣлаетъ шагу для поддержанія съ нимъ знакомства. Порфирій Павловичъ, съ своей стороны, подтвердилъ такое намѣреніе, прибавивъ, что хотя онъ и служилъ въ одномъ полку съ Бобоховымъ и даже ѣлъ съ нимъ изъ одной чашки въ то время, какъ полкъ стоялъ на травяномъ продовольствіи, но что онъ, во всякомъ случаѣ, не станетъ вѣшаться ему на шею, ибо, во-первыхъ, не любитъ гордецовъ, во-вторыхъ Аристархъ Ѳедоровичъ замѣнилъ для него всѣхъ людей, и ему ничего

и никого не надо. Совсѣмъ другое говорилъ по этому случаю Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ, который, благодаря неисчерпаемому источнику благотворительности Аристарха Ѳедоровича, помѣщался въ темномъ углу перваго номера той-же аристократической гостинницы. Дрянковъ провозгласилъ, что не нашелъ ничего особенно-гордаго въ обращеніи Бобохова, что считаетъ его, напротивъ, человѣкомъ весьма учтивымъ, человѣкомъ, который могъ даже нѣкоторымъ образомъ представлять образчикъ образованнаго, вполнѣ просвѣщеннаго сосѣда. Дрянкову не возражали, зная его склонность къ противорѣчіямъ и жолчное расположеніе. Не стоило, впрочемъ, заводить толки о какомъ-нибудь Бобоховѣ съ какимъ-нибудь Дрянковымъ, да и времени для этого не было. Балахновъ и Васильковъ разъѣзжали весь день по своимъ надобностямъ. Аполлонъ Егоровичъ исчезалъ съ ранняго утра вмѣстѣ съ своею „Непризнанной Индѣйкой“, пропадалъ круглый день и являлся въ гостинницу позднимъ вечеромъ.

На третій или, кажется, на четвертый день послѣ встрѣчи съ Бобоховымъ въ театрѣ, Аристархъ Ѳедоровичъ почувствовалъ себя въ самомъ отличномъ, веселомъ расположеніи духа. При взглядѣ на него, можно было подумать, что онъ встрѣтилъ наканунѣ цѣлую дюжину значительныхъ личностей своей губерніи, которыя, при первомъ намекѣ о козняхъ Солонеева и Комп., протянули Балахнову руки и прокричали восторженно: „всѣ за тебя!“ Но въ томъ-то и штука, что ничего этого не было. Причина такого счастливаго расположенія духа заключалась въ сновидѣніи, которое низошло въ эту ночь на голову великаго горшковскаго мужа. Аристархъ Ѳедоровичъ не помнилъ хорошенько, въ чемъ именно состоялъ сонъ — путаница была страшная; но совсѣмъ тѣмъ ему памятенъ былъ одинъ эпизодъ, свѣтлый и ясный, который невольно переносилъ его къ любимымъ задушевнымъ мечтамъ. Балахновъ не вѣрилъ въ сны; но сновидѣнія, какъ извѣстно, то-же, что отдаленная надежда: и не вѣришь, а все-таки настраиваешься подъ ладъ того, что они обѣщаютъ.

Утро промелькнуло для Аристарха Ѳедоровича незамѣтнымъ образомъ. Отдавшись любимымъ мечтамъ своимъ, которыя въ настоящую минуту представлялись ему въ розовомъ, лучезарномъ свѣтѣ, онъ, естественно, не могъ слѣдить за временемъ. Порфирій Павловичъ, догадавшійся, помощью инстинкта, о великомъ процессѣ мышленія, совершавшемся въ головѣ знаменитаго друга, не рѣшался

тревожить его и хранилъ глубокое молчаніе; если улыбка озаряла лицо Аристарха Ѳедоровича, такая-же точно улыбка появлялась, словно въ зеркалѣ, и на губахъ Порфирія Павловича. Аристархъ Ѳедоровичъ принимался ходить по комнатѣ, потирая переносицу— Порфирій Павловичъ также ходилъ, потирая переносицу; Аристархъ Ѳедоровичъ садился, и Порфирій Павловичъ садился. Мягкосердый Васильковъ рѣшилъ съ нѣкоторыхъ поръ, что узы, связывающія его съ Балахновымъ, сдѣлаютъ изъ нихъ обоихъ одно нераздѣльное существо, подобное сіамскимъ близнецамъ, и, основываясь на этомъ, судилъ не иначе о чувствованіяхъ своего друга, какъ по біенію своего собственнаго сердца; онъ полагалъ даже, что душевныя и физическія движенія одного должны были непремѣнно дѣйствовать на другаго. Несмотря, однакожъ, на такое счастливое сочетаніе, случилось то, когда одна часть цѣлаго, то-есть Аристархъ Ѳедоровичъ, подошелъ къ Василькову, трепнулъ его по плечу и воскликнулъ въ порывѣ радости: „Крѣпись! мужайся! авось наша возьметъ!“ другая часть цѣлаго, то-есть Порфирій Павловичъ, сталъ въ совершенный тупикъ, потому что настоящія его чувствованія не имѣли ровно ничего общаго съ словами друга. Онъ поспѣшилъ, однакожъ, утвердительно кивнуть огромною своею головою. Такія продѣлки повторялись неоднократно въ это достопамятное утро, пока, наконецъ, Балахновъ не перешелъ изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительности. Переходъ этотъ совершился весьма неожиданно. Аристархъ Ѳедоровичъ, лежавшій въ сладкомъ самозабвеніи на диванѣ, быстро приподнялся съ своего мѣста и, принявъ видъ человѣка, который говоритъ самому себѣ: „Ну, душа моя, ты нынче много работалъ, надо дать отдохнуть головѣ и сердцу!“ обратился къ Василькову:

— А что, любезнѣйшій, сказалъ онъ:—скоро, однакожъ, четыре часа; не пора-ли обѣдать, какъ ты думаешь?...

Мысль Аристарха Ѳедоровича имѣла на этотъ разъ прямое и самое близкое отношеніе къ настоящимъ чувствованіямъ Порфирія Павловича, и онъ несказанно этому обрадовался.

— Я хочу, братецъ, показать тебѣ сегодня чудо изъ чудесъ, продолжалъ Балахновъ:—ты, конечно, слышалъ уже о Троицкомъ трактирѣ, но слышать и видѣть—двѣ вещи совершенно разныя! Я намѣренъ повезти тебя въ это истинно-колоссальное заведеніе, гдѣ все, начиная съ роскошныхъ яствъ и кончая прислугой, ярославскими молодцами, выражаетъ грандіозный характеръ. Ну, братецъ, доволенъ-ли ты?...

Доволенъ-ли онъ? вотъ вопросъ! Порфирій Павловичъ былъ въ восторгѣ! Онъ окончательно убѣдился, что задушевныя мысли его были ничто иное, какъ прямой отголосокъ мыслей Аристарха Ѳедоровича. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, Васильковъ принялся тотчасъ-же выгружать къ ногамъ друга сокровища своего сердца; но другъ, съ свойственною ему скромностью, поспѣшилъ дать другое направленіе благодарственному потоку, сказавъ, что пора обѣдать и время идти одѣваться.

Туалетная статья всегда обращала на себя вниманіе Порфирія Павловича—человѣка, какъ вѣдомо, общественнаго въ высшей степени и притомъ пребывающаго постоянно почти въ дамскомъ кругу; но теперь, благодаря вліянію столицы и средствамъ, которыми снабжалъ его Балахновъ, такая заботливость сдѣлалась еще замѣтнѣе. Черныя безконечныя пряди волосъ вмѣсто того, чтобъ закручиваться волютами на вискахъ Порфирія Павловича, какъ это водилось прежде, разсыпались изящными завитками по всей головѣ; исполинскіе бакены и усы, имѣвшіе сходство съ рейнскимъ водопадомъ, подстригались каждую недѣлю; тщательно налакированныя фиксатуаромъ и спрыснутыя о-де-колономъ, они пріятно закруглялись на впалыхъ щекахъ Порфирія Павловича, также спрыснутыхъ о-де-колономъ; о синей венгеркѣ съ іероглифомъ на спинѣ, равно какъ о жилетѣ съ черными и желтыми полосками, давно и помину не было: они перешли въ потомственное владѣніе къ Сидору и замѣнились франтовскими издѣліями настоящаго французскаго мастера, который, во время сниманія мѣрки, истощилъ весь запасъ остроумія, подтрунивая надъ Иваномъ Остолоповымъ, прежнимъ портнымъ Василькова. Словомъ, Порфирій Павловичъ преобразовался; и еслибъ не глаза, которые одни воспротивились столичному вліянію, упорно сохраняя свою прежнюю выпуклость, можно былобы ручаться чѣмъ угодно, что Вѣра Андреевна Кокуркина не узнала бы въ этомъ новомъ видѣ милаго любезника и перваго мазуриста. Отъ гостинницы до Ильинки было не близко, и прошло довольно времени, прежде чѣмъ наши пріятели достигли цѣли своей поѣздки. Аристархъ Ѳедоровичъ предпринялъ такое путешествіе единственно потому, что имѣлъ въ виду безчисленный рядъ дешевыхъ удовольствій, которыя ожидаютъ Порфирія Павловича въ Троицкомъ трактирѣ. На этомъ основаніи, прежде чѣмъ посадилъ его за обѣдъ, онъ принялъ намѣреніе показать ему въ деталяхъ огромное заведеніе и началъ съ того, что подвелъ Василькова къ

буфету и попросилъ конторщика показать ему фокусъ. Фокусъ заключался въ томъ, что конторщикъ снималъ съ полки два подноса и въ одно мгновеніе ока укладывалъ на нихъ въ симметрическомъ порядкѣ чашки, чайники, кусочки сахару и извѣстную порцію чая; по данному сигналу, чашки укладывались одна въ другую, сахаръ съ чаемъ исчезалъ, и подносы возвращались на прежнее мѣсто. Посмѣявшись вдоволь надъ изумленіемъ Василькова, который во время фокуса такъ страшно выкатилъ глаза, что можно было принять ихъ за пару опрокинутыхъ чашекъ, Аристархъ Ѳедоровичъ показалъ ему безконечную анфиладу комнатъ съ бѣгающею взадъ и впередъ прислугой и, сравнивъ все это мимоходомъ съ гигантскимъ муравейникомъ, приказалъ подавать на столъ въ той самой комнатѣ, гдѣ заключены были курскіе соловьи.

— Ну, что, братецъ, какъ тебѣ все это нравится? доволенъ-ли ты? говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, стараясь обратить вниманіе своего друга на каждый предметъ.

— Аристархъ Ѳедорычъ, я просто теряюсь... непостижимо!... просто легенда какая-то!... Какъ мнѣ благодарить васъ?...

— Опять! перебилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, грозя ему снисходительно пальцемъ: — я сказалъ тебѣ, любезный, что почитаю себя счастливымъ уже тѣмъ, что все это доставляетъ тебѣ удовольствіе. Однакожъ, пора подумать о существенномъ, то есть объ обѣдѣ. Мнѣ хочется угостить тебя на-славу и угостить именно русскими блюдами. Малый! промолвилъ онъ, подзывая прислужника, который, накрывъ на столъ, остановился въ почтительномъ разстояніи у двери и, перебирая салфеткой, впивался глазами въ посѣтителей: — малый, по-о-о-дай намъ ботвинью, смотри только, настоящую, русскую ботвинью; затѣмъ поросенка подъ хрѣномъ, калачей, да еще кіевскаго варенья!

Проговоривъ все это самодовольно-торжественнымъ тономъ, Балахновъ радушно усадилъ своего друга подлѣ себя и принялся дорисовывать передъ нимъ остальныя детали Троицкаго трактира— детали, скрытыя для поверхностнаго наблюдателя или рѣдкаго, непривычнаго посѣтителя этого заведенія. Аристархъ Ѳедоровичъ любилъ озадачивать своего ближняго и въ этомъ случаѣ, можно смѣло сказать, не дѣйствовалъ по внушенію какой-нибудь честолюбивой мысли, потому-что такъ-же охотно готовъ былъ пробуждать удивленіе въ ближнемъ къ личнымъ своимъ достоинствамъ, какъ и къ предметамъ совершенно постороннимъ. Страсть озада-

чивать ближняго ярко-выпуклыми разсказами (свойственная, впрочемъ, многимъ, весьма даже почтеннымъ, особамъ), проистекаетъ, мнѣ кажется, изъ самаго благороднаго источника; она показываетъ стремленіе человѣка излить свои чувства и впечатлѣнія въ душу другаго человѣка. Я зналъ, напримѣръ, одного господина, который никакъ не могъ утерпѣть, чтобъ не озадачивать каждое утро своего лакея разсказами объ изверженіи Везувія, о слоновой охотѣ, крокодилахъ, кораблекрушеніяхъ и проч. Самъ разсказчикъ, правда, ничего этого не видалъ, ибо со дня своего рожденія по сіе еще время не выѣзжалъ изъ своего уѣзда, но что до этого! главное дѣло въ томъ, что видна сообщительность, и безразсудно поступитъ тотъ безжалостный эгоистъ, который позволитъ себѣ посмѣяться надъ моимъ знакомымъ.

Подкладывая Василькову тертаго хрѣну со сметаной и снабжая его достаточнымъ количествомъ сливочнаго поросенка, Аристархъ Ѳедоровичъ продолжалъ озадачивать своего друга. Онъ сообщилъ ему, между прочимъ, что соловьи, висѣвшіе надъ ихъ головами, стоили каждый пятьсотъ рублей, а тотъ, что вотъ виситъ посерединѣ потолка, заплаченъ даже цѣлую тысячу. Затѣмъ онъ распространился насчетъ органа, помѣщеннаго въ другомъ отдѣленіи заведенія, и сказавъ, что машина эта, заплаченная въ свое время до пятидесяти тысячъ рублей, играла до пятидесяти увертюръ, перешелъ постепенно къ хозяйственной и экономической части трактира. Тутъ Порфирій Павловичъ, и безъ того уже озадаченный свыше всѣхъ ожиданій, узналъ, что прислуги, одной прислуги находилось въ этихъ стѣнахъ болѣе сотни, что тутъ ежедневно поглощался цыбикъ чаю посѣтителями, которыхъ, нѣтъ сомнѣнія, слѣдовало считать не сотнями, а тысячами и проч. и проч. Въ заключеніе, словоохотливый Аристархъ Ѳедоровичъ обратился неожиданно къ слугѣ, стоявшему во все время у двери и вертѣвшему салфеткой, и сказалъ ему, бросая знаменательные взгляды на Василькова:

— А принеси-ка ты теперь, братецъ, намъ „лампопо“! вотъ что!...

Глаза Порфирія Павловича, слѣдившіе съ изумленіемъ за эволюціями тысячарублеваго соловья, мигомъ устремились сначала на слугу, потомъ на Аристарха Ѳедоровича, и при послѣднемъ этомъ маневрѣ выкатились такъ страшно, что, казалось, всѣ нервы, державшіе бѣлокъ, порвались и разлетѣлись въ дребезги. Аристархъ Ѳедоровичъ разразился веселымъ хохотомъ.

— А! ты еще не знакомъ съ лампопо̀, этимъ нектаромъ нашей доброй старушки-Москвы! сказалъ онъ, самодовольно подымая брови:—ну, вотъ увидишь! Я сказалъ тебѣ, братецъ, что хочу угостить тебя національнымъ образомъ, и угощу. Обѣдать въ Троицкомъ трактирѣ и не отвѣдать лампопо — то-же, что быть въ Москвѣ и не видѣть царь-пушки и знаменитаго колокола... а! вотъ и нектаръ нашъ: пиво, ржаная поджареная корка, лимонъ для аромата, ледъ для прохлады — ну, какъ! доволенъ-ли ты?

Порфирій Павловичъ возвелъ глаза свои къ потолку, какъ-бы въ подтвержденіе, что съ-роду не только не пивалъ такого напитка, но даже не подозрѣвалъ ничего подобнаго.

— А какова, братецъ, сервировка? Посмотри-ка: вѣдь это настоящій древній кубокъ! продолжалъ Балахновъ, повертывая въ рукахъ серебряный сосудъ, въ которомъ подаютъ обыкновенно лампопо: — древній кубокъ, да! подхватилъ онъ, величественно выпрямляя грудь и не обращая уже теперь вниманія на Василькова, который, между-тѣмъ, жадно впивался въ него глазами:— древній кубокъ, въ то-же время единственный памятникъ баснословной роскоши тѣхъ великолѣпныхъ богачей, которые тратили на одинъ обѣдъ сотни червонцевъ! И вотъ, торжественно заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, потрясая кубкомъ:—вотъ свидѣтель, товарищъ, соучастникъ тѣхъ прадѣдовскихъ пирушекъ, къ которымъ приглашались сотни людей!...

Нѣтъ сомнѣнія, что Аристархъ Ѳедоровичъ, попавъ разъ въ эту колею, перешелъ-бы постепенно къ любимой своей темѣ и сообщилъ-бы весьма много любопытнаго насчетъ того, какъ живали его собственные предки, еслибъ не остановило его одно совершенно неожиданное обстоятельство.

Въ ту самую минуту, когда онъ подносилъ древній кубокъ къ губамъ своимъ, въ сосѣдней комнатѣ раздался страшный взрывъ хохота, сопровождаемый восклицаніями, посреди которыхъ явственно послышались слова: „Бобоховъ!“

Бросивъ испытующій взглядъ на слугу, Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ ему освѣдомиться, кто таковы его сосѣди, и, получивъ въ отвѣтъ, что это были какіе-то вовсе незнакомые господа, поспѣшилъ тѣмъ не менѣе, однакожъ, выслать слугу. Оставшись наединѣ съ Васильковымъ, онъ невольно принужденъ былъ выслушивать каждое слово, произносимое за дверью.

Но ничего новаго не услышалъ Балахновъ. Говорилось о сосѣдѣ его, Бобоховѣ, и приводились тѣ именно черты изъ частной жизни и характера выскочки, которыя извѣстны были въ совершенствѣ самому Аристарху Ѳедоровичу. Не зналъ онъ только тогда, что Иванъ Дормидоновичъ любилъ играть въ карты и обнаруживалъ при этомъ такую горячность, что ловкому игроку, владѣющему достаточнымъ запасомъ хладнокровія, ровно ничего не стоило ободрать его, какъ липочку; этого не зналъ даже самъ Порфирій Павловичъ, служившій съ выскочкой въ одномъ полку, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если Васильковъ и Балахновъ удвоили свое вниманіе.

— Когда-жъ все это происходило? спросилъ одинъ голосъ.

— Третьяго дня, тотчасъ-же послѣ театра, отвѣчали другіе голоса.

— И много проигралъ, то-есть я хотѣлъ сказать, сколько выигралъ Тохтамышевъ?

— Четыре съ половиною тысячи серебромъ—все, что было. Ха, ха, ха! умора! А впрочемъ, на долю Тохтамышева пришлось только двѣ тысячи цѣлковыхъ, потому что онъ былъ, какъ обыкновенно, въ долѣ съ Чиндаласовымъ... Умора, я тебѣ говорю! Надо было видѣть глупую рожу этого выскочки, когда убили послѣднюю его карту...

— Я думаю, братецъ, всѣ рожи, какія только существуютъ въ свѣтѣ, принимаютъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ умное выраженіе...

— Да; но ты не знаешь, что, проигрывая пять тысячъ, этотъ несчастный Бобоховъ терялъ лучшую, задушевную мечту свою.

— Что-жъ такое?

— Онъ, нужно сказать тебѣ, привезъ сюда какихъ-то музыкантовъ, съ тѣмъ, чтобъ въ три мѣсяца сдѣлать изъ нихъ концертистовъ. Ха, ха, ха!... Проигранныя имъ деньги были назначены, если не ошибаюсь, именно для этой цѣли... такъ, по-крайней-мѣрѣ, разсказывалъ Тохтамышевъ... Да вотъ, чего-же лучше, онъ разскажетъ тебѣ, пожалуй, всѣ подробности...

При этомъ послышались легкіе дружескіе удары по жирному плечу.

— Да, дѣйствительно такъ! возразилъ густымъ басомъ какой-то господинъ, не подававшій до-сихъ-поръ голоса.

— Ха, ха, ха!... Ну, что-же намѣренъ онъ теперь дѣлать?... ѣхать въ деревню?... послышалось среди хохота.

— Ничуть не бывало! снова заговорилъ басъ, напоминавшій голосъ добродушнаго Петра Степановича Крапова. (Я не думаю, однакожъ, чтобъ это былъ Петръ Степановичъ! Мало-ли встрѣчаешь не только сходныхъ голосовъ, но даже физіономій!) Ничуть не бывало! Этотъ Бобоховъ остается въ Москвѣ для того, вѣроятно, чтобъ показать, что проигрышъ въ пять тысячъ ровно для него ничего не значитъ, а можетъ быть—кто его знаетъ—для того, чтобъ привести въ исполненіе задушевную мысль свою: образовать виртуозовъ, какъ самъ онъ выражается. Поэтому онъ вездѣ ищетъ денегъ; денегъ, разумѣется, никто не даетъ. На этомъ основаніи онъ рѣшился продать какую-то землю, которая составляетъ особнякъ и прилегаетъ къ чьимъ-то сосѣднимъ владѣніямъ; продастъ, конечно, за безцѣнокъ; кажется, даже за двѣнадцать или десять тысячъ... такъ, по-крайней-мѣрѣ, разсказывалъ мнѣ своякъ этого болвана, Тохтамышевъ, который взялся даже, если не ошибаюсь, найти ему покупщика...

Еслибъ Троицкій трактиръ сдвинулся съ своего мѣста и очутился на Тверскомъ бульварѣ, или еслибъ пятисотрублевые соловьи, висѣвшіе надъ головой Аристарха Ѳедоровича, запѣли вдругъ пѣтухами—удивленіе его было-бы ничтожно въ сравненіи съ тѣми чувствами, которыя теперь волновали его величавую грудь. Бобоховская земля, о которой шла рѣчь, какъ-разъ примыкала къ Сусловкѣ (Балахновъ изучилъ топографію своего уѣзда въ совершенствѣ). О Сусловкѣ и говорить нечего: Сусловка уже его—на обратномъ пути изъ Москвы онъ заѣдетъ въ Горшковъ и совершитъ купчую съ Порфиріемъ Павловичемъ. Что-жъ касается до денегъ, Порфирій Павловичъ подождетъ: во-первыхъ, Василькову не нужны деньги, это ясно, какъ день; а во-вторыхъ, въ случаѣ надобности, Балахновъ предложитъ ему уголъ въ своемъ домѣ, столъ, одежду и всѣ возможныя сельскія удовольствія въ придачу. Деньги, полученныя съ перезаложеннаго имѣнья, пойдутъ теперь, слѣдственно, на покупку бобоховской земли; это рѣшено. Останутся даже (если заплатить Бобохову двѣнадцать тысячъ), останутся двѣ тысячи въ карманѣ—и этого будетъ очень достаточно на заключеніе кой-какихъ знакомствъ съ значительными лицами губерніи, проживающими въ Москвѣ; а если мало, можно будетъ тотчасъ-же заложить новоприобрѣтенную землю Бобохова, которая не заложена.

Всѣ эти соображенія промелькнули съ быстротою молніи въ дипломатической головѣ Аристарха Ѳедоровича. Въ первую минуту, въ глазахъ его зарябило, какъ словно изъ сосѣдней комнаты, вмѣсто словъ, проникли лучи сверхестественнаго блеска. Онъ провелъ рукою по лбу, мгновенно покрывшемуся яркимъ пурпуромъ, вскочилъ съ своего мѣста и произнесъ задыхающимся отъ восторга голосомъ: „Сонъ въ руку!...“

Порфирій Павловичъ, конечно, не былъ посвященъ въ тайны Аристарха Ѳедоровича и ничего не понималъ; но, отуманенный лампопо и ощущая въ груди своей живые, ясные отголоски того, что совершалось въ душѣ друга, онъ не приминулъ обнаружить сильнѣйшій восторгъ, вскочилъ съ мѣста и даже, самъ не зная, какъ это случилось, повторилъ: „Сонъ, сонъ въ руку!“

А между тѣмъ Аристархъ Ѳедоровичъ успѣлъ уже овладѣть собою.

— Ну, милый мой, какъ тебѣ все это нравится, то-есть я разумѣю не Бобохова—мальчишка!—а это истинно колоссальное заведеніе?... проговорилъ онъ, весело трепля по плечу своего собесѣдника:—не правда-ли, превосходно? Мнѣ давно хотѣлось угостить тебя по-русски: доволенъ-ли ты? а? Эй, человѣкъ! дай намъ шампанскаго! заключилъ онъ, неожиданно усаживаясь на прежнее мѣсто и стараясь сохранить то величавое спокойствіе, которое составляетъ обыкновенно неотъемлемую принадлежность всѣхъ великихъ душъ.

Шампанское было принесено. Балахновъ едва прикоснулся къ бокалу, но, взамѣнъ, налилъ два стакана Порфирію Павловичу, попросилъ опорожнить ихъ за его здоровье и за успѣхъ его предпріятій, что, разумѣется, и исполнено было съ невыразимою готовностью. Когда глаза Василькова, потерявъ окончательную точку опоры, заходили во всѣ стороны, убѣждая тѣмъ самымъ Аристарха Ѳедоровича, что владѣтель ихъ — лицо совершенно постороннее, онъ поспѣшилъ отвезти его въ гостинницу и тотчасъ-же освѣдомился о томъ, былъ-ли дома Бобоховъ.

Бобоховъ не пріѣзжалъ съ самаго утра, и Балахновъ вынужденъ былъ отложить дѣло до слѣдующаго дня.

Во все продолженіе вечера Аристархъ Ѳедоровичъ не отлучился ни разу изъ гостинницы; онъ приказалъ раскрыть настежь всѣ двери и не переставалъ расхаживать, съ закинутыми за спину руками, по всѣмъ комнатамъ перваго нумера. Его походка и оза-

боченный видъ обличали человѣка, погруженнаго умомъ и сердцемъ въ глубочайшія соображенія дипломатическаго свойства.

Изрѣдка лишь обращался онъ къ предметамъ, его окружавшимъ, и это случалось каждый разъ, когда взоры его встрѣчали Василькова, погруженнаго въ благодатный сонъ, явившійся вскорѣ послѣ пышнаго троицкаго обѣда, приправленнаго неумѣренными возліяніями лампопо.

„Жалкія, ничтожныя натуры!“ думалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, щуря свои глаза и выпрямляя грудь:

«Вамъ чувствъ высокихъ не дано!
Отъ колыбели до могилы лишь пресмыкаться суждено!»

прибавилъ онъ, задыхаясь отъ скопленія въ его собственной душѣ возвышенныхъ чувствъ, принимавшихъ, съ приближеніемъ завтрашняго утра, самый восторженный характеръ, и... и заключивъ все это презрительнымъ движеніемъ руки, великій человѣкъ снова начиналъ маршировать по комнатамъ, потирая поперемѣнно лобъ и переносицу.

XXII,

въ которой доказывается самымъ положительнымъ образомъ, что сновидѣнія ровно ничего не значатъ и врутъ большею частью страшную чепуху.

Московская мостовая гудѣла подъ тысячами колесъ и былъ уже поздній часъ утра, когда Аристархъ Ѳедоровичъ пробудился отъ сна. Лихорадочно-нетерпѣливое состояніе, не покидавшее его впродолженіе безсонной ночи, исчезло вмѣстѣ съ мрачными тѣнями, покрывшими стѣны перваго нумера, и мысли его были такъ же свѣтлы, игривы и веселы, какъ золотые лучи солнца, скользившіе теперь на стѣнахъ его комнаты. Первымъ дѣломъ его, послѣ легкаго завтрака, было послать къ Ивану Дормидоновичу и узнать, принимаетъ-ли онъ; получивъ утвердительный отвѣтъ, Аристархъ Ѳедоровичъ одѣлся на скорую руку и направился въ пятый нумеръ.

Лицо горшковскаго мужа выражало необычайное благородство, смѣшанное съ тѣмъ простодушіемъ и привѣтливостью, которыя составляютъ отличное свойство людей, сознающихъ свое превосходство надъ остальными смертными; сверхъ того, Балахновъ

былъ веселъ, развязенъ и ничто во всей его наружности не обличало тревожно-нетерпѣливаго состоянія... Страшное, непостижимое умѣнье владѣть собою!

— Дома-ли нашъ добрый сосѣдъ, Иванъ Дормидоновичъ?... сказалъ онъ звучнымъ, привлекательнымъ, заигрывающимъ голосомъ, останавливаясь въ комнатѣ, предшествовавшей гостиной.

Престарѣлый Корней объявилъ, что баринъ изволитъ дожидаться въ гостиной.

Взоры Аристарха Ѳедоровича обратились мгновенно въ ту сторону и встрѣтились съ самодовольнымъ лицомъ Бобохова, который раскланивался въ дверяхъ.

— Привѣтъ мой и поклонъ любезному сосѣду! произнесъ Балахновъ, протягивая радушно свою правую руку.

— Чрезвычайно-пріятно... мм... мм... заговорилъ Бобоховъ, приглашая гостя въ салонъ—такъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ самъ выразился.

— Не хорошо, о-о-очень даже не хорошо, Иванъ Дормидоновичъ:—развѣ позволено такъ забывать своихъ добрыхъ сосѣдей? началъ Аристархъ Ѳедоровичъ шутливо-любезнымъ тономъ:—видите, какъ только выбралась свободная минуточка, я пришелъ навѣстить васъ; а вы?...

— Чрезвычайно-пріятно... и завтра-же я буду имѣть честь отдать вамъ визитъ...

— Когда вамъ угодно! я всегда радъ видѣть васъ у себя, возразилъ Балахновъ, садясь на диванъ и вторично протягивая руку сосѣду:—только прошу васъ напередъ дать знать, потому-что легко можетъ случиться, что меня не будетъ дома... и въ такомъ случаѣ мнѣ будетъ непріятно... Дома бываю я рѣдко... дѣла!...

— Да, знаю; мнѣ говорилъ о томъ, что вы очень заняты, этотъ... какъ бишь его?... да, Дрянковъ... Не прикажете-ли сигару?

— Мегсі! А развѣ вы знакомы съ нашимъ знаменитымъ уѣзднымъ поэтомъ? сказалъ, смѣясь, Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Да, то-есть онъ хотѣлъ непремѣнно познакомиться со мною, чтобъ прочесть мнѣ, передъ напечатаніемъ, свою повѣсть... и...

— И... договаривайте: страшно надоѣлъ, не такъ-ли? Ха, ха, ха! Скучать — общая доля всѣхъ тѣхъ, кого удостоиваетъ онъ чтеніемъ своего велерѣчиваго произведенія. Что до меня касается,

я терплю его, разумѣется, потому лишь, что человѣкъ бѣдный: ни кола, ни двора, какъ говорится.

— Та-же причина, филантропія, filantrop, заставляетъ и меня обнаруживать къ нему участіе, сказалъ Бобоховъ снисходительно-покровительственнымъ тономъ, причемъ рысьи глазки его скрылись за обычной своей оградой: — я, однакожъ, напрямикъ объявилъ ему, что отказываюсь издавать его повѣсть... Я прочелъ ее — все это, знаете, такъ вяло, безцвѣтно, ужаснѣйшія длинноты; художественности никакой; требованія беллетристики... да, совсѣмъ не то; слабо, ужасно слабо! Я хотѣлъ ему поправить кое-что; я самъ писалъ и знаю требованія отъ беллетристическаго произведенія — онъ и слышать не хочетъ: самолюбивъ: смѣшно! Со вчерашняго дня глазъ не кажетъ, а то являлся аккуратно каждое утро! заключилъ меценатъ, самодовольно закидывая шарообразную свою голову.

— Ха! ха! ха!... Представьте, а вѣдь мнѣ говорилъ онъ, что каждое утро проводитъ съ здѣшними журналистами и литераторами! Вечера, говоритъ, заняты сплошь-и-рядомъ чтеніемъ его повѣсти на литературныхъ собраніяхъ, ха! ха! ха!...

— Какія литературныя собранія! Помилуйте, я посѣщаю постоянно всѣ литературные салоны и никогда его не встрѣчалъ... Притомъ, говорю вамъ, повѣсть его — совершенная гиль... ха! ха! ха! а впрочемъ, знаете, жаль его, прибавилъ Бобоховъ, придавая своему голосу жалостную, медовую интонацію: — надо помочь ему; я рѣшился, знаете-ли, подарить ему свое пальто...

— Нѣтъ; къ чему-жъ? это будетъ лишнее, возразилъ Балахновъ, величаво выпрямляя грудь: — въ моемъ домѣ онъ снабженъ всѣмъ необходимымъ и ни въ чемъ не терпитъ особенной нужды...

— Да, но, знаете, не мѣшаетъ поощрить человѣка... меня это не разсоритъ, а ему между тѣмъ доставитъ удовольствіе... я — filantrop!...

Аристархъ Ѳедоровичъ прищурилъ глаза, пустилъ нѣсколько пуфовъ, принялъ на двѣ секунды разсѣянный видъ и вдругъ, какъ-бы попавъ случайно на мысль очень близкую къ собесѣднику, снова обратилъ на него спокойное лицо свое.

— Скажите, пожалуйста, любезнѣйшій Иванъ Дормидонычъ, проговорилъ онъ протяжно: — правда-ли, я слышалъ, будто вы имѣете намѣреніе продать ту землю, которая составляетъ особнякъ отъ Голодаевки?...

При этомъ глаза его устремились разсѣянно на собесѣдника и на лицѣ проступила безпечная улыбка. Небывалое умѣнье владѣть собою! Леонидъ при Θермопилахъ, выспрашивая плѣннаго солдата о силѣ Ксерксова войска, не обнаружилъ большаго хладнокровія.

— Да, я ее продаю, небрежно отвѣчалъ Бобоховъ:—страхъ надоѣла, и чѣмъ скорѣе сбуду съ рукъ, тѣмъ лучше! Я ищу даже покупщика на Голодаевку. Мѣсто не живописно; мнѣ хочется купить тысячи двѣ душъ гдѣ-нибудь въ южныхъ губерніяхъ, этакъ, въ Крыму, напримѣръ, или по близости. Земля, о которой вы говорите, у меня какъ бѣльмо на глазу; дрянь имѣнье — не стоитъ того, чтобъ имъ заниматься...

— Конечно, оно не представляетъ большихъ выгодъ для владѣтеля, но при случаѣ, если, напримѣръ, приходится пополнять свои владѣнія и владѣнія эти находятся подлѣ, отчего же? эта земля можетъ послужить съ пользою... А сколько вы за нее хотите?...

— Двѣнадцать тысячъ, съ тѣмъ уговоромъ, однакожъ, чтобъ не тянуть дѣла и деньги сегодня или завтра.

Тутъ Аристархъ Θедоровичъ почувствовалъ, что сердце его забило сильную тревогу подъ бархатнымъ чернымъ жилетомъ, и поспѣшилъ затянуться сигарнымъ дымомъ.

— Хотите, я вамъ найду покупщика? сказалъ онъ, добродушно улыбаясь.

— Ахъ, чрезвычайно пріятно! Кто-жъ это?

— Вашъ покорнѣйшій слуга, возразилъ Балахновъ, слегка наклоняясь, для того, вѣроятно, чтобъ скрыть краску, выступившую на дипломатическомъ лбу:—я, нужно вамъ сказать, купилъ на-дняхъ еще сосѣднюю землю, Сусловку, и ваша землица пришла очень кстати...

— Чрезвычайно пріятно! произнесъ Бобоховъ, обрадованный счастливому случаю получить двѣнадцать тысячъ, которыя были ему крайне-необходимы.—Но позвольте васъ попросить подождать секунду: братъ мой, Arcadie, Arcade Тохтамышевъ, умолялъ меня не давать никому слова до двухъ часовъ; онъ не замедлитъ явиться...

Едва произнесъ Бобоховъ эти слова, какъ въ дверяхъ показался Корней и объявилъ, что господинъ Тохтамышевъ и еще какой-то господинъ изволили пріѣхать.

— Проси! сказалъ безпечно Бобоховъ, щеки котораго чуть не лопались, между тѣмъ, отъ восторженнаго напряженія.

Появленіе Тохтамышева было въ высшей степени непріятно Аристарху Ѳедоровичу, считавшему дѣло съ Бобоховымъ почти конченнымъ. „Скверно! А впрочемъ, что бы ни было, буду отстаивать до послѣдней возможности; дамъ тринадцать, всѣ четырнадцать тысячъ, наконецъ! Во-первыхъ, имѣніе стоитъ вѣрныхъ двадцать; во-вторыхъ, не слѣдуетъ, да просто невозможно, пропустить такой счастливый случай!“ думалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, показывая въ то-же время входившему джентльмену лицо свое, преисполненное въ эту минуту высшаго благородства.

Тохтамышевъ былъ не одинъ.

Позади его выступалъ коротенькій, пузатый господинъ, обтиравшій клѣтчатымъ платкомъ жирный лобъ и обвислыя щеки, покрытыя потомъ; господину этому было лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ; волосы его, бѣлые какъ снѣгъ и обстриженные подъ гребенку, принимали издали видъ бѣлой ермолки; въ лѣвомъ ухѣ у него сверкала сережка; на груди, непосредственно соединенной съ животомъ, рисовалась бисерная голубая цѣпочка, которая пропадала въ жилетномъ карманѣ, оттопыренномъ старинною серебряною луковицей; синій замасленый сюртукъ плотно обтягивалъ сутуловатую его спину и свободно болтался на толстыхъ икрахъ, обтянутыхъ черными панталонами, далеко не покрывавшими пятокъ толстыхъ сапоговъ. Самъ по себѣ, господинъ этотъ не представлялъ ничего особенно рѣзкаго: много попадается такихъ физіономій; но рядомъ съ великолѣпнымъ, блистательнымъ и вѣчно-юнымъ Тохматышевымъ, онъ производилъ странный эффектъ.

— Ахъ, чрезвычайно пріятно! заговорилъ Бобоховъ, стараясь проявить какъ можно больше хладнокровія.

— Здравствуйте, перебилъ Тохтамышевъ, протягивая свояку кончики драгоцѣнныхъ своихъ пальцевъ: — я пріѣхалъ насчетъ вашего дѣла; вотъ рекомендую: Аѳанасій Никитичъ Степанчиковъ. Я уже говорилъ ему насчетъ вашего дѣла—онъ согласенъ; можете, если хотите, сейчасъ-же ѣхать и совершить купчую; онъ разсмотрѣлъ бумаги ваши, касающіяся продаваемаго имѣнія, и нашелъ ихъ въ отличной исправности...

— Такъ точно, Аркадій Алексѣевичъ изволили передать мнѣ ревизскую сказку; за вами все дѣло, сказалъ Степанчиковъ, устремляя глаза сначала на Бобохова, потомъ на Аристарха Ѳедоровича, начинавшаго уже чувствовать лихорадочные симптомы.

— Чрезвычайно пріятно, садитесь, пожалуйста. Ахъ, Аркадій Алексѣевичъ! позвольте познакомить васъ: сосѣдъ мой, Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ... Аркадій Алексѣевичъ Тохтамышевъ! произнесъ суетливо Бобоховъ. Балахновъ привсталъ и поклонился; Тохтамышевъ протянулъ ему свою бѣзцѣнную правую руку. Аѳанасій Никитичъ Степанчиковъ сѣлъ, между тѣмъ, на кончикъ кресла.

— Я, право, не знаю... мнѣ чрезвычайно совѣстно... сказалъ выскочка, заходя то съ одной стороны свояка, то съ другой:— вѣдь, Аристархъ Ѳедоровичъ тоже изъявляетъ желаніе купить эту землю...

— Да; она какъ-разъ примкнула къ маленькому имѣнію, которое я купилъ на-дняхъ, и, пріобрѣтая одно, я кстати готовъ пріобрѣсти и другое, вымолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ безпечно-веселой улыбкой.

— Monsieur Балахновъ, я этихъ дѣлъ не знаю; покупать имѣнья, продавать ихъ — все это для меня, постояннаго городского жителя, тараборская грамота! сказалъ съ любезностью Тохтамышевъ:—Бобоховъ просилъ меня найти покупщика, и я исполнилъ это; остается вамъ поладить съ этими господами, заключилъ онъ, поворачиваясь къ свѣчкѣ, чтобъ закурить сигару, и бросая въ то-же время многозначительные взгляды Степанчикову. Степанчиковъ не тронулся съ мѣста и только приподнялъ свои заплывшіе глаза на Балахнова.

— Сколько-же изволите вы полагать, то-есть, во сколько оцѣняете ихъ имѣніе? спросилъ онъ безъ дальнихъ обиняковъ.

— Что-же это такое, господа? Это похоже на аукціонъ, и я... я, право, не знаю... пролепеталъ Бобоховъ, вопросительно взглядывая на свояка.

— А что-жъ такое! воскликнулъ своякъ: предоставьте все это monsieur Балахнову и Аѳанасію Никитичу: оба они, вѣрно, лучше насъ съ вами знаютъ дѣло, заключилъ онъ, бросая новый взглядъ на Степанчикова, который на этотъ разъ привсталъ съ мѣста и приблизился къ Аристарху Ѳедоровичу.

Тохтамышевъ отвелъ въ сторону Бобохова и шепнулъ ему мимоходомъ:—„Вамъ какое дѣло? было-бы продано имѣнье. Скажите, что кто больше дастъ, за тѣмъ и останется“.

— Я даю двѣнадцать тысячъ, говорилъ между тѣмъ Аристархъ Ѳедоровичъ, покуривая сигару.

— Ничего не изволите прибавить?

— Нѣтъ, такъ, бездѣлицу развѣ; я покупаю эту землю изъ прихоти лишь: владѣнія мои подлѣ и я хотѣлъ только воспользоваться сосѣднею землею... произнесъ Балахновъ, думая запутать противника силою своихъ средствъ.

Степанчиковъ подумалъ, помялся и примолвилъ:

— Пятьсотъ рублей можно надбавить-съ...

— Отчего-же? очень можно, съ живостью перебилъ Балахновъ:—и я, съ своей стороны, не прочь сдѣлать то-же самое... идетъ. Слѣдовательно, теперь въ тринадцати тысячахъ... примолвилъ онъ, смѣло встрѣчая взглядъ Степанчикова.

— Извольте-съ, держу! возразилъ съ убійственною флегмою Аѳанасій Никитичъ, почесывая ухо жирнымъ пальцемъ, краснымъ какъ морковь.

Ни одинъ изъ тѣхъ сосѣдей, которыхъ любилъ озадачить Аристархъ Ѳедоровичъ, конечно, никогда не былъ такъ озадаченъ, какъ теперь самъ Балахновъ. Онъ вовсе не ожидалъ такой настойчивости со стороны своего антагониста. Раздумывать долго нельзя было, и Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшился надбавить еще пятьсотъ рублей, желая показать, что для него подобная сумма—шутка, и больше ничего; но совсѣмъ тѣмъ, понимая въ совершенствѣ, что, если отдастъ тринадцать съ половиною тысячъ Бобохову, у него самого останется очень, очень немного.

— Извольте, держу! сказалъ послѣ молчка Степанчиковъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ величественно выпрямилъ грудь, медленно приподнялся съ своего мѣста и обратился къ Бобохову:—„Иванъ Дормидонычъ, сказалъ онъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобъ скрыть свое волненіе:—посмотрите-ка, каково идутъ здѣсь ваши дѣла: имѣнье, ха, ха, ха! идетъ уже въ тринадцати съ половиною тысячахъ... ха, ха, ха!...“

— Чрезвычайно пріятно... дѣлайте, какъ хотите, господа, я совершенно раздѣляю мнѣніе Аркадія Алексѣевича: кто дастъ больше, за тѣмъ имѣнье и останется, развязно сказалъ Бобоховъ.

— Конечно, конечно, ха, ха, ха!... проговорилъ Балахновъ, проникаясь, неизвѣстно почему, глубочайшимъ презрѣніемъ и ненавистью къ выскочкѣ.—Ну-съ; и такъ, на чемъ-же мы остановимся? заключилъ онъ, обращаясь неожиданно къ антагонисту.

— Пятьсотъ рубликовъ, повторилъ Степанчиковъ.

Могло статься, и весьма даже легко могло статься, что въ

эту минуту узкія губы Аристарха Ѳедоровича нѣсколько вздрогнули и щеки его поблѣднѣли, но все-таки, въ общихъ чертахъ, физіономія дипломата сохранила свое величавое, спокойное достоинство. Четырнадцать тысячъ—вотъ все, что было у него въ карманѣ! хоть-бы грошъ лишній! Конечно, принимая въ соображеніе важность пріобрѣтенія, можно было перезаложить заложенныя двѣсти душъ Лизаветы Семеновны, но бумаги, необходимыя для этого, находятся въ Ханскихъ-Прудахъ, въ кабинетномъ столѣ, и въ то время, какъ Сидоръ полетитъ за ними, этотъ мальчишка, выскочка, которому деньги нужны сію минуту, успѣетъ двадцать разъ продать имѣнье. Призвавъ на помощь всю силу могущественной воли своей, Аристархъ Ѳедоровичъ прервалъ молчаніе слѣдующими словами:

— Извольте, пожалуй, давайте играть въ перогонку, если только вамъ это нравится; я не прочь. Вы предлагаете четырнадцать тысячъ, держу и я ту-же сумму...

Степанчиковъ взглянулъ на Тохтамышева, Тохтамышевъ на Балахнова, Бобоховъ на Тохтамышева.

Послѣдовала пауза.

Съ этой минуты сердце Аристарха Ѳедоровича не переставало биться, и въ груди его закипѣла самая непримиримая ненависть къ выскочкѣ.

— Четырнадцать тысячъ послѣднее ваше слово? Сотенку надбавлю; ничего не изволите прибавить съ своей стороны? прохрипѣлъ наконецъ неумолимый Степанчиковъ.

Боже мой, двѣсти рублей! Всего какихъ-нибудь двѣсти рублей! Дайте въ займы! Берите какіе угодно проценты! Неужели допустите вы какого-нибудь Степанчикова восторжествовать надъ Аристархомъ Ѳедоровичемъ?

Никто не подаетъ голоса; молчаніе... И великій горшковскій мужъ, скрѣпивъ переполненное жолчью сердце, принужденъ сдѣлать позорное отступленіе.

— Н-н-нѣтъ, ни гроша больше не дамъ... говоритъ онъ, стискивая узенькія губы блистательными вагенгеймовскими зубами и отворачиваясь къ окну.

Бобоховская земля такимъ образомъ перешла во владѣніе Степанчикова, и условлено было завтра-же утромъ совершить купчую. Во время этихъ убійственныхъ переговоровъ, Тохтамышевъ бесѣдовалъ съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, и, должно отдать спра-

ведливость послѣднему, онъ велъ себя достойнѣйшимъ образомъ — не обнаружилъ ни разу непристойной раздражительности или неумѣстной вспыльчивости.

Изъ этого не слѣдуетъ, однакожъ, чтобъ Аристархъ Ѳедоровичъ долженъ быть точно также подавлять настоящія свои чувства и маскироваться передъ Дрянковымъ и Васильковымъ — отнюдь не слѣдуетъ! Что такое Дрянковъ и что такое Васильковъ?... такъ себѣ... Однакожъ, надлежало показать тѣмъ, которые видѣли, два часа тому назадъ, съ какимъ веселымъ расположеніемъ духа отправлялся Аристархъ Ѳедоровичъ къ Бобохову, надлежало показать, что причина настоящаго дурнаго расположенія не имѣетъ равно ничего общаго съ визитомъ къ выскочкѣ. Сила воли снова призвана была на помощь, и Аристархъ Ѳедоровичъ — готовый въ эту минуту (еслибъ только находился онъ на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ) предать опустошенію цѣлую страну, вырвать съ корнемъ деревья, источить свои патентованные зубы на камняхъ и стеклахъ — ограничивался нѣсколькими ядовитыми сарказмами, обращенными на автора „Непризнанной Индѣйки“, и вотъ именно по какому случаю: вернувшись въ свой нумеръ, Аристархъ Ѳедоровичъ услышалъ еще за двѣ комнаты громкую декламацію Аполлона Егоровича; онъ нахмурилъ брови и подошелъ къ двери. Дрянковъ, съ огромнымъ своимъ сверткомъ подъ мышкой и фуражкой въ лѣвой рукѣ, неистово размахивалъ руками передъ Порфиріемъ Павловичемъ, который сидѣлъ у окна и слѣдилъ съ невыразимымъ участіемъ за каждымъ движеніемъ своего втораго друга.

— „Грубое, закоснѣлое невѣжество окружаетъ тебя! Да, холодомъ, отовсюду вѣетъ страшнымъ холодомъ!“ говорилъ Дрянковъ, мрачно расправляя вихры на угловатой головѣ своей и взглядывая на Василькова, который невольно вздрогнулъ при видѣ выраженія, какое приняло въ эту минуту лицо друга: — „гдѣ найдешь ты человѣка, готоваго протянуть руку генію или таланту, осужденному погибнуть за недостаткомъ ничтожныхъ средствъ?“ продолжалъ между тѣмъ Дрянковъ съ возраставшей энергіей: — „гдѣ тѣ меценаты, тѣ поощрители изящныхъ искусствъ, которые открывали свои кошельки и летѣли навстрѣчу къ художнику съ распростертыми объятіями? Нѣтъ ихъ! ихъ нѣтъ! Поглощенные вѣками...“ На этомъ мѣстѣ Дрянковъ былъ прерванъ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, который, войдя въ комнату, объявилъ ему наотрѣзъ, что меценаты, во всякомъ случаѣ, не осуществятся въ

Бобоховѣ, что человѣкъ, обласканный въ Ханскихъ-Прудахъ, не долженъ смѣть конючить и просить милостыни у другихъ прочихъ, десятыхъ, что въ Ханскихъ-Прудахъ, сколько извѣстно, снабжаютъ всѣхъ призрѣнныхъ бѣдняковъ всѣмъ необходимымъ, и что если третьи-десятые бѣдняки не въ состояніи чувствовать благодѣяній, разсыпаемыхъ на нихъ щедрою рукою въ Ханскихъ-Прудахъ, такъ никто не воспретитъ имъ убираться по-добру по-здорову, и проч. и проч.

Аполлонъ Егоровичъ былъ столько-же желченъ и раздражителенъ, сколько и Аристархъ Ѳедоровичъ, но должно-же, наконецъ, и ему отдать справедливость; онъ обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ благоразуміемъ и умѣньемъ владѣть собою въ той-же степени, можетъ статься, какъ и самъ владѣтель Ханскихъ-Прудовъ. Все это очевидно доказывалось тѣмъ, что онъ не возразилъ ни слова на обидныя замѣчанія Балахнова. Другой, на его мѣстѣ, далъ-бы тотчасъ-же волю своему языку; но раздражительный Аполлонъ Егоровичъ поступилъ иначе: онъ мигомъ сообразилъ, что одного слова съ его стороны уже достаточно, чтобъ онъ и вмѣстѣ съ нимъ „Непризнанная Индѣйка“ лишились единственнаго крова и пристанища, и, скрѣпивъ сердце, ограничился тѣмъ только, что мрачно насупилъ брови и, судорожно сжавъ драгоцѣнный свертокъ, отошелъ въ сторону.

— Что-жъ ты, братецъ, остановился? сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, поворачиваясь къ нему неожиданно:—вѣдь тебя ждетъ, кажется, Бобоховъ... Ты выпросилъ у него пальто и онъ говорилъ мнѣ, что готовъ имъ пожертвовать великодушно въ твою пользу...

— Я никакого пальто не выпрашивалъ у Бобохова, отвѣчалъ съ чувствомъ достоинства Аполлонъ Егоровичъ.

На этотъ разъ ему незачѣмъ уже было призывать на помощь благоразуміе: со вчерашняго-же утра, послѣ того, какъ выскочка объявилъ ему о негодности „Непризнанной Индѣйки“ и отказался напрямикъ быть его издателемъ, Дрянковъ рѣшился прекратить съ нимъ всякія сношенія. На этомъ основаніи, онъ разразился самыми энергическими эпитетами противъ Бобохова и, сказавъ, что такая неслыханная, вопіющая дерзость требуетъ немедленнаго наказанія, быстро вышелъ изъ комнаты. Очутившись въ корридорѣ, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Бобоховымъ. Какъ знать, неожиданность встрѣчи, быть-можетъ, спасла выскочку отъ вѣрной гибели. Озадаченный Дрянковъ уронилъ драгоцѣнный свертокъ на

полъ, и въ то время, какъ нагибался, чтобъ поднять его, Бобоховъ, предчувствуя, вѣроятно, въ чемъ дѣло, стоялъ уже на третьей ступени парадной лѣстницы.

— Милостивый государь, вы хвастунъ! произнесъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ Дрянковъ, пускаясь въ догонку за выскочкой и останавливаясь на верхней ступени.

— Вы жалкій человѣкъ! отозвался Бобоховъ, стремглавъ летѣвшій внизъ.

— Что я не жалокъ, объ этомъ узнаютъ, можетъ-быть, всѣ черезъ двѣ недѣли; вотъ, что вы хвастунъ... воскликнулъ грошово торжественнымъ голосомъ Аполлонъ Егоровичъ, но тутъ-же остановился, увидѣвъ въ отдаленіи хозяина гостинницы. Затѣмъ онъ принялся спускаться съ лѣстницы, между тѣмъ, какъ Бобоховъ летѣлъ уже на лѣстницу, благословляя судьбу, что всей этой сценѣ не былъ по-крайней-мѣрѣ свидѣтелемъ швейцаръ, занимавшійся, должно быть, въ это время откармливаніемъ своихъ дроздовъ.

XXIII.

Лучъ надежды озаряетъ впервые „Непризнанную Индѣйку“.

Уличный воздухъ освѣжилъ разгоряченный мозгъ творца безсмертныхъ страницъ „Непризнанной Индѣйки“. Обсудивъ хорошенько критическое свое положеніе, гдѣ, съ одной стороны, угрожалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, съ другой, лопнули послѣднія надежды, а съ остальныхъ двухъ, все озарилось какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ, онъ рѣшился обратиться еще разъ къ книгопродавцамъ-издателямъ. На этомъ основаніи, Аполлонъ Егоровичъ направилъ стопы свои на Ильинку, въ одну книжную лавку, хозяинъ которой посвященъ былъ въ сокровеннѣйшія тайны литературной дѣятельности и, сверхъ того, не только выслушивалъ охотно болтовню посѣтителей, но самъ, казалось, еще охотнѣе заводилъ рѣчь со встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Лавка его была не изъ послѣднихъ въ Ильинкѣ и считалась даже чуть-ли не первою тѣми почетными особами, которыя готовы утверждать до послѣдняго издыханія, что старый заржавленный ковшикъ имѣетъ всегда неисчислимыя преимущества предъ новомодной посудой. Древность лавки дѣйствительно не подлежала сомнѣнію: полки, туго набитыя съ потолка до полу лохмотьями

книгъ, обернутыхъ корешками безъ малѣйшаго слѣда позолоты; прилавки и конторка, истертые снаружи посѣтителями, снутри хозяевами, представлявшіе любопытные геологическіе слои восьми красокъ и заваленные искомканными сѣрыми брошюрками; перекосившійся сучковатый полъ, отягченный грудами фоліантовъ съ красными обрѣзами, съ кожаными исковерканными переплетами — все это ясно свидѣтельствовало, что основаніе лавки относилось къ отдаленнѣйшимъ эпохамъ книгопечатанія; густой слой пыли, покрывавшій, безъ различія, брошюры и фоліанты, полъ и прилавки, паутина, украшавшая потолокъ, косяки и карнизы — подтверждали какъ нельзя краснорѣчивѣе такое мнѣніе, и, конечно, ни одинъ антикварій не могъ пройдти по Ильинкѣ безъ того, чтобъ не кивнуть одобрительно книжной лавкѣ и потянуть въ себя съ видимымъ наслажденіемъ затхлый запахъ, издаваемый заключавшимися въ ней сокровищами. Но чаще всего запахъ этотъ приводилось вдыхать школьникамъ и ученикамъ всякаго рода, которые запасались здѣсь латинскими граматиками, прописями, словарями, и утвердительно можно сказать, что чувства, ощущаемыя ими при входѣ въ лавку, далеко не показывали любви къ классической старинѣ. Особенно рѣзко проглядывало такое непохвальное равнодушіе на лицахъ всѣхъ дѣтей безъ исключенія, которыхъ заботливые родители приводили въ эту лавку, имѣя въ виду снабдить чадъ своихъ всѣмъ нужнымъ для первоначальнаго обученія: многія изъ нихъ проникались невольнымъ ужасомъ и трепетомъ, и долго послѣ того, какъ латинскія грамматики, купленныя папеньками и маменьками, выучены были до половины, имъ все еще мерещилась книжная лавка; толстые неуклюжіе фоліанты преслѣдовали ихъ даже въ постели, налегали всею своею тяжестью, какъ кошмаръ, на грудь и голову, или страшно разверзали свои зазубренные листы, какъ-бы изловчаясь поглотить свою жертву — и посреди всего этого рѣзко звучалъ голосъ хозяина лавки, который высчитывалъ папенькѣ и маменькѣ нескончаемый каталогъ самыхъ замысловатыхъ книгъ...

Впрочемъ, голосъ этого хозяина, да и вообще вся его фигура оставались въ памяти каждаго, кто только заглядывалъ въ его магазинъ. Представьте себѣ человѣка, засушеннаго такъ, что остались кожа да кости; придайте членамъ этой муміи судорожное, суетливое и ничѣмъ непрерываемое движеніе; придайте ей голосъ, дребезжащій, какъ трещетка, и дребезжащій безъ умолку — и вы

получите вѣрнѣйшій портретъ одного изъ самыхъ эксцентричныхъ книгопродавцевъ, какіе когда либо существовали на бѣломъ свѣтѣ. Но доказано уже неоспоримыми фактами, что наружность бываетъ часто обманчива. Наружность не мѣшала Ивану Петровичу быть ученѣе многихъ очень ученыхъ особъ, посѣщавшихъ его лавку: голова его, покрытая рѣдкими, курчавыми, взъерошенными волосами, свободно вмѣщала въ себѣ все то, что заключалось на полкахъ его магазина; какъ библіофилъ, онъ, безспорно, могъ заткнуть за поясъ любаго господина, проглотившаго сотни тысячъ каталоговъ. Дайте заглавіе какой угодно книги—Иванъ Петровичъ безъ запинки назоветъ вамъ годъ ея изданія, типографію, число томовъ, число страницъ, качество бумаги, исчислитъ опечатки, вкратцѣ изложитъ ея содержаніе и выскажетъ даже въ концѣ свое личное мнѣніе, столько-же многословное, правда, сколько у критиковъ, писавшихъ объ этой книгѣ, но уже, во всякомъ случаѣ, болѣе добросовѣстное. Псевдонинъ для него не существуетъ: онъ рѣшительно смѣется надъ псевдонимомъ, ибо читаетъ, сквозь какіе угодно іероглифы, настоящее имя автора и, въ случаѣ надобности, можетъ даже снабдить васъ самыми любопытными біографическими свѣдѣніями о какомъ-бы то ни было писателѣ. Двадцать тысячъ томовъ, помѣщающихся на полкахъ его магазина, такъ-же хорошо знакомы ему, какъ клавиши рояля, пожалуй, хоть самому Листу; костлявые пальцы его бѣгаютъ по полкамъ съ быстротою непостижимою и даже безъ содѣйствія глазъ попадаютъ прямо на тотъ корешокъ, который требуется. „Странствованіе юнаго Анахарсиса по Греціи...“; но едва покупатель успѣлъ произнести эти слова, Иванъ Петровичъ стоитъ уже на верхней ступени ручной лѣстницы, приставленной однимъ движеніемъ его руки на то самое мѣсто, гдѣ сквозь пыль мелькаютъ восемь заплеснѣвѣлыхъ корешковъ; секунду спустя, онъ стоитъ снова передъ покупателемъ и похлопываетъ своими восемью томиками—ни дать, ни взять, какъ башмаками, продаваемыми въ Гостиномъ дворѣ, распространяясь съ большимъ успѣхомъ о достоинствахъ, какія заключаютъ въ себѣ странствованія юнаго грека. Иванъ Петровичъ толкуетъ въ то-же время съ другимъ покупателемъ объ „Уединенномъ Садовникѣ“, изданномъ въ 1749 году; ведетъ поучительную бесѣду съ третьимъ, и все это нисколько не мѣшаетъ ему продолжать горячій споръ съ четвертымъ и доказывать ему неоспоримыми фактами, что такая-то латинская грамматика превосходитъ всѣ.

скія грамматики. Безпрерывная суетливость, толки, посѣтители, требованія, справки, раздирающія Ивана Петровича на части съ ранняго утра до поздняго вечера и уподобляющія его чахлому ходячему каталогу, раздаваемому во всѣ стороны неистовымъ вѣтромъ, нимало не обременяютъ его: онъ находитъ время сводить исправнѣйшимъ образомъ свои счеты, вдаваться въ разныя умозрительныя и метафизическія размышленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не прекращаетъ болтовню съ тремя молодыми, толстенькими прикащиками, въ кофейныхъ пальто, которые (то-есть прикащики) служатъ ему помощниками въ многотрудныхъ и многосложныхъ занятіяхъ. Румяныя лица трехъ прикащиковъ дышатъ необыкновенною веселостью—мудренаго тутъ ничего нѣтъ: каждый изъ нихъ лелѣялъ въ душѣ привлекательную мечту о томъ, какъ современемъ будетъ издаваться подъ ихъ руководствомъ безчисленный рядъ книжонокъ въ родѣ „Турусъ на колесахъ“—книжонки дешевыя, но тѣмъ не менѣе приносящія исполинскій барышъ своимъ издателямъ на ярмаркѣ. Зная въ совершенствѣ эгоистическую натуру своихъ прикащиковъ, занятыхъ несравненно болѣе ярмарочными спекуляціями, чѣмъ дѣлами своего хозяина, Иванъ Петровичъ находитъ нужнымъ увѣщевать ихъ безъ умолку разными лаконическими сентенціями юмористическаго свойства. Понукаемые такими замѣчаніями и особенно явною необходимостью настроить заблаговременно свои способности къ будущимъ торговымъ операціямъ, три румяные прикащика работаютъ безъ устали, и книжная лавка, отражающая такимъ образомъ страшную суету во всѣхъ своихъ отдѣленіяхъ, наполненная немолчнымъ говоромъ посѣтителей, шелестомъ перелистываемыхъ брошюръ, трескомъ книгъ, которыя прикащики низвергаютъ съ верхнихъ полокъ на полъ и прилавки—представляетъ въ продолженіе дня разительно вѣрную картину кораблекрушенія: скрипъ сапоговъ и дверей, шумъ разрываемыхъ листовъ оберточной бумаги, напоминающій свистъ вѣтра, три прикащика, бѣгающіе какъ матросы сверху внизъ по ручнымъ лѣстницамъ и приводящіе на-память оборванный такелажъ, снасти и канаты — и посреди всего этого трещотчатый говоръ и фигура Ивана Петровича, который стоитъ на возвышеніи за конторкой, размахиваетъ во всѣ стороны руками и, какъ храбрый капитанъ, поспѣваетъ вездѣ и всюду—все это сильнѣйшимъ образомъ содѣйствуетъ такому сходству.

Когда Аполлонъ Егоровичъ переступилъ завѣтный порогъ (и

кто знаетъ, какая страшная драма разыгрывалась въ эту минуту въ душѣ его!), въ книжной лавкѣ было, по обыкновенію, много народу. Видя невозможность пробраться къ Ивану Петровичу и тремъ прикащикамъ, окруженнымъ живою стѣною покупателей, Дрянковъ освободилъ изъ платка свою рукопись и, обхвативъ ее такъ, чтобъ каждый могъ прочесть ея заглавіе, написанное крупными, каллиграфическими буквами, принялся расхаживать по магазину съ видомъ чрезвычайно-озабоченнаго человѣка. Такое углубленіе въ самого-себя, разумѣется, не мѣшало ему бросать косвенные взгляды направо и налѣво и внимательно наблюдать все, что происходило вокругъ. Предметомъ его наблюдательности была особенно группа изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, жиденькихъ и тщедушныхъ, которые жались подобострастно къ безконечно-долговязому господину, превышавшему своихъ товарищей не только цѣлой головой, но даже и шеей въ придачу; длинный, сухой и заостренный носъ его печально опускался книзу; лицо его отличалось такою худобою, что, казалось, ничего-бы не стоило пересчитать на верхней губѣ его число зубовъ и даже опредѣлить ихъ форму, если не препятствовала этому дюжина бѣлокурыхъ волосковъ, изображавшихъ усы. Рѣденькіе, бѣлокурые волосы свѣшивались прямыми линіями по обѣимъ сторонамъ блѣдныхъ щекъ его и достигали до костлявыхъ плечъ, прикрытыхъ рыжимъ пальто, изъ-подъ котораго торчали вострые кончики чернаго фрака. Наружность этого господина заинтересовала въ высшей степени Аполлона Егоровича, и онъ подошелъ ближе. Изъ словъ господина, говорившаго заунывнымъ, могильнымъ голосомъ, оказалось, что онъ дѣйствительно только-что похоронилъ лучшія мечты свои. Сдѣлавъ шагъ впередъ, Дрянковъ увидѣлъ, что рука господина лежала на грудѣ тощихъ, жиденькихъ книжечекъ въ ярко-зеленой оберткѣ; по-серединѣ каждой обертки красовалась оттиснутая золотомъ надпись: „Пелопонезо-Таврическія Мелодіи“. Рука господина ласкала съ какою-то особенною любовью то мѣсто, на которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно было находиться имя автора, и Аполлонъ Егоровичъ, при всемъ своемъ стараніи, могъ разобрать только букву Л, да и то съ большимъ трудомъ, потому-что локти и головы жиденькихъ молодыхъ людей заслоняли поминутно отъ его взоровъ даже зеленыя обертки; нимало не сомнѣваясь, однакожъ, что „Пелопонезо-Таврическія Мелодіи“ принадлежали господину, сгорая желаніемъ узнать имя собрата, Дрянковъ

рѣшился протискаться къ прилавку и обратиться къ одному изъ прикащиковъ. Онъ крѣпко сжалъ обѣими руками „Непризнанную Индѣйку“ и принялся тотчасъ-же приводить въ исполненіе свое намѣреніе. Слѣдовало прежде всего пробраться между крошечнымъ старичкомъ, державшимъ огромный фоліантъ, и непомѣрно-толстымъ господиномъ, вертѣвшимъ въ рукахъ миніатюрную дѣтскую книжку. Дрянковъ выбрался наконецъ къ прилавку и очутился противъ молодаго прикащика съ полными, дрожащими щеками.

— Скажите, пожалуйста, кто этотъ господинъ? произнесъ Аполлонъ Егоровичъ, притрогиваясь пальцемъ къ рукѣ прикащика и подмигивая ему на печальную голову собрата, которая, не взирая на свое склонившееся положеніе, все-таки возвышалась на цѣлый аршинъ надъ остальными головами.

— Сочинитель, Леокадій Леокадьичъ Куликовъ, отвѣчалъ прикащикъ, захватывая бѣлыми, какъ кипень, зубами бечевку и притискивая руками кипу книгъ, купленныхъ пожилою дамою съ веселымъ лицомъ.

Дальнѣйшіе разспросы Аполлона Егоровича увѣнчались самымъ неожиданнымъ успѣхомъ. Прикащикъ только-что прочелъ „Пелопонезо-Таврическія Мелодіи“ и потому передалъ Дрянкову весьма много любопытнаго о душевныхъ свойствахъ и сердечныхъ наклонностяхъ Куликову, которыя составляли главную сущность „Мелодій“, прозванныхъ „таврическими“ столько-же для красоты слога, сколько и потому, что авторъ предпочиталъ крымскую природу Сокольникамъ. Веселый Яша (такъ звали румянаго прикащика), отпустивъ книги пожилой дамѣ, снова обратился къ Дрянкову; изъ словъ его оказалось, что „Мелодіи“ даютъ возможность узнать, въ какіе именно часы дня и ночи тоскуетъ или веселится душа Куликова, когда жаждетъ она излиться въ душу дѣвы юга и когда именно въ душу дѣвы сѣвера — и, нѣтъ сомнѣнія, веселый Яша сообщилъ-бы еще много любопытнаго, еслибъ не прервалъ его голосъ хозяина:

— Ну, Яшенька, пошевеливайся! Соблоговолите достать „Дитю Географъ“, верхняя полка, нумеръ тысяча-восемьсотъ-сорокъ-третій, съ краю, сѣрый корешокъ, говорилъ неутомимый Иванъ Петровичъ, подбѣгая къ прикащику, подавая руками и головою знаки нѣсколькимъ покупателямъ и напоминая своею суетливостью того французскаго тамбурмажора, который бьетъ въ одно и то же время непрерываемую дробь на двадцати барабанахъ. — Сію се-

кунду, сударыня: ваша очередь, приказывайте, повелѣвайте! подхватилъ Иванъ Петровичъ, поворачиваясь неожиданно къ дамѣ съ чувствительнымъ лицомъ:—вы, кажется, помнится мнѣ, изволили спрашивать легкое дѣтское чтеніе?... такъ-съ, если не ошибаюсь?...

— Да, мнѣ бы хотѣлось какія-нибудь занимательныя исторійки, которыя дѣйствовали-бы на умъ и особенно на сердце ребенка... Мои дѣтки все почти перечитали... Они до страсти любятъ чтеніе и даже разстроили себѣ нервы... Ахъ, Боже мой, да гдѣ же они? Петинька, Сашенька, Петинька! съ испугомъ промолвила чувствительная дама, обращаясь къ двери магазина, подлѣ которой стояли два мальчика, глазѣвшіе съ пожирающимъ любопытствомъ на лотокъ съ пряниками.

Оба мальчика, оторванные отъ созерцательнаго состоянія голосомъ матери, подошли къ конторкѣ и вперили глаза на кипу занимательныхъ дѣтскихъ исторій, разставленныхъ заботливымъ книгопродавцемъ.

— Милыя дѣтки! очаровательныя дѣтки! любятъ учиться! Науки юношей питаютъ... прекрасно, сударыня! задребезжалъ Иванъ Петровичъ, размахивая руками: — легкое чтеніе, вотъ, сударыня, чего-же лучше? возьмите „Библіотеку Дѣтскихъ Анекдотовъ“, продолжалъ онъ, похлопывая двумя синими книжонками.

И, не дождавшись возраженій, Иванъ Петровичъ раскрылъ первую попавшуюся страницу и прочелъ скороговоркой: „Осмилѣтней Николашенька, услышавъ, что его маменька проиграла тяжебное дѣло, бросился обнимать ее и сказалъ: ахъ! какъ я счастливъ, что вы проиграли сіе скучное дѣло! какъ давно и какъ много вы тревожились онымъ!“

— Ахъ, какъ это мило и трогательно! Очень вамъ благодарна! воскликнула чувствительная дама, взявъ изъ рукъ книгопродавца „Библіотеку Дѣтскихъ Анекдотовъ“.—Петинька, Саша! слышали? продолжала она, обращаясь къ двумъ мальчикамъ: — слышали исторію Николашеньки? Не правда-ли, сколько чувства? Я вамъ непремѣнно куплю эту книгу...

Петинька и Саша ничего не отвѣчали; оба продолжали коситься по направленію къ лотку съ пряниками и леденцами и думали, вѣроятно, что пріобрѣтеніе послѣднихъ принесло бы имъ несравненно больше пользы. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, чувствительная дама купила „Анекдоты“, и Иванъ Петровичъ полетѣлъ

стремглавъ на другой конецъ магазина, гдѣ высилась голова Леокадія Куликова.

Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ послѣдовалъ за нимъ и сталъ за группою тщедушныхъ молодыхъ людей, окружавшихъ поэта, чтобъ удобнѣе попасть въ лучъ зрѣнія книгопродавца.

— А, бонжуръ мусье! какъ живете-можете? Добро пожаловать, господа; измучился: туда Иванъ Петровъ, сюда Иванъ Петровъ... здравствуйте! говорилъ книгопродавецъ, перекидывая обѣ руки черезъ прилавокъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ! запищали молодые люди, пожимая торопливо протянутыя имъ руки.

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ! медленнымъ басомъ проговорилъ Куликовъ:—ну, какъ, скажите-ка, идутъ дѣла! примолвилъ онъ, значительно постукивая ладонью по оберткѣ „Пелопонезо-таврическихъ Мелодій“.

Иванъ Петровичъ заморгалъ глазами и кивнулъ головою. Куликовъ перегнулъ длинную свою шею черезъ прилавокъ, и Дрянковъ явственно разслышалъ, какъ книгопродавецъ шепнулъ ему наухо: „ни одного экземплярчика!“

Леокадій Леокадьевичъ поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Петровичъ, какъ идетъ „Шпора Лермонтова“? спросилъ молодой человѣкъ съ черными встрепанными волосами и блуждавшимъ, безпокойнымъ взглядомъ.

Дрянковъ приподнялся на цыпочки и увидѣлъ, что молодой человѣкъ указывалъ на кипу листовъ, посреди которыхъ красовалась тускло-отлитографированная шпора.

— „Шпора Лермонтова!“ протрещалъ Иванъ Петровичъ, быстро поворачиваясь къ одному изъ прикащиковъ.

— Ни одного экземпляра! крикнулъ веселый Яша съ верхней ступени ручной лѣстницы.

— А мои „Заоблачныя Трельи“? пролепеталъ другой, бѣлокурый молодой человѣкъ, отличавшійся такою вертлявостью, которая заставляла предполагать, что въ спинѣ его, вмѣсто обыкновенныхъ позвонковъ, находился тонкій стальной прутъ.

— „Заоблачныя Трельи!“ крикнулъ Иванъ Петровичъ.

— Ни одного экземпляра! отвѣчалъ веселый Яша, спускаясь съ лѣстницы.

Дрянковъ никакъ не подозрѣвалъ, что всѣ молодые люди,

находившіеся въ магазинѣ, были сочинители, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ удвоилъ усилія, чтобъ обратить на себя вниманіе.

— У насъ въ виду новой проектецъ, почтенный Иванъ Петровичъ, снова заговорилъ вертлявый авторъ „Заоблачныхъ Трельей“. Вотъ, видите-ли, въ чемъ дѣло: покойный Хемницеръ написалъ покойной моей бабушкѣ басню, и басня эта хранится въ рукописи въ нашемъ семействѣ: мы приложимъ къ ней ненапечатанную пѣсенку Мерзлякова, которая находится въ альбомѣ тётушки одного моего знакомаго; Куликовъ обѣщалъ дать намъ свое прекрасное посланіе. „Къ замку на Воробьевыхъ горахъ“; мы, съ своей стороны, также дадимъ по стихотворенію — и все это вмѣстѣ составитъ очень занимательный литературный сборникъ — какъ вы объ этомъ думаете?... Скажите откровенно ваше мнѣніе.

— Печатайте, работайте, трудитесь, господа! Музы — кокеточки, любятъ, чтобъ за ними ухаживали! Но я скажу вамъ: литературный сборникъ нейдетъ, нейдетъ, какъ хотите; три кладовыя однихъ литературныхъ сборниковъ!

Группа молодыхъ поэтовъ испустила глубокій, протяжный вздохъ.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Петровичъ, сказалъ безотраднымъ голосомъ Куликовъ, вздохнувъ въ свою очередь: — идетъ-ли, по-крайней-мѣрѣ, нашъ общій трудъ: „Собраніе стихотвореній“, въ которое каждый изъ насъ принесъ лепту свою — словомъ, продается-ли „Парнасская Звѣзда“?

— „Парнасская Звѣзда?“... сказалъ Иванъ Петровичъ, живо поворачиваясь къ прикащику.

— Ни одного экземпляра! крикнулъ веселый Яша, показывая изъ-за конторки румяное лицо свое.

Сотрудники „Парнасской Звѣзды“ окинули другъ друга изумленными взглядами.

Куликовъ мрачно нахмурилъ брови.

— Странно!... проговорилъ онъ съ презрительнымъ равнодушіемъ: — я, право, не понимаю, чего нужно этой публикѣ.

— А! добро пожаловать! бонжуръ мусье! перебилъ неожиданно Иванъ Петровичъ, замѣтивъ наконецъ Дрянкова и протягивая ему руку: — какъ живете-можете? какъ дѣла печатаете?...

При этомъ воззваніи, молодые поэты, и даже самъ Леокадій Куликовъ, устремили любопытные взоры на Аполлона Егоровича.

— Дѣла мои идутъ очень хорошо, хотя я не приступилъ еще къ печати, отвѣчалъ Дрянковъ, лицо котораго покрылось краскою самодовольствія.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, положилъ свою рукопись на прилавокъ, провелъ рукою по вихрамъ и продолжалъ:

— Я на-дняхъ еще получилъ изъ Петербурга два письма, въ которыхъ еще разъ просятъ меня отдать повѣсть... но я уже говорилъ вамъ, Иванъ Петровичъ, что не раздѣляю ихъ мнѣнія и потому не дамъ ни за что повѣсти... я самъ хочу издать ее...

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, вы прекрасно дѣлаете. Печатайте свое произведеніе на свой счетъ, и печатайте его именно въ Москвѣ, съ живостью сказалъ Куликовъ, подходя къ Аполлону Егоровичу.

— Именно, именно, о-о-очень хорошо сдѣлаете, если не дадите имъ не только повѣсти, но даже строчки! подхватили въ одинъ голосъ всѣ сотрудники „Парнасской Звѣзды“.

Не мѣшаетъ замѣтить, что сотрудники „Звѣзды“ преисполнены были сильнѣйшей ненависти къ петербургскимъ журналамъ, и особенно къ одному, который печаталъ на оберткѣ, что „стихотворенія, признанныя неудобными къ напечатанію, возвращаемы не будутъ“. Негодованіе сотрудниковъ „Звѣзды“ имѣло весьма основательную причину: всѣ они поочередно посылали свои произведенія въ вышеупомянутый журналъ и ни одинъ изъ нихъ не получилъ своей рукописи обратно; къ счастью еще, запасались они всегда другимъ рукописнымъ экземпляромъ, позволявшимъ печатать посланныя стихотворенія на свой счетъ, но только не выпускать изданія въ желтой оберткѣ! Желтый цвѣтъ рѣзалъ имъ глаза. Это не мѣшало имъ, однакожъ, читать желтый журналъ, отъ первой страницы до послѣдней, съ захватывающимъ дыханіемъ.

— Мнѣ очень пріятно встрѣтить человѣка, и притомъ собрата, который раздѣляетъ общее наше мнѣніе, сказалъ Куликовъ, привѣтливо наклоняя голову.

— Я думаю, и всѣмъ намъ одинаково пріятно найти такого собрата, торопливо произнесъ вертлявый авторъ „Заоблачныхъ Трельей“:—очень радъ, что имѣлъ удовольствіе съ вами встрѣтиться... Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Дрянковъ поспѣшилъ удовлетворить общее любопытство, сказавъ, что имя его неизвѣстно, потому-что до-сихъ-поръ печаталъ статьи свои подъ разными псевдонимами.

Вертлявый авторъ „Заоблачныхъ Трельей“, имѣвшій похвальное свойство влюбляться сразу не только въ черноокихъ дѣвъ, но даже въ каждаго человѣка, съ которымъ удалось ему сказать слово, почувствовалъ непреодолимое сердечное влеченіе къ Дрянкову; онъ страстно пожалъ его руку своею рукою и отрекомендовалъ его всѣмъ своимъ товарищамъ.

— Куликова вы уже знаете по его произведеніямъ, говорилъ вертлявый поэтъ, подымая тусклые, голубые глазки на долговязаго господина: — имя его... Ахъ, кстати: читали-ли вы его „Пелопонезо-таврическія Мелодіи“?...

— Нѣтъ еще; но мнѣ было-бы весьма пріятно... отвѣчалъ съ достоинствомъ Аполлонъ Егоровичъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ предложить вамъ экземпляръ, сказалъ Куликовъ, расправляя брови.

— Я только хотѣлъ васъ просить объ этомъ; и если вы такъ добры, позвольте попросить васъ написать своею рукою на оберткѣ мое имя вмѣстѣ съ вашимъ: это будетъ служить мнѣ памятью, сказалъ Дрянковъ, загибая ярко-зеленую обертку.

Улыбка озарила лицо Куликова; онъ взялъ перо и, подмахнувъ, что слѣдовало, съ прибавленіемъ „отъ автора“, подалъ Дрянкову брошюрку.

— Мнѣ также было-бы пріятно оставить вамъ память по себѣ, сказалъ вертлявый поэтъ, страстно пожимая коренастую руку Дрянкова.

Аполлонъ Егоровичъ изъявилъ величайшую радость, и поэтъ чуть не со слезами на глазахъ поднесъ ему эфемерный экземпляръ „Заоблачныхъ Трельей“. Примѣру его не замедлили послѣдовать всѣ остальные, не выключая встрепаннаго, черноволосаго господина съ безпокойно-блуждающимъ взоромъ, который нарисовалъ съ большою готовностью свое имя на листѣ, изображавшемъ „Лермонтовскую Шпору“.

Скрѣпивъ такимъ образомъ дружественныя связи съ собратомъ, сотрудники „Парнасской Звѣзды“ обнаружили живѣйшее участіе къ судьбѣ „Непризнанной Индѣйки“ и, сказавъ, что ждутъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ея появленія въ свѣтъ, покинули книжную лавку.

„Все это прекрасно!“ думалъ Дрянковъ, заботливо расправляя вихры на угловатой головѣ своей. „Конечно, нельзя не радоваться такой встрѣчѣ; кругъ людей, которые могутъ оцѣнить мое произ-

веденіе... Но... но дѣло въ томъ, что они все-таки не помогутъ мнѣ издать „Непризнанную Индѣйку“!

Радостное чувство, посѣтившее на минуту душу бѣднаго проживальщика Ханскихъ-Прудовъ, смѣнилось мгновенно тоскою, когда онъ обратилъ взоръ на тяжеловѣсную рукопись повѣсти, лежавшую рядомъ съ напечатанными брошюрами новыхъ своихъ знакомцевъ. Какъ быть?... Аполлонъ Егоровичъ, подобно утопающему, который хватается за соломенку, рѣшился обратиться еще разъ къ Ивану Петровичу и попросить его принять на себя изданіе рукописи. Полный такой мысли, онъ сдѣлалъ уже шагъ къ конторкѣ, но въ эту самую минуту въ дверяхъ магазина показалось новое лицо, которое поглотило все вниманіе книгопродавца. Новое лицо очевидно принадлежало лакею; сѣрая ливрея съ порыжѣвшими галунами подтверждала краснорѣчивѣйшимъ образомъ такое предположеніе. Не постигая, что общаго могло заключиться между старымъ ливрейнымъ гайдукомъ и произведеніями человѣческой премудрости, Аполлонъ Егоровичъ устремилъ на вошедшаго любопытный взоръ.

— Здорово, дружище; что скажешь? спросилъ, между тѣмъ, Иванъ Петровичъ.

— А что скажу? Ничего, батюшка, не скажу, уныло отвѣчалъ гайдукъ, представлявшій типъ тѣхъ старыхъ слугъ барскихъ домовъ, которые пережили три поколѣнія, носили на рукахъ прадѣдушку, потомъ дѣдушку и наконецъ внучка.

Онъ покачалъ съ безотраднымъ выраженіемъ сѣдую голову и погладилъ обвислые бѣлые бакенбарды свои.

— Ничего не скажу, батюшка, продолжалъ онъ: — зачѣмъ прихожу каждый день, затѣмъ и нынче притащился: баринъ прислалъ...

— Яшенька, пошевеливайся; не продано-ли нынче экземпляра?... Да нѣтъ, промолвилъ Иванъ Петровичъ скороговоркой: — не продано, вѣрно не продано...

— Ни одного экземпляра! отозвался веселый Яша.

— Ну, такъ и есть! подхватилъ книгопродавецъ: — со дня изданія поступило пятьсотъ — пятьсотъ и есть; тѣхъ только недостаетъ, соколикъ, что взяты были назадъ самимъ бариномъ.

— Да скоро-ли, батюшка, конецъ-то будетъ? скоро-ли раскупятъ эти книги-то? воскликнулъ съ отчаяньемъ старый гайдукъ.

— Бываетъ, что и по годкамъ книга пластомъ лежитъ, да

съ рукъ нейдетъ; не покупаютъ, дружище, не наклевываются... Да я вѣдь вчера еще тебѣ говорилъ объ этомъ...

— О-охъ, батюшка! вѣдь и я докладывалъ имъ: Тирсисъ Иванычъ, говорю: вечоръ навѣдался въ лавку—ничего, сударь, не продано; а онъ все свое: все, говоритъ, сходи; въ день много воды утечетъ, авось, говоритъ, одинъ экземпляръ продали! Что ты станешь съ нимъ дѣлать! Вотъ, батюшка, чего не доставало: и помѣстья есть, и чины есть, жили въ спокойствіи, всѣмъ наградилъ Господь—такъ нѣтъ: затѣяли они эту печать, пропадай она совсѣмъ... о-хъ! Такъ вотъ что, батюшка: коли ужъ ничего не продано, такъ отпустите десять экземпляровъ, продолжалъ со вздохомъ старикъ:—я и ломоваго извощика привелъ, словно чуялъ, что ужъ не продано ничего. Да вотъ еще что: баринъ велѣлъ сказать, чтобъ вы, батюшка, поставили эти десять экземпляровъ на его счетъ; да скажи, говоритъ, Ивану Петровичу, чтобъ всѣмъ говорилъ, что продано нынѣшняго числа десять экземпляровъ, а никому-бы, говоритъ, не сказывалъ, что поступили они назадъ къ барину...

— Яшенька соблаговолите въ кладовую! Десять экземпляровъ полнаго собранія Ястребилова, всего четыреста-восемьдесятъ томовъ, проговорилъ скороговоркою Иванъ Петровичъ.

Старый гайдукъ опустилъ голову и медленнымъ, тяжелымъ шагомъ отошелъ къ двери.

Аполлонъ Егоровичъ, заинтересованный въ высшей степени господиномъ, который находилъ удовольствіе раскупать свои собственныя произведенія, подошелъ къ конторкѣ.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Петровичъ, кто этотъ Ястребиловъ?

Имѣя въ виду приступить вслѣдъ затѣмъ къ объясненію по поводу своей рукописи, Дрянковъ проговорилъ это самымъ дружелюбнымъ, заискивающимъ голосомъ.

— Ястребиловъ! воскликнулъ Иванъ Петровичъ, закладывая перо за ухо и взъерошивая быстрымъ движеніемъ руки кудрявые свои волосы: — самый ревностный любитель словесности, поклонникъ музъ и Аполлона, двигатель литературы и книгопечатанія, другъ и покровитель всѣхъ пишущихъ, печатающихъ, издающихъ... почтенный человѣкъ-съ!

Трудно выразить вполнѣ тѣ чувства, которыя взволновали грудь Дрянкова, когда услышалъ онъ о существованіи покрови-

теля всѣхъ пишущихъ, печатающихъ и издающихъ. Поставленный судьбою въ безпрерывное столкновеніе съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, человѣкомъ, постигшимъ въ совершенствѣ искусство владѣть собою, Аполлонъ Егоровичъ послѣдовалъ примѣру великаго мужа и укротилъ біеніе своего сердца. Мало того, онъ облокотился локтемъ на конторку и произнесъ спокойно:

— Я, признаться, не думалъ, чтобъ могли существовать такіе покровители...

— Какъ-съ! Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! возразилъ скороговоркою словоохотливый книгопродавецъ: — да вотъ чего-же лучше, изволили видѣть писателей, что приходили, четверть часа, въ лавку? Всѣхъ вывелъ, какъ циплятъ, Тирсисъ Иванычъ! „Прекрасная Звѣзда“, „Заоблачныя Трельи“, „Пелопонезотаврическія Мелодіи“ обязаны ему своимъ существованіемъ: самъ хлопоталъ и далъ даже денегъ на изданіе—миценатъ-съ!

— Меценатъ?... воскликнулъ Дрянковъ, не вѣря ушамъ своимъ.

— Поощритель...

— Поощритель?... Да, конечно, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, пробормоталъ Дрянковъ, обуреваемый порывами душевнаго волненія. Онъ отошелъ въ сторону и быстрыми шагами принялся расхаживать по магазину.

Внезапно лицо его зардѣлось лучезарнымъ блескомъ, глаза восторженно окинули полки книжной лавки, какъ-будто вездѣ и всюду встрѣчали роскошно-изданные экземпляры „Непризнанной Индѣйки“; онъ подошелъ съ увѣренностью къ конторкѣ и сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Иванъ Петровичъ, дайте мнѣ прочесть сочиненія Ястребилова.

— Съ великою моею радостью; берите, пользуйтесь, читайте-съ, готовъ служить, только не много-ли будетъ? Десятки томиковъ наберутся; поэзія, драмы, оды и трагедіи, посланія, историческія замѣтки, философія, проза, археологическіе отрывки... говорилъ безъ одышки Иванъ Петровичъ.

— Ничего, ничего; я буду брать по два, по три тома... Да вотъ еще что: скажите, пожалуйста, гдѣ живетъ авторъ?

— Никола-Красный-Звонъ, въ собственномъ домѣ...

— Очень вамъ благодаренъ, почтеннѣйшій, весьма даже обязанъ; въ залогъ того, что взятые мною томы будутъ возвращаемы аккуратно, позвольте оставить вамъ мою рукопись...

— Э, къ чему же это? не извольте безпокоиться; берите, пользуйтесь, читайте; вотъ первые два тома: оды, трагедіи, афоризмы— такъ точно! произнесъ книгопродавецъ, заглядывая на обертку двухъ страшнѣйшихъ томовъ и подавая ихъ Дрянкову.

— Эй, дружище! промолвилъ Иванъ Петровичъ, обращаясь къ старому гайдуку, спина котораго, благодаря усердію веселаго Яши, взвалившаго на нее цѣлое изданіе „Полнаго Собранія“, представляла въ эту минуту совершенное подобіе покоробившейся полки (другіе два прикащика, съ помощью ломоваго извощика, укладывали „Полное Собраніе“ на дроги): — скажи, дружище, Тирсису Иванычу, что книга его не расходится, неохотно берутъ читать ее на домъ!

Аполлонъ Егоровичъ подтвердилъ это и нарочно даже подошелъ къ старому драбанту, чтобъ шепнуть ему на-ухо свою фамилію. Затѣмъ Дрянковъ распрощался съ услужливымъ книгопродавцемъ и, обхвативъ одною рукою оды, трагедіи и афоризмы, другою „Непризнанную Индѣйку“ и полученныя на память брошюры, вышелъ изъ лавки въ то самое время, какъ ломовой извощикъ, возсѣдая на вершинѣ „Полнаго Собранія“, тронулся съ мѣста, сопровождаемый гайдукомъ, который медленно выступалъ за дрогами, не переставая мотать головою и дѣлать самые безотрадные жесты.

Какая цѣль воодушевляла Аполлона Егоровича, когда онъ взялъ на себя трудъ прочесть творенія Ястребилова—объ этомъ узнаетъ читатель изъ слѣдующей главы.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

BINDING SECT.
APR 2 8 1975

462778

LR
G8576

Grigorovich, Dmitr
Полное соб
ТОМ 3

Translit.: Polnoe

DATE.	N
Dec. 10/50	V. Staun
Feb. 23/51	V Staun
FEB. 8/54	D. REWOTS STUDIES
May 4, 1955	Returned